

Том 2

Архив полковника Хауза

«Вопрос о том, что нужно и возможно делать в России, доводил меня до изнеможения. Эта проблема, как ртуть, ускользала при прикосновении к ней» (Вудро Вильсон в письме к Хаузу).

Историческая библиотека

Историческая библиотека

Архив полковника Хауза

Избранное в двух томах

Том 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Астрель
Москва
2004

УДК 94(73)
ББК 63.3(7Сое)

А83

Серия основана в 2001 году
Текст подготовлен по изданию: Архив полковника Хауза. Том III. - М.:
Государственное социально-экономическое издательство. 1939;
Архив полковника Хауза. Том IV. - М.: ОГИЗ Государственное
издательство политической литературы, 1944

Перевод с английского
В. В. Прокунина

Комментарии профессора истории
Йельского университета Чарлза Сеймура

Оформление обложки — дизайн-студия «Дикобраз»

Архив полковника Хауза. Избранное. В 2 т. Т. 2 / Коммент. Ч.
А83 Сеймура; Пер. с англ. В. В. Прокунина; Предисловие А. И. Ут-
кина. - М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Издательство Аст-
рель», 2004. — 744, [8] с.: ил. - (Историческая библиотека).

ISBN 5-17-025225-0 (кн. 2)

ISBN 5-17-013524-6 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-217-09331-X (кн. 2)

ISBN 5-271-09592-4 (ООО «Издательство Астрель»)

Во втором томе архива полковника Хауза — советника президента
США Вильсона — собраны материалы из дневника Хауза и его перепис-
ки с президентом и другими политическими деятелями за период с
марта 1917 г. по ноябрь 1919 г. Книга освещает участие США в мировой
войне 1914 — 1918 гг., организацию иностранной интервенции против
Советской России, созыв Парижской мирной конференции и роль
США в подготовке Версальского договора.

УДК 94(73)
ББК 63.3(7Сое)

Общероссийский классификатор продукции ОК - 005 -93, том 2;
953004 - литература научная и производственная
Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004

Подписано в печать 15.07.2004.
Формат 84х108^{1/32}. Усл. печ. л. 39,90.
Тираж 5000 экз. Заказ № 2174.

ISBN 5-17-025225-0 (кн. 2)
ISBN 5-17-013524-6 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-217-09331-X (кн. 2)
ISBN 5-271-09592-4 (ООО «Издательство Астрель»)

© ООО «Издательство Астрель», 2004

ГЛАВА I

ВСТУПЛЕНИЕ В МИРОВУЮ ВОЙНУ

Когда президент, отказавшись от своей мирной политики, решил принять участие в войне, он сделал это с той твердой целеустремленностью, которая всегда руководила его поступками...

*Из письма Хауза лорду Брайсу
от 10 июня 1917 г.*

1

«Настал день, — сказал президент Вильсон в своем обращении к конгрессу 2 апреля 1917 г., — когда Америке дано почетное право пролить свою кровь и применить свою силу во имя принципов, которым она обязана и своим происхождением, и счастьем, и миром, столь высоко ею ценимым. Да поможет ей бог, она не может поступить иначе». Этими словами президент как бы напутствовал Соединенные Штаты на то, что он считал крестовым походом в защиту нового международного порядка, в защиту «стойкого, борющегося за мир концерта держав», который должен гарантировать «права великих и малых наций и возможность для всех людей выбирать свой государственный строй и государственную принадлежность». С такой же силой высказал он свое убеждение, что поставленная цель может быть достигнута только после поражения германского милитаризма. «Мы рады, что мы видим теперь действительность без лживой оболочки, ее окружающей, что мы можем сражаться за установление на земле вечного мира, за освобождение народов».

Глубокая и, кажется, непроходимая бездна отделяла того Вильсона, который в январе возвещал Хаузу: «войны не бу-

ГЛАВА I

дет», от Вильсона, требующего в апреле согласия конгресса на объявление войны. Мост через эту бездну было не так-то легко перекинуть, и новый путь, возможно, не был бы проложен, если бы Вильсон не видел по другую сторону бездны не столько военный триумф и наказание врага, сколько неясные контуры новой международной структуры, при создании которой Соединенные Штаты могли сыграть руководящую роль. Вожди Германии сами доказали ему открытием беспощадной подводной войны, что никакой другой политический курс и не был возможен. «Начиная с этого времени, — писал германский посол, — он рассматривал императорское правительство, как морально осужденное»¹.

Президент Вильсон решил, раз мост уже переброшен, вести войну с крайней энергией. Благодаря свойственному ему темпераменту и убежденности, он был, вероятно, столь же упорен в решении довести войну до полного поражения Германии, как ранее был он медлителен в отказе от политики нейтралитета. «Когда президент, отказавшись от своей мирной политики, — писал полковник Хауз лорду Брайсу 10 июня 1917 г., — решил принять участие в войне, он сделал это с той твердой целеустремленностью, которая всегда руководила его поступками». Эта решительность все укреплялась по мере того, как выяснялось, что надежды на скорую победу вряд ли осуществятся. Должно было пройти много месяцев напряженных усилий, прежде чем Соединенные Штаты смогли оказать союзным державам активную военную помощь. За это время военное счастье перешло, казалось, на сторону Германии.

На западном фронте заботливо составленные планы, имевшие целью развитие наступления на Сомме, были расстроены сменой командования союзников, явившейся результатом поражения, понесенного в апреле генералом Нивеллем около Шмен-де-Дам. Во Франции разразился кризис, вызванный военной усталостью. До конца года французская армия, подвергнутая моральной и материальной реорганизации под руководством генерала Петэна, была неспособна предпринять большое

¹ *Bernstorff, My Three Years in America*, p. 385.

ВСТУПЛЕНИЕ В МИРОВУЮ ВОЙНУ

наступление. На Востоке русская мартовская (февральская) революция привела к развалу как экономической, так и военной организации. Ее неизбежным следствием явилось разложение моральной стойкости и дисциплины во всех ее видах. Союзники не могли более рассчитывать на помощь восточного колосса, оказавшего им такую поддержку в 1914 и 1916 гг.

В то время как события на двух главных боевых фронтах спасли Германию от поражения, казавшегося после битвы на Сомме неизбежным, она пустила в ход свои подводные лодки, на атаки которых ее вожди смотрели, как на отчаянную ставку, могущую дать решительную победу. «Это была рискованная, но не необдуманная ставка...»¹

Великобритания стала в то время главной опорой Антанты; ее войска должны были выдерживать напор врага в течение всего периода времени, нужного Петэну, чтобы вернуть французским армиям прежнюю мощь; амуниция, тоннаж, финансовый кредит Великобритании стали решающими факторами войны, выиграть которую должна была сторона, имеющая наибольшие резервы. Франция вынесла на себе главные удары великих германских атак 1914 и 1916 гг.; теперь настала очередь англичан. Это обстоятельство должно было поддержать надежды немцев на то, что если их подводные лодки смогут изолировать Англию и уничтожить ее торговый флот, то война кончится победой Германии. И хотя успех беспощадной подводной войны оказался по прошествии трех месяцев менее значительным, чем ожидалось, он был все-таки достаточным для того, чтобы привести Англию, а с нею и всю Антанту к весьма реальной опасности.

«Все военные успехи союзников оказались вскоре под внезапной угрозой катастрофы, — пишет глава комитета морского транспорта союзников, — и над всеми главными европейскими союзными странами нависла неизбежная опасность голода.

...Были поколеблены начальные успехи новой кампании. За первые три месяца подверглись уничтожению 470 судов океанского класса (если включить суда всех классов, то общее

¹ *Salter, Allied Shipping Control*, p. 121.

ГЛАВА I

число дойдет до 1000). Только за две недели апреля были потоплены 122 океанских судна. Величина потерь, понесенных океанским флотом англичан в течение этих двух недель, была эквивалентна 25% среднего количества находившихся в пути судов; из каждых четырех судов, покинувших гавани Англии и Ирландии для заокеанского плавания, одно было потеряно до его возвращения. Дальнейшие потери в таком размере имели бы следствием бедственное положение на всех союзных фронтах и могли довести до безоговорочной сдачи»¹.

Почти столь же жизненным фактором успеха союзников, как английский флот, являлось и поддержание английского кредита, который за два предшествующих года обеспечивал в значительной степени покупку необходимых Антанте запасов снаряжения. Английское золото и английский кредит оплачивали ту массу пищевых продуктов, снаряжения и различных изделий промышленности, которую экспортировали Соединенные Штаты в союзные страны; Великобритания не только финансировала свою собственную военную торговлю, но авансировала огромные военные кредиты Франции, Италии и более незначительным союзникам. Весна 1917 г. привела английские финансы на край бездны. Английские балансы в Соединенных Штатах были близки к полному истощению. Кажется вполне определенным, что без прямой финансовой поддержки со стороны правительства Соединенных Штатов торговля между Америкой и союзными странами была бы прекращена, военные нужды союзников остались бы неудовлетворенными, а кредит союзных стран был бы разрушен. Бальфур, на протяжении своей долгой карьеры всегда избегавший преувеличений, заявляет вполне определенно, что «бедствие было неизбежно».

2

Соединенные Штаты вступали, таким образом, в войну в тот момент, когда военное, экономическое и политическое положение стран Антанты ухудшилось до степени, правильно

¹ *Salter, Allied Shipping Control*, p. 77, 121.

ВСТУПЛЕНИЕ В МИРОВУЮ ВОЙНУ

оценить которую могли только очень немногие посвященные лица в Соединенных Штатах и не слишком большое число таких же лиц в Европе. Произнесенная 2 апреля президентом Вильсоном речь, возвещавшая объявление войны, была принята всюду в стране со своего рода спокойным удовлетворением; его долготерпение убедило почти всех, что участие в войне было нам насильственно навязано; нация постепенно проникалась желанием содействовать всеми возможными способами поражению Германии. Но у всех было такое впечатление, что Германия находится на исходе своих сил, лишь немногие подозревали, что шансы победы и поражения по-прежнему уравновешены; трудно было предположить, что, если усилиям Америки суждено перевесить чашу весов, нужно довести эти усилия до огромного напряжения и приложить их немедленно.

Даже те американцы, которые обладали многочисленными и авторитетными источниками информации, только постепенно пришли к правильной оценке того, насколько серьезно было с точки зрения союзников сложившееся положение. Это не покажется нам удивительным, когда мы вспомним о том, что война приняла столь широкий размах, что ни один человек в Европе не обладал достаточно широким кругозором, охватывающим ее как целое, что необходимы были самого различного вида известия о неудачах военных и политических, для того чтобы характер проблемы, стоявшей перед союзниками, стал вполне ясным.

В архиве полковника Хауза находится большое количество писем и донесений, полученных из Европы и отражающих постепенное возрастание потребности в помощи Америки. В февральские дни они отражают ликование Антанты по поводу вручения паспортов Бернсторфу и перспектив участия Америки в войне. Письмо лорда Брайса Хаузу от 16 февраля намекает, правда, что в случае вступления Америки в войну «небольшое количество» войск Соединенных Штатов должно быть направлено на фронт; но Брайс, очевидно, имеет в виду скорее моральный, чем военный эффект и говорит об «уже впавших в уныние немцах». В начале марта, однако, Хауз за-

ГЛАВА I

писывает разговор с одним другом, «который недавно вернулся из Англии и рассказывал печальную историю... Это важно, так как он один из самых близких друзей генерала лорда Френча и, вероятно, отражает взгляд самого Френча».

Сам Хауз после разрыва дипломатических отношений с Германией, но еще до нашего формального вмешательства в войну, очевидно, не являлся сторонником посылки на Европейский континент больших экспедиционных сил. Он соглашался с настойчивостью Вильсона в отношении наиболее законченной промышленной организации, которая могла потребоваться, чтобы объединить всю мощь Соединенных Штатов против Германии, но он опасался, что попытка создания полного военного механизма в нашей стране и наше желание непосредственно выступить на поле битвы отвлекут нашу энергию от менее видной, хотя более существенной задачи: помощи союзникам наиболее желательным для них способом. В письме к президенту, написанном за две недели до объявления войны, Хауз ясно высказывает свое мнение.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 19 марта 1917 г.

«Дорогой начальник!

Капитан Герарди, наш морской атташе в Берлине, возвращаясь через Париж, сообщает мне, что французское адмиралтейство и офицеры французской армии поставили его в известность о том, что Франция очень нуждается в стальных болванках, каменном угле и другом сырье. Они говорили ему также, что настоящая война будет выиграна нациями, которые дольше сохраняют нравственную стойкость.

По их оценке, моральная устойчивость французских войск после разрыва Соединенных Штатов с Германией поднялась на 25%.

Напряжение, требуемое от англичан проблемой снабжения военными материалами России, Франции и Италии, столь велико, что они неспособны в дальнейшем укомплектовывать свою армию.

ВСТУПЛЕНИЕ В МИРОВУЮ ВОЙНУ

Все, с кем я ни разговаривал, чтобы связаться с английским и французским правительствами, говорят мне, что, если мы предполагаем содействовать поражению Германии, мы должны безотлагательно начать снабжать союзников теми предметами, в которых они ощущают недостаток.

Мне кажется, мы должны образовать огромный запас, чтобы поставлять союзникам все, что им наиболее необходимо. Никто не относится с одобрением к шуму, поднятому у нас по поводу создания нами в настоящий момент большой армии. Мне думается, будет лучше, если мы позволим волонтерам вступать в армии союзников.

Мне кажется, мы не можем дольше закрывать глаза на тот факт, что мы уже начали войну и что, если мы будем видеть нашу цель в том, чтобы бросить все наши ресурсы против Германии, это быстро сломит ее дух и приведет к скорейшему окончанию войны.

Любящий вас Э. М. Хауз.

Мнение Хауза, что образование большой американской армии будет нецелесообразно, несомненно, разделялось многими американцами в то время¹. Что это мнение было неправильным, выяснилось только после событий, разразившихся весной. Эти события показали полное банкротство французской наступательной кампании и крушение военной мощи России. Хауз сам переменял свое мнение, когда получены были известия об увеличении опасности. Наиболее убедительным в этом отношении было письмо, присланное Хаузу, с целью информировать президента, его другом Артуром Ог Фрэйзиром, советником американского посольства в Париже. Сообщения Фрэйзира основывались, по его словам, на «самой конфиденциальной информации... доставленной француз-

¹ Это мнение разделялось многими на Европейском континенте. Андре Тардьё пишет («France and America», p. 218): «Каждый смотрел на США, как на огромный резервуар, который может питать Европу свежими силами и военными материалами. Никто не думал, что США способны создать новую армию, чтобы присоединить ее к армиям, уже находящимся на фронте. Каждый считал такую пробу опасной».

ГЛАВА I

ским военным министерством». По его мнению, было «очевидно, что так называемая «информация» на эту тему, которая публикуется в газетах, очень неточна и вдобавок слишком оптимистична».

Французский меморандум изображал положение в мрачных красках, может быть, для того, чтобы выразить более эффективно необходимость немедленной помощи. Но и в этом случае нельзя было оставить без внимания ни статистических данных относительно численного соотношения французских и немецких войск, ни выводов французского военного министерства, говоривших о том, что и после тысячи дней войны Германия по-прежнему обладает могущественным как в военном, так и в политическом отношении аппаратом, сильным не только своим людским составом и материальной оснащённостью, но и своей солидарностью.

Позиция, занятая президентом Вильсоном в отношении американского сотрудничества, была такова, что во всех крупных вопросах США должны руководствоваться опытом, приобретенным союзниками в течение почти трех лет борьбы. Если союзники нуждаются в экспедиционном корпусе, чтобы поднять их дух или их материальные силы, то он предполагал, что США должны послать такой корпус. То, что американские войска стали столь же необходимыми для победы союзников, как и американская амуниция, являлось естественным следствием все более определенных и многочисленных сообщений о развале русского фронта. В середине мая Хауз получил донесение американского агента в Германии, пересланное ему Морисом Игэном, американским полномочным министром в Копенгагене.

Донесение о положении в Германии

«Россия рассматривается с военной точки зрения как бывшая на этот год из строя. Благодаря этому создается огромная (германская) резервная армия для Запада, наибольшая резервная армия, которую имела Германия в течение этой войны. Офицеры и солдаты с восточного фронта, с которыми я

ВСТУПЛЕНИЕ В МИРОВУЮ ВОЙНУ

говорил, сообщили мне, что русские и германцы свободно братаются между линиями окопов. Затишье на Востоке позволило Германии сосредоточить все военные запасы на Западе.

Сильное уныние в Германии, замечавшееся два месяца назад, рассеяно успехами подводных лодок, поскольку о них сообщается в германских газетах.

Еще никогда в течение войны уверенность не была такой крепкой, как в настоящем году.

С питанием дело обстоит лучше, чем я предполагал. Ближайшие восемь недель покажут, не станет ли оно много хуже; но русский хаос, успехи подводных лодок, провал французского и английского наступления на Западе укрепили стойкость народного духа, и имеющееся недовольство значительно меньше, чем я думал.

Военные круги рассматривают выступление Америки как признание со стороны Англии, что она не смогла победить Германию и сняла с себя роль руководителя в войне против нее, что война ведется теперь фактически между Германией и Америкой...»

Чарлз Грэсти, репутация которого как журналиста гарантировалась его многочисленными личными связями и источниками информации, писал Хаузу из Лондона, что к моменту вступления США в войну французы были при последнем издыхании и трения между политическими и военными элементами по-прежнему омрачали положение.

Месяцем позже Хауз рассматривал европейское положение с крайним беспокойством. Английское министерство иностранных дел как раз прислало ему тревожную каблограну, дающую отчет об остром финансовом кризисе и выясняющую необходимость немедленной помощи. Он записал в своем дневнике в последний день июня: «Паническая каблогранма, полученная мной вчера, бьет тревогу. Я вижу признаки утомления воюющих сторон; разрушительный процесс принимает все большие размеры. Мои письма из Франции показывают, что положение там приняло серьезный характер и еще вопрос, будет ли она способна выдержать войну в течение года. Я рассчитывал на помощь Великобритании,

ГЛАВА I

но если она потерпела финансовый крах, так как некоторые акции ее упали в цене, а некоторые долги не покрыты, то положение неуспокоительно».

3

Через несколько лет после окончания войны полковник Хауз писал: «Вне зависимости оттого, насколько обескураживающим могло казаться положение в некоторые отдельные моменты, мое убеждение в конечном успехе никогда не колебалось благодаря, главным образом, моей полнейшей уверенности в способности Вильсона к роли руководителя народа». Качества президента никогда не проявлялись более эффективно, чем в самый момент нашего вступления в войну, когда он внушил нации мысль, что каждый гражданин был, в сущности говоря, солдатом; с помощью этого внушения он вызвал не только энтузиазм, но и готовность к организованной дисциплине, которой трудно было ожидать от народа, столь склонного к индивидуализму.

«В том смысле, в каком мы обыкновенно думали о военной службе, — говорил Вильсон, — военной службы в этой борьбе нет, имеются целые вооруженные нации... Нация нуждается во всех своих сынах, но она в них нуждается не только на поле сражения, что дало бы им наибольшее удовлетворение, — она старается, чтобы каждый из них наилучшим образом служил общему благу. Так, например, хотя искусному стрелку нравится управлять паровым молотом для поковки больших орудий, а искусный машинист желает маршировать за знаменем, нация сильна только тогда, когда искусный стрелок марширует, а машинист остается за своими рычагами. Вся нация должна быть командой, в которой каждый игрок ведет ту игру, для которой он лучше всего подходит».

Не наименьшей из побед США было то, что нация была приготовлена к тому, чтобы нести свою часть боевых усилий, и сотрудничала с энтузиазмом в организации национальных ресурсов. В Соединенных Штатах, не имевших бюрократического аппарата, подобного бюрократическому аппарату Евро-

ВСТУПЛЕНИЕ В МИРОВУЮ ВОЙНУ

пы, в которой необходимая работа по координации национальной промышленности для снабжения армии могла начаться немедленно, процесс этот неизбежно носил случайный характер. Каждая фирма в каждой отрасли продукции состязалась в выработке существенных и несущественных продуктов, в транспортировании, в продаже и найме необходимой рабочей силы. Сама армия была децентрализована, не оформляла или не формулировала своих требований как единый организм, а делала это через пять бюро по снабжению, которые действовали независимо и конкурировали друг с другом. Цены материалов различных бюро не были согласованы как между собой, так и с ценами военного флота и союзников. Эффективная помощь США Европе могла начаться только после приведения этого хаоса в порядок, и, как вытекало из природы вещей, прошли многие месяцы, пока необходимая централизация была обеспечена генеральным штабом в чисто военной сфере или департаментом военной промышленности — в сфере промышленной.

Характерно, что президент избегал по возможности создания нового организационного аппарата. Он всегда верил в эволюцию больше, чем в революцию. Именно эта тенденция, а не только партийная принадлежность, побудила его отклонить требование о создании коалиционного кабинета, долженствовавшего включить в себя членов республиканской партии. Как знаток политики, он никогда не имел доверия к продуктивности коалиционного правительства и предполагал, что требование основывалось на эгоистических мотивах.

С другой стороны, президент Вильсон решил не допускать проведения политики отдельных партий в деле организации войны. Он говорил Хаузу в феврале, что, поскольку дело касалось службы по ведомству иностранных дел, он не позволял партийным организациям оказывать влияние на выбор подходящих кандидатов и что нужно применять тот же принцип к военным назначениям. Полковник Хауз был совершенно того же мнения и делал все, что мог, чтобы ликвидировать разногласия между республиканцами и демократами. Он обсуждал организацию нижней палаты конгресса с Вилькоксом, председателем

ГЛАВА I

республиканского комитета. В марте он писал президенту по поводу сообщения британского посла о том, что сенатор Лодж «выразил желание сотрудничать с президентом в будущем»: «Сэр Сесиль полагает, что если вы пойдете навстречу Лоджу, то это можно осуществить. Если вы заполучите Лоджа, то, вероятно, с ним вместе присоединятся и другие республиканские сенаторы комиссии иностранных дел». Несколькими неделями позже Хауз писал: «Я доволен, что вы виделись с Рузвельтом. Надеюсь, что вы пошлете также за Лоджем. Создается впечатление, что вы можете рассчитывать на широкую поддержку республиканской партии, чтобы довести до конца ваши военные мероприятия. Читали ли вы великолепную речь, которую Рут произнес вчера вечером в республиканском клубе?»

Как оказалось, личное сотрудничество между членами правительства и лидерами республиканской партии никогда не было особенно сердечным, хотя разногласия, по общему согласию, не проявлялись при дебатах в конгрессе. Но президент Вильсон, делая назначения на главные военные и гражданские посты новых военных департаментов, производил свой выбор, не обращая внимания на политические факторы и, вероятно, в общем не зная, каковы могут быть партийные связи назначаемых. Достаточно указать хотя бы на назначение таких людей, как Першинг, Симс, Гувер, Готзэлс, Шваб, Дэвисон. Правда, ни полковнику Рузвельту, ни генералу Вуду не были предоставлены командные посты во Франции, но имеется множество доказательств, что в каждом данном случае решение было принято не президентом, а военными экспертами генерального штаба.

В этой новой военной организации полковник Хауз не занимал никакого официального положения и не выполнял никаких официальных функций. Президент предложил ему «с величайшей готовностью и немедленно» любое место, какое он сам пожелает. Но Хауз всегда предпочитал избегать службы. Однако, благодаря своим личным отношениям с Вильсоном и согласно желанию президента, он был втянут в непрерывный ряд информационных совещаний, главное содержание которых, когда оно представляло важность, переда-

ВСТУПЛЕНИЕ В МИРОВУЮ ВОЙНУ

валось в Вашингтон, а если было не важно, откладывалось в сторону, чтобы не обременять и без того перегруженного служебного персонала. Хотя Хауз редко бывал в столице, он ежедневно разговаривал с членами правительства и президентом, пользуясь прямым телефонным проводом, соединявшим его рабочий кабинет с государственным департаментом. «Нужно только снять телефонную трубку, и я немедленно приближаюсь к конторке Полка... Это дает мне постоянный контакт с Вашингтоном». Когда Хауз покидал летом Нью-Йорк, телефонная линия протягивалась до Магнолии, так что его прямая связь со столицей не прерывалась.

Те, что планировали мобилизацию научных и промышленных сил, посылали ему свои меморандумы для критики; промышленники писали ему о собственном методе регулирования добычи каменного угля или о железнодорожной проблеме; финансисты просили обратить внимание на выработанный секретарем финансового департамента план налогов; морские эксперты — на политику секретаря Дэниэлса; журналисты — на неудовлетворительные отношения между правительством и прессой, «которые невыносимо запутались... Если немного привести их в порядок, то это будет иметь огромное влияние на ведение войны». Пацифисты посылали Хаузу планы идеального регулирования мировых отношений; эксперты или псевдоэксперты писали относительно обезвоживания пищевых продуктов, уничтожения на корню урожая Германии посредством соли, разбросанной с аэропланов, введения системы передвижных кино, чтобы усилить агитационные речи патриотических ораторов.

Если бы полковник Хауз передавал Вашингтону сотую часть просьб или информации, которые таким образом поступали к нему, то невероятно, чтобы он сохранил долго поддерживавшиеся дружественные отношения с правительством. То, что поступало через него в профильтрованном виде, очевидно, рассматривалось, как имеющее цену, так как письма президента дышали не только любовью, но и благодарностью. «Все это время я чувствую благодарность к вам... и прошу вас и впредь поступать все так же... Вы можете совершенно удовлетворительно отвечать на мои возражения... Не напишете ли

ГЛАВА I

вы мне снова?.. Ваш благодарный друг... Я поглощаю ваши письма и извлекаю из них пользу».

Президент Вильсон просил совета Хауза, как и в ранние дни своего правления, при производстве новых назначений и устройстве новых организаций, возникавших в результате нашего вмешательства в войну. Президент поручил ему развить предложение Клевлэнда Доджа о том, чтобы побудить Х. П. Дэвисона принять на себя военную организацию американского Красного креста. «Додж хочет видеть Дэвисона главой исполнительной власти Красного креста, — писал Хауз в апреле, — думая, что это решит спор между предложенными пятью миллионами и потребными пятьюдесятью миллионами». Дэвисон развернул огромную работу, которую Хауз позднее описал, как «может быть, наиболее чистый образец административного руководства за все время войны». Благодаря личным встречам и письмам Хауз был хорошо осведомлен о первоначальных затруднениях, встреченных Дэвисоном.

Президент Вильсон точно так же просил Хауза сойтись с Гувером, свершившим чудо помощи бельгийцам, относительно условий, на которых он принял бы на себя руководство продовольственным делом. 6 апреля Ог Джибсон, который в качестве секретаря американской миссии в Брюсселе имел тесные отношения с Гувером, написал Хаузу, что «он (Гувер) явно и страстно желает взяться за работу»; Джибсон приложил каблограмму Гувера: «Помощь будет вполне организована в течение десяти дней, и я освобожусь для другой подходящей службы, если понадобится». 18 апреля Нормэн Хэпгуд писал Хаузу, что Гувер отплыл в США. «Он до некоторой степени обеспокоен: он не желает браться за работу, если она не гарантирует ему достаточной независимости, позволяющей сделать ее удачно, т. е. он не хотел бы работать, подчиняясь какому-либо департаменту. Я написал это несколько более тактично президенту и секретарю Хаустону, но вам я могу говорить прямо».

Гувер высадился в Нью-Йорке 3 мая и попал к Хаузу после полудня. «Он имеет хорошо продуманный и широкий план, — записал в свой дневник Хауз, — при условии, что только он будет приводить его в исполнение... Гувер знаком с продовольст-

ВСТУПЛЕНИЕ В МИРОВУЮ ВОЙНУ

венным вопросом, как никто другой, он имеет энергию и движущую силу».

«2 мая 1917 г. Сегодня завтракал со мной японский посол, и мы беседовали с ним более двух часов. Мы говорили наедине. Я очень рад войти в контакт с восточной дипломатией. Сато способный человек и хорошо поддерживает свое положение. Я получил некоторое представление о японском правительстве и о конституционных условиях, при которых оно работает.

Наиболее важный момент разговора наступил, когда он спросил меня, является ли сейчас момент подходящим для его правительства, чтобы поднять перед вашингтонским правительством вопросы, не разрешенные между ними. Он сказал, что, когда кончится война, должны быть устранены все причины, могущие вызвать трения между США и Японией. Это, заявил он, соответствует, насколько он понимает, и желанию президента. Я предложил ему высказать точнее, что он имеет в виду. Он указал на закон о земельной собственности и на наши законы об иммиграции как на факты, задевающие национальную чувствительность Японии больше каких-либо других фактов. Он думает, тем не менее, что если между обеими странами может быть заключено соглашение, по которому западные штаты США откажутся от издания новых чрезвычайных законов против японской иммиграции, то Япония может быть удовлетворена этим.

Он понимает затруднения, которые возникают перед нашим правительством благодаря праву отдельных штатов издавать законы, вступающие иногда в противоречие с общенациональной политикой и международными договорами.

Я посоветовал Сато не поднимать этого вопроса в настоящее время официально, так как это может создать впечатление, словно японское правительство намеренно старается форсировать решение вопроса как раз в то время, когда США начали войну против центральных держав. Я посоветовал ему дать мне меморандум, выражающий взгляды его правительства, так чтобы вопрос мог быть рассмотрен неофициально. Сато понял суть дела и согласился поступить согласно моему совету. Он представит мне меморандум после возвращения в Вашингтон. Он колебался, однако, относительно того, должен ли он изложить

ГЛАВА I

свои высказывания письменно, говоря, что его правительство не уполномочило его поднимать вопрос официально».

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 11 мая 1917 г.

«Дорогой начальник!

На прошлой неделе со мной завтракал японский посол. Перед концом нашего разговора он пожелал узнать, не считаю ли я, что настало подходящее время, чтобы начать переговоры о несогласиях, существующих между двумя нашими правительствами...

Я прилагаю копию его письма, меморандум и мой ответ. Когда у вас будет свободное время, не дадите ли вы мне совет относительно всего этого? Если Россия качнется назад, к самодержавному правительству, то я думаю, что тесное сближение между Германией, Японией и Россией несомненно.

Уолтер Роджерс только что вернулся с Дальнего Востока... Он настоятельно советует лучше обслуживать информацией Японию, Китай и Россию. Я не хочу вдаваться в детали, но, судя по тому, что я узнал не только от Роджерса, но и от других, это является одной из неотложных нужд данного момента.

Общественное мнение как Японии, так и Китая считает, что мы почти так же не хотим сражаться, как сам Китай, и до народов этих стран не дошло никаких сведений ни о наших военных приготовлениях, ни о ваших посланиях конгрессу.

Это все может быть изменено ценой незначительных расходов.

Любящий вас Э. М. Хауз».

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 18 сентября 1917 г.

«Дорогой начальник!

Я имел сегодня разговор с Ролэндом Моррисом¹. Я надеюсь, вы поговорите с ним десять или пятнадцать минут до его

¹ Вновь назначенный посол США в Японии.

ВСТУПЛЕНИЕ В МИРОВУЮ ВОЙНУ

отъезда в Японию (в ближайший вторник), чтобы изложить ему вашу точку зрения на дальневосточные проблемы. Мне кажется, что он сам имеет правильный взгляд на вещи и, если вы согласны с этим взглядом, поймет, в каком направлении нужно действовать.

Мы не можем удовлетворить желаний Японии как в отношении земельного вопроса, так и в отношении иммиграции, и если мы не сделаем некоторых уступок, касающихся японской сферы влияния на Востоке, то раздор с Японией рано или поздно неизбежен. Япония отстранена от какого-либо участия в эксплуатации отставших в своем развитии стран, и если ее влияние на Востоке не будет признано в столь же высокой степени, как влияние западных держав, то она отомстит за это.

Может быть формулирована политика, оставляющая в силе принцип открытых дверей, восстанавливающая в правах Китай и удовлетворяющая Японию. Моррис ясно видит это, но нуждается в вашей санкции, если, правда, такая политика имеет вашу санкцию.

Любящий вас Э. М. Хауз».

С новым русским послом Временного правительства полковник Хауз также поддерживал тесные отношения. Не раз в течение лета русский уполномоченный посещал его, очевидно думая, что через полковника он может непосредственно представить президенту Вильсону сведения о все возрастающей нужде России во внешней помощи, которая одна только и могла ее спасти от полного развала. Хауз поддерживал его мольбы о помощи.

«Я не представляю себе, что мы можем оказывать слишком много внимания положению в России, — пишет он президенту, — так как если она изменит нам, то наши бедствия будут велики и многочисленны».

Отношения Хауза с французским и английским послами были совершенно другого характера, так как они основывались на искренней личной дружбе. Он преодолевал вместе с ними затруднительные проблемы дней американского ней-

ГЛАВА II

тралитета, когда интересы США часто непосредственно сталкивались с интересами союзных держав. Эти разногласия, конечно, не поколебали уверенности послов в Хаузе и, несомненно, не затронули чувства уважения и любви, которые Хауз питал к послам. «Жюссеран знает Америку, — пишет Хауз, — так же хорошо, как он знает Европу. Его близость к личности и взглядам президента, объясняемая его долгим пребыванием в Вашингтоне, была ценна во многих опасных положениях. Жюссеран был долгое время наиболее тесной связью между Францией и США, и он заслужил уважение и хвалу обеих стран».

Принимая во внимание дружбу Хауза с послами Франции и Англии, так же как и его европейский опыт и его контакт с политическими руководителями союзных держав, президент Вильсон оказывал особое доверие мнению полковника по поводу всех вопросов внешней политики. «Вы лучше осведомлены, — писал он ему в начале лета, — о том, что говорят и думают по ту сторону океана, чем мы здесь».

Поэтому не было ничего неестественного в том, что Вильсон должен был призвать Хауза к активному участию в первой важной конференции с представителями союзников, которая имела место вскоре после нашего вмешательства в войну.

ГЛАВА II

МИССИЯ БАЛЬФУРА

Мне понравилось, что Бальфур отнесся с энтузиазмом к предложению, чтобы Великобритания и США вместе стояли за справедливый мир...

Из дневника Хауза, 22 апреля 1917 г.

1

Президент Вильсон добился того, чтобы новая военная организация США развивалась не по абстрактным принципам, а непосредственно приноравливалась к особым нуждам союз-

МИССИЯ БАЛЬФУРА

ников. Эта проблема не могла столь быстро приобрести свое значение для войны как проблема снабжения союзников тем, в чем они испытывали постоянную нужду, т. е. людьми, кораблями, кредитами. Вступление США в войну резко повысило потенциальные ресурсы антигерманской группы, но оно имело бы незначительную практическую ценность, если бы дало только изолированное усилие, а не реальное сотрудничество. Германия считала вероятным, что усилие Америки, предпринятое без соответствующей подготовки, не окажет влияния на исход войны, которая будет решена действиями подводных лодок. Игра Германии могла быть выиграна, если бы между потребностями союзников и возможностью для США удовлетворить эти потребности не была сразу установлена тесная взаимосвязь. Сэр Уильям Уайзмэн писал Хаузу в сентябре 1917 г.: «Наибольший актив Германии — это три тысячи миль, которые отделяют Вашингтон от Лондона».

Бесполезность изолированного американского усилия была остро осознана президентом и его советниками, и то обстоятельство, что полное сотрудничество было в конце концов достигнуто, явилось главным образом результатом американской настойчивости, особенно настойчивости секретаря Мак-Аду и руководителей военных департаментов. Процесс протекал по необходимости медленно, так как американское общественное мнение должно было воспитываться и нуждой, и благоприятным случаем. Имелась, как и всегда будет иметься, известная очень малая часть общественного мнения, утверждавшая, что США были вовлечены в войну коварством заинтересованных лиц с целью таскать для Антанты каштаны из огня. Сам президент Вильсон всегда заботливо старался охранить США от строго определенного военного союза и ввел выражение «присоединившаяся держава», чтобы ясно определить положение своей страны относительно союзных держав Европы.

Союзные державы были хорошо информированы о существовании в США различных условий, оказывавших влияние на проблему американского сотрудничества. Через посредство английского и французского послов, имевших много друзей

ГЛАВА II

в республиканских кругах, они внимательно следили за общим направлением неофициального мнения.

Они полагались также на сообщения начальника английской осведомительной службы сэра Уильяма Уайзмэна, который благодаря своей тесной связи с полковником Хаузом рассматривался как авторитетный разъяснитель политики президента Вильсона. Заботливо составленный Уайзмэном меморандум, прочтенный президентом Вильсоном до отправки британскому правительству и получивший благоприятную оценку президента, назвавшего его «правильно составленным», объясняет как затруднительность, так и важность проблемы американского сотрудничества с союзнической точки зрения.

Меморандум об американском сотрудничестве

1917 г.

«Мнение страны резко настроено против того, чтобы США связали себя формальным договором с союзниками. Не вполне сознавая это, они (т. е. американцы) чувствуют себя скорее третейскими судьями, чем союзниками. С другой стороны, народ искренен в своем решении раздавить прусское самодержавие и в своем сильном желании достигнуть такого порядка вещей, который сделает будущие войны невозможными.

Весьма важно ясно понять, что американский народ не предполагает, будто ему грозит какая-либо опасность со стороны центральных держав. Правда, многие из государственных людей Америки предвидят опасность германской победы, но большинство народа все еще весьма далеко от войны. Это большинство думает, что оно сражается ради дела демократии, а не ради своего спасения.

До сих пор сохранилось недоверие к Великобритании, унаследованное со времен войны за независимость и поддерживаемое нелепыми историческими книгами, применяемыми тем не менее в народных школах. С другой стороны, имеется историческая симпатия к Франции, и раздоры могут гораздо скорее возникнуть между англичанами и американцами, чем

МИССИЯ БАЛЬФУРА

между нами и кем-либо еще из наших союзников. Германская пропаганда, несомненно, придерживается этой линии и направлена почти всецело против Англии.

Союзные правительства могут сделать какое-либо заявление, которое поможет президенту убедить американский народ, что его усилия и жертвы принесут ему бескорыстную награду, на которую он надеется. Подобное заявление будет лестно для американского народа и в итоге будет способствовать еще более искреннему отношению Америки к задаче, взятой ею на себя. Чем более удалена какая-либо нация от опасностей войны, тем более необходимо ей иметь перед собой некий символ или определенную цель, чтобы постоянно держаться их. Американцы привыкли следовать за каким-либо боевым кличем или простой формулой. Президент вполне ясно понимал это, когда он дал им лозунг: «Америка воюет, чтобы сохранить миру демократию»; но пришло время, когда требуется нечто более конкретное.

Задача нашей дипломатии состоит в том, чтобы получать из США громадные количества припасов, несмотря на то что мы не имеем возможности оказывать с этой целью давление на США. Мы должны добывать громадные займы, обеспечить тоннаж, амунизию, военные припасы, пищевые, продукты, нефть и другое сырье. Заказы, которые мы делали, пока ничтожны по сравнению с производительностью других воюющих сторон и очень далеки от тех представлений, которые имеются сейчас у американской общественности. Правительство готово способствовать нам в отношении максимального использования ресурсов США, но необходимо приучить конгресс и нацию к высокой оценке действительного назначения этих гигантских цифр. Недостаточно для нас уверить их, что без их снабжения война будет проиграна. Чтобы быть понятыми общественностью, мы должны перевести язык долларов и тонн на язык усилий и подвигов армий и флотов. Мы должны внушить им понимание боевой ценности их богатств.

Правительство слишком далеко от войны и недостаточно информировано, чтобы судить о справедливости наших требований. Союзники должны проявить терпение, ловкость и сер-

ГЛАВА II

дечность и тем помочь американским властям прийти к разрешению серьезного затруднения, которое может быть выражено в немногих словах: «Координация нужд союзников».

Союзники страстно желали поддерживать тесное дипломатическое сотрудничество с США, с тех пор как наше вступление в войну стало казаться вероятным.

Непосредственно после речи президента, требовавшей объявления войны, британское правительство рассмотрело уместность посылки в США специальной миссии, очевидной целью которой должна была быть передача в распоряжение нашего правительства опыта, накопленного Великобританией почти за три года войны, и которая могла также поставить англичан в более тесный контакт с положением, сложившимся в Америке. Важность миссии подчеркивалась уже тем, что главой ее был избран Бальфур, министр иностранных дел.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 6 апреля 1917 г.

«Дорогой начальник!

Чем больше я думаю о предложении Бальфура приехать в Америку, тем лучшим оно мне кажется. Этот приезд даст вам личный контакт с одним из наиболее влиятельных государственных деятелей империи и чрезвычайно увеличит ваш престиж на мирной конференции. Я хотел бы, чтобы Бальфур знал вас и уехал с впечатлениями, воспринятыми с менее пристрастной точки зрения, чем моя. Если его будет сопровождать какой-либо француз столь же высокого положения, то это будет полезно в том же отношении...

Любящий вас Э. М. Хауз».

16 апреля президент Вильсон ответил на первое письмо Хауза, что предложенная миссия встретит, конечно, радушный прием, хотя он сам отчетливо видит определенные опасности от действия, которое окажет этот приезд на общественное мнение, и боится, что некоторые американцы могут составить

МИССИЯ БАЛЬФУРА

себе неправильные представления о наших отношениях с союзными державами. Очень многие, прибавил он, посмотрят на миссию как на своего рода покушение прибрать нас к рукам, сделать из нас помощника Великобритании. Но президент думал тем не менее, что приезд миссии послужит многим полезным целям и, возможно, позволит выиграть много времени благодаря более дружной совместной деятельности. Через три дня он известил Хауза об ожидаемом приезде французской миссии («очевидно, только для приветствия»), возглавляемой Вивиани и Жоффром.

Таким образом, в тот самый день, когда благодаря официальному голосованию конгресса США вступили в войну, было решено радушно принять уполномоченных союзных держав. Не прошло и недели, как миссия Бальфура уже была на водах Атлантики, а 21 апреля она высадилась в Галифаксе, откуда отправилась по железной дороге через Нью-Йорк в Вашингтон. Несколькими днями позже прибыла французская миссия, руководимая Вивиани и Жоффром, а за нею вскоре последовали итальянская и бельгийская миссии.

Каков бы ни был исход последовавшей затем конференции, отправка этих миссий являлась сама по себе символическим жестом дружных усилий, благодаря которым Германия только и могла быть побеждена.

2

Утром 22 апреля миссия Бальфура по дороге в Вашингтон проехала через Нью-Йорк. Кроме министра иностранных дел и сэра Эрика Друммонда, к миссии принадлежали представители армии, флота и финансов: генерал Бридж, адмирал де Чер, лорд Кэнлифф. В 9 часов утра полковник Хауз, по приглашению британского посольства, приехал на Пенсильванский вокзал Нью-Йорка, чтобы встретить Бальфура, который, едва прибыв, покинул город, направляясь дальше. Разговор с Бальфуром затронул только общие темы, но сообщение Хауза Вильсону интересно тем, что показывает боязнь Хауза, как бы на конференции в Вашингтоне не были задеты жизненные,

ГЛАВА II

но опасные вопросы о целях войны. Сам Хауз считал, что в эту минуту таких тем следует избегать. По его мнению, данный момент подходил скорее для демонстрации необходимости объединенного усилия, а не для подчеркивания разногласий между Америкой и союзными державами относительно конечных целей войны; эти последние, как он думал, могли быть определены только после того, как поражение Германии будет обеспечено.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 22 апреля 1917 г.

«Дорогой начальник!

По предложению сэра Уильяма Уайзмэна, который, как я предполагаю, говорил от лица сэра Сесилия, я встречал Бальфура при его проезде сегодня утром и имел с ним интересный разговор...

Я сказал Бальфуру, что если вы не будете возражать, то, я думаю, было бы хорошо довести до минимума значительность факта его поездки сюда, с тем чтобы иметь возможность отрицать, что она была предпринята с целью образования известного рода соглашения с союзниками. Мне кажется, чувствуется, что наша страна близка к тому, чтобы заключить сама тайный союз с ними.

Такие люди, как Х и У (крайние либералы), приходили повидаться со мною, и я не мог доказать им, что англичане и французы приезжают к нам не с этой целью.

Я надеюсь, вы согласитесь со мной, что наилучшей политикой сейчас является та, которая будет избегать дискуссии об установлении условий мира. Бальфур разделяет мой взгляд. Если союзники начнут спорить об условиях мира сами между собой, они скоро возненавидят друг друга еще больше, чем они ненавидят Германию, и положение будет сходно с тем, какое получилось в балканских государствах после их войны с Турцией. Мне кажется, что единственный вопрос, подлежащий обсуждению в настоящее время, — это каким образом победить Германию возможно скорее.

МИССИЯ БАЛЬФУРА

Я высказал Бальфуру мою надежду на согласие Англии с тем, что мир, который будет наилучшим для всех народов земли, будет наилучшим и для Англии. Он принял мои слова с энтузиазмом.

Если вы молчаливо согласитесь с ним не обсуждать условий мира с другими союзными державами, то позднее наша страна и Англия окажутся в состоянии диктовать широкие и великодушные условия, имеющие в виду постоянный мир.

Любящий вас Э. М. Хауз».

Как мы скоро увидим, оказалось невозможным не обсуждать цели войны отчасти, но не главным образом, потому что Бальфур, как и следовало ожидать, предполагал, что Вильсон пожелает ознакомиться с тайными договорами, посредством которых союзные державы гарантировали одна другой полное осуществление своих целей. Бальфур прибыл вполне подготовленным к переговорам с правительством США по поводу этих договоров. При своем первом разговоре, однако, Хауз затрагивал критическую тему только постольку, поскольку ему нужно было проверить, что британский министр иностранных дел стоял, по крайней мере в принципе, за тот вид соглашения, которого требовал Вильсон в своей речи от 2 апреля. Это видно из отрывка дневника Хауза, дополняющего его письмо к президенту.

«22 апреля 1917 г. Я посоветовал Бальфуру быть вполне откровенным в его заявлениях президенту относительно затруднений, встречаемых союзниками при их борьбе против Германии...

Я уговаривал его не поднимать разговора об условиях мира и убедить президента не обсуждать этих условий с кем-либо другим из союзников.

Если бы он это сделал, то наверно при этом выявились бы разногласия, а задачей сейчас является победа над Германией, а не обсуждение условий мира. Бальфур вполне согласен с этим и сказал, что не будет говорить с президентом об условиях мира, разве только если президент начнет разговор сам.»

Первые дни, проведенные миссией в Вашингтоне, были посвящены официальным приемам. Бальфур проявил такт

ГЛАВА II

и приветливость, необходимые, чтобы пробудить беспредельный энтузиазм к делу союзников. Этот энтузиазм еще более увеличился, когда 24 апреля прибыла французская миссия. Если и существовали некоторые опасения, что США близки к тому, чтобы попасться в сети европейской дипломатии, то эти опасения потерялись в громе аплодисментов, приветствовавших союзные миссии. Столичные церемонии никак нельзя было считать зря потраченным временем, так как они сделали многое для внушения стране ясного сознания того факта, что война является предприятием, требующим сотрудничества.

В течение первых дней по прибытии миссии Бальфура полковник Хауз оставался в Нью-Йорке. По просьбе Вильсона он приехал в Вашингтон провести там конец недели. 26 апреля он завтракал с президентом.

«Мой разговор с Бальфуром, — сказал Вильсон, — был неудовлетворительным. Как бы пригласить его на семейный обед, на котором вы также будете, а потом устроить совещание?»

Президент был очевидно обеспокоен тем, как будет разрешен между союзниками и США вопрос о целях войны. В пользу выяснения этой проблемы в самый момент вступления США в войну можно было сказать многое. С другой стороны, как указывал Хауз в своем письме к Вильсону от 22 апреля, задевать этот вопрос было бы опасно.

Согласно речи Вильсона от 2 апреля, мы подняли оружие против Германии как потому, что Германия уже начала с нами войну при помощи своих подводных лодок, так и потому, что мы желали добиться постоянного и справедливого соглашения. Мы молчаливо приняли на себя обязательство добиваться поражения Германии. Если бы мы не пришли к соглашению с союзниками в отношении условий мира, приняв в то же время на себя борьбу за этот мир, то возникла бы опасность, что мы будем биться за военные цели союзников, возможно, фиксированные в тайных договорах. С другой стороны, если бы после ознакомления с тайными договорами мы отказались их одобрить, то что тогда? Мы могли лишь с трудом заявить, что мы не будем продолжать борьбу с Германией, так как мы

МИССИЯ БАЛЬФУРА

имели с ней наши собственные счета. Было бы бесполезно заявлять, что, так как мы не одобряем целей союзников, мы будем вести войну за свой страх. Если бы мы заявили, что будем драться рядом с союзниками, но оставим за собой право оспаривать впоследствии применение тайных договоров, то единственным результатом этого было бы раздражение и вред, нанесенный возможности действенного сотрудничества в борьбе против общего врага.

Полковник Хауз был осведомлен о тайных договорах. Он говорил президенту о Лондонском договоре, заключенном перед вступлением Италии в войну; Грэй сообщал ему о требованиях Румынии, так что он мог предполагать условия, на которых она вступила в войну. Он вскоре познакомился с договорами еще лучше. Но он надеялся, что президент не захочет создавать из них спорный вопрос в данный момент, и он опасался результатов американского требования к союзникам об отказе от тайных договоров. Могло настать время, когда США были бы в состоянии настоять на подобном требовании, как на необходимом условии прочного мира. Но Америка, вступившая в войну последней и еще не понесшая материальных убытков для достижения победы, не могла занять такую позицию.

Впоследствии президента Вильсона критиковали за то, что ему не удалось урегулировать полностью вопрос о целях войны в тот момент, когда мы в нее вступали. Если эта критика справедлива, то полковник Хауз, очевидно, должен разделить с президентом долю ответственности. Как видно, ни президент, ни полковник Хауз не чувствовали возможности поставить под удар согласие с союзниками, поднимая протест против тайных договоров.

«26 апреля 1917 г. [Запись совещания с президентом Вильсоном.] Я приводил доводы против обсуждения условий мира с союзниками, те же самые доводы, которые я использовал при моем первом разговоре с Бальфуrom и в моем письме президенту. Президент думает, что было бы жалко позволить Бальфуру возвратиться в Англию без обсуждения этого вопроса. Мне кажется, что обсуждение тайных договоров президентом и Бальфуrom не принесет вреда, если точно уразуметь

ГЛАВА II

и даже оговорить, что это будет неофициальное обсуждение вопроса, а также если оба правительства обязуются не обсуждать условий мира с кем-либо другим из союзников¹. Было решено, что так и следует поступить».

«28 апреля 1917 г. Наиболее важный разговор за сегодняшний день был у меня с Бальфуrom. Мы беседовали целых полтора часа без какой-либо помехи. Я вспомнил о том, что накануне сэра Эрик спросил меня, не было ли удобнее для Бальфура оставаться гостем правительства, не отправляясь в английское посольство, как предполагалось... Мы просим Друммонда, так же как и Бальфура, свободно высказывать свои мнения, как это бывает между друзьями, так, чтобы дела могли идти без трений. Они обещали так сделать.

Бальфур пожелал знать, с чего мы начнем переговоры: должны ли мы сначала поднять вопрос об условиях мира, которые будут предложены в случае решительного поражения Германии, или мы начнем обсуждать вопрос на основе «пата», частичного поражения. Я высказал мысль, что лучше начать обсуждение с первого предположения.

У нас была большая карта Европы и Малой Азии, и мы начали эту весьма важную и интересную дискуссию, согласившись, что, когда мы с ним обсудим до конца первый вопрос, я доложу о наших выводах президенту до того, как мы трое сойдемся для совещания в понедельник².

Он считал гарантированным, что Эльзас и Лотарингия должны перейти к Франции и что Франция, Бельгия и Сербия будут восстановлены в прежнем состоянии.

Он сначала обменялся мнениями о Польше и описал в общих чертах, каковы должны быть ее границы. Конечно, камнем преткновения был выход к морю. Таким выходом может быть только Данциг... Это создало бы новые Эльзас и Лотарингию,

¹ Неясно, каким образом англичане, имевшие договоры с другими союзниками, могли не обсуждать этих договоров при случае.

² Хауз писал позднее, что на эту карту были нанесены границы, обусловленные тайными договорами, и что Бальфур предоставил ее в распоряжение полковника. В архиве Хауза карты не оказалось. Она была несомненно передана для осведомления, а потом переслана в государственный департамент.

МИССИЯ БАЛЬФУРА

т. е. новый предлог для мучений, раздражений и беспокойств. Бальфур полагает, что возможно превратить Данциг в открытый порт и таким путем удовлетворить Польшу. В данный момент я не смотрю на это с одобрением, особенно по той причине, что немцы и поляки стали бы врагами и были бы готовы при малейшем раздражении жаловаться друг на друга. Тем не менее я горячо защищал восстановленную и обновленную Польшу, достаточно большую и достаточно мощную, чтобы служить буферным государством между Германией и Россией.

Потом перешли к Сербии и согласились, что Австрия должна возвратить Боснию и Герцеговину, но Сербия со своей стороны вернет Болгарии ту часть Македонии, которая предназначалась болгарам по первому балканскому соглашению.

Румыния, по нашему мнению, должна приобрести небольшой кусок России, населенный румынами, и по той же причине часть Венгрии¹.

Мы думаем, что Австрия должна состоять из трех государств: Богемии, Венгрии и собственно Австрии.

Мы не пришли ни к какому заключению относительно Триеста. Нельзя считать хорошим или желательным исходом, если Австрия будет отрезана от Адриатики. Бальфур доказывал, что Италия претендует на обладание Далмацией для обеспечения защиты своего восточного побережья. Она не имеет ни одного морского порта от Венеции до Бриндизи и заявляет, что противоположащее побережье необходимо ей для самозащиты».

Упоминание о домогательствах Италии дало Хаузу удобный случай, которого он ждал, позволив ему поставить вопрос о тайных обязательствах, взаимно принятых на себя союзниками с тем, чтобы добиться полного осуществления их целей войны.

¹Очевидно, имеются в виду Бессарабия, Трансильвания и Банат. Они могли казаться маленькими на карте Бальфура, но территории, обещанные Румынии по тайному Бухарестскому договору, подписанному 17 августа 1916 г., должны были почти удвоить площадь Румынии. Принадлежавшая России Бессарабия не входила в территории, обещанные Румынии.

ГЛАВА II

«Это позволило мне спросить, — продолжает Хауз, — какие договоры существуют между союзниками в отношении раздела добычи после войны. Бальфур ответил, что имелись взаимные договоры, а когда Италия вступила в войну, с ней также заключили договор, в котором обещали ей довольно многое из того, что она запрашивала.

Бальфур говорил с сожалением о зрелище, которое представляют собой великие державы, собравшиеся для раздела военной добычи, или, как он выразился, «делящие шкуру неубитого медведя». Я спросил его, не думает ли он, что союзникам следует дать копии этих договоров президенту для конфиденциальной информации. Он счел такую просьбу вполне разумной и сказал, что у него должны быть копии, сделанные для этой цели. Он не был уверен, взял ли он их с собой, но если и не взял, то он хотел послать за ними.

Я спросил его, не полагает ли он, что было бы разумнее для нас внести ясность в отношении этих договорных обещаний, чтобы на мирной конференции мы имели возможность оказать влияние, выступая против неправильного и обусловленного алчностью распределения территорий. Я сказал ему то же, что однажды сказал Грэю, а именно, что если мы хотим оправдать наше участие в войне, то мы должны быть сами совершенно свободны от мелочности, от эгоистичных мыслей и смотреть на вещи широко, с точки зрения интересов всего мира. Бальфур с энтузиазмом согласился со мною.

Затем мы перешли к Константинополю. Мы согласились, что его нужно интернационализировать¹.

Перемахнув через Босфор, мы прибыли в Анатолию². Именно здесь тайные договоры между союзниками выступили наиболее выпукло. Они соглашались дать России сферу

¹ Это не соответствует обещаниям, данным со стороны Великобритании и Франции России в марте 1915 г. Согласно этим обещаниям, Константинополь должен был принадлежать России, но быть в то же время открытым портом для товаров, не ввозимых в Россию. Хауз, вероятно, не понял Бальфура, истолковывая слова «открытый порт» в значении «свободный город».

² Подразумевается, очевидно, азиатская Турция.

влияния в Армении и северной части Малой Азии. Англичане получают Месопотамию и область, смежную с Египтом. Франция и Италия¹ имеют каждая свою сферу, охватывающую часть Анатолии до проливов.

Все это плохо, так я и сказал Бальфуру. Они вспахали почву для новой войны. Я осведомился, что подразумевается под словами «сфера влияния». Бальфур весьма смутно коснулся этого. Слова подразумевают постоянную оккупацию или предполагают, что каждая нация обладает исключительным правом развития всех ресурсов в пределах своей сферы; он выражался отнюдь не ясно.

Мы не затрагивали вопроса о германских колониях, не говорили мы также о Японии, Китае и восточном вопросе вообще².

Мы вернулись к Польше. Возражения Бальфура против польского государства, отделяющего Россию от Германии, были вызваны опасением нанести Франции больший вред, чем Германии, по той причине, что Россия не сможет прийти на помощь Франции, подвергшейся германскому нападению. Я думаю, мы должны скорее считаться с Россией, какой она была пятьдесят лет назад, чем с Россией сегодняшнего дня. Пока мы еще можем надеяться, что она превратится из агрессивной страны в демократическую, но если произойдет обратное, то не Германия, а Россия станет угрозой Европы. Я просил его не смотреть на Германию как на постоянного врага. Если мы сделаем это, то мы спутаем все наши рассуждения и ошибки станут неизбежными. Однако Бальфур продолжал оставаться под впечатлением большей угрозы со стороны Германии, не боясь возможной русской опасности».

¹ Требования Италии были включены в общий свод Лондонского договора; они были зафиксированы более точно около того времени, когда происходило совещание Хауза и Бальфура 19 апреля 1917 г. в Сен-Жан-де-Мориенн.

² Как раз перед вступлением США в войну Франция, Великобритания, Италия и Россия согласились одобрить требования Японии относительно перехода к ней прав, принадлежавших Германии в Шаньдуне и на германских островах к северу от экватора.

Хауз не вынуждал Бальфура ознакомить его с подробностями тайных договоров. Будучи частным лицом, он не считал возможным потребовать копии их текста. Представляется ясным, что над Хаузом всегда довлела боязнь довести переговоры до некоторой точки, фиксирующей наличие разногласий между американской целью войны и союзными целями. На следующий день полковник обедал с президентом Вильсоном и, если можно полагаться на заметки его дневника, за обедом не упоминалось ни о разговоре Хауза с Бальфуром, ни о предстоящем совещании Вильсона с Бальфуром. Президент как будто старался убежать от текущей политики.

30 апреля в Белом доме состоялась беседа с глазу на глаз между Вильсоном и Бальфуром. Перед совещанием был семейный обед, на котором президент настаивал и который оказался своего рода введением к лишенной всякой официальности дискуссии на тему о целях войны, как этого и желал Вильсон.

«Кроме президента, Бальфура и меня, — пишет Хауз, — а также миссис Вильсон и мисс Баунс, за обедом никто не присутствовал. Президент был разговорчив. Разговор носил общий характер и касался главным образом науки, истории и архитектуры. Президент рассказал несколько историй о Линкольне, выслушанных Бальфуром с интересом. Президент сказал, что Линкольн не был подготовлен к президентству, когда его избирали, что по тому времени он был недостаточно образован и неопытен в общественной работе. Он говорил о затруднениях, которые встретил Линкольн в своих стремлениях приобрести знания, и о способах, примененных им для расширения своего образования. Оба, и президент и Бальфур, считают почти чудом, что Линкольн, если учесть его предшествовавшую жизнь и ограниченные возможности, смог проявить отличный литературный вкус.

Говоря об образовании, президент выразил свое несогласие с общей, свойственной нашему времени антиклассической тенденцией. Он думает, что мир выиграл так же много благодаря исторической лжи, как и благодаря правде. Он не пред-

МИССИЯ БАЛЬФУРА

полагает, что гуманизм должен придерживаться только фактов и материальных предметов. Он указывал на теперешнюю войну с Германией. Немцы думают, что языком машин и газов они выражают самих себя.

Мы пили кофе в овальной гостиной, а затем перешли в кабинет президента, где и состоялось совещание, важность которого не может быть переоценена. Президент продолжал вести разговор. Я видел, что он взвинчен этим совещанием: он даже отдыхал после полудня, не занимаясь своими обычными делами...

Тема нашего совещания была та же, которую Бальфур обсуждал со мной в субботу. Я старался направить разговор так, чтобы охватить все, что было обсуждено мной и Бальфуром и о чем мы условились с президентом на первом из описанных выше совещаний.

Когда мы коснулись вопроса об интернационализации Константинополя, я высказал мнение, что этот вопрос может привести к раздору. Только с трудом я смог их убедить в моем полном согласии с общей идеей и указать им, что мое возражение вызвано только опасением возможности покушения на интернационализацию проливов между Скандинавским полуостровом и континентальной Европой, а также Суэцкого и Панамского каналов. Они не хотели согласиться со мной, что оба эти вопроса имеют много общего.

Беседа продолжалась от восьми часов до половины одиннадцатого, когда президент должен был отправиться на прием, даваемый государственным секретарем членам конгресса с целью устроить им встречу с британской и французской миссиями.

Я снова напомнил Бальфуру о межсоюзных договорах и о желательности передачи копий с них президенту. Он снова согласился это сделать.

Когда совещание закончилось, я прошел с Бальфуром в нижний этаж и спросил его, не чувствует ли он, что его мысли и мысли президента соприкасаются во всех точках. Он был полон энтузиазма и сказал, что никогда не имел более интересной встречи. Он говорит, что президент представляет уди-

ГЛАВА II

вительное сочетание гуманистической философии и политического ума.

Президент и Бальфур отправились вместе на прием, а я пошел в свою комнату готовиться к отъезду. Президент вернулся до моего отъезда, и мы поговорили с ним еще несколько минут. Он был восхищен комментариями Бальфура и, казалось, был доволен делом сегодняшнего дня».

Запись этой беседы, сделанная полковником Хаузом, интересна не только благодаря установлению факта, что существование тайных договоров было предметом дискуссии, но также и тем, что президент не придавал этим договорам в то время столь важного значения, чтобы сделать их исходной темой разговора.

Совещание, вполне сходное с совещанием, бывшим на два дня раньше у Хауза с Бальфуром, базировалось не на договорах, а скорее на возможности наиболее удовлетворительного соглашения, которое могло быть создано для обеспечения мира. Хауз уже говорил Бальфуру, что он рассматривает планы союзников, нашедшие свое выражение в договорах, как «плохие» планы, а Вильсон, много говоривший, имел возможность высказать свои взгляды.

Несколькими месяцами позже, при выработке своих «четырнадцати пунктов», президент Вильсон выразил опасения в отношении обязательств, содержащихся в тайных договорах, особенно в Лондонском договоре. Осведомленный об опасениях президента, сэр Уильям Уайзмэн информировал о них Бальфура, написавшего президенту более подробно про взаимные обязательства союзников.

Письмо Бальфура президенту

Лондон, 30 января 1918 г.

«Дорогой господин президент!

Из сообщения, присланного Уайзмэном, я сделал вывод, что вы хотите знать мои мысли относительно итальянских территориальных претензий, входящих в Лондонский договор, заключенный в 1915 г.

МИССИЯ БАЛЬФУРА

Договор (заключенный, конечно, задолго до того, как я стал министром иностранных дел) носит на себе печать заботы союзников втянуть Италию в войну, а также и того, как использовали уполномоченные Италии эти заботы на пользу своей страны. Однако договор есть договор, и мы — я имею в виду Англию и Францию (о России я ничего не знаю) — обязаны поддерживать его по форме и по духу. Возражений против него найдется и в самом деле достаточно: он предназначает Италии территории на побережье Адриатического моря, население которых состоит не из итальянцев, а из славян; соглашение оправдано не национальными, а стратегическими мотивами.

Я не высказываюсь в данный момент за то, что мы должны исключать подобные аргументы с педантичной последовательностью. Надежные границы — залог мира, и хотя во имя «стратегической необходимости» совершались великие преступления против принципа национальности, однако если специальная граница увеличивает стабильность международных отношений и если население, о котором идет вопрос, незначительно по числу, то я не отверг бы такую «стратегическую границу» в угоду какому-либо отвлеченному принципу. Каждый случай должен рассматриваться в соответствии с его значительностью.

Тем не менее я лично сомневаюсь, была бы Италия действительно усилена осуществлением всех ее адриатических требований, и мне во всяком случае не кажется вероятным, что она попытается продолжить войну для получения требуемого. Из трех западноевропейских участников войны она, конечно, наиболее истощена войной, и если она сможет обеспечить себе мир и «Italia Irredenta», она будет, по-моему, неплохо обеспечена...

Весьма искренне ваш *Артур Джемс Бальфур*.

...Я всегда буду рад ответить с полной откровенностью на любой вопрос, который вы пожелаете задать мне. Но это, я думаю, вы уже знаете».

Таким образом, является вполне установленным фактом, что президент был информирован о характере тайных договоров

ГЛАВА II

и полностью осведомлен о различии между его собственной программой мира и программой союзников. Во времена миссии Бальфура он мог надеяться, что американское влияние на мирной конференции будет в конце концов достаточным, чтобы избавиться от договоров как практического фактора соглашения. Несколькоими неделями позже президент Вильсон в письме к полковнику Хаузу намекнул достаточно ясно, что экономическая мощь американцев будет столь велика, что союзники должны будут по необходимости уступить американскому давлению и принять американскую программу мира. «Англия и Франция, — писал он, — не имеют тех же самых взглядов на мир, которые свойственны по известной причине нам. Когда война кончится, мы сможем заставить их думать по-нашему».

Если президент Вильсон считал, что тайные договоры имеют в конечном итоге лишь небольшое значение, то неудивительно, что в момент нашего вступления в войну он отказался от соответствующих выводов из них¹.

4

«30 апреля 1917 г. По-моему, Жоффри по внешности скорее германского, чем французского типа. В молодости он был, вероятно, блондином. Его волосы так подернуты теперь сединой, что трудно угадать их природный цвет. Глаза составляют его особую и, по-моему, наиболее удивительную внешнюю черту. Он обладает как будто весьма методичным умом и представляет собой тип генерала, вполне подходящего для французов в эпоху напряжения, выдержанного ими под его верховным командованием. Я все время сравнивал его в уме с генералом Грантом. Я сказал ему об этом, и он, кажется, не был недоволен сравнением.

Я вижу все более и более ясно опасности трений между союзниками. Недоверие заложено не очень глубоко, и небольшое несогласие между ними выведет его на поверхность. Этой опасности недостаточно остерегаются. Японцы, русские и итальянцы выкинуты из английских, французских и амери-

¹ См. приложение к этой главе.

МИССИЯ БАЛЬФУРА

канских расчетов. Насколько можно видеть, они не показываются при каких-либо официальных случаях в Вашингтоне, за исключением самых значительных, и там заметно отсутствие русских, японских и итальянских флагов, которое может легко задеть чувствительные сердца».

Он вполне соглашался, конечно, с решением союзников воевать до «окончательного поражения Германии», но он хотел точно знать, что скрывалось за этой фразой. Что означали слова «гарантия против германской агрессии»? Следует ли довести войну до разрушения Габсбургской и Оттоманской империй? Он заботился о том, чтобы возбуждение союзников не затемнило их здравого смысла, и хотел спокойно взвесить относительные преимущества минимальных и максимальных военных целей с точки зрения той цены, которая должна была быть уплачена человеческими жизнями и материальными богатствами.

Согласие между президентом и Хаузом по всем этим вопросам было столь полно, что, по мнению Вильсона, полковник Хауз мог вполне отчетливо выразить Бальфуру его собственную, вильсоновскую, точку зрения. Кроме того, предполагаемое совещание имело бы преимущество совершенной неофициальности.

«8 мая 1917 г. Разговоры с французами не приносят большого удовлетворения, поскольку французы не облечены какими-либо полномочиями и находятся здесь больше для осведомления о нуждах Франции и для выражения чувств уважения по поводу нашего вступления в войну. С Бальфуром дело обстоит иначе. Он министр иностранных дел наиболее мощного из наших союзных государств, и возможно, что он будет играть большую роль на будущей мирной конференции».

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 13 мая 1917 г.

«Дорогой начальник!

Сегодня со мной завтракал Бальфур, и мы имели очень интересный разговор.

Я высказал мнение, что было бы хорошо использовать его влияние для ограничения до минимума числа членов будущей

ГЛАВА II

мирной конференции, и выразил надежду, что вы согласились бы прибыть на конференцию в качестве единственного нашего представителя. Он разделил ваш мудрый взгляд, согласившись, что немногочисленный состав конференции избавит ее от опасности сделаться слишком громоздкой.

Я спросил его, какого мнения он стал бы держаться, если бы Германия сделала пробное предложение мира на основе status quo ante. Он думает, что ответ зависел бы главным образом от того, в каком положении находилась бы подводная война, а также от положения России, Франции и Италии.

Я высказал мнение, что мы не должны позволить нашим желаниям восторжествовать над нашими суждениями, раз дело касается заключения мира. Например, если бы Турция и Австрия были согласны разорвать с Германией или принудить ее к заключению мира, то я думаю, что некоторые уступки должны бы быть им сделаны, причем эти уступки должны отличаться от тех уступок, которые мы сделали бы, если бы имели нашу полную волю. Он согласился с этим.

Он согласился также с предложением, что не надо настаивать на наказании виновников войны как на предварительном условии всяких переговоров о соглашении.

Он просил меня выразить вам величайшее свое уважение по поводу вашего предложения прибыть на мирный конгресс, чтобы услышать его речь. Он понимает, какой это беспримерный комплимент, и чувствует себя глубоко тронутым им.

Он очень доволен своим визитом и рассматривает его как большой успех со всех точек зрения.

Некоторое время назад я получил письмо от Пэйджа, предлагающего нам начать пропаганду в Англии с целью улучшить отношение к нам. Я сказал об этом Бальфуру и прибавил, что было бы лучше, если бы это было сделано самими англичанами. Он согласился поднять этот вопрос перед своим правительством и наблюдать за тем, чтобы дело было сделано как следует¹.

Любящий вас Э. М. Хауз».

¹Президент ответил на это письмо по телефону, одоблив его общий смысл.

МИССИЯ БАЛЬФУРА

Англичане, очевидно, сознавали, что вопрос об искренности германских мирных предложений не имеет практической ценности. Гораздо быстрее реагировали они на американское предложение относительно того, что необходимо совместными усилиями непрестанно расшатывать моральное состояние Германии.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 20 мая 1917 г.

«Дорогой начальник!

Сэр Эрик Друммонд провел здесь два дня. Мы рассматривали положение центральных держав, и он ознакомил меня со взглядами своего министерства иностранных дел в отношении многих вопросов.

Я убедил Друммонда, что наиболее эффективным мероприятием, которое мы смогли бы предпринять в настоящее время, явилась бы помощь германским либералам в их борьбе против теперешнего германского правительства.

Идея заключается в том, чтобы вы высказали в подходящее время и при подходящем случае, что союзники готовы в любой момент вступить в переговоры с германским народом, но что они не склонны к переговорам с военной автократией, которую они считают ответственной за беды, потрясающие сейчас мир. Не пристало народам России, Великобритании, Франции, Италии и США вступать в переговоры с военной кастой, которая ни в коем случае не представляет народ Германии.

Как Друммонд, так и я, мы думаем, что было бы осторожнее не включать кайзера в эту военную клику. Он имеет в Германии много личных приверженцев, и, если лишить его самодержавной мощи... он станет безобидным. Тем, что мы сохраним престол кайзеру, мы усилим либералов; так как они являются тем элементом в Германии, который хочет видеть демократическую Германию под властью ограниченного монарха. Положение, создавшееся в России, под-

ГЛАВА II

тверждает, что лучше не проделывать слишком стремительно переход от автократии к республике¹.

Любящий вас Э. М. Хауз».

Набросок политического заявления, выработанный сэром Эриком и полковником Хаузом и одобренный, согласно замечке полковника Хауза от 23 мая, Бальфуrom, начинался декларацией о том, что США и союзники решили продолжать борьбу до тех пор, пока цели, установленные президентом Вильсоном, не будут достигнуты. Америка не пожалеет для этого ни сокровищ, ни жизней, ни материалов, как бы долго война ни продолжалась. В 1918 г. на западном фронте будет полтора миллиона американских солдат². Однако, хотя союзники никогда не откажутся от принципов демократии и цивилизации, а Германия никогда не сможет надеяться, что силой оружия она добьется счастливого для себя решения, союзники все же готовы заявить, как заявляли ранее, что они не питают вражды к германскому народу, не добиваются расчленения Германии.

Пункты, намеченные в общих чертах в меморандуме Хауза — Друммонда, заслуживают внимательной оценки, так как они образовали основу для публичных высказываний президента Вильсона в течение всего последующего периода войны: мир германскому народу, война до конца против германского милитаризма. Не может вызывать сомнения, что попытка противопоставления германского народа его правительству, сколь бесполезной она ни казалась в то время, способствовала в конечном итоге ослаблению моральной стойкости германцев, крушение которой, согласно Людендорфу, объясняет катастрофический характер конечной сдачи. Возможности этой политики были осознаны лордом Нортклифом, который следующей весной организовал в Крюхаузе наиболее эффективную схему пропаганды, известную новейшей истории. Он не-

¹ На это письмо президент тоже ответил по телефону в тоне общего одобрения.

² Важно отметить, что в тех же числах мая 1917 г., как здесь указано, президент Вильсон решил отправить в Европу большие американские экспедиционные силы.

МИССИЯ БАЛЬФУРА

прерывно распространял в Германии идею, что если народ не отречется от старого режима, то его собственная гибель будет связана с гибелью Гогенцоллернов. Эта идея действовала, как утонченное разъедающее вещество, которое в конце концов и съело, точно ржавчина, германскую «волю к победе».

Миссия Бальфура незаметно выехала из Нью-Йорка через канадскую границу и вернулась в Англию. Французская и итальянская миссии вскоре последовали за ней. Осталось еще рассмотреть, была ли развернута непосредственная практическая деятельность, способная направить усилия Америки на путь наиболее необходимой для союзников помощи. Миссии являлись первой попыткой укрепления согласованности между США и союзниками, и вполне естественно, что цель немедленного установления эффективного сотрудничества не была ими достигнута: задача принадлежала к числу таких, которые требуют для своего разрешения опыта долгих месяцев.

Миссии тем не менее пошли далеко в деле создания атмосферы искренности, существенно необходимой для чистосердечного сотрудничества. Важнее всего, возможно, было то, что они создали почву для свободного обмена личными мнениями, облегчившего согласование многих деликатных вопросов, как бы предназначенных для того, чтобы смущать официальные отношения даже наиболее дружественных правительств. Миссия Бальфура, в частности, установила тесную связь между англичанами и американцами, сохранившуюся до конца войны.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Вопрос относительно того, в какой степени были осведомлены официальные представители США о существовании и содержании тайных договоров, всегда оставался спорным. Президент Вильсон в своем показании перед комиссией иностранных дел сената 19 августа 1919 г. заявил, что он ничего не знал о тайных договорах как о чем-то цельном до своего прибытия в Париж. «В первые же дни моего пребывания там меня

ГЛАВА II

поставили в известность о целом ряде соглашений». В дальнейшем он заявил, что не был информирован о Лондонском договоре. Сенатор Джонсон перечислил список всевозможных договоров, включая Лондонский договор, соглашение с Румынией, различные договоры, относящиеся к Малой Азии, и спросил: «Знали ли вы о них что-либо до мирной конференции?» Президент ответил: «Нет, сэр, поскольку это касается меня, я могу уверенно ответить вам: **нет**».

Трудно примирить это заявление с другими данными, вполне доказанными. 4 марта 1918 г. Бальфур, отвечая в палате общин на вопрос, посланы ли президенту копии тайных договоров, сказал, что «президент Вильсон полностью информирован союзниками». 16 мая 1918 г. Бальфур заявил в палате общин: «У меня нет тайн от президента Вильсона. Каждое намерение, которое я имею в отношении дипломатии, связанной с войной, открыто президенту Вильсону». Кроме того, в частном письме, написанном полковнику Хаузу 17 июля 1922 г., на опубликование которого теперь получено разрешение, он заявляет, касаясь обсуждения вопроса о тайных договорах с Р. С. Бэйкером: «Он [Бэйкер], конечно, не прав в своем утверждении, что президент Вильсон не был осведомлен мной о тайных договорах, это ошибка, которую я чувствую очень остро, потому что она является клеветой, уже опровергнутой мной публично, если память мне не изменяет». Наиболее очевидное доказательство откровенности Бальфура с президентом Вильсоном можно найти в письме Бальфура президенту от 30 января 1918 г., приведенном выше; это письмо показывает, что по получении от сэра Уильяма Уайзмэна извещения о том, что президент Вильсон был обеспокоен содержанием Лондонского договора, Бальфур немедленно написал ему относительно этого.

Архив полковника Хауза подтверждает эти данные, показывая, что Бальфур и полковник Хауз обсуждали тайные договоры и что на совещании с президентом Вильсоном, которое затем последовало, «были затронуты те же самые вопросы». Вопрос о Дальнем Востоке не поднимался, и ничто не показывает, что полковник Хауз или президент знали что-либо о со-

МИССИЯ БАЛЬФУРА

глашении между союзниками и Японией относительно Шаньдуна. Секретарь Лансинг заявил перед сенатской комиссией иностранных дел, что он ознакомился в 1917 г. с предполагаемым разделом германских островов на Тихом океане, но ничего не знал о Шаньдуне.

Хотя кажется ясным, что президент Вильсон знал о договоре в 1917 г.¹, но возможно, что после прибытия в Париж, двумя годами позже, и последующей суеты на конференции президент мог спутать дату своего ознакомления с Лондонским договором с датой своего осведомления о соглашении с Японией относительно Шаньдуна. Все эти соглашения были неправильно смешаны в кучу под общим названием «тайные договоры». Президент никогда не придавал этим договорам серьезного значения, так как мир был установлен фактически соотношением сил в Париже, а не тайными договорами, которые в каждом данном случае были основательно изменены. Возможно, что Вильсон был ранее осведомлен о существовании соглашения с Японией, но забыл об этом факте, вытесненном из его памяти наплывом ошеломляющего количества подробностей, благодаря чему и ошибся в установлении даты, когда несколькими годами позже он был без подготовки спрошен об этом предмете комиссией иностранных дел. Такая ошибка памяти при сложившихся обстоятельствах может считаться достаточным основанием для его заявления в комиссии, что он ничего не знал о Лондонском договоре до своего прибытия в Париж². Нижеследующий вывод принадлежит полковнику Хаузу³:

«Я не согласен с критикой по адресу президента Вильсона как в отношении его заявления перед комиссией сената по вопросу о том, когда он впервые узнал о тайных договорах, так и в отношении его кажущейся недооценки их важности.

¹ В 1918 г. Лондонский договор, опубликованный большевиками и перепечатанный «Манчестер гардиен», был доступен всем.

² Показание Вильсона было дано только за месяц до резкого упадка его физических и умственных сил.

³ В письме к Чарлзу Сеймуру от 9 апреля 1928 г.

ГЛАВА II

Сомнительно, знал ли он о договоре с Японией до того, как он прибыл в Париж. Я не могу вспомнить, чтобы я знал о нем, и мой архив не дает никаких данных, показывающих, что президент или я знали о договоре. Президент мог иметь в виду именно этот договор, когда он отвечал на вопрос в комиссии сената; могло случиться и так, что он забыл дату, когда информация впервые дошла до него. Ложное заявление не могло принести никакой выгоды, и мне ясно, что президент говорил так из убеждения.

В то время не было человека, который имел бы более разнообразную и порой ложную информацию, доходившую до него, чем президент Вильсон. Как мог он без подготовки ответить, когда он впервые услышал о том или этом?

Есть люди, которые предполагают, что президент придавал слишком мало значения договорам и что он должен был добиться соглашения о них с союзниками, прежде чем он подвергнул США риску войны. Это было неосуществимо. Мы имели свои собственные счета с Германией, и, если бы Вильсон ждал, пока он достигнет удовлетворительного соглашения относительно тайных договоров, война была бы кончена, прежде чем мы вступили бы в строй. Англия и Франция могли прийти к скорому решению, но неизбежно они должны были сначала достигнуть соглашения с Японией, Италией и Россией. Могло ли быть достигнуто удовлетворительное соглашение с этими последними? Я сомневаюсь в этом. Тем временем Германия топила бы наши суда, а мы стояли бы сложа руки и ожидали окончания переговоров, имевших предметом тайные договоры.

Фактически США вступили в войну быстро и эффективно, но в качестве «присоединившейся» державы, не имея касательства к каким-либо соглашениям, заключенным между союзниками. Наши руки остались не связанными, и мы были свободны, как мы и хотели, до того момента, когда мы сели за стол мирной конференции. Если и можно что-нибудь подвергать критике, то нужно ли критиковать нас за наши ошибки на конференции, а не за наши ошибки до нашего вступления в войну?»

ТАРДЬЕ И НОРТКЛИФ

ГЛАВА III

ТАРДЬЕ И НОРТКЛИФ

Этот народ глубоко втянулся в войну и очень решителен...

*Из письма Нортклифа Ротермиру из Нью-Йорка
от 7 сентября 1917 г.*

1

Трудности успешного ведения войны для всякой коалиции могут быть изучены на любом историческом примере. Невозможно обеспечить абсолютное единство политической и военной деятельности, а даже недостаточная, сомнительного качества координация между правительством и армиями союзных держав требует самых разнообразных жертв, на которые лишь немногие соглашаются с охотой, за исключением тех случаев, когда вынуждаются к этому опасностью. Подобные трудности испытывались и европейскими союзниками в их борьбе против центральных держав и никогда не преодолевались полностью. Еще более трудно было достигнуть координации деятельности с США, которые отказывались принять на себя ответственность, возлагаемую союзным договором, и настаивали на сохранении за собой неограниченной свободы решения.

Миссии Бальфура и Вивиани не установили, да фактически и не пытались установить, самый механизм координации. Они создали, однако, атмосферу взаимного понимания, имевшую политическое значение, в первую очередь для англо-американских отношений. Со свойственной ему проницательностью президент Вильсон обнаружил необходимость в свободном обмене мнениями и был особенно удовлетворен прямотой Бальфура во время переговоров как с ним, президентом, так и с Хаузом. Было естественно, что президент попросил полковника Хауза развить его личные отношения с англичанами, чтобы дать этим последним возможность неофициально высказываться и обмениваться истинами и мнениями со свободой, не всегда возможной между офици-

ГЛАВА III

альными представителями власти даже наиболее дружественных наций. Сэр Уильям Уайзмэн высказал в следующих словах суть мероприятий, ставших необходимыми:

«Полковник Хауз предвидел серьезные задержки, которые должны были бы встретиться, если бы связь поддерживалась обычными дипломатическими путями, и ясно понимал чрезвычайные трудности успешного сотрудничества президента Вильсона с союзниками на расстоянии более чем в три тысячи миль, особенно вследствие невозможности иметь в Европе кого-либо, кто мог бы авторитетно представлять американское правительство, не оглядываясь поминутно на Вашингтон. Бальфур также опасался задержек, которые неизбежно должны были встретиться. При обсуждении этого важного для успеха общего дела вопроса полковник Хауз сделал предложение, осуществленное с одобрения президента Вильсона, чтобы Бальфур посылал каблогаммы специальным кодом британского правительства непосредственно мне [Уайзмэну] в Нью-Йорк; я же должен был сделать своей главной обязанностью дешифровку и немедленную доставку полученных каблогамм полковнику Хаузу, который имел возможность телефонировать их по своему прямому проводу государственному департаменту или президенту Вильсону. Этим путем Бальфур, представлявший британское правительство, мог получить в случае необходимости ответ президента Вильсона через несколько часов. Такая скорость была бы абсолютно невозможна, если бы связь осуществлялась обычными дипломатическими путями».

С исторической точки зрения главный интерес этих переговоров не в том, что они оказали влияние на течение войны, а скорее в том, что они освещают последующие переговоры, которые приобрели первостепенную важность после перемирия и окончания правления Вильсона.

Проект закона о флоте, принятый конгрессом в 1916 г., должен был при его осуществлении поставить флот США на второе место после британского; фактически, по мнению различных экспертов, усиленный американский флот должен был приблизительно сравняться с британским своей общей

мощью¹. Непосредственная ценность этого увеличения американских морских сил уменьшалась, однако, тем обстоятельством, что закон о флоте обращал главное внимание на строительство крупных судов (сверхдредноутов), в то время как для борьбы против германских подводных лодок требовались главным образом небольшие суда с большой скоростью. Союзники просили поэтому, чтобы США отложили строительство крупных судов с целью сосредоточить все усилия на строительстве истребителей.

Так как США желали прежде всего оказать эффективную помощь союзникам в борьбе против подводных лодок, то они были весьма озабочены удовлетворением этой просьбы. Но США должны были также учесть, как отразится на их послевоенной морской мощи перерыв в постройке крупных боевых судов. Являлось ли возможным заключить с Великобританией соглашение, позволяющее США сконцентрировать в данный момент все усилия на строительстве истребителей, и, несмотря на это, оградить американский флот от опасности, возникающей вследствие уменьшения числа крупных боевых судов, образующих, по мнению многих экспертов, оплот морской мощи? Хауз откровенно поставил этот вопрос перед Бальфуром и Друммондом. 13 мая он записал в свой дневник:

«В разговоре с Друммондом я обратил его внимание на требования союзников, чтобы мы строили истребители подводных лодок на средства, ассигнованные для выполнения нашей основной программы строительства линкоров. Поступить подобным образом — значит оставить нас в конце войны в том же положении, в каком мы находимся сейчас: в случае новых осложнений... мы окажемся более или менее беспомощными на море. Я думаю, что, если бы Великобритания согласилась дать нам несколько своих крупных боевых судов взамен наших недостроенных в случае возможных осложнений... мы подвинулись бы вперед к решению вопроса о наших истребителях, не боясь дальнейших случайностей.

¹ Это мнение было выдвинуто на Парижской мирной конференции.

ГЛАВА III

Друммонд ответил, что германский флот может остаться в результате войны нетронутым и Великобритании в возможной будущей войне с Германией понадобится тогда весь флот. Я предложил, что на этот случай мы дадим Великобритании обязательство вернуть ей для войны с Германией взятые линкоры и дать ей добавочно на выбор некоторые из наших самых крупных боевых судов. Друммонд обсудит этот вопрос с Бальфуром и известит меня о результате разговора».

Каблограмма Бальфура сообщала, что возможность морского соглашения, ставящего своей целью позволить США с полным спокойствием сосредоточить все силы на строительстве истребителей и мелких судов взамен предположенных крупных судов, была внимательно рассмотрена военным кабинетом. По мнению британского адмиралтейства, постройка максимально возможного числа истребителей является делом чрезвычайной важности. Если правительство США считает, что его флоту грозит опасность потерять необходимую пропорциональность в отношении крупных боевых судов, то британский кабинет готов рассмотреть с правительством США любой вид служащего оборонительным целям соглашения, чтобы предупредить эту опасность. Предложение полковника Хауза о том, чтобы англичане согласились обеспечить определенную помощь флотом для компенсации отмены предположенного строительства крупных судов, вызвало бы, несомненно, опасные в международном отношении последствия. Бальфур предлагал поэтому придать оборонительному соглашению более общий характер и привлечь к нему все шесть великих держав, воюющих против Германии. Эти державы должны были заключить морское соглашение, предусматривающее взаимную помощь против морского нападения в течение четырех лет после окончания настоящей войны.

Полковник Хауз не делал подобного предложения. Его собственный план предусматривал передачу англичанами США некоторого определенного количества крупных британских судов для использования их в случае будущих осложнений. Возможно, что Хауз опасался, как бы оборонительное со-

ТАРДЬЕ И НОРТКЛИФ

глашение не развилось в нечто похожее на формальный союз, что могло бы вызвать оппозицию американского общественного мнения. План Бальфура можно рассматривать как зародыш морского соглашения 1922 г., заключенного впоследствии правительством Гардинга.

Письмо Хауза президенту

Магнолия, Массачусетс, 8 июля 1917 г.

«Дорогой начальник!

Прилагаю каблограмму, которую я только что получил от Бальфура. Я посылаю ее вам в двух экземплярах, чтобы у вас была копия для государственного департамента. Об этих переговорах не знает никто, кроме Лансинга и Полка.

Брекинридж Лонг, который сегодня находится здесь, возьмет это письмо.

Я не вижу, чтобы разрешение вопроса, предлагаемое Бальфуром, принесло нам большую пользу, разве только, что оно помешает Японии попасть в руки Германии и образовать союз против нас. В случае столкновения между Японией и нашей страной или между другими участниками соглашения Германия в первом случае, а во втором и Япония были бы вынуждены сохранять нейтралитет. То же самое можно сказать и про каждую другую из подписавших соглашение держав в случае войны между любыми другими двумя державами, подписавшими соглашение.

Это совсем не то, что мы имели в виду. Я не вижу никакого основания, почему наше первое предложение не должно быть принято, не вижу также, почему оно должно настроить против нас Японию или какую-либо другую державу, если они о нем узнают. Мое предложение состояло в том, чтобы ввиду изменения правительственной программы судостроения, согласно желанию союзников, и перехода наших верфей со строительства крупных линкоров на строительство судов, пригодных для борьбы с подводными лодками, а также и на строительство торгового флота, необходимого для непрерывного снабжения союзников материалами, нужными для продолжения вои-

ГЛАВА III

ны, Великобритания должна согласиться передать нам взамен непостроенных равноценные линкоры и таким образом устранить ущерб, возникший благодаря нашему желанию помочь союзникам.

Это было бы направлено против Японии не больше, чем, скажем, против Франции, Италии, России или даже самой Англии.

Сэр Уильям Уайзмэн предполагает в конце этой недели вернуться в Англию, и перед отъездом он проведет здесь день со мной. Не сообщите ли вы мне о ваших выводах, чтобы я мог обсудить с ним это дело и позволить ему поднять вопрос перед английским правительством?

Если англичане боятся Германии, то, мне кажется, было бы разумно включить в соглашение оговорку, согласно которой в случае войны между Германией и Англией англичане вправе потребовать от нас возвращения этих крупных линкоров.

Любящий вас Э. М. Хауз».

13 июля президент Вильсон пригласил Уайзмэна обсудить с ним перед отъездом в Англию некоторые существенные вопросы; во время разговора они коснулись морских предложений Бальфура и Хауза. Вильсон не проявлял энтузиазма в отношении того или другого плана. Ему не нравилась мысль, хоть сколько-нибудь похожая на союз с великими европейскими державами и Японией, даже если дело шло об ограниченном по своим целям, чисто оборонительном морском соглашении. Он не соглашался также с Хаузом, что вопрос о крупных боевых судах имеет столь большую важность. Затруднительное положение, вызванное подводной войной, поведет, как он предполагал, к значительному расширению программы строительства истребителей за счет строительства крупных судов. Вильсон казался вполне убежденным, что эффективность американского флота после войны не будет затронута уменьшением числа линкоров. Сэр Уильям сделал относительно этой части беседы следующие заметки:

ТАРДЬЕ И НОРТКЛИФ

Меморандум Уайзмэна о его переговорах с президентом

13 июля 1917 г.

«Вильсон представил мне меморандум Хауза относительно предполагаемого изменения строительной программы США. Вильсон сказал, что он не был знаком с этим предложением и поэтому обсуждает его до некоторой степени вслепую. По собственным словам Вильсона, «он размышлял вслух передо мною». Его замечания были приблизительно таковы.

По мнению Вильсона, война доказала, что крупные боевые суда не имеют большой цены, и, принимая это во внимание, он не считает вопрос о замедленном строительстве крупных боевых судов в США очень важным со стратегической точки зрения. Он разъяснил мне, однако, что когда конгресс вотирует средства для осуществления морской программы, то была составлена специальная смета, предусматривавшая строительство определенного числа судов каждого класса, и средства были ассигнованы согласно этой смете. Было бы, следовательно, незаконным с его стороны изменить программу и переменить число подлежащих строительству судов каждого класса. Единственный способ, которым можно законно добиться такого изменения, состоит в представлении всего имеющегося материала на рассмотрение конгресса.

Когда я спросил о том, как предполагено разрешить проблему защиты против подводных лодок, Вильсон заявил, что он всегда был противником того, чтобы торговым судам позволяли пересекать Атлантический океан без конвоя, и что он вполне одобряет меры, которые заставили бы торговые суда плавать целыми флотилиями, соответственно охраняемыми легкими морскими силами. Он предполагает, что некоторые из подобных мероприятий могут быть теперь же пущены в ход: когда, например, торговые суда будут доходить до известных пунктов, расположенных вблизи британских берегов, то они должны входить в специально образованные, зорко охраняемые истребителями проходы, и только по прохождении этих проходов, находясь совсем вблизи берега, они будут иметь право направляться в свои порты. Вильсон сказал, что если

ГЛАВА III

какая-нибудь из таких оборонительных схем, могущая быть названной американской схемой, будет принята, то она несомненно потребует большего количества истребителей, чем то, которым располагают США в данное время, и тогда он сможет обратиться с этой схемой к конгрессу и выступать за ассигнование специальных средств для данной цели. Он сказал, что, поскольку дело касается обеспечения строительства этих судов, не представит трудностей приостановить, если необходимо, строительство крупных судов, чтобы очистить место для закладки истребителей. Относительно предложения Бальфура о компенсации невыполненной программы морского судостроения посредством своего рода оборонительного союза Вильсон сказал, что, по его мнению, союзники приняли на себя в течение войны различные взаимные обязательства, выполнить которые, когда война кончится, будет очень трудно, если не невозможно, и что он не желает прибавлять еще новые трудности. Сверх того, он указал, что, несмотря на то что США оказались в данный момент склонными занять свое место в качестве мировой державы, страна имеет твердое желание держать себя независимо и не входить в какие-либо союзы с другими державами. Относительно Японии Вильсон сказал, что, по его мнению, удачное нападение на побережье Тихого океана является абсурдом вследствие большой удаленности японских баз и трудностей, которые создались бы при попытке получения подходящей базы на Тихоокеанском побережье. Возможность японского нападения на Филиппинские острова или на какие-нибудь удаленные от центра владения относится, по его мнению, к совершенно другому вопросу и представляет собой одну из тех возможностей, которые не могут не быть учтены».

Полковник Хауз не соглашался с тем, что время крупных боевых судов прошло. Он считал, что, до тех пор пока уменьшение ценности линкоров не установлено морскими авторитетами, долг правительства предусмотреть полное обеспечение обороны США. «Возможно, что в будущем дело будет обстоит и иначе, — отметил он 14 июля в своем дневнике, — но в настоящее время успешная блокада Германии, осуществляе-

ТАРДЬЕ И НОРТКЛИФ

мая Великобританией, поддерживается только благодаря тому, что она опирается на численное превосходство в крупных линкорах».

Письмо Хауза президенту

Магнолия, Массачусетсу 17 июля 1917 г.

«Дорогой начальник!

...Я чувствую, что он [Уайзмэн] не понял вас [относительно ценности крупных линкоров]. Вполне достоверно, что осуществляемое в настоящее время Великобританией господство на море обусловлено численным превосходством ее линейного флота. Никакое количество более мелких судов не помогло бы ей достигнуть этого преобладания. Хотя линейные силы еще недостаточно действенны в борьбе с подводными лодками, подводные лодки являются все же, что легко заметить, лишь одной из ступеней развития морской войны, как воздушные силы в войне сухопутной. Война не поколебала верности той истины, что нация, имеющая наиболее мощный линейный флот, как в отношении его величины, так и в отношении скорости, является нацией, которая будет господствовать на морях.

Я надеюсь, что вы будете настаивать на таком соглашении с Англией, согласно которому наша страна сможет получить в конце войны, если мы этого пожелаем, несколько английских линкоров. Такое соглашение обеспечивало бы нас, так как при нежелании мы могли бы и не брать линкоров. Я основательно обсуждал этот вопрос с лордом Фишером и другими британскими морскими деятелями, и, насколько я могу вспомнить, они не были несогласны со мной.

Любящий вас Э. М. Хауз».

Президент не дал особого ответа на это письмо, и обсуждение вопроса в течение лета не возобновлялось. Позднее, в августе, в ответ на запрос сэра Уильяма Уайзмэна, находившегося тогда в Англии, Хауз послал каблогранму, что «разрешение вопроса о линейных кораблях задержано из-за не терпящих отлагательства дел». Но когда Вильсон в сентябре по-

ГЛАВА III

сетил Хауза, вопрос был снова поднят: Хауз настаивал на необходимости и боевой ценности линейных кораблей, президент же в одно и то же время и относился скептически к их боевой ценности, и доказывал невозможность удовлетворительного соглашения с англичанами¹. Полковник Хауз записал спор с Вильсоном 9 сентября в свой дневник следующим образом:

«После того как я привел доводы в защиту линейного флота, он отказался от дальнейшего обсуждения вопроса, заявляя, что дело не в том, кто из нас прав: он или я, а в том, что соглашение с Великобританией, ставящее своей целью получение от нее по окончании войны нескольких линейных кораблей в возмещение тех линкоров, от постройки которых мы сейчас откажемся ради постройки истребителей подводных лодок, в настоящее время невозможно. Он считает, что единственная вещь, которая смогла бы связать Великобританию, — это договор, а договор неизбежно направляется на утверждение сената. Он не думает, что наша страна подготовлена к договору такого рода, как этот договор с Великобританией, и считает, что нечто меньшее, чем договор, не имеет, как он думает, никакой почвы под собой, так как наше и британское правительства могут смениться, а чего мы можем требовать от устного договора, перешедшего по наследству к новым правительствам? Я доказывал, что возможно соглашение, которое получит одобрение нашего народа. Он возразил, что, если британское правительство действительно нуждается в заключении соглашения после войны, оно добьется его каким угодно путем, а если оно в соглашении не нуждается, то мы не имеем в нашем распоряжении средств для скорого заключения договора...»

В связи с неизбежной опасностью от подводных лодок и представлениями союзников американские морские авторитеты использовали свободу действий, предоставленную им

¹ Мнение британских морских экспертов подкрепляло скорее доводы Вильсона, а не Хауза, поскольку эксперты заявляли, что американский флот был уже относительно силен линкорами (за исключением линейных крейсеров) и слаб по категориям легких крейсеров и истребителей.

ТАРДЬЕ И НОРТКЛИФ

конгрессом, чтобы направить всю свою энергию на строительство легких судов. Только два линкора, «Миссисипи» и «Нью-Мексико», были закончены и сданы за время участия США в войне. Два других линкора, «Мэриленд» и «Теннесси», были заложены перед перемирием. «Строительство крупных судов программы 1916 г.» согласно докладу морского департамента было фактически отложено на весь период войны с целью сосредоточить все средства испытанных судостроительных установок на выполнении программы строительства истребителей и судов иных типов, необходимых для решения проблемы борьбы с подводными лодками.

Когда война кончилась, из 10 линкоров, предусмотренных программой 1916 г., были готовы только два, не было дано заказов ни на один из 6 линейных крейсеров, утвержденных этой программой. Очевидно, вопрос о том, насколько ослабленным оставался американский флот за период времени, протекший до заключения Вашингтонского договора 1922 г., является объектом предположений или мнения экспертов.

2

Несогласия между президентом и полковником Хаузом по вопросу о линейных кораблях, несомненно, не поколебали доверия президента к суждениям Хауза, так как именно в этот период Вильсон открыл Хаузу все источники официальной информации, поступающей в Вашингтон, и поощрял его развивать личные отношения с выдающимися деятелями в Европе, способными правильно выражать неофициальное общественное мнение. Хауз получал длинные письма от нашего посла в Риме Нельсона Пэйджа, от министра Эгана в Копенгагене и советника Фрэйзира в Париже. Ему посылались копии каблограмм наших европейских посольств и миссий, поступивших в государственный департамент. Он получал также сообщения о личных впечатлениях Анри Бергсона во Франции, сэра Хорэса Планкетта в Ирландии, а также и таких американских журналистов, как Грэсти и Аккерман.

Когда вскоре после вступления США в войну правительства Франции и Великобритании решили послать за океан специальные «миссии координации», возглавляемые Тардые и Нортклифом, то было вполне естественно, что эти миссии должны были вступить в тесный контакт с полковником Хаузом. У него была репутация человека, наиболее близкого ко всемогущему президенту, а его совещания с членами союзных правительств во время его поездок в Европу показали его влияние. Официально он не имел ничего общего ни с планами удовлетворения требований союзников к США, ни с мероприятиями, необходимыми для финансирования этих планов. И тем не менее его архив бросает свет на различные проблемы подобного рода, так как уполномоченные союзников излагали перед Хаузом свои затруднения и всегда информировали его об успехах переговоров, приведших в окончательном результате к действенному межсоюзному сотрудничеству. Первой прибыла миссия Тардые, руководимая выдающимся журналистом и историком, лишь недавно вернувшимся с фронта и только что начавшим карьеру администратора-организатора, которая достигла своей кульминационной точки в день его назначения делегатом Франции на мирной конференции и подготовила его ко вступлению девятью годами позже в «министерство всех талантов», образованное Пуанкарэ.

«16 апреля 1917г., через десять дней после того, как Америка объявила войну, — пишет Тардые, — на меня пал жребий направлять на пользу Франции наши общие усилия. Действующее лицо и зритель на протяжении тридцати одного месяца, я имел возможность десятию годами позднее изумляться чудесным результатам, достигнутым двумя странами. Навсегда памятные дни, когда дважды война казалась проигранной; дни, чреватые победой; дни, в течение которых первоначальное напряжение 1917 г., столь слабое и колеблющееся, выросло под влиянием опасности, выросло благодаря развитию взаимного согласия... Поразительны результаты сделанных усилий и взаимно оказанной помощи... Менее чем в восемь месяцев США вооружились до зубов. Почти немыслимый подвиг, если вспомнить прошлое страны, существ-

ТАРДЬЕ И НОРТКЛИФ

вующие условия (материальные и моральные), отсутствие военных приготовлений, полное игнорирование европейских дел. В течение всего этого времени Франция и Великобритания держали фронт, ожидая прибытия американских подкреплений, одни подготавливали транспорт, другие — оружие для армии США. Великолепие этого подвига заставило народы думать, что он был самопроизвольным. Нет, было много трудностей»¹.

В течение следующих месяцев Тардье, осаждаемый требованиями своего правительства, стремился разрешить проблеме обеспечения снабжения французской армии в момент, когда США прилагали усилия, чтобы создать собственную армию в масштабе, не имевшем прецедентов². Тардье пишет:

«27 мая, от министра продовольствия: «Хлебный запас под угрозой. Ускорьте сколь возможно погрузку на суда».

28 мая, от министра путей сообщения: «Безотлагательно отправьте 1000 ж.-д. платформ».

29 мая, от министра снабжения: «Необходимо немедленно обеспечить тоннаж под 30 тыс. т пищевых запасов для опустошенных областей».

3 июня, от министра снабжения: «Увеличьте погрузку меди до 10 тыс. т в месяц».

5 июня, от министра земледелия: «Пришлите возможно скорей 400 сноповязалок».

6 июня, от морского министра: «Пришлите 12 тыс. т газа-лина для торгового флота и 24 тыс. т для военного».

11 июня, от министра снабжения: «Увеличьте погрузку нитратов до 46 тыс. т в месяц вместо 15 тыс. Важно для успеха национальной обороны. Вы должны устроить это в дополнение к программе».

13 июня, от министра снабжения: «Присылайте 2 тыс. т свинца в месяц».

16 июня, от министра снабжения: «Пришлите 6 500 малых грузовиков».

¹ *Tardieu, France and America*, p. 215.

² Тардье («*France and America*», p. 224 — 225) приводит следующие примеры переданных по кабелю приказов, посланных из Парижа французской верховной комиссией в Вашингтон:

ГЛАВА III

16 июня, от министра продовольствия: «Примите меры отгрузки 80 тыс. т пшеницы сверх программы. Очень серьезное положение. Неисполнение или задержка грозят опасностью».

«Какой-либо дефект в согласованности усилий, какой-либо недостаток в механизме снабжения мог оставить наших солдат без средств борьбы... День за днем приходили распоряжения... Чтение их списка похоже на кошмар... Каким образом удовлетворить все эти требования?» В результате все возрастающей интенсивности подводной войны англичане были вынуждены отозвать транспортные суда, обслуживавшие Францию. «В портах Америки 600 тыс. т грузов для Франции ожидали погрузки. Это была нехватка 490 тыс. т в месяц. Имеется в виду нехватка всего того, что было существенно для продовольственного и военного снабжения, всего того, что было необходимо, чтобы есть и драться. А я получал каблогаммы: “Просите США”»¹.

Миссия Тардье прибыла в Вашингтон 17 мая, и восемью днями позже он навестил полковника Хауза, который следующими словами отметил начало отношений, превратившихся в большую дружбу:

«25 мая 1917 г. Андре Тардье, верховный уполномоченный Франции, посетил меня сегодня после полудня. Он принес рекомендательные письма от французского посла и от нашего посольства в Париже. Я сказал ему, что он не нуждается в рекомендациях, с тех пор как получил известность в качестве автора замечательной статьи об агадирском инциденте, статьи, потрясшей все столицы Европы. Он хотел объяснить нужды Франции как с военной, так и с экономической точки зрения. Я предложил ему написать письмо, затрагивающее предмет нашего разговора. Он должен написать это письмо президенту, а копию прислать мне. Он кажется чрезвычайно способным человеком, и я не сомневаюсь, что он будет хорошо служить интересам своей родины».

¹*Tardieu, France and America*, p. 224.

Вскоре после прибытия Тардье Хауз узнал от сэра Сесилия Спринг-Райса, что британское правительство также решило послать в США военную миссию для согласования британской и американской военной деятельности. Главой миссии был выбран не кто иной, как сам лорд Нортклиф, подходивший для предстоящей трудной деятельности как благодаря своей чрезвычайной энергии, так и благодаря свойственному ему убеждению, что ресурсы Америки необходимы для того, чтобы перетянуть чашу весов войны на сторону союзников. Его обязанности были охарактеризованы меморандумом, переданным Хаузу Уайзмэном 31 мая.

**Меморандум о предполагаемой
деятельности военной миссии**

«Военный кабинет счел желательным иметь некоторую общую систему наблюдения за деятельностью представителей различных британских министерств в США и для координации этой деятельности. Вышеупомянутые представители министерств занимались делами, связанными с судоходством, продовольственным и военным снабжением, а также делами военного и морского министерств. Если не создать подобной координации, то представители министерств будут тратить зря много дорогого времени и сил и в особенности благодаря взаимной конкуренции будут служить друг другу помехой.

Учитывая эти обстоятельства и заложенную в них опасность, которую приходится считать достаточно серьезной, военный кабинет признает существенным для пользы дела, чтобы в США находился энергичный и влиятельный представитель кабинета с большим деловым размахом и большими познаниями, целью которого и будет общее наблюдение и координация. Миссия Бальфура сделала превосходное дело, но чувствуется, что и сейчас еще остается сделать многое, особенно в отношении осведомления правительства

ГЛАВА III

США о настоящем военном положении, а также и в отношении необходимости немедленного, деятельного и энергичного сотрудничества в военных делах с наименьшей потерей времени.

Поэтому военный кабинет постановил, что он должен отныне иметь в США своего представителя, которому будет вменено в обязанность обеспечить с помощью всех его способностей все возможные мероприятия для того, чтобы использовать ресурсы Америки наиболее эффективным способом и с наименьшей потерей времени.

Этот представитель не будет нести дипломатических обязанностей. Дипломатические отношения останутся в тех же руках, в которых они были до сих пор, и представитель военного кабинета будет обращаться в британское посольство за дипломатической поддержкой, если она понадобится для доведения до конца какого-либо дела, связанного с его миссией.

По мнению военного кабинета, человеком, наиболее подходящим для подобного назначения, является лорд Нортклиф, и кабинет предлагает правительству США согласиться на назначение лорда Нортклифа уполномоченным с обязанностями, перечисленными выше...»

Нортклиф приехал в начале июня и оставался в США до ноября, в течение, возможно, самого мрачного и, конечно, самого беспорядочного и обескураживающего с точки зрения военных усилий Америки периода войны. Посланные им британскому военному кабинету каблогаммы, копии которых он передавал полковнику Хаузу, отражают те же трудности, с которыми столкнулся Тардье.

Нация, не привыкшая, подобно США, к централизованному управлению и не подготовленная к случайностям войны, не могла по самой природе вещей, внезапно вступив в ряды сражающихся, занять в этих рядах одинаковое с другими воюющими сторонами положение без возникновения известного беспорядка. Обязанности союзных уполномоченных в США именно в том и состояли, чтобы побудить Америку к увеличению производства, которое ими же самими было до-

ТАРЛЪЕ И НОРТКЛИФ

ведено до большого расстройства. Они должны были также приобретать для удовлетворения нужд своих стран всевозможные припасы и в то же время убеждать казначейство США ссужать им средства для оплаты этого снабжения. Они конкурировали друг с другом, так как требования союзников были до сих пор очень схожи, и часто конкурировали с правительством США, реквизировавшим суда, сырье и готовые изделия, на которые рассчитывали агенты союзников. Они имели в перспективе все возрастающие цены, так как централизованное управление американской промышленностью еще не было осуществлено. Они должны были избегать каких-либо трений, так как они всецело зависели от доброго расположения духа американского казначейства. С другой стороны, американское казначейство не имело пока твердых указаний ни в отношении того, какие займы являлись наиболее существенными, ни в отношении того, каким путем должен был определяться приоритет.

Нортклиф был вполне убежден в том, что для выигрыша войны чрезвычайно важно довести мощь США до полного напряжения; он постоянно убеждал британский военный кабинет в необходимости установления теснейшего сотрудничества с Америкой.

Каблограмма Нортклифа Уинстону Черчиллю

Нью-Йорк, 27 июля 1917 г.

«Я долго размышлял о том, что война может быть выиграна только отсюда. Положение — весьма затруднительное и вместе с тем щекотливое. Сэр Уильям Уайзмэн, начальник нашей здешней военной разведки, должен приехать в Англию через несколько дней. Он единственный человек из англичан или американцев, имеющий доступ к Вильсону и Хаузу во всякое время. Он провел на прошлой неделе полтора часа с Вильсоном и день с Хаузом. Министерство всецело управляется этими двумя людьми. Власть Вильсона абсолютна, а Хауз его мудрый помощник. Оба англофилы.

Нортклиф».

ГЛАВА III

Хауз и Нортклиф встретились вскоре после приезда последнего, и эта встреча послужила началом личной дружбы, продолжавшейся до самой смерти Нортклифа. При своих посещениях Англии Хауз случайно встречал знаменитого журналиста, но, очевидно, неправильно оценил его истинное значение. Он вскоре сам признал ошибочность своей первоначальной оценки.

«Нортклиф никогда не пользовался тем уважением, которого он заслуживал благодаря своей выдающейся деятельности в деле организации победы, — писал Хауз после мирной конференции. — Он был неутомим в своих стараниях возбудить мужество и энергию союзников, и он преуспевал в осуществлении этой величайшей из задач, когда-либо стоявших перед ним. Он был одним из первых, понявших значение обличительных речей Вильсона, направленных против германской автократии, и значение различия, установленного Вильсоном между германским юнкерством и германским народом. Он добился того, что эти высказывания американского президента распространились в Германии в огромном количестве, и сделал больше, чем кто-либо другой, кроме самого Вильсона, для того чтобы сломить нравственную стойкость германского тыла».

Лорд Нортклиф, со своей стороны, очевидно, питал к Хаузу полное доверие и считал уместным добиваться его совета и помощи. 26 августа он послал Уайзмэну каблогранму по одному вопросу, требовавшему скорого разрешения: «Я делаю все через Хауза, который действует замечательно быстро. Вчера, например, покидая в четыре часа Вашингтон, я послал ему сообщение через Миллера, а при моем прибытии в Нью-Йорк в девять часов я нашел уже ожидающий меня ответ». Сэр Кэмпбелл Стюарт, военный секретарь британской миссии, который своим тактом и проницательной оценкой всех элементов какого-либо трудного положения в значительной степени содействовал успеху миссии, писал следующее:

«Лорд Нортклиф работал в тесном контакте с полковником Хаузом. Он говорил мне, что он считает полковника од-

ТАРЛБЕ И НОРТКЛИФ

ним из мудрейших людей, с которыми он когда-либо встречался. Через Хауза лорд Нортклиф поддерживал связь с министерством. В добавление к этому он получал большую помощь от сэра Уильяма Уайзмэна, главы британской разведки («Интеллидженс сервис») в США»¹.

Нортклиф доставлял Хаузу копии многих своих наиболее важных донесений, тем самым уясняя Хаузу трудности совместной деятельности; он доставлял также сведения, которые должны были немедленно передаваться президенту Вильсону, но могли задержаться, если бы шли обычным путем. Это верно хотя бы в отношении важного анализа августовского положения на фронте подводной войны и острого кризиса, наступившего, когда США, начав принимать продукцию судостроительных верфей, реквизировали тоннаж, уже законтрактованный союзниками.

«17 октября 1917г. Я провел вчерашний день с Фордом, — пишет Нортклиф. — Строительство тракторов подвигается вперед с огромной энергией. Форд не гонится в тракторном деле за деньгами; он думает, что тракторы революционизируют жизнь Англии, к которой он питает привязанность. Прибытие тракторов в Англию надо обставить по-американски, и, если возможно, премьер-министр должен сняться для кино вместе с ними... Я видел немало тракторов, но, по моему личному мнению, трактор Форда является такой же великой революцией в области дешевой продукции, как и фордовский автомобиль. Форд, который смахивает на лондонского епископа, антимиитарист, аскет, и не нужно его третировать как коммерческого человека...

Форду нужен экземпляр «Сельских прогулок» Коббетта и «Письма» Теннисона, изданные несколько лет назад его сыном. Будьте добры выслать эти книги непосредственно ему в Детройт, сопроводив их моими лучшими пожеланиями. Если я и буду находиться в это время на пути домой, книги все же попадут в его руки».

¹ Рукописный меморандум, предоставленный сэром Стюартом в распоряжение Чарлза Сеймура.

ГЛАВА III

Нортклифу суждено было с удовлетворением увидеть, как все более и более возрастали американские усилия за время пребывания его миссии в США. «Этот народ глубоко втянулся в войну, — писал он в каблограмме своему брату, — и очень решителен. Дела идут теперь более гладко». Он получал также удовлетворение, видя, что британский военный кабинет все более определенно подчеркивает необходимость тесного сотрудничества с США. Сэр Уильям Уайзмэн прислал ему в августе телеграмму следующего содержания:

«Правительство с каждым днем все более полно и ясно понимает значение США и приходит к той точке зрения, которой, как я знаю, придерживаетесь и вы, а именно, что Америка должна рассматриваться как наиболее важный наш союзник. Тем не менее необходимо, чтобы эта истина постоянно повторялась кабинету, потому что Америка далека от нас, а члены правительства лично только в весьма слабой степени знакомы с вашингтонскими делами. Мне кажется, я убедил правительство в том, какое жизненное значение имеет полное и откровенное осведомление президента обо всем, а также в том, насколько необходимы срочные ответы на ваши телеграммы».

Лорд Нортклиф не только реализовал материальные ресурсы США, но с самого начала утверждал, что если бы был создан соответствующий механизм сотрудничества, то американское снабжение появилось бы вовремя; он утверждал также, что если союзники не будут представлять своих финансовых и снабженческих требований согласованно, то беспорядок, который возникнет в результате попыток ускорить американское участие, может привести к бедствию. Это был вывод, вполне соответствующий выводу Тардье, с которым, по сообщению сэра Кэмпбелла Стюарта, «лорд Нортклиф во все время пребывания в США работал рука об руку». Необходимость подобного согласования требований союзников стала особенно очевидна в отношении финансовых проблем лета 1917 г., на которые архив полковника Хауза проливает некоторый свет.

ГЛАВА IV

ФИНАНСЫ И СНАБЖЕНИЕ

Еще раньше американских солдат американские доллары придали событиям новое направление...

Андре Тардьё. «Франция и Америка».

Основные факты финансовой истории 1917 г. были просты: союзникам пришлось просить у США заем такого размера, что американское финансовое управление испугалось. Даже если бы кредиты были открыты, то американский плательщик налогов вряд ли оправдал подобный заем. Война пожирала денежные суммы совершенно непостижимые для среднего гражданина, и союзники уже начали добираться до дна своих денежных мешков. Если бы США не вывели союзников из этого затруднения, последние не смогли бы дольше держать фронт. Как телеграфировал в конце лета лорд Нортклиф, американское правительство было «испугано величиной принятой финансовой работы. Американцы являются полными хозяевами положения как в отношении нас, англичан, так и в отношении Канады, Франции, Италии и России. Наш заем встречает резкую оппозицию конгресса. Если провалится заем, то провалится и война»¹.

Весьма вероятно, что требования союзников были вполне оправданы размерами их расходов на цели войны, но американскому народу эти требования были непонятны. С другой стороны, союзники были слишком заняты сношениями по различным важным для успеха и часто критическим вопросам на театре военных действий и у них не было времени на бесконечно повторяющиеся объяснения сложившегося положения. Английские финансовые представители в США были людьми выдающихся способностей. Сэр Хардмэн Левер состоял раньше финансовым секретарем английского казначейства и был хорошо знаком с американскими экономическими условиями; сэр Ричард Крауфорд обладал большим опытом в качестве

¹ *H. Wickham Steed, Through Thirty Years, v. II, p. 143.*

ГЛАВА IV

ревизора таможен и советника турецкого министерства финансов. Они составляли вместе прекрасную пару. Но проблема включала в себя и политические факторы, которые могли быть только с трудом улажены официальными лицами, имевшими чисто финансовые полномочия. Нортклиф не имел специального мандата в отношении финансовых дел, и он говорил Хаузу, что не считает себя достаточно пригодным для наблюдения за финансовыми отношениями. Необходимо было, как мы можем судить на основании архива полковника Хауза, чтобы человек с политическим опытом, поддерживаемый соответствующим военным, морским и техническим штабом, мог объяснить президенту Вильсону и другим ответственным членам правительства экономическую и военную стратегию союзников и перевести политику союзников на язык денег и снабжения, чтобы американское правительство знало не только планы союзников, но и то, почему их усилия должны обойтись столь дорого, а также чего можно ожидать от громадных предполагаемых расходов.

Вашингтонское правительство было, кроме того, смущено недостаточной организованностью союзных требований кредита и снабжения. Департамент закупок был создан только в августе. До вступления США в войну в качестве закупочного и финансового агента британского и французского правительств действовала с большим успехом фирма «Д. П. Морган и К°». Э. Р. Стеттиниус принял на себя заботу о координации и закупке снабжения отдельно от чисто финансовых вопросов и создал за короткое время организацию столь эффективную, что, по утверждению Людендорфа, Стеттиниус один заменял союзникам целый армейский корпус.

Со времени вступления США в войну выступление частной фирмы в качестве закупочного агента союзников стало по понятным причинам невозможным. 3 апреля фирма «Д. П. Морган и К°» предложила англичанам поднять вопрос о получении снабжения и производстве закупок через посредство правительства США; было ясно, что дела британского правительства должны вестись его непосредственными представителями, работающими в тесном сотрудничестве с раз-

ФИНАНСЫ И СНАБЖЕНИЕ

личными правительственными департаментами США, с целью добиться преимущества более низких цен и выгодных сроков платежа, чего можно было достигнуть только правительственным контролем. Банкиры предлагали облегчить передачу закупок какой-либо организации, специально образованной для этой цели, и по крайней мере трижды настаивали на создании штаба для приемки всего дела, которым занимался Морган, однако англичане не сочли это возможным, чтобы избежать задержек, так что с апреля до конца августа вся их закупочная система была большей частью топтанием на месте.

Забота союзников получить от США гарантию регулярных ежемесячных кредитов была наиболее сильна именно в этот период. Союзники столкнулись со все возрастающими военными расходами; они имели также в перспективе ликвидацию их займа у фирмы «Д. П. Морган и К^о», достигавшего почти 400 млн долларов и олицетворявшего собой различные суммы, уплаченные в разное время американским промышленникам и купцам за счет британского правительства, без отправок золота и выручек от продаж американских обеспечений и английских банкнот. Хотя заем было принято называть «займом Моргана», он распределялся фактически между весьма многими банками и банковскими учреждениями, 26 из которых находились в Нью-Йорке, а 14 — в Филадельфии. Больше чем половина займа была в то время распределена между банками, не входящими в систему Моргана. Заем был обеспечен американскими ценными бумагами твердой стоимости. Ликвидацию займа предполагалось произвести при участии банковских учреждений около 1 июля; англичане соглашались, чтобы заем считался первым выпуском займа, которого они добивались у казначейства США.

Мак-Аду старался помочь союзникам кредитами возможно скорее. От 1 апреля до 14 июля США авансировали Великобритании около 140 млн фунтов стерлингов, а другим союзникам 90 млн фунтов, а в общем много больше миллиарда долларов. Но Мак-Аду не был в состоянии обещать регулярные ежемесячные кредиты в размерах, требуемых союзниками. Не мог он согласиться и с тем, чтобы задолженность британского

ГЛАВА IV

правительства за время, предшествовавшее вступлению США в войну, была ликвидирована посредством займов у правительства США; с целью добиться согласия конгресса он связал себя обещанием, что кредиты, вотируемые конгрессом, не будут использованы для подобной финансовой операции. Это было осторожно сообщено британской военной миссии в июле. «Хауз говорит, — сообщал Нортклиф Ллойд Джорджу, — что вся ближайшая зима будет посвящена конгрессом спорам по финансовым вопросам; ввиду этого Мак-Аду должен быть в состоянии доказать вполне ясно, что деньги народа США не были использованы на благо... Уолл-стрита и денежных мешков, чему демократия так упорно противится».

Положение казалось финансовым экспертам менее безнадежным, чем политическим деятелям, предполагавшим, что запасы будут истощены ранее того времени, когда кредиты смогут быть использованы. Так, например, 6 октября лорд Реддинг послал в Англию каблогамму, в которой говорилось: «Казначейство США, как в свое время наше, будет спасено фактическим отсутствием товаров, подлежащих покупке. Количество товаров будет недостаточно, чтобы поглотить огромные кредиты, открытые департаментам и союзникам». Несмотря на такой взгляд, над политическими руководителями в Европе, как и над Нортклифом в США, постоянно висел кошмар, что в займах будет отказано. «Если провалится заем, провалится и война». Отсюда проистекали и частые «взывания» к Хаузу, просящие его помощи для разъяснения союзных нужд министерству.

Лорд Нортклиф посетил Хауза в Магнолии. Глава британской военной миссии представил полковнику статистические данные о британских расходах со времени вступления США в войну и изложил свои соображения в отношении чрезвычайной необходимости регулярной финансовой помощи со стороны США. Он сделал также обзор помощи, до сих пор оказанной и достигшей за почти четырнадцать недель суммы, превышавшей миллиард долларов, для разных союзников (229 млн фунтов стерлингов). За этот же период Великобритания авансировала союзникам 193 млн фунтов¹. США ограничивали свою

ФИНАНСЫ И СНАБЖЕНИЕ

помощь расходами, производимыми союзниками в пределах страны. Великобритания, бессильная оказать подобную поддержку, несла бремя союзных расходов в других частях мира. Без такой помощи союзники были бы неспособны добывать продовольственное и военное снабжение, необходимое для продолжения войны. Великобритания по-прежнему финансировала русские закупки в США. Общие расходы англичан со времени вступления США в войну превышали 800 млн фунтов, и, кроме того, они получили от американского правительства немного менее 140 млн фунтов в виде займов. В годы, предшествовавшие вмешательству США, англичане израсходовали свыше 4 млрд 250 млн фунтов, что составляет в итоге более 5 млрд фунтов стерлингов расходов до середины июля 1917 г.

«Только после того как Великобритания в течение трех лет выдерживала расходы в таком объеме, — говорил Нортклиф полковнику Хаузу, — она решается апеллировать к США, прося о сочувственном рассмотрении спорных финансовых вопросов, причем чрезмерная настоятельность ее нужд и ненадежность ее положения могут до известной степени сообщить ее просьбе о помощи некоторый оттенок настойчивости, которого не было бы при обычных условиях.

Наши ресурсы, пригодные для платежей Америке, исчерпаны. Если правительство США не сможет полностью покрыть наши издержки в Америке, включая долговые обязательства, то все финансовое сооружение Антанты рухнет. Подобная развязка будет делом не месяцев, а дней.

Вопрос принадлежит к числу таких, которые требуют широкого подхода. Если дела останутся в том же положении, в каком они были в течение нескольких последних недель, то огромная финансовая катастрофа неизбежна. В течение ав-

¹ Английская ссуда союзникам (с 1/IV по 14/VII 1917 г.): 193 849 тысяч фунтов стерлингов.

Ссуда США союзникам (с 1/IV по 14/VII 1917 г.): 90 млн фунтов стерлингов.

Ссуда США англичанам (с 1/IV по 14/VII 1917 г.): 139 245 тысяч фунтов стерлингов.

Таким образом, чистая ссуда Великобритании составила около 54 млн фунтов, Соединенных Штатов — около 229 млн фунтов.

ГЛАВА IV

густа враг получит ободрение, в котором он так нуждается, и притом в тот момент войны, когда оно нужнее всего».

В то же самое время Бальфур снова телеграфировал полковнику Хаузу, прося его убедить президента в чрезвычайной важности их просьбы, которой союзники придают большое значение. Они нуждались в том, чтобы быть уверенными в немедленном займе, достаточном для покрытия их августовских расходов, и в согласии предоставлять с этого времени программные, регулярные займы.

Письмо Хауза президенту

Магнолия, Массачусетс, 20 июля 1917 г.

«Дорогой начальник!

Я только что получил от Бальфура следующую каблограмму:

«Представление наивеличайшей важности и настоятельно-сти, касающееся финансового положения, было сегодня сделано послу США вместе с просьбой, чтобы он телеграфировал его *in extenso* [дословно] государственному департаменту. Я был бы очень вам благодарен, если бы вы смогли обеспечить этому представлению личное внимание президента, и столь же благодарен за любое содействие, которое вы сможете оказать, так как дело действительно важное. Я уверен, что отсутствие скорой и полной помощи, о которой мы просим, неизбежно приведет к катастрофе»,

Я ответил, что немедленно обращаю ваше внимание на неотложность дела.

Мак-Аду собирался приехать сюда в четверг, но задержался. Он надеется вырваться на следующей неделе.

Любящий вас Э.М. Хауз».

3

Колебание, проявленное финансовым управлением США в деле немедленного и полного удовлетворения союзных просьб, было вполне естественно. Мак-Аду был ответствен перед американскими налогоплательщиками, и он должен

ФИНАНСЫ И СНАБЖЕНИЕ

был доказать, что все авансированные фонды являются существенными расходами, без которых возникла бы опасность проигрыша войны. Беспорядок в требованиях союзников был так велик, что придавал этим требованиям характер свалки из-за преимущества в очередности получения фондов и снабжения. Прежде чем согласиться впутаться в политику, которая привела бы к займам в размерах, не имеющих прецедентов, финансовое управление настаивало на том, чтобы союзные требования денег и материалов были согласованы.

Мак-Аду просил, таким образом, о создании некоторого рода межсоюзного финансового совета или закупочного управления, которое ручалось бы ему за абсолютную необходимость того, что испрашивалось, и в то же время определяло бы первоочередность нужд.

Письмо Хауза президенту

Магнолия, Массачусетс, 10 августа 1917 г.

«Дорогой начальник!

Я обсуждал финансовое положение с Мак-Аду, когда он был здесь во вторник. Я думаю, что оно может быть удовлетворительно упорядочено. Нортклиф приедет на завтрашний день и на воскресенье, и я смогу разобраться, насколько близко английская точка зрения совпадает с точкой зрения Мак-Аду...

Я предупредил Мак-Аду, чтобы он давал, когда есть что давать, щедрой рукой, потому что, если он не будет так поступать, мы потеряем и деньги и доброжелательность. Пока у нас есть деньги, чтобы ссужать, подобное желание занимать будет нам приятно, но, когда наши денежные запасы будут исчерпаны, дело примет другой оборот. Теперь их черед радоваться, потом придет наш черед: мы начнем собирать долги.

Я помню, во время одной биржевой паники доброго старого времени мой друг спросил одного весьма богатого человека, очень ли он беспокоится. Тот отвечал: «Нет, я нисколько не обеспокоен, обеспокоены банки, в которых находятся мои деньги...»

Любящий вас Э. М. Хауз».

ГЛАВА IV

Желание полковника Хауза, чтобы финансовые авансы США были щедрыми, не должно создавать мнения, что он интересовался только помощью союзникам. Он не упускал случая подчеркнуть абсолютную необходимость создания межсоюзного совета и согласования союзнических требований, как того требовал план Мак-Аду, если только союзники рассчитывали на достаточную американскую помощь. Ради удовлетворения пожеланий Лондона и Парижа детали плана могли быть изменены, но его принципы были существенны для американской финансовой помощи.

Французский уполномоченный Тардые оценивал финансовую проблему как весьма затруднительную. Он писал о ней позже:

«Лишившись возможности расплачиваться долларами... союзники были бы разбиты до конца 1917 г. Вступление Америки в войну спасло их. Еще раньше американских солдат американские доллары придали событиям новое направление... Что за поток золота хлынул в Европу! Но его приближения дожидались целые толпы. Банкир своих союзников с 1914 г. — Англия пришла первой. Франция, пострадавшая больше Англии, столь же нуждалась в деньгах. Тут же толпились и другие союзники, впадавшие в затруднение позже, шумная толпа, пугавшая своими огромными требованиями чиновников финансового управления.

...Присоединившиеся, но не заключившие союзного договора, США уполномочили секретаря своего финансового управления выдавать авансы Европе, но не уполномочивали его вступать в окончательные соглашения. Здесь не было ни двусторонних сделок, ни общих соглашений, ни взаимных условий. США играли в финансовых делах роль распределителя и посредника. Это была их финансовая политика.

Такая независимая политика была оправдана и укреплена разнузданной конкуренцией заемщиков, их всегда протянутыми за деньгами руками, хитростями их все возрастающих требований. Американское недоверие еще больше увеличилось, когда... как Лондон, так и Париж, на основании своей финансовой независимости, упорно сопротивлялись американскому предложению о создании межсоюзного финансового управления.

ЦЕЛИ ВОЙНЫ И ПРОПАГАНДА

Каждый день я получал требования моего правительства добиваться регулярного соглашения, которое оно считало необходимым. Каждый день вашингтонское финансовое управление заявляло мне, как и моим коллегам, что оно не намеревается вступать в какие-либо связывающие его соглашения. Американский конгресс установил предмет, объем и форму финансовой помощи. Никто не мог жаловаться, что эта помощь не была готова проявить себя. Но никто не имел права рассчитывать на нее»¹.

5

Чтобы смягчить последствия от задержки в образовании межсоюзного экономического совета, лорд Нортклиф настаивал на назначении британского представителя, занимающего высокое политическое положение, в качестве уполномоченного, способного урегулировать с американским правительством вопрос о фондах, которые смогут авансироваться через определенные промежутки. В начале лета он обсуждал возможность такого назначения с полковником Хаузом и пришел к выводу, что виконт Рединг, лорд верховный судья, явился бы идеальным кандидатом. Лорд Рединг был близким другом Ллойд Джорджа и знатоком финансов, произведшим наилучшее впечатление в Вашингтоне осенью 1915 г. Он занимал высокое политическое положение и имел возможность говорить с полным авторитетом². «Мы условились, — писал Хауз, — что до приглашения Рединга я появляюсь с Мак-Аду и мы обсудим с ним этот вопрос».

ГЛАВА V

ЦЕЛИ ВОЙНЫ И ПРОПАГАНДА

...Моя мысль состоит в том, чтобы всеми возможными способами ободрять германских либералов...

Из дневника Хауза 19 мая 1917 г.

¹ Tardieu, France and America, p. 227—229.

² Не далее как в феврале 1916 г. Хауз высказывался о лорде Рединге как об идеальном британском уполномоченном.

ГЛАВА V

Не кто иной, как Бисмарк, утверждал, что наиболее важным в политике элементом, от которого может зависеть судьба целых империй, является «нечто невесомое». Эти слова оказались в высшей степени применимы и к мировой войне, в которой нравственные факторы в сочетании с факторами экономическими сломили дух народов центральных империй в тылу сражающихся фронтов. Эти факторы легко проследить, но они с трудом поддаются оценке; историки будут всегда делать различие в относительном влиянии военных, экономических и моральных факторов на конечный результат мировой войны, но несомненно, что, в то время как окончательная сдача центральных империй была прямым результатом поражения на поле сражения и разрушающего действия союзной блокады, она (сдача) была ускорена духом мятежа против старой императорской системы.

Сэр Уильям Уайзмэн по прошествии 10 лет сделал набросок следующего меморандума относительно военной политики Вильсона.

Меморандум Уайзмэна относительно военной политики Вильсона

1 февраля 1928 г.

Несомненно справедливо, что с самого начала великой войны и президент Вильсон и полковник Хауз интересовались больше причинами и целями войны, а также средствами для предупреждения второй подобной катастрофы, чем актуальными военными операциями. Это осталось справедливым и после вступления США в войну. Оба они поняли еще яснее необходимость энергичных и немедленных усилий со стороны нашей страны и посвятили себя не свойственной им задаче ведения войны со всей энергией духа и тела, которой они обладали. Вильсон чувствовал, что он не может позволить своим мыслям приковаться к очаровывавшей его проблеме Лиги наций до тех пор, пока он ответствен за военные усилия Америки, и он предусмотрительно исключил эту проблему из числа своих непосредственных намерений и посвятил себя тому, что он

ЦЕЛИ ВОЙНЫ И ПРОПАГАНДА

называл «сшибанием кайзера с его насеста», т. е. проводил, как он всегда это делал, хорошо обдуманное различие между войной с прусским милитаризмом и войной с самим германским народом, с которым, как он чувствовал, у него не было ссоры. Именно в это время он попросил полковника Хауза, способного, по его мнению, посвятить некоторую часть своего времени подобным вопросам, изучить проблему статута Лиги, а также развить пропаганду, ставящую себе целью показать правоту военных целей США и стран, к которым США присоединились, и, в особенности, ободрить либеральные элементы во всех странах, чтобы все ясно поняли, что эта война стала войной за освобождение; Хауз должен был также постараться найти средства довести эту мысль до германского народа.

Одной из величайших услуг, оказанных Вильсоном делу союзников, явился его призыв к либерально настроенному населению всех стран, несомненно, чувствовавшему отвращение к ужасам войны. Вильсон дал почувствовать этим либеральным элементам, что война была необходимым, хотя и ужасным, предприятием, и, несомненно, пришлось бы гораздо больше повозиться с так называемыми пацифистами, если бы они не находились под влиянием Вильсона. Чрезвычайный эффект его речей и пропаганды в Германии вполне признан германскими авторами и нашел свое высшее проявление в германской просьбе о перемирии на основе «Четырнадцать пунктов».

С момента вступления США в войну президент Вильсон сделал своим принципом бесконечную вражду к императорскому режиму и дружелюбие по отношению к германскому народу. «У нас нет, — сказал он в своей речи 2 апреля 1917 г., — ссоры с германским народом. Мы не питаем к нему других чувств, кроме симпатии и дружелюбия». Вильсон как будто стучал без конца по клавише рояля, выстукивая все ту же ноту, что война эта является войной за освобождение Германии и что германский народ сможет добиться мира, как только он откажется от своих «верховных властителей».

Германские руководители объявили, что усилия Вильсона отделить германский народ от германского правительства так

же бесполезны, как «попытка раскусить гранит». В США и в странах Антанты попытка Вильсона оправдать германский народ была подвергнута жестокой критике. Будущий историк, несомненно, задаст вопрос о том, правилен ли тезис, что германский народ был против воли втянут своими руководителями на путь, к которому он чувствовал отвращение. Политическое оправдание Вильсона заключается в том факте, что в конце концов, когда решительность германцев истощилась, они отрелись от своей старой политической системы и сдались на основе его требований.

Политика вколачивания клина между правительством и народом ни в коем случае не была новинкой. Союзники 1814 г. начали свое вторжение во Францию с провозглашения непримиримой войны Наполеону и мира французскому народу. Во время мировой войны сами немцы постоянно пробовали возбуждать в странах Антанты социалистические волнения против правительств; Стид из газеты «Таймс» и другие люди, понимавшие условия, сложившиеся в центральных империях, настаивали, что кратчайший путь к выигрышу войны ведет через действенное подстрекательство склонных к мятежу национальностей, подвластных Габсбургской империи. О возможности апеллирования к германской социал-демократии против прусского империализма говорили и в Великобритании и во Франции. В дни потопления «Лузитании» Хауз писал президенту, предлагая, чтобы в случае войны с Германией Вильсон в своих речах «снял бремя с большинства германских граждан, заявив, что мы будем воевать за их освобождение в такой же мере, как и за освобождение Европы».

Этой позиции Вильсон последовательно придерживался в течение всей войны, и в конце концов она дала результаты. Это не было рисовкой с его стороны. Он питал большое уважение к германским достижениям и культуре в прошлом; к мировоззрению и методам тех, кого он называл «военными властителями Германии», он не питал ничего, кроме ненависти. Чувства полковника Хауза были, очевидно, такими же. «Если бы вы могли слышать рассказы этих американцев, привезенные ими из оккупированных частей Франции и Бель-

ЦЕЛИ ВОЙНЫ И ПРОПАГАНДА

гии, — писал он президенту 20 апреля, — вы почувствовали бы, что всякая жертва, принесенная Америкой, будет полноценной жертвой до тех пор, пока она будет направлена на сокрушение германского милитаризма». Как Вильсон, так и Хауз столько же желали победить милитаризм разумом, сколько пушкой, и упорствовали в убеждении, что глупо предполагать, будто германский народ естественно и неизбежно прикован к колеснице своих фактических властителей или что он служит им из предпочтения. «Германский простой народ, кажется, болеет душой, — прибавлял Хауз в своем письме к Вильсону, — и был бы рад освободить себя сам от этой язвы».

Эти замечания могут быть справедливы или несправедливы, но они были весьма логичны в своих доводах, что союзники, отказываясь от подчеркивания различия между народом и правителями, мечая грома по адресу Германии, потеряли удобный случай; более того, некоторые речи государственных деятелей союзных держав, казалось, угрожали разрушением германской нации и тем самым не колебали, а скорее укрепляли лояльность германцев в отношении их правителей. Политика превращения в союзника самого германского народа, провозглашенная Вильсоном в его речи 2 апреля, должна была постоянно подчеркиваться, хотя, возможно, и являлась подходящим поводом эмоциональной неохоты союзников идти сколько-нибудь навстречу германскому народу.

«29 мая 1917 г. Моим наиболее интересным гостем был сегодня Карл Аккерман. Он обещал доставить мне свою статью под заглавием «То, что мешает заключению мира», широко раскритикованную в США, Южной Америке и Европе. Кажется необходимым, чтобы мир знал о замыслах германской военной клики и о том, насколько невозможно в данный момент заключение мира».

В течение весны выяснилось, что для сохранения революционной России в рядах союзников желательна, а возможно, и необходима какая-то новая установка военных целей со стороны Антанты. Образовавшееся в марте Временное правительство, поддерживавшее по-прежнему военные цели союзников, выраженные в тайных договорах, было обновлено,

ГЛАВА V

и у власти стал эсер Керенский. Он ненавидел Германию и был лоялен по отношению к старому союзу, но под давлением антивоенных групп России был вынужден отречься от империалистических целей войны. Новая политика была выражена в лозунге, заимствованном у германского социализма: «Мир без аннексий и контрибуций на основе права наций на самоопределение». Ответ держав Антанты, поскольку он был выражен в речах руководящих государственных деятелей, а также и в официальных нотах, посланных в Петроград, оказался уклончивым и не удовлетворил русских. Президенту Вильсону, руки которого не были связаны обещаниями территориальных присоединений, было легче согласиться с новой русской позицией. Ему представилась, таким образом, счастливая возможность выразить свои симпатии радикальному петроградскому правительству и в то же время забросить удочку германским либералам. 26 мая он обратился к русскому правительству со следующей нотой:

«Сначала следует исправить несправедливости, а потом необходимо создать гарантии, предупреждающие возможность совершения подобных несправедливостей в будущем... Но эти гарантии должны следовать известному принципу, и принцип этот ясен. Ни один народ не должен принуждаться с помощью насилия к нахождению под суверенитетом, под которым он не желает находиться. Ни одна территория не должна переходить в другие руки, разве только с целью обеспечить ее населению благоприятную возможность жизни и свободы. Не следует требовать никаких контрибуций, кроме тех, которые являются расплатой за явную несправедливость. Не должно быть никаких новых соглашений держав, за исключением таких, которые ставят своей целью обеспечение будущего мира всего мира и будущее благоденствие и счастье всех народов».

Тем временем президент Вильсон, внимание и досуг которого были, само собой разумеется, заняты проблемами, связанными с переводом страны на военное положение, уполномочил Хауза заняться специальным изучением положения Германии и известить его о моменте, подходящем для опубликования заявления, касающегося американской политики,

ЦЕЛИ ВОЙНЫ И ПРОПАГАНДА

а также и о той линии, какой следует придерживаться в этом заявлении. Хаузу посылались копии всех телеграмм, пришедших из Копенгагена и Берна — двух главных источников информации о Германии и Австрии.

В центральных державах проявлялись симптомы недовольства. Австрия была изнурена войной и уже начала тайные переговоры о мире; монархия Габсбургов натолкнулась на явно выраженное недовольство подвластных ей народов, которое грозило перейти от дебатов в недавно созданном рейхсрате к открытому мятежу. Министр иностранных дел Чернин тщательно исследовал наши возможные пути к миру и вел разговоры о либеральных реформах. В Германии он нашел союзника в лице неустанно деятельного Эрцбергера, одаренного, но нестойкого человека, подававшего надежды, что рейхстаг развернет знамя демократии и мира в революции, направленной против милитаристов и императорской бюрократии. Ни одной минуты этой последней не угрожала серьезная опасность потерять власть. Тем не менее полковнику Хаузу, продолжавшему получать обширную информацию о либеральном брожении в Германии и обо все расширяющихся требованиях мира, казалось, что движение может быть хорошо поддержано помощью извне.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 30 мая 1917 г.

«Дорогой начальник!

Мне кажется ясным, что германская военная клика не собирается заключать мир на каком-либо другом основании, кроме права завоевателя.

Кайзер и его гражданское правительство делают ставку на счастье игрока. Если они окажутся способны удержать то, что захватили, то им можно не бояться германских либералов, так как масса германского народа будет удовлетворена исходом войны.

Если, с другой стороны, пойдут военные неудачи, то кайзер и его министры склонятся на сторону либералов и дадут Гер-

ГЛАВА V

мании правительство, ответственное перед народом. До той поры они не назовут своих условий, так как они надеются удержать захваченное, а если бы их намерения стали известны, то революция в Германии приблизилась бы, потому что большинство народа желает именно мира без завоеваний.

Пацифисты в нашей стране, в Англии и России требуют установления союзных условий мира без контрибуций или территориальных присоединений. Они думают и высказывались в том смысле, что Германия согласна на подобные мирные условия.

Мне представляется важным сделать всеобщим достоянием истинное положение, чтобы каждый и внутри и вне Германии мог узнать, какой получится из этого результат. Я надеюсь, что вы сочтете уместным, улучив, как и раньше, удобный случай, выступить в этом духе. Если вы не будете направлять либеральное мышление союзников и руководить им, то это вообще не будет сделано.

Публичные выступления, вроде недавних выступлений X и Y (британский и французский государственные деятели), прямо-таки играют на руку германским империалистам. Никак нельзя назвать этого разумным или согласованным направлением союзной политики. Императорская Германия должна поддаться под натиском как изнутри, так и извне. Германские либералы справедливо выражают недовольство, что им не только никто не помогает, но что вдобавок их делу постоянно наносится вред со стороны государственных деятелей и прессы союзных стран.

Любящий вас Э. М. Хауз.

Вильсон отвечал с энтузиазмом, утверждая, что письмо Хауза «чрезвычайно согласуется» с его собственными мыслями. «Я желал бы, — писал он, — вашей помощи в следующих пунктах». Когда должен он выступить с посланием? Как может он выразить точку зрения американского правительства таким образом, чтобы не показалось, что она противоречит высказываниям британских и французских государственных деятелей, не делающих различия между германским народом и его правительством? Он прибавлял, что он был бы рад ска-

ЦЕЛИ ВОЙНЫ И ПРОПАГАНДА

зять «в основном как раз то, что вы высказали в вашем письме... Вы находитесь в более тесном соприкосновении с тем, о чем вы пишете, чем мы здесь, и можете создать себе более верное и надежное суждение, чем я, о вещах, которые обязательно должны быть высказаны».

На это письмо полковник Хауз ответил, что, вспоминая свои различные разговоры с Друммондом и Бальфуром, он не опасается затруднений со стороны англичан. Что же касается времени произнесения речи, то он настаивает, чтобы она была произнесена тотчас же.

Письмо Хауза президенту

Магнолия, Массачусетс, 5 июня 1917 г.

«Дорогой начальник!

14 июня — день продажи флажков с благотворительной целью, мне кажется, что было бы хорошо, если бы вы приурочили ваше публичное выступление к этому дню. Я хотел бы, чтобы мир ждал вашего выступления, затаив дыхание, и чтобы, когда оно состоится, ваша речь была передана в неискаженном виде во все концы земли. Вы имеете возможность стать оратором демократии, тогда как кайзер фактически является оратором автократии. Тем не менее я предостерег бы от упоминания его имени. Он почти так же не имеет значения, как и царь, перед тем как его лишили престола, — оба только представители системы.

Игнорирование кайзера ускорит в огромной степени развитие германского либерализма и позволит германскому народу самому сделать выводы. Я посоветовал бы осторожность в фразеологии, чтобы ни Франция, ни Италия не смогли подумать, что их принятые во внимание надежды на Эльзас-Лотарингию и на Триент подвергаются опасности. Англия не будет обижена. Она заинтересована в том, чтобы германские надежды на подчинение прусскому контролю Центральной Европы были разбиты вдребезги. Я обсуждал это с Бальфуром.

Доброе слово для Австро-Венгрии, Болгарии и Турции было бы полезно. Два пункта, которые я хотел бы выдвинуть на

ГЛАВА V

первый план, будут: 1) сделать явными завоевательные цели императорской Пруссии и 2) подчеркнуть нежелание демократии договариваться с военной автократией. Я также подчеркнул бы мысль, что весь мир поднял оружие не против германского народа, а против прусской олигархии.

Если бы вы предварительно послали мне копию обращения, то, мне кажется, я смог бы найти в нем слово или черточку, способные задеть чувствительность наших друзей. В случае вашего согласия на это я смогу попросить приехать сюда сэра Уильяма Уайзмэна, с тем чтобы он был в состоянии дать объяснения послам Англии, Франции и Италии.

Только для того, чтобы осведомить вас, позволяю себе сказать, что Бальфур оказал Уайзмэну доверие в необычайной степени и что они создали частный шифр, который может быть расшифрован только Друммондом и ими самими.

Любящий вас Э. М. Хауз».

Полковник Хауз не был знаком с речью президента до того, как она была произнесена, по его предложению, в день флажков. Вильсон писал ему 15 июня 1917 г., что он был вынужден очень долго откладывать составление речи и не смог показать ее раньше.

«Я не думаю, — прибавил он, — что она содержит что-либо, против чего наши соучастники по войне (так я буду их называть) могут возразить». Эта фраза важна, так как она содержит возможно впервые примененные Вильсоном слова, определяющие положение Америки, как «присоединившейся [не союзной] державы», а также и благодаря тому, что фраза показывает, сколь щекотливой считал президент тему о целях войны, принимая во внимание претензии Антанты.

Как в США, так и в странах Антанты речь, произнесенная президентом в день продажи флажков, вызвала огромный энтузиазм. Президент строго придерживался в ней двух идей, которые были выражены с его согласия в меморандуме Друммонда, а именно, что мы вели войну с существующим германским правительством и что, пока что правительство остается у власти, заключение мира невозможно. Как писал Вильсон

ЦЕЛИ ВОЙНЫ И ПРОПАГАНДА

Хаузу, он произнес речь «в сильный ливень, обращаясь к терпеливой аудитории, стоявшей с промокшими зонтами под дождем».

«Мы знаем теперь, как знали и раньше, до нашего вмешательства в войну, — говорил президент, — что мы не являемся врагами германского народа и что этот народ не является нашим врагом. Не он начал эту войну, не он желал ее, не он хотел втянуть нас в нее, и мы смутно сознаем, что мы боремся за его дело, — он увидит это когда-нибудь, — как и за свое собственное. Он сам находится в тисках того зловещего чудовища, которое ныне в последний раз выпустило свои безобразные когти и сосет из нас кровь».

Речь кончалась предупреждением, что прочный мир с кучкой милитаристов, управляющих Германией, а временно и Юго-Восточной Европой, невозможен. Мирные предложения, идущие из подобного источника, не могут быть приняты всерьез. Отсюда следовал вывод, что с поражением этой группы может открыться возможность мира:

«Воинственные властители, под игом которых истекает кровью Германия, видят вполне ясно, до какой бездны довела их судьба. Если они отступят или вынуждены будут отступить хоть на дюйм, их власть как вне страны, так и в стране рухнет, точно карточный домик. Их власть в стране, как они сознают теперь, больше, чем их власть за пределами страны. Это власть, которая колеблется от каждого их шага; глубокий ужас охватил их сердца. Они имеют только одну возможность обеспечить свою воинственную власть, а с ней вместе и свое политическое влияние: если они смогут добиться теперь мира, сохранив те огромные преимущества, которые они как будто приобрели до сих пор, то они оправдают себя перед германским народом: они действительно выиграют насилем то, что и обещали приобрести насилем, — огромное увеличение германской мощи, огромное расширение германской промышленности и торговых возможностей. Их престиж будет обеспечен, вместе с ним и их политическая власть. Если же они проигрывают, то германский народ оттолкнет их в сторону; правительство, ответственное перед самим народом, станет во

ГЛАВА V

главе Германии, как это осуществилось в Англии, в США, во Франции и во всех великих странах нашего времени за исключением Германии. Если властители Германии достигнут своей цели, Америка будет находиться под угрозой. Мы, как и весь остальной мир, должны будем оставаться вооруженными, так как Германия будет вооружаться; мы должны будем готовиться к тому, чтобы стать следующей ступенью ее агрессии. Если они проиграют, мир сможет объединиться в мирный союз, и Германия также найдет себе место в этом союзе».

«14 июня 1917 г. Сегодня, в день продажи флажков, президент произнес свою известную речь. В письме к нему я высказал свое мнение о ней. В действительности это письмо только отчасти выражает мои мысли, так как, по-моему, он сделал одну из необходимых вещей, которую еще никто не делал так хорошо... За это дело брались Ллойд Джордж, Грэй, Асквит, Бриан, Пуанкарэ, Вивиани, но никто из них не пошел дальше царапанья по поверхности. Президент выполнил дело должным образом, и то, что он сказал, оставит след, который переживет века.

Человек в положении президента имеет своей аудиторией весь мир, и если сказанное им ценно и сказано хорошо, то оно будет жить вечно».

Письмо Хауза президенту

Магнолия, Массачусетсу 15 июня 1917 г.

«Дорогой начальник!

Я надеюсь, что вы уже знаете о приеме, оказанном вашей речи. «Транскрипт» поместил в вечернем издании хвалебную передовую. Бостонский «Гералд» пишет в редакционной статье: «Каждый американец должен читать эту речь и, читая, радоваться, что в эпоху подобного кризиса мы имеем во главе республики человека с превосходными способностями для ясного и убедительного выражения народной политики».

Пока вы, конечно, не будете ощущать особого желания произнести вторую подобную речь, но когда это снова потребуются, то что вы думаете о призыве к Германии открыто объя-

ЦЕЛИ ВОЙНЫ И ПРОПАГАНДА

вить об ее мирных условиях, подобно тому как это сделали другие нации? Этим можно ее прижать к стене, заставить выразить свою добрую волю и согласиться на мир на условиях, принятых США, Россией да в конце концов и Англией, или поставить себя в положение, при котором она будет продолжать войну только с целью завоеваний.

Любящий вас Э. М. Хауз».

В течение последующих недель Хауз, по предложению президента, вырабатывал план, который должен был заставить германское правительство заявить о своих военных целях и разрушить басню, будто оно готово согласиться на умеренные условия мира. Это казалось тогда президенту более важным, чем новое заявление о военных целях союзников, вроде того, какое предлагали пацифисты России и Антанты.

2

Хауз переписывался также с американцами германского происхождения и притом самых различных общественных положений, как с целью добиться осведомленности о политических условиях в Германии, так и для обсуждения методов воздействия на германских либералов указанием на грандиозные резервные силы США и на невозможность заключить мир до тех пор, пока Германия отказывается демократизировать свое правительство.

«Я подал X, — писал Хауз 23 июля, — мысль, которую я уже подавал другим германо-американцам, а именно, мысль о глупости германских попыток заключить мир при теперешней форме их правления. Я сказал X, что, если бы я был лучшим другом Германии, я дал бы ей совет, направленный против подобного правительства». Бернгард Риддер принес Хаузу план помощи либеральному движению в Германии посредством давления со стороны германо-американцев и предложения о том, как лучше всего довести до сведения германской общественности данные о военных приготовлениях Америки. «Недавнее послание президента, — писал Риддер, — подчеркива-

ГЛАВА V

ющее его доверие к американцам германского происхождения, хорошо принято».

Письмо Хауза президенту

Магнолия, Массачусетсу 9 августа 1917 г.

«Дорогой начальник!

...Письмо от Бернгарда Риддера представляет интерес. Я думаю, что он прав, когда пишет: «В настоящее время в Германии нет достаточно ясного понимания грандиозных приготовлений, которые производятся в нашей стране».

Мне думается, кроме того, что союзники сделали промах, опубликовав недостаточное количество материалов в нейтральных странах и в центральных державах.

Нортклиф прислал мне вчера письмо Стэнли Вашберна¹, в котором Вашберн говорит, что Германия затратила в России миллионы подобным образом, а союзники фактически ничего не сделали в этом направлении.

Бертрон² пишет, что «единственным способом удержать Россию и эффективно использовать ее громадную потенциальную помощь является весьма полное и пространное осведомление. На этом мы твердо настаивали перед Вашингтоном, но вплоть до нашего отъезда ничего определенного не было сделано. Можно было бы избежать неудач, которые постигли русских, если бы мы могли взяться за дело немедленно по прибытии в Петроград, имея достаточное количество воспитательной литературы, способной дойти до армии и народа»...

Любящий вас Э. М. Хауз».

Во время разговора с лордом Нортклифом полковник Хауз выдвинул предложение о несколько дерзком в условиях войны эксперименте. Дело шло не более и не менее как о публичных дебатах относительно конечных целей войны между нью-

¹ Военный корреспондент, состоявший в течение 26 месяцев при русской армии, военный помощник и помощник секретаря миссии Рута в России.

² С. Р. Бертрон — видный нью-йоркский банкир, который был членом миссии Рута в России.

ЦЕЛИ ВОЙНЫ И ПРОПАГАНДА

Йоркской газетой «Уорлд» и какой-либо германской выдающейся газетой. Очевидно, было мало шансов на то, что германское правительство позволит германской газете принять вызов. Подобный отказ, как доказывал Хауз, помог бы сам по себе признанию Германии виновной стороной и охладил бы лояльность германских либералов. Если же вызов был бы принят, то германское правительство могло бы быть вынуждено ясно заявить о своих военных целях.

Письмо Хауза президенту

Магнолия, Массачусетс, 19 июля 1917 г.

«Дорогой начальник!

Прилагаю копию второго письма Кобба и мой ответ на него.

Я питаю только очень небольшую надежду, что германское правительство допустит подобную дискуссию, но если оно так поступит, то его отказ можно использовать таким образом, чтобы вызвать серьезные затруднения в самой Германии.

Важно, конечно, поскорее приняться за дело; я хотел бы иметь вашу оценку моего решения письмом или по проводу.

Я буду лично заботиться об этом деле и устрою так, чтобы без самого внимательного рассмотрения с нашей стороны ничего не опубликовывалось. Если встретится какой-либо вопрос, относительно которого возникнут сомнения, он будет представлен на ваше рассмотрение.

Мне кажется, что мы имеем здесь дело с идеей большой ценности, способной встряхнуть мир. Недоверие среднего человека к тайной дипломатии все возрастает, и при вашем согласии выступление, вроде предлагаемого, оказало бы большое и хорошее влияние.

Любящий вас Э. М. Хауз.

P. S. Я приглашаю участвовать Нортклифа ввиду влияния его статей в Англии и Тардье, одного из наиболее блестящих в мире писателей на международные темы...»

План публичных дебатов с молчаливого одобрения и с молчаливой поддержкой со стороны заинтересованных прави-

ГЛАВА V

тельств являлся ошеломляющим по своей новизне. Президент Вильсон нашел, что вопрос имеет свои трудности. 21 июля он писал Хаузу:

«Откровенно говоря, я вижу некоторые и притом весьма серьезные и опасные осложнения». Даже допуская, что технические трудности, заключающиеся в обращении к врагу с просьбой о разрешении свободной дискуссии в газетах, могут быть преодолены, президент не видел возможности сохранить в тайне соучастие правительства. Дебаты довели бы дело до открытия переговоров о мире, а державы Антанты ни в коем случае не были бы согласны с США относительно принципов соглашения. «Наши фактические условия мира, — говорил Вильсон, — т. е. те условия, на которых мы, несомненно, будем настаивать, теперь неприемлемы ни для Франции, ни для Италии (Великобритания в данный момент остается в стороне)».

Президент просил написать ему снова. «Вы можете найти вполне удовлетворительные ответы на мои возражения, но я не могу найти их сам». Президент рассматривал вопрос «как весьма важный».

Письмо Хауза президенту

Магнолия, Массачусетс, 9 августа 1917 г.

«Дорогой начальник!

Я направляю копию вызова Кобба, обращенного к «Тагет-блатт». Несомненно, что не может быть возражений против постановки вопроса в столь умеренной форме. Не посоветуете ли вы, что мне ответить?»

Раз дело будет пущено в ход, мы сможем легко познакомиться Германию с нашими приготовлениями, как предлагает Риддер. Мы сможем также внушить немцам как целому народу чувство безопасности, которого они сейчас не имеют. Вся военная пропаганда в пределах центральных держав направлена на возбуждение страха перед расчленением Германии и ее экономическим разорением. Если бы германский народ мог быть приведен к ясному пониманию того, что его целостность

МИРНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПАПЫ

будет лучше охранена тем миром, который мы имеем в виду, чем миром, принужденным постоянно опираться на огромные вооружения, то аргументы милитаристов были бы сломлены.

Если мы намереваемся выиграть эту войну, то мне кажется необходимым, чтобы мы делали все иначе, чем это делали союзники за последние три года.

Любящий вас Э. М. Хауз».

Несмотря на заманчивость проекта Хауза и Кобба, очевидные трудности, в нем заключенные, оказались слишком большими по сравнению с возможным его влиянием, и предположенный вызов никогда не был послан.

Разочарование Хауза из-за неосуществленного проекта было бы, несомненно, более значительно, если бы как раз в этот момент президенту Вильсону не был дан новый благоприятный случай для поднятия дискуссии о целях войны в форме предложения папы о мирных переговорах.

ГЛАВА VI

МИРНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПАПЫ

...Мы не можем принять заверение теперешних правительств Германии в качестве гарантии, что обещанное будет выполнено...

Из ответа Вильсона папе от 29 августа 1917 г.

1

В начале лета движение за мир, основанный на компромиссе, широко распространилось в Австрии и в некоторых германских кругах; оно было стимулировано русскими предложениями о мире без аннексий и контрибуций. Германские военные руководители относились враждебно к обсуждению вопроса о мире. «Людендорф, — писал Чернин, австрийский министр иностранных дел, — очень похож на государственных

ГЛАВА VI

деятелей Франции и Англии: никто из них не хочет компромисса, они ищут только победы». Необходимость скорого мира для Австрии ясно понималась Черниным уже в то время. «Я, тем не менее, вполне убежден в абсолютной невозможности еще одной зимней кампании; другими словами, в конце лета или осенью войне должен быть положен конец, чего бы это ни стоило»¹.

Австрийский император уже начал тайные переговоры с Антантой через посредство принца Сикста Бурбонского, брата императрицы, офицера бельгийской армии. Но они затянулись и в конце концов потерпели неудачу, отчасти потому, что итальянцы не хотели слышать ни о каких уступках, достаточных, чтобы склонить Австрию к сепаратному миру, отчасти потому, что Чернин имел в виду использовать переговоры как средство к общему миру, включающему и Германию, а союзники не решались на компромисс с непобежденной Германией. В свою очередь, и германские милитаристы не хотели обсуждать условия мира, не основанного на увеличении территории; Людендорф открыто высказал, что он будет считать войну проигранной, если Германия в результате ее не увеличит своей мощи.

«Будущее покажет, — писал Чернин, — какие сверхчеловеческие усилия мы прилагали, чтобы побудить Германию уступить».

В том, что все эти усилия оказались бесплодными, не был виновен ни германский народ, ни даже, по-моему, германский императору, а исключительно вожди германской военной партии, достигшие столь чрезвычайной власти в Германии. Все на Вильгельмштрассе, от Бетман-Гольвега до Кюльмана, желали мира, но они просто не могли достичь его, так как партия милитаристов отделялась от каждого, кто осмеливался действовать иначе, чем они желали»².

Депутаты германского рейхстага начинали сомневаться в возможности полной победы. Маттиас Эрцбергер, лидер

¹ *Czernin*, *In the World War*, p. 22, 164.

² *Czernin*, *op. cit.*, p. 362.

МИРНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПАПЫ

партии центра, который был связан с Черниным и осведомлен о меморандуме последнего относительно необходимости мира, сумел образовать нечто вроде «блока», стоявшего в оппозиции к власти милитаристов и выступавшего за компромиссный мир. 19 июля под его руководством большинство рейхстага приняло резолюцию, заявляющую, что «рейхстаг борется за мир, основанный на соглашении и постоянном примирении народов. Такому миру противоречат насильственные приобретения территорий, а также политические, экономические или финансовые ограничения». Резолюция была принята 212 голосами против 126.

Этот протест против влияния милитаристов оказался бесплодным, несмотря на надежды, пробужденные им за границей. Парламентский кризис сделал необходимой отставку канцлера Бетман-Гольвега, потерявшего доверие всех партий, но его преемник Михаэлис, способный администратор без парламентского опыта, отказался признать контроль рейхстага, а поскольку дело касалось мира, основанного на компромиссе, занял почти столь же решительную позицию, как Людендорф, хотя и не менее двусмысленную. Парламентская революция потерпела фиаско, и резолюция рейхстага оказалась просто «благочестивым мнением»¹. Положение сторонников компромиссного мира в Германии было ослаблено как этим обстоятельством, так и отказом Антанты рассматривать формальные предложения рейхстага в примирительном духе.

Тем не менее было очевидно, что сильное влияние в пользу мира быстро распространялось в Германии, хотя оно и не одерживало верха в господствующих кругах империи. В несомненной надежде усилить это течение, возможно по внушению Эрцбергера или Чернина, или обоих вместе, папа 1 августа выступил с нотой, обращенной ко всем участникам войны, предлагая в этой ноте мир, основанный на принципах полного восстановления оккупированных территорий, разоружения и международного арбитража.

¹ *Buchan, A History of the Great War, v. IV, p. 14.*

ГЛАВА VI

Европейские союзники как будто до некоторой степени опасались, как бы президент не был принужден ответить на обращение папы в форме, могущей довести США до переговоров, к которым союзники не были подготовлены. Боялись они также, что ответ президента повлечет за собой падение духа в союзных странах. Их затруднял недостаток тесной согласованности с США, особенно ввиду того обстоятельства, что общественное мнение рассматривало Вильсона как своего глашатая, выступающего за союзное дело против Германии.

Сам полковник Хауз был, несомненно, убежден, что категорический отказ от рассмотрения мирных предложений папы произвел бы неблагоприятное впечатление. Он мог обескуражить германских либералов, которые могли бы снова сказать, что Антанта замышляет не что иное, как политическое уничтожение Германии. Он ускорил бы крушение утомленной войной России. Хауз очень хотел, чтобы президент использовал этот удобный случай для заявления, что не Антанта закрывает путь к миру, а империалистические замыслы Германии, поскольку они представлены Людендорфом.

Таким образом, по политическим мотивам он хотел примирительного ответа. Сердце же его жаждало услышать любое мирное предложение, дающее шансы на скорое окончание войны, освобождающее человечество от его теперешних страданий.

Он был испуган ужасами войны. Кто мог гарантировать, что продолжение бойни до полного обеспечения максимальных военных целей союзников будет иметь следствием окончательное соглашение, достаточно совершенное, чтобы оправдать потерю жизней?

Письмо Хауза президенту

Магнолия, Массачусетс, 15 августа 1917 г.

«Дорогой начальник!

Я желал бы знать, какой ответ на мирные предложения папы был бы, по-вашему, наилучшим.

Мне кажется, что положение столько же чревато опасностью, сколько и надеждой. Франция может быть побеждена этой

МИРНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПАПЫ

зимой. Россия настолько полна страстного желания заняться своими внутренними проблемами, что она, несомненно, готова настаивать на мире, приняв за его основу *status quo ante*.

По-моему, гораздо важнее, чтобы Россия стала окрепшей республикой, чем то, чтобы поставить на колени Германию. Если внутренний беспорядок дойдет в России до такой степени, что Германия сможет вмешаться, то можно допустить, что в будущем она будет господствовать над Россией как экономически, так и политически. В этом случае часовая стрелка прогресса действительно передвинется назад.

Имея под боком Россию, устойчиво демократизированную, германская автократия была бы вскоре вынуждена перейти к представительному образу правления.

На основе *status quo ante* Антанта сможет помочь Австрии самой освободиться от Пруссии. Турция может быть сохранена в качестве независимой нации при условии, что Константинополь и проливы будут до некоторой степени интернационализированы. Это урегулировало бы вопрос о разделе Малой Азии между Англией, Россией, Францией и Италией — вопрос, чреватый грядущими столкновениями. Турция склонилась бы сегодня же на сторону Антанты, если бы она не предпочитала стать лучше германской провинцией, чем быть разделенной, как это предусмотрено союзниками...

Все это приводит меня к надежде, что вы ответите на предложение папы таким образом, чтобы оставить лазейку и свалить бремя отказа на Пруссию. Мне кажется, что этого можно достигнуть, если вы скажете, что мирные условия Америки хорошо известны, но что бесцельно обсуждать вопрос до тех пор, пока условия прусских милитаристов тоже не станут известны, и кроме того, что трудно требовать от народов союзных стран, чтобы они обсуждали мирные условия с военной автократией, не имеющей права представлять мнение народа, от имени которого она говорит. Если бы народы центральных держав имели голос при разрешении вопроса, то, вероятно, нашлось бы подавляющее большинство, готовое согласиться на заключение мира, приемлемого для других народов земли, мира, основанного на международной дружбе и справедливости.

ГЛАВА VI

Я считаю, что вам представился сам собой случай сделать замечательное заявление, могущее привести к великим результатам.

Любящий вас Э. М. Хауз».

Президент был более воинственно настроен и менее склонен к какому-либо компромиссу, чем Хауз; он указывал, что он не может оказать никакого внимания предложению папы. Он стремился показать свое неодобрение даже попытке принять это предложение, о чем он сообщил Хаузу для дальнейшей передачи Бальфуру¹.

2

Письма Хауза президенту

Магнолия, Массачусетс, 17 августа 1917 г.

«Дорогой начальник!

Серьезность положения производит на меня столь сильное впечатление, что я беспокою вас снова. Мне кажется, что вам представляется удобный случай изъять мирные переговоры из рук папы и взять их в ваши собственные руки. Правящая Германия ясно понимает, что никто, кроме вас, не способен вынудить определенных мирных условий. Союзники должны уступить вашим настояниям, да и Германия в этом отношении находится в не на много более лучшем положении. Как ни плохо идут дела союзников, но Германия находится в еще худших условиях. Сейчас происходит состязание на выносливость, жертвой которого Германия станет, вероятно, раньше, чем какая-либо из держав Антанты.

В Германии и Австрии волнуются массы недовольных. Русская революция показала народам их мощь и вложила страх божий в сердца империалистов.

Ваше заявление о целях США вызовет чуть ли не револю-

¹ Комментировано сэром Уильямом Уайзмэном в следующей каблограмме: «Необходимо подчеркнуть факт, что Вильсон ответил Бальфуру через Хауза относительно столь важного вопроса, как мирные предложения папы».

МИРНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПАПЫ

цию в Германии, если существующее германское правительство отважится выступить против него. Нужно признать ошибкой, что в союзных странах все снова и снова делали и говорили вещи, которые лили воду на мельницу милитаристов. Германский народ говорит и думает, что союзники добиваются не только его расчленения, но собираются сделать экономически невозможным его существование после войны. Именно поэтому он и сплотился вместе с тылом в одну нерушимую стену.

Ваше заявление, излагающее действительно существующие спорные вопросы, произвело бы чрезвычайный эффект и вызвало бы в Германии желаемый нами сдвиг. Хотя подводная война даст им надежду, но эта надежда принадлежит к числу не скоро осуществимых, и правительство не менее, чем народ, боится того, что может случиться до ее осуществления. Мне кажется, что для того, чтобы народы центральных держав почувствовали себя в безопасности в ваших руках, необходим твердый тон, полный решимости, но все еще дышащий духом либерализма и справедливости. Вы можете снова сказать, что наш народ вступил в эту войну, имея определенную цель и воодушевляемый высоким мужеством, и будет драться до тех пор, пока не будет осуществлен новый порядок свободы и справедливости для всех народов, пока не будут установлены какие-либо соглашения, благодаря которым вторая подобная война станет невозможной.

Вы можете заявить, что мы хотим не только уничтожения германской автократии, но готовы также помочь русским демократическим партиям превратить их страну в мощную республику.

Умоляю вас не пропустить этого великого благоприятного случая.

Любящий вас Э. М. Хауз».

Магнолия, Массачусетс, 19 августа 1917 г.

«Дорогой начальник!

Русский посол проводит сегодняшний день со мной. Он очень взволнован мирным предложением папы, а также и тем, как вы на него ответите.

ГЛАВА VI

Он полагает, что победа или поражение России может зависеть от вашего ответа. Его взгляд на положение сходится с моим, за исключением того, что он чувствует более остро важность воздействия ответа не только на Россию, но и на ее теперешнее правительство. Он думает, что если отнестись к сложившемуся положению поверхностно и не в либеральном духе, то это вызовет немедленный раскол в России и, вероятно, падение теперешнего министерства.

Я спросил его, почему он не высказал свой взгляд на вещи вам. Он ответил, что он не решался навязываться, раз вы его не приглашаете...

Его правительство считает, что союзники совершили ошибку, отказав в выдаче паспортов на Стокгольмскую конференцию. Если вдобавок они отклонят предложения папы, то он считает неизбежным, что это вызовет раскол не только в России, но, вероятно, и в других странах.

Он хотел бы, чтобы вы приняли на себя ведущую роль и позволили России следовать за нами. Он надеется на ваше заявление, что США готовы вести переговоры с германским народом в любое время; это даст немцам возможность назначить своих представителей. Он думает, что в этом и заключается трудность положения.

Прежде всего, по его мнению, надо начать разговор о кайзере. Я объяснил ему, почему это будет неосторожностью, и он согласился со мной. Тогда он предложил указать на германскую военную касту как на ответственных преступников, и снова я предостерег его от этого. Германский народ больше столетия приучали верить, что его величайший долг перед «фатерландом» состоит в том, чтобы служить ему в рядах армии, и он не сможет сейчас понять, что мы понимаем под словом «милитаризм» и почему это слово прилагается к Германии, а не к Франции, России или другим странам. Зато он сможет понять и поймет, что мы имеем в виду, говоря об ответственном правительстве, которого он страстно желает.

Я указал бы той Германии, с которой я желаю сойтись, т. е. либеральной Германии, что наихудшей вещью, которая может с ней случиться, является мир на основе status quo ante с тепе-

МИРНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПАПЫ

решней формой правления у власти¹. Вся ненависть, вся горечь, порожденные войной, обрушились бы на эту форму правления, что нашло бы свое выражение и в торговой войне и во всевозможных явлениях социального и экономического порядка. Имея представительный образ правления, германцы смогут вернуться в братскую среду наций, заявляя, что вина лежала не на них, а на режиме. Таким путем они несколько заглядят прошлое, а время принесет полное его забвение.

Я верю, что вы не боитесь одного из величайших кризисов, когда-либо потрясавших мир, и я уверен, что вы встретите его с тем превосходным духом смелости и демократичности, который стал синонимом вашего имени.

Любящий вас Э. М. Хауз».

Для полковника Хауза ни в коем случае не было неожиданным противоположное мнение, утверждавшее, что предложение папы, инспирированное германцами и австрийцами, показывает, что они слабеют, и имеет в виду только их спасение от справедливых последствий войны, которую они начали и вели наиболее жестокими в истории способами. Посол Жюссеран писал весьма определенно, что любой мир, базирующийся на довоенных границах, означал бы неудачу всего того, за что боролись союзники. Он разделял с президентом Вильсоном подозрительное отношение к предложениям теперешних руководителей Германии.

«23 августа 1917 г. Сегодня был один из самых деятельных и важных дней лета, — писал Хауз, — президент прислал мне свой ответ на мирные предложения папы... Я получил его не ранее полудня, и, хотя у меня были Джон Д. Спеджен, Коул-

¹ Позднее президент Вильсон выразил ту же самую мысль в своем послании конгрессу от 4 декабря 1917 г.: «Наихудшее, что может случиться во вред германскому народу, это если он будет принужден и по окончании войны жить под властью честолюбивых и строящих козни господ, заинтересованных в том, чтобы нарушать всеобщий мир... — может оказаться невозможным допустить их в содружество наций, которое должно впредь гарантировать всеобщий мир».

ГЛАВА VI

корд и Буллит из «Паблик леджер», мне удалось прочесть его, обдумать и ответить на него за время, остающееся до отхода почтового федерального экспресса. Несмотря на то что Муррей¹ не знал содержания письма, он, казалось, чувствовал его важность, так как сказал, что если управляющий не гарантирует его доставки до завтрашнего утра, то он сам возьмет его в Вашингтон. Он положил письмо в специальную сумку и обещал немедленно по прибытии в Вашингтон доставить его в Белый дом президенту. Муррей находился бы под еще большим впечатлением, если бы знал, что обладает в данный момент наиболее интересным документом».

Письма Хауза президенту

Магнолия, Массачусетсу 24 августа 1917 г.

«Дорогой начальник!

Вы снова написали декларацию человеческой свободы... Я уверен, что это мудрый, подходящий для государственного деятеля и правильный способ дать ответ на мирное посредничество папы. Англия и Франция ничего не будут иметь против. Замечательно, когда на странице третьей вы говорите: «Мир не может основываться на политических или экономических ограничениях, имеющих в виду благо одних наций и ослабление других, на карательном воздействии любого рода, или на любого вида мести, или на обдуманной несправедливости».

И снова на странице четвертой, где вы говорите: «Карательные контрибуции, расчленение империй, создание эгоистических и экономических лиг мы считаем ребячеством и т. д.». Только вы имеете право говорить так и вполне оправданы тем, что вы закладываете фундаменты новой, более величественной международной нравственности.

Америка не хочет и не должна сражаться за поддержание старого, ограниченного и эгоистического порядка вещей. Вы

¹ Ранее член конгресса, тогда почтмейстер Бостона, находившийся в этот день у Хауза.

МИРНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПАПЫ

пролагаете новый путь, и мир должен или следовать за вами, или снова запутаться в сетях несправедливости и козней.

Я послал Бальфуру каблогранму, выражающую мою личную надежду, что Англия, Франция и Италия признают ваш ответ своим ответом.

Всегда любящий вас и преданный Э. М. Хаузу».

Магнолия, Массачусетс, 25 августа 1917 г.

«Дорогой начальник!

Могу ли я предложить вам заменить каким-либо другим словом слово «ребячеством» в предложении, начинающемся: «Карательные контрибуции, расчленение империй и т. д.»¹. Эта фраза может вызвать разлад, а применение слова «ребячество» к кучке, защищающей подобные мероприятия, подлило бы масла в огонь. Конечно, то, что вы говорите, справедливо, но правда иногда вредит больше, чем что-либо другое. .

Любящий вас Э. М. Хаузу».

Нота президента папе, опубликованная 29 августа, вызвала общие похвалы. «Я очень рад, — писал Вильсон Хаузу, — что вы считаете ответ таким, каким он должен быть, и что в общем он встретил хороший прием». В день опубликования ответа Грэй сказал о посланиях Вильсона: «Они становятся настоящей сутью дела и дают мне полное удовлетворение». Лорд Роберт Сесиль прислал Хаузу каблогранму, проникнутую таким же настроением: «Мы крайне восхищаемся нотой, принятой с большим удовлетворением и нашей прессой».

Американцы германского происхождения отмечали благоприятное влияние, оказанное ответом Вильсона на либеральные круги Германии. 19 сентября Хаузу отметил: «Бернгард Риддер заходил сегодня утром поговорить о своих планах получить со стороны германо-американцев поддержку ответа президента папе».

¹В окончательном наброске президент заменил слово «ребячеством» словом «неуместным».

ГЛАВА VI

Все время, пока обсуждался ответ папе, полковник Хауз поддерживал тесный контакт с британским правительством и выдвинул предложение о том, чтобы союзники согласились принять ноту президента в качестве собственного ответа папе. Это явилось бы само по себе шагом вперед к дальнейшему согласованию целей войны и, возможно, показало бы некоторую тенденцию к ревизии более крайних территориальных домогательств союзников. «Я надеюсь от всего сердца, — писал ему президент Вильсон, — что союзные правительства... скажут нам то же».

Телеграмма Хауза президенту

Магнолия, Массачусетс, 28 августа 1917 г.

«... Для достижения сердечного сотрудничества было бы, кажется, осторожнее передать ваш ответ правительствам, чтобы они ознакомились с ним еще до его опубликования. Особенно это было бы желательно в отношении России.

Хауз».

Оказалось, что слишком поздно знакомить союзников с копией ответа папе, так как уже были приняты меры для его опубликования 29 августа. Очевидно, президент сознавал некоторое расхождение между своей точкой зрения и точкой зрения союзников и опасался какой-либо попытки достигнуть соглашения. «Я уверен, — писал он Хаузу, — что они пожелали бы изменений, которых я не могу сделать... Разница в мнениях будет меньшей помехой сейчас, чем если бы я привлек их к предварительному обсуждению».

Эти расхождения, несомненно, объясняют крушение надежд Хауза на то, что союзники формально присоединятся к ноте президента и благодаря этому получится нечто вроде объединенной программы целей войны. Французы и итальянцы, вероятно, почувствовали, что такое присоединение завело бы их слишком далеко в направлении ревизии домогательств, нашедших свое выражение в тайных договорах.

Именно это острое сознание расхождения между его собственными военными целями и военными целями союзников и привело, вероятно, президента Вильсона в это время к плану окончательной формулировки американской программы мира. Еще не наступило время, когда детали такой программы могли быть обнародованы. В своем ответе папе, как писал президент Хаузу, он был вынужден допустить некоторую неясность, обусловленную его желанием щадить чувства союзников. «Я не считал, что разумно быть более определенным, так как это могло вызвать разногласие с Францией и Италией, если бы я должен был... сказать, например, что их территориальные претензии нас не интересуют». Но все же время, когда американская программа должна была быть определена с полной ясностью, приближалось. Вильсон хотел быть готовым не только к точному формулированию американских целей войны, но также и к тому, чтобы быть в состоянии понять возражения на свою формулировку, которые могли последовать со стороны наших союзников [associates], и изучить средства привлечения их к своим идеалам.

«Я начинаю думать, — писал он Хаузу 2 сентября, — что мы должны систематически работать, чтобы установить так полно и точно, как это сейчас возможно, на чем отдельные участники этой войны с нашей стороны будут склонны настаивать при окончательных мероприятиях по заключению мира». Мы должны, продолжал он, подготовить нашу собственную позицию для защиты или для опровержения отдельных предложений и концентрировать влияния, которые мы хотим пустить в ход, или, по крайней мере, установить, какие влияния мы можем использовать; короче говоря, мы должны подготовить нашу позицию с полным знанием позиций всех тяжущихся сторон. Некоторые из правительств, замечал президент, начали собирать материалы и «настраивать свои дудки... Что сказали бы вы о том, чтобы втихомолку создать при себе группу людей для оказания вам помощи в такой же подготовке?.. Под вашим руководством эти помощники смогут пересмот-

ГЛАВА VI

реть все полезные для поставленной цели материалы, а вы составите меморандум, которым мы будем руководствоваться».

Полковник Хауз ответил с энтузиазмом, что он готов принять на себя задачу, поставленную президентом. «Я пробовал делать втихомолку и не слишком эффективным способом то, что вы предлагаете мне делать, если я этого пожелаю, систематически и основательно»¹. Вильсон обсудил затем в главных чертах план организации с государственным секретарем, причем было решено предоставить Хаузу полную свободу в этом отношении и поручить ему разработку проблемы охвата наиболее важных вопросов по его собственному усмотрению. «Лансинг не только согласен, чтобы вы приняли на себя подготовку данных для мирной конференции, — писал Вильсон Хаузу 19 сентября, — но высказал мнение, что вы являетесь единственным, кто это вообще может сделать».

Организация, таким образом созданная, стала известна под названием «Инкуайри» [*«The Inquiry»* — «исследование»]. Президент Мезес из нью-йоркского центрального колледжа был наименован директором, а Уолтер Липпмэн, принадлежавший тогда к редакции «Нью рипаблик», — секретарем. Главная квартира была в Нью-Йорке, где Американское географическое общество предоставило в распоряжение «Инкуайри» свои архивы, библиотеку и средства для картографирования, а также бесценные услуги своего директора д-ра Исайи Боумэна. Большей частью работа «Инкуайри» была совершенно отделена от работы государственного департамента или разведочного отдела генерального штаба; она сосредоточивалась не на текущих проблемах, а предпочтительнее на тех проблемах, которые должны были подниматься на мирной конференции. Тем не менее президент не раз просил у «Инкуайри» данных и совета по текущей политике, даже еще до того,

¹ Мистер Филлипс, первый помощник государственного секретаря, написал Хаузу в мае, что мы не снабжены соответствующей информацией для мирной конференции в отношении положения на Балканах и на Ближнем Востоке. Хауз принял меры для специального исследования вопроса при посредстве В. Х. Бэклера из нашего лондонского посольства, которого он предполагал привлечь к разрешению других проблем.

МИРНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПАПЫ

как ее материалы пополнились, и по крайней мере в одном случае использовал информацию, таким образом заготовленную, для наиболее важного из своих заявлений по внешней политике¹. Относительно работы «Инкуайри» сэр Уильям Уайзмэн писал позднее.

Меморандум Уайзмэна об «Инкуайри»

5 июня 1928 г.

«С первых же месяцев войны союзные министерства иностранных дел начали рассматривать условия мира и организационные вопросы мирной конференции, день которой должен был когда-либо настать. Они могли исходить из многочисленных прецедентов конференций больших и малых. Лорд Бальфур, например, был когда-то личным секретарем своего дяди лорда Солсбери на Берлинском конгрессе (1878 г.). Англичане и французы, несомненно и другие союзные державы, назначали служащих своих министерств иностранных дел, бывших дипломатов и других экспертов для подготовки мирной конференции.

Американцы, с другой стороны, имели слишком мало опыта и традиций, чтобы следовать в этом отношении за союзниками. Официальные документы государственного департамента, имевшиеся, конечно, в изобилии, не содержали большого количества сведений из первых рук о европейских мирных конференциях прошлого времени. Поэтому можно было бы предположить, что американская делегация прибыла в Париж плохо подготовленной и что Вильсон не имел преимущества научных исследований и квалифицированных советов, которыми пользовались другие руководители миссий. Но это неверно. Полковник Хауз весьма ясно предвидел необходимость подготовки и летом 1917 г. предложил Вильсону план, одновременно обращавшийся и к эрудиции и к методичности президента. Полковник Хауз предложил создать под управлением д-ра Мезеса организацию, назван-

¹ См. ниже, гл. XI.

ГЛАВА VI

ную «Инкуайри». Наиболее подходящие американские историки и специалисты с практическим опытом были приглашены присоединиться к этому штабу. Д-р Исаяя Боумэн получил исполнительные функции и разработал план, предусматривавший, какие темы должны изучаться и как должно быть организовано их изучение. Профессор Д. Т. Шотуэлл взял на себя историческую географию, а после того, как «Инкуайри» переселилась в Париж, библиотеку. Дэвид Миллер, занимавшийся правовыми вопросами, впоследствии получил известность среди всех парижских делегаций, а вместе с известностью и уважение как один из способнейших юридических умов мирного конгресса. Уолтер Липпмэн, теперешний блестящий редактор нью-йоркского «Уорлд», был секретарем. У меня создалось впечатление, что Липпмэн являлся поставщиком абстрактных идей, которые находили свое место в доброй части меморандумов американской делегации и особенно в некоторых из публичных речей президента Вильсона. Нужно назвать еще нескольких других: Джорджа Луи Бира, который занимался колониальными вопросами; Чарлза Х. Хэскинса — вопросами Западной Европы; Клайва Дэй — балканскими проблемами; Дугласа Джонсона — вопросами, касавшимися границ; В. Л. Уэстермэна — проблемами Турецкой империи, и А. Юнга, занимавшегося экономическими вопросами.

Эта ревностная и обладавшая эрудицией группа людей глубоко и беспристрастно изучала самые ужасные и запутанные проблемы, порожденные войной.

Члены «Инкуайри» свободно совещались со всяким американцем или иностранцем, бывшим в состоянии говорить авторитетно и со знанием о каком-либо соответствующем предмете. Факты, мнения, предрассудки — все терпеливо рассматривалось и тщательно анализировалось. Результаты работы, выводы, наилучшие советы суммировались и представлялись президенту полковником Хаузом вместе с его собственными мудрыми замечаниями.

Вильсон часто удивлял своих коллег в Париже глубоким знанием балканских дел, политических распри в Польше

МИРНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПАПЫ

или щекотливых вопросов, касавшихся Адриатики. Если теории Вильсона казались европейским реалистам чуждыми и непрактичными, то эти реалисты не могли по крайней мере жаловаться на неточность его фактических материалов.

Среди многочисленных услуг, оказанных американской нацией миру в течение этого исторического кризиса, труды «Инкуайри» занимали не последнее место, и достижения «Инкуайри», столь мало известные широким кругам, остаются превосходным примером трудной работы, весьма скромно выполненной».

Человек, изучающий политику Вильсона, обратит главное внимание на то, что деятельность «Инкуайри» началась уже в то время. Это обстоятельство показывает, насколько ясно сознавал президент, что задача убедить наших европейских соучастников по войне принять его, президента, точку зрения потребовала бы заботливой подготовки и больших усилий. Президент чувствовал, что потребность в ревизии договоров, зафиксировавших империалистические вожеления Антанты, была велика, и притом не только потому, что эта ревизия была необходима для достижения конечного справедливого соглашения, но и потому, что она должна была обеспечить энтузиазм народов, необходимый для продолжения войны против Германии. Союзники должны были ясно выразить, что они решили сражаться ради установления постоянного мира, а не ради территориальных аннексий. Только таким образом можно было поддержать энтузиазм либеральных и пролетарских элементов. Положение, создавшееся в России, требовало иного, более определенного оправдания продолжения войны. Эффект речей Вильсона о германской лояльности по отношению к группе милитаристов был бы вполне полноценным лишь в том случае, если бы принципы этих речей были формально и полностью подтверждены союзниками. Согласование целей войны между союзниками и США было в некоторых отношениях столь же важно, как согласование военных и экономических усилий.

ГЛАВА VII

ГЛАВА VII

АМЕРИКАНСКАЯ ВОЕННАЯ МИССИЯ

Я считаю необходимым для дела союзников, чтобы представитель США, и притом первого ранга, официально и в возможно скором времени приехал в Европу...

Из письма Ллойд Джорджа Хаузу от 4 сентября 1917 г.

1

Полковник Хауз, удерживаемый жарой вдали от Нью-Йорка, провел все лето 1917 г. в Магнолии, так что больше трех месяцев не видел президента. «Я и рад, и жалею, что вы отправились на берега Массачусетса, — писал ему Вильсон, — рад я за вас, а печалюсь за нас, столь желающих быть поближе к вам». Разлука подала повод к обычным слухам о разрыве между обоими друзьями, нашедшим свое отражение в газетах от 6 сентября.

На самом же деле президент относился с особым доверием к Хаузу именно в течение этого лета и начала осени. Именно в этот период президент постоянно просит Хауза о совете и о критике его, президента, речей, посвященных вопросам внешней политики и нашим отношениям с союзниками; он просил его позаботиться о подборе данных для будущей мирной конференции, просил расследовать одно весьма щекотливое дело, заключающее в себе обвинения в шпионаже, просил высказать свое мнение относительно британской политики блокады, применяемой к европейским нейтральным странам; он поручал ему делать конфиденциальные сообщения руководителям союзных держав относительно внутрисоюзной согласованности, относительно британской политики в Палестине и относительно того, как поступить с предложениями мира, исходящими от Германии. Он избрал его, наконец, главой военной миссии, предназначенной для установления эффективного сотрудничества с союзниками, первой миссии такого рода, посланной США в Европу.

Первое личное совещание между президентом и Хаузом после летней разлуки осуществилось в результате неожидан-

АМЕРИКАНСКАЯ ВОЕННАЯ МИССИЯ

ного посещения Вильсоном Северного побережья 9 сентября. Он покинул Белый дом с заднего хода, избегнув огласки, пока не достиг Нью-Йорка, где он сел на борт «Мэйфлауэр». Даже кабинет не знал о его поездке; известно было только, что он покинул Вашингтон.

«9 сентября 1917 г. Около семи часов портовое управление Бостона сообщило мне по телеграфу, что оно получило телеграмму о том, что «Мэйфлауэр» должен быть в гавани Глостера в два часа. Мы с Люли пошли встречать судно, сели на него, встретили президента и миссис Вильсон и плыли вдоль берега часа два или больше. Мы остановились только около нашего коттеджа, а затем отправились к дому миссис Т. Джефферсон Кулидж, чтобы посмотреть гравюры, фарфор и т. д., которые были унаследованы ею от Томаса Джефферсона.

Мы обедали на «Мэйфлауэр». Перед обедом мы с президентом душевно беседовали, возможно, с час и часа полтора после обеда... Он рассказал мне о разговоре, бывшем у него с морскими офицерами, когда он делал смотр флоту на Хэмптонском рейде несколько времени назад; он обращался к ним ко всем, включая прапорщиков, и сказал приблизительно следующее: «Никто из вас не имеет опыта в современной войне, поэтому самый младший из вас знает так же много, как самый старший, и я хотел бы получить предложения от любого офицера флота, невзирая на его ранг, относительно способов ведения нашей морской войны. Эти предложения будут приниматься департаментом флота, а если вы находите, что там не обращают на них внимания, то направляйте их прямо ко мне».

Он послал в Англию комиссию, рекомендованную предложением Артура Поллена и других, и он говорил ее членам перед их отъездом, что он желает им найти за океаном способ разрушить осиные гнезда, а не пытаться убивать отдельных ос вне укрепленного района. Мы обсуждали вопрос о крупных судах.

После полудня мы говорили о Линкольне. Мы согласились, что Вашингтон останется в истории величайшим человеком. Я повторил слова Седжвика, когда мы завтракали с ним

ГЛАВА VII

в субботу: он сказал, что один массачусетский историк утверждал, что Линкольн никогда не добился бы величия своими деяниями. На мир оказало влияние то, что он написал: именно написанное им позволило проникнуть в его мышление, понять его мысли, которые без этого никогда не были бы усвоены во всей полноте. Президент не был согласен с этим. Он считает, что деяния Линкольна дают ему такое же право на величие, как и написанное им. Президент думает, что окружение Линкольна было в значительной степени ограниченным и что благодаря недостатку более широкого образования он не имел перспектив, которые были бы открыты ему в противном случае. Он думает также, что его суждения оставались бы неизменными в любом положении».

«10 сентября 1917 г. Во время завтрака президент говорил о своем волнении при публичных выступлениях. Я думал, что он вполне свободен от него, а он прибавил, что, когда ему приходится пробираться через набитые народом подмостки, имея перед глазами аудиторию, он всегда думает о том, не упадет ли он прежде, чем доберется до ораторской трибуны.

Во время прогулки он говорил о себе как о «демократе типа Джефферсона с аристократическими склонностями». Разумом, говорил он, он был всегда вполне демократичен, что, по его мнению, является его счастьем, потому что разум руководит им там, где восстают его склонности».

Ллойд Джордж желал посылки американской военной миссии в Европу не только для создания экономической согласованности, но также и по чисто военным соображениям. Премьер-министр был давно раздражен стратегией военных руководителей Западного фронта, который несмотря на то что он подтачивал основную мощь Германии, ужасал тем, чего он стоил. Страшно растянутый процесс «guerre d'usure» (война на истощение) казался Ллойд Джорджу не обязательными расточающим жизни и время. Вместо того чтобы бросать союзные силы непосредственно против сильнейшего врага — Германии, на сильнейшем участке ее обороны, он стремился нанести удар слабейшим участникам враждебной коалиции — «вышибить подпорки».

АМЕРИКАНСКАЯ ВОЕННАЯ МИССИЯ

Он имел в виду создание новой межсоюзной военной организации, которая под единым управлением прекратила бы «долбление» на Западном фронте и пустила в ход комбинированную атаку против слабой точки центрального союза. «Несомненно, — писал сэр Уильям Робертсон, — что если бы Ллойд Джордж достиг в этот период своей цели, то главные британские усилия были бы перенесены из Франции в Италию точно так же как в январе 1915 г. он хотел перенести их на Балканы»¹.

Начальник британского штаба и сэр Дуглас Хэйг относились к практической осуществимости подобного стратегического плана непоколебимо скептически, так как, по их утверждению, было невозможно эффективно ударить в «указанную сторону» без того, чтобы не подвергнуть опасности главный театр войны во Франции. «Генеральный штаб продолжал утверждать, — пишет Робертсон, — что главный путь к победе ведет прямо вперед, через Рейн, тогда как Ллойд Джордж настаивал на том, что этот путь слишком тяжел и что лучший путь лежит если не через Италию, Триест и Вену, то через Средиземное море, Иерусалим и Константинополь. В течение 1917 г. эта мертвая тяжесть несогласий ужасно мешала организации различных кампаний, в которых мы принимали участие, увеличивая трудности согласованных действий между союзными армиями»².

Больше всего Ллойд Джордж настаивал на необходимости единого направления военной политики на всех театрах войны, и именно с этой целью он планировал межсоюзный штаб, главенствующий над главнокомандующими и начальниками штабов каждой частной армии. На этот план воодушевил его сэр Генри Вильсон, в заслугу которому можно поставить многое из того, что привело к достижению окончательного согласования военной деятельности союзников. Сэр Генри записал в своем дневнике разговор с Ллойд Джорджем, происходивший 23 августа, в котором он набросал главные линии органи-

¹ *William Robertson, Soldiers and Statesmen, v. II, p. 251.*

² *Ibid., p. 265.*

ГЛАВА VII

зации, осуществленной позднее при создании верховного военного совета.

«Я тогда развернул перед ним мой план трех премьер-министров и трех военных, которые должны были стоять выше всех начальников генеральных штабов и составлять планы для всего театра военных действий от Ньюпорта до Багдада. Я сказал ему [Ллойд Джорджу], что имел этот план в голове в течение двух с половиной лет, и объяснил, что план не нацелен ни на Робертсона, ни на Хэйга, ни вообще на кого-либо. Я сказал ему, что если он сместит Робертсона *теперь* и назначит меня начальником генерального штаба, то я по-прежнему буду настаивать на выполнении своего плана, так как он является единственным, который позволил бы нам действительно составить комбинированную схему операций.

Ллойд Джордж был явно заинтересован. Он охарактеризовал положение в следующих словах. Он доволен Хэйгом, но недоволен Робертсоном. По его мнению, совершенно ясно, что мы не выиграем войны с помощью наших теперешних планов и что мы никогда не сдвинемся с наших теперешних позиций, но что он не знает, как и что мы должны делать, а также не имеет средства контролировать или изменить планы Робертсона и Хэйга, хотя он знает, что эти планы слишком ограничены. Он сказал, что у него нет ни возможности, ни знаний, чтобы выработать другие планы и настоять на их принятии, так как всегда скажут, что он игнорирует военных специалистов. Только глубокое негодование заставило его подумать об образовании комитета из Джонни [лорд Френч], меня и других, но теперь он вполне согласен со мной, что это было бы пустым делом и что мой план несравненно лучше... В общем мои предложения его ободрили»¹.

Если бы премьер-министр имел успех в осуществлении своих планов, то поддержка со стороны США была бы для него весьма существенна, особенно в отношении проблемы человеческих ресурсов. Ллойд Джордж уполномочил сэра Уильяма Уайзмэна уяснить полковнику Хаузу различные стороны поло-

¹ Callwell. Field-Marshal Sir Henry Wilson, v. II, p. 10 — 11.

АМЕРИКАНСКАЯ ВОЕННАЯ МИССИЯ

жения! Англичане знали через полковника Хауза, что президент Вильсон поддержал бы любой план, который дал бы возможность достигнуть единства союзников, и Ллойд Джордж, может быть, надеялся получить со стороны американской миссии поддержку своей «восточной» стратегии. Хауз представил вопрос на рассмотрение президента, когда последний посетил Нью-Йорк на «Мэйфлауэр» в середине сентября.

Нежелание Вильсона выразить какое-либо мнение о стратегических вопросах являлось следствием естественного чувства, что США не должны оказывать какое-либо влияние на военные совещания до тех пор, пока они не имеют армии на фронте. Но он вполне ясно понимал необходимость более совершенной экономической согласованности, и, если это могло быть лучше всего достигнуто посредством американской миссии, он был склонен одобрить ее посылку.

Наряду с финансами и снабжением вопросы морских перевозок и блокады тоже приобрели критический характер. В течение всего лета лорд Нортклиф настаивал на чрезвычайной важности проблемы об обеспечении тоннажа. Премьер-министр чувствует, — говорил он Хаузу 14 августа, — что быстрое сооружение транспортных судов безусловно является в настоящее время первостепенной военной нуждой. Военный кабинет решил 9 августа отдать на строительство судов все стальные плиты, которые могут быть использованы для этой цели, несмотря на то обстоятельство, что это повлечет за собой снижение производительности заводов, изготавливающих снаряды. Было также решено перебросить для этого столь необходимого строительства рабочих снарядных заводов, а также служащих в армии наших союзников.

Вопрос о тоннаже стал, а в известном смысле и остался, в течение девяти месяцев центральной проблемой американского сотрудничества. Как писал Хаузу Медилл Мак-Кормик: «Нет смысла набирать огромные армии, если нет тоннажа для их перевозки и, что еще важнее, для удовлетворения потребностей гражданского населения и армий наших союзников».

Меморандум, присланный летом Хаузу англичанами, показывает, что за первые шесть месяцев беспощадная подводная

ГЛАВА VII

война истребила союзный и нейтральный транспортный флот водоизмещением более 2 $\frac{1}{4}$ млн. тонн. Принимая в расчет потопленные подводные лодки и вновь выстроенные, с излишком возместившие потери, было высчитано, что чистая потеря тоннажа, несмотря на наилучшие старания британских судостроителей, должна была составлять более 350 тысяч тонн в месяц. Когда прошла осень, опасения союзников еще более увеличились. Смогут ли американские верфи покрыть этот дефицит?

Другая проблема, которая могла быть разрешена только с помощью полного сотрудничества, сама собой встала перед президентом Вильсоном. Это была проблема политики эмбарго, поскольку она относилась к нейтральным державам. Ограничения, налагаемые союзниками на нейтральную торговлю, имели следствием наиболее острое недовольство и наиболее энергичные протесты со стороны США до их вмешательства в войну. После вступления в борьбу против Германии американское правительство, конечно, изменило свою точку зрения, и его старания предупредить проникновение товаров в Германию, пожалуй, превзошли даже мероприятия союзников. Отношения с Голландией и странами Скандинавии стали напряженными, и одно время казалось возможным, что Швеция может быть вынуждена принять участие в войне.

15 сентября Бальфур прислал Хаузу каблогамму, подчеркивающую важность создания в Лондоне союзного совета по делам блокады и желательность включения в него американских представителей, которые могут авторитетно высказывать точку зрения правительства США. Союзники хотели установить и согласовать свою политику в отношении эмбарго на импорт в граничащие с центральными империями государства, а щекотливость запутанных вопросов делала невозможным их удовлетворительное разрешение по телеграфу.

Вильсон настаивал на более подробной информации, особенно о том, чего ожидают от США. Англичане ответили, что необходимо, во-первых, организовать аппарат для координации системы экспортных лицензий всех наций, воюющих против Германии. Во-вторых, необходимо принять решения по вопросам высшей политики, изучить полезную информа-

АМЕРИКАНСКАЯ ВОЕННАЯ МИССИЯ

цию, имеющуюся в Лондоне и касающуюся возможного эффекта сурового ограничения экспорта в нейтральные страны, и вообще оценить опасность или безопасность политики эмбарго в связи с продолжением войны. Согласно сообщению, присланному Вильсону, ни один из британских представителей в Вашингтоне не подходил для разрешения острых вопросов общей политики, которые могли подняться.

Даже одно только разрешение этих трудностей являлось достаточным оправданием необходимости немедленной конференции в Лондоне с участием полномочных представителей США.

4

Согласно свидетельству сэра Уильяма Уайзмэна, полковник Хауз спокойно работал в пользу положительного разрешения вопроса о посылке американской военной миссии в Европу. В одном более позднем меморандуме Уайзмэн писал: «Хауз ясно разбирался в путанице, которая создавалась вследствие противоречивых требований сырья и снабжения. Связанные с ней вопросы не могли быть должным образом согласованы в Вашингтоне, столь далеко от театра военных действий. С другой стороны, в Европе не было никого, кто мог бы говорить с полной ответственностью от лица правительства США. Хауз выдвинул идею американской миссии, представляющей все главные департаменты правительства, имеющие отношение к ведению войны; по его мнению, эта миссия должна была заседать в совете вместе с представителями союзников в Париже и выработать план координации, а затем представители миссии должны были остаться в Европе, чтобы видеть, что работа доведена должным образом до конца».

Имеющиеся данные ясно показывают, что, хотя Хауз настаивал на посылке миссии, он сам не хотел участвовать в ней. Он как раз начал организацию «Инкуайри» и интересовался гораздо больше окончательным установлением мира, чем административными проблемами, связанными с войной. Неофициальная помощь, оказываемая им союзникам в США, была, вероятно-

ГЛАВА VII

но, больше, чем та, которую он мог оказать своей официальной миссией. Он видел каблогранму Друммонда, сообщавшего, что Бальфур «думает, что хотя приезд Хауза был бы очень желателен и полезен, но нам выгоднее его постоянное пребывание в США, где его помощь неоценима». Полковник предложил Вильсону, чтобы он образовал миссию, поставив во главе ее руководителей двух наиболее важных и заинтересованных в ней департаментов. «Что бы вы подумали относительно Мак-Аду и Бэйкера?» — спрашивал он Вильсона.

С другой стороны, британские и французские руководители, исключая Бальфура, ясно показывали свое убеждение, что намечавшаяся миссия должна возглавляться полковником Хаузом. Британский военный кабинет известил Уайзмэна, что, по его мнению, «для успеха предполагаемой международной конференции было бы весьма важно, чтобы человек, пользующийся полным доверием президента, посетил Западную Европу с целью получения информации, исходящей из первых рук, относительно положения союзников, и что полковник Хауз кажется единственным подходящим для этого лицом».

Подобные же послания приходили непосредственно из Франции, и из них особенно типично следующее, посланное через посла Жюссерана: «Соблаговолите сообщить полковнику Хаузу, что абсолютно необходимо, чтобы он прибыл сюда, хотя бы даже на неделю, на борту военного корабля для избежания задержек. Он должен ознакомиться со всеми деталями положения, прежде чем планы будут приняты».

Меморандум Уайзмэна относительно межсоюзного сотрудничества

Нью-Йорк, 10 октября 1917 г.

«1. Союзный военный совет»¹

¹ Выражение сэра Уильяма «военный совет» в применении к общим конференциям союзников не следует понимать в том смысле, что имела какая-либо действительная организация сотрудничества. Именно ввиду отсутствия подобной организации был создан 7 ноября в Рапалло Верховный военный совет.

АМЕРИКАНСКАЯ ВОЕННАЯ МИССИЯ

Этот совет образуется из представителей союзных правительств, включая военных и морских представителей. Он собирался ранее и будет собираться в дальнейшем каждый раз, как это будет признано необходимым. Члены совета снабжены своими правительствами высшими полномочиями, позволяющими им обсуждать политические цели союзников и различные военные предположения, которые могут помочь реализации этих целей. Ближайшее заседание этого совета назначено на 15 октября в Париже, а наиболее важным предметом, подлежащим обсуждению на этом заседании, будет вопрос о стратегических мероприятиях, которые должны быть применены союзниками в следующем году, так как в современной войне, имеющей несравненно более обширные масштабы, чем прошлые войны, необходимо определять военную стратегию и выработать планы по крайней мере за шесть месяцев до приведения их в исполнение.

Поэтому необходимо для союзников согласовать и установить в течение ближайших недель военные планы, которые они предполагают счастливо выполнить ближайшей весной и летом. Это тот совет, который упоминался в письме, полученном президентом. Для американских представителей было бы, конечно, возможно присутствовать на этом совете и вернуться в Вашингтон, когда совет закончит свою сессию. Заседание, назначенное на 15 октября, не может быть отложено, но было бы вполне возможно для совета объявить перерыв до более поздней даты, чтобы дожидаться прибытия американских представителей.

2. Межсоюзный совет

Этот совет еще не образован, но его образование обсуждалось в течение нескольких месяцев и было впервые предложено мистером Мак-Аду. Объектом деятельности этого совета должно быть регулирование распределения снабжения между союзниками. Все заявки, сделанные в интересах какого-либо из союзных правительств на денежные средства, военные припасы, пищевые продукты, суда, уголь и т. д., должны проходить через этот совет. Целью его было бы определение, какие

ГЛАВА VII

из заявок должны иметь приоритет с точки зрения их полезности для общего дела. Предложено, чтобы совет имел свое местопребывание в Лондоне, но его секция, имеющая дело с финансами, должна находиться в Париже. Этот совет заседал бы, конечно, непрерывно до конца войны.

3. Объединенный совет по делам эмбарго и блокады

Этот совет еще не существует, но имеется намерение обеспечить создание эффективного аппарата для доведения до конца общих переговоров с нейтральными странами. Экспортное управление в Вашингтоне уже работает неофициально вместе с английскими и французскими экспертами. Предположенный совет должен позаботиться, чтобы британские блокадные мероприятия не сталкивались с политикой американского правительства. Наиболее важным делом совета было бы урегулирование снабжения нейтральных стран. Совет будет также заседать постоянно до конца войны, но будет иметь свою главную квартиру в Лондоне».

Уайзмэн настаивал, а Хауз соглашался с ним, что последний должен объяснить, что его приезд имеет временный характер и что он не возьмет на себя непосредственных забот по координации проблем, касающихся финансов, снабжения, торгового флота и эмбарго, которые должны быть возложены на руководителей различных военных управлений. Его функции состояли бы в представительстве США при обсуждении общей политики в главном совете и в создании механизма для разрешения технических вопросов. Уайзмэн писал Хаузу определенно с этой точки зрения, так как сначала Вильсон склонялся, кажется, к тому, чтобы доверить Хаузу непосредственно все дело координации и даже назначить постоянную американскую комиссию в Европе.

«Перенесение центра тяжести войны из Вашингтона в Лондон и Париж» было полной противоположностью намерению Вильсона сохранить американскую независимость в действиях и политике. Он решил поэтому, что постоянной американской комиссии в Европе не должно быть, но что Хауз должен взять с собой представителей различных управле-

АМЕРИКАНСКАЯ ВОЕННАЯ МИССИЯ

ний по снабжению, а также представителей армии и флота, чтобы обсудить с их «противниками» в Англии и Франции технику координации. С другой стороны, как только союзники узнали о решении послать Хауза, они решили отложить заседания главнейшего из советов до его прибытия в Европу.

Президент Вильсон написал Хаузу 8 октября, чтобы он был готов «поднять важные вопросы, которые мы должны обсуждать. Назначьте время на этой неделе, когда вам будет удобно приехать сюда, и позвольте надеяться, что это случится скоро. С наилучшими пожеланиями...». Полковник Хауз выехал в Вашингтон на следующий день.

«13 октября 1917 г. Я пережил три или четыре напряженных дня. Нас ждал автомобиль из Белого дома... Президент был в правительственных учреждениях, только что проведя заседание кабинета.

Мы с президентом не имели разговоров за завтраком или обедом, но после обеда мы отправились заниматься делами до десяти часов. Мы всесторонне обсудили вопрос о моей поездке за границу в качестве представителя США на военном совете союзников... Уайзмэн указал на опасность перенесения центра тяжести из нашей страны в Европу. Он считает, что это неизбежно, если я останусь за границей столько времени, сколько предполагает президент, и возьму с собою военный, морской и экономический штаб.

Это взволновало президента, так как он не намеревался ослабить свое положение...

В полдень пришел Рединг и провел с нами час. ...Рединг знает, что президент намеревался предложить, а президент знает, что Рединг предполагал. Он, кажется, был удовлетворен приемом президента. Я вышел из двери вместе с ним, и он просил меня встретиться с ним в пять часов в британском посольстве для дальнейшей беседы...

Я объяснил и британскому и французскому правительствам, что наш приезд должен быть обставлен насколько возможно просто. Не должно быть ни банкетов, ни приемов, а только одни совещания, чтобы вести дела быстро, насколько это возможно.

ГЛАВА VII

На нашем совещании во вторник вечером президент уполномочил меня повидать Бэйкера и Дэниэлса и сообщить им относительно наших планов, а также предложить им выбрать подходящих сухопутных и морских офицеров, которые должны будут сопровождать меня. Президент думает, что генерал Блисс, начальник штаба, был бы подходящим человеком, чтобы представлять нашу армию, с чем Бэйкер позднее охотно согласился. Бэйкер вызвал Блисса, пока я находился в военном департаменте, и мы вдвоем обсудили вопрос. Когда я посетил морской департамент, Дэниэлс предложил адмирала Бенсона...»

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 16 октября 1917 г.

«Дорогой начальник!

...Я надеюсь, что вы пошлете со мной Вэнси Мак-Кормика¹, чтобы ознакомиться с британскими методами эмбарго. Его приезд был бы им приятен, и, кроме того, нет смысла для нас разрабатывать эту проблему, сидя здесь.

Любящий вас Э. М. Хауз».

«19 октября 1917г. Французский посол прибыл внезапно, чтобы передать приглашение британского, французского и итальянского правительств присутствовать на военном совете в Париже. Он сказал, что я буду единственным представителем на совете, не занимающим высокого официального положения, и что на совете будут присутствовать премьер-министры и министры иностранных дел всех союзных наций, кроме России, не имеющей сейчас устойчивого правительства...

Жюссеран обещал послать каблогранму своему правительству с просьбой, чтобы не было никаких официальных или частных приемов, по крайней мере до конца конференции».

¹ Начальник управления военной промышленности.

АМЕРИКАНСКАЯ ВОЕННАЯ МИССИЯ

«21 октября 1917г. В 9 часов 30 минут прибыл русский посол. Он прибыл, чтобы сказать, что военному совету, собирающемуся в Париже, необходимо рассмотреть как политические, так и военные нужды России. Он думает, что это укрепило бы теперешнее правительство и, возможно, дало бы ему возможность удержаться. Очевидно, русские чувствуют, что они на плохом счету у других союзников...»

«23 октября 1917 г. Президент решил сегодня утром, что было бы хорошо для меня взять с собой представителей армии и флота, а также представителей по вопросам снабжения, продовольствия, финансов, торгового флота и эмбарго. Когда он первый раз предлагал мне отправиться в эту поездку, он хотел, чтобы я ехал один. Мне было трудно убедить его, что для меня было бы невозможно обсуждать с главами союзных правительств вопросы политики и вдобавок к тому совещаться по вопросам, касающимся военных и морских дел, финансов, торгового флота, снабжения, продовольствия и эмбарго с министрами этих правительств. Я провел большую часть дня, делая смотр намеченному штату и объясняя цели поездки. Адмирал Бенсон принял меры для нашего переезда. В нашем распоряжении будут два крейсера и истребитель, а когда мы будем проплывать опасную зону, к ним присоединятся еще четыре истребителя».

«24 октября 1917г. (Запись разговора с Вильсоном.) Он составил мне «письменное полномочие» для того, чтобы я мог предъявить его правительствам Великобритании, Франции и Италии. Ни он, ни я не знали, кому оно должно быть адресовано: представителям верховной власти или премьер-министрам. Было решено тотчас спросить совета у государственного департамента, что я и сделал. Лансинг думает, что так как приглашение о принятии участия в работе военного совета исходило от французского посла, старейшины дипломатического корпуса, то и согласие должно пойти тем же путем. Поэтому президент написал письмо государственному секретарю, поручая ему осведомить французского посла, что он, президент, был рад принять приглашение союзных правительств участвовать в военном совете и что он уполномочил меня

ГЛАВА VII

представлять его особу в совете. Он решил, что я должен также иметь с собой письмо, составленное им вчера вечером и адресованное премьер-министрам несмотря даже на то, что это была не обычная процедура...»

6

Американское правительство открыто высказало свое пожелание, что миссия должна заниматься исключительно деловыми вопросами. Рединг послал премьер-министру следующее сообщение:

«Хауз не желает никаких официальных обязанностей. Его приезд должен рассматриваться как посвященный исключительно государственным делам».

«Хауз очень настаивает, — писал Уайзмэн министерству иностранных дел, — чтобы не было публичных банкетов или завтраков, во всяком случае таких, на которых он должен был присутствовать лично. Вы знаете, что он не слишком крепок здоровьем и испытывает настоящий ужас перед общественными обязанностями. Я предполагаю, что кто-либо из других членов комиссии может произнести несколько необходимых речей и появиться на завтраках, но вы должны позаботиться о том, чтобы охранить Хауза от чего-либо подобного.

Я позволяю себе напомнить вам, что американцы ненавидят холодные жилища и что важно, чтобы комнаты были хорошо нагреты и они не подумали, что не хватает топлива...»

24 октября Хауз получил от президента то, что он называл «письменным полномочием», для представления союзным правительствам; это был очень интересный документ, так как практически он передавал Хаузу полномочия самого Вильсона. Полномочие вернулось обратно неиспользованным. Положение Хауза основывалось на чем-то гораздо менее реальном, чем писаная грамота, и на чем-то гораздо более действенном: на доверии президента США, который благодаря занимаемой должности был в тот момент наиболее могущественным человеком в мире.

АМЕРИКАНСКАЯ ВОЕННАЯ МИССИЯ

Официальное полномочие

Вашингтон, 24 октября 1917 г.

«Господа!

Я позволил себе назначить моего друга, мистера Эдуарда М. Хауза, предъявителя настоящего документа, представлять мою особу на собирающейся вскоре общей конференции правительств, соучастных с центральными державами по войне, и на некоторых других конференциях, на которые он может быть приглашен и в которых сочтет нужным принять участие с целью содействовать, насколько это в его силах, установлению ясного общего суждения, принятию общих, наилучше выполнимых планов действия и установлению наиболее эффективных методов сотрудничества. Я заранее поручаю его вашему благосклонному вниманию.

С глубоким уважением и с наиболее ревностной надеждой, что наши общие усилия поведут к скорой и решительной победе

Искренне ваш *Вудро Вильсон*».

Премьер-министрам
Великобритании
Франции
и Италии.

Вильсон заключил прощальное письмо Хаузу следующими словами: «Я ненавижу слово «прощайте!». Огромной поддержкой является для меня видеть вас здесь, рядом со мной, и пользоваться вашим советом и дружбой. Но правильно, что вы должны ехать. Да благословит вас бог и да хранит он вас! Все эти недели мои мысли будут неотступно с вами, и я надеюсь, что только эти недели и разделят нас».

Американская военная миссия покинула 28 октября Галифакс, где она села на борт крейсеров «Хентингтон» и «Сен-Луи». Она включала представителей всех важных работающих для войны учреждений, сотрудничество которых с такими же учреждениями союзников стало существенным. Флот был представлен контр-адмиралом У. С. Бенсоном, начальником

ГЛАВА VII

морского оперативного отдела, соответствующим по служебному рангу первому морскому лорду британского адмиралтейства, который и своим положением и способностями был как бы предназначен для обсуждения вопросов о морском сотрудничестве с англичанами и французами. Армия была представлена своим высшим после президента начальником, начальником генерального штаба, генералом Таскером Х. Блиссом, выдвинувшимся позднее благодаря своей службе в качестве члена Верховного военного совета и американской мирной делегации. Оскар Т. Кросби, электроинженер и финансист, помощник секретаря финансового управления, получил в свое ведение финансовые проблемы, имея помощником знаменитого столичного юриста Поля Крава в качестве юридического консультанта. Вопросы эмбарго и блокады находились в руках Вэнси Мак-Кормика, руководителя управления военной промышленности. Управление торгового флота было представлено Бэйнбриджем Колби, а продовольственное управление Элонзо Э. Тейлором, который как химик-физиолог, как очевидец голодных условий в Европе и как помощник Герберта Гувера признавался выдающимся авторитетом. Томас Нелсон Перкинс, юридический консультант управления военной промышленности и член управления по приоритету, представлял США при обсуждении вопросов очередности в предоставлении тоннажа. Это была группа выдающихся людей.

«29 октября 1917 г. Наш личный вагон, — писал Хауз, — ждал нас на Пенсильванском вокзале вчера вечером часов около десяти. Бэйнбридж Колби и Нелсон Перкинс были уже там. Наш вагон был прицеплен в четыре часа утра к специальному поезду из Вашингтона, который повез нас в Галифакс...

Никому не разрешалось покидать поезд на пути к Галифаксу. Х сообщил мне, что его жена не имеет ни малейшего представления о том, куда он отправился. Он только сказал ей, что будет некоторое время в отсутствии, совершая поездку, которую в данный момент нужно хранить в тайне. Он не знает сам, в каком порту сядет на корабль; фактически никто (кроме капитана Картера) не знает этого; знаем мы с адмиралом Бенсоном».

СОВЕЩАНИЯ В ЛОНДОНЕ

«3 ноября 1917 г. (на борту крейсера США «Хентингтон»). Разговор на борту идет почти исключительно о подводных лодках, о методах их действий, о пути, на котором можно с ними встретиться, и о всевозможных подробностях этого вопроса. Каждый вспоминает о том, как люди захватывали суда в былые дни, и никто ничего не делает, ведя бесконечные разговоры о пиратах и о возможности быть атакованным, ограбленным и потопленным ими».

«4 ноября 1917 г. На палубах приготовились к бою. Гостиная, расположенная позади нашей столовой, теперь наполнена группами канониров, по четырнадцать человек в каждой, обслуживающими два кормовых орудия этой палубы. Непрестанно ходят взад и вперед ночью и днем».

Миссия благополучно высадилась в Плимуте 7 ноября и была встречена адмиралом Джеллико, первым британским морским лордом, и адмиралом Симсом. Экстренный поезд доставил ее в Лондон, где на платформе Пэддингтонского вокзала, под полуночный бой часов, Бальфур и посол Пэйдж приветствовали первое проявление решимости Америки добиться согласованных усилий в ведении войны.

ГЛАВА VIII СОВЕЩАНИЯ В ЛОНДОНЕ

...Генерал Смэтс... один из немногих людей..., которые не кажутся усталыми. Он деятелен, энергичен и полон сил...

Из дневника Хауза от 13 ноября 1917 г.

1

Миссия Хауза прибыла в Европу в момент катастрофического кризиса военного счастья. В ноябре 1917 г. дело союзников было омрачено двойным бедствием: разгромом итальянской армии под Капоретто и приходом к власти большевиков в России. Положение было, возможно, самым серьезным из всех положений, встречавшихся союзникам со времени 1914 г.

ГЛАВА VIII

Вопрос шел теперь не о том (куда делись весенние расчеты!), как наилучшим способом разбить Германию, — вопрос шел о том, как избежать поражения.

В среду 24 октября австрийцы, подкрепленные заботливо подобранными германскими дивизиями, атаковали Кадорну. Покровительствуемый погодой, которая казалась специально предназначенной для германской тактики неожиданностей, генерал Белов сломил итальянскую оборону под Капоретто, и германцы хлынули через прорыв в равнину Фриуля. Вторая итальянская армия, «утомленная осенним наступлением, ослабленная недовольством и предательством, потрясенная невиданной германской тактикой, превратилась в толпу беглецов... Устремляясь в диком беспорядке назад, на равнину Фриуля, она открыла фланг соседней армии герцога Аостского и, казалось, заперла ее между полчищами завоевателей и Адриатикой. Подозрение, что измена в некоторой степени способствовала поражению, по-видимому, еще более затруднило отступление, так как некоторые газеты распространяли среди войск лихорадочное возбуждение и подрывали их стойкость. Огромный выступ фронта был прорван у своей верхушки, и каждая миля отступления на запад означала усложнение отступления на севере. На войска, утомленные долгой кампанией, обрушилась черная туча опасности, которая угрожала Италии с тех пор, как она вынула меч из ножен»¹.

Италия была спасена от полного поражения отчасти благодаря доблести и скорости третьей армии, руководимой герцогом Аостским, отчасти благодаря самому врагу, застигнутому врасплох значительностью своей победы и оказавшемуся неподготовленным к ее использованию. Около 10 ноября то, что осталось от итальянских армий, сосредоточилось за рекой Пиаве как единственная и к тому же жалкая защита Венеции. Английские и французские дивизии перебрасывались через Альпы, чтобы укрепить сопротивление. Но итальянцы за месяц борьбы понесли потери, которые фактически достигали устрашающей общей суммы почти в 750 тысяч человек.

¹ *John Buchan, A History of the Great War, v. IV, p. 53, 55.*

СОВЕЩАНИЯ В ЛОНДОНЕ

Полный объем итальянского поражения был установлен как раз ко времени приезда миссии Хауза в Англию. Двумя днями позже из Петрограда пришли известия о том, что правительство Керенского свергнуто и что 8 ноября Ленин захватил власть. За три недели диктатура большевиков была полностью установлена, и руководители союзников очутились лицом к лицу с опасностью неминуемого выхода России из рядов воюющих. Едва захватив бразды правления, большевики предложили перемирие всем участникам войны и обнародовали замечательный манифест, отмечающий первый официальный шаг советского правительства к «справедливому и демократическому миру». Такой мир был определен как «немедленный мир без аннексий (т. е. без захвата иностранных территорий, без насильственного включения чуждых национальностей) и без контрибуций».

В течение нескольких месяцев руководители союзников наблюдали за разложением военной мощи России и признавали, что возможность рассчитывать на эффективную поддержку со стороны Восточного фронта становится все меньше. Но приход к власти большевиков, если бы он привел к сепаратному миру, означал получение Германией полной свободы переброски ее войск, и притом в большом числе, с востока и имел бы следствием установление численного превосходства германцев на Западном фронте — превосходства, которого они до того не имели с первых дней войны.

Кризис, наступивший после Капоретто, и опасность, что окончание войны на Востоке позволит Германии концентрировать подавляющие силы на Западе, побудили Ллойд Джорджа к решению, которое он в свое время обдумывал и которое обсуждал в августе с сэром Генри Вильсоном. Раз союзники были неспособны поддерживать численное превосходство над врагом, то какой же еще шанс оставался им теперь, если они не примут новых методов борьбы? Доверие к стратегии борьбы на истощение, принятой генеральным штабом, доказывал Ллойд Джордж, имело результатом страшные потери в людях и полное отсутствие материальных успехов. Усилия союзников никогда не были согласованы, и каждая армия делала то,

ГЛАВА VIII

что казалось ей правильным, по ее собственному мнению, вследствие чего союзные армии и терпели поражение одна за другой. Единственная надежда союзников заключалась в том, что они будут рассматривать поля сражений как единый фронт, а также в создании единства командования. Ллойд Джордж в публичной речи, произнесенной 12 ноября в Париже, подтвердил провал военной политики союзников, сделав обзор стратегических ошибок последних трех лет:

«Верно, мы послали свои войска в Салоники на выручку Сербии, но, как обычно, они были посланы слишком поздно... Половина людей, павших при тщетных попытках прорвать Западный фронт в сентябре того года, спасла бы Сербию, спасла бы Балканы и довершила бы блокаду Германии... 1915 год был годом сербской трагедии; 1916 год стал годом румынской трагедии... это была та же сербская история, почти без вариаций... Итальянская катастрофа еще может спасти союз... Национальные и профессиональные традиции, престиж и болезненная восприимчивость — все это составило заговор, чтобы сделать недействительными наши лучшие решения... Война затянулась из-за разрозненности, она должна быть ускорена сплоченностью».

Та же мысль была высказана французским премьер-министром Пенлевэ, который утверждал: «Единый фронт, единая армия, единая нация — вот программа грядущей победы!»

В этом настойчивом требовании единого командования не было ничего нового. Еще в самом начале войны ущерб, наносимый отсутствием центрального управления, был очевиден: «Вероятные действия противника недостаточно изучались и не всегда предвиделись, а когда должны были приниматься встречные меры, то торопливые совещания, панические решения, неполные приготовления и столкновения целей были естественным результатом»¹. Выдвигались различные схемы, ставившие своей целью достижение стратегической согласованности, но действительное единство казалось невозможным благодаря естественному нежеланию англичан согласиться на

¹ *William Robertson, Soldiers and Statesmen, v. I, p. 192.*

СОВЕЩАНИЯ В ЛОНДОНЕ

генералиссимуса француза и столь же естественному выводу французов, что союзными армиями, воюющими на французской земле, не может командовать иностранец. Правда, в начале 1917 г. Ллойд Джордж выразил согласие на временное и местное соглашение, которое поставило сэра Дугласа Хэйга под команду генерала Нивелля на время хода весенней операции. Но неудача операции только снова усилила сопротивление английских военных руководителей учреждению единого верховного командования, возглавляемого французом. «Главным результатом, — пишет генерал Блисс, — были взаимные обвинения и убеждение английских войск, что их принесли в жертву безнадежной попытке с целью обеспечить успех их союзников»¹.

«Необходимость согласованности в организации военных действий была полностью понята, — писал начальник британского штаба, — как министрами, так и военными еще задолго до того времени, когда так называемое единство командования стало политическим лозунгом, т. е. до конца 1917 г. Необходимость признавалась всеми. Трудность состояла в том, чтобы определить метод, которым согласованность могла быть достигнута»².

Ллойд Джордж вполне понимал невозможность склонить в то время британское общественное мнение к согласию на учреждение общего верховного командования. Подобное предложение привело бы, весьма вероятно, к падению его правительства. 19 ноября он сказал в палате общин, что назначение генералиссимуса «создало бы настоящие трения и могло бы фактически вызвать их не только между армиями, но и между нациями и правительствами»³. Он был также против системы согласования, обеспеченной совместной деятельностью британского и французского начальников штаба, отчасти, возможно, вследствие недостатка доверия к «традиционализму» профессиональных военных.

¹ *Tasker H. Bliss*, The Unified Command, in «Foreign Affairs», 15. XII. 1922, p. 3.

² *Robertson*, op. cit., v. I, p. 213.

³ «*Hansard*», 19.XI.1917, p. 896.

ГЛАВА VIII

Судя по мемуарам Пенлевэ, тогдашнего французского премьер-министра, он предложил Ллойд Джорджу тремя месяцами раньше создание межсоюзного штаба во главе с генералом Фошем¹. Предложение принципиально отличалось от сделанного Ллойд Джорджу сэром Генри Вильсоном, так как план Пенлевэ предлагал включить начальников штаба и сделать Фоша, собственно говоря, генералиссимусом, тогда как план Вильсона предусматривал организацию военного совета, стоящего выше начальников штабов и не включающего их в свой состав. 30 октября, после катастрофы под Капоретто, Ллойд Джордж написал Пенлевэ длинное письмо, набрасывая в общих чертах британское предложение относительно «своего рода межсоюзного штаба», который должен был быть политическим по своей структуре, хотя к нему должны были быть прикомандированы военные, а если возможно, то и морские и экономические эксперты². Письмо Ллойд Джорджа и его план создания военного совета были заботливо изучены французскими экспертами, которые в конце концов приняли его принципы и выработали на его основе окончательный статут новой организации. 5 ноября британский и французский премьер-министры отправились в Италию, где в Рапалло, в итальянской Ривьере, их ожидал итальянский премьер Орландо и его министр иностранных дел Соннино. После двухдневного обсуждения план этого межсоюзного совета был принят, и новая организация была названа Верховным военным советом (*Conseil Supérieur de Guerre*).

Тем временем Ллойд Джордж вернулся в Англию, чтобы

¹ *Painlevé, Comment j'ai nommé Foch et Pétain*, с. 240.

² Текст этого письма, переведенный на французский язык, напечатан у *Mermeix*, *Le Commandement unique: Foch et les armes d'Occident*, p. 164 — 168. Пенлевэ ставит себе в заслугу первое выдвижение идеи Верховного военного совета и настаивает, что Ллойд Джордж согласился на его предложение за две недели до Капоретто («*Comment j'ai nommé Foch et Pétain*», с. 256). Он, очевидно, ошибается, так как Ллойд Джордж не мог в то время согласиться на межсоюзный штаб, возглавляемый Фошем, и так как между французской и британской идеями оставалось то же разногласие относительно включения или невключения начальников штаба, как и позднее. Текст письма Ллойд Джорджа от 30 октября делает это вполне очевидным; из этого письма ясно, что он не принял предложений Пенлевэ, а сам изложил новый план.

СОВЕЩАНИЯ В ЛОНДОНЕ

встретить лицом к лицу парламентский кризис, явившийся следствием его критики методов ведения войны профессиональными военными и угрожавший падением его кабинета. Его задача, заключавшаяся в получении поддержки для создания новой межсоюзной организации, была затруднена критикой со стороны начальника британского штаба и совета британской армии, которые подняли резкие возражения против проекта исключения начальников штабов из Верховного военного совета. «Странно сказать, — пишет генерал Блисс, — в свете нашего теперешнего опыта, что больше всего влиял на общественное мнение довод, утверждавший, что был произведен нарочитый опыт отказа от национального командования в пользу межсоюзного. Это не имеет теперь другого значения, кроме разве того, что показывает, насколько мало созрела тогда как военная, так и гражданская мысль для единого командования на фронте»¹.

2

Миссия Хауза встретила, таким образом, при своем прибытии в Европу с положением, при котором все технические проблемы координации между США и союзниками были отодвинуты на задний план более важным вопросом о союзном единстве в целом. Вопрос должен был найти разрешение, в противном случае сочетание катастроф, грозивших союзникам, могло стать фатальным. Отпадение России и разгром итальянских армий омрачили всю картину. Французское правительство окончило свое существование. Казалось сомнительным, сможет ли сам Ллойд Джордж сохранить свое положение и свою политику объединения.

Вполне естественно, что британский премьер-министр должен был искать поддержки американской миссии, которая занимала в общественном мнении исключительно важное положение, что явствовало из многочисленных газетных статей, подчеркивавших ресурсы США. «Полковник Хауз и его выда-

¹Bliss, The Unified Command, in «Foreign Affairs», 15.XII.1922, p. 7.

ющиеся коллеги, — писал лондонский «Спектейтер» 17 ноября, — прибыли в критический момент. Их влияние в до некоторой степени приведенном в смущение совете союзников будет неопределимо». Мистер Грэсти телеграфировал «Нью-Йорк тайме», комментируя превратность судьбы, сделавшую из Хауза «носителя бодрости и успокоения всей цивилизованной Европы... Еще никогда в Европу не приезжал иностранец, встречавший более горячий прием и обладавший большей мощью. За этим «сверхпослом», авторитет и активность которого в своем роде единственны, стоит президент, а за президентом стоит страна, безмерные ресурсы и непоколебимая воля которой могут считаться верным щитом против пока еще удачливого натиска пруссачества»¹.

«13 ноября 1917 г. Джордж хотел объяснить свою позицию в отношении Верховного военного совета, — писал Хауз в своем дневнике, — и убедить меня, что США должны заседать в нем... Я высказал свои доводы в пользу того, что было бы неразумно с нашей стороны иметь представителей, которые все время будут заседать с премьер-министрами и министрами иностранных дел союзников. Я предложил рекомендовать, чтобы генерал Блисс или какой-либо другой военный стал членом военной секции совета. Джордж был удовлетворен этим, но высказал пожелание, чтобы мы согласились на его завтрашнее заявление в палате общин относительно того, что мы одобряем идею и пошлем представителя. Я энергично уклонился от согласия на это до тех пор, пока я не представлю вопрос на рассмотрение Вашингтона.

Он сказал, что Петэн и Кадорна целиком одобрили план, и прибавил, что Петэн не одобряет будущего наступления на Западном фронте. Если Джордж добьется своего и если он правильно передает слова Петэна, то новых наступлений союзников во Франции не будет до тех пор, пока США не смогут двинуть свои войска в бой бок о бок с союзниками или пока Россия не сможет оправиться настолько, чтобы быть в состоянии нажать на Восточном фронте. Я сказал, что если бы

¹ «New York Times», 18.XI.1917.

СОВЕЩАНИЯ В ЛОНДОНЕ

мы окончательно решились на такую политику, то было бы хорошо сделать публичное заявление об этом. Германцы приняли бы без всякого энтузиазма известие о том, что союзники на Западном фронте предполагают держаться пассивно и удерживать свои оборонительные линии до конца 1918 или начала 1919 г., когда США смогут выступить во всеоружии против врага. Джордж разделил мой взгляд, но мы отложили вопрос до дальнейшего обсуждения».

Каблограмма Хауза президенту

Лондон, 13 ноября 1917 г.

«Сегодня прибыл первый министр. Я обедал с ним наедине, чтобы можно было говорить вполне свободно.

Положение итальянцев безнадежно. Венеция не удержится. Французские и английские войска спешно перебрасываются на итальянский фронт и должны развернуться там к 20 ноября.

Франция, Англия и Италия согласились образовать Верховный военный совет и считают крайне необходимым, чтобы мы были в нем представлены из-за морального эффекта, который это произведет здесь. Я послал вам через департамент каблограмму, с копией этого соглашения, подписанного в Рапалло.

Я не советовал бы назначать гражданского представителя, предусмотренного параграфом первым, но должен твердо настаивать на назначении военным представителем генерала Блисса, согласно параграфу пятому. Важно принять немедленное решение, чтобы можно было объявить, что Америка находится в полном согласии с Англией, Францией и Италией.

Необходимо сделать все возможное в настоящее время для придания бодрости нашим друзьям здесь и во Франции.

Маловероятно, чтобы на Западном фронте было предпринято наступление до начала весны, точнее говоря, до того, как американцы сосредоточат достаточные силы для оказания материальной помощи, или до тех пор, пока русские настолько оправятся, что снова начнут военные действия на востоке. Это

ГЛАВА VIII

похоже на карточную игру «с подсидкой». Я еще вернусь к этому вопросу в следующем сообщении.

Эдуард Хауз.

Каблограмма, присланная в ответ Вильсоном, была составлена в энергичных выражениях и выражала готовность полной поддержки Верховного военного совета. Перефразированный текст каблограммы Хаузу был таков.

Парафраз каблограммы Вильсона Хаузу

Вашингтон, 16 ноября 1917 г.

«Будьте добры занять позицию, согласно которой мы не только одобряем план военного совета, но настаиваем на нем. Мы не сможем успешно участвовать в войне без подобного совета, как не сможем ссужать союзников деньгами без того, чтобы так называемое совещание, организованное Кросби, не приняло общий характер. Насколько я предполагаю, военный совет должен при известных обстоятельствах занять место совещаний, в которых вы должны принять участие, и я надеюсь, что вы сочтете нужным остаться, чтобы участвовать в нем, во всяком случае на первых заседаниях, и помочь выработке планов. Бэйкер и я согласны, чтобы Блисс был военным представителем...»

Полковник Хауз не вручил этого текста Ллойд Джорджу для использования при дебатах в палате общин, так как опасался, что президент Вильсон может показаться защитником особого плана, стремящегося к достижению единства союзников. Принимая во внимание различие мнений, вызванное приглашением в Рапалло, и оппозицию влиятельных членов палаты общин, включая Асквита, можно было опасаться, что американский президент окажется впутанным в вопрос британской внутренней политики. Поэтому Хауз перефразировал каблограмму Вильсона таким образом, что вместо присоединения президента к какому-либо определенному плану она подчеркивала, что он настаивает на принципе союзного единства.

СОВЕЩАНИЯ В ЛОНДОНЕ

Опубликованное заявление американской военной миссии

«Полковник Хауз получил от президента каблограмму, подчеркивающую, что правительство США считает, что единство плана и командования между всеми союзниками и США существенно для достижения справедливого и прочного мира. Президент особенно указывает на тот факт, что если огромные ресурсы США должны быть использованы с наибольшей выгодой, то этому может способствовать только осуществление подобного полного единства. Он поручает полковнику Хаузу вести переговоры с руководителями союзных правительств для достижения возможно более тесного сотрудничества. Президент Вильсон просил полковника Хауза присутствовать на первом собрании Верховного военного совета вместе с генералом Блиссом, его военным советником. Можно надеяться, что первое заседание Совета состоится в Париже еще до конца этого месяца»¹.

«Эффект, произведенный заявлением президента, поднял надежды всех поддерживавших соглашение в Рапалло. «Таймс» посвятил передовую статью американскому обещанию участвовать в заседаниях совета и писал об одобрительном отношении Вильсона как о «несравненно более важном развитии схемы союзного совета... Сообщение так же сдержанно по тону, как широко по размаху... Оно должно ясно подчеркнуть главный принцип, за который стоит в настоящий момент Ллойд Джордж: «единство плана и управления», принцип, получивший признание в Рапалло».

Каблограмма Хауза президенту

Лондон, 20 ноября 1917 г.

«После того как премьер-министр в своей парижской речи оповестил об образовании Верховного военного совета, здесь создалось очень трудное и опасное положение... Заявление

¹ «The Times», 19.XI.1917.

ГЛАВА VIII

вместе с критикой военных авторитетов, казалось, вызвало политический кризис, угрожавший падением министерства.

Если принять во внимание весьма критическое положение дел в других союзных государствах, это могло повлечь за собой серьезнейшую военную катастрофу. Премьер-министр постоянно настаивал, чтобы я сказал что-либо, могущее улучшить положение. Но я отказывался сделать это до тех пор, пока не получил вашего сообщения. В выпущенном мной официальном документе умышленно избегалось одобрение плана премьер-министра, а только устанавливалась необходимость военного единства и сообщалось о ваших инструкциях Блиссу и мне присутствовать на первом заседании совета после парижской межсоюзной конференции.

Положение было совсем улажено, но опровержение Тьюмалти подняло снова всю историю, и правительство будет сегодня после полудня отвечать на вопрос в палате общин.

Я воздерживаюсь от дальнейших заявлений и прошу прессу о том же. Если это будет сделано, то инцидент будет исчерпан.

Эдуард Хауз.

Во вторник после полудня в палате общин был поднят вопрос о том, насколько авторитетным может считаться заявление о согласии Вильсона на вступление в военный совет, если принять во внимание вашингтонское опровержение. Но так как подтверждения опровержения не последовало, а полковник Хауз прочел Ллойд Джорджу и лорду Редингу оригинальную каблограмму Вильсона, то Бонар Лоу мог заявить от имени правительства, что оно имеет официальную гарантию американского одобрения. «Вчера благодаря этому на меня взъелись газеты и правительственный официоз, — писал Хауз Вильсону в среду. — Однако инцидент теперь счастливо исчерпан».

3

В течение этого парламентского кризиса, окончившегося одобрением рапальской политики Ллойд Джорджа, члены американской миссии, сознавая огромность стоявшей

СОВЕЩАНИЯ В ЛОНДОНЕ

перед ними задачи согласования и стремясь прежде всего изучить сущность проблем, разрешения которых они должны были добиваться, пришли в контакт с соответствующими работниками британских военных управлений¹. Они принялись вместе с последними за вопросы людских ресурсов, финансов, продовольствия, блокады и военной промышленности.

Благодаря любезности герцога Роксборо британское правительство смогло считать полковника Хауза своим гостем в Честерфильд-хаузе.

Именно здесь, главным образом, занимался полковник Хауз политическими переговорами с британскими руководителями. «Он старался выяснить, — пишет Уайзмэн, — взгляды различных государственных деятелей союзников, чтобы иметь возможность определить, с кем из них может он сотрудничать наиболее продуктивно». Сущность этих совещаний видна по следующим извлечениям из его дневника.

«8 ноября 1917 г. Завтрак с Бальфуром. Кроме нас на нем присутствовал только сэр Эрик Друммонд... Мы сделали за завтраком и после него обзор всего лежащего перед нами поля деятельности. Мы говорили с величайшей искренностью. Бальфур выразил большое удовлетворение нашим прибытием как раз в данное время и заявил, что это имеет большое значение не только для самой Великобритании, но и для всего дела Антанты, если принять во внимание «*débâcle*» (разгром), как он выразился, России и Италии.

Он дал мне почувствовать, что я пользуюсь доверием его правительства в той же мере, как и моего собственного...»

«10 ноября 1917 г. ... Бэйнбридж Колби обсуждал со мной уместность реквизиции нейтрального торгового флота во всем мире. Моей первой мыслью было, что Великобритания и США не должны создавать прецедента, который когда-нибудь может обернуться против нас самих, и что не нужно уча-

¹ Нет нужды говорить о том, что эта глава не должна рассматриваться как попытка дать охватывающий обзор работы, совершенной миссией. Полная история миссии может быть найдена в соответствующих официальных документах.

ГЛАВА VIII

ствовать в мероприятии, схожем с тем, которое совершила Германия, нарушив нейтралитет Бельгии.

Еще до ухода Колби доложили о лорде Сесиле. К моему большому удивлению, лорд Сесиль согласился с Колби; у обоих был один и тот же довод, что подобное мероприятие принесет пользу нейтральным странам. Это, может быть, и верно, но тем не менее является предлогом, которым всегда можно оправдать подобную насильственную деятельность мощных наций. Лорд Роберт совещался со мной после ухода Колби; мы подняли вопросы об эмбарго, о торговом флоте и многие другие вопросы, имеющие общий интерес для наших стран.

Завтракал с Бонар Лоу на Даунинг-стрит. Кроме нас и его дочери никто не присутствовал. Лоу угнетен и подавлен. Два его сына убиты, и, говоря об этом, он не может преодолеть душевное волнение... Завтрак был очень прост... Он придерживается умеренности в пище, которую общественные деятели часто проповедуют, но которой редко следуют. После завтрака мы обсудили возможность окончания войны и вероятные ее последствия. Я сказал ему о намерении президента обратиться к конгрессу с посланием по поводу экономической свободы и пригрозить Германии экономической войной в случае, если она откажется принять участие в установлении справедливого и прочного мира. Лоу выразил свое безоговорочное одобрение...»

4

«13 ноября 1917г. Генерал Смэтс был моим первым посетителем после полудня. Почти каждый, с кем я встречался, предлагал мне обязательно повидать Смэтса. Он стал знаменитостью дня. Мои ожидания были огромны; дело было не только в том, что я об нем слышал, я находился под впечатлением его речей и заявлений, которые я читал время от времени. Он только что вернулся из Италии. Он говорил с воодушевлением о плане нового Верховного военного совета. Это было для меня ценным, так как я доверяю его мнению. Он один из немногих людей, которых я встречал среди членов

СОВЕЩАНИЯ В ЛОНДОНЕ

правительства, не кажущихся утомленными. Он деятелен, энергичен и полон сил...

Следующим был французский посол Поль Камбон. У нас была длинная и интересная беседа.

Камбон начал с того, что, по его мнению, было бы благо-разумно для четырех главных держав, для США, Франции, Великобритании и Италии, собраться на предварительное совещание в Париже перед общим совещанием. Это предва-рительное совещание должно быть посвящено исключитель-но обсуждению военных планов союзников. Совещание бы-ло первоначально задумано только как беседа, но, после того как его идея стала известна прессе, малые нации пожелали в нем участвовать, и из вежливости их просьба была уважена. Камбон опасается, что на совещании эти малые державы по-желают воспользоваться случаем, чтобы выразить свои поли-тические стремления, и таким образом затушают главный предмет конференции, т. е. удачное продолжение войны. Русский делегат, вероятно, не будет прислан, но союзникам известно, что Россия желает от союзников новой декларации о целях войны, а это, по мнению Камбона, совершенно из-лишне, так как целью войны является победа над Германией, а все другие цели могут обсуждаться после достижения этой основной цели.

Затем Камбон сделал обзор условий, создавшихся в Вели-кобритании, Франции и Италии.

Великобритания может уверенно продолжать войну: она пострадала меньше, чем Франция, не подверглась вражескому вторжению и готова принести большие жертвы.

Перспектива потери Венеции (он думает, что она будет по-теряна) объединит нацию [Италию], как ничто другое, и, сле-довательно, сможет вывернуть все наизнанку.

Во Франции имеются элементы, готовые заключить мир на любых условиях. Эти элементы состоят из меньшинства соци-алистической партии и из небольшого количества финансис-тов, финансовые операции которых затруднены продолжени-ем войны. Большая часть нации, однако, особенно армия и крестьянство, отказалась бы вернуться к status quo, сущест-

ГЛАВА VIII

вовавшему до войны, после потери двух миллионов людей, не говоря уже об уничтожении собственности на территории, подвергшейся вторжению. Правительство, сказал Камбон, которое попробует начать переговоры о мире плохого сорта, не продержится у власти и двадцати четырех часов.

Принимая во внимание тот факт, что французы и англичане послали в Италию восемь дивизий, не приходится ожидать теперь какого-либо продвижения на Западном фронте. Он не видит для народов союзных наций другого исхода, кроме терпеливого ожидания весны, когда прибытие значительных американских сил сделает возможным победоносное наступление, которое, по его мнению, увенчалось бы успехом еще до начала осени, так как у него есть основание думать, что германцам не хватает не столько пищевых припасов, сколько сырья для изготовления военного снаряжения и артиллерии. Камбон закончил свои замечания словами, что нация, которая первая заговорит о перемирии, будет побеждена: так бывало всегда в истории».

«16 ноября 1917 г. Мы обедали с лордом верховным судьей и леди Рединг. Другими гостями были премьер-министр и миссис Джордж, сэр Уильям и леди Уайзмэн. После того как женщины встали из-за стола, премьер-министр, Рединг, сэр Уильям и я обсуждали общее положение. Я старался узнать мнение Ллойд Джорджа относительно условий мира... Я нахожу, что будет бесполезным пытаться побудить как французов, так и англичан к определению их условий. Великобритания не может пойти на новые русские условия «мира без аннексий и контрибуций», не может пойти на них и Франция. Великобритания сразу пришла бы в острый конфликт со своими колониями, и они могли бы отказаться продолжать войну, а Франция должна была бы отказаться от своей мечты об Эльзасе и Лотарингии. Я решил не настаивать больше на установлении условий мира, а ждать, пока я вернусь в Вашингтон и посоветую президенту заняться этим. Мы не связаны вожделением, направленным на территориальные захваты или коммерческий выигрыш, поэтому мы

СОВЕЩАНИЯ В ЛОНДОНЕ

находимся в лучшем положении, позволяющем нам набросать условия мира скорее, чем кому-либо из других участников войны».

«20 ноября 1917 г. Премьер-министр и лорд верховный судья обедали с нами. После обеда у нас был долгий и сердечный разговор... Я настаивал на том, чтобы Джордж высказался относительно военных целей Великобритании. То, чего хочет Великобритания, это германские колонии в Африке, восточные и западные, независимая Аравия под великобританским протекторатом; Палестина передается сионистам под британским или, если это нам желательно, американским контролем; независимая Армения и интернационализация проливов...

Я сказал Джорджу и Редингу, что, по моему мнению, не вполне достоверно, что Великобритания не добилась бы лучшего и без союзников. Если бы она одна воевала с Германией, то она достигла бы почти всего, чего она достигла теперь, т. е. она владела бы морями, разрушила бы германскую торговлю и захватила бы все германские колонии. Так как не было бы возможности сражаться на суше, то Германия была бы вынуждена дать сражение на море и ее флот был бы, по всей вероятности, уничтожен. Такая война не стоила бы Великобритании и десятой части того, что стоит ей настоящая война, в которой она была вынуждена создать и содержать огромную армию и, кроме того, финансировать своих союзников. Она не смогла бы заставить Германию заключить мир, и Германия не смогла бы добиться того же от нее, но она смогла бы выйти из войны в лучшем виде, чем Германия. Однако если бы так случилось, то симпатии мира были бы скорее на стороне Германии, чем на стороне Великобритании, благодаря тому, что мощь Великобритании, примененная на морях, была бы мощью, о которой каждая нация могла думать, что она будет в один прекрасный день направлена против нее самой».

«21 ноября 1917 г. Я отправился из адмиралтейства на Даунинг-стрит, 10, где премьер-министр, Бальфур и я совещались полтора часа. На сегодняшнем заседании кабинета они обсу-

ГЛАВА VIII

дали два вопроса, которые не смогли разрешить, так как хотели сначала узнать наше мнение. Первый вопрос касался Румынии и России. В кабинете имеется сильная группа, желающая признать Каледина, казачьего атамана в южной России, посоветовав румынам сотрудничать с ним. По-моему, самое большее, что они могут сделать, это посоветовать Румынии сотрудничать с любыми союзными сражающимися силами, территориально наиболее близкими к ней. Я энергично настаивал на том, чтобы не упоминать имен...

Второй вопрос, вставший перед кабинетом, к которому, кажется, все его члены относились благоприятно, состоял в том, что Великобритания должна заявить публично, что Восточная Африка никогда снова не должна находиться под властью Германии. Основная мысль та, что если бы подобное заявление было сделано, то туземцы присоединились бы к англичанам в их борьбе против германцев. Они теперь боятся, что Германия будет снова ими править. Известно, что германцы плохо обращаются с туземцами, и последние относятся к ним с ненавистью, но они боятся проявить какую-либо активность. Кабинет считает, что с помощью этого заявления и посылки экспедиционных сил в составе двух дивизий война в Восточной Африке будет закончена за эту зиму.

Я твердо посоветовал не делать этого заявления. Я считаю его несвоевременным, и оно покажет Великобританию в ложном свете. Они спросили, создало ли бы это нам затруднения в США? Я думаю, что создало бы. Я посоветовал ничего не делать в настоящее время и оставить вопрос открытым для дальнейшего обсуждения. Военное значение вопроса не настолько велико, как мне кажется, чтобы впутываться в вопросы морального характера».

5

Тем временем члены американской миссии закончили свои совещания, касавшиеся проблем согласования. «Они работают спокойно, — писал Хауз Вильсону 9 ноября, — и дела-

СОВЕЩАНИЯ В ЛОНДОНЕ

ют в один день больше, чем подобные корпорации обычно делают в неделю». Но должны были быть возмещены многие недели промедления, и хотя легко было обмениваться информацией, но оказалось трудным разрешить вопросы экономической политики, особенно ввиду политического и военного кризиса, естественно привлекшего к себе наибольшую энергию военного кабинета. Менее важные вопросы могли быть приведены к решению, но отдельные конференции были в значительной степени бесполезны, когда дело доходило до решений по главным политическим стремлениям различных департаментов. «Если бы Верховный военный совет уже функционировал, — писал генерал Блисс, — во время прибытия американской миссии, то ее труд оказался бы гораздо более легким. При сложившихся обстоятельствах члены миссии получали потребную информацию постепенно, от различных представителей отдельных правительств, сочетали ее вместе и примиряли противоречивые взгляды, насколько умели»¹. Хауз писал 19 ноября: «Генерал Блисс неспособен дать удовлетворительный ответ на задаваемые ему вопросы о переброске наших войск до тех пор, пока он не знает, какое количество тоннажа должно быть предоставлено для американских военных целей». Для выяснения таких крупных вопросов не имелось технического аппарата и не было назначено какого-либо общего совещания. Точно так же американцы не получили информации относительно приоритета союзных нужд, в которой они нуждались.

Несмотря на то что его внимание было главным образом занято парламентским кризисом, премьер-министр согласился продвинуть работу согласования так, чтобы англичане и американцы смогли добиться полного взаимопонимания до начала заседаний межсоюзной конференции в Париже. Нортклиф и Рединг, которые прибыли из США, были всецело согласны с Хаузом, что главная цель американской миссии не должна быть забыта из-за общего военного и политического кризиса.

¹ Bliss, The Unified Command, in «Foreign Affairs», 15.XII.1922, p. 7.

ГЛАВА VIII

Каблограмма Хауза президенту

Лондон, 15 ноября 1917 г.

«После совещания решено отложить Парижскую конференцию до следующей недели. Необходимо знать, выдержит ли Италия или падет, а также позволить французам образовать новое министерство и немного разобраться в делах до нашей встречи. В противном случае конференция была бы бесполезна.

Поэтому я останусь здесь приблизительно до конца ближайшей недели...

В общем, положение критическое.

Эдуард Хауз».

Письмо Хауза президенту

Лондон, 16 ноября 1917 г.

«Дорогой начальник!

Нортклиф был великолепен... Премьер-министр повторно предлагал ему занять в кабинете место, от которого он отказался. Он этого не сделал, намереваясь оставить за собой право критиковать, когда он найдет это нужным... С помощью совместной деятельности Уайзмэна, Рединга и Нортклифа дела могут теперь осуществляться с большей быстротой, чем обычно, судя по моему постоянному здешнему опыту.

Премьер-министр заходил вчера ко мне, чтобы добиться моего согласия на отсрочку Парижской конференции.

Отсрочка не изменит срока нашего возвращения домой. Я предполагаю, что мы выедем из какого-либо французского порта 5, 6 или 7 декабря. Я нахожу, что было бы невозможно окончить все необходимые дела и работу комиссии до этого времени. Я не могу не сказать вам о том, как великолепно и дружно проходит совместная работа комиссии и какое превосходное впечатление она здесь произвела.

Любящий вас Э. М. Хауз».

Не последняя из услуг, оказанных Нортклифом, исходила от его газет, опубликовавших статьи Тардье и самого Норткли-

СОВЕЩАНИЯ В ЛОНДОНЕ

фа относительно условий в США, причем эти статьи требовали «быстрого усовершенствования методов управления военными действиями и подчеркивали необходимость полного сотрудничества».

«Межсоюзная организация... необходима, — писал Тардье. — Если каждое из союзных государств пошлет свою миссию, чтобы просить американцев о помощи, то у США создастся впечатление, что европейские дела находятся в хаотическом состоянии. Должен быть тотчас создан союзный совет, который с полным знанием положения и после тщательного изучения всех обстоятельств, военных и политических, должен передать американскому правительству *en bloc* (как одно целое) требования различных наций, процеженные, взаимно сопоставленные, оправданные неоспоримыми доводами и соответствующие объему производства в США и флоту, который может быть предоставлен для морского транспорта. Только тогда США, вполне уверенные в полном согласии между союзниками, смогут формулировать эти требования для представления конгрессу».

Лорд Нортклиф говорил даже с большей откровенностью и энергией. Он ухватился за благоприятный случай, предоставленный ему просьбой Ллойд Джорджа о принятии на себя звания министра авиации, для публичной атаки того, что он рассматривал как выражение неспособности британского военного управления, а также для того, чтобы потребовать тесного сотрудничества с Америкой, энергию которой он хвалил в теплых выражениях.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Создание Верховного военного совета

1. Решения совещания представителей британского, французского и итальянского правительств

Представители британского, французского и итальянского правительств, собравшиеся в Рапалло 7 ноября 1917 г., вошли в соглашение относительно плана организации Верховного военного совета с постоянным военным представительством от каждой державы, содержащего следующие параграфы.

ГЛАВА VIII

II. План организации Верховного военного совета

1. Для лучшего согласования военных действий на Западном фронте настоящее постановление создает Верховный военный совет, состоящий из премьер-министра и члена правительства каждой из великих держав, армии которых сражаются на этом фронте. Распространение сферы деятельности совета на другие фронты откладывается впредь до обсуждения вопроса с другими великими державами.

2. Верховный военный совет уполномочен наблюдать за общим ведением войны...

3. Генеральные штабы и военное командование армий каждой из договаривающихся держав, которым поручено ведение военных операций, продолжают нести ответственность перед соответствующими правительствами.

4. Общие планы войны, составленные компетентными военными командованиями, представляются на рассмотрение Верховного военного совета, который на основе высоких полномочий правительств обеспечивает их согласование.

5. Каждая держава делегирует в Верховный военный совет постоянного военного представителя, единственное предназначение которого служить совету в качестве технического советника.

6. Военные представители получают от правительства и компетентных военных командований своих стран все предположения, информацию и документы, касающиеся ведения войны.

7. Военные представители следят изо дня в день за состоянием военных сил и средств всех видов, которыми располагают союзные армии и армии врагов.

8. Верховный военный совет обычно собирается в Версале, где находится штаб-квартира постоянных военных представителей и их штабов.

III. Постоянными военными представителями будут:

Для Франции генерал Фош

Для Великобритании генерал Вильсон

Для Италии генерал Кадорна

Рапалло, 7 ноября 1917 г.

ВЕРХОВНЫЙ ВОЕННЫЙ СОВЕТ

ГЛАВА IX

ВЕРХОВНЫЙ ВОЕННЫЙ СОВЕТ

Единство управления при ведении военных операций на данном театре является главным элементом успеха.

Из меморандума генерала Блисса от 25 ноября 1917 г.

1

Беседы между американской военной миссией и представителями британского военного кабинета, происходившие в историческом помещении на Даунинг-стрит 20 ноября, могут рассматриваться согласно статье «Обсервер» как «действенное средоточие мирового размаха энергии народов, говорящих на английском языке». Но они являлись только предварительными беседами для более важных переговоров между всеми союзниками, которые должны были состояться в столице Франции. «Пока мы пишем это, сцена переместилась в Париж. Там, при полном соучастии США, начинается союзная конференция, наиболее важная из всех имевших место... В результате разъединенности западные союзники теряли шанс за шансом, но, наконец, можно сделать благоприятное предсказание».

Историк имеет право поставить вопрос, соответствовало ли это журналистское обещание непосредственным, определенным результатам парижских совещаний, но можно сказать с уверенностью, что руководители союзников превосходно понимали, что только тесное согласование усилий может спасти от поражения. Это понимание являлось поворотным пунктом войны, и если ноябрь 1917 г. может с полным правом считаться самым темным временем войны, то рассвет был недалек. Единение союзников не было в это время полным ни в экономическом, ни в военном отношении, но было намечено много мероприятий, которые в конечном результате привели к необходимой согласованности.

Были созданы два главных совещания: одно в Париже, другое в Версале. Первое из них было общей межсоюзной конфе-

ГЛАВА IX

ренцией, участие в которой, собственно, и являлось целью миссии Хауза. Оно состояло из представителей всех союзников и открыло свою сессию в четверг 29 ноября в гостиной «Орлож» («Часовая»), в здании французского министерства иностранных дел на Кэ д'Орсэй. Это было то самое помещение, в котором четырнадцатью месяцами позже открылись пленарные заседания мирной конференции.

По числу и по званию делегатов, так же как по чистой формальности двух своих заседаний, межсоюзная конференция многим напоминала мирную конференцию, хотя последнее, более величественное собрание никогда не было в состоянии соперничать с суровой краткостью, характерной для первого собрания. Личный состав был большей частью тем же самым, так как правительства великих держав остались неизменными до конца войны, и сама мирная конференция вряд ли могла похвастать более выдающимся списком делегатов. Восемнадцать наций были представлены на конференции от Бельгии до Сиамы, целая плеяда премьер-министров, министров иностранных дел, главнокомандующих и начальников штабов, адмиралов, послов, экспертов по торговому флоту и инспекторов по продовольствию.

Как подтвердила впоследствии и мирная конференция, пленарные заседания межсоюзной конференции были главным образом декоративными. Настоящая работа выполнялась на немногочисленных собраниях комитетов экспертов, на которых набрасывались в общих чертах принципы и механизм сотрудничества.

По мнению мистера Грэсти, корреспондента нью-йоркского «Таймс», важным вложением со стороны американских делегатов было их увенчавшееся успехом настояние, чтобы межсоюзная конференция не превратилась в дискуссионное общество для великих ораторов союзников, а немедленно разделилась на ряд небольших, работоспособных и работающих комиссий.

Вторым из общих совещаний был Верховный военный совет, который собрался на свое первое заседание 1 декабря в Версале при участии Франции, Великобритании, Италии

ВЕРХОВНЫЙ ВОЕННЫЙ СОВЕТ

и США. Если целью общей межсоюзной конференции являлось прежде всего принятие мер согласования в отношении финансов, снабжения, торгового флота и эмбарго, то целью Верховного военного совета было создание организации, способной координировать военные усилия с точки зрения общей политики. Должны были быть разрешены два вопроса. Первый касался структуры и объема власти совета, который в том виде, в каком он был предположен по соглашению, заключенному в Рапалло, не удовлетворял ни американцев, ни французов и рассматривался с подозрением значительной группой британских военных специалистов. Вторым вопросом касался плана войны следующего года: какие меры должны быть приняты, чтобы встретить грозящее германское наступление на Западном фронте; какие силы должны быть затрачены на помощь Италии и Греции; сколь большое значение должно быть придано операциям Алленби против турок и, наконец, что должно быть предпринято, чтобы вернуть Россию в ряды союзников?

Американская миссия пересекла Ла-Манш 22 ноября, и в течение следующей недели, даже до первого официального заседания межсоюзной конференции, она вместе со своими французскими коллегами продвинулась далеко вперед в установлении основ экономического сотрудничества. Для полковника Хауза наиболее важной непосредственной проблемой являлось образование и функции Верховного военного совета. Он установил, едва достигнув Франции, что критика соглашения в Рапалло носила весьма резкий характер, и он боялся, как бы разногласия, грозившие развиться между французским и британским правительствами, не пришли в столкновение с планами сотрудничества. Хауз сочувствовал французскому требованию единого военного командования. В то же самое время он проницательно оценивал политические затруднения Ллойд Джорджа.

Британский премьер-министр настаивал на том, что Верховный военный совет должен находиться под политическим контролем, так как невозможно отделить проблемы общей политики от проблем военной стратегии; именно это отделение,

ГЛАВА IX

утверждал он, оставлявшее военные силы под управлением командующих, имевших национальную, а не общесоюзную точку зрения, и явилось причиной потерь и неудач предшествовавших лет. Отныне, по соглашению в Рапалло, совет был возглавлен премьер-министрами и министрами иностранных дел и военные представители были подчинены политическим.

Ллойд Джордж, кроме того, настаивал на отделении Верховного военного совета от начальников штабов отчасти вследствие его нежелания назначить военным представителем Великобритании в совете британского начальника штаба, которого он считал более всех ответственным за стратегию, стоившую британской армии ужасающих потерь в двух больших битвах 1917 г. Он выбрал сэра Генри Вильсона, «замечательные природные способности которого не имели равных в британской армии; его опыт был обширен, он обладал живым и находчивым умом, его мужество обращало на себя внимание; к тому же он был близким другом Фоша и пользовался большим доверием французского штаба — хорошее предзнаменование для предстоявшего сотрудничества. Премьер-министр и сэр Уильям Робертсон были людьми противоположных темпераментов, и их совместной работе постоянно препятствовало взаимное подозрение. Сэр Генри Вильсон, наоборот, был человеком, которого Ллойд Джордж понимал и ценил, так как он имел много качеств сродни его собственным: неослабный оптимизм в отношении какого-либо дела и талант давать точное объяснение, редкий среди скупых на разговоры военных»¹.

Нетрудно понять мотивы, руководившие Ллойд Джорджем, когда он настоял на подчиненном положении военной верхушки Верховного военного совета и отказался от назначения британским представителем в совете начальника британского штаба. Однако французы настаивали, что совет в том виде, который был ему придан в результате соглашения в Рапалло, неспособен к осуществлению эффективного военного согласования, так как он оставляет в стороне начальников

¹ *Buchan, A History of the Great War, v. IV, p. 173.*

ВЕРХОВНЫЙ ВОЕННЫЙ СОВЕТ

штабов; в то же время положение военных советников совета аномально, поскольку они не соединены со своими собственными штабами, подчинены политическим членам совета и лишены какой-либо исполнительной власти. Французы, естественно, хотели бы иметь единое командование, возглавляемое французским генералом. Но англичане не согласились бы на такое предложение. «На всех совещаниях того времени, — писал генерал Блисс, — и вплоть до великой катастрофы, происшедшей четырьмя месяцами позже, любое предложение относительно назначения верховного главнокомандующего только укрепляло убеждение, что это совершенно невозможно»¹.

Если назначение генералиссимуса лежало вне круга практических возможностей того времени, то американцы тем не менее страстно желали добиться фактического единства военного командования. Ни генерал Першинг, ни генерал Блисс, согласно официальному донесению Хауза, не предполагали, что это единство может быть обеспечено планом Рапалло, если он не будет улучшен.

Письмо Хауза президенту

Париж, 23 ноября 1917 г.

«Дорогой начальник!

Я предвижу неполадки в деятельности Верховного военного совета. В Англии имеется большая оппозиция, направленная против назначения Ллойд Джорджем генерала Вильсона. Ни сэр Уильям Робертсон, начальник штаба, ни сэр Дуглас Хэйг не имеют к нему доверия, и они и их друзья смотрят на

¹ «Foreign Affairs», 15.XII.1922, р. 9. Автор «Исторических отрывков», обычно хорошо информированный, утверждает («Le Commandement unique:

Foch et les armées d'occident», р. 188), что полковник Хауз определенно требовал назначения генералиссимусом маршала Жоффра. Достоверно известно, что Хауз не скрывал своего личного предпочтения единого командования, но настолько же достоверно, что он хорошо понимал бесполезность требуемый подобного командования в то время, и в его архиве не имеется ничего, что показывало бы, что он когда-либо предлагал Жоффра на пост генералиссимуса.

ГЛАВА IX

это назначение, как на шаг к тому, чтобы передать в руки Вильсона верховное командование.

Враги Ллойд Джорджа и друзья Робертсона и Хэйга думают, что Джордж хочет избавиться от этих генералов и заменить их Вильсоном. Они упирают на то, что Вильсон не является выдающимся генералом, что он политик и что это будет Джорджу по вкусу¹.

Французы хотят генералиссимуса, но обязательно француза. Это тоже встретит такую большую оппозицию в Англии, что не приходится об этом и думать. Правительство, которое это предложит, будет свергнуто.

Я долго совещался с Блиссом и Першингом по этому поводу, и мне кажется, что они видят опасность так же, как и я. Я пробую предлагать все, что будет способствовать единству командования, и притом объединить всех связанных с этим делом, не создавая разлада.

Я только что имел совещание с глазу на глаз с Клемансо. Не зная моего мнения, он фактически повторил то, что я сказал выше относительно Верховного военного совета. Он серьезно расположен в пользу единства плана и действий, но думает, как и я, что план Ллойд Джорджа неприменим по причинам почти одинаковым с теми, на которые указывал я.

Он ничего не придумал и говорит, что не отваживается формулировать план, так как его встретят недоверием. Он хочет, чтобы мы взяли на себя инициативу, и обещает, что мы можем рассчитывать на его поддержку в доведении до конца какого-либо разумного предложения, сделанного нами...

Он предоставил свое время в мое распоряжение и просит

¹ Хауз только передает мнение. Его собственное суждение о сэре Генри Вильсоне состояло в том, что из всех британских офицеров он более всего подходил к службе в качестве военного представителя в совете как благодаря своим способностям, так и благодаря его сердечным личным отношениям с французами. Письмо Хауза не является судом над точкой зрения сэра Генри Вильсона, дневник которого показывает, что планы его и Ллойд Джорджа основывались не на желании вытеснить сэра Уильяма Робертсона, а на убеждении, что только с помощью организации, поставленной выше начальников штабов, война может быть выиграна. Насколько этот взгляд правилен, мнения разделяются и, вероятно, всегда будут разделяться.

ВЕРХОВНЫЙ ВОЕННЫЙ СОВЕТ

меня приходить, когда мне вздумается, не оповещая, говоря, что дверь будет мне всегда открыта.

Любящий вас Э. М. Хауз».

Генерал Блисс, казалось, соглашался с Ллойд Джорджем, что план Рапалло имел смысл, поскольку он оставлял общее наблюдение над ведением войны за политическими лидерами и был «в согласии с военным принципом, что война является только продолжением государственной политики в новой форме»¹. Но как и генерал Першинг, он был убежден, что на данном театре военных действий, например на Западном фронте, единство военного командования является непременным условием успеха и при отсутствии генералиссимуса это единство может быть достигнуто только посредством чисто военного совета, обладающего исполнительной властью. План, набросанный им вместе с Хаузом и представленный французам, исключал политических членов верховного совета и давал его военным членам не только совещательную, но и исполнительную власть.

Меморандум относительно единства командования

Париж, 25 ноября 1917 г.

«1. Единство командования при ведении военных операций на данном театре войны является непременным условием успеха.

2. Для обеспечения действительной эффективности это единство командования должно осуществляться посредством чисто военного совета, поскольку предполагается, что одна или несколько из великих союзных держав могут выразить свое несогласие на подчинение своих военных сил одному верховному главнокомандующему.

3. Считается, что Верховный военный совет должен быть образован из главнокомандующих национальными армиями великих держав, находящимися в действии на фронте, для ко-

¹ Слова Клаузевица.

ГЛАВА IX

торого единство командования признано необходимым, вместе с начальниками штабов вышеупомянутых национальных армий или офицерами, командированными этими начальниками штабов в качестве своих представителей.

4. Для обеспечения быстрого выполнения воли этого Верховного военного совета должно иметься лицо, приводящее решения совета в исполнение. Этим лицом должен быть председатель Верховного военного совета, избранный остальными членами и имеющий власть приводить волю совета в исполнение».

Мы можем поставить себе вопрос, не была ли избегнута или уменьшена военная катастрофа 1918 г., если бы этот план был приведен в действие и генерал Фош был избран председателем Верховного военного совета. Интересно во всяком случае отметить, что функции, которые были присвоены генералу Фошу в апреле 1918 г. для «согласования действий союзных армий на Западном фронте», были почти тождественны с теми, которые Блисс и Хауз предлагали присвоить в ноябре председателю Верховного военного совета.

Десятью годами позже, 14 июня 1928 г., в Вашингтоне генерал Блисс комментировал меморандум, представленный им и Хаузом французам, следующим образом:

«Это был один из тех «нащупывающих» меморандумов, которые мы писали, стараясь разведать наш путь, скрывавшийся в густом тумане, и несомненно, что несколько позже меморандум вообще не был бы написан.

Американская миссия высадилась в Англии 7 ноября 1917 г., в тот самый день, когда в Рапалло Ллойд Джордж, Пенлевэ и Орландо создали Верховный военный совет. Никто не понимал вполне ясно, что представляет собой этот совет, даже сами создатели его. Военные и многие другие, о нем размышлявшие, предполагали, что это будет своего рода «королевский» совет, составляющий и направляющий военные планы — коротко говоря, следующая ступень к бедствию. Кроме того, французы думали, что это британский проект, имеющий целью захватить контроль над французскими армиями, а британцы думали то же самое о французах... Прави-

ВЕРХОВНЫЙ ВОЕННЫЙ СОВЕТ

тельство Пенлевэ пало; Ллойд Джордж говорил, что его правительство было спасено только присоединением президента Вильсона к соглашению в Рапалло в самый последний момент британского кризиса. Я находился под влиянием общего мнения военных. В моем докладе президенту от 17 декабря 1917 г. я упорно настаивал, чтобы он обусловил свое согласие на участие американцев в Верховном военном совете назначением союзного верховного главнокомандующего. Я предполагал, что наряду с таким союзным главнокомандующим Верховный военный совет фактически перестал бы действовать. Я тогда не вполне ясно понимал (да, думаю, и никто не понимал), что Верховный военный совет не будет вмешиваться в дела военного управления, а будет только приводить в гармонию правительственную политику союзников, чего не могли делать боевые командиры. Никто из нас не представлял себе ясно, каковы должны быть фактически функции Верховного военного совета, до первого важного его собрания в январе. До того времени (во всяком случае в пору составления меморандума об единстве командования) я пытался найти способ, который мог бы свести до минимума возможный вред от такого Верховного военного совета. Это показывает параграф 2 упомянутого меморандума. Моя общая идея состояла в том, что если союзники не могут сойтись на одном верховном главнокомандующем, то единственное, что остается, — это совет главнокомандующих армиями различных наций; пусть совет договаривается относительно каждой операции, в которой армии двух или более национальностей должны оказывать одна другой взаимную поддержку, но пусть только один имеет власть осуществлять волю совета. Это был способ, благодаря которому «и овцы были бы целы, и волки сыты», так как очевидно, что этот «имеющий власть» был бы для всех практических потребностей частной военной кампании верховным главнокомандующим».

Американцы понимали, конечно, что их предложение встретит резкую оппозицию. Британские военные руководители, естественно, возражали бы против исполнительной власти председателя Верховного военного совета, который фактически

ГЛАВА IX

ки стал бы верховным главнокомандующим союзных армий. Предложение требовало также включения в совет начальников штабов, против чего неизменно возражал Ллойд Джордж. Тем не менее казалось в то время ценным продвинуть этот проект вперед, особенно потому, что помощь США союзникам живой силой была, вероятно, более важной, чем кто-либо предполагал. Как англичане, так и французы заявляли совершенно откровенно, что без такой помощи военная опасность приняла бы весной серьезный характер. В Лондоне генерал Блисс обсуждал вопрос с сэром Уильямом Робертсоном и сообщил полковнику Хаузу об этом разговоре в следующих словах.

«Я показал ему, — говорил Блисс, — что к маю мы сможем с помощью средств, находящихся сейчас в нашем распоряжении, транспортировать не более 525 тыс. человек, в том числе обслуживающие силы, включая в эту цифру войска, уже находящиеся во Франции, и что без добавочного тоннажа мы не сможем обеспечить снабжение даже и этого количества людей... Робертсон выразил мне в ответ серьезные опасения.

Он сказал мне, что сомневается, сможет ли Италия удержаться в рядах воюющих этой зимой, и что для того, чтобы она удержалась, необходимо наличие значительных английских и французских войск, снятых с Западного фронта... Робертсон сказал, что численность французской армии падает... Он прибавил, что положение в России таково, что нужно смотреть в лицо возможности переброски в любой момент с Восточного фронта на Западный тридцати или сорока дивизий... Общее впечатление, произведенное на меня его сообщением о положении дел, было таково, что приходится бояться военного кризиса, если мы не сможем иметь во Франции к концу ближайшей весны значительно более крупных сил, чем это сейчас кажется возможным»¹.

В разговорах с Хаузом и Блиссом французы высказывались столь же пессимистично, как Робертсон, но более определен-

¹ Британские офицеры, писал генерал Блисс 14 июня 1928 г., настаивали, что исход войны должен определиться в 1918 г. и что если Америка не сможет по крайней мере удвоить усилие, которое она надеется сделать до конца мая 1918 г., то дело союзников проиграно.

ВЕРХОВНЫЙ ВОЕННЫЙ СОВЕТ

но. Они утверждали, что американская армия в миллион человек была бы необходима к лету 1918 г., даже если бы она была использована только для оборонительных операций.

Если США должны были доставить такое огромное пополнение союзным человеческим ресурсам, то они могли по справедливости потребовать своей доли влияния при установлении военной организации союзников. Блисс и Хауз были, кроме того, ободрены согласием Клемансо и Петэна, которые на совещании 25 ноября дали свое общее одобрение американскому проекту военного исполнительного совета.

Меморандум относительно разговора полковника Хауза и генерала Блисса с м-сье Клемансо и генералом Петэном

Париж, 25 ноября 1917 г.

«...М-сье Клемансо сказал, что он хочет прямо перейти к делу и обсуждать предмет настоящего совещания, т. е. эффективную силу французской армии в ее отношении к долженствующим прибыть американским силам. После этого он предложил генералу Петэну сделать общее сообщение.

Генерал Петэн начал с того, что сейчас в его распоряжении имеются 108 дивизий боеспособных французских войск, включая все войска, непосредственно находящиеся на фронте, и те, которые держатся в резерве. Он сказал, что французские потери составляют приблизительно 2600 тыс. человек убитыми, умершими от ран, окончательно выбывшими из строя и пленными. К этому нужно прибавить всех людей, занятых на коммуникационных линиях и вообще обслуживающих тыл. Восемь из этих дивизий в начале нового года или вскоре после этого будут переброшены в Северную Италию, так что для службы во Франции останутся 100 дивизий. Эти дивизии имеют не более 11 тыс. человек каждая, что даст в общей сумме не более 1100 тыс. человек, находящихся в его распоряжении. Он сообщил, что англичане имеют во Франции и в Фландрии 60 дивизий, которые, так как английские дивизии насчитывают приблизительно по 20 тыс. каждая, дадут

ГЛАВА IX

в сумме примерно 1200 тыс. человек. Далее он сообщил, что англичане со своими войсками численностью 1200 тыс. занимают фронт протяженностью около 150 километров, а м-сье Клемансо тогда добавил, что французы, имея 1100 тыс. человек, занимают около 500 километров фронта.

По мнению генерала Петэна, на германской стороне фронта имеется одинаковое количество войск, но нет средства определить с точностью, сколько боеспособных сил находится в тылу врага. Он считает возможным, что германцы окажутся в состоянии перебросить с русского фронта не менее сорока дивизий, если им не помешают активные действия со стороны русских или румын.

Генерал Петэн в ответ на вопрос, какое количество американских войск желает он иметь в полной готовности к определенному сроку, сказал, что он желает иметь возможно больше американских войск и возможно скорее, но что это должны быть солдаты, а не просто люди. Пришлось объяснить ему, сколь желательно было бы для нас иметь приблизительно установленное число, вместе с определенной датой, чтобы договориться с теми, кто должен позаботиться о необходимом тоннаже. Он установил, что мы должны иметь 1 млн человек, подготовленных к ранней кампании 1919 г. и 1 млн человек в резерве, готовых заменить и усилить первых. Когда его спросили, сколько войск должны мы иметь во Франции для кампании 1918 г., он сказал, что на этот вопрос уже отвечено фиксированием числа войск, потребных для кампании 1919 г., так как, чтобы иметь названное для этого года число войск, придется перевозить их определенными количествами, начиная с данного момента, в течение всего 1918 г. Количество войск, прибывших к определенному числу 1918 г., и будет тем количеством, которое он потребовал бы для данного периода. Он пояснил, что во время кампании 1918 г. он хотел бы использовать американские войска для удержания тех участков фронта, на которых он не предполагает делать наступление, чтобы, снимая оттуда французские войска, дать им возможность наступать в другом месте. Для доведения этого плана до конца он считает нужным, чтобы мы перебрасывали войска во Фран-

ВЕРХОВНЫЙ ВОЕННЫЙ СОВЕТ

цию в количестве двух дивизий ежемесячно, считая и обслуживающие тыл войска, до начала мая, а с тех пор количество должно быть увеличено до трех дивизий в месяц, причем это количество должно остаться неизменным до конца года.

Нужно отметить, что согласно этому расчету, включая четыре дивизии, уже находящиеся во Франции, мы имели бы здесь в конце года всего-навсего 30 дивизий. Принимая во внимание, что американские дивизии, теперь организуемые, состоят из 27 тыс. человек, эти 30 дивизий были бы эквивалентны 73 французским дивизиям по 11 тыс. человек каждая».

Каблограмма Хауза президенту

Париж, 26 ноября 1917 г.

«Вчерашнее совещание с Клемансо и Петэном привело к ясному пониманию военной обстановки. Они информировали нас о числе бойцов, находящихся в боевом строю на французском фронте, а также сообщили о том, что потребуется от нас. Если мы пошлем осенью 1918 г. свыше миллиона строевых бойцов, то союзники используют свои освободившиеся войска для наступательных операций, а наши силы будут использованы в таком случае для оборонительных целей.

Петэн думает, что, какой бы ни был создан Верховный военный совет, он должен иметь председателя или верховного военного исполнителя, чтобы приводить в исполнение решения совета. Это, несомненно, встретит оппозицию со стороны англичан. Каково ваше мнение об этом? Англичане приезжают завтра вечером, а в среду Ллойд Джордж, Клемансо и я будем совещаться.

Эдуард Хауз».

Ответ президента Вильсона на просьбу полковника Хауза об инструкциях, касающихся того, какой план должен он защищать, носил общий характер и предоставлял разрешение вопроса на усмотрение Хауза.

27 ноября британские представители прибыли в Париж. Полковник Хауз был немедленно приглашен на свидание

ГЛАВА IX

с Ллойд Джорджем и приложил усилия, чтобы убедить его принять американский план военного совета с верховным военным исполнителем во главе. Британский премьер-министр был очень искренен, но не скрывал трудностей, стоявших на пути к принятию этого плана. Не последней из этих трудностей было упорное предубеждение, сложившееся в Великобритании, против того, чтобы британские войска состояли под командой командира-иностранца, что явилось бы практическим выводом из американского предложения. Хауз в конце концов согласился с тем, что если совет может быть сделан чисто военным по своему составу и ему будут предоставлены исполнительные полномочия, то не существенно, будут ли включены в его состав начальники штабов или нет. «Было бы лучше иметь начальников штабов в совете, — писал Хауз, — но так как он [Ллойд Джордж] столь полно доверяет генералу Вильсону и так как назначение Вильсона принесет заботы Ллойд Джорджу, а не нам, то никто не должен выражать недовольство». Премьер-министр согласился, что главное его возражение против американского плана происходило от включения в состав совета начальников штабов, и он обещал рассмотреть компромисс. Но на следующее утро он решил, что он не может согласиться ни на какое изменение соглашения в Рапалло. Было существенно, по его мнению, чтобы Верховный военный совет находился под политическим контролем, а раз начальники штабов будут из него исключены, вручение исполнительной власти военным членам совета было бы бесполезно и повело бы к путанице.

Выдержка из дневника сэра Генри Вильсона, приехавшего из Лондона с Ллойд Джорджем, показывает, что премьер-министр был убежден, что план, принятый в Рапалло, является единственным исполнимым планом и что если он провалится, то не будет и Верховного военного совета.

«Ллойд Джордж раздражен, — записал сэр Генри 27 ноября, — и говорит, что он завтра поспорит с Клемансо, и если Клемансо не пойдет ему [Ллойд Джорджу] навстречу, то он немедленно вернется в Лондон. Ллойд Джордж непременно должен показать свои зубы. Нестерпимо, если соглашение, за-

ВЕРХОВНЫЙ ВОЕННЫЙ СОВЕТ

ключенное в Рапалло на одной неделе, может быть нарушено на следующей. Ллойд Джордж понимает вполне ясно, что его собственное будущее основано на успехе верховного совета, и точно так же ему ясно, что, если мы не будем иметь совета, мы проиграем войну. Клемансо завтра уступит. Он не в таком положении, чтобы ссориться с Ллойд Джорджем».

Таким образом, рано утром 28 ноября британский премьер-министр сообщил Хаузу, что он не может согласиться на изменение соглашения в Рапалло, что начальники штабов не должны включаться в совет и политический характер совета должен быть подчеркнут. Он просил Хауза сообщить Клемансо, что если французы не признают себя связанными соглашением в Рапалло, то делать ему здесь нечего и он вернется в Лондон.

Полковник Хауз записал следующее о своем совещании с Клемансо:

«Я просидел с французским премьер-министром до половины девятого... Клемансо согласился уступить Ллойд Джорджу в отношении начальников штабов, но сказал с сардонической усмешкой: «Это портит весь план. Знаете, я предложу вместо Фоша второстепенного или третьестепенного человека, и пускай дела идут, как им угодно».

Я заметил, что нам достаточно трудно одолевать германцев и от того, что мы начнем бороться между собой, лучше не станет. Если Ллойд Джордж настаивает на таком Верховном военном совете, какой был предложен... мы должны будем уступить, ввиду трудностей, встречаемых Ллойд Джорджем на родине. Разногласия между Джорджем, Робертсоном и Хэйгом делают невозможным выполнение общего желания о полном единстве военной деятельности.

Я убедил Клемансо, что в настоящее время для нас будет лучше... не делать ничего, что может ухудшить его [Ллойд Джорджа] положение».

Таким образом, состав Верховного военного совета и его функции были определены согласно формуле Ллойд Джорджа, и военные представители в совете остались простыми советниками политического по характеру учреждения. В своих

ГЛАВА IX

мемуарах Пенлевэ указывает, что если бы он остался у власти, то военный комитет образовал бы постоянный межсоюзный штаб, который мог бы быть возглавлен генералом Фошем в качестве командующего англо-французскими резервами, план, испробованный в следующем феврале. Но архив полковника Хауза, цитированный выше, показывает ясно, что затруднительное положение, в котором находился Ллойд Джордж, не позволяло в то время сделать дальнейший шаг по пути объединения межсоюзного командования. Маловероятно, что там, где Клемансо и полковнику Хаузу не удалось изменить британскую позицию, Пенлевэ мог иметь успех¹.

Военный комитет, во всяком случае, был сильным по составу, так как Клемансо назначил не «второстепенного или третьестепенного человека», как он угрожал, а начальника штаба Фоша генерала Вейганда, доказавшего во Франции, а позднее в Польше, что он обладает стратегическими способностями высшего порядка. Великобритания была представлена, как и предполагал Ллойд Джордж, сэром Генри Вильсоном до самого февраля, когда после отставки сэра Уильяма Робертсона, он был назначен начальником штаба. Италию представлял Кадорна, который имел преимущество командовать итальянской армией и несчастье потерять большую часть ее. Представителем США был генерал Блисс. Хотя военный комитет и был лишен возможности согласовать стратегию союзных фронтов, он все же собрал в Версале множество информации и разработал некоторые планы, которые впоследствии оказали величайшую помощь генералу Фошу, когда он стал верховным главнокомандующим.

¹ Сэр Уильям Робертсон думает («Soldiers and Statesmen», v. I, p. 221), что «действительная позиция Ллойда Джорджа значительно отличалась от той, которую описывает Пенлевэ». Та версия, которую дает британский премьер-министр, как вполне согласную с желанием Пенлевэ дать генералу Фошу фактическую власть уже в то время, совершенно противоречит впечатлениям полковника Хауза. Нужно заметить, что, лишь только Ллойд Джордж оценил политическое положение как уже созревшее для предложения, он 18 января 1918 г. сам защищал передачу исполнительной власти совета военным представителям под председательством генерала Фоша и передачу в его распоряжение общего резерва, состоявшего из 30 дивизий.

Тем временем шла подготовка к созыву межсоюзной конференции, важность которой подчеркивалась союзной прессой в несколько экстравагантном тоне.

«27 ноября 1917г. Следующие несколько записей представляют интерес: Клемансо сказал нашему общему другу, что он почти решил открыть конференцию не более чем тремя фразами. Он фактически хочет сказать: «Господа, мы воюем, давайте продолжать работать». Я написал ему, что это было бы наиболее эффектным началом конференции, и я надеюсь, что он будет придерживаться своего намерения.

Я сказал Ллойд Джорджу о вероятном намерении Клемансо открыть конференцию речью не более чем из двух или трех фраз и о том, что, может быть, он [Ллойд Джордж] предложит резолюцию, указывающую, что можно обойтись без речей, а нужно назначить комиссии, после чего конференция перейдет к непосредственной работе. Он видит опасность речей на конференции. Если начнут говорить речи, то общественное внимание будет привлечено к русскому вопросу и будет сказано много неосторожных вещей, которые могут превратить конференцию скорее в орудие зла, чем добра. Мы должны сразу приняться за работу, уже имея согласованность относительно комиссий, которые должны быть назначены».

«28 ноября 1917г. (Запись совещания с Клемансо.) Я спросил о межсоюзной конференции. Лицо Клемансо исказилось странной улыбкой, и он пожал плечами. Мы оба сошлись во мнении, что бесцельно приглашать всех экспертов и делегатов, находящихся здесь, на общее собрание...

Я не хочу, чтобы это поняли так, точно я не одобряю общей дели, для которой эта конференция созвана, так как я считаю, что война может быть выиграна только с помощью согласования всех ресурсов союзников.

Клемансо телефонировал Пишону¹, что я на пути к нему, и сказал, что будет упорно придерживаться любого достигнутого нами соглашения.

¹ Стефан Пишон, министр иностранных дел Франции.

ГЛАВА IX

Каблограмма Хауза президенту

Париж, 28 ноября 1917 г.

«У меня бывают частые совещания с французским и английским премьер-министрами, и мы достигли соглашения по многим вопросам.

Сама по себе завтрашняя конференция не будет иметь важного значения, так как там будут представители всех союзных держав и дискуссия должна будет по необходимости носить общий и не слишком искренний характер. Подобная широкая конференция была ошибкой и таит в своих недрах много элементов опасности. Мы больше всего стремимся теперь к тому, чтобы пройти через нее без какой-либо неудачи.

Верховный военный совет соберется, вероятно, в Версале в субботу. Он тоже в значительной степени лишен власти, необходимой для деятельности, благодаря настояниям Ллойд Джорджа, чтобы вместо начальников штабов и главнокомандующих, как согласились Клемансо, Петэн, Блисс и я, в нем заседал генерал Вильсон. Это объясняется его разногласиями с Робертсоном и Хэйгом. Я предполагаю, что он не чувствует себя достаточно сильным, чтобы сместить их, и поэтому использует идею Верховного военного совета с целью выжить их другим способом.

Эдуард Хауз».

«27 ноября 1917 г. Межсоюзная конференция началась сегодня утром, в 10 часов, в здании министерства иностранных дел. Она идет точно по расписанию. Это было импозантное собрание. Премьер-министры, министры иностранных дел, послы, начальники генеральных штабов, вожди флотов и т. д. всех союзных сил собрались в первый раз вместе...

После того как Клемансо выступил с коротким обращением в несколько строк, французский министр иностранных дел произнес столь же короткую речь, как мы согласились вчера, и конференция немедленно объявила перерыв, а различные секции отправились на исполнительные заседания. Все это было эффектно и необыкновенно... Я уверен в том, что еще никогда не было столь важной конференции со столь малым

ВЕРХОВНЫЙ ВОЕННЫЙ СОВЕТ

количеством болтовни и столь скоро закрытой. Я никогда не видел столь удивленных делегатов. Даже англичане были только частично осведомлены о том, как далеко зайдет урезывание речей. Ровно через восемь минут после того, как Клемансо открыл конференцию, она прервала заседание».

Речь Клемансо была в самом деле образцом краткости.

«Во время этой величайшей из всех войн, — сказал он, — мы сведены здесь вместе чувством высшей солидарности, чтобы добиться на поле битвы права на мир, истинно достойный рода человеческого.

В этом блистательном собрании надежд, обязанностей и намерений мы готовы на каждую жертву, могущую быть потребованной союзом, который никогда не будет сломлен ни интригами, ни слабостью.

Благородный дух, нас воодушевляющий, должен воплотиться в деяние. В порядке дня стоит работа. За работу!»

4

В течение дней, предшествовавших открытию сессии межсоюзной конференции и следовавших за ним, пока эксперты военной миссии сидели за работой в своих технических комиссиях, полковник Хауз занимался множеством бесед, отчасти личных, отчасти политических, причем все они были рассчитаны на то, чтобы дать ему информацию, могущую быть использованной президентом. Он разговаривал с Иосифом Вилардом, испанским послом, пробным шаром мира, посланным Германией через Мадрид. С Тардье и Клемантелем он обсуждал планы пригрозить Германии экономическим эмбарго после войны, рассматривая эту угрозу как средство принудить ее к разумным условиям мира¹. Он прислушивался к докладу генерала Фоша

¹ «Они были удивлены, когда узнали, — писал Хауз, — что я уже обсуждал вопрос с президентом и предложил тот же самый способ действия несколько недель назад, а также, что президент, вероятно, упомянет об этом в своем предстоящем обращении к конгрессу». 4 декабря Вильсон включил в свое послание следующую фразу: «Вероятно также, что окажется невозможным при подобных неудачных обстоятельствах позволить Германии свободные экономические сношения, которые неизбежно зависят от других доказательств участия в истинном мире».

ГЛАВА IX

о военном положении. «Он только что вернулся из Италии и сообщил мне, что итальянский фронт удержится там, где он теперь, до весны. «Фронт теперь опять склеен», — сказал он».

С Клемансо, Петэнном и Першингом полковник Хауз обсуждал условия, при которых американские войска во Франции смогут принести наибольшую пользу. Хауз непосредственно познакомился с ловкостью французского премьер-министра.

«Возможно, что, до того как я покину Париж, мое мнение изменится, но теперь мне кажется, что Клемансо один из самых способных людей, которых я встречал в Европе не только в эту поездку, но и в любую другую. Не может быть никакого сомнения в его большом мужестве и в его необыкновенной ловкости. Он сказал, что если американцы не разрешат французам обучать их, то это сделают германцы, но ценой многих жизней... Генерал Петэн откровенно говорил об американской армии во Франции. Он считает, что войска должны войти ротами и батальонами во французскую армию и таким способом получить обучение. Он составил по поводу этого меморандум, который он хочет обсудить со мною...

Першинг оспаривает французское и британское требование относительно включения наших войск в их ряды для обучения. Он думает, что положение, может быть, и требует этого, но он придерживается того мнения, что если американские войска вступят в ряды союзников, то только очень немногие из вступивших уцелеют, и что было бы глупо надеяться создать большую американскую армию с помощью такого метода».

Тем временем адмирал Бенсон достиг по крайней мере предположительных выводов относительно участия, которое должно было быть принято в войне американским военным флотом в течение ближайшей весны. Он был согласен с тем, что план атаки германских укрепленных портов — «уничтожение осиних гнезд», как называл это Вильсон, был неосуществим, хотя более западные базы подводных лодок, вроде Остендэ и Зеебрюгге, могли подвергнуться нападению. Внесенное американцами предложение об устройстве минного заграждения в Северном море было принято. То, чего союзники жела-

ВЕРХОВНЫЙ ВОЕННЫЙ СОВЕТ

ли наиболее горячо, это возможно большего числа истребителей для конвойной службы, так как от обеспеченной переброски большой американской армии зависели все военные планы 1918 г.

5

Все эти обсуждения, как, очевидно, надеялся полковник Хауз, должны были вылиться в окончательный план сессии Верховного военного совета, которая открылась в Версале 1 декабря под председательством Клемансо.

«В 9 часов 45 минут генерал Блисс и я, — писал Хауз, — отправились в Версаль. Верховный военный совет поместился в Трианонском дворце, и Клемансо и Орландо уже были там, когда мы приехали. Мы с Клемансо поднялись в верхний этаж посоветоваться и набросать программу, пока совет еще не собрался. До самого прихода Ллойд Джорджа Клемансо проявлял значительное недовольство по поводу относительной длины британского и французского фронтов, заявляя, что вопрос должен быть согласован и что он не позволит англичанам уклониться от его разрешения. Он сказал, что откажется от поста министра, если не будет достигнуто удовлетворяющее Францию соглашение. В этот момент прибыл Ллойд Джордж, и мы все трое договорились о программе.

Сначала мы обсуждали длину участков фронта, занимаемых войсками Франции и Великобритании на западе. Я лично не вмешивался в обсуждение вопроса, заявляя, что они должны разрешить его между собой, так как США еще не имеют участка фронта.

Потом обсуждали положение Италии и нашу военную политику там. Затем разговор коснулся Греции и, наконец, Румынии.

После того как это частное совещание окончилось, мы перешли в зал больших размеров, где и началось заседание...

Генерал Блисс и я согласились заранее не принимать активного участия в совещании, а прислушиваться и собирать информацию. Мы чувствовали, что будет плохо стараться

ГЛАВА IX

делать большее в это время, так как мы не имели ни одного человека на линии фронта. Когда наша армия будет здесь, и притом в большом количестве, — тогда другое дело. Мы чувствовали, что мы свободно можем принять активное участие в обсуждении вопросов, касающихся общей политики, финансов, снабжения и всех экономических проблем, а что касается военных планов, не морских, то, кажется, лучше сидеть в уголке и прислушиваться».

Французский премьер-министр открыл заседание речью, сущность которой гораздо больше согласовывалась с личными мыслями Ллойд Джорджа, чем самого Клемансо. Согласно намеченному плану, каждое правительство должно было получить мнение своего собственного генерального штаба и передать его без промедлений постоянным военным советникам совета, которые после изучения военного положения в целом должны были сделать рекомендации относительно военных операций, долженствующих быть предпринятыми в 1918 г. Он обратил особое внимание на положение в России, в Италии и на Балканах, на ожидаемое сотрудничество американских сил, на вопросы о тоннаже и о судостроении и на их влияние на обеспечение живой силы, в которой нуждаются армии. Он напомнил военным советникам, что нельзя терять из виду тот факт, что война приняла в значительной степени характер войны на истощение и что даже если Россия побеждена, во всяком случае временно, то и Турция и Австрия не слишком далеки от крушения. Затем последовал намек на любимый стратегический план Ллойд Джорджа. Клемансо намекнул, что, может быть, прусский милитаризм скорее будет побежден, если сокрушить сначала германских союзников и отложить сокрушение самой Германии до времени наибольшего напряжения, когда все союзные силы целиком смогут быть сосредоточены против нее. Он подчеркнул также международный характер военного комитета совета, напоминая военным советникам, что их задача состоит в том, чтобы изучить предложенные на их рассмотрение проблемы с точки зрения союзников как целого, а не в качестве представителей от-

ВЕРХОВНЫЙ ВОЕННЫЙ СОВЕТ

дельных стран, и представить свои рекомендации на рассмотрение в коллективной форме.

В таком охвате создание Верховного военного совета было шагом, хотя и нерешительным шагом, на пути к единству военной цели. По крайней мере было обеспечено определенно ценное достижение, когда совет приступил к проведению ряда резолюций, согласно которым каждое отдельное правительство соглашалось снабжать военных советников полной информацией общеполитического и ведомственного характера. Резолюции предусматривали также, что генеральные штабы и военные министерства, министерства морское и торгового мореплавания, министерства иностранных дел, департаменты снабжения, авиации, финансов и т. п. отдельных правительств должны были снабжать совет всей информацией, которая могла помочь военным советникам Верховного военного совета изучать соответствующие вопросы. Таким образом, если новая организация и не привела к непосредственному единству военного командования, она по крайней мере обеспечила централизацию и согласованность информации. Остаток сессии был занят несколько несвязной дискуссией относительно размеров помощи, в которой нуждается Италия, и положения в Салониках, о котором Клемансо сказал: «Мы знаем о нем весьма мало, или, во всяком случае, то, что мы знаем, не слишком благоприятно». Венизелос выступил, чтобы объяснить положение в Греции, и, давая делегатам несколько длинное историческое разъяснение в качестве перспективы, был возвращен к реальности выразительным вопросом сэра Уильяма Робертсона: «Сколько дивизий можете вы нам дать?» Все согласились, что Греция не получила помощи, которой она могла ожидать (Ллойд Джордж говорил о «неинтеллигентности» обращения, примененного к ней), и была принята резолюция, обещающая изучение военного положения на Балканах и выдачу продовольствия, военного снабжения и денег. «Я надеюсь, — сказал Ллойд Джордж Венизелосу, — что вы вернетесь в Грецию с облегченным сердцем».

Всего-навсего Верховный военный совет принял на этой сессии восемь резолюций. Четыре из них касались обеспе-

ГЛАВА IX

чения информации для военных советников, остальные предусматривали исследование военных проблем, связанных с итальянским, бельгийским и балканским фронтами. Являлось совершенно необходимым, чтобы подобные исследования были сделаны до составления набросков рекомендаций военных действий. Тем не менее полковник Хауз не мог избавиться от чувства разочарования: ему казалось, что союзные конференции имели результатом скорее академическое изучение вопросов, чем определенные планы их решения.

«1 декабря 1917 г. Несмотря на то что перед конференцией было поставлено довольно много вопросов, ни один из них, как мне кажется, не был разрешен. Я вполне могу понять, каким образом Германия оказалась в состоянии столь успешно противостоять союзникам. Она не обладает превосходящими союзников способностями, но она имеет превосходную организацию и метод. Все у союзников расхлябано. Все только разговор, а не согласованная деятельность. Перемены правительства отчасти разумны, но недостаток согласованности и решимости является главной помехой...

Клемансо, Петэн и Блисс на наших предварительных совещаниях сделали больше, чем сделано Верховным военным советом, так как мы по крайней мере определили, сколько американских солдат должно прибыть во Францию, когда они должны прибыть и как доставить их сюда. Мы также выработали план настоящего военного совета...

Ллойд Джордж и Рединг обедали наедине со мной. Мы провели затем приятный вечер. Они были оба в хорошем настроении, и Джордж радовался окончанию конференции. Чему именно он рад, это выше моего понимания, разве только тому, что конференция прервала заседания и он может вернуться в Англию. Мы не сделали и половины того, что должны были сделать. Верховный военный совет занимался делами, но разрешил только немногие из вопросов, подлежавших рассмотрению. Вместо одного утра он должен бы заседать целую неделю».

Союзные правительства заботливо старались изобразить Парижскую конференцию как строго военный совет, и различные предложения, исходившие от безответственных пацифистов, были решительно отвергнуты. В этом отношении президент Вильсон был вполне согласен с европейскими союзниками. Теперь, когда США вступили в войну, в них не было ни одного человека, который занял бы более резкую, чем он, позицию против компромиссного мира, оставляющего нетронутой мощь императорской Германии. В речи, произнесенной в Буффало вскоре после отъезда миссии Хауза, президент ясно высказал убеждение, что единственным способом окончить войну является победа над Германией.

«Я отношусь враждебно, — говорил Вильсон, — не к чувствам пацифистов, а к их глупости. Мое сердце с ними, но мой разум презирает их. Я хочу мира, но я знаю, как достичь его, а они этого не знают. Вы верно слышали, что я послал в Европу моего друга, полковника Хауза, любящего мир, как никто на земле, но я послал его еще не с мирной миссией. Я послал его, чтобы он принял участие в конференции, посвященной вопросу о том, как выиграть войну, и он знает, как и я, что это единственный способ достичь мира, если вы хотите, чтобы этот мир продолжался дольше нескольких минут».

Тем не менее вопрос о мирных переговорах был поднят в Париже и, как всегда, вращался вокруг возможности отрыва Австрии от союза с Германией. Со времени мирных предложений папы в августе все время шли слухи о тайных мирных переговорах, хотя ни к каким из этих переговоров союзные правительства не относились серьезно. Нота британского посла при Ватикане, показавшая, что Великобритания не может отвечать на предложения папы до тех пор, пока Германия не выяснит своих намерений в отношении Бельгии, была понята в Германии как пробное предложение. Германия приступила к формулированию условий, которые были переданы испанскому послу в Бельгии, а из Мадрида попали в Лондон. Бальфур немедленно послал каблогранму полковнику Хаузу, сооб-

ГЛАВА IX

щая суть предложения, и просил его добыть мнение президента относительно того, как отнестись к предложению. Вильсон одобрил каблогранму, набросанную Хаузом в ответ Бальфуру, смысл которой состоял в том, что англичане не могут обсуждать вопрос, не посоветовавшись с другими союзниками, и, «поскольку много неискренних усилий в пользу мира уже было проявлено полуофициальным путем, вы не можете даже посоветоваться с вашими соучастниками по войне до тех пор, пока не будет сделано более определенное предложение». Ответ, выдержанный в этом смысле, после того как он получил одобрение союзных послов в Лондоне, был отослан по назначению, и дело замерло.

В то же самое время Германия попробовала начать тайные переговоры через барона Ланкена, верховного германского комиссара в Бельгии, который создал впечатление, что он ведет сношения не с кем иным, как с Аристидом Брианом, бывшим премьер-министром. Бриан лично был убежден, что начало переговоров исходит из надежного источника, вероятно от кайзера, и он сообщил французскому правительству, что он готов принять на себя миссию. Он объяснил агенту, доставившему предложение Ланкена, что ни один француз не может даже и думать о начале переговоров без соглашения со всеми союзниками и без того, чтобы знать вполне определенно, что Германия всецело расположена вернуть Эльзас и Лотарингию Франции, и что он оставляет за собой в течение двух недель право думать, что Германия понимает условия обмена мнениями таким же образом.

Ллойд Джорджу мысль об отделении Австрии всегда казалась привлекательной, и он воспользовался удобным случаем, представившимся ему в виде неофициальных совещаний в Париже, чтобы высказать ее своим коллегам. Полковник Хауз выразил умеренное одобрение, хотя и не был особенно воодушевлен. Он всегда был готов исследовать любой метод, который мог привести к окончанию войны, при условии, что он не оставит политической власти в руках германских милитаристов и сделает возможным учреждение международной организации, способной поддерживать справедливое соглаше-

ВЕРХОВНЫЙ ВОЕННЫЙ СОВЕТ

ние. Он сходил с Брианом во мнении, что было ошибкой не пойти более основательно навстречу предложению Ланкена. Хауз не слишком доверял, однако, плану отделения Австрии от Германии и начинал приближаться к взгляду, которого он позже твердо придерживался, что нельзя установить солидного мира до тех пор, пока продолжает существовать империя Габсбургов.

«29 ноября 1917 г. После завтрака Ллойд Джордж просил меня повидаться с ним снова. Он предложил, чтобы мы выяснили, какие мирные условия можем мы предложить Австрии. Австрия сделала англичанам несколько предложений, и англичане настаивают, чтобы условия были изложены письменно. Джордж просил моей поддержки, когда он будет настаивать на рассмотрении последнего австрийского предложения. Я всецело обещал свою поддержку. Совещание происходило в кабинете Пишона, и на нем Клемансо, Пишон и де Маржерри представляли Францию, Ллойд Джордж, Бальфур и Эдисон — Великобританию, а Орландо и Соннино — Италию...

Джордж открыл прения, выдвинув очень сильные аргументы в пользу более детального ознакомления с австрийским пробным шаром. Соннино это сразу обидело, и один момент казалось, что начнется первоклассная свалка. Я поддержал Ллойда Джорджа, как и обещал... В конце концов мы заставили Соннино и Орландо согласиться на предложение».

Каблограмма Хауза президенту

Париж, 30 ноября 1917 г.

«Вчера после полудня на совещании премьер-министров и министров иностранных дел Англии, Франции и Италии, в котором я также принимал участие, Англия была уполномочена предписать своим представителям в Швейцарии установление условий, какие может предложить Австрия для заключения сепаратного мира, на что она проявляет желание...

Мы приняли эту меру ввиду возможности скорого заключения сепаратного мира Россией.

Эдуард Хауз».

ГЛАВА IX

«1 декабря 1917г. Мы с Ллойд Джорджем пошли из министерства иностранных дел прямо в отель «Крийон». Ллойд Джордж был весь захвачен предполагаемым миром с Австрией...

После обеда мы [Хауз, Ллойд Джордж и Рединг] подняли вопрос о поездке Рединга в Швейцарию для встречи с представителем австрийского правительства с целью обсуждения условий мира с Австрией... Рединг думает, что для него это дело не подходит, так как каждый будет удивляться, зачем приехал лорд верховный судья Англии в Швейцарию...»

Все планы мирных переговоров с Австрией были обречены на неудачу, несмотря на ловкость уполномоченных. Вместо лорда Рединга в Швейцарию был послан генерал Смэтс, встретившийся там с бывшим австро-венгерским послом в Великобритании графом Менсдорфом. Их беседы были совершенно неубедительны. Австрийское правительство искренне и страстно желало мира. Двудеиная монархия ничего не могла выиграть при продолжении войны, но все могла проиграть. Однако она добивалась общего мира, включая и Германию; она была неспособна, даже если бы хотела, отделить свою судьбу от судьбы Германской империи. Австрия была точно так же не подготовлена к жертвам, которых требовали союзники, особенно Италия. Переговоры в той или другой форме продолжались до весны, но никогда не представляли серьезной возможности счастливого исхода¹.

7

Столь же бесплодным оказалось старание полковника Хауза убедить европейских союзников выпустить совместное заявление относительно целей войны, которое ослабило бы эффект германской пропаганды и помогло бы союзникам сохранить дружественные отношения с Россией. Подобный шаг, утверждал он, был особенно необходим ввиду большевистских мирных предложений и возрастающих со стороны либераль-

¹ См. ниже, глава XII.

ВЕРХОВНЫЙ ВОЕННЫЙ СОВЕТ

ных и рабочих элементов союзных стран требований обеспечить, чтобы война во имя империалистических целей далее не продолжалась. Письмо лорда Лэнсдауна, опубликованное в газете «Дэйли телеграф» 29 ноября, подводило итог этому настроению¹.

3 декабря полковник Хауз имел с Аристидом Брианом долгий разговор, в котором этот французский государственный деятель развивал тезис, что союзники пропустили удобный случай ослабить моральное состояние Германии, а также установить единственно справедливые условия, на которых можно заключить мир. Бриан не был пораженцем и всегда был убежден, что война должна кончиться разгромом германской военной мощи. Но он желал использовать рассудок в той же степени, как и силу.

Германия, говорил он полковнику Хаузу, продолжала войну как по военным, так и по идеологическим причинам; что касается последних, то она показала большую проницательность, чем союзники, постоянно выдвигая перед своим народом одну идею, что она была принуждена воевать, чтобы предупредить свое экономическое удушье и предохранить свою территорию от расчленения. Она не пренебрегала ни одним удобным случаем, чтобы повлиять на свой народ в том смысле, что он принужден продолжать драться, так как если бы успех оказался на стороне союзников, то жизненные условия германского народа снизились бы до уровня рабства вследствие экономического господства над Германией и чудовищного финансового бремени, возложенного на расчлененную Германию, которое народ будет вынужден принять на себя.

¹ Лорд Лэнсдаун доказывал, что переговоры с Германией могут быть приняты на основе определенных гарантий, которые, как он думал, дали бы возможность германским либералам одержать верх над империалистами, а именно, что союзники не добиваются уничтожения Германии как великой державы; что она должна сама выбрать свою форму правления; что союзники не собираются разрушать ее торговое будущее; что они готовы обсудить после войны вопросы, связанные со свободой морей; что они вступят в ассоциацию, чтобы разрешать споры пацифистскими методами. См. выше, разговор Хауза с Лэнсдауном.

ГЛАВА IX

Необходимо, говорил Бриан, чтобы союзники формулировали свои военные цели в конкретной форме, доведя о них до сведения Германии: «Вот наши военные цели, вот за что мы боремся; если вы готовы принять наши условия, то мы завтра же заключим мир». Он развивал с некоторыми подробностями свою мысль, что декларация такого рода, должным образом распространенная среди народов центральных империй, привела бы к тому, что эти народы начали бы настаивать перед своими правительствами на открытии мирных переговоров или даже заставили бы начать переговоры.

Полковник Хауз был вполне согласен с принципами предложений Бриана. Только ясной установкой пересмотренных военных целей могла быть ослаблена моральная мощь германской обороны. Для союзных народов было, пожалуй, еще важнее вполне ясно понять, что проблема будущего порядка вещей теперь отличается от того, что имелось в виду в ту пору, когда заключались тайные договоры. «Гарантия будущего мира всего мира менее рассчитывала на фокусничество с границами, чем на сокрушение мощи германской агрессии. Если бы сохранился пагубный порядок вещей в Германии, то никакое согласование территорий не спасло бы цивилизацию; если бы этот порядок вещей был изменен, то это же согласование заняло бы свое настоящее место как средство, ведущее к великим целям, и применялось бы при содействии и доброй воле всего мира»¹. Хауз уже писал президенту Вильсону из Лондона о своей надежде, что ради таких оснований союзники согласятся на совместное установление либеральных целей войны.

Но Хауз нашел, что Ллойд Джордж слишком связан с британскими консерваторами, чтобы присоединиться с энтузиазмом к плану нового либерального установления целей войны, а в Париже к этому тоже относились несочувственно. Клемансо взялся за свое министерство с девизом «*Je fais la guerre*» («Я веду войну») и боялся, как бы подобный манифест

¹ *Buchan, A History of the Great War, v. IV, p. 156.*

ВЕРХОВНЫЙ ВОЕННЫЙ СОВЕТ

о целях войны не приняли за намерение напав на пацифизм. Итальянцы не уступали другим союзникам в своей оппозиции и в своих настояниях на незыблемости Лондонского договора. Полковник Хауз, таким образом, обнаружил, что все, на что можно надеяться, — это предупредить провозглашение целей империалистического характера и, возможно, обеспечить умеренное, новое, общее заявление о целях войны, не столь либеральное, как он желал, но такое, которое сможет успокоить русских. Он нашел также возможность предупредить формулирование политики поддержки антибольшевистских клик в России, которой требовали некоторые группы среди французов и англичан. По его соображениям, такая политика только объединила бы истощенную войной Россию вокруг партии, провозглашавшей мир.

Каблограммы Хауза президенту

Париж, 25 ноября 1917 г.

«... Я уклонился от возможности быть втянутым в некоторые их споры, особенно в споры, имеющие территориальный характер. Я считаю, что мы должны придерживаться широких принципов, вами сформулированных, и не позволять себя впутать в принципы узкие и эгоистичные¹.

Эдуард Хауз».

Париж, 28 ноября 1917 г.

«Переданы сюда по кабелю и опубликованы здесь заявления, сделанные американскими газетами и ставящие своей целью доказать, что Россия должна рассматриваться как враг. Чрезвычайно важно, чтобы подобная критика была прекращена. Если союзники и мы сами будем высказывать в настоящее время подобные взгляды, то Россия будет брошена в объятия Германии.

Эдуард Хауз».

¹ Комментировано сэром Уильямом Уайзмэном на этой каблограмме: «Если бы только этого придерживались и на мирной конференции!»

ГЛАВА IX

Париж, 30 ноября 1917 г.

«Я имею в виду представить на одобрение межсоюзной конференции следующую резолюцию:

«Союзные державы и США заявляют, что они ведут войну не с целью агрессии или военной контрибуции. Жертвы, которые они приносят, приносятся ими для того, чтобы милитаризм не бросал в будущем на мир свою тень и чтобы нации имели право устраивать свою жизнь согласно тем принципам, которые кажутся им наилучшими для развития их общего благосостояния».

Если вы имеете какие-либо возражения, то будьте добры ответить немедленно. Весьма важно, чтобы этой резолюции был дан ход. Англичане согласились голосовать за нее.

Эдуард Хауз».

Президент Вильсон немедленно известил Хауза каблогаммой о своем согласии на его предложение.

Парафраз каблогаммы президента Хауза

Вашингтон, 1 декабря 1917 г.

«Резолюция, вами предлагаемая, всецело совпадает с моими мыслями, и я ее одобряю. Вы должны ясно представить, насколько желательно для конференции обсудить условия мира в духе, согласующемся с моим январским обращением к сенату¹. Наш народ и конгресс не хотят сражаться ради эгоистических целей кого-либо из участников войны за возможным исключением возвращения Эльзаса и Лотарингии Франции. Территориальные домогательства должны быть представлены на всеобщее заключение на мирной конференции, особенно планы раздела территории, вроде имеющихся в виду в отношении Малой Азии². Я думаю, что всем очевидно,

¹ Речь от 22 января 1917 г.

² Эти планы были выражены в тайных договорах от 1915, 1916 и 1917 гг.: договор Сазонова — Палеолога, договор Сайкса — Пико, договор, заключенный в Сен-Жан-де-Мариенн.

ВЕРХОВНЫЙ ВОЕННЫЙ СОВЕТ

что это было бы роковой ошибкой, охлаждающей рвение в Америке».

Полковник Хауз считал, однако, невозможным убедить конференцию согласиться даже на ту умеренную резолюцию, которую он набросал. Союзники не были склонны отказаться от надежд на территориальные приобретения. Итальянские делегаты, в особенности, рассматривали заявление, выдержанное в самых общих чертах, как опасное, потому что можно было предполагать, что союзники откажутся от обещаний, данных ими Италии в 1915 г.

«30 ноября 1917г. Барон Соннино был также неподатлив сегодня, как и вчера. Он способный человек, но реакционер... Если бы следовать его советам, то войне никогда не было бы конца, так как он никогда не соглашается на какие-либо вещи, необходимые, чтобы приблизиться к миру...

Сначала шел спор о том, какое заявление должно быть послано России. Бальфур прочел депешу от британского посла в Петрограде, упорно советующего, чтобы союзники освободили Россию от ее обязательства продолжать войну, и приводящего доводы, судя по которым можно думать, что это было бы хорошей политикой. Депеша вызвала неистовую оппозицию Соннино и отчасти более умеренные возражения Клемансо. Наконец, мы послали за здешним русским послом и спросили его мнение. Он высказался против ответа, рекомендуемого британским послом в Петрограде, а советовал фактически то, что предлагал я. В конце концов было решено попросить русского посла набросать меморандум, соответствующий ответу, который, по его мнению, должен быть дан нами, и завтра сообщить его нам.

Завтра или послезавтра я буду настаивать на принятии моего предложения о том, чтобы эта конференция установила союзные военные цели в выражениях, сходных с теми, что намечены мною в моей каблограмме президенту.

Я чувствую глубокую симпатию к солдатам и матросам союзных наций, полагающимся на нас здесь, что мы дадим настоящее направление делу, за которое они сражаются. Мы не сделали всего, что мы могли сделать, и я ясно понимаю это

ГЛАВА IX

в любой момент нашего пребывания на конференции... Здесь мало думают о том, чтобы помочь военному положению мерами здравомыслящей и полезной дипломатии».

Каблограмма Хауза президенту

Париж, 2 декабря 1917 г.

«Имела место долгая и откровенная дискуссия, касающаяся России, но результат ее оказался для меня неудовлетворительным. Я хотел ясной декларации в духе каблограммы, посланной мной вам в пятницу. Англия пассивно соглашалась. Франция была индифферентно против, Италия активно против. Они все были согласны включить в резолюцию то, что я предлагал, если будут сделаны некоторые добавления, на что я не пошел. В конце концов было решено, что каждая держава должна послать свой собственный ответ своему послу в Петрограде. Сущность каждого ответа должна состоять в том, что союзники готовы вновь обсудить свои военные цели вместе с Россией, как только она будет иметь устойчивое правительство, с которым они смогут совместно действовать.

Русский посол в Париже считает весьма важным, чтобы вы послали в Россию обращение через Фрэнсиса¹ или другим путем, извещая ее о том, что у США нет личных побуждений и что они стремятся привести хаотический мир к братству наций ради всеобщего блага, не допуская ничего возвеличения.

Эдуард Хауз».

Результатом неспособности межсоюзной конференции добиться соглашения о пересмотре военных целей Антанты в либеральном духе явились «Четырнадцать пунктов» Вильсона. Полковник Хауз был убежден, что еще до конца войны должно быть достигнуто соглашение об определенных, и притом либеральных, основах мира, как для того, чтобы получить средство, способствующее окончанию войны, так и для обеспечения либерального мира. Если бы союзники и не формули-

¹ Американский посол в России.

СОГЛАСОВАНИЕ УСИЛИЙ

ровали подобных основ мира, то Хауз надеялся, что это будет сделано Вильсоном.

1 декабря Хауз послал президенту каблограмму: «Я надеюсь, что вы не найдете необходимым сделать какое-либо заявление, касающееся иностранных дел, до тех пор пока я смогу увидеться с вами. Это кажется мне весьма важным». На копии каблограммы помечено рукой Хауза: «Я послал эту каблограмму президенту, имея в виду заявление о наших военных целях. Я пробовал добиться такого заявления в Париже, но это не удалось. Самое лучшее, что пришло в голову, было, чтобы заявление сделал президент».

Почти первым предметом, затронутым Хаузом при разговоре с президентом после возвращения в Вашингтон, был именно вопрос о целях войны, и через три недели «Четырнадцать пунктов Вильсона» были уже набросаны.

ГЛАВАХ

СОГЛАСОВАНИЕ УСИЛИЙ

Если эта война должна быть выиграна, то нужно добиться лучшей совместной работы союзников.

*Из доклада Хауза президенту Вильсону,
14 декабря 1917 г.*

1

Межсоюзная конференция провела свое второе, и последнее, пленарное заседание 3 декабря, причем, как и первое, оно носило чисто формальный характер и было посвящено письменным докладам комитетов экспертов. С индивидуальной стороны оно примечательно для нас тем, что выслушало одну из немногих речей, когда-либо произнесенных полковником Хаузом, которого Клемансо просил закончить таким образом конференцию. Хауз подавил желание произнести публичное защитительное слово в пользу пересмотра целей войны в либеральном духе и ограничил свое обращение двумя короткими абзацами. «Я пи-

шу нечто безобидное, — признавался он в своем дневнике. — Я хочу, и я могу сказать то, что я фактически хотел бы высказать, но я не отваживаюсь сделать это. Можно больше потерять, чем выиграть... Я решил подождать до моего возвращения и попросить президента сказать со всем авторитетом, ему присущим, то, что должно быть высказано в настоящее время».

6 декабря вечером американская миссия тихо ускользнула из Парижа¹, достигла окружным путем, словно спасаясь бегством, Бреста и погрузилась на следующий день на борт «Маунт Вернон», спеша навстречу работе, ожидавшей ее в США.

Совещания, в которых участвовали технические эксперты, привели к гораздо большему, чем только к обмену информацией.

Они привели к составлению специальной программы экономического согласования и создали технический аппарат, который должен был проводить эту программу. Трудно преувеличить значение этого достижения. «Нации помнят только позорные пятна войн, — писал верховный уполномоченный по франко-американским делам. — Что привлекло их внимание в трагическом периоде 1917—1918 гг.? Румынская катастрофа, Капоретто, четвертая британская армия, Шменде-Дам. Были ли это решающие события великой борьбы? Нет! Существенными вещами были проблемы перевозок, обращения судов и потопления подводных лодок, финансовая проблема, проблема сотрудничества. Ошибка в согласовании усилий, авария в механизме снабжения могли оставить наших солдат безоружными»². Полковник Хауз оценивал достижения межсоюзной конференции следующими словами:

«То хорошее, что дала конференция, — писал Хауз еще в Париже, — в деле согласования союзных ресурсов, особенно

¹ «Из всей кротоподобной деятельности полковника Хауза, — писал Грести в «Нью-Йорк тайме» от 22 января 1918 г., — наиболее кульминационным деянием явился его отъезд... Только два лица знали час, назначенный для отъезда, и место, откуда он произойдет, — полковник и командир судна (капитан Эндрю Ф. Картер)... Возможно, что полковник держал тайное пари сам с собой о своей способности вывести группу в пятнадцать или двадцать человек из наиболее обращающего на себя внимание помещения в Париже, без того чтобы кто-либо знал об этом».

² Tardieu, France and America, p. 224.

СОГЛАСОВАНИЕ УСИЛИЙ

экономических ресурсов, с трудом поддается оценке. Прежде все шло чуть ли не в беспорядке. Теперь можно ждать самое меньшее удвоения усилий. То, что США могут делать лучше, чем Великобритания, Франция или Италия, то будем делать мы, а то, что они могут делать лучше, останется главным образом за ними. Никто, за исключением посвященных в дело, не знает о размерах приложенных усилий. Эта конференция может, следовательно, рассматриваться как поворотный пункт войны, хотя бы даже военное счастье союзников и казалось стоящим так низко, как никогда».

За подобное согласование военных усилий американские эксперты несли главную ответственность; они считали своей обязанностью оказывать в этом отношении давление на союзников, которым самим по себе до сих пор не доставало, по мнению американцев, умения сосредоточить всю мощь своих ресурсов и бросить ее на борьбу с Германией.

Сами американцы, поскольку дело касалось их национальной организации, уступили необходимости централизации, несмотря на их общее нерасположение к ней, и требовали такой же уступки от союзников в международной организации. Они придали контролю в различных управлениях, руководивших американской промышленной жизнью, железную и неограниченную власть.

«Эти властвующие контролеры экономической и интеллектуальной жизни США, — писал Тардье, — были не по вкусу многим гражданам, но, несмотря на это, они обеспечивали победу. Благодаря их контролю рынок планомерно насыщался товарами, хотя это был тот самый рынок, разнузданная конкуренция которого имела следствием нездоровое возрастание цен. Теперь он был приведен за несколько недель в порядок, причем удалось достигнуть равенства условий для всех покупателей и общего снижения цен. Любая нужда Америки, любая нужда Европы нашли удовлетворение.

Эта новая Америка распространяла тот же самый закон единообразия на своих соучастников по войне. Когда американцы влюбляются в идею, то, даже если их энтузиазм непродолжителен, он всегда неистов. В 1917 и 1918 гг. они питали страсть к ор-

ганизации межсоюзного военного аппарата, тяжесть которого не всегда радостно выносилась Европой. Мак-Аду, добивавшийся абсолютного финансового единения, не достиг цели, хотя вместе с Нортклифом и со мной он набросал план необходимых мероприятий, и должники, несомненно, теряли больше кредиторов. Но в любой другой области американцы в конце концов добились своего. После вступления Америки в войну межсоюзные управления в Лондоне и Париже, управления, контролирующие сталь, дерево, нефть, пшеницу, пищевые продукты, торговый флот, — приняли окончательную форму и показали свои лучшие результаты. После четырех лет опыта и разбросанности контроль к концу 1918 г. достиг чего-то вроде совершенства»¹.

Историк, склонный к иронии, вероятно, заметил бы, что великая проблема была разрешена не человеческой изобретательностью, а скорее волей случая. Главная забота союзников летом 1917 г. состояла в том, смогут ли США авансировать кредиты, казавшиеся необходимыми; их главным разочарованием была несклонность США обещать желаемые ежемесячные 500 млн. Мак-Аду не дал бы обещаний до тех пор, пока союзные требования не были согласованы. Но уже перед концом осени союзники не смогли дольше использовать кредиты, авансированные США, по той причине, что материалы, которые должны были быть закуплены союзниками в Америке, исчезли с рынка. Как предвидел лорд Рединг, предел союзным займам был положен не неспособностью американцев давать займы, а тем, что американский рынок был неспособен удовлетворить огромный спрос на материалы и со стороны Америки, и со стороны союзных армий. Нельзя расходовать деньги, когда на них нечего купить.

Это обстоятельство много потеряло в своем значении благодаря созданию немедленно после Парижской конференции межсоюзного совета военных закупок и финансов. Этот совет приближался, насколько только возможно, к ранее предлагавшемуся американским казначейством разрешению проблемы, возникшей вследствие беспорядочности союзных требований о финансовой помощи. Заседая в Лондоне и Париже под пред-

¹ *Tardieu, France and America*, p. 234.

СОГЛАСОВАНИЕ УСИЛИЙ

седательством американского представителя Кросби, совет ставил своей целью согласование союзных закупок, а также служил расчетной палатой, информируя о союзных нуждах в фондах, и, наконец, развертывал единую политику в отношении займов, которые могли быть даны союзникам США. Совет работал в сотрудничестве с Верховным военным советом и другими межсоюзными советами.

В результате Парижской конференции были также созданы: межсоюзный совет по снабжению, межсоюзное нефтяное совещание, межсоюзный продовольственный совет и союзный совет морского транспорта. Совет по снабжению не получил эффективной организации до следующего лета, другие же приступили к активной деятельности в начале 1918 г. Продовольственный совет, составленный из представителей продовольственных контролеров союзных стран, был предназначен прежде всего для того, чтобы распределять запасы продовольствия и готовить транспортные программы. Совет морского транспорта, заседавший в Лондоне, ставил своей целью наблюдение за общим управлением союзным транспортом и достижение наиболее эффективного использования тоннажа, возлагая в то же время на каждую нацию ответственность за управление транспортным флотом под контролем совета. Различные другие органы межсоюзного сотрудничества развивались и в дальнейшем, как только выявлялись какие-либо особые нужды.

Независимо от создания такого нового межсоюзного технического аппарата, Парижская конференция привела к общим соглашениям относительно важных для успеха вопросов блокады, морского сотрудничества, людских резервов и тоннажа. Глава управления военной промышленности Вэнси Мак-Кормик провел целый ряд бесед с лордом Робертом Сесилем, британским министром блокады, а также с французскими и итальянскими представителями.

Что касается морских дел, то Парижская конференция привела к созданию межсоюзного морского совета, имеющего целью «обеспечить теснейший контакт и полное сотрудничество между союзными флотами». Совет включал в себя союзных морских министров и их начальников морских штабов, а также

флаг-офицеров, представлявших США и Японию. Это обещало многое в будущем, но беседы адмирала Бенсона привели к решениям, имевшим более непосредственное значение. В своем секретном меморандуме, написанном для полковника Хауза, адмирал Бенсон суммирует эти решения следующим образом:

«Принято решение немедленно послать дивизию линкоров для присоединения к британскому «Grand Fleet» («большому флоту»).

Достигнуто условное соглашение: послать весной весь атлантический флот в европейские воды, если только условия оправдают это мероприятие. Принято общее решение: предпринять совместно с англичанами закрытие Северного моря путем постановки и поддержания минного заграждения. Получена гарантия британского правительства, что Дуврский пролив будет действительно закрыт и что с этой целью будут проведены немедленные мероприятия. Принято решение относительно определенного плана наступательных операций, в котором наши силы примут в недалеком будущем участие... Заключено соглашение с британским адмиралтейством, позволяющее офицеру, командующему морскими силами США, оперирующими в европейских водах, присутствовать ежедневно на утреннем совещании в адмиралтействе. Заключено соглашение относительно командировки трех наших офицеров для службы в оперативном отделе британского адмиралтейства, чтобы обеспечить более тесное сотрудничество и чтобы мы всегда имели полную и немедленную информацию относительно того, какой план операций может быть принят британским адмиралтейством...»¹

¹ 16 июня 1928 г. адмирал Бенсон сделал следующие замечания: «Мой доклад являлся результатом многочисленных совещаний между должностными лицами британского адмиралтейства и мной. Я не нашел никакого исходящего от англичан предложения относительно этих важных пунктов. Было абсолютно необходимо прежде постановки спроектированного минного заграждения поперек Северного моря закрыть Дуврский пролив. Я предложил, чтобы они погрузили большие тяжелые блоки бетона с длинными, острыми костылями, проходящими насквозь и вниз; эти костыли должны будут тогда вонзиться в дно и держать блоки, к которым могут быть прикреплены канаты, держащие мины. К моему немалому удивлению, до моего приезда в ноябре 1917 г. германские подводные лодки все еще выходили и входили через Дуврский пролив. Это было прекращено, и заграждение, 82% которого мы проектировали поставить в Северном море, фактически сдерживало германские подводные лодки».

Выдержка из отчета полковника Хауза

«... Если эта война должна быть выиграна, то нужно добиться лучшей совместной работы союзников. Вести ее так, как сейчас, значит терять зря много энергии и ресурсов. Кое-где силы удваиваются, кое-где люди и деньги расточены.

Центральные державы не осилены благодаря тому, что их ресурсы полностью мобилизованы и находятся под единым управлением. Отдельный германский солдат, возможно, не так хорош, как английский, но германская военная машина превосходит как английскую, так и французскую. Трудности, при которых должны сражаться англичане и американцы, ложатся на них большим добавочным бременем. Они не только имеют дело с огромными расстояниями, которые необходимо преодолевать, чтобы собрать свои силы и содержать их, но эти трудности еще чрезвычайно увеличены необходимостью создать и содержать огромную армию в чужой стране, среди народа с несходными привычками, обычаями и предрассудками.

Дипломатическая сторона подобного предприятия почти столь же важна, как военная, и генерал Першинг начинает ясно понимать это.

Если не будет перемены к лучшему, то союзники не смогут победить, а Германия сможет. Уже месяцев шесть или больше почва продолжает оставаться скользкой для союзников...

Англичане и французы настаивают, чтобы наши войска были размещены среди их войск, как только они будут переброшены сюда. Довод союзников состоит в том, что это дало бы нашим войскам лучшее и более быстрое обучение, а также помогло бы им [англичанам и французам] противостоять великому германскому натиску, который, по мнению союзников, неизбежен. Натиск, как я думаю, произойдет, и любая возможная помощь должна быть оказана, чтобы его выдержать, так как если он увенчается успехом, то война на суше будет кончена. С другой стороны, они просят нас сделать то, что

ГЛАВА X

канадцы и австралийцы отказались сделать. Раз мы только будем поглощены ими, мы, вероятно, никогда не выступим самостоятельно. Роты и батальоны, размещенные среди союзников, станут скоро просто обломками. К тому же, будучи поставлены в такое положение, наши войска не стяжают успехов, равных успехам французов или англичан, и никогда не будут оправданы жертвы, ими принесенные. Мне кажется, можно сказать с уверенностью, что осуществление этого плана было бы наиболее эффективной помощью, которую мы можем оказать французам и англичанам, но оно стоило бы нам дороже всего другого.

Мы нашли моральное состояние английского народа высоким. Чем больше счастье обращается против них, тем более они стойки и уверены в победе. Моральное состояние Франции тоже хорошо. Признаков слабости не имеется. В Англии народ более умерен, чем в мой последний приезд. Лондон имеет мрачный вид. Там очень слабое оживление, чего я никогда не замечал раньше, и имеются признаки депрессии. Кажется, что каждый понял теперь ясно, что значит война, и веселье прежних лет уступило место мрачному унынию. Пищевые продукты, газолин и другие полезные товары расходуются очень экономно. Во Франции другое дело. Париж по внешнему виду нормален. Улицы оживлены, народ весел, а пищевые продукты, газолин и т. д. в изобилии.

...Я предсказывал, что если на французский народ будут наложены ограничения, то он взбунтуется, что единственный способ удержать его от бунта в том и состоит, чтобы позволить продолжать жить вне мрака и уныния...

Верховный военный совет в своем теперешнем виде является почти фарсом. Он может стать действенным орудием для выигрыша войны. США могут его сделать таким орудием, и я надеюсь, что они применят свою неоспоримую мощь, чтобы достигнуть этого.

В заключение я хочу упомянуть о моей оценке индивидуальной работы членов этой миссии. Любой успех, достигнутый ею в качестве благотворной силы, достигнут ими. При всей моей опытности в отношении людей я никогда не

СОГЛАСОВАНИЕ УСИЛИЙ

знал более разумной совместной работы. Не было ни путаницы в установках, ни разбросанности в погоне за целями, которые должны были быть достигнуты, не имелось абсолютно никаких разногласий или трений, замедляющих дело. Они принимали и совет, и предложения и создали о себе в Англии и Франции впечатление как о людях больших способностей и столь же большой скромности. Они имели дело с противниками в звании министров, но ни один из совещающихся с ними не сомневался ни на момент, что он совещается с равными себе.

Э. М. Хауз».

Корабль США «Маунт Вернон».

14 декабря 1917 г.

3

Таковы были отчеты, привезенные полковником Хаузом на родину из Парижа. Их сущность заключалась в общем согласии с тем, что США должны поставлять в Европу человеческий материал и недостающее там снабжение; союзники снарядят этот человеческий материал своим собственным избытком снабжения и найдут суда, чтобы помочь перевозке солдат. Военная миссия высадилась в Нью-Йорке в субботу 15 декабря.

Письмо Хауза президенту

Корабль США «Маунт Вернон»,

15 декабря 1917 г.

«Дорогой начальник!

Мы надеемся высадиться сегодня после полудня, и, если вам удобно, я выеду в понедельник утром в 11 час. 8 мин. и прибуду в Вашингтон в 4 часа 40 мин. после полудня.

Всю дорогу миссия работала над отчетами для своих соответственных департаментов и над общим докладом как для вашей информации, так и для государственного департамента. Доклады готовы и пойдут в Вашингтон вместе с моим собственным докладом сегодня ночью. Повезет их Гордон.

Я надеюсь, вы найдете, что миссия была успешна и стоит потраченного времени.

С нетерпением ожидаю встречи с вами.

Ваш преданный Э. М. Хауз».

Президент ответил телеграммой: «Радуюсь, что вы невредимо вернулись назад». Он прибавил, что он смотрит вперед «с величайшим удовольствием», ожидая увидеть Хауза на следующий день, и надеется, что он остановится в Белом доме.

Вильсон, несомненно, интересовался главным образом планами единства военного командования и возможным развитием Верховного военного совета. Как он впоследствии объяснял Хаузу, он не мог согласиться послать за океан большую американскую армию, которая была там необходима, не имея гарантий, что она будет использована наиболее эффективным из возможных способов, не считаясь с национальными «больными местами».

«17 декабря 1917г. Я приехал в Вашингтон сегодня, — записал Хауз в своем дневнике. — Я отправился сперва в Белый дом, намереваясь оставить там свою сумку и пойти к Джэнет (миссис Гордон Очинклосс), но нашел президента в его кабинете ожидающим меня. Мы совещались от пяти до семи часов...»

Я сделал президенту доклад о моей деятельности в Лондоне и Париже, и он казался глубоко заинтересованным. Я не входил в детали, но я рекомендовал послать за океан генерала Таскера Х. Блисса в возможно скором времени, чтобы он действовал в качестве нашего военного советника в Верховном военном совете. Я объяснил, как образовался и как работал совет и насколько несовершенным стал он из-за намеренного исключения из него британских начальника штаба и главнокомандующего.

В ответ на вопрос президента, как можно исправить дело, я сказал, что для этого будет необходимо подождать, пока мы будем иметь на фронте достаточные силы, чтобы дать нам право потребовать голоса в руководстве чисто военной сферой войны».

СОГЛАСОВАНИЕ УСИЛИЙ

Тогда президент заговорил об уместности посылки американского политического представителя, который должен будет заседать в совете вместе с премьер-министрами, и высказал свое решение послать за океан через месяц-другой полковника Хауза. Он прибавил, что не может послать никого другого кроме него. Могут потребоваться быстрые решения, и представителем должен быть человек, который не будет обращаться за каждой мелочью к президенту.

Решение Вильсона не было выполнено до следующей осени, когда он послал Хауза в Европу в качестве своего личного представителя в Верховном военном совете. С другой стороны, были приняты меры для немедленной посылки генерала Блисса в качестве военного советника, так что он смог поспеть на важное заседание Верховного военного совета в конце января.

Президент был, очевидно, очень убежден доводами генерала Блисса относительно необходимости объединенного военного управления, даже если под этим подразумевалось единое верховное командование. Вскоре после того Андре Тардьё, вернувшийся из Франции, обсудил вопрос с Вильсоном.

«В январе 1918 г., — пишет Тардьё, — по моем возвращении из Парижа, где, имея в виду продолжать мою работу в Америке, я отказался от портфеля в министерстве Клемансо, я имел следующую беседу с президентом Вильсоном относительно верховного командования. Президент, которому я объяснил трудности, стоящие на пути подобного мероприятия, ответил: «Вы хотите прийти именно к тому же самому. Что думает м-сье Клемансо?» — «Он полностью одобряет это», — сказал я. «Кого он предлагает?» — спросил президент. Я ответил: «Генерала Фоша». С этого времени Вильсон никогда не забывал прокладывать путь для решения, принятого в марте 1918 г.»¹.

Имелся и другой взгляд на вопрос о продуктивности новых планов межсоюзного сотрудничества. Смогут ли США сдерживать обещания, которые дала американская военная миссия в отношении людей и снабжения? «Мы и наши союзники зна-

¹ *Tardieu, France and America*, p. 235.

ГЛАВА X

ем, — писала газета «Нью-Йорк ньюс» от 3 января, — что мы должны делать, чтобы сыграть нашу роль в согласованном плане... Теперь дело за нами, демократическими народами, показать, что мы можем быть более продуктивны в добровольном согласовании, чем центральные державы... План ценен только тем, что сделано на его основе. Он является началом, и только началом».

Если США должны были сыграть свою роль действительно, то должно было осуществиться немедленное ускорение и сглаживание работы военных управлений. Как в Европе, так и в Америке проявлялось много пессимизма. Полковник Хауз получал от французов и англичан постоянные напоминания о нужде в человеческой силе и тоннаже. Эти напоминания начались определенной нотой Клемансо, устанавливающей в ясных выражениях соглашение, достигнутое военными руководителями относительно количества войск, которые должны были быть посланы, а также заявлявшей о необходимости строгого ограничения экспорта, чтобы сделать возможной перевозку этих войск. Другие послания подчеркивали нужду в материалах, в судостроении или необходимость включения американских войск в фронтовые армии мелкими единицами, вкрапленными во французские и британские силы.

Письмо Клемансо Хаузу

Париж, 6 декабря 1917 г.

«Дорогой полковник Хауз!

В момент закрытия союзной конференции я прошу вас позволить мне подчеркнуть доминирующую идею, бывшую все время в нашей памяти при составлении программы, идею, заставляющую союзников «ограничить их импорт, чтобы освободить возможно больше тоннажа для перевозки американских войск». Правительство республики чувствует, что непосредственное сотрудничество между союзниками должно энергично применяться с момента создания общей программы импорта и что они должны помнить абсолютную необхо-

СОГЛАСОВАНИЕ УСИЛИЙ

димось сбережения тоннажа, потребного для перевозки на Западный фронт американских контингентов.

Французское правительство сообщило членам совещания по морскому транспорту, что оно рассчитывает на следующий абсолютный минимум американских войск, которые должны быть доставлены во Францию:

В настоящее время:

Две дивизии в месяц, или 60 тыс. человек.

Начиная с апреля:

Три дивизии в месяц, или 90 тыс. человек.

Не считая армейские части и вспомогательные службы, которые должны быть прибавлены, это составит общее количество прибывающих войск:

от настоящего дня до 1 апреля 240 тыс. человек

от 1 апреля до конца 1918 г. 810 тыс.

Всего 1050 тыс.

Мистер Колби¹ информирован относительно прилагаемого меморандума генерала Блисса, сообщающего об единодушном мнении, высказанном:

генералом Блиссом, начальником штаба американской армии;

генералом Першингом, командующим американским экспедиционным корпусом;

генералом Робертсоном, начальником штаба британской армии;

генералом Фошем, начальником штаба французской армии;

согласно которому до конца июня 1918 г. должны быть доставлены во Францию 24 дивизии.

Предоставляя пока экспертам заботу о подсчете тоннажа, необходимого для того, чтобы выполнить перевозку этих контингентов, французское правительство принимает полностью выводы меморандума.

Прошу вас принять, дорогой полковник Хауз, выражение чувств моего глубокого уважения.

Клемансо».

¹ Как представитель управления морской торговли.

ГЛАВА X

Каблограммы Ллойд Джорджа Хаузу

Лондон, 15 декабря 1917 г.

«Принимая во внимание положение в России и тот факт, что как орудия, так и люди с быстротой перебрасываются с Восточного фронта на Западный, кабинет министров выражает настойчивое желание, чтобы было принято немедленное решение относительно включения в британские боевые единицы полков и рот американских войск — идея, обсуждавшаяся с вами в Париже. В ближайшем будущем и в течение первых месяцев нового года положение на Западном фронте может сделаться необычайно серьезным и может случиться, что станет жизненно важным, чтобы американские людские резервы, находящиеся во Франции, были немедленно использованы, особенно потому, что германцы, как кажется, рассчитывают одолеть союзников еще до того, как вполне обученная американская армия будет способна принять участие в боях.

Ллойд Джордж».

Лондон, 17 декабря 1917 г.

«Мы получили информацию из весьма заслуживающего доверия источника о том, что судостроительная программа США на 1918 г., вероятно, не превысит 2 млн тонн. Вы должны помнить о наших переговорах здесь и в Париже, в основу которых клалось предположение, что США обеспечат строительство судов на 6 млн тонн — впоследствии цифра была увеличена до 9 млн тонн, — и поймете, как серьезно отнесся военный кабинет к этому известию. Американская судостроительная программа абсолютно важна для успеха войны. Могу ли я настаивать, чтобы немедленно были приняты меры для выяснения фактического положения в отношении судостроения, как и вообще рассчитывать на поддержку?

Ллойд Джордж».

Беспокойные недели последовали за возвращением американской военной миссии, так как напряжение сверх программы, ставшее необходимым благодаря требованиям союзников, почти разрушило военную организацию США, находившуюся в то время по-прежнему в состоянии зарождения.

Процесс централизации ответственности, благодаря которому была, наконец, развернута настоящая организация, не показан полностью архивом полковника Хауза. В конце концов, несмотря на промедления и ошибки, главные нужды союзников были удовлетворены, и Америка оказалась в состоянии внести свою долю в общую победу.

ГЛАВА XI

«ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ПУНКТОВ» ПРЕЗИДЕНТА ВИЛЬСОНА

Президент высказал пожелание известить премьер-министра или вас о том, что он чувствует себя обязанным сделать в настоящее время определенное заявление, противопоставленное германским мирным предложениям... До сих пор мы играли на руку германской военной партии...

Из письма Хауза Бальфуру от 5 января 1918 г.

1

Положительное значение американской военной миссии в Европе, как это показывает предшествующая глава, заключалось в ее воздействии на усиление военной помощи со стороны США. Она выяснила необходимость ускорить развертывание американского производства и обучение американских войск; она повела к созданию различных межсоюзных советов, предусматривавших правильное согласование нужд союзников и способность США удовлетворить их.

То отрицательное, что выявилось в деятельности миссии, так-

ГЛАВА XI

же имело историческое значение, так как неуспехи миссии привели к «Четырнадцать пунктов» президента Вильсона. Историки часто удивлялись, почему Вильсон выбрал для произнесения речи о четырнадцати пунктах именно тот момент, а не какой-либо другой. Согласно данным, имеющимся в архиве Хауза, это произошло потому, что американская миссия не добилась на конференции поддержки своему манифесту о целях войны, который мог способствовать удержанию России в рядах воюющих и иметь следствием эффективное дипломатическое наступление против центральных держав. Полное дипломатическое единство между союзниками и США выковало бы наиболее полезное оружие для подобной политики. Так как в Париже не удалось достигнуть этого единства, то президент Вильсон был вынужден предпринять дипломатическое наступление на свой страх.

«Чего по-прежнему недостает, — писал Хауз при закрытии межсоюзной конференции, — и чего эта конференция не осуществила, — это разумного направления дипломатии. То обстоятельство, что подобное собрание не смогло оценить требований момента, приводит к разочарованию. Мы должны были формулировать на конференции политику столь же ясную, столь же широкую и столь же эффективную, как установленное нами согласование наших военных, морских и экономических ресурсов. Это должна была быть политика, апеллирующая ко всему миру, политика, которая потрясла бы германский тыл».

Немедленно после своего возвращения из Парижа полковник Хауз обсудил эту тему с президентом. 18 декабря в кабинете Вильсона в Белом доме он подробно рассказал о своей попытке убедить союзников «объединиться для формулирования ясной декларации о целях войны, которая объединила бы весь мир против Германии и не только помогла бы разрешению русской проблемы, но и объединила бы вместе с тем вокруг себя лучшие и самые бескорыстные мнения мира. Я не смог их склонить к этому, и теперь это будет сделано президентом».

Президент Вильсон, не теряя времени, решил, что ввиду отсутствия общесоюзного манифеста его собственное энер-

гичное обращение может стать моральным поворотным пунктом войны, так же как согласование военных управлений и политики явилось, вероятно, поворотным пунктом в сфере военной деятельности. «Мы обсуждали этот предмет не более десяти или пятнадцати минут», — записал Хауз в свой дневник 18 декабря. Большевики уже вели переговоры о сепаратном мире, и было невозможно не дать своего рода ответа на их требование обоснованного заявления, почему война должна продолжаться. Нельзя было позволить Германии разыграть роль жертвы империалистических вождельных союзников. Было важно также склонить, если возможно, союзные правительства к признанию принципов соглашения, которое оправдало бы жертвы войны и поддержало бы энтузиазм либеральных и рабочих кругов Великобритании и Франции. 13 декабря газета «Манчестер гардиан» опубликовала тексты тайных договоров, переданные ей большевиками, разоблачая, таким образом, характер союзных домогательств 1915 г. Некоторый корректив стал необходим.

Президент Вильсон был благодаря своему положению и способностям наиболее подходящим человеком для того, чтобы формулировать моральные проблемы, усложнявшие войну, существенно пойдя навстречу чувству протеста, поднимавшемуся в либеральных и рабочих кругах и активно проявившемуся в России. Президент представлял сторонников мира на всей земле. Он был главой нации, контролировавшей равновесие экономических сил. Его престиж весьма увеличился благодаря посылке американской военной миссии в Европу и американскому требованию большей организованности военных и промышленных усилий.

Своим выступлением перед всеми участниками войны в качестве глашатая либералов и пацифистов Вильсон дал союзникам факторы политического значения, помогшие в конечном итоге победе, хотя размер этой помощи не всегда правильно оценивался теми, кто думал, что войны выигрываются только пушками и блокадой. Приближающаяся кампания 1918 г. должна была явиться испытанием моральной стойкости союзных народов, испытанием, равного которому они еще

ГЛАВА XI

не видели. Не только люди и суда оказались бы нужны для стойкой обороны, но и абсолютное убеждение в правоте общего дела.

Приняв решение относительно необходимости формального установления целей войны, президент попросил Хауза собрать и привести в порядок материалы, потребные для его послания, в сотрудничестве с группой экспертов, уже с сентября собиравшей данные, которые должны были быть использованы на мирной конференции. Ко времени возвращения миссии Хауза из Европы «Инкуайри» представляла собой по-прежнему не более чем центральное ядро, пользующееся помощью немногих, хорошо известных авторитетов по географическим, экономическим и юридическим вопросам. Но это ядро всегда оставалось хозяином фактов, им собранных, и сохраняло неизменную объективность при анализе непостоянных и противоречивых спорных вопросов, поставленных этими фактами. Поэтому, когда Хауз вернулся из Вашингтона и сообщил, что Вильсон собирается произнести после рождества речь, которая может оказаться наиболее важной речью в его жизни, «Инкуайри» оказалась в состоянии выработать в течение немногих дней полную территориальную программу. Общие положения получили формулировку, критические территориальные спорные вопросы были выделены, и рекомендации набросаны в соответствии с принципами, одобряемыми Вильсоном. На заседаниях, продолжавшихся целые дни и ночи, в качестве оправдательных документов подготавливаемых рекомендаций были собраны и обработаны статистические данные и составлены карты, служащие иллюстрациями.

Некоторые из этих данных взял с собой 23 сентября Хауз, отправлявшийся в Вашингтон, чтобы провести там Рождество. Основной доклад «Инкуайри», лежавший перед Вильсоном, когда он составлял свою речь, был привезен Хаузом при втором его приезде, 4 января. Этот доклад подразделялся на две главные части. Первая обрисовывала общее дипломатическое положение и намечала пункты, которые должны были быть особенно подчеркнуты при предположенном диплома-

тическом наступлении против Германии: Болгария и Австро-Венгрия согласно директиве должны были трактоваться сочувственно, Германия должна была быть поставлена под угрозу экономических кар после окончания войны, если она не согласится и не окажется способной представить гарантии своего отказа от империалистической политики. «Это наше сильнейшее оружие, и германцы прекрасно понимают его опасность. Держась за него, можно добиться неоценимых уступок». Западные союзники должны были быть ободрены: «1) энергичным высказыванием в пользу экономического единства контроля; 2) выступлением США, которое укажет путь либералам в Великобритании и во Франции и тем самым восстановит национальное единство цели; эти либералы охотно примут руководство президента, если он предпримет либеральное дипломатическое наступление, так как они найдут в этом наступлении бесценную поддержку для своих внутренних домашних смут, и, наконец, 3) такое мощное либеральное выступление со стороны США безмерно возбудит американскую гордость и интерес к войне и обеспечит правительству поддержку большей части американского народа, который желает идеального решения вопроса. Подобное либеральное наступление поможет больше, чем что-либо другое, создать в нашей стране тот род общественного мнения, в котором президент нуждается, чтобы довести до конца программу, им предначертанную».

Вторая часть доклада «Инкуайри» устанавливала условия разрешения восьми спорных территориальных вопросов, а именно: вопросов о Бельгии, Северной Франции, об Эльзас-Лотарингии, об итальянской границе, о Балканах, Польше, Австро-Венгрии и Турции. Эта часть кончалась параграфом, отмечающим, что из существующего антигерманского союза должна развиваться лига наций. «Должна ли эта лига быть вооруженной и не включающей в свой состав теперешних противников или, наоборот, разоруженной и дружественно включающей в себя Германию, зависит от того, будет ли германское правительство фактически представлять германскую демократию».

ГЛАВА XI

Источники информации, необходимой для точного понимания политических течений в Европе, были с трудом доступны во время войны; следовательно, в докладе имелось много такого, что обнаруживало неведение европейских условий. Но в главных чертах рекомендации «Инкуайри» были здравы. Во всех случаях они представляли ту политику, которую Вильсон всегда проводил, и включали в себя принципы либералов США и других стран. Эти принципы, в том виде, как они выражены в «Четырнадцать пунктов», не были тождественны ни с принципами «Инкуайри», ни с принципами президента Вильсона. «Инкуайри» просто выполнило кропотливую работу собирания мнений и фактов и приведения их в форму, удобную для рассмотрения их президентом, определяя ту тенденцию общественного мнения, которая казалась наиболее ясно подтвержденной фактами. Президент Вильсон оценивал этот материал в свете того, что было, как он думал, практическим идеализмом, и облекал его в убедительную форму. Речь была великой отчасти благодаря изобразительному таланту Вильсона, отчасти благодаря тому, что она уловила направление невыраженного общественного мнения и выразила его со всем авторитетом высокого положения президента. «Слова президента, — писала после речи «Нью-Йорк трибюн», — были словами ста миллионов».

2

Рекомендации «Инкуайри» были заботливо изучены Вильсоном, особенно те из них, которые относились к установлению территориальных спорных вопросов. Президент обсудил их с полковником Хаузом и написал на полях доклада стенографические комментарии, некоторые из которых с небольшими изменениями он потом включил в свою речь. Он перечитал также большое количество меморандумов, представленных европейскими представителями и привезенных Хаузом в Вашингтон вечером 4 января.

«Я добрался до Белого дома не раньше девяти часов, — писал Хауз. — Мне оставили обед, но я едва дотронулся до него

«ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ПУНКТОВ» ПРЕЗИДЕНТА ВИЛЬСОНА

и отправился немедленно совещаться с президентом относительно предположенного послания конгрессу о наших целях войны...

Мы совещались дольше чем до половины одиннадцатого, обсуждая общие условия, подлежащие применению, и рассматривая данные и карты, привезенные мной с собой и отчасти изготовленные «Инкуайри».

Президент решил, что он будет строить свою речь, имея в виду три специальные цели. Во-первых, ответ на требование большевиков относительно объяснения целей войны, ответ, который сможет убедить Россию стоять рядом с союзниками при защите ими демократических и либеральных принципов, на основе которых, как настаивал Вильсон, должно быть построено здание мира и которые были бы растоптаны ногами в случае победы Германии. Во-вторых, призыв к германским социалистам, которые начали проявлять подозрение, что их правительство фактически ведет не оборонительную войну, а завоевательную, совершенно несозвучную с июльской резолюцией рейхстага. В-третьих, предупреждение Антанте о том, что должна быть осуществлена ревизия в либеральном духе военных целей в том виде, как они выражены в тайных договорах. Президент был особенно взволнован Лондонским договором и мероприятиями, предпринятыми для раздела Турции.

Вильсон был осведомлен о размерах обязательств, принятых на себя Великобританией и Францией по Лондонскому договору¹. Важно было выяснить, что США отстаивают принципы, приходящие в непосредственное столкновение с этим договором, поскольку он подчиняет итальянскому суверенитету чуждые национальности. Относительно этого вопроса не существовало разногласий между полковником Хаузом и президентом, и последний написал на полях доклада «Инкуайри» фразу, вошедшую впоследствии в пункт 9: «Регулировка итальянских границ, согласно ясно выраженным национальным признакам»². Это было фактическим отрицанием права Ита-

¹ См. выше, глава II.

² В речи слово «выраженным» было заменено словом «выражаемым».

ГЛАВА XI

лии на контроль над Адриатикой и над говорящей по-немецки частью Тироля, поскольку это право было выражено Лондонским договором.

Отрицательное отношение президента к разделу Турецкой империи, намеченному договорами 1915 г., договором Сайке — Пико и договором Сен-Жан-де-Мориенн, было столь же несомненно. Заметка в дневнике Хауза, сделанная в августе прошлого года, показывает, что условия этих договоров стали общим достоянием даже еще до опубликования их большевиками. «В Турции знают, — писал Хауз, — о заключенных союзниками между собой тайных договорах, в которых они охотно разделили Турцию на части». Другая заметка, от 13 октября, ссылается на совещание с президентом Вильсоном: «По его мнению, нужно сказать, что Турция должна быть вычеркнута как государство и что распоряжение ее судьбой должно быть возложено на мирную конференцию... Я добавил, что необходимо установить, что Турция не будет разделена между участниками войны, а должна стать в различных своих частях автономной согласно расовым признакам. Он согласился с этим». Кроме того, 1 декабря, во время пребывания Хауза в Париже, президент прислал ему каблогранму, содержащую протест против мероприятий по разделу Турции. Теперь же он решил, как и в случае с Италией, не делать какой-либо ссылки на договоры, а просто установить общий принцип, который мог быть впоследствии использован для противодействия империалистическим замыслам. Очевидно, он изменил свое мнение о необходимости уничтожения Турции, так как он записал на полях доклада «Инкуайри»: «Турецкая часть современной Турецкой империи должна получить гарантию обеспеченного суверенитета, а другим национальностям, находящимся сейчас под турецким управлением, должна быть обеспечена полная возможность благоприятного развития»¹.

¹ В речь президента дополнительно включена статья об обеспечении свободы Дарданелл. Он также еще раз подчеркнул желательную для национальностей автономию заменой слов «absolutely unmolested» словом «full». Далее он изменил «must» (должно) на «should» (необходимо).

«ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ПУНКТОВ» ПРЕЗИДЕНТА ВИЛЬСОНА

После отметки четырех других территориальных пунктов, содержащихся в докладе «Инкуайри», президент решил отложить до следующего дня окончательную выработку общих рекомендаций и установление порядка, в котором они должны быть расположены. На следующее утро, в субботу 5 января, как только он покончил по заведенному порядку с корреспонденцией, он позвал Хауза в свой кабинет и начал окончательную разработку речи и установление порядка ее пунктов. Впоследствии он выражал сожаление, что ему не удалось вместить все, казавшееся ему необходимым, в тринадцать пунктов, так как он считал число тринадцать благоприятным для себя.

В дневнике Хауза имеется запись исторически важного сождения между ним и Вильсоном, на котором были выработаны 14 пунктов. Очень жаль, что президент, если имеющаяся информация соответствует действительности, не сделал записи беседы. Вильсон не вел систематического дневника и несомненно не считал беседу имеющей большее значение, чем многие другие, которые он вел с Хаузом. Записи полковника были продиктованы с заботливостью, и точность замечаний его дневника в общем удостоверена в каждом пункте, который смог быть проверен; имеется полное основание признать его рассказ точным. Важно помнить, однако, что Хауз вел записи дневника, не думая об его опубликовании; читатель не должен быть введен в заблуждение повествовательной формой дневника и прийти к предположению, что Хауз руководил беседой¹.

«Суббота была примечательным днем, — писал полков-

¹ Д-р Йсайя Боумэн в качестве сотрудника «Инкуайри» знал из первых рук о событиях, постепенно подготавливавших речь относительно «Четырнадцати пунктов», и любезно согласился прочесть и подвергнуть критике эту главу. В качестве комментария к беседам Хауза и Вильсона интересен следующий отрывок из письма д-ра Боумэна:

«У меня, однако, создалось мнение, что отчет о совещаниях Хауза и Вильсона на редкость односторонен. Мы имеем дневник Хауза, а не Вильсона. Мы имеем мнение Х., насколько он помог Вильсону, но не мнение В. Никто не может сомневаться, что Х. (в период мировой войны) был мудрейшим советником, когда-либо бывшим у какого-либо президента».

ГЛАВА XI

ник Хауз. — Я отправился в государственный департамент тотчас после утреннего завтрака, чтобы повидать Полка и других, и вернулся в Белый дом в четверть десятого, собираясь взяться за работу с президентом. Он уже ожидал меня. Мы принялись за дело в половине десятого и кончили переделывать карту мира, как и хотели, в половине двенадцатого¹.

Мы взялись за дело систематически, сначала набросали общие условия вроде явной дипломатии, свободы морей, устранения таможенных барьеров, установления равных условий труда, гарантии снижения национальных вооружений, согласования колониальных требований, общего содружества наций для сохранения мира. Потом мы принялись за Бельгию, Францию и за другие территориальные требования. Когда мы кончили, президент спросил меня, в каком порядке должны стоять выработанные пункты. Я высказал мнение, что сначала нужно поставить общие условия, потом территориальные требования. Он бегло просмотрел мои наброски и сказал, что они совпадают с его собственными предположениями, за исключением пункта, касающегося ассоциации мира, который должен, по его мнению, стоять последним, так как это закруглило бы послание должным образом и позволило бы ему сказать в конце некоторые необходимые вещи.

Обсуждая эти вопросы, я упорно защищал явную дипломатию и привел в ее защиту сильный аргумент. Я сказал, что нет ничего, чем бы он мог так порадовать американский народ и мировую демократию, как этим, что это вполне правильно и будущая дипломатия должна быть именно такой. Я просил его заняться как следует этим пунктом и поставить его первым².

¹ Конечно, время, использованное на «переделку карты мира», необходимо было только для того, чтобы подобрать выражения для выводов, к которым пришел президент после многих месяцев размышления.

² Этот пункт и стоял в речи первым пунктом: «Явные мирные договоры, открыто заключаемые, после которых не должно быть никаких частных международных соглашений какого-либо вида».

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ПУНКТОВ» ПРЕЗИДЕНТА ВИЛЬСОНА

Потом я предложил ему требовать, насколько только возможно, устранения препятствий торговле¹. Он привел доводы в пользу того, что это предложение встретило бы оппозицию, особенно в сенате. Тем не менее я думаю, что так как послание должно служить цели установления нового мирового порядка, то нужно признать, что без отмены таможенных барьеров такой порядок нельзя установить. Двумя основными причинами войны являлись территориальная и торговая жадность, и поэтому справедливо и необходимо, борясь против первой причины, выступать и против второй. Он ничего не возразил против моего аргумента и продолжал отделять параграф, в котором это высказывалось².

¹ 27 октября 1917 г. Хауз писал президенту: «Я хорошо чувствую, что на мирной конференции, насколько это осуществимо, должно быть что-то сделано против ограничений торговли. Эти ограничения были и будут угрозой миру. Если тарифные барьеры будут сломаны, если субсидии будут уничтожены общим соглашением, если будет установлена фактическая свобода морей как в мирное, так и в военное время, то мир сможет с уверенностью смотреть в будущее.

Не должно быть никакой монополии какой-либо нации ни на сырье, ни на существенные виды пищевых продуктов и одежды.

В вашей речи в Мобиле вы провозгласили доктрину, что ни одна территория не должна приобретаться впредь путем насильственного захвата, и эта доктрина признана ныне всем миром. Если бы вы смогли теперь использовать ваше командное положение, чтобы выдвинуть вперед эту вторую доктрину, которая является фундаментом мира, то тем самым вы дали бы роду человеческому больше, чем дал какой-либо другой из когда-либо живших правителей.

Если вы напишете послание, подобное тому, о котором мы разговаривали, то я надеюсь, что вы скажете, что самой худшей вещью, которая может случиться с Германией, был бы мир, заключенный с ее правительством, не ответственным перед страной. Такой мир неминуемо привел бы впоследствии к экономической войне, войне, в которой силой обстоятельств наше правительство было бы вынуждено принять участие».

В своем декабрьском послании конгрессу Вильсон уже близко следовал за предложением, высказанным в последнем разделе письма Хауза.

² Это выражено в пункте 3 речи: «Уничтожение, насколько возможно, всех экономических барьеров и установление равенства условий торговли между нациями, приверженными к миру и объединившимися для его поддержания».

ГЛАВА XI

Тогда я поставил на обсуждение вопрос о свободе морей. Он спросил о моем определении этого понятия. Я ответил, что я придаю ему более широкий смысл, чем кто-либо другой из тех, кого я знаю, так как я считаю, что как в мирное время, так и в военное, купец должен пересекать моря без всяких опасений. Он согласился с этим, и пункт получил следующую формулировку: «Полная свобода мореплавания вне территориальных вод как в мирное время, так и в военное».

После того как послание было целиком написано и он прочел его три или четыре раза, интересуясь, как примет Англия этот специальный пункт, я предложил, чтобы он прибавил к нему, что «моря могут быть закрыты международным постановлением, дабы вынудить выполнение международных договоров». Президент ухватился за это предложение с жадностью и дополнительно внес его в пункт. Я привел в качестве довода то обстоятельство, что я обсуждал вопрос в мою бытность в Англии и думаю, что с этим добавлением пункт будет приемлем для англичан¹.

Одним из пунктов, обсуждавшихся нами, было сокращение вооружений. Президенту пришлось повозиться с этим пунктом некоторое время, пока он придал ему теперешнюю форму, удовлетворившую нас обоих². Я не углублялся в трудности вопроса, так как они казались очевидными каждому, кто пробовал разрешать их сколько-нибудь удовлетворительно.

С колониальным вопросом мы имели меньше хлопот. Сначала казалось, что, может быть, придется обойти его совершенно, но президент начал прикладывать к нему руку и сейчас принятый пункт оказался приемлемым для нас обоих и,

¹ Этот параграф, окончательно обозначенный в речи пунктом 2, гласил: «Абсолютная свобода мореплавания вне территориальных вод как в мирное, так и в военное время, за исключением случая, когда моря могут быть закрыты полностью или частично международным постановлением для того, чтобы вынудить выполнение международных договоров».

² Пункт, поставленный в речи четвертым, гласил: «Должны быть даны и получены равные гарантии, что национальные вооружения будут сокращены до низшего уровня, совместимого с внутренней безопасностью».

«ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ПУНКТОВ» ПРЕЗИДЕНТА ВИЛЬСОНА

как мы надеялись, должен быть приемлемым и для Великобритании¹.

Мы взялись за Бельгию, и пункт, ее касающийся, был написан без затруднений². Потом последовала длинная дискуссия относительно Франции и относительно того, следует ли касаться вопроса об Эльзасе и Лотарингии. Я стоял за то, чтобы не упоминать о них специально, если есть возможность не делать этого, поэтому сначала президент выразился так: «Вся французская территория должна быть освобождена и часть ее, подвергнувшаяся вторжению, восстановлена». Мы оставили вопрос открытым и перешли к другим территориальным пересогласованиям, но через некоторое время вернулись к вопросу снова. Президент убеждал меня, что необходимо сказать что-нибудь относительно Эльзаса и Лотарингии, так как послание столь определено в отношении других наций, и я согласился, что он прав. Тогда я предложил сказать так: «Если Эльзас и Лотарингия будут возвращены Франции, то Германии должны быть предоставлены равно благоприятные экономические права», так мы написали и так оставили до утра понедельника.

В понедельник после завтрака президент сказал, когда мы шли в его кабинет: «Единственная вещь в послании, которая меня беспокоит, это Эльзас и Лотарингия. Я недоумеваю, каким образом это будет сделано». Я ответил, что фактически это единственный пункт, меня смущающий, и я предлагаю опять

¹ Пункт 5 гласит: «Свободное, непринужденное и совершенно беспристрастное согласование колониальных требований, основанное на точном соблюдении того принципа, чтобы при разрешении всех подобных вопросов суверенитета интересы соответствующего населения имели равный вес со справедливыми требованиями правительства, право которого на владение должно быть установлено».

² В пункте 7 сказано: «Бельгия, с этим согласится весь мир, должна быть эвакуирована и восстановлена без какого-либо покушения ограничить ее суверенитет, которым она пользуется наравне со всеми другими свободными нациями. Никакое другое деяние не будет способствовать так, как это, восстановлению доверия наций к законам, ими установленным, определяющим отношения между правительствами. Без этого целительного акта целостность структуры международного права и его действенность окажутся навсегда разрушенными».

ГЛАВА XI

за него взяться. В настоящем виде, как я опасаюсь, пункт не удовлетворит ни Францию, ни Германию. Мне кажется, он может выбросить экономическую часть и вставить утверждение, что в течение пятидесяти лет Эльзас и Лотарингия были предметом беспокойства Европы и что справедливое разрешение вопроса настолько же в интересах Германии, насколько оно необходимо для поддержания мирового равновесия.

Тогда президент написал пункт в том виде, в каком он существует сейчас, с тем исключением, что он написал «*must be righted*» («должна быть исправлена») вместо «*should be righted*» («нуждается в исправлении»), а я считал последнее лучшим¹.

Мы начали спорить относительно того, где должно быть применено «*should*», а где «*must*», и он согласился, что там, где нет разногласий относительно справедливости известного разрешения вопроса, должно применяться слово «*must*», а там, где имеются разногласия, уместно слово «*should*». Он просмотрел все послание и исправил его в этом смысле. Он пожелал знать, удалось ли нам охватить суть пункта. Я уверенно сказал, что удалось.

Мой довод был таков: американский народ не может согласиться воевать ради нового регулирования европейской территории, а следовательно, не может и поддерживать такое регулирование, за исключением Бельгии, в отношении которой слово «*must*» и должно быть применено».

Президент Вильсон изучал пункт относительно России с особой заботой, так как положение в России являлось в некотором смысле главным «*raison d'être*» (целеоправданием) речи. Большевики заключили перемирие с Германией, но еще не выяснилось, смогут ли они согласиться на ее условия мира. Америка и союзники должны были стараться о том, чтобы не укрепить ее призывом к мятежу. Прежде всего было необходимо на-

¹ Окончательный текст пункта 8 читается:

«Вся французская территория должна быть очищена и подвергшаяся вторжению территория восстановлена, а несправедливость, причиненная Франции Пруссией в 1871 г. в вопросе об Эльзасе и Лотарингии, несправедливость, нарушавшая покой всего мира в течение почти пятидесяти лет, нуждается в исправлении, чтобы мир раз и навсегда был обеспечен в интересах всего человечества».

стоять на дружественном расположении Америки к России и на отсутствии у Америки эгоистических военных целей. Хауз показал Вильсону телеграмму, полученную им от русского посла, который со времени большевистского переворота не представлял партию, стоявшую у власти в Москве. Именно эта телеграмма, полученная Хаузом месяц назад, и заставила его внести первоначальное предложение о пересмотре военных целей союзников.

Каблограмма Бахметьева Хаузу

Нью-Йорк, 30 ноября 1917 г.

«Хотя правительство Ленина, захватившее власть путем насилия, не может рассматриваться как правительство, представляющее волю русской нации, его призыв, обращенный к союзникам и призывающий к перемирию, не может быть оставлен без ответа, так как всякое уклонение союзников от решения вопроса о мире только усилит позицию большевиков и поможет им создать в России атмосферу, враждебную союзникам. Какой-либо формальный протест против политики Ленина или какие-либо угрозы будут иметь тот же самый эффект. Они только ухудшат положение и помогут максималистам дойти до крайности...

Бахметьев».

Имея это в виду, Хауз советовался с Бахметьевым перед отъездом в Вашингтон, и написанное Вильсоном по своей сущности и содержанию близко к наброску посла. Продолжение рассказа полковника о дальнейшем обсуждении вопроса с Вильсоном таково:

«Я прочел ему приготовленное мной предложение, относящееся к России и предварительно рассмотренное русским послом, вполне его одоббившим. Я сказал, что безразлично, сколь велико негодование президента по поводу поступка русских: разум велит нам изолировать Россию, насколько возможно, от Германии, а этого можно достигнуть только открытым и дружественным выражением сочувствия и обещанием более существенной помощи. Президент не возражал, так как

ГЛАВА XI

наши мысли были вполне одинаковы, и то, что он написал о России, является, по-моему, в некоторых отношениях наиболее красноречивой частью его послания¹.

Он посвятил некоторое время Польше. Я передал ему меморандум, врученный мне польским национальным советом в Париже и содержащий параграф, на принятие которого межсоюзной конференцией национальный совет рассчитывал, но который был отклонен ею. Мы перечли этот меморандум со вниманием, и оба пришли к заключению, что он не может быть использован полностью, но составленный пункт приближался к меморандуму настолько близко, насколько это, по мнению президента, было разумно и целесообразно².

После того как был написан пункт о Турции, президент высказал мнение, что пункт может быть сделан более определенным и что Армения, Месопотамия, Сирия и другие части могут быть названы по имени. Я не согласился с этим, думая, что сказанное и так достаточно определенно, и в конце концов пункт остался без изменений»³.

¹ Обозначено в речи как пункт 6: «Очищение всей занятой русской территории и разрешение вопросов, затрагивающих Россию, способствующее наилучшему и свободнейшему сотрудничеству других наций мира, с целью помочь России использовать беспрепятственно и без затруднений благоприятные возможности для независимого разрешения вопросов ее собственного политического развития и национальной политики и для гарантирования ей искреннего, радужного приема в содружество свободных наций при условии установления ею формы правления по собственному выбору. И даже не только приема в союз наций, а также и помощи любого рода, в которой она может нуждаться и которой она сама пожелает».¹

² Пункт 13 речи: «Должно быть создано независимое польское государство, включающее в себя территории, населяемые неоспоримо польским населением, которому должен быть гарантирован свободный и обеспеченный доступ к морю и которого политическая и экономическая независимость и территориальная неприкосновенность должны быть гарантированы международным соглашением».

³ Пункт 12 речи: «Турецкие части теперешней Османской империи должны получить гарантию обеспеченного суверенитета, но другие национальности, находящиеся теперь под турецким управлением, должны получить гарантию полной обеспеченности жизни и абсолютно ничем не омрачаемой благоприятной возможности автономного развития. Дарданеллы должны быть всегда открыты для свободного прохода военных и коммерческих судов всех наций, при условии международной гарантии».

После субботнего утреннего совещания с Хаузом президент Вильсон не внес больше никаких существенных изменений в свои четырнадцать пунктов, кроме упомянутого изменения пункта об Эльзасе и Лотарингии.

Перед президентом Вильсоном стояли две политические альтернативы. Он мог объявить габсбургской монархии войну на смерть и обещать полное освобождение чехословакам, полякам, южным славянам и румынам. Он должен был, таким образом, оказать поддержку революции, которая могла кончиться балканизацией дунайских областей, но которая должна была в то же время в значительной степени подточить силы центральных империй. Или он мог провозгласить право подвластных национальностей на «автономию», причем они должны были остаться своего рода федеральным союзом под короной Габсбургов. Опасность раздробления территорий, экономически зависимых друг от друга, была бы, таким образом, избегнута, в то самое время как самоуправление национальностей было бы обеспечено.

Президент выбрал вторую альтернативу. В согласии с руководящими государственными деятелями Западной Европы он думал, что политический союз народов Австро-Венгрии являлся необходимостью, и он, кажется, чувствовал, что, только освободившись от германского влияния, габсбургская монархия сделается полезной силой. Полковник Хауз был того же мнения¹. Доклад «Инкуайри» советовал Вильсону придерживаться несколько извилистого курса, угрожающего существующему габсбургскому правительству национальными восстаниями и в то же время показывающего ему средство избежать риска, отказавшись от германского контроля во внешней политике². «Австро-Венгрия на-

¹ См. выше, глава VI, письмо Хауза Вильсону от 15 августа 1917 г.: «На основе status quo ante Антанта может помочь Австрии самой освободиться от Пруссии».

² «Наша политика должна, следовательно, складываться сначала из возбуждения национального недовольства, а потом из отказа принять крайнюю логику этого недовольства, которая требовала бы отделения от Австро-Венгрии».

ГЛАВА XI

ходится в положении, при котором она должна быть хорошей, чтобы остаться в живых».

Президент Вильсон в своей речи, касавшейся четырнадцати пунктов, не угрожал целостности Габсбургской империи. Пункт 10 формулировал просто, что: «Народам Австро-Венгрии, место которых среди других наций мы желаем видеть сохраненным и обеспеченным, должна быть предоставлена наиболее свободная и благоприятная возможность автономного развития». Это было фактически то же самое, чего хотели достигнуть руководители Антанты. Ллойд Джордж именно в то самое время отказался от каких-либо угроз существованию Габсбургской империи. «Тем не менее... распад Австро-Венгрии, — сказал он, — не входит в число наших военных целей. Мы чувствуем, что если не будет гарантировано подлинное самоуправление, основанное на истинно демократических принципах, тем из австро-венгерских национальностей, которые долго его желали, то невозможно надеяться на устранение причин беспокойства в части Европы, столь долго угрожавшей всеобщему миру».

Важно помнить, что государственные люди того времени были принуждены основывать свою политику на неравноценных и часто противоречивых источниках информации. Они все еще верили в возможность сохранения союза австро-венгерских народов и освобождения Габсбургской империи от германского контроля. Но, как обнаружилось, речи Вильсона и Ллойда Джорджа были совершенно бесполезны. Продолжала бы двуединая монархия стоять на стороне Германии при ее поражении или дезертировала бы — она была обречена на гибель. Как признавал сам Чернин: «Часы Австро-Венгрии оставались — их завод кончился»¹.

«Мы могли бы перейти на сторону врагов, — писал Чернин. — Мы могли бы сражаться против Германии в рядах Антанты на австро-венгерской земле и несомненно ускорили бы крушение Германии, но раны, которые были бы нанесены Австро-Венгрии в борьбе, были бы не менее серьезными, чем те,

¹ Czemin, *In the World War*, p. 37.

от которых она теперь страдает; она погибла бы в борьбе против Германии так же, как она погибла, сражаясь в союзе с Германией».

Антанта закончила войну поражением Германии, и, как только это совершилось, развал Австро-Венгрии стал неизбежен. Введение федеральной автономии несколькими годами ранее могло разрешить габсбургскую проблему, но теперь было уже слишком поздно. Расчленение двуединой монархии зашло так далеко, что Австро-Венгрия могла сохранять свое государственное единство только с помощью германских штыков. Ясное понимание этого факта, может быть, ускорило бы окончание войны, так как вместо обсуждения проектов «автономии» и «самоуправления», вводивших в заблуждение и обескураживающих мятежных славян, американцы и руководители союзников могли пустить в ход революцию, которую они не могли предупредить, и получить от нее пользу. Как бы то ни было, работа пропаганды, направляемая Нортклифом и Стидом в сотрудничестве с Масариком и вождями южных славян и окончательно разъедавшая моральную стойкость габсбургской армии, была задержана, и помощь, которая могла оказаться неоценимой для Антанты в момент величайшей опасности весной 1918 г., была потеряна.

4

В тот самый день, когда президент Вильсон произнес свою речь о четырнадцати пунктах, Ллойд Джордж выступил перед конгрессом тред-юнионов со столь же всеобъемлющим, но совершенно независимым заявлением относительно целей войны¹. Премьер-министр вскоре после своего возвра-

¹ То, что речь Ллойд Джорджа была независима от речи Вильсона, доказываются следующими ниже документами. Читатель должен помнить, однако, что Ллойд Джордж так же старался избежать противоречивого заявления, как и Вильсон. Уайзмэн пишет: «Хауз сказал Ллойд Джорджу в Лондоне, что, вероятно, Вильсон будет говорить». Таким образом был создан базис для совместной декларации союзников о целях войны, если бы только французы и итальянцы выразили свое согласие.

ГЛАВА XI

щения с межсоюзной конференции в Париже понял принудительную для британского правительства необходимость высказаться по поводу положения в России, особенно по поводу меморандума, касавшегося целей войны, изданного британской рабочей конференцией. Полковник Хауз сделал некоторый намек, что Ллойд Джордж может найти уместным пойти навстречу все возрастающим требованиям официального заявления, но он не представлял себе, что Ллойд Джордж предполагает высказаться так скоро. Президент Вильсон согласился, что нужно предупредить британское правительство об его, президента, послании, и в субботу утром полковник Хауз послал Бальфуру каблогранму, набросанную самим президентом.

«Когда в субботу после полудня речь Джорджа была опубликована в Вашингтоне, — писал Хауз, — то президент думал, что условия, высказанные Ллойд Джорджем, так близко подходят к выработанным им, что для него будет невозможно выступить с предположенным посланием перед конгрессом. Я настаивал, что положение изменилось скорее к лучшему, чем к худшему.

По-моему, Ллойд Джордж очистил атмосферу и сделал выступление президента еще более необходимым».

С исторической точки зрения должно подчеркнуть тот факт, что, несмотря на большое сходство в военных целях, установленных Ллойд Джорджем и президентом Вильсоном, оба государственных деятеля выработали их абсолютно независимо. Президент прочел речь Ллойд Джорджа за три дня до произнесения своей, но записи полковника Хауза показывают, что, не считая пункта, касающегося Эльзаса и Лотарингии (в отношении которого он, несомненно, не находился под воздействием британского заявления), он не сделал никаких изменений в том, что он уже подготовил¹.

¹ Неоднократно высказывалось, что президент Вильсон основал свои пункты на речи Ллойд Джорджа. Ср. особенно статью, вероятно, Джорджа Харвея «Генезис четырнадцати пунктов» в «Норс Америкэн ревью», февраль 1919 г.

Благодаря сходству британского и американского выступлений приходилось еще больше сожалеть, что другие союзники не согласились на объединенное заявление, которое, быть может, повело бы к созданию единого дипломатического фронта.

5

Президент Вильсон, закончив в субботу утром обработку своих «Четырнадцати пунктов», дополнил вводную и заключительную части своего послания к вечеру следующего дня. Он позвал Хауза в свой кабинет, чтобы обсудить послание целиком.

«В воскресенье после завтрака, — писал Хауз, — я отправился во французское посольство, чтобы повидать Жюссера-на. Он хотел задать мне целый ряд вопросов, чтобы переслать ответы на них своему правительству... Когда я вернулся в Белый дом, президент еще не закончил заключительную часть своего послания, и, так как Грегори желал меня повидать, я отправился на авто к его дому и взял его с собой на короткую прогулку. Когда я вернулся, президент уже ждал меня и прочел мне послание целиком. Я снова поздравил его. Я думаю, что это декларация человеческой свободы и в то же время декларация условий, которые должны быть поставлены на мирной конференции. Я чувствовал, что это наиболее важный документ, когда-либо вышедший из-под пера президента, и заметил, что после оглашения этот документ или взнесется на вершину волны, или будет мирно покоиться в глубинах.

Больше всего беспокойства причиняла нам забота о том, как примет страна наше вмешательство в европейские дела ради *территориальных* целей, в значительной степени признанных нами.

Я высказал президенту свое мнение, что возможная критика со стороны Германии будет заключаться в том, что раз США не позволяли европейским нациям вмешиваться каким-либо образом в дела Западного полушария, то европейские нации

ГЛАВА XI

должны точно так же настаивать на том, чтобы дела Восточного полушария были предоставлены на усмотрение наций, на нем обитающих. Президент допускает, что это, вероятно, будет сказано и что его ответ в этом случае был бы тот, что мы вполне готовы править в Западном полушарии на тех же самых принципах, какие считаем желательными для Восточного полушария.

Он упорно настаивал, что в послании не должно быть ничего, носящего характер доказательств. Раз или два я предлагал привести доводы в защиту некоторых условий, но он считал это неблагоприятным, так как это только вызвало бы возражения.

Другими пунктами, которых мы опасались, были Эльзас и Лотарингия, свобода морей и уничтожение таможенных барьеров. Однако... он нисколько не колебался высказать эти пункты. Как мне говорят мои наблюдения, президент проявляет в таких вещах чрезвычайную смелость, а также мудрость при их обсуждении, легко ставящую их на надлежащее место. Чем больше я его вижу, тем более твердо я убеждаюсь, что в мире нет государственного деятеля ему равного».

Речь о «Четырнадцати пунктах» была, таким образом, готова в воскресенье после полудня. В понедельник президент внес изменения в пункт, касающийся Эльзаса и Лотарингии, чтобы придать ему положительный и точный характер. После этого он вызвал государственного секретаря и, по его совету, изменил некоторые выражения.

Когда во вторник утром послание было прочитано, оно явилось для всех неожиданностью. Было известно, что Вильсон должен говорить в конгрессе, но лишь немногие лица, даже среди союзных дипломатов и в самом кабинете, понимали ясно, что должно быть предметом послания. «Я был склонен, — писал Хауз, — оповестить через утренние газеты весь мир, что президент пойдет в конгресс, чтобы заявить о военных целях Америки, моя мысль состояла в том, чтобы вызвать ожидание всего мира... Президент возразил мне, что если сделать оповещение, как я предлагаю, то газе-

СЛУХИ О МИРЕ

ты несомненно будут комментировать и делать предположения относительно предмета послания, а такие предсказания часто принимаются публикой за то, что сказано в действительности».

6

Редко в истории встречалось, чтобы речь, имеющая дело со столь запутанными предметами, была встречена такими аплодисментами, как те, что немедленно зазвучали, приветствуя речь о «Четырнадцати пунктах». Она получила одобрение Рузвельта и Фрэнка Саймондса, так же как и Мориса Хиллкуита и Мейера Лондона. Президент Элдермэн из Виргинии писал Хаузу: «Послание президента... прямо-таки выше всякой похвалы. Я думаю, что с течением времени оно займет свое место среди исторических документов не только американской, но и мировой истории по своей широте, воображению и силе. Оно усиливает целеустремленность и вливает мощь в оружие каждого лояльного американца. Это истинное руководство в широчайшем и благороднейшем смысле слова».

ГЛАВА XII СЛУХИ О МИРЕ

Справедливый мир – дело каждого человека.

Из речи президента Вильсона от 8 февраля 1918 г.

1

За все время войны дипломатическое положение не было таким запутанным и трудным, как за первые три месяца 1918 г. Если даже историку нелегко распутать различные противоречия и вытекавшие из них следствия, то насколько труднее было политическим вождям того времени, лишенным возможности оглянуться назад и получавшим ежедневно про-

ГЛАВА XII

тиворечивую информацию, формулировать последовательную политику и следовать ей. В Германии и Австрии, как и в союзных странах, создалась путаница из всевозможных совещаний, надежд на ведение переговоров о мире и жалоб трудящихся классов, смешанная с приготовлениями к великой весенней битве.

Существенным событием военного характера являлся выход России из войны и представившийся вследствие этого Людендорфу благоприятный случай для переброски германских дивизий с Восточного фронта, благодаря чему впервые с 1914 г. он мог надеяться получить численный перевес над союзниками. Он обещал, что если Германия сможет заключить мир с Россией, то весеннее наступление принесет победу над французами и англичанами еще до прибытия американской армии. Проблема увеличения человеческих ресурсов, разрешение которой одно только и могло сдержать жестокую атаку немцев на Западном фронте, стала чрезвычайно важной для союзников проблемой.

Политические вожди обеих воюющих сторон интересовались тем временем дипломатическими факторами, которые могли способствовать изменению хода военных событий. Пока Вильсон и союзники с помощью различных методов старались ослабить моральную стойкость немцев, германские дипломаты прилагали серьезные усилия, чтобы заключить мир с Россией. Большевики согласились на перемирие в декабре, но мирные переговоры в Брест-Литовске протекали негладко. Германия приняла формулу мира «без аннексий и контрибуций», но когда этот принцип был переведен на язык конкретных требований, то стало ясно, что германцы предполагают отделить от России ее окраинные области, чтобы образовать из них пояс зависимых государств под верховенством Германии. В Петрограде, куда вернулась русская делегация для десятидневного совещания с большевистским правительством, царило негодование. Русская делегация отказалась поставить свою подпись под условиями, которые были выдвинуты правительствами Германии и Австро-Венгрии.

Русская делегация покинула Брест-Литовск с театральным и бесполезным жестом; этот жест был бесполезен хотя бы потому, что военное положение осталось неизменным, и вследствие разрыва перемирия, объявленного немцами, русские были вскоре вынуждены подписать мир и принять еще более обременительные условия.

В то же время брест-литовские переговоры нашли значительный отзвук как в Австрии, так и в Германии и, сочетавшись с отголосками речей президента Вильсона и продовольственными затруднениями, вылились в одну из наиболее серьезных рабочих и пацифистских манифестаций военного времени. Движение приняло форму всеобщей забастовки протеста против провала мира с Россией. В Германии в забастовке, начавшейся 28 января, участвовало не менее миллиона человек, и она охватила не только Берлин, но и Гамбург, Кельн, Киль, Маннгейм, Хемниц и многие другие промышленные города.

Австрийский министр иностранных дел Чернин и германский канцлер Гертлинг были вынуждены дать специальный ответ на речь Вильсона. Они выступили в один и тот же день 24 января, и сравнение их заявлений наводит на мысль, что последние были предварительно согласованы. Оба приняли с большей или меньшей степенью энтузиазма общие пункты речи Вильсона вроде явной дипломатии, свободы морей, уничтожения экономических барьеров, ограничения вооружений и создания Лиги наций. В отношении России и Польши Гертлинг выдвинул тезис, что предполагаемое соглашение касается только государств Центральной и Восточной Европы¹. Вопросы, непосредственно затрагивающие Германию, как, например, о Бельгии и возвращении германских колоний, Чернин предоставил Гертлингу, который относительно Бельгии высказался двусмысленно и потребовал «перераспределения мировых колониальных владений». Гертлинг утверждал также, что не может быть и вопроса о расчленении территории империи (намек на Эльзас), а Чернин обещал, что авст-

¹ Речь Ллойд Джорджа от 5 января дала ему благоприятный случай сделать это.

ГЛАВА XII

рийцы будут защищать германскую довоенную территорию, «как свою собственную». В отношении территориальных вопросов, затрагивающих Австрию, вроде итальянских, румынских и сербских претензий, автономии для подвластных народов и деталей балканского устройства, Гертлинг предоставил ответ Чернину, который отказался принять какой-либо совет, относящийся к австро-венгерскому правительству, и не хотел даже обещать эвакуацию территорий, оккупированных армиями Австро-Венгрии.

Все это вместе взятое представляло лишь незначительную базу для мирных переговоров обеих сторон, не согласных с конкретными предложениями Вильсона и условно принимавших его общие принципы; брест-литовские переговоры показали, что придание им более общего характера не увеличило бы их ценности. Было, однако, что-то в положении дел центральных империй, что заставляло как Чернина, так и Гертлинга рассматривать «Четырнадцать пунктов» Вильсона в качестве основы для дискуссии. В речи Чернина, кроме того, была теплота тона, показывающая неподдельную решимость заключить мир, если бы это только было возможно, что отличало его речь от до некоторой степени очевидного старания Гертлинга избежать выводов и, как указывала газета «Арбайтер цайтунг», отыскать алиби, служащее оправданием отказа от обсуждения условий мира на основе речи Вильсона.

Гертлинг, подобно Чернину, ясно понимал необходимость мира с Россией, так как от этого зависела возможность переброски германских дивизий на запад. Но об общем мире он и не думал. Общий мир должен был быть выигран на полях сражений, и Германия должна была продиктовать его. Если бы победа была менее сокрушительной, чем обещал Людендорф, то Германия извлекла бы свою пользу на Востоке. Между тем забастовки подавлялись бы силой, а моральная стойкость народа поддерживалась бы речами.

Чернин, со своей стороны, добивался общего мира в возможно скором времени, так как при продолжении войны Австрия могла выиграть только немного, проиграть же она могла все. 5 февраля на совещании в Берлине Чернин имел не-

сколько страстных стычек с Людендорфом. Чернин был готов изложить письменно, что Австро-Венгрия обязана сражаться только за довоенные владения Германии. Людендорф был озлоблен: «Если Германия заключит мир, не получив от него пользы, — сказал он, — тогда Германия проиграла войну». «Спор становился все более и более горячим, — отметил Чернин, — когда Гертлинг толкнул меня и прошептал: «“Оставьте его в покое; мы вдвоем управимся с этим и без него”¹. Эта стычка относилась к обсуждению наброска Брестского договора, но она показала трещину между пацифистски настроенным Черниным и германской военной партией.

2

Президент Вильсон следил с интересом за любыми признаками ослабления «воли к победе» в Германии и Австрии. В целом тон его речи о «Четырнадцати пунктах» вполне совпал с политикой провозглашения безжалостной войны военным руководителям Германии и обеспечивал германскому народу то положение, которое президент намечал для него в своих речах, произнесенных минувшим летом. Как и летом 1917 г., он поручил Хаузу следить за событиями в центральных империях по донесениям, получаемым им из Берна, Копенгагена, Парижа и Лондона.

Письмо Аккермана Хаузу

Берн, Швейцария, 4 февраля 1918 г.

«Дорогой полковник Хауз!

Это письмо должно служить отчетом о политическом положении в Германии и в центральных державах. 28 января я просил посольство послать вам длинную телеграмму на эту тему, но вследствие того, что телеграф был перегружен, она не смогла быть послана в той форме, какую я ей придал, и я не знаю, в каком виде она дошла до вас.

¹ Czemin, *In the World War*; p. 275.

ГЛАВА XII

Послание президента, в котором он изложил свои четырнадцать условий мира, оказало большее влияние на политическое положение во вражеских странах, чем какое-либо другое публичное заявление, сделанное с тех пор, как США стали воюющей стороной. Оно было удачно по следующим причинам:

1. Оно вполне и, как я думаю, навсегда отделило народные массы и либералов от аннексионистов, военных лидеров и магнатов военной промышленности.

2. Оно заставило австро-венгерское правительство ясно понять движение в пользу мира, растущее в Австро-Венгрии, и сплотило вместе двуединую монархию и германскую либеральную партию.

3. Оно ускорило развитие революционного движения в Германии в большей степени, чем русская революция.

4. Оно увеличило возможности успеха теперешних тайных переговоров, ведущихся с Болгарией.

5. Оно произвело большое впечатление на малые европейские нейтральные нации.

Нет необходимости входить в подробности, касающиеся этих пунктов, так как вы несомненно получили через департамент полную информацию относительно стачек, споров по поводу ответа графа Гертлинга и диспута между Веной и Берлином.

После того как речь мистера Вильсона была напечатана в швейцарских газетах, д-р Луи Шультес, первый атташе швейцарского посольства в Вашингтоне, [был предназначен] для изучения вопроса о Лиге наций и представления доклада о том, какое участие может принять Швейцария в образовании подобной организации.

В моей телеграмме от 28 января я предлагал, чтобы президент ответил графу Гертлингу и графу Чернину с целью вынудить заключение мира на наших условиях, являющихся в своих существенных чертах условиями германского и австрийского народов, или продолжать войну на условиях графа Гертлинга.

Мне кажется, что мы должны занять твердую, определенную и не признающую компромисса позицию против графа

Гертлинга по той причине, что он выражает чувства германской военной партии, стремящейся продолжать войну, а также и потому, что он говорит не от имени своего народа.

Я предлагаю, чтобы по отношению к Вене мы заняли другую позицию с целью попробовать увеличить трещину между обеими участницами войны.

Делая эти предложения, я предполагал, что страх революции, больше чем что-либо другое, побуждал графа Чернина высказать свои замечания на речь президента и сказать, что Австро-Венгрия рассматривает условия президента как возможную основу дискуссии. Я думаю, что нашей целью должно быть усиление партии сторонников мира в Вене и в Будапеште, чтобы заставить графа Чернина официально просить США о заключении мира между двуединой монархией и Антантой. Если правительство Австрии не будет иметь успеха в своей попытке добыть продовольствие в России, то нам представится благоприятный случай для переговоров о сепаратном мире с первой из упомянутых стран.

Положение в Германии и Австро-Венгрии, по-моему, следующее.

Если не будет мира или большой победы, то там разразится революция. Может быть, будет осторожнее сказать, что имеются три возможности развития событий: 1) мир, 2) реформы, 3) революция. Я не думаю, чтобы германская армия и флот были способны нанести в этом году решительное поражение США и союзникам.

Искренне преданный и уважающий *Карл В. Аккерман*».

Политика, предложенная Аккерманом, чье знание Германии и германской психологии было основано на пристальном наблюдении, почти точно совпадала с линией политики, предложенной президентом в апреле 1917 г. Война, вступившая теперь в решительную фазу, разыгрывалась не только на полях сражений генералами и солдатами, но также и государственными деятелями, старающимися завоевать вражеские народы. Напрасно Германия старалась подорвать доверие народов Антанты к их руководителям или поколебать веру

ГЛАВА XII

в справедливость их дела: она могла победить только на поле сражения. Но зато новое предполагаемое наступление германцев в соединении с империалистическими требованиями, предъявленными в Брест-Литовске, могло дать руководителям Антанты возможность отделить германский народ от его вождей посредством усиления убеждения трудящихся классов Германии в том, что военные руководители затянули войну и несут ответственность за их страдания. Если бы Вильсон смог усилить эффект, произведенный его речью о «Четырнадцать пунктов» на германских и австрийских рабочих, он способствовал бы победе союзников больше, чем двадцать свежих дивизий.

Президент Вильсон был полностью информирован относительно опасностей, сопряженных с этой политикой, опасностей, особенно подчеркиваемых официальными представителями французского и итальянского правительств. Решимость союзных народов не должна была охлаждаться смутной болтовней о мире; любое новое определение условий мира могло привести трудящиеся классы к убеждению, что мир уже близок, и притупить энтузиазм, необходимый для того, чтобы выдержать борьбу до тех пор, пока будут обеспечены даже умеренные цели войны. Чувствительность французов шла так далеко, что цензор отказался разрешить опубликование каблогранмы, передававшей одну из статей Аккермана, в которой он защищал политику Вильсона.

Письмо Аккермана Хаузу

Лозанна, Швейцария, 12 апреля 1918 г.

«Дорогой полковник Хауз!

...Не могу ли я привлечь ваше внимание к беседе, которую я имел с м-сье Сабатье из министерства иностранных дел относительно статьи, которую я написал из Швейцарии о последних забастовках в Германии. Целью этой статьи, предназначенной для «Сэтеди ивнинг пост», было показать действие, которое произвели речи президента на внутренние дела в Германии. Я старался выяснить, что все эти забастовки являлись

организованными демонстрациями в пользу демократического мира. Министерство иностранных дел после тщательного рассмотрения отказалось разрешить опубликование статьи, так как Сабатье сказал:

«Мы считаем, что президент Вильсон и американский народ совершают большую ошибку, уделяя внимание так называемому демократическому движению в Германии. Мы не могли пропустить вашу статью, так как мы думаем, что она ослабила бы моральную стойкость американского народа, что она дала бы ему надежду на то, что внутренние неурядицы в Германии приведут к концу войны, тогда как войну можно кончить только с помощью военных операций».

В ответ я выразил мое согласие с тем, что военные операции являются абсолютно необходимыми, но сказал, что, по моему, союзники должны разыгрывать против Германии любую возможную карту и речи президента были такими политическими картами, давшими важные политические результаты. Он не хотел согласиться с этим утверждением и сказал, что министерство иностранных дел не могло пропустить мою статью (копия этой статьи, озаглавленная «Уличные парламенты», передана мистеру Грю)...

Преданный вам и уважающий вас *Карл В. Аккерман*».

Очевидно, между США и союзными правительствами не было единства политики, касающейся позиции, которую нужно занять в отношении движения германских сторонников реформы. Вильсон хотел одобрить социал-демократов и ослабить германскую волю к победе обещанием справедливого мира. Как он признался Хаузу, он был смущен письмами, которые приходили из Европы и подчеркивали нежелание руководителей союзников следовать за ним, и заявлением, что это совсем не его дело. «Справедливый мир, — сказал президент Хаузу, — дело каждого человека».

В начале февраля произошел случай, ясно выявивший отсутствие согласованности между дипломатией союзников и США. 4 февраля Верховный военный совет, собравшийся на заседание для рассмотрения планов военных действий, выпу-

ГЛАВА XII

стил заявление, касающееся речей Чернина и Гертлинга. Сама по себе эта декларация была безвредна и основывалась на фактах. В ней заявлялось, что обе речи не могут служить основой для мира. Но резкость тона декларации и отсутствие в ней чего-либо, рассчитанного на одобрение германских социалистов, создавали впечатление какого-то окрика, могущего при существующих обстоятельствах толкнуть разномыслящие элементы Германии обратно в сторону союза с правительством.

Заявление Верховного военного совета

4 февраля 1918 г.

«Верховный военный совет подверг внимательному рассмотрению недавние речи германского канцлера и австро-венгерского министра иностранных дел, но был не в состоянии найти в них что-либо действительно приближающееся к умеренным условиям, предложенным всеми союзными правительствами. Это убеждение было только укреплено впечатлением, произведенным контрастом между открыто провозглашенными идеалистическими целями, с которыми центральные державы вступили в брест-литовские переговоры, и их ныне открыто обнаруженными планами завоеваний и грабежа.

При таких обстоятельствах Верховный военный совет решил, что единственная непосредственно стоящая перед ним задача состоит в продолжении с наибольшей энергией и в теснейшем и наиболее действенном сотрудничестве военных усилий союзников до той поры, пока давление этих усилий не заставит правительства и народы враждебных государств изменить свой дух и тем самым оправдать надежду на заключение мира на условиях, включающих в себя, вопреки агрессивному и нераскаившемуся милитаризму, не только сохранение принципов свободы и справедливости, но также и уважение к международному праву, которое союзники решили восстановить».

Из отчета о дискуссии в Верховном военном совете, присланного полковнику Хаузу мистером Фрэйзиром, видно, что

декларация была опубликована с некоторым колебанием, особенно со стороны англичан, ясно понимавших щекотливость положения, которое могло создаться, если бы формальное установление целей войны было осуществлено без участия президента Вильсона. Казалось также, что итальянцы боялись, не предполагается ли чего-либо, что может ослабить их намерение довести до конца свои аннексионистские проекты. Ирония дискуссии заключалась в том факте, что политические члены Верховного военного совета заявляли, что декларация имела в виду содействовать политике Вильсона, чтобы «отделить германский народ от военной партии» и служить в качестве «обдуманного приглашения, обращенного к германскому народу и приглашающего его отречься от правящей касты». На одном из последующих заседаний Клемансо в самом деле настаивал на том, что декларация всецело соответствовала политической линии Вильсона.

Письмо Фрэйзира Хаузу

4 февраля 1918 г.

«Заявление, переданное для опубликования, было составлено отчасти Клемансо, отчасти Ллойд Джорджем. Последний сказал, что, по его мнению, лучше не делать нового заявления относительно целей войны, так как это была бы декларация только трех стран, а он сомневается, одобрил ли бы президент Вильсон подобную декларацию, не представленную предварительно на рассмотрение ни ему, ни полковнику Хаузу. Ллойд Джордж поэтому считал лучшим издать сообщение о том, что сделано Верховным военным советом в деле подготовки к продолжению войны.

Барон Соннино возражал против фразы в оригинале наброска, которая читалась так: «Умеренные условия, предложенные Ллойд Джорджем, президентом Вильсоном и Питоном». Он сказал, что такая декларация со стороны Италии была бы равноценна самоотречению: Италия сражается за то, что было ей гарантировано, и будущая обеспеченность Италии явилась самой главной причиной ее вступления в войну. В ка-

ГЛАВА XII

честве примера он упомянул, что, хотя союзные флоты в Адриатике в три раза сильнее австрийского флота, они способны выполнить только немного из того, что должны выполнить для наведения порядка на Далматинском побережье. Из уважения к точке зрения барона Соннино было решено придать фразе такой вид: «Умеренные условия, предложенные всеми союзными правительствами».

Барон Соннино возражал также против фразы, встречавшейся в наброске Клемансо и читавшейся так: «Предсмертное бешенство германского владычества». Барон Соннино протестовал против слов «нераскаявшийся милитаризм», доказывая, что они не соответствуют большей умеренности более ранних заявлений союзников и не отделят германский народ от военной партии, что было их очевидным намерением. Как Клемансо, так и Ллойд Джордж горячо защищали выражение, заявляя, что это обдуманное приглашение, обращенное к германскому народу, отречься от правящей касты. Фраза была поэтому оставлена.

Фрэйзир.

Положение не было лишено элементов юмора. Клемансо и Соннино прилагали все усилия, чтобы не разойтись с политикой Вильсона, к которой они относились неблагоприятно, и тем не менее их наиболее искренние усилия были встречены либералами Великобритании и США только как новая декларация реакционного империализма. Английские либералы еженедельно атаковывали Ллойда Джорджа за его подлаживания к континентальному империализму; они были несомненно правы в своем предположении, что итальянские претензии делают невозможными какие-либо уступки Австрии, но весьма далеки от истины в своем убеждении, что если бы не Клемансо и Соннино, то имела бы полная и либеральная новая установка целей войны.

Президент Вильсон был серьезно обеспокоен декларацией Верховного военного совета отчасти, может быть, потому, что он находил ее тон неудачным, отчасти потому, что, хотя США не были формально представлены в политической части вер-

ховного совета, присутствие генерала Блисса в качестве военного представителя и мистера Фрэйзира из парижского посольства в качестве наблюдателя могло создать впечатление, что Верховный военный совет говорит в политических вопросах от лица президента. Президент был также обеспокоен заявлением, касающимся России, выпущенным межсоюзным финансовым управлением, так как можно было подумать, что и оно выражает американскую политику. Он послал Хаузу свой набросок телеграммы мистеру Фрэйзиру, так же как и проект заявления, которое должно было быть передано союзным послам в Вашингтоне и показывало его опасение, что если межсоюзные советы в Европе будут опубликовывать манифесты без предварительного обсуждения с Вашингтоном, то возможны нежелательные осложнения.

**Проект заявления, сделанного
союзным послам в Вашингтоне**

19 февраля 1918 г.

«Принимая во внимание недавнюю акцию Верховного военного совета, касающуюся условий мира, а также акцию межсоюзного управления, касающуюся признания большевистской власти, я извещаю вас, что президент настаивает не только с полным уважением, но и с полной серьезностью на том, что, когда он предлагал создание межсоюзного финансового управления и оказывал активную поддержку созданию Верховного военного совета, он не имел в виду, что какое-либо из этих учреждений должно проявлять какую-либо деятельность или выражать какие-либо мнения, имеющие политический характер. Сомнительно, чтобы он счел разумным назначить представителей нашего правительства в любое из этих учреждений, если бы предполагал, что они будут разрешать какие-либо вопросы, кроме чисто практических вопросов о снабжении и о согласованном управлении военными действиями, как это было установлено.

Президент был бы весьма удовлетворен, если бы это заявление было вполне ясно понято политическими руководи-

лями правительств, к которым оно обращено, и послужило бы, при наличии расхождений между точками зрения его, президента, и соответствующих правительств, удобным поводом к повторному рассмотрению условий, при которых представители США должны впредь продолжать свою деятельность»¹.

«Письмо Лансинга должно рассматриваться на фоне событий последних месяцев.

Президент был всегда против участия представителей США в каком-либо совете союзников по той причине, что эти представители были бы неминуемо рано или поздно вовлечены в рассмотрение политических вопросов, в отношении которых США хотели сохранить свободу.

Президенту было, однако, указано при различных случаях как посредством письма премьер-министра, доставленного лордом Редингом, так и лично Уайзмэном и Хаузом, что США не могут иметь в Европе армию и фактически не могут принять значительного участия в войне, если они не будут полностью представлены в советах, которые определяют, как, где и каким образом должны быть использованы американские войска и ресурсы.

Президент, наконец, согласился на то:

а) чтобы в Европу была послана на время американская миссия для обсуждения всякого рода сотрудничества: политического, военного, финансового и т.д.;

б) чтобы Америка была представлена в межсоюзном совете по снабжению;

в) чтобы США имели военного представителя в Верховном военном совете.

Вопрос о политическом представительстве в Верховном военном совете был оставлен открытым — второстепенный дипломатический агент должен был присутствовать на заседаниях совета только для доклада о них.

¹ Такое или сходное по тексту письмо было передано Лансингом по назначению. Следующая каблогграмма Уайзмэна министерству иностранных дел объясняет позицию президента.

В то же самое время президент всегда благоприятно относился к Верховному военному совету, обладающему полной властью при наличии любого военного положения. Согласование союзных и американских военных усилий и, насколько возможно, объединение управления всегда были, по мнению президента, существенными элементами победы.

С другой стороны, он весьма заботливо указывал, что США не связаны какими-либо межсоюзными договорами или соглашениями и что США не имеют нужды присоединяться ко всем военным целям союзников.

Он не возражал бы против объединения вместе с союзниками на платформе одной общей декларации о военной политике, но только после того, как такая декларация была бы заботливо рассмотрена им с точки зрения особой позиции, занимаемой Америкой...

По своем возвращении полковник Хауз доложил президенту, что он не считал практичным для союзников формулировать на конференции в Париже какое-либо общее заявление о целях войны. Речи Ллойд Джорджа и президента, казалось, подтверждали, что эта политика отдельных заявлений заслужила одобрение союзников.

Декларация Верховного военного совета на второй его сессии явилась поэтому для Вашингтона неожиданностью и может встретить два главных возражения.

Заявление о политике, совершенно не связанное с военными планами, было дано без совещания с президентом и притом таким образом, что общественность США несомненно предположила, что США участвовали в заявлении. Второе возражение состояло в том, что декларация не была согласована с точкой зрения президента или его прежними речами.

Президент предпринял два шага, чтобы поправить это: во-первых, он обратился к конгрессу, возражая на германскую и австрийскую речи, а во-вторых, он поручил секретарю Лансину написать обращение к союзным послам, несомненно, с целью получить оправдательный документ на случай какого-либо сенатского расследования в будущем».

Президент Вильсон уже тогда предполагал дать формальный ответ на речи Чернина и Гертлинга, и его решение было, вероятно, ускорено опасением, что декларация Верховного военного совета может укрепить положение Людендорфа в Германии. Намереваясь вбить клин между германскими социалистами и империалистами, он просил Хауза наблюдать за собиранием извлечений из социалистической прессы и речей, произнесенных во вражеских странах. Президент, используя критику, поднятую против германского правительства самими социалистами, употреблял их собственные фразы, чтобы подчеркнуть солидарность, существовавшую между ними и принципами его собственной политики и общую враждебность к германскому империализму¹.

Наряду с апелляцией к германским социалистам имелась возможность применить угрозы. Тезис Гертлинга о том, что положение в Восточной Европе не касается Антанты, мог быть встречен возражением, что в таком случае западные таможенные тарифы не касаются Германии, а не было ничего, чего Германия боялась бы больше, чем тарифной войны, после заключения мира². Хауз обсуждал этот вопрос с французским верховным уполномоченным. Выдержки из его дневника сообщают о подготовке к речи, задуманной президентом, так же как и о политике экономических угроз.

«27 января 1918 г. Заходил Андре Тардьё, чтобы спросить, не буду ли я поддерживать назначение председателя междуна-

¹ Меморандум, основанный на этом собрании и на анализе материалов германской прессы, экземпляры которой посылались президенту, при его сравнении с германскими мемуарами, опубликованными после войны, показывает удивительную прозорливость со стороны служащего государственного департамента У. К. Буллита, его составившего.

² Президент Вильсон развил эту идею в своей речи от 14 февраля. «Граф фон Гертлинг, — сказал он, — требует, чтобы существенные основы торговой и промышленной жизни были гарантированы общим соглашением, но он не может ждать, что это будет ему позволено, если другие вопросы, определенные пунктами мирных условий, не будут разрешены в том же духе, что и заключительные пункты.

родного комитета, состоящего из представителей Великобритании, Франции и США и учреждаемого с целью выработки плана экономической войны против Германии, если это окажется необходимым. По его мнению, план должен быть подготовлен... даже если допустить, что ничего не было сказано об образовании комитета. В ответ я высказал мысль, что единственное, что понадобится, это провести через конгресс резолюцию, дающую нашему правительству полномочие налагать эмбарго на сырье в течение пяти лет после окончания войны. Я думаю, что это может быть сделано без дебатов и без особой критики. Этот закон не был бы направлен специально против кого-либо, но Германия получила бы о нем сведения через своих агентов и поняла бы его значение... Тардые согласился с этим предложением, признав его мудрым и простым. Я прибавил, что Англия и Франция могут тоже провести подобные мероприятия без критики и что эти законы не должны проводиться одновременно, а через некоторые промежутки времени, не слишком большие. Он сказал, что свяжется со своим правительством и сообщит ему мои взгляды».

«29 января 1918 г. Президент сказал Х., что «мы предположительно решили ответить на речи Гертлинга и Чернина следующим образом: в ответ на утверждение Гертлинга, что несогласия между Россией и Германией должны быть разрешены только между ними, а вопросы, стоящие между Францией и Германией, должны быть разрешены аналогичным образом, мы обратим внимание на тот факт, что подобный образ действий является проявлением методов старой дипломатии, приведшей человечество в столь трудное положение, и что если сделать логичный вывод, то Германия и остальной мир не могут возражать против того, что Англия и США заключат между собой договоры, благодаря которым мировое равновесие будет находиться в исключительной зависимости от их сырья».

Мы обсуждали наилучший способ, с помощью которого можно сделать эти взгляды достоянием общественности. Сегодня утром, когда я сидел с президентом, Лансинг предложил, чтобы он дал интервью... Президент не согласился с этим

ГЛАВА XII

предложением. Он сказал, что он хочет поступить согласно обычаю и довести то, что он хочет сказать, до общего сведения через посредство конгресса...

Он желал знать, какой повод сможет он найти, чтобы снова выступить перед конгрессом. Я предложил попросить какого-нибудь члена комиссии по иностранным делам написать ему письмо, которое вызвало бы его на обещание выступить перед конгрессом по поводу предмета, о котором желали от него информации. Он возразил, что он не хочет дать конгрессу возможность думать, что члены конгресса могут контролировать его, президента, каким-либо образом или что они могут принимать участие в управлении иностранными делами.

Тогда я предложил, чтобы он заявил, что вопросы, возникающие теперь между нациями, столь важны, что он чувствует, что каждое деяние, которое он совершает или имеет в виду совершить, или даже каждая мысль, возникшая у него по поводу международного положения, должны становиться всеобщим достоянием только через конгресс».

«7 февраля 1918г. [Нью-Йорк] У. был одним из моих посетителей. Я получил от него информацию, касающуюся настроения германцев и того, как наилучшим способом раздуть ссору между либералами и империалистами в Германии. Я особенно жажду подобной информации теперь, ввиду предстоящего выступления президента».

На следующий день Хауз получил через государственный департамент сообщение, что президент предполагает произнести свою речь перед конгрессом 11 февраля и призывает его в Вашингтон для обсуждения написанного им черновика речи. Почти вечером он прибыл в Белый дом, где его встретил президент.

«8 февраля 1918 г. Сначала мы приготовились к бою, — писал Хауз, — прочитав все официальные донесения, касающиеся иностранных дел, поступившие за день. Потом мы начали читать послание к конгрессу, которое он приготовил и критику которого он хотел слышать.

После обеда мы опять пошли заниматься и продолжали работать до тех пор, пока отправились спать. Я не прерывал его,

пока он читал набросок послания, а запоминал те изменения, которые я считал необходимым сделать... Я чувствовал, что это замечательный документ, но знал, что многое должно быть из него выкинуто...

Президент говорил, что он отступил от своего обычного правила и не стенографировал предварительно послания, а печатал его на машинке от начала до конца и работал над ним отрываясь, и по частям. Он обычно посвящал целые часы таким посланиям, но на этот раз ввиду срочности дела он поступил иначе... Я никогда не советовал в каком-либо предыдущем послании и четверти сокращений, предложенных мной в этом послании. Он написал кое-что об Эльзасе и Лотарингии, что я посоветовал ему выбросить... Он сделал это без возражений. Он не спорил со мной ни разу, когда я указывал на необходимость изменений. Это одно показывает, что у него не было уверенности.

Многие сокращения пришлись на конец послания. Я возражал против его заявления, что мы имеем 1500 тыс. человек, готовых к отправке в Европу, и пошлем еще 10 млн., если это будет необходимо... По-моему, весь мир знает так же хорошо, как он и я, ресурсы США и в отношении людей, и в отношении богатства.

Я возражал против его положительных предложений, касавшихся мнений Чернина. В одном случае я просил его применить выражение «кажется» вместо более определенного, примененного им по отношению к Чернину. Когда он кончил шлифовать послание, мы пошли спать, не начав разговора о других предметах».

«9 февраля 1918 г. Мы с президентом опять взялись сегодня за послание и сделали в нем некоторые незначительные изменения. Против своего обыкновения он целиком переписал послание, после того как мы кончили исправление.

Около двенадцати часов он пригласил Лансинга и прочел ему послание. Лансинг сделал два или три предложения... которые президент принял».

«10 февраля 1918 г. Покинув Гувера, я снова отправился к Грегори. Пока я был там, вошел президент, и я вернулся

ГЛАВА XII

с ним в Белый дом. Я обрадовался этому, так как получил благоприятный случай выразить свое мнение, что его послание к конгрессу по-прежнему имеет некоторый недостаток: ему не хватает заострения мирового внимания на военной партии Германии. Мне кажется, он должен сказать, что все человечество объединилось теперь вокруг идеи справедливого мира, за исключением этой небольшой кучки, которая, по-видимому, решила вести миллионы людей на смерть, только бы осуществить свою волю.

Президент... схватил блокнот и карандаш и начал создавать новый параграф. Этот параграф начинается словами: «Общий мир, воздвигнутый на таких основаниях, может стать предметом обсуждения» и кончается сентенцией: «Трагическим обстоятельством является то, что одна только эта партия в Германии, очевидно, готова и способна послать на смерть миллионы людей, чтобы помешать тому, что все человечество считает справедливым»...

Президент не слишком восторгается посланием, но я уверен, что оно будет встречено почти всеобщим одобрением.

Вильсон произнес свою речь на общем заседании конгресса 11 февраля. Он связал ее непосредственно с речью о четырнадцати пунктах с помощью ссылки на ответы Гертлинга и Чернина. Ряд речей принял, таким образом, вид чего-то вроде публичных мирных переговоров, характерных, правда, крайней неконкретностью выдвигаемых положений. Первая часть послания президента была посвящена критическому анализу ответов Чернина и Гертлинга. Программу меновой торговли и уступок, выдвинутую графом Гертлингом, он признал совершенно несоответственной: «Метод, предложенный германским канцлером, — это метод Венского конгресса. Мы не можем и мы не хотим возвращаться к нему. То, что поставлено теперь на карту, — это мир всего мира. То, за что мы боремся, — это новый международный порядок, основанный на широких и всеобщих принципах права и справедливости, а не просто мир лоскутков и заплат». Всеобъемлющая справедливость окончательного соглашения стала делом всего человеческого рода. Если Германия не могла принять этих принципов,

она вряд ли могла надеяться в будущем на справедливое к ней отношение коммерческого мира. В заключительной части президент устанавливал новую форму общих принципов, которые он рассматривал как единственно надежное установление.

«Во-первых, что каждая часть окончательного соглашения должна быть основана на всеобъемлющей справедливости данного отдельного случая и на таком урегулировании вопроса, которое с наибольшей вероятностью приведет к постоянному миру.

Во-вторых, что народы и территории не должны служить меновым товаром, переходящим из-под одного суверенитета под другой, как если бы они были просто движимостью или пешками в игре, даже в большой игре мирового равновесия, ныне навсегда дискредитированной.

В-третьих, каждое территориальное изменение, совершенное во время этой войны, должно быть сделано в интересах и на благо населения, которого оно касается, а не являться просто частью какого-либо соглашения или компромисса, примиряющего требования соперничающих государств.

В-четвертых, что все хорошо обоснованные национальные стремления получают наиболее полное удовлетворение, могущее быть полученным ими без выдвижения новых или бесконечных старых элементов разногласий и антагонизма, которые были бы, вероятно, в состоянии со временем нарушить мир Европы, а следовательно, и всего мира».

Полковник Хауз сообщает, что речь была принята конгрессом хорошо, но без энтузиазма, встречавшего прежние послания президента. Целью Вильсона было привлечь внимание либеральных элементов в Германии; по выражению дневника Хауза, президент «раскладывал костер за спиной Людендорфа». Несомненно, что только немногие из членов конгресса понимали эту цель и еще более немногие одобряли ее. Вильсон, очевидно, заметил этот недостаток симпатии.

«По возвращении из Капитолия, — писал Хауз в своем дневнике, — я ехал с президентом. Он был лишь наполовину доволен встреченным им приемом и мало надеялся на успех своей речи...

ГЛАВА XII

После завтрака я отправился к лорду Редингу Он снова занял свою старую квартиру № 2315 на авеню Массачусетс. Я был сильно обрадован, когда он сказал: «Я отдал бы год моей жизни за то, чтобы произнести последнюю половину речи президента». Я сказал, что президент обязательно захочет знать, почему именно последнюю. Он ответил, что первая половина была только повторением положений Чернина и Гертлинга, но последняя половина была благородна как с ораторской точки зрения, так и с точки зрения государственного деятеля...

Я возвратился в Белый дом, где президент ждал меня, надеясь услышать какие-либо новости от Рединга. Он был очень обрадован, когда я сообщил ему, что сказали Рединг, Уайзмэн и Гордон. Я считаю, что речь президента 22 января 1917 г. и его речь 8 января этого года — лучшие из сказанных им. Говоря о речи 8 января, я сказал президенту, что это была великая авантюра. Он мог выиграть или проиграть благодаря ей, в то время как последняя речь была вполне безопасным предложением».

4

Первый прямой результат речи Вильсона проявился 20 февраля, когда Хауз был вызван из Вашингтона по телефону и оповещен о том, что английская разведка («Интеллидженс сервис»), находившаяся под руководством адмирала Хэлла, перехватила секретное мирное предложение австрийского императора. Эта новость не была полной неожиданностью. В течение первых недель февраля некий австрийский либерал, д-р Ламмаш, был послан в Швейцарию, где он имел несколько долгих разговоров с д-ром Джорджем Херроном, который предположительно пользовался доверием президента Вильсона. Ламмаш объяснил, что император Карл искренне желает немедленного мира и надеется, что Вильсон предпримет шаги для возможно скорого его осуществления, чтобы спасти Европу от ужасов, которые будут следствием великого германского наступления весной. Император сам был готов, как он утверж-

дал, полностью реформировать Австро-Венгерскую империю, учредив род федеральной системы, которая обеспечила бы автономии подвластных ей национальностей и полностью удовлетворила бы их.

Д-р Херрон, естественно, ответил, что он не может говорить от имени президента. Он нашел, что план императора едва ли способен привести к полному разрешению проблемы Юго-Восточной Европы и что этот план, по его мнению, имеет скорее в виду преодолеть кризис, угрожавший габсбургской монархии, чем создать прочное основание для миролюбивых отношений между национальностями. Он побуждал Ламмаша убедить императора действовать с большим воображением и либеральностью. У самого Херрона создалось впечатление, что нужда Австрии так велика, что ее просьба о мире будет возобновлена.

Так и случилось: 19 февраля Чернин телеграфировал австрийскому послу в Мадриде для передачи испанскому королю послания императора, содержавшего в себе обращение, которое по просьбе императора король должен был передать президенту Вильсону. Копия была переслана Хаузу с просьбой высказать мнение о ней.

Дело шло о непосредственном предложении мира, базирующемся на искреннем принятии условий, выставленных президентом в его речи 11 февраля. Но это предложение не отзывалось ни на речь о четырнадцати пунктах, ни на более точные условия, в ней содержащиеся. В отличие от предложений д-ра Ламмаша, который намекал, что император применит принцип самоуправления ко всем народам Австро-Венгрии, император Карл в своей телеграмме королю Испании несомненно предлагал мир, основанный на сохранении status quo. Единственное упоминание об Italia Irredenta показывало нежелание признать хотя бы частичку итальянских требований, что являлось существенной частью общего соглашения, и переговоры не могли начаться без более определенной уверенности, что Австрия принимает условия, выдвинутые «Четырнадцатью пунктами». Император ничего не говорил о требованиях Германии. Предлагал ли он сепаратный или общий мир

ГЛАВА XII

и было ли германское правительство согласно на принятие условий Вильсона? Требования, предъявленные России в Бресте, не подтверждали этого факта.

Мысль об опасности переговоров с Австрией была внушена Хаузу Уикхэмом Стидом, редактором иностранного отдела «Таймс» и первым английским авторитетом по габсбургской проблеме. Он был в этот момент вовлечен в весьма важное предприятие оказания помощи революционному движению австрийских славян, которое обещало стать наиболее быстрым средством союзной победы в Юго-Восточной Европе и которое подверглось бы опасности при первом намеке на то, что союзники покинут славян, чтобы заключить мир с Австрией на основе status quo. Другой авторитет по габсбургской проблеме Андре Шерадам написал полковнику Хаузу подробное письмо, определяя в нем источники опасности.

Президент Вильсон был предупрежден о дипломатических опасностях, связанных с мирными переговорами с Австрией, и сознавал, что эти переговоры ни в коем случае не могут быть открыты без предварительного обсуждения с союзниками. 23 февраля он просил Хауза приехать в Вашингтон. Хауз следующим образом записал в свой дневник суть своих совещаний с президентом.

«24 февраля 1918г. Перед завтраком мы нашли время обсудить ноту австрийского императора президенту, посланную через испанского короля, перехваченную англичанами и благодаря этому уже попавшую в наши руки. Мы согласились, что хорошо было бы спросить Бальфура о его мнении, и набросали следующую каблогранму, напечатанную президентом на его пишущей машинке».

«26 февраля 1918 г. Сегодня после полудня испанский посол попросил аудиенции и вручил президенту ноту австрийского императора. Президент сказал, что ему было трудно придать своему лицу выражение удивления. Он написал меморандум в ответ императору Карлу и прочел мне его вчера вечером... Этот меморандум несовершенен и нуждается в дополнительной информации...

Президенту приходится сейчас иметь дело с одним из наиболее щекотливых и затруднительных положений, ему встречавшихся. Вопрос весьма запутан: дело идет не только об австро-германском положении, а касается также Антанты и наших отношений с ней».

«28 февраля 1918 г. Президент был очень доволен своим разговором с французским послом. Он ожидал скорее бури, так как он намеревался сообщить послу о своих сношениях с австрийцами. Жюссеран думает, что президент поступил мудро. Он сообщил, что французское правительство добыло некоторую информацию, позволяющую ему думать, что оба императора, Вильгельм и Карл, побудили папского нунция в Мюнхене направить их мирные условия в Рим с целью заставить папу применить свои благие услуги для достижения мира».

Каблограмма Хауза Бальфуру

Вашингтон, 1 марта 1918 г.

«Президент просил меня поблагодарить вас за вашу каблограмму. Мы не принимали окончательного решения до ее получения. Президент доволен, что, как он полностью и предвидел, ваш взгляд на дело в существенных чертах сходен с его собственным взглядом. Он ответил на ноту испанского короля таким образом, чтобы не закрыть путь дальнейшим переговорам, но несколько распространено, стараясь узнать, что император Австрии имеет в виду. Мы считаем, что если это обращение показывает искреннее желание пойти навстречу справедливым требованиям союзников, то не нужно его отвергать, если же оно предназначено для прикрытия планов аннексий, то лучше встретить его обращенным к центральным державам требованием применить принципы, которые они открыто признают, чтобы придерживаться их в конкретных случаях. Если германцы неискренни в высказанных ими пожеланиях мира, то разве не является делом величайшей важности показать это всему миру: и самому германскому народу, если он хочет слышать, и нейтральным странам, и любому че-

ГЛАВА XII

ловеку из числа тех людей в союзных странах или в США (особенно в кругах лейбористов и социалистов), которые все еще верят в германские заявления. Если будут вестись какие-либо дальнейшие переговоры, то США, ведя переговоры, удвоят усилия, чтобы снарядить свои собственные силы и содействовать союзникам. Президент хорошо понимает, что сильная армия является в настоящий момент наилучшей гарантией против интриг германского милитаризма. Он не может, конечно, в каком-либо смысле компрометировать союзников этими переговорами, но он хочет заверить вас, что он не имеет намерения позволить и США компрометировать себя какими-нибудь дальнейшими шагами, если центральные державы не готовы вложить в понятия общих принципов искреннего и конкретного содержания гарантий.

Президент информирует союзных послов, придерживаясь общего смысла развитых выше положений. Он рассмотрел вопрос весьма внимательно и помнит совершенно справедливые замечания, сделанные вами в вашем послании.

Эдуард Хауз».

Тщательное исследование позиции Австрии показало невозможность склонить венское правительство к принятию условий, выставленных Вильсоном, или отделить Австрию от Германии. Возможно, что, если бы это было в его силах, император Карл сделал бы далеко идущие уступки, но он был привязан к колесу германской колесницы. Мир, основанный на status quo, являлся для Австро-Венгрии победой; она сражалась за цельность многоязычной империи. Понятно, что она приняла принцип, высказывавшийся против аннексий. Но мир без аннексий был невозможен для Франции или Италии, так как их целью было устранение условий, которые долго угрожали европейскому миру и смущали бы его в будущем до тех пор, пока Эльзас и Лотарингия, а также Italia Irredenta оставались бы в руках их врагов; они рассматривали аннексию этих областей не как добычу завоевателя, а как существенную и логически правомерную часть общей цели умиротворения мира. Было возможно, правда, идти еще дальше и утверждать, что не мо-

жет быть постоянного мира в Юго-Восточной Европе до тех пор, пока славяне остаются под австрийским господством.

Невозможность достижения какого-либо соглашения с Австрией была доказана, и притом так, что исчезло последнее сомнение, разговорами генерала Смэтса и графа Менсдорфа, которые оба серьезно искали общую платформу для переговоров. Меморандум, составленный графом Черниным или под его наблюдением, показал полную бесполезность тех или других переговоров. Копия меморандума была передана Хаузу.

Меморандум графа Чернина

«Австрийский министр иностранных дел с трудом допускает, что декларации британского агента [генерала Смэтса] действительно ставят своей целью заключение общего мира, основанного на справедливости, так как они проходят мимо единственного затруднения на пути к справедливому и прочному миру; а именно мимо требования аннексий со стороны Франции и Италии.

Центральные державы никогда не признают этого требования, кажущегося им несправедливым. До тех пор пока Италия хочет аннексировать австрийскую территорию, а Франция заявляет, что она не может заключить мир без приобретения Эльзаса и Лотарингии, до тех пор мир с этими державами невозможен. Если, однако, они откажутся от своих завоевательных целей, то австрийский министр иностранных дел не видит препятствий к немедленному заключению мира. До тех пор пока Англия поддерживает своих союзников в их планах аннексий, ни одна из центральных империй не поверит, что она ищет справедливого и прочного мира. Центральные империи не имеют ни малейшего желания вмешиваться во внутренние дела союзных стран; они не хотят, чтобы другие вмешивались в их дела.

Австрийский министр иностранных дел считает, что упрек относительно мира с Румынией несправедлив и доказательством этого является то, что румынский народ ничего так не желает, как образования министерства Марголимана, т. е. такого министерства, которое согласится тесно и выгодным спосо-

ГЛАВА XII

бом примкнуть к центральным державам¹. Румынский народ чувствует, что блага, которые дарует ему *примирение*, будут большими, чем жертвы, возлагаемые на него миром.

По поводу послевоенных отношений граф Чернин заявил, что он твердо решил придерживаться программы, которая стремится предупредить будущие войны. Но прежде нужно привести к концу настоящую войну, а это возможно только в том случае, если Франция и Италия перестанут говорить о завоеваниях. Тогда станет возможно обсуждать будущее».

Мирные предложения Австрии были несомненно внушены отчасти неопределенной надеждой нарушить дипломатическое единство союзников, отчасти нервной тревогой, заставлявшей выпускать пробные шары, которые могли повести к мирным переговорам до крушения Габсбургской империи. Эти переговоры имели только преходящий интерес и не дали результатов.

Иначе обстояло дело с дипломатическими переговорами между центральными державами и Россией, пришедшими к окончательному завершению в начале марта.

Политика Троцкого, выраженная словами «ни мира, ни войны» и приведшая к разрыву брест-литовских переговоров, оказалась пышным жестом и ничем больше. Германские армии спокойно продвигались на восток, и 24 февраля советское правительство по настоянию Ленина приняло несравненно более тяжелые условия, чем те, которые были ранее отвергнуты. Делегация в новом составе отправилась в Брест, и 3 марта был подписан Брест-Литовский договор.

Результатом подписания договора явилось как в Германии, так и в Австрии немедленное изменение настроения в пользу правительства. Все партии Германии, за исключением мень-

¹ Ничто не может более возбудить сомнение в искренности Чернина, чем этот параграф. Мир с Румынией был крайне «насилованным»; на нее были наложены тяжелые экономические кары, а полоса территории, расположенной вдоль старой границы, делала Румынию вполне зависимой от милости Австро-Венгрии. Ссылка Чернина на желание румын добиться «примирения» с центральными империями походит на невольную иронию. Марголиман представлял протевтонские элементы в румынских политических кругах.

РУССКАЯ ЗАГАДКА

шинства социалистов, поддерживали берлинский план о создании цепи буферных вассальных государств вдоль восточной границы Германии и Австро-Венгрии за счет России. Успех правительственной политики в отношении России создал, кроме того, готовность народа принять на себя жертвы весенних сражений, которые, согласно обещаниям военных руководителей, должны были заставить Антанту понять бесцельность дальнейшей борьбы.

Было бесполезно в таком случае для США или для союзников продолжать настаивать на политике Вильсона и вести дружбу с германскими противниками германского империализма. В настоящий момент они были загипнотизированы своим дипломатическим триумфом в Брест-Литовске. «Пройдет немного времени, — писал У. К. Буллит, специально изучавший проблему для полковника Хауза, — до той поры, когда президент сможет снова апеллировать к германским социалистам и либералам. Но сегодня язвительное обвинение германской восточной политики повело бы только к объединению народа вокруг правительства. В настоящее время поэтому нам лучше драться и молчать».

ГЛАВА XIII РУССКАЯ ЗАГАДКА¹

Вопрос о том, что нужно и возможно делать в России, доводил меня до изнеможения. Эта проблема, как ртуть, ускользала при прикосновении к ней...

*Из письма президента Вильсона Хаузу от
8 июля 1918 г.*

¹ Эта глава не предназначена для того, чтобы стать очерком американской политики того времени на Дальнем Востоке, а является попыткой показать положение, каким оно представлялось полковнику Хаузу. Среди его бумаг имелаась масса документов, относящихся к сибирской экспедиции, но так как к государственным людям и событиям Дальнего Востока он не стоял так близко, как к европейским, то его архив не отражает истории и политики военного периода для Дальнего Востока с той полнотой, как он отражает американские отношения с Европой.

Приход к власти в России большевиков был, в конце концов, как бы предназначен для того, чтобы принести Германии затруднения, так как зараза социального мятежа вскоре затронула германские войска Восточного фронта. Но в данную минуту решение советских руководителей о заключении мира принесло германцам немедленную выгоду в Брест-Литовске и позволило Германии концентрировать ее военные усилия на Западе. Союзникам казалось делом первостепенной важности реконструировать Восточный фронт, послав туда экспедиционные силы, которые могли бы послужить основой для мобилизации антигерманских элементов в России. Они имели склонность недооценивать существенные факторы, которые заставили Россию заключить мир, и предполагали, что с помощью союзников боевой фронт может быть вновь восстановлен, а большевистское правительство свергнуто.

Наиболее энергично требовали военной интервенции в России французы. Они неоднократно поднимали вопрос о ней на межсоюзной конференции в Париже в конце 1917 г.

1 декабря Клемансо обсуждал с Хаузом возможности интервенции и настаивал на желательности посылки японских экспедиционных сил. До революции, говорил он, старое русское правительство не хотело просить японской военной помощи. Однако выход России из войны после большевистской революции изменил положение. Россия вышла из игры. Для Японии настало время занять ее место.

Полковник Хауз был, как и всегда, против военной интервенции в России. Он не думал, что японская или какая-либо другая экспедиция поможет создать на Востоке новый боевой фронт против Германии. Боевой дух России, утверждал он, догорел, промышленная организация страны, столь необходимая для продолжения войны, расшатана. Большевики очутились у власти благодаря тому, что они удовлетворили единственно актуальное требование русских крестьян: раздел земли. Этот свой довод он основывал на донесениях, полученных от

американской миссии Красного Креста, подтвержденных донесениями британского консульства в Москве.

Если Россия не желала и не была способна продолжать воевать, то было бесполезно пытаться принудить ее к этому с помощью экспедиционных сил. Такая попытка была бы и очень дорогой, если принять во внимание, что в это время союзники нуждались во всех своих силах для грядущей борьбы на Западе. Любая попытка вмешательства в русские дела, не касаясь моральной стороны, могла оказаться чрезвычайно опасной. Разве возможно было свергнуть большевиков, казавшихся жаждающим мира и земли народным массам России первыми в их истории руководителями, сделавшими искреннее усилие для удовлетворения их нужд? Разве подобное вмешательство не усилило бы только власть большевиков? Кто мог, в самом деле, ручаться, что в случае свержения большевиков их заменит партия, более способная противостоять Германии?

Хауз делал вывод, что, поскольку это касается США, любая попытка интервенции была бы ошибкой, разве только она была бы предпринята по просьбе русского правительства. В этом смысле он и дал совет Вильсону по возвращении из Европы в декабре, настаивая в то же время, чтобы президент высказал свои дружественные чувства к России и свою готовность на любую помощь, которая может потребоваться русским.

«Андре Тардые и Томас В. Лэмон заходили ко мне, — записал Хауз 2 января 1918 г. — Тардые только что вернулся из Франции и желает снова ознакомиться с положением на западной стороне океана. Лэмон прибыл с докладом о России и о работе, проведенной там Томпсоном¹. Он нашел, что в вопросах политики, которой следует в настоящее время держаться в отношении России, я частично схожусь с Томпсоном и поэтому нахожусь в разногласии с английским, французским и американским правительствами. Я, по крайней мере, чувствую себя правым, когда советую, что буквально ничто не должно быть сделано, прежде чем мы не выразим нашего со-

¹ Полковник Уильям В. Томпсон был главой американской миссии Красного Креста в России.

ГЛАВА XII

чувствия усилиям России объединиться на почве окрепнувшей демократии и не предложим нашей финансовой, промышленной и моральной поддержки любым возможным способом».

Неделей позже президент произнес свою речь о четырнадцати пунктах, в которую он включил специальное обращение к России, сформулированное в самом дружественном духе помощи и не содержащее никаких упреков ни большевикам, ни русскому народу за их выход из войны против Германии.

Поскольку дело касалось России, результаты речи не оправдали надежд Хауза. Троцкий был влюблен в свой парадоксальный план прекращения войны без заключения мира с Германией и ничем не показывал, что в данный момент он доверяет заявлениям Вильсона о помощи, еще менее показывал это Ленин. Между буржуазной капиталистической республикой Запада и коммунистической революцией Востока не могло быть большой симпатии.

2

Тем временем союзники решили настоять на своих планах японской интервенции в Сибири отчасти по той причине, что некоторые элементы на Дальнем Востоке могли быть организованы против большевиков, а «следовательно, и против Германии», отчасти, чтобы защитить военные склады союзников во Владивостоке.

Сотрудничество правительства США при выполнении этих планов было, очевидно, желательно, и Бальфур прислал полковнику Хаузу для передачи президенту каблогранму, содержащую описание факторов, приведших к решению.

Каблогранма Бальфура Хаузу

Лондон, 30 января 1918 г.

«По телеграфу посланы инструкции Колвиллу Бэрклэю настаивать на том, чтобы Япония получила от союзников приглашение, имеющее характер мандата, оккупировать Сибирь».

РУССКАЯ ЗАГАДКА

скую железную дорогу. Я надеюсь, что проект этот будет подвергнут весьма тщательному рассмотрению, несмотря на многие серьезные трудности, им представляемые... На первый взгляд может казаться, что оккупация Сибирской железной дороги противоречит должному уважению к правам правительства, ныне возглавляющего власть в Петрограде. Мы не хотели ссориться с большевиками. Наоборот, мы смотрели на них с некоторой степенью благожелательности до тех пор, пока они отказывались заключать сепаратный мир. Но их требование быть признанными всероссийским правительством *de facto* или *de jure* не имеет фактически оснований. Насильственный разгон Учредительного собрания в особенности придает их требованию не больший вес, чем хотя бы таким же требованиям автономных образований в Юго-Восточной России, к поддержке которых и направлена оккупация Сибирской железной дороги, в то же время имеется лишь весьма малая вероятность, что большевики помогут обороне румынской армии или отражению турецких атак на Армению и откажутся доставлять снабжение немцам...

Я надеюсь, что вы не будете иметь возражений против того, что я представляю вам эти соображения: кабинет придает вопросу большое военное значение. Вы, конечно, поймете также, что вопрос носит неотложный характер.

Бальфур».

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорку 2 февраля 1918 г.

«Дорогой начальник!

Я никогда не изменял своего мнения, что посылка японских войск в Сибирь была бы огромной политической ошибкой. Я не могу найти никакой военной выгоды, которая компенсировала бы причиняемый вред. Не говоря о враждебном чувстве, которое оккупация создала бы в большевистском правительстве, она возбудила бы славян повсюду в Европе хотя бы из-за расового вопроса, если не из-за чего-нибудь еще...

Любящий вас Э. М. Хауз».

ГЛАВА XIII

Президент был совершенно так же настроен против предположенной японской экспедиции, как и Хауз. Вероятно, он считал вместе с государственным департаментом, рассматривавшим вопрос, на основании солидных доказательств, что инициаторами плана вторжения в Сибирь были сами японцы, желавшие, чтобы экспедиция состояла исключительно или преимущественно из японцев для обеспечения оккупации Приморья.

Президент Вильсон постоянно старался предупредить такое развитие событий, и это его решение лежало в основе американской дальневосточной политики, тепло поддерживавшейся как государственным департаментом, так и военными руководителями. Но европейские союзники твердо настаивали на японской интервенции. В конце февраля Вильсон обсуждал с Хаузом условия, при которых можно согласиться на нее без особой опасности.

«25 февраля 1918 г. Мы долго обсуждали, — занес Хауз в свой дневник, — вопрос об японской интервенции в Сибири, но не пришли ни к какому выводу. Имеются доводы как за, так и против нее. Я высказал мысль, что если японцы вступят в русские пределы, не обещав уйти оттуда или, по крайней мере, не обещав подчиниться постановлению мирной конференции, то Антанта, поддерживая японцев, поставила бы себя в такое же точно положение, как германцы, оккупировавшие сейчас западную часть России, хотя против этой германской оккупации гремят непримиримые возражения со стороны западных держав».

Под непрерывным давлением со стороны французов и англичан президент Вильсон написал меморандум, в котором он взял обратно свои возражения против ноты союзников, просившей японцев о вмешательстве, но не пошел столь далеко, чтобы самому присоединиться к просьбе союзников¹. Нота не была формально распространена, но ее содержание было известно почти всем союзным послам. Полковник Хауз, возражения которого против японской интервенции, мо-

¹ Текст ноты напечатан в приложении к этой главе.

жет быть, уменьшились за время его разговоров с президентом в Вашингтоне, продолжал подчеркивать трудности, сопряженные с союзным предложением, особенно после беседы с послом Бахметьевым. «Русский посол, — записал он 2 марта в Нью-Йорке, — старался привлечь мое внимание к опасности появления японских экспедиционных сил в Сибири. Он предполагает, что это бросит русских в объятия германцев, так как не может быть вопроса, какую из двух возможностей они выберут. Относительно этого у нас не было разногласий».

Меморандум Хауза президенту

3 марта 1918 г.

«1. Я считаю необходимым, чтобы при сложившихся обстоятельствах нота японцам была отправлена, но до ее отправления союзные послы должны быть созваны вместе и им должно быть указано, куда может привести эта авантюра.

а) Она может привести к ухудшению или даже к потере нашей моральной позиции, несомненным следствием чего явится падение военного энтузиазма нашего народа в обмен на неопределенную и туманную военную выгоду.

б) Необходимо предложить, чтобы одновременно с передачей этой ноты японцам им было предложено сделать заявление об основаниях их действий и их политики в отношении Сибири. Это заявление должно быть сделано в духе ноты президента, так чтобы позиция японцев могла выгодно отличаться в глазах всего мира от позиции, занятой Германией.

2. Не думает ли президент, что было бы хорошо, если бы я послал Бальфуру каблогамму, вполне выясняя ему трудности и опасности, как они нам представляются?

3. Японцы уже пытались узнать от англичан, не была ли вызвана уклончивость американцев враждой к Японии. Англичане заверили, что нет. Тем не менее это показывает необходимость осторожности с нашей стороны, и наша пресса должна быть предупреждена, чтобы не появились возбуждающие статьи».

ГЛАВА XIII

Каблограмма Хауза Бальфуру

Нью-Йорк, 4 марта 1918 г.

«Я сообщил президенту, что пошлю вам эту каблограмму, так как я чувствую, что предположенное японское выступление в Сибири может явиться величайшим из несчастий, постигших до сих пор союзников. Я говорю это с самыми добрыми чувствами к Японии и не хочу подвергать сомнению ее позицию в отношении дальневосточных дел. США готовы любым способом содействовать этому плану и никаким образом не возражают против него, но было бы совершенно нечестно не предупредить вас об опасностях этого плана, поскольку дело касается общественного мнения США.

Так как предложения носили наполовину публичный характер, то я имел возможность заметить различные оттенки здешних мнений и нахожу, что они весьма аналогичны в своих выводах; даже такой консервативный государственный деятель, как сенатор Рут, считает план большой ошибкой. Как альтруистичны ни были бы фактически намерения японцев, эти намерения неминуемо будут извращены германской пропагандой. Германцы будут стараться доказать, что союзники через посредство японцев проделывают в Сибири то же самое, что германцы проделывают на западе России, и что сибирский прецедент даже хуже, так как японцы не были приглашены какой-либо русской организацией и японская территория не находилась под угрозой, как территории Германии и Австрии, по их словам.

Я чувствую, что это выступление повлечет за собой серьезное ухудшение, если не фактическую потерю, нашей моральной позиции в глазах нашего собственного народа и всего мира и падение высокого энтузиазма американского народа в отношении правого дела, за которое он борется. Если мы не сохраним нашей моральной позиции, то мы должны ждать образования здесь весьма грозной партии противников войны, общего ослабления военного усилия и раскола в рядах сторонников, на единодушную поддержку которых правительство может теперь рассчитывать.

РУССКАЯ ЗАГАДКА

Президент согласился послать японскому правительству ноту, присоединяясь к нотам союзников¹, но он по-прежнему хочет, чтобы вы рассмотрели, не может ли быть сделано все возможное, чтобы до некоторой степени предупредить неверное освещение германской пропагандой ожидаемых последствий.

Союзным послам будет, вероятно, предложено, чтобы японское правительство при получении мандата взяло бы на себя обязательство сделать публичное заявление, что оно посылает свои военные силы в Сибирь только в качестве союзника России с целью спасения Сибири от германского вторжения и интриг и что оно согласно предоставить разрешение всех вопросов, касающихся Сибири, мирной конференции.

Эдуард Хауз».

После получения меморандума и письма Хауза президент Вильсон решил взять назад свой первый меморандум и составить другой. В первоначальной ноте, склоняясь формально к просьбе союзников о японской интервенции, он выражал доверие мотивам, положенным в основу подобного вооруженного вмешательства. В окончательной ноте, посланной по назначению, он придавал первенствующее значение самому факту неблагоразумия какой-либо интервенции. Полковник Хауз сделал в своем дневнике следующие замечания по поводу этой ноты.

«5 марта 1918 г. Президент послал сегодня утром за Полком и вручил ему новую ноту Японии, являющуюся заменой другой ноты, написанной им на днях и задержанной с отправлением. Я согласен с тем, что президент говорит в этой последней ноте... Мы с Полком долго говорили по телефону об этой ноте после того, как он повидал президента. К несчастью, государственный департамент ознакомил японского и союзных послов с сущностью первой ноты; несмотря на это,

¹ Первая нота президента не присоединялась формально к нотам союзников; она только устанавливала, что правительство США не имеет возражений против обращения к Японии с просьбой.

ГЛАВА XIII

мне кажется, что президент поступил разумно, заменив ее нотой, написанной вчера...¹»

3

Возражения президента Вильсона против японской интервенции в Сибири не изменили мнения руководителей союзников в Европе, что эта интервенция желательна и необходима. Когда 3 марта под вооруженным давлением Германии большевики подписали Брест-Литовский мир, стало очевидно, что их сопротивление Германии пришло к концу. Союзники поэтому настаивали снова на американском одобрении японской экспедиции, подчеркивая довод, что японцы являются в Сибирь не в качестве завоевателей, а как представители союзных армий, помогающих России сбросить германское господство.

Каблограмма Бальфура Хаузу

Лондон, 6 марта 1918 г.

«Благодарю вас за вашу телеграмму от 4 марта и весьма ценно содержащееся в ней откровенное выражение ваших взглядов.

До того момента, когда большевистское правительство решило принять германские условия мира, я был против японской интервенции, так как я надеялся, что сопротивление большевиков германской агрессии может продолжаться.

Когда большевики безоговорочно сдались, то стало делом величайшей важности спасти богатые запасы снабжения в Сибири от рук германцев и единственным способом, которым это могло быть достигнуто, являлась японская интервенция в значительном масштабе. Полученная нами информация говорила, что японское правительство уже сделало приготовления к активному выступлению в Восточной Сибири и в то же время, благодаря публичному обсуждению вопроса, казалось

¹ Эта вторая нота помещена в приложении к главе.

вероятным, что в Японии пробудилось бы значительное негодование, если бы (японское правительство было готово действовать от имени союзников) мандат не был утвержден. Грозная германофильская партия в Японии утверждала бы, что подобный отказ обусловлен недоверием, и я опасаясь, что, несмотря на фактическую ошибочность, это мнение явилось бы преобладающим в японском общественном мнении.

Я принужден настоятельно подчеркнуть выгоду, которая должна получиться благодаря тому, что выступление одной Японии, и притом в ее собственных интересах, заменяется выступлением по мандату союзных держав. Я вполне согласен с предложениями, сделанными в последнем разделе вашей телеграммы; я послал нашему послу 4 марта копию телеграммы в том же духе. Эта телеграмма повторена лорду Редингу, и я прошу его немедленно послать копию сэру Уильяму Уайзмэну, чтобы информировать вас.

Хотя мы получили донесения, что вражеские пленные в Сибири вооружаются под руководством большевиков, однако большевистское правительство утверждает, что оно по-прежнему организует сопротивление германской агрессии, несмотря на то что оно уже подписало мирный договор. Поэтому я телеграфировал нашему агенту предложить большевистскому правительству, чтобы оно предложило с этой целью свое сотрудничество румынам и японцам. Я опасаясь, однако, что на принятие этого предложения имеется мало шансов, и, кроме того, я не знаю, как отнесутся японское и румынское правительства к этому призыву.

Я сделал это таким образом, что мы сможем оправдать себя перед общественным мнением, если когда-либо придется сделать заявление по всему этому вопросу.

Я надеюсь и предполагаю, что выступление, которое должно произойти и которое встретит, я чувствую это, одобрение президента, даст нам возможность полностью оправдать интервенцию, предпринимаемую Японией согласно нашей просьбе.

Оно покажет, что союзники не побуждались ни эгоистическими, ни нечестными мотивами, и если Япония согласится

ГЛАВА XIII

взять на себя обязательство на таких условиях, то разве не сможет это обязательство устранить подозрение, которое существует во многих умах как здесь, так и в США?

Бальфур».

Полковник Хауз оставался тверд в своем убеждении, что высадка японских войск вызовет, как ничто другое, полную вражду большевиков к Антанте и бросит их в объятия Германии. Брест-Литовский договор должен был еще быть ратифицирован съездом Советов, который как раз тогда собрался в Москве. Послание к съезду, выдержанное в дружественном тоне и обещающее поддержку, могло способствовать отказу съезда от ратификации.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 10 марта 1918 г.

«Дорогой начальник!

Что думаете вы о посылке успокоительного обращения к России в день 12 марта, когда в Москве соберется съезд Советов?

Наше общеизвестное дружественное расположение к России может быть вновь подтверждено, и вы можете заявить о нашей цели помочь ей в ее усилиях объединиться на основе демократии. Она должна быть охранена от дурного или эгоистического влияния, которое может прийти в столкновение с развитием событий. Я думаю не столько о России, сколько об использовании благоприятного случая для того, чтобы выяснить положение на Дальнем Востоке, но без какого-либо упоминания об Японии. То, что вы сказали бы о России и против Германии, могло бы быть применено к Японии или к любой другой державе, пытающейся сделать то, что пробует сделать Германия.

Любящий вас Э. М. Хауз».

Такое обращение могло оказаться особенно своевременным ввиду того, что Троцкий высказал Раймонду Робинсу, тог-

РУССКАЯ ЗАГАДКА

да начальнику американского Красного Креста в России, предложение, указывающее на его желание помешать ратификации Брест-Литовского договора. Троцкий осведомился о том, смогут ли большевики рассчитывать на помощь союзников, если договор не будет ратифицирован или если Советы возобновят военные действия, а также и о том, какого рода будет эта помощь. Он хотел также знать, какие шаги будут приняты союзниками и США, чтобы предупредить высадку японцев, если Япония приступит к интервенции в Сибири.

На это предложение, телеграфированное в Лондон британским уполномоченным Локкартом вместе с советом дать на него сердечный ответ, британское правительство не дало немедленного ответа. Обращение президента Вильсона, датированное 11 марта и совпадавшее по содержанию с письмом Хауза от 10 марта, не затрагивало положения¹. Оно выражало сочувствие России в тот момент, когда «германская армия нанесла ей удар с целью помешать ее борьбе за свободу и отбросить ее к былому». Но обращение признавало, что США не были «теперь в состоянии оказать непосредственную и эффективную помощь, которую они хотели бы оказать». 15 марта съезд Советов ратифицировал Брест-Литовский договор.

Сдача большевиков германцам убедила французов в том, что план японской интервенции должен быть осуществлен, и на заседании Верховного военного совета в Лондоне 16 марта как Клемансо, так и Пишон приводили резкие доводы в пользу того, что президенту Вильсону должна быть послана объединенная нота с просьбой об американском сотрудничестве. Бальфур, хорошо знакомый с положением дел в Америке и с американской точкой зрения и всегда сохранявший свободу мнения в отношении внутреннего положения в России, допускал, что известия, полученные его правительством из России, говорили против интервенции. Локкарт, который был в то время близок с Троцким, сообщал, что японская экспедиция бросит всю Россию в объятия Германии; он утверждал, что

¹См. в приложении к этой главе обращение Вильсона и ответ советского правительства.

ГЛАВА XIII

Троцкий фактически хочет «делового» соглашения с союзниками, и как Бальфур, так и Ллойд Джордж стояли за отсрочку японской интервенции, надеясь, может быть, что приглашение японцев на помощь может последовать в конечном счете со стороны самих большевиков. Но французы и итальянцы требовали немедленных действий, и было решено, что Вильсону должно быть послано новое обращение. 18 марта полковник Хауз, который в это время был болен и находился в Нью-Йорке, отметил в своем дневнике:

«Лорд Рединг получил от своего правительства каблограмму, убеждавшую его снова настаивать на плане японской интервенции. Я послал президенту письмо через Гордона, сообщая, что я не изменил моего мнения об этом предмете. Я спросил Уайзмэна, после того как он прочел отчет Рединга о разговоре с президентом, что сказал ему президент. Он ответил, что президент сказал: “Я не изменил своего мнения”».

Каблограмма Хауза Бальфуру

Нью-Йорк, 29 марта 1918 г.

«Я обсуждал вопрос с президентом, и он надеется, что в данный момент ничего не будет сделано, так как положение недостаточно выяснено.

В немедленных действиях нужды, как будто, нет, и положение, возможно, выяснится само собой через некоторое время; тогда мы будем лучше знать, что нам делать.

Эдуард Хауз».

Франция, Великобритания и США имели, таким образом, три мнения относительно того, каким путем нужно идти. Французы, доходившие в своем недоверии к большевикам до открытой враждебности, стояли за немедленную японскую интервенцию. Англичане так же ясно понимали выгоды интервенции, как и перевешивающие их невыгоды, но были готовы работать с Троцким, если бы это было возможно, и надеялись, что, может быть, в конце концов большевики через Локкарта попросят о вмешательстве. Прави-

тельство США считало, что интервенция, если она произойдет не по определенному требованию большевиков, окажется бесполезной и, возможно, губительной. Расхождение между британской и американской точками зрения было не слишком значительно; в конце концов, план был выработан и соглашение достигнуто.

4

Компромисс, предложенный британским министерством иностранных дел, состоял в том, чтобы заменить японскую интервенцию межсоюзной экспедицией, в которой США должны были принять видное участие. 26 марта Уайзмэн получил телеграмму из министерства иностранных дел, предписывающую ему конфиденциально посоветоваться с полковником Хаузом относительно того, вызовет ли подобное предложение затруднения в Вашингтоне. Если нет, то союзники снова поднимут в Токио вопрос о межсоюзной экспедиции, по поводу которой японцы выражали ранее некоторое неудовольствие.

Хауз согласился, что многие невыгоды интервенции были бы устранены, если бы она носила международный характер; они были бы устранены полностью, если бы было обеспечено приглашение со стороны Троцкого, над чем работал Локкарт и над чем, как указал Бальфур в телеграмме от 3 апреля, должен был, получив предписание, работать также и Робинс. По предложению Хауза Уайзмэн был послан в Европу, чтобы объяснить там точку зрения Вашингтона и сообщить Редингу свои впечатления о европейском положении. В это время план межсоюзной интервенции получил развитие.

«Британский посол, — писал Хауз 24 апреля, — не скоро со мной разделался. Наиболее докучливым предметом была Россия. Английское правительство думает, что теперь возможно побудить Троцкого и его товарищей согласиться на договор, согласно которому союзники смогли бы послать свои силы в Россию и заставить Германию вновь сформировать армию на Восточном фронте. Он, кажется, рад был узнать, что я вполне

ГЛАВА XIII

одобряю план, набросанный Бальфуrom в очень длинной каб-лограмме».

Вильсону становилось все труднее придерживаться своего отказа от поддержки интервенции в России вследствие сложившегося во Франции военного положения.

Победоносное германское наступление продолжалось с 21 марта, и являлось делом первостепенной важности, чтобы на Западный фронт не перебрасывалось больше никаких подкреплений. Кроме того, не было никакой надежды на полное поражение Германии, даже если бы союзники стойко держались во Франции до тех пор, пока германцы могли эксплуатировать Россию на основе Брестского договора. Все это лорд Рединг изложил Хаузу вместе с рекомендациями Бальфура относительно необходимости восстановления союзного фронта в России посредством межсоюзной военной экспедиции. Пространные объяснения были добавлены в каблограмме Уайзмэна¹.

Заметки Хауза относительно британского сообщения о России

«Британский военный кабинет только что подробно обсудил общие военные проблемы, стоящие перед союзниками, и пришел к выводу, что необходимо рассматривать Европу и Азию в стратегических целях, если и не в отношении командования, как единый фронт. Переброска германских дивизий с Востока на Запад по-прежнему продолжается и при существующих условиях сможет продолжаться и впредь. Крайне необходимо остановить эту переброску, если это возможно сделать.

Германия может теперь получать продовольствие и сырье из Азии, и при таких условиях, даже если наша оборона будет надежна, имеется очень мало шансов, что мы сможем произвести успешное наступление. При настоящем положении дел мы не можем надеяться на благоприятную для нас перемену

¹ См. приложение к этой главе.

внутренних условий в Германии, и по этой причине важно, чтобы на центральные державы было оказано давление также и с Востока.

Необходимо в то же время помнить, что Германия сейчас старается создать беспорядок по всему Востоку и что германские агенты уже пытались создать смуту в Афганистане, Персии и Туркестане.

Это движение может иметь важные последствия, если оно не будет остановлено.

Таким образом, восстановление союзного фронта в России — дело чрезвычайной важности, и единственную надежду на возможность осуществления этого дает, кажется, создание условий для национального возрождения России, подобного тому, которое наблюдалось во времена Наполеона¹. Россия обладает огромным запасом обученных солдат, имеющих опыт в ведении современной войны, и имеет в числе их способных генералов; если может быть пробужден необходимый дух, то можно в короткое время создать эффективную армию и снабдить ее запасами, находящимися теперь в русских портах. Германцы были бы, таким образом, вынуждены повернуть обратно или даже усилить свои силы в России.

Британское правительство считает, что союзникам необходимо объединиться, чтобы осуществить русское национальное возрождение, и придерживаться политики освобождения России от иностранного господства с помощью союзной интервенции. Союзники должны, конечно, избегать пристрастного отношения к русской политике и не становиться на чью-либо сторону. Если большевистское правительство готово сотрудничать в деле сопротивления Германии, то кажется необходимым вести себя с ним как с фактическим (*de facto*) русским правительством.

Троцкий, по крайней мере, в течение некоторого времени показывал признаки понимания того обстоятельства, что со-

¹ Предположение относительно национального возрождения показывает ограниченную осведомленность союзников о фактическом положении дел в России того времени.

ГЛАВА XIII

трудничество с союзниками дает единственную надежду на освобождение России от германцев, и, каковы бы ни были его мотивы, он предпринял шаги против антисоюзных газет и просил о сотрудничестве в Мурманске и по другим вопросам. Он теперь определенно просит о заявлении относительно помощи, которую союзники могут оказать, и о гарантии, которую они могут дать, и говорит, что он считает соглашение желательным, если условия его удовлетворительны. Британское правительство придерживается того мнения, что союзники должны воспользоваться этим благоприятным случаем, чтобы начать союзную интервенцию против Германии, сопроводив ее соответствующей декларацией относительно незаинтересованности и подходящими к случаю гарантиями, касающимися эвакуации русской территории. Если бы такое предложение было бы принято, то положение в целом могло бы измениться до неузнаваемости, а если бы оно было отклонено, то позиция большевистского правительства была бы по крайней мере определена.

Япония, очевидно, поставила бы большую часть значительных вооруженных сил, которые смогут быть использованы, но желательно, чтобы все союзники приняли участие.

Интервенция, осуществляемая одной Японией, ясно могла бы толкнуть относительно большое число русских на сторону Германии, и мы можем поэтому предложить только интервенцию всех союзников; Япония подготавливает очень большие военные силы. Британское правительство было бы готово произвести в Мурманске и где-нибудь в другом месте морскую демонстрацию, которая обеспечила бы опорные пункты для антигерманских сил и удерживала бы порты в качестве баз. Британцы могли бы также оказать помощь русским силам в Закавказье, если бы возможно было установить сообщение через Персию, что будет, вероятно, зависеть главным образом от сотрудничества с большевиками в той области. Еще более важным шагом было бы, однако, продвижение через Сибирь сил, состоящих преимущественно из японцев и американцев. Общесоюзный характер этих сил был бы им придан главным образом США, хотя британские и, вероятно, также французские и итальянские отряды могли бы сопровождать их. Амери-

канский контингент мог бы состоять главным образом из технических частей, особенно механического транспорта, единиц связи, железнодорожных войск, а также одной полной дивизии. Этим силам пришлось бы, вероятно, только немного сражаться или совсем не сражаться в течение некоторого времени после высадки, и американская дивизия, если она будет послана, могла бы закончить свое обучение в Сибири. Большое количество военных материалов, находящихся сейчас в портах, должно быть использовано, чтобы снарядить заново русскую армию.

Британский военный кабинет хочет знать, будет ли президент склонен согласиться на следующий образ действий:

1. Великобритания и США делают одновременное представление большевистскому правительству относительно интервенции союзников в вышеуказанном духе, причем должен быть обусловлен отзыв всех союзных сил по окончании военных действий.

2. Американские войска в составе, указанном выше, должны быть посланы на Дальний Восток.

Если эта общая политика приемлема, то остается вопрос относительно привлечения японского правительства. Согласно этому плану Япония принимала бы участие в сибирской интервенции как часть объединенных сил союзников. Предположенная декларация не может прийтись Японии слишком по вкусу, и, вероятно, ей придется использовать свои войска в сочетании с русскими и союзными войсками в Европейской России, так же как и в Азии. Британское правительство считает, что Япония должна в виде компенсации за это получить военное командование над экспедицией, хотя к этому командованию будут прикомандированы миссии от всех союзных стран, включающие в себя сильные отделы пропаганды. Кажется также желательным, чтобы предложение было сделано японцам в скором времени и было настойчивым, так как предложенный образ действий необходим для победы союзного дела...

Предложенный план является настоятельной необходимостью, но ни в коем случае не имеет характера альтернативы по

ГЛАВА XIII

отношению к посылке американской пехоты в Европу, где нужда в ней постоянно увеличивается. Русская проблема является спешной и настоятельной: при настоящем положении необходимо безотлагательно оказать на германцев давление с Востока. Если этого нельзя будет сделать, то трудно уяснить себе, каким образом блокада сможет стать эффективной и каким образом можно добиться мира посредством окончательного поражения неприятельских сил.

Британское правительство считает, что наиболее важным шагом еще до совещания с другими союзными державами было бы удостовериться, будет ли президент содействовать этим предложениям, так как без его содействия британское правительство не стало бы больше заботиться об их осуществлении».

Подобные рекомендации подкреплялись посещениями многочисленных иностранцев, которые приходили с целью внушить президенту Вильсону точку зрения союзников и которые почти всегда останавливались сначала в Магнолии для совещания с Хаузом. Их доводы были в общем одинаковы: германское давление на Западе может быть уменьшено только посредством воссоздания боевого фронта на Востоке. Они просили также о помощи чехословацким дивизиям, борющимся по всей Азии, время от времени сталкиваясь с безответственными русскими, мадьярами, немцами, время от времени с большевиками. Их доблестное наступление вызвало восхищение всех союзников, и требование о том, чтобы были приняты меры, предупреждающие их истребление, было всеобщим.

11 июня Марсель Деланэ, французский посол в Японии, навестил Хауза. «Мы обсуждали японскую и союзную интервенцию в России и Сибири в каждой ее фазе». Деланэ привез личное обращение Клемансо к Вильсону, суть которого была в том, что французский премьер-министр «считал интервенцию крайне необходимой не только потому, что он полагал, что она сделает свое дело, но и потому, что, по его мнению, она поднимет настроение французского народа больше, чем что-либо другое, и что этот народ нуждается

в моральной поддержке в час испытания. Он [Деланэ] заявляет, что положение носит критический характер. Германцы находятся в сорока милях от Парижа в двух различных направлениях, продвигаясь вдоль двух долин. Чем ближе они подходят к Парижу, тем больше угрожают городу воздушные атаки, тем труднее поддерживать моральное состояние народа».

На следующий день завтракал с Хаузом, чтобы переговорить с ним о России, Томаш Г. Масарик, президент чехословацкого комитета, в будущем первый президент Чехословацкой республики. «Масарик говорил с большим пониманием, чем большинство людей, с которыми я обсуждал предмет, и он лучше знает Россию». Несколькими днями позже Масарика сменил Анри Бергсон, остановившийся на пути в Вашингтон, куда он ехал, чтобы разъяснить президенту вопрос об интервенции.

Хауз был убежден, что невозможно дольше относиться только отрицательно к союзным требованиям об интервенции, и он обдумывал методы, с помощью которых союзные силы смогут быть введены в Россию, не возбуждая подозрения об империалистических мотивах этой меры. После долгого обсуждения он решил, что единственным возможным разрешением проблемы было создание комиссии экономической помощи, которая более чем что-либо другое могла бы снискать радушный прием со стороны самих русских¹. Было возможно, что благодаря такому подчинению военных видов интервенции экономическим доверие русских может быть обеспечено. Хауз еще больше склонился к этому плану благодаря возможности убедить Гувера взять на себя его выполнение. 13 июня он занес в свой дневник:

«Гордон телефонировал вчера вечером, предлагая, чтобы Гувер возглавил «Комиссию помощи русским», задуманную как часть плана интервенции. Мысль показалась мне сразу

¹ Полковник Рэймонд Робинс, вернувшийся в мае в США, являлся сторонником экономической комиссии и выработал вместе с советскими руководителями план развития экономических отношений.

ГЛАВА XIII

подходящей. Сегодня утром... мы решили, что он должен отправиться к Гуверу и спросить его, согласится ли он работать в этой должности...

Гувер сказал Гордону, что он готов работать всюду, где президент считает его на месте. Он пришел в энтузиазм от нашего предложения и считает его наилучшим разрешением русской проблемы. После этого мы сообщили о плане Лансингу, приветствовавшему его с восторгом.

Сэр Уильям относится к плану с одобрением, и мы условились, что он должен перехватить Рединга в Принстоуне, куда тот отправляется завтра для получения почетной ученой степени, сообщить ему суть дела и побудить его сотрудничать с нами».

Письмо Хауза президенту

Магнолия, Массачусетс, 13 июня 1918 г.

«Дорогой начальник!

Я надеюсь, что план вам понравится... Русские знают Гувера, а Гувер знает Восток. Если он возглавит «Комиссию помощи русским», то все предприятие покажется русскому общественному мнению тем же, что производилось в Бельгии, и я сомневаюсь, чтобы какое-либо правительство в России, дружественное или недружественное, отважилось протестовать против его прибытия...

Гувер имеет организационные способности, его имя будет придавать ему вес в желательном смысле, а его назначение приведет русский вопрос, для данного момента, к решению, насколько он вообще может быть решен вами в настоящее время.

Некоторые люди здесь почти каждый день со времени моего приезда говорили об этой досадной проблеме, чтобы попытаться заставить меня передать вам их взгляды. Я не делал этого, так как ничего хорошего не было мне представлено. Этот план, однако, кажется выполнимым, и я искренне надеюсь, что таково будет и ваше мнение.

Любящий вас Э. М. Хауз».

Через четыре дня Гувер приехал из Вашингтона в Магнотию, чтобы обсудить перспективы своей будущей поездки в Россию в качестве руководителя «Комиссии помощи русским». Убеждение Хауза в необходимости предпринять какие-либо действия подобного рода было в дальнейшем усилено посещением британского посла. Лорд Рединг передал ему содержание новой каблограммы из Европы, анализирующей военное положение. По заметкам полковника Хауза, сущность каблограммы была в следующем:

«1. Если союзная интервенция не будет предпринята в Сибири немедленно, то мы не имеем ни одного шанса добиться окончательной победы и подвергнемся в то же время серьезному риску поражения.

2. Около 1 июня 1919 г. истощение британских и французских резервов человеческой силы сделает необходимым весьма значительное снижение числа дивизий, которые они могут содержать на фронте. Прирост американской армии, даже при наиболее благоприятных условиях, не будет достаточным, чтобы снарядить, обучить и доставить на фронт количество дивизий, необходимое для восстановления первоначального баланса в нашу пользу. Таким образом, германцы, если мы посчитаем убитых и раненых в сражениях в одинаковом размере как на их стороне, так и на стороне союзников, будут по-прежнему иметь в первой половине 1919 г. на Западном фронте грозную армию, даже без переброски каких-либо дополнительных дивизий с Востока.

3. Но если центральные державы не будут стоять под угрозой выступления военных сил на Востоке, то они окажутся тем временем в состоянии перебросить оттуда значительно больше дивизий, непрерывно увеличивая и в дальнейшем свое численное превосходство. Ввиду неблагоприятного стратегического положения союзных армий во Франции является возможным, что германцы смогут с таким превосходством сил добиться решения войны на Западе в свою пользу.

4. С другой стороны, если интервенция будет теперь начата, то вычислено, что весной 1919 г. значительные союзные силы смогут быть развёрнуты западнее Урала, чтобы сплотить

ГЛАВА XIII

в борьбе за дело союзников все сочувствующие им русские элементы.

5. Большая часть этих сил должна в течение некоторого времени состоять из японцев, так как было бы неразумно со стратегической точки зрения отвлекать силы, которые могут быть использованы на западном театре, за исключением небольших отрядов других союзных стран, необходимых, чтобы придать операции международный характер.

Таким образом, кроме всего прочего, германские войска были бы удержаны союзными силами, использовать которые другим способом не было бы возможности.

В конце концов может найтись излишек американских сил кроме того количества, которое может содержаться во Франции, и этот излишек должен быть использован для поддержки или замены японцев.

6. Непосредственным результатом выступления этих сил было бы, во-первых, предупреждение переброски каких-либо еще германских войск с Востока; во-вторых, германцы были бы вынуждены перебрасывать дивизии с Западного фронта и таким образом дали бы союзникам реальный шанс добиться военного успеха на Западе даже в 1919 г.

7. Наконец, нельзя полагать, что военный успех, добиться которого на Западном фронте союзники в силах, может быть достаточно решительным, чтобы заставить центральные державы порвать Брест-Литовский договор или чтобы предохранить Россию и большую часть Азии от превращения в германскую колонию.

Необъятные пространства, имеющиеся в распоряжении врага для маневрирования на Западе, и его превосходные средства сообщения позволят ему сражаться неограниченное время без достижения существенных результатов. Даже если очистить полностью Францию, Бельгию и Италию, то и тогда центральные державы будут по-прежнему непобежденными. Если Россия, следовательно, не сможет восстановить себя в качестве военной державы Востока к тому времени, когда союзные армии будут отозваны, то ничто не сможет предупредить поглощения ее ресурсов центральными державами, что

РУССКАЯ ЗАГАДКА

предположительно привело бы к мировому господству Германии. Единственным средством, с помощью которого возможно осуществить воскрешение России, является немедленная военная союзная интервенция на восточном театре войны.

8. *Подводим итог.* Никакое военное решение в пользу союзников не может когда-либо быть достигнуто в результате операций на одном Западном фронте; точно так же нельзя ожидать, что какое-либо равное мероприятие на этом фронте сможет каким-либо путем обеспечить достижение целей, за которые сражаются союзники, если оно не будет комбинировано с максимальным военным усилием, которое может быть сделано на Востоке.

9. Разрешение вопроса не терпит отлагательств не только по политическим причинам, но также и вследствие того, что необходимо использовать выгоды, предоставленные летом, которое быстро проходит, и вследствие того, что сельскохозяйственные районы должны быть в безопасности, пока в них не собран урожай».

Письмо Хауза президенту

Магнолия, Массачусетс, 21 июня 1918 г.

«Дорогой начальник!

Лорд Рединг, который был в Кембридже, чтобы получить там ученую степень, провел добрую половину дня со мной. Будучи у меня, он получил каблогранму Бальфура о русской интервенции. Я предложил, чтобы он послал вам копию для вашей информации еще до того, как он с вами увидится, что он предполагает сделать в понедельник...

Ни Рединг, ни я не согласны с утверждением, что окончание войны на Западном фронте невозможно... Приложенный меморандум составлен английским представителем в России вместе с тамошним французским послом и заслуживает внимания.

Мне кажется, что в отношении России нужно что-нибудь делать немедленно, в противном случае она сделается добычей Германии. Это стало теперь вопросом дней, а не месяцев. Я могу предложить и рекомендовать следующее.

ГЛАВА XIII

Обратиться с адресом к конгрессу, излагая продовольственное положение в нашей стране; сообщить о преуспевании нашей пищевой продукции в течение года до такой степени, при которой после августа у союзников уже не будет необходимости продолжать выдачу рационов, за исключением говядины и сахара. Это заявление само по себе чрезвычайно поднимет нравственный дух во Франции, Англии и Италии и соответственно снизит его в центральных державах.

Гувер предполагал сделать это заявление сам в Лондоне около середины июля.

Затем изложить ваш план отправления «Комиссии помощи русским», возглавляемой Гувером, с целью помочь России поднять ее продовольственную продукцию теми самыми методами, которые применялись нами. Одновременно с этим комиссия должна, согласно инструкциям, согласовать деятельность всех подобных организаций помощи, вроде Красного Креста, ассоциации христианской молодежи и т. п., и снабжать русский народ сельскохозяйственными орудиями, необходимыми для того, чтобы сделать его потенциально пахотные земли столь же продуктивными, как наши, и с равно благоприятным результатом.

Для выполнения этого «Комиссии помощи» и ее помощникам необходимо будет иметь обеспеченное и упорядоченное поле деятельности в стране, и вы поэтому просили сотрудничества и помощи у Англии, Франции, Италии и Японии, которые великодушно ее обещали. Они дали также США гарантию, что ни теперь, ни в будущем они не будут вмешиваться в русские политические дела или действовать каким-либо образом в ущерб ее территориальной целостности.

Эта программа передаст в ваши руки ключ от русского и вообще восточного положения, удовлетворит союзников и, может быть, примирит большую часть России с этого рода интервенцией.

Лорд Рединг в восторге от такого плана, и я просил его обсудить вопрос с вами, когда вы его примете...

Любящий вас Э. М. Хауз».

РУССКАЯ ЗАГАДКА

Каблограмма Сесилия Хаузу

8 июля 1918 г.

«Вы были настолько добры, что позволили мне, когда вы были здесь в прошлом году, обращаться к вам, если встретится что-либо, о чем вы, по моему мнению, должны знать. Могу ли я поэтому принять на себя смелость высказаться?

Я убежден, что нашей страной овладевает весьма сильное волнение по поводу того, что союзная интервенция в Сибири откладывается без всяких оснований. До сих пор публичное выражение мнения по этому вопросу старательно сдерживалось правительством. До недавнего времени газеты предостерегались от обсуждения этого вопроса, и даже теперь их просят затрагивать его с большой сдержанностью. Попытки поднять вопрос в парламенте были предупреждены. Но я опасаясь, что рано или поздно волнение станет слишком сильным, чтобы подавить его, и может последовать опасный взрыв, который, возможно, вызовет нежелательные результаты, став источником международной критики и взаимных обвинений. До известной степени мы имеем дело с вопросами, которые вас, если сказать по правде, не касаются. Но зная, как близко вы принимаете к сердцу поддержание и развитие сердечной дружбы между обеими нашими странами, вы, я думаю, простите мне, если я сообщу вам, как поражает создавшееся положение человека, частью обязанностей которого является следить за общественным мнением и который уделял весьма близкое личное внимание этому частному вопросу за последние шесть месяцев.

Роберт Сесиль».

5

Президент Вильсон, явно против своей склонности и мнения, был принужден размышлять о том, как может быть доведен до конца план интервенции; он настаивал, поскольку Россия отказалась просить об интервенции, на том, что не нужно наносить оскорбление суверенным правам России.

ГЛАВА XIII

«Вопрос о том, что нужно и возможно делать в России, доводит меня до изнеможения, — писал он Хаузу 8 июля. — Эта проблема, как ртуть, ускользала при прикосновении к ней, но я надеюсь, я замечаю и могу даже в настоящее время отметить некоторый прогресс по двум направлениям: в направлении экономической помощи и помощи чехословакам». Если Хауз был более упорен, чем обычно, в своих настояниях на решении, то было очевидно, что президент не чувствовал себя обиженным этим, так как он писал в то же самое время: «Я приветствую ваши письма с глубоким удовлетворением, и невыразимая благодарность к вам является следствием каждого из ваших писем, пишу ли я вам об этом или нет, а вместе с благодарностью и наиболее любовное уважение за все, что вы для меня делаете».

Президент Вильсон боялся, очевидно, одного — как бы японские войска, раз они уже попали в Сибирь, не остались там; он опасался, что трудно будет убедить их уйти оттуда. Их военные руководители, вероятно, не придавали бы интервенции большого значения, если бы они не рассчитывали, что ее результатом будет их контроль над Восточной Сибирью, чему президент Вильсон упорно противился. Президент добивался любым способом ограничить размер японской интервенционной армии и установить условия ее отозвания. Хауз отметил в своем дневнике 25 июля, что Вильсон был «раздражен японской позицией».

«Трудность, как мне кажется, — прибавлял Хауз, — заключается в том, что в Японии имеются две партии. Гражданское правительство хочет сотрудничать с нами и видит необходимость такого сотрудничества. Военная клика не видит ничего выгодного для Японии в таком «гражданском» вмешательстве. Им не приходит в голову, что, в конце концов, для японцев было бы лучше совершить альтруистический поступок. Это старая история, которая встречается везде, с тех пор как стоит мир: «Какая в этом выгода для меня?» Я надеюсь, что еще до конца войны мы сможем довести до сознания каждого отдельного человека, как и до сознания наций, что с чисто эгоистической точки зрения лучше придерживаться широкой и ясной

перспективы, что то, что лучше всего для всех, лучше всего и для одного».

В конце июля президент Вильсон достиг с японцами соглашения, имевшего результатом высадку во Владивостоке незначительных американских сил и некоторого количества японской армии. Цель экспедиции была публично определена с детальной заботливостью государственным департаментом в декларации, к которой полностью присоединилось японское правительство¹.

Декларация государственного департамента

3 августа 1918 г.

«... Военная акция допустима теперь в России только для того, чтобы оказать возможную помощь и защиту чехословакам против вооруженных австрийских и германских пленных, их атаковавших, и чтобы придать стойкость любым попыткам самоуправления и самообороны, при которых сами русские могут согласиться принять поддержку.

Правительство США хочет довести до сведения русского народа наиболее гласно и торжественно, что оно не намеревается затрагивать политический суверенитет России, не желает вмешиваться в ее внутренние дела, даже в местные дела ограниченных областей, занять которые военные силы, возможно, будут вынуждены, и не хочет никакого нарушения территориальной целостности России ни теперь, ни когда-либо позже. Наоборот, правительство США собирается оказывать исключительно такую помощь, которая покажется приемлемой самому русскому народу при его попытках приобрести снова контроль и власть над своими собственными делами, над собственной терри-

¹ Сибирская экспедиция повела к недоразумениям и затруднениям. Американцы предполагали, что каждая нация пошлет отряд в 7 тыс. человек, и были удивлены, узнав, что японские силы значительно превосходят это количество. Обнаружилось, что японцы утверждают, будто американцы нарушили соглашение посылкой 2 тыс. нестроевых вдобавок к 7 тыс. строевых солдат. Точное число отправленных японских войск было неизвестно, но американские власти считали, что их было более 60 тысяч.

ГЛАВА XIII

ей и над своей собственной судьбой. Японское правительство согласно с этим и готово дать такие же гарантии».

В это время ничего не было сказано или сделано в отношении создания экономического комитета помощи, который, как надеялся полковник Хауз, должен был получить особое значение и которому президент Вильсон, судя по его письму от 8 июля, придавал большую ценность. 17 августа президент посетил Хауза на Северном побережье. Полковник записал в свой дневник:

«После завтрака мы совещались, как обычно, час или больше. Мы говорили о России и экономической миссии. Я был удивлен, узнав, что у него нет кого-либо в виду в качестве главы миссии; он просил меня предложить кого-либо. Он думает, что торопиться особенно нечего, так как, по его мнению, военные силы должны отправиться раньше экономической миссии... Я демонстрировал бы сначала экономическую часть интервенции и послал бы ее раньше военной или, во всяком случае, в контакте с ней»¹.

Ни надежды, ни страхи, возбужденные долгими спорами, касающимися интервенции в Сибири, не оправдались. Большевистское правительство резко протестовало против нее, особенно когда Япония продолжала увеличивать свои экспедиционные силы. Но сомнительно, чтобы враждебность большевиков к союзникам стала от этого больше, чем она была бы в любом случае. Экспедиция не бросила Россию в объятия Германии, как опасались, потому что осенью Германия потерпела крах и Брест-Литовский договор был расторгнут. С другой стороны, интервенция в том виде, в каком она была в конце концов проведена, не оказала влияния на военное положение на Западе и даже не усилила позицию союзников против большевиков в следующем году.

Планы сосредоточения в Сибири эффективных экспедиционных сил, способных восстановить военное равновесие в Европе, нуждались бы в чем-то вроде чуда, чтобы привести к успеху. Возражения США против большой и чисто японской армии

¹ План помощи русским в том виде, в каком он был, наконец, осуществлен, был весьма отличен от предложений Хауза относительно экспедиции помощи 1918 г.

РУССКАЯ ЗАГАДКА

в Сибири были непреклонны, даже если бы такая армия могла быть транспортирована через весь величайший континент, чтобы восстановить Восточный фронт против Германии¹. Никаким иным путем цель сибирской интервенции не могла быть осуществлена. Было практически невозможно послать большую американскую армию через Тихий океан и далее в глубь Сибири вдоль единственной коммуникационной линии, начинавшейся во Владивостоке. Не было транспортных судов для перевозки снабжения, потребного для таких сил. Весной 1918 г. все годные американские войска и каждый американский корабль были нужны для подкрепления Франции. Все американские военные руководители, от первого до последнего, протестовали против сверхпрограммной сибирской экспедиции.

Легко критиковать медлительность, колебания и перемену мнений, характеризующие решения, принятые в отношении сибирской политики. Более трудно установить толковую политику, которая при данных условиях могла бы оказаться практически ценной. Не нужно забывать, что в то время, когда союзные руководители встретились с проблемами, порожденными сдачей большевиков Германии, они столкнулись также с военным кризисом на Западном фронте. Дело шло о выигрыше или проигрыше войны.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Первая нота президента Вильсона союзным послам относительно японской экспедиции

[Написана около 28 февраля 1918 г.]

Не послана]

«Правительство США при каждом повороте событий постоянно высказывает мысль, что желанием народа США является, чтобы, сотрудничая со всей энергией с соучастными по войне державами в любом непосредственном военном предприятии, в котором возможно для США принять участие, они

¹ В 1928 г. полковник Хауз писал: «Японцы говорили мне, что для того, чтобы держать Сибирскую железную дорогу открытой, потребовалась бы вся их армия».

ГЛАВА XIII

сами должны были сохранять дипломатическую свободу везде, где возможно так поступить, не будучи несправедливыми к соучастным по войне державам. Именно по этой причине правительство США не считает разумным объединиться с правительствами Антанты в просьбе к японскому правительству выступить в Сибири. Оно не имеет возражений против того, чтобы просьба эта была принесена, и оно готово уверить японское правительство, что оно вполне доверяет ему в том отношении, что, вводя вооруженные силы в Сибирь, Япония действует в качестве союзника России, не имея никакой иной цели, кроме спасения Сибири от вторжения армий Германии и от германских интриг, и с полным желанием предоставить разрешение всех вопросов, которые могут воздействовать на неизменные судьбы Сибири, мирной конференции».

Вторая нота президента Вильсона союзным послам относительно японской экспедиции

5 марта 1918 г.

«Правительство США рассмотрело возможно более тщательно и внимательно условия, в настоящее время преобладающие в Сибири, и возможное их изменение к лучшему. Оно ясно понимает крайнюю опасность анархии, которой подвергаются сибирские области, а также неминуемый риск германского вторжения и установления германского господства.

Оно разделяет вместе с правительствами Антанты взгляд, что если интервенция считается разумной, то японское правительство находится в наилучшем положении, чтобы предпринять ее, и может осуществить ее наиболее действенно. Правительство США имеет, кроме того, величайшее доверие к японскому правительству и было бы всецело готово, поскольку дело касается его собственных чувств по отношению к японскому правительству, поручить предприятие именно ему. Но оно чувствует себя обязанным открыто заявить, что разумность интервенции находится, как ему кажется, под большим сомнением. Если бы она была осуществлена, то правительство США предполагает, что будут даны наиболее определенные гарантии, что

Япония предпримет интервенцию в качестве союзника России, в русских интересах, с единственным намерением защитить ее от Германии и с полным подчинением решениям заключительной мирной конференции. В противном случае центральным державам может показаться и покажется, что Япония поступает на Востоке совершенно так же, как Германия поступает на Западе, и они будут иметь основание бросить союзникам обвинение, подобное тому, которое весь мир должен был поднять против германского вторжения в Россию, хотя Германия оправдывала его под предлогом восстановления порядка.

Мнение правительства США, выраженное с наибольшим уважением, состоит в том, что даже с такими гарантиями Япония может быть подобным же способом дискредитирована теми, в чьих интересах будет лежать ее дискредитирование, так как чувство негодования будет всеобщим в самой России, а также тем, что все выступление может дать оружие в руки врагов России и особенно в руки врагов русской революции, к которой правительство США проявляет величайшую симпатию, вопреки всем неудачам и несчастьям, явившимся некоторое время назад ее результатом. Правительство США просит еще раз выразить японскому правительству чувства его горячей дружбы и доверия и еще раз просит его принять выраженные в этой ноте суждения как высказанные только из искренней дружбы».

Обращение президента Вильсона к съезду Советов

11 марта 1918 г.

«Я не могу не воспользоваться заседанием съезда Советов, чтобы высказать искреннюю симпатию, которую чувствует народ США к русскому народу в тот момент, когда германская мощь нанесла ему удар с целью помешать его борьбе за свободу и отбросить его к былому, заменив цели русского народа приказами Германии.

Хотя правительство США, к несчастью, не в состоянии сейчас оказать непосредственную и эффективную помощь, которую оно желало бы оказать, я прошу через посредство Съезда заверить русский народ, что США воспользуются каждым благопри-

ГЛАВА XIII

ятым случаем, чтобы обеспечить России снова полный суверенитет и независимость в ее внутренних делах и полное восстановление ее великой роли в жизни Европы и современного мира.

Все чувства народа США находятся на стороне русского народа в момент его попытки освободиться навсегда от самодержавного режима и стать хозяином своей собственной жизни».

Ответ съезда Советов

15 марта 1918 г.

«... Российская советская республика пользуется обращением к ней президента Вильсона, чтобы выразить всем народам, гибнущим и страдающим от ужасов империалистической войны, свое горячее сочувствие и твердую уверенность, что недалеко то счастливое время, когда трудящиеся массы всех буржуазных стран свергнут иго капитала и установят социалистическое устройство общества, единственно способное обеспечить прочный и справедливый мир, а равно культуру и благосостояние всех трудящихся».

Каблограмма Уайзмэна Хаузу

Лондон, 1 мая 1918 г.

«Союзникам открыты четыре пути:

1. Не предпринимать ничего и ждать развития событий. Во-первых, это позволит немцам перебросить больше войск и орудий с Восточного фронта; во-вторых, это позволит германцам организовать Россию политически и экономически для собственной выгоды и даст им бесспорный доступ к зерну, нефти, богатым запасам Сибири и к ценным залежам металлов на Урале. Это позволит им также поддерживать нравственный дух австрийцев, говоря им, что война на Востоке кончена и что им остается только помочь Германии на Западе, чтобы обеспечить полную победу немцев.

2. Союзная интервенция по приглашению большевиков. Это, вероятно, было бы наиболее желательным путем: различ-

ные союзные миссии могут прибыть через Архангельск и южную Россию, придавая всему предприятию характер межсоюзного движения, а не только японского. Из Владивостока придут главные военные силы, состоящие в первую очередь из пяти японских дивизий, сопровождаемых союзными миссиями и некоторым количеством союзных войск, за которыми последуют значительно большие японские силы. Они встретят большевистские войска, которые они помогут организовать, и смогут, что вполне мыслимо, легко проникнуть к Челябинску в качестве первого этапа операции. Это закрыло бы немцам все сибирские ресурсы и грозило бы воссозданием грозного Восточного фронта.

Подобная программа, однако, зависит от приглашения со стороны Троцкого, а я начинаю сомневаться, осуществимо ли это. Если бы Троцкий призвал союзных интервентов, то германцы сочли бы это враждебным актом и, вероятно, заставили бы правительство покинуть Москву и Петроград. С потерей этих центров, как можно вполне предполагать, большевистское влияние в России было бы полностью разрушено. Никто не знает этого лучше, чем Троцкий, и по этой причине он, вероятно, и колеблется. Единственным шансом было бы, если бы Троцкий был подготовлен отказаться от Москвы и отступить вдоль Сибирской железной дороги, чтобы встретить союзные силы, призывая всех лояльных русских примкнуть к нему и спасти революцию от реакционных германских интриг.

3. Если мы решим, что Троцкий не хочет или не может пригласить нас, то мы можем призвать Керенского и других деятелей первоначальной республиканской революции, побудить их образовать правительственный комитет в Маньчжурии и делать то, чего Троцкий не пожелал бы сделать. Многие думают, что это было бы сигналом для восстания всех элементов, составляющих лучшую часть России¹. Это имело бы то

¹ Это мнение ни в коем случае не было всеобщим среди американских наблюдателей. Артур Булэр телеграфировал Хаузу: «Носится слух, что Керенский тренируется для роли Венизелоса. Я надеюсь, что нет. Оппозиция против человека, который уже обманул великие надежды, несомненно, сильна. Слепой конь лучше дохлого».

ГЛАВА XIV

преимущество, что Керенский хорошо известен правительству, и мы могли бы иметь с ним дело через посредство его послов как в Вашингтоне, так и везде.

4. Единственной другой схемой является схема союзной интервенции без приглашения от какой-либо русской партии и, возможно, против желания большевиков. Она упорно защищается нашими и французскими военными, но, конечно, имеет свои отрицательные стороны.

Несомненно, что ничего не может быть сделано без чисто-сердечного сотрудничества президента. Мне кажется, что японцы находятся под влиянием двух соображений: во-первых, они искренне опасаются германского преобладания в Сибири, действительно угрожающего их положению на Дальнем Востоке. Точно так же сильная партия в Японии фактически хочет внести свою долю в дело помощи союзникам и видит в японском продвижении в направлении Восточного фронта благоприятный для Японии случай принять славное участие в мировой войне. Далеко смотрящие японские государственные деятели предвидят также благоприятный случай для дружественного сотрудничества с Америкой, которое может далеко повести в направлении разрешения японо-американской проблемы».

ГЛАВА XIV

СИЛА БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЯ, БЕЗ ПРЕДЕЛА!

Существует большая опасность, что война будет проиграна, если численное превосходство союзников не сможет быть восстановлено возможно скорее прибытием американских войск.

*Из телеграммы Клемансо, Ллойд Джорджа
и Орландо от 1 июня 1918 г.*

1

В течение всей весны 1918 г. успех, как политический, так и военный, перешел, казалось, на сторону центральных держав. Они сделали ясным положение на Восточном фронте,

СИЛА БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЯ, БЕЗ ПРЕДЕЛА!

принудив к сдаче Россию и Румынию, и установили свою власть в их пограничных областях. Австро-Венгрия признала германское господство в новом военном договоре, существенная статья которого предусматривала использование войск «согласно общему принципу, инициатива применения которого будет предоставлена Германии». Правительства Берлина и Вены, престиж которых был восстановлен успехом на Востоке, подавляли недовольные элементы внутри своих стран и готовились к величайшему напряжению на Западе.

Чтобы выдержать эту неминуемую и грозную атаку, союзные державы Антанты нуждались в дипломатическом и военном единстве. До сих пор, как обнаружил полковник Хауз во время межсоюзной конференции прошлой осенью, они не имели фактической согласованности политики в отношении врага. Правительства Франции и Италии, а в меньшей степени и Великобритании питали в глубине сердца некоторое подозрение к плану президента Вильсона относительно апелляции к германскому народу против его собственного правительства. Они считали трудным сделать самим какое-либо различие и опасались, как бы выражение дружественных чувств к германскому народу не ослабило боевой дух союзников. Успех зависел от создания фактического единства цели между США и Антантой.

Желательное единство цели США и союзников было достигнуто, по крайней мере временно, благодаря перемене политики Вильсона, последовавшей после германских военных и дипломатических весенних успехов. Сущностью речей Вильсона была «война против германских империалистов, мир с германскими либералами», и до сих пор он упирал главным образом на ту пользу, которую извлекут либералы, отделив свою судьбу от судьбы Людендорфа и приняв условия, которые он предлагал. Но в марте 1918 г. было, очевидно, бесполезно обращаться в примирительном тоне к германским социал-демократам, когда Людендорф, уже одержавший успех на Востоке, мог обещать им победой на Западе даже еще большие выгоды. Союзники должны были убедить их, что Людендорф ошибается, а единственный метод убеждения,

при данном положении дел состоял в том, чтобы нанести Людендорфу поражение на поле сражения. Как телеграфировал Аккерман из Берна полковнику Хаузу: «Начиная с сегодняшнего дня наибольший упор должен быть сделан на нашу решительность. Чем большую силу показываем мы и наши союзники, тем больше будет реагировать народ Германии на потери от наступления, на недостаток продовольствия, на политические несогласия. Если мы покажемся утомленными или склонными к миру, то хотя бы Германия и была тоже истощена, она не будет реагировать на свою нужду».

Таково же было и неподдельное убеждение руководителей союзников, и, как только Вильсон принял подобный тон, он оказался в полном созвучии с ними, как и с большинством людей, изучающих психологию германской политики. Его прежние заявления относительно благоприятных условий мира для Германии, готовой отречься от Людендорфа и всего того, символом чего он являлся, не были забыты и должны были в дальнейшем принести плоды. Но весной 1918 г. наиболее здоровой политической стратегией было повторять все снова о невозможности мира с правительством, вынудившим подписание Брест-Литовского договора.

Президент Вильсон решил, очевидно, принять эту стратегию немедленно после подписания мирного договора русскими. Его решение было подкреплено известиями о мартовских германских победах на Западном фронте. Это был момент, когда моральная помощь Америки была важна в той же степени, как и материальная. Полковник Хауз провел в Вашингтоне неделю, в течение которой Вильсон готовил речь, предназначенную для того, чтобы показать союзникам, так же как Германии, твердую решимость Америки поддерживать союзников и сражаться до победного конца. Дневник Хауза сообщает вкратце о составлении речи.

Речь Вильсона от 6 апреля, несмотря на ее краткость, была наиболее действенным обвинительным актом против германских военных руководителей за все время войны. Их обращение с Россией доказало окончательно лживость открыто высказанного ими желания заключить справедливый мир и дать

СИЛА БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЯ, БЕЗ ПРЕДЕЛА!

народам, с судьбами которых они имели дело, право выбирать свою государственную принадлежность.

«Настало действительное испытание их справедливости и честности их игры, — сказал Вильсон. — По Брестскому миру мы можем судить об остальном. Их прекрасные заявления забыты. Они нигде не создали справедливых условий, они везде наложили ярмо своей власти и готовы эксплуатировать все, что возможно, для своей собственной пользы и возвышения, а сами приглашают народы завоеванных областей быть свободными под таким владычеством...

Я не хочу, даже в этот момент крайнего разочарования, судить жестоко и несправедливо. Я осуждаю только то, что германское оружие уже совершило с беспощадной основательностью во всех прекрасных областях, затронутых германским нашествием.

Что же должны мы в таком случае делать? Что касается меня, то я готов, по-прежнему готов, готов даже сейчас, обсуждать справедливый и честный мир, если он искренне предложен, обсуждать мир, при котором и сильный и слабый будут равны. Но, когда я предложил такой мир, мне ответили германские командиры в России, и я не могу ошибиться в значении их ответа.

Я принимаю вызов... Германия еще раз сказала, что сила, и только сила решит вопрос о том, будут ли справедливость и мир управлять делами людей, будет ли право, в том смысле, в котором представляет его себе Америка, или владычество, в том смысле, как его понимает Германия, определять судьбы человеческого рода. Мы имеем, следовательно, только один возможный ответ: сила, сила, до крайних возможностей, сила без ограничения, без предела, справедливая и торжественная сила, которая сделает право законом мира и повергнет в прах любое себялюбивое господство!»

2

Между Америкой и союзниками существовало единодушие. Они хотели противопоставить силе силу, и, как только

человеческие ресурсы Америки были подготовлены, не было сомнения в исходе войны. Но до тех пор имелась серьезная опасность, как бы Германия, собрав на Западном фронте превосходные силы, не истощила союзные резервы, не разделила французскую и английскую армии и не нанесла им порознь подавляющее поражение. Между Людендорфом и войсками США возникло состязание.

Нужда в американских человеческих ресурсах была подчеркнута на межсоюзной конференции в Париже в ноябре 1917 г. Военные руководители Антанты предложили тогда Хаузу: вместо того чтобы ждать образования вполне организованной и независимой американской армии, генерал Першинг должен разрешить своим солдатам вступать в индивидуальном порядке или небольшими единицами в британскую и французскую армии. Хауз напомнил об этом плане Вильсону, который внимательно обсуждал с ним характер просьб, высказанных союзниками во время ноябрьской конференции. Президент был готов сделать все, что в его власти, чтобы пойти навстречу желаниям союзников, но в то же самое время он никогда не колебался в своем решении, что командующий американскими экспедиционными силами должен иметь полную свободу действий и поступать согласно своему собственному военному суждению. Продолжая свои разговоры с Хаузом о военной политике, президент послал каблогранму с инструкциями, первый набросок которой он составил с Хаузом. Это была в существенных чертах та самая каблогранма, которая в конце концов была послана военным секретарем и весьма ясно выражала точку зрения Вильсона.

Набросок каблогранмы командующему американскими экспедиционными силами

Вашингтон, 18 декабря 1917 г.

«Как англичане, так и французы настаивают перед президентом на своем желании, чтобы наши войска были смешаны с их войсками путем включения в их войска наших полков

СИЛА БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЯ, БЕЗ ПРЕДЕЛА!

и рот, и выражают уверенность в неминуемом бурном натиске немцев где-нибудь на линии Западного фронта. Мы не желаем терять индивидуальности наших войск, но все же сочтем чем-то второстепенным, если вы, столкнувшись с критическим положением, используете войска, находящиеся под вашей командой, наиболее полезным из возможных способом... Президент, однако, хочет, чтобы вы имели полную власть использовать войска, состоящие под вашей командой, так, как вы считаете разумным их использовать, поддерживая контакт с французским и британским главнокомандующими. Мы предлагаем вам рассмотреть вопрос о том, чтобы места расположения ваших войск были выбраны возможно ближе к стыку британских и французских линий, что позволило бы вам бросать ваши силы в том направлении, в каком это покажется наиболее необходимым. Мы не навязываем вам, однако, издали наших предложений, как бы вы их ни оценили: единственной целью президента является познакомить вас с представлениями, сделанными нам, и уполномочить вас действовать с полной свободой для отдачи наилучших распоряжений и для использования ваших войск так, чтобы не терять из виду выполнение главной цели.

Можно надеяться, что полное единство и согласованность действий могут быть обеспечены посредством ваших совещаний с французскими и британскими командирами...»

Различие точек зрения между французским и британским главнокомандующими и американским главнокомандующим во Франции имело существенный характер. Первые хотели использовать американские войска в качестве резервуара, пополняя оттуда свои потери и давая таким образом американцам непосредственный опыт на боевом фронте в окружении ветеранов, причем они смотрели на это как на быстрейший и наиболее действенный способ обучения. Подобный метод помешал бы созданию американской армии во Франции, но, по мнению военных руководителей Антанты, это был метод, посредством которого США могли оказать самую большую и притом самую скорую помощь. Доклад, посланный Фрэйзиром полковнику Хаузу с заседания Верховного военного сове-

та в Версале 30 января, не оставляет сомнения относительно взглядов союзников.

«Генерал Фош, генерал Петэн и генерал Хэйг, — писал Фрэйзир, — согласны, что американские вооруженные силы, если взять их как автономную единицу, не могут учитываться в течение этого года в качестве эффективной помощи и что единственный метод, с помощью которого можно их сделать полезными возможно скорее, состоял бы в том, чтобы включить американские полки или батальоны во французские и британские дивизии. Генерал Петэн был особенно откровенен по этому вопросу. Итальянский премьер-министр заявил, что, по его мнению, совет должен просить генерала Блисса узнать, будет ли американское правительство согласно или не согласно принять такую систему перемешивания».

Командующий американскими экспедиционными силами, естественно, занял противоположную позицию. Он указывал, что национальное чувство США было против службы под иностранным знаменем. Предложенный метод имел бы также и неблагоприятные моральные последствия в США, где он вызвал бы критику правительства и сыграл бы на руку германским пропагандистам, которые объявляли бы, что американские войска используются союзниками для их собственных целей. Более того, боевой энтузиазм американских войск зависит, очевидно, в значительной степени от того, что они служат под своими знаменами.

Компромисс, упоминаемый Тардые в каблограмме, был в принципе предложен Верховному военному совету американцами и по необходимости принят Антантой. Согласно достигнутому тогда соглашению, пехота шести американских дивизий должна была быть немедленно переброшена и соединена побригадно с британскими или французскими войсками; соглашение ясно устанавливало, что принцип самостоятельной американской армии оставался в силе.

«Президент пожелал видеть Уайзмэна, — записал Хауз 3 февраля в свой дневник, — для того чтобы поднять вопрос об использовании наших войск во французской и британской армиях. Бальфур сам по себе прислал каблограмму относитель-

СИЛА БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЯ, БЕЗ ПРЕДЕЛА!

но этого предмета, и Першинг поступил так же. Каблограмма сэра Уильяма мистеру Бальфуру, прилагаемая в копии, объяснит позицию Бальфура».

Каблограмма Бальфура Хаузу

Лондон, 7 февраля 1918 г.

«Разрешите выразить президенту мою благодарность за изложение его взглядов относительно распоряжения американскими войсками на фронте. Я высоко ценю откровенность этого сообщения, и я ни одну минуту не сомневался, что побуждениями являются как в этом, так и во всех других случаях исключительно соображения об общем благе.

Если говорить обо мне, то я придаю величайший вес его доводам. Американские солдаты должны чувствовать, что они принадлежат к американской армии, сражающейся под американским знаменем. Только при таких условиях смогут получиться наилучшие результаты, и лишь при них солдаты могут рассчитывать на восторженную поддержку американского народа. Я знаю, что на этих взглядах твердо настаивал генерал Першинг в Версале, но я понимал так, что там были сделаны предложения, которые, по его мнению, дали бы небольшим американским единицам возможность обучаться и, если бы нужда приняла значительные размеры, сражаться в ближайшем будущем вместе с британскими и французскими войсками без того, чтобы это препятствовало созданию большой американской армии или замедляло бы его. Таким образом, скорая и весьма необходимая помощь была бы оказана нам на Западном фронте без того, чтобы были созданы помехи осуществлению вполне правильных американских идеалов.

Надеюсь, что я прав. Я должен прибавить, что я всецело к услугам президента, если могу сделать что-либо, могущее помочь улучшению сложившегося положения.

Бальфур».

Французские и британские командиры ни в коем случае не были удовлетворены компромиссом, предложенным амери-

канцами, но они приняли его, не показывая никакого недовольства.

3

Наиболее интересным результатом январского заседания Верховного военного совета был план управления общим резервом; он воплощал в себе усилие сделать Верховный военный совет реальным фактором согласования военных действий на Западном фронте. Нужно вспомнить, что во время Парижской конференции Хауз договорился с Клемансо о том, что военные советники должны образовать комитет по согласованию военных действий и что председатель этого комитета должен обладать исполнительной властью. Англичане стали против этого возражать, так как это было нарушением соглашения в Рапалло и было близко к тому, чтобы сделать из председателя совета генералиссимуса.

В январе генералом Фошем и сэром Генри Вильсоном был развит новый план, предусматривавший больший объем согласованности. Принимая во внимание, что союзники решили придерживаться обороны до тех пор, пока американские войска не сосредоточат свои силы, генералы Фош и Вильсон планировали создание общего резерва, извлеченного из состава всех союзных армий, под командой военных советников Верховного военного совета. Последний должен был образовывать для этой цели исполнительный военный комитет, который мог бы бросать подкрепления к любому пункту, атакованному Людендорфом. Если бы германцы отбросили назад британцев или французов, то, совершая это, они подставили бы свой открытый и неохраемый фланг, против которого и могли быть брошены резервы союзников. Это была, в сущности говоря, стратегия, примененная Фошем в его июльской контратаке, в этом первом шаге к победе. План оставлял британскому и французскому главнокомандующим верховное командование над их армиями боевого фронта, но создавал власть выше главнокомандующего, чтобы распоряжаться резервом. План был уязвим для критики в том отношении, что

СИЛА БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЯ, БЕЗ ПРЕДЕЛА!

он разделял силы и передавал распоряжение резервом в руки комитета. Но комитет в том виде, который был ему придан, выражал военные способности Фоша и был свободен от опасной заботы каждого главнокомандующего, как спасти его собственную армию, когда она атакована.

План был одобрен Верховным военным советом на его январском заседании и получил восторженное одобрение как Першинга, так и Блисса, который считал его лучшей пригодной заменой генералиссимуса. Французский и британский главнокомандующие присутствовали на заседании совета, на котором был создан исполнительный военный комитет и общий резерв, и, казалось, были согласны с этими мероприятиями. Тем не менее, когда их попросили внести свою долю в общий резерв, сэр Дуглас Хэйг по прошествии почти месяца ответил, что в его распоряжении нет свободных дивизий. Им и генералом Петэном был набросан новый план сопротивления германским атакам. Резерв не был образован, власть исполнительного военного комитета исчезла (ее некому было осуществлять), и план обороны Фоша был разбит вдребезги.

Дело военных экспертов решать, был ли Хэйг недостаточно снабжен войсками, принимая во внимание длину его оборонительных линий, и был ли оправдан этим обстоятельством его отказ от сотрудничества с планом Фоша. Является также вопросом, оправдал ли бы этот план, если бы он был действительно выполнен, надежды военных членов Верховного военного совета. Несомненно, однако, что план Хэйга и Петэна не соответствовал данным обстоятельствам, так как, когда германцы атаковали 21 марта (и вдобавок в пункте, указанном исполнительным военным комитетом), они прорвали фронт союзников и уничтожили пятую британскую армию. Менее чем через неделю они угрожали взятием Амьена и окончательным разделением британской и французской армий.

Ужас, охвативший армии Антанты, привел их к спасению. Стало ясно, что если военное единство союзников не будет установлено немедленно, то Германия сможет победить союзников каждого в отдельности. Германская победа была главным

образом результатом необъединенных действий и такого же сосредоточения сил. В течение недели, следовавшей за 21 марта, 100 германских дивизий действовали против 35 английских и только 15 французских дивизий. Вывод был ясен: союзники должны были обеспечить единство командования.

Андре Тардье, стоявший близко к Клемансо, рисует французского премьер-министра так, точно он всегда работал над созданием верховного командования и никогда не сомневался в том, кому его поручить.

«Как только он взял бразды правления, в ноябре 1917 г., Клемансо начал работать, чтобы добиться большего и лучшего [чем Верховный военный совет]. Я информировал его, что он может рассчитывать на помощь президента Вильсона. С другой стороны, оппозиция в Лондоне проявлялась по-прежнему, и когда во время краткого пребывания в Париже в конце 1917 г. я публично заявил, что американское и французское правительства согласны относительно необходимости единого командования, то многие английские газеты протестовали. Накануне моего отъезда в Нью-Йорк, 30 декабря 1917 г., я имел последний разговор с Клемансо. Я сказал ему:

«Американцы начнут со мной разговор относительно единства командования. Я не сомневаюсь, что они спросят меня: «Кого назначить?» «Кого должен я назвать?»»

Клемансо ответил: «Фоша»¹.

26 марта в Дулансе новый английский военный министр лорд Милнер, представлявший Англию, сопровождаемый высшими генералами английской армии, встретился с Пуанкарэ, Клемансо и руководителями французской армии². Было решено, что «генералу Фошу поручается британским и французским правительствами согласование действий союзных армий на Западном фронте». В течение почти месяца он был принужден разрешать задачу «более переговорами, чем ко-

¹ Tardieu, Truth about the Treaty, p. 37.

² Фельдмаршал Хэйг согласился, что он был бы рад получить совет генерала Фоша.

СИЛА БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЯ, БЕЗ ПРЕДЕЛА!

мандой», но начиная с этого момента власть над всеми силами Запада была в его руках. Началась новая эра¹.

Тем временем мистер Бальфур прислал Хаузу каблограмму, прося его убедить президента в необходимости посылки американских войск. Не было ли бы возможным для США увеличить количество погрузок и отправлять в течение четырех месяцев по 120 тыс. человек в месяц? Лорд Рединг также представил Хаузу содержание длинной каблограммы, полученной им от британского премьер-министра и подчеркивавшей непосредственную важность американских человеческих ресурсов.

Каблограмма Бальфура Хаузу

Лондон, 26 марта 1918 г.

«Премьер-министр и я видели сегодня утром мистера Бэйкера² и старались серьезно воздействовать на него, настаивая на получении от соответствующих властей согласия в отношении следующих предложений:

Первое. Четыре американские дивизии должны быть немедленно использованы для удержания наших укрепленных линий и оказания, кроме того, помощи французским дивизиям.

Второе. Мы согласились, что имеется транспорт для перевозки сюда шести полных американских дивизий. Мы твердо настаивали, чтобы при настоящем кризисе этот тоннаж был использован более продуктивно, с тем чтобы он не расходовался на перевозку полных дивизий со всем комплектом их артиллерии и т. д., а главным образом для перевозки пехоты, в которой мы в данный момент больше всего нуждаемся.

¹ В Бовэ 3 апреля Фошу была дана грамота на фактическое командование: «стратегическое направление военных операций». Но главнокомандующим армиями было оставлено управление «тактическим руководством их армий» с правом апелляции к их соответствующим правительствам. Не ранее 24 апреля Фош получил «верховное командование армиями союзников».

² Секретарь Бэйкер провел несколько недель во Франции и Англии, инспектируя войска.

ГЛАВА XIV

Третье. Так как временно командированные американские инженерные бригады во Франции заняты теперь подготовкой базы и путей сообщения для будущей американской армии и имеют в своем составе много искусных инженеров, то они должны быть отвлечены от их теперешнего занятия и использованы в качестве импровизированных инженерных бригад для строительства укреплений и т. д. в тылу наших армий.

Четвертое. Каждая из перевезенных американских дивизий, об окончании перевозки которой будет донесено, должна также использоваться на фронте или как отдельная дивизия, или для увеличения пехотного состава сражающихся дивизий.

Бальфур».

4

Мартовский кризис побудил генерала Першинга отправиться без промедления в главную квартиру генерала Фоша и предоставить в его распоряжение все американские войска, готовые к сражению. Приблизительно 300 тыс. человек достигли к этому времени Франции. Принятие этого предложения означало рассеивание этих войск вдоль союзного фронта и вытекающую отсюда отсрочку в деле создания собственной американской армии в Лотарингии, если бы даже Першинг предполагал держать свои дивизии объединенными.

Кроме того, 27 марта Верховный военный совет принял, с одобрения американцев, следующую резолюцию, предусматривавшую временное сведение американских войск в бригады вместе с союзными единицами, хотя резолюция подчеркивала также принцип независимой американской армии. Она была принята Першингом.

Резолюция Верховного военного совета

«Военные представители придерживаются мнения, что весьма желательно, чтобы американское правительство оказало союзным армиям помощь в возможно скором времени,

СИЛА БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЯ, БЕЗ ПРЕДЕЛА!

разрешая принципиально временную службу американских единиц в союзных армейских корпусах и дивизиях. Такие подкрепления должны быть, однако, взяты из других единиц, а не из тех американских дивизий, которые сейчас оперируют вместе с французами, и, кроме того, единицы, временно таким образом используемые, должны быть в соответствующем случае возвращены американской армии.

Военные представители придерживаются того мнения, что во исполнение вышестоящего решения, начиная с настоящего времени и до тех пор, пока не последует других указаний со стороны Верховного военного совета, во Францию должна доставляться только американская пехота и пулеметные отделения, организованные так, как решит правительство, и что все соглашения или конвенции, до сих пор заключенные и противоречащие этому решению, должны быть изменены и приведены в согласие с ним».

В связи с обещанием президента Вильсона, что США будут грузить по 120 тыс. солдат в месяц в течение четырех месяцев, руководители союзников придавали этой резолюции такое значение, как будто все американские войска, перевозимые в течение ближайших четырех месяцев, должны состоять из пехоты и пулеметчиков и должны сводиться побригадно с союзными войсками. Генерал Першинг, однако, не соглашался с этим. Он был всегда тверд в своих настояниях на необходимости создания в возможно скором времени американской армии, и в то же время он считал, что 60 тыс. человек, для которых англичане обещали найти средства перевозки, могут быть сведены побригадно. По его мнению, соглашение позволяло ему использовать излишний тоннаж сверх 60 тыс. для комплектных американских дивизий. 9 апреля лорд Рединг, только что получивший длинную каблогранму от своего правительства, сообщил полковнику Хаузу ее содержание и просил его о совете относительно того, каким образом разрешить недоразумение с американским правительством.

«Ясно, — сказал он Хаузу, — что взгляды, которых придерживается генерал Першинг, ни в коем случае не соответствуют широким задачам политики, установленной, насколько мы

понимаем, президентом. Главным пунктом несогласия является то обстоятельство, что, по нашему мнению, нам обещано, что в течение четырех месяцев: апреля, мая, июня и июля, должны быть сведены побригадно с британскими и французскими войсками 480 тыс. человек пехоты и пулеметчиков. Это обязательство не признается генералом Першингом, который не одобряет принятия такой политики.

Следующее, и меньшее, несогласие состоит в том, что британское правительство, до сих пор вполне согласное с генералом Першингом относительно конечного отозвания войск, сведенных в бригады с британцами и французами, необходимых для образования американской армии, теперь полагает, что этот процесс не может и не должен начаться ранее октября или ноября, около конца сезона активных военных операций этого года.

Президент показал, что он столь надежно владеет положением, что мы не имеем охоты создавать ему какое-либо возможное затруднение... Весьма существенно, однако, чтобы вопрос был выяснен, так как повторные указания на различие между точкой зрения генерала Першинга и тем, что мы считаем политикой, установленной президентом, показывают, что эти различия коренной важности и оказывают непосредственное влияние на исход всей войны».

«Я посоветовал Редингу, — писал Хауз в своем дневнике, — не просить свидания с президентом до завтра и не встречаться с ним до тех пор, пока он не получит от меня письма, которое будет сегодня мной написано». Хауз сочувствовал и руководителям союзников, и Першингу. «Чувство Першинга, — писал он президенту, — что американская армия под его командой должна быть создана и сделана возможно более грозной, вполне понятно. Тем не менее дело идет сейчас о том, чтобы остановить германцев, а чтобы остановить их, мы должны, очевидно, ввести в бой каждого пригодного солдата». Единственный способ удовлетворить обе стороны состоял в том, чтобы увеличить количество погружаемых войск даже выше предположенных 120 тыс. Прежде чем прийти к решению, необходимо было дожидаться прибытия секретаря Бэйкера, который находился во Франции и мог авторитетно доложить о тамошних

СИЛА БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЯ, БЕЗ ПРЕДЕЛА!

условиях. Пока же все приготовления к перевозке американских войск должны были ускориться.

19 апреля посол Рединг вручил другой меморандум. Меморандум снова повторял обещание о перевозке 120 тыс. и подразумевал, что они будут состоять из пехоты и пулеметчиков. Он заявлял, однако, что эти войска «предназначены для обучения под управлением и по усмотрению генерала Першинга и будут использоваться вместе с британскими, французскими и американскими дивизиями, когда этого будет время от времени требовать трудности положения».

Командующему американскими экспедиционными силами предоставлялась, таким образом, свобода распоряжаться своими войсками так, как он считал лучшим. Если бы предоставляемый тоннаж мог быть увеличен и в Европу было бы перевезено большее количество войск, то тогда было бы возможно для него предоставить 120 тыс. человек для создания сводных бригад и использовать излишек для образования самостоятельной американской армии. Это была именно та возможность, которая, по мнению полковника Хауза, должна была привести к разрешению проблемы.

Ни британцы, ни французы не были удовлетворены, однако, и дальнейшие переговоры и попытки соглашения между их военными руководителями и Першингом не могли убедить их в справедливости его позиции. На конференции в Аббевиле в начале мая он предложил шесть дивизий пехоты и пулеметчиков в месяц при условии, что количество транспортных судов будет увеличено, но он настаивал, что излишек тоннажа должен быть предоставлен для перевозки артиллерии и вспомогательных родов оружия, необходимых для укомплектования американских дивизий. Кроме того, он соглашался оставить свои шесть дивизий у фельдмаршала Хэйга только до тех пор, «пока продолжают-ся чрезвычайные обстоятельства». Это позволило бы ему позднее отозвать дивизии, когда он сочтет, что чрезвычайных обстоятельств больше нет¹.

¹ Как оказалось, генерал Першинг уже в начале августа попросил о возвращении американских дивизий, чтобы образовать первую американскую армию.

ГЛАВА XIV

Генерал Фош и военные представители Верховного военного совета, конечно, не одобряли этого соглашения. Они были убеждены, что для предупреждения угрожающей опасности истощения германцами союзных резервов и чтобы иметь эти резервы в своем распоряжении в июле и августе, весь возможный тоннаж торгового флота вплоть до последней тонны должен быть использован для перевозки американской пехоты и пулеметчиков.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 20 мая 1918 г.

«Дорогой начальник!

Сегодня утром Рединг завтракал со мной. Он только что вернулся из Оттавы. Он получил каблогранму от премьер-министра с предложением повидать вас и просить, чтобы вы послали меня или кого-нибудь другого представлять гражданскую часть нашего правительства на ближайшем заседании Верховного военного совета.

Это заседание должно состояться 1 июня, но он думает, что оно может быть отложено на несколько дней, если я смогу выехать через день или два... Ллойд Джордж добивается чего-то вроде отмены решения Першинга. Они, вероятно, намереваются снова поднять тот же старый вопрос...

Мы оба думаем, что все, что предполагается проделать на этом ближайшем заседании, займет достаточно времени, чтобы успеть получить каблогранму непосредственно от вас, в случае если будет необходимо разрешить какое-либо несогласие, могущее возникнуть между ними и Першингом. Будьте уверены, что я вполне готов отправиться сейчас или в любое другое время, когда я, по вашему мнению, должен отправиться. Мы думаем, однако, что было бы гораздо лучше для меня отправиться позднее, возможно в сентябре или октябре, если вы считаете, что мне вообще нужно ехать.

Любящий вас Э. М. Хауз».

22 мая лорд Рединг испросил аудиенцию у президента Вильсона, на которой он представил предложение Ллойд Джорджа

СИЛА БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЯ, БЕЗ ПРЕДЕЛА!

относительно посылки в Европу американского политического представителя для участия в заседании Верховного военного совета, и, получив разрешение говорить с полной искренностью, сказал, что британцы и французы хотели бы видеть представителем полковника Хауза. Президент ответил, что если бы он послал представителя, то это был бы Хауз, но что он согласен с Хаузом, что было бы неуместно посылать его в настоящее время.

5

Под натиском необходимости средства находятся. Если союзники хотели иметь американскую пехоту и пулеметчиков, они должны были найти потребный для этого транспортный флот, так же как и для перевозки единиц, необходимых для укомплектования американских дивизий и для создания отдельной американской армии. 5 июня Першинг, Фош и Милнер достигли соглашения.

Было предположено, что не менее 250 тыс. американских солдат в месяц должны перевозиться в июне и в июле. В июне 170 тыс. из них должны быть строевыми войсками (что составляло 6 дивизий, за вычетом артиллерии, амуниционных парков и обозных частей). В июле, как сказано, должен был иметься абсолютный приоритет 140 тыс. строевых войск. Остальные из каждых 250 тыс. должны были составлять войска, принадлежащие к категориям, указанным американским командующим генералом во Франции. Если бы соглашение было осуществлено, то союзники должны были иметь в своем распоряжении количество пехоты и пулеметчиков, далеко превосходящее то, о котором они просили и на которое они надеялись в марте, после германского наступления, и, кроме того, генерал Першинг был бы в состоянии приступить к созданию американской армии.

Премьер-министры Франции, Великобритании и Италии утверждали, что только с помощью таким образом осуществленных мероприятий возможно было с некоторой уверенностью предотвратить германскую победу до конца лета, и они телеграфировали непосредственно Вильсону, чтобы удостовериться, что обещание Першинга понято в Вашингтоне и что

ГЛАВА XIV

правительство готово выполнить его до конца. Вильсон ответил обещанием полной поддержки, окончательно соглашаясь довести армию во Франции до 100 дивизий.

Каблограмма трех премьер-министров

Версаль, 1 июня 1918 г.

«Мы желаем высказать президенту нашу самую теплую благодарность за примечательную быстроту, с которой американская помощь, превышающая помощь, казавшуюся возможной некоторое время назад, была оказана союзникам в течение последнего месяца, чтобы отразить великую опасность. Кризис, однако, по-прежнему продолжается. Генерал Фош представил нам доклад величайшей важности, который подчеркивает, что численное превосходство врага во Франции, где 162 союзным дивизиям противостоят теперь 200 германских дивизий, весьма велико и что, так как у британцев и французов не имеется возможности увеличить число своих дивизий (наоборот, они прилагают все усилия, чтобы поддержать их число), существует большая опасность, что война будет проиграна, если численное превосходство союзников не сможет быть восстановлено возможно скорее прибытием американских войск. Генерал Фош настаивает поэтому с крайней категоричностью на том, чтобы максимально возможное количество пехоты и пулеметов, недостаток в которых на стороне союзников наиболее заметен, непрерывно погружалось в Америке в июне и в июле для предотвращения непосредственной опасности поражения союзников в настоящей кампании, вследствие того, что резервы союзников будут истощены ранее резервов врага.

В добавление к этому, заглядывая в будущее, генерал Фош указывает, что невозможно предвидеть окончательную победу в этой войне, если Америка окажется не в состоянии обеспечить создание такой армии, которая даст союзникам возможность окончательно установить необходимое численное превосходство. Он считает, что в общем потребные для этого американские силы должны составлять не менее 100 дивизий, и настаивает на непрерывном увеличении новых американских наборов, кото-

СИЛА БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЯ, БЕЗ ПРЕДЕЛА!

рые, по его мнению, должны достигать не менее 300 тыс. человек в месяц, имея в виду доведение общей численности американской армии до 100 дивизий, и притом в кратчайший срок.

Мы удовлетворены тем, что генерал Фош, который руководит настоящей кампанией с присущим ему талантом, к военному суждению которого мы продолжаем питать абсолютное доверие, не переоценивает нужд положения, и мы уверены, что правительство США сделает все, что может быть сделано как для того, чтобы пополнить недостаток в настоящее время, так и для того, чтобы продолжать беспрерывно новые наборы в расчете обеспечить в возможно скором времени численное превосходство, которое верховный главнокомандующий союзными силами считает существенным для одержания окончательной победы.

Клемансо, Ллойд Джордж, Орландо.

«5 июня 1918 г. Я имел сегодня утром, — писал Хауз, — важный разговор с Уайзмэном. Ллойд Джордж прислал лорду Реддингу каблогранму, подписанную премьер-министрами Англии, Франции и Италии и убеждающую президента послать в Европу определенное количество войск в течение июня и июля: 170 тыс. строевых в июне и 140 тыс. в июле. Каблогранма бьет тревогу... Президент готов посылать войска, не ставя ограничений ни в количестве, ни во времени... Это показывает, что сейчас они пришли к некоторому соглашению с Першингом.

Я попросил сэра Уильяма составить каблогранму Ллойд Джорджу, в которой он должен заявить, что она составлена после совещания со мной... Жюссеран посетит президента в два часа и представит ему каблогранму [от премьер-министров]. Уайзмэн телефонирует мне после о результатах...

Уайзмэн только что телефонировал, что Жюссеран видел президента и тот обещал послать 100 дивизий наших войск в Европу так скоро, как только возможно. Это составит 2 700 тыс. человек».

Таким образом, американские человеческие ресурсы перебрасывались на боевой фронт. Количество американских войск, принявших действительное участие в оборонительной борьбе в июне и июле было не так велико, но прибытие этих

войск во Францию давало союзникам гарантию, что их резервы не будут истощены, как опасались военные руководители Антанты. Американцы обещали в марте послать 480 тыс. в течение четырех последующих месяцев. Как оказалось, почти миллион был послан за время этих четырех месяцев¹. Июньское соглашение, которое устанавливало 250 тыс. в месяц, было превзойдено: среднее месячное количество от июня до сентября включительно составляло 280 тыс. человек².

Общим мнением военных кругов было, что потребуется по крайней мере еще один год борьбы, чтобы победить Германию. Действительно, некоторые думали, что конечная кампания не может быть ранее 1920 г. Были дни, когда казалось более разумным не быть оптимистом, так как военное положение требовало отчаянного мужества. Правда, брешь между британскими и французскими армиями около Амьена была закрыта, и британцы стойко держались во Фландрии. Но германцы прорвались в конце мая от Шмен-де-Дам, и в июне враг снова угрожал Парижу.

Тем не менее Хауз надеялся, что победа союзников может прийти скорее, чем осмеливались думать военные руководители. С назначением Фоша генералиссимусом и с американскими войсками, пересекающими Атлантику в огромных количествах, наихудший кризис казался ему миновавшим. Он рассчитывал, кроме того, на крушение моральной стойкости Германии, как только станет ясно, что наступление остановлено, а также на действие речей президента Вильсона, которые посеяли недоверие между германским народом и его правительством и стимулировали процесс самоопределения в Австрии. Он даже отважился предсказать ниспровержение германских военных руководителей осенью.

¹ Апрель.....	118 642
Май.....	245 945
Июнь.....	278 664
Июль.....	306 350
.....	949 601

(Ayres, The War with Germany, p. 37).

² Ibidem, p. 37.

ПРОВОЗВЕСТНИКИ УСТАВА ЛИГИ НАЦИЙ

Письмо Хауза президенту

Магнолия, Массачусетс, 23 июня 1918 г.

«Дорогой начальник!

...Я получил уведомление, что немцы утверждают, что настанет 1920 год, прежде чем мы сможем иметь миллион солдат во Франции. Мы уже имеем этот миллион, и германский народ должен знать об этом. У меня было впечатление, и Рединг подкрепил его, что мы перевезли наших людей через Атлантику скорее, чем англичане, перевезли своих через канал¹, и транспортные возможности союзников растут так быстро, что мы скоро сможем работать даже еще лучше.

Англия, Франция и Италия нуждаются теперь в постоянном поощрении, и никто не может осуществлять его лучше вас. Если их нравственный дух сможет поддерживаться до осени, то, по моему мнению, наша борьба против Германии будет в основном выиграна.

Мне кажется, что Австрия дошла уже до состояния излома, и я думаю также, что германский народ возьмет осенью верховную власть из рук военных экстремистов, если они не одержат до тех пор решительной победы на Западном фронте.

Любящий вас Э. М. Хауз».

ГЛАВА XV

ПРОВОЗВЕСТНИКИ УСТАВА ЛИГИ НАЦИЙ

Лично я убежден, как вы знаете, в том, что административная структура Лиги должна развиваться органически, а не создаваться искусственно.

*Из письма президента Вильсона полковнику Хаузу
от 22 марта 1918 г.*

Лето 1918 г. ознаменовалось поворотом военной ситуации, окончательным крахом германского наступления во Франции и победоносным контрнаступлением союзных армий под объ-

¹Но более половины перевезено на британских судах.

ГЛАВА XV

единным командованием Фоша. Именно в этот период, естественно, появилось стремление ускорить приготовления к тому, чтобы наилучшим образом собрать плоды грядущей военной победы. Еще немногие догадывались, насколько близка эта победа, но уже стихийно стали выкристаллизовываться планы мира. Различные комитеты, существовавшие во Франции, в Англии и в Соединенных Штатах, давно уже собиравшие материалы для мирной конференции, стали облекать свои труды в определенную и более или менее окончательную форму.

В то же самое время были подготовлены первые официальные планы создания ассоциации государств. Во Франции и в Англии правительственные комиссии подготовили предварительные проекты устава такой ассоциации; в Соединенных Штатах президент Вильсон попросил полковника Хауза взять на себя выполнение такой же подготовительной работы.

Вильсон энергично высказывался за идею Лиги наций, видя в ней краеугольный камень справедливого и прочного мира, и это имело прогрессивное значение. Защищая эту идею, Вильсон был гораздо осмотрительнее многих своих соотечественников. Еще в 1914 г. он мысленно представлял себе сущность X статьи будущего устава Лиги. 16 декабря 1914 г. Вильсон обсуждал с полковником Хаузом возможность установления прямой гарантии сохранения мира в Западном полушарии. В этот период он строил планы заключения генерального панамериканского пакта, и на своей пишущей машинке он напечатал основную формулу этого пакта. Эта формула гласила: «Взаимная гарантия политической независимости при республиканской форме правления и взаимная гарантия территориальной целостности». Переговоры о панамериканском пакте, продолжавшиеся в 1915 и 1916 гг., не были завершены, в частности, из-за кризиса дипломатических отношений с воюющими странами Европы, который помешал Вильсону сосредоточиться на американских делах. Но принципа международной ассоциации, сформулированного им тогда, президент уже не за-

ПРОВОЗВЕСТНИКИ УСТАВА ЛИГИ НАЦИЙ

бывал, и положения о «политической независимости» и «территориальной целостности» глубоко укоренились в его сознании.

Сам кризис дипломатических отношений с европейскими государствами уничтожил у Вильсона всякое чувство изолированности и внушил ему мысль о той роли, какую Соединенные Штаты смогли бы играть в ассоциации не только американского, но и всемирного характера. Миссия полковника Хауза в 1914 г., предпринятая для продвижения генерального соглашения между Соединенными Штатами, Англией, Францией и Германией, хотя и была безрезультатной, тем не менее содержала в себе зародыш Лиги наций. В августе 1914 г. полковник Хауз высказывал Вильсону свою уверенность в том, что если бы такое соглашение существовало к моменту сараевского убийства, то война могла бы быть предотвращена.

Естественно поэтому, что Вильсон объединил идею хаузовской миссии 1914 г. с идеей панамериканского пакта, т. е. принцип заинтересованности Америки во всеобщем мире в сочетании с принципом создания такой ассоциации, которая была бы в состоянии гарантировать этот мир. Очевидно, Вильсон внимательно ознакомился с письмами Эдуарда Грэя к Хаузу, которые последний пересылал президенту. В этих письмах британский министр иностранных дел не престанно подчеркивал свою веру в то, что будущий всеобщий мир должен основываться на генеральном и постоянном совещании государств, на замене существующей анархии международной организацией и национального индивидуализма международным концертом. Надо полагать, что эти письма оказали на Вильсона решающее влияние, ибо когда в мае 1916 г. он, наконец, решился открыто заявить о своей приверженности принципу Лиги наций, то попросил Хауза приготовить ему материалы, основанные на этих письмах. Речь Вильсона, произнесенная 27 мая 1916 г. на заседании Лиги борьбы за мир и определившая всю его внешнюю политику на ближайшие четыре года, была отзвуком и развитием самой сущности обмена мнений между Грэем и Хаузом.

ГЛАВА XV

18 мая 1916 г. президент писал Хаузу: «Я много размышляю над речью, с которой выступлю двадцать седьмого числа, ибо считаю, что, может быть, она будет самой значительной из всех речей, какие мне когда-либо приходилось произносить... Не будете ли вы столь любезны изложить то, что высказали бы на моем месте, если бы захотели выступить с предложением, которое в конкретной формулировке максимально соответствовало бы мнению Грэя и его коллег».

Начиная с мая 1916 г. Вильсон стал ревностным поборником Лиги наций, которую он выдвигал, хотя и в самых общих чертах, во всех своих главных выступлениях по вопросам внешней политики. В своих нотах от 18 декабря того же года, в которых он приглашал воюющие стороны изложить свои условия мира, он указывал, что главной целью мира является «немедленное и действенное согласие между народами». В речи, произнесенной 22 января 1917 г., Вильсон говорил о «договоре мирного сотрудничества», о «единении сил», которое должно прийти на смену запутывающим союзам прошлого. Его речь о «Четырнадцати пунктах», произнесенная 8 января 1918 г., заканчивалась требованием «всеобщей ассоциации наций», которая «должна быть создана по особым договорам с целью предоставления взаимных гарантий политической независимости и территориальной целостности одинаково как великим, так и малым государствам».

Ясно, что к поддержке идеи Лиги наций президент Вильсон пришел постепенно. Ясно также и то, что он не спешил формулировать свою точку зрения о том, какой именно должна быть эта Лига. Биограф Вильсона м-р Рей Станнард Бэйкер, анализируя документы, относящиеся к составлению устава Лиги наций, пишет следующее: «При изучении этих интересных документов особенно бросается в глаза следующее обстоятельство: в уставе Лиги нет ничего — ни единой мысли, которая исходила бы от самого президента. Его участие выразилось главным образом в труде редактора или компилятора, который отбирает или отвергает, переделывает или комбинирует проекты, поступающие к нему из других источников. Президент исходил из двух узловых и коренных убеждений:

ПРОВОЗВЕСТНИКИ УСТАВА ЛИГИ НАЦИЙ

Лига наций необходима, и она может быть немедленно создана; провозглашая это, он сознавал, что является лишь рупором народов всего мира»¹.

Президент долго выжидал, прежде чем приступить к первоначальному наброску устава предполагаемой Лиги наций. По-видимому, он не углублялся в изучение ни программы деятелей Лиги борьбы за мир, ни планов Илайу Рута, выдвигавшего на первое место принцип международного суда, хотя без просвещенной помощи этих защитников идеи Лиги даже последующее руководящее участие Вильсона едва ли было бы так эффективно. Правда, президенту суждено было заимствовать многие их положения для его собственного плана, однако содействия с их стороны он не искал и не принимал. Вильсон твердо решил сохранить в своих руках контроль над движением за Лигу наций и не желал, чтобы его торопили. Одновременно он поручил Хаузу собирать и анализировать различные предложения о Лиге наций. Впоследствии сэр Уильям Уайзмэн следующим образом охарактеризовал интерес полковника Хауза к первоначальным планам создания Лиги:

«С первой нашей встречи с Хаузом и вплоть до мирной конференции он всегда стремился выяснить все оттенки мнений о Лиге наций и о характере того устава, который должен был стать ее основой. Он готов был выслушивать всякого, кто добросовестно изучал эту проблему, будь то горячий защитник или злейший противник идеи Лиги. Он интересовался мнением таких консерваторов, как Рут, мнением выдающихся деятелей армии и флота, мнением лидеров рабочего движения, ярых пацифистов и крайних социалистов. При изучении вопроса Хауз отнюдь не ограничивался американским общественным мнением, а старался выяснить взгляды мыслящих людей во всех странах. По горло занятый другими неотложными делами, он просил меня и еще двух-трех верных друзей собирать мнения о Лиге. Таким образом, Хауз сумел представить Вильсону достаточно точную картину сложившегося к тому

¹ *Baker*; Woodrow Wilson and World Settlement, v. I, p. 214. Есть русский перевод: Бэйкер, Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир. М., 1923.

времени отношения мирового общественного мнения к уставу Лиги наций. В период вступления Соединенных Штатов в войну казалось очень мало вероятным, чтобы еще какая-нибудь страна согласилась рассматривать Лигу наций как составную часть мирного договора. Правительства союзных стран, в частности, настолько были поглощены ведением войны, что не имели ни времени, ни желания серьезно подумать об уставе Лиги как о составной части мирного договора.

Весь 1917 г. мысли президента были целиком сосредоточены на ведении войны; о всеобщем мирном переустройстве он думал лишь в самых общих чертах. Вильсон сам говорил о себе, что у него «одноколейный мозг»; поэтому задачу собирания материалов для мирной конференции он возложил в сентябре 1917 г. на Хауза. Ни в одном из своих писем того периода, касавшихся будущего переустройства мира, Вильсон не останавливается на каких-либо деталях, относящихся к Лиге; он явно склонен был предоставить созданному Хаузом Исследовательскому бюро самостоятельно вести всю черновую работу. Энтузиазм Хауза по отношению к идее Лиги был хорошо известен в Англии; находясь там в 1915 и 1916 гг., он часто касался темы о Лиге наций в беседах с сэром Эдуардом Грэм. В сентябре 1917 г. лорд Роберт Сесиль писал Хаузу, что настало время назначить комиссию для разработки практически осуществимых планов. В это время Сесиль вместе с Грэм считались в Англии одними из наиболее видных поборников Лиги; впоследствии Сесилю суждено было сыграть выдающуюся роль в ее создании.

8 марта Хауз поставил президента в известность о том, что лорд Брайс предложит американским поборникам Лиги взять дело в свои руки, если президент все еще не может решиться назначить комиссию. «Мне кажется, — писал Хауз Вильсону, — что мы также могли бы образовать комиссию, если и не с разрешения, то с молчаливого одобрения правительства, для разработки планов, которые можно было бы использовать потом в виде предложений на мирной конференции. Идти сколько-нибудь дальше этого мне представляется неразумным; между тем общественное мнение оказывает столь силь-

ПРОВОЗВЕСТНИКИ УСТАВА ЛИГИ НАЦИЙ

ное давление, что делать меньше этого, мне думается, тоже будет неразумно».

Президент отказался признать, что подобная комиссия необходима. Тем не менее он поощрял Хауза продолжать переговоры с американскими сторонниками идеи Лиги, и в последующие недели Хауз собрал и систематизировал мнения влиятельных ее защитников.

Вильсон все еще продолжал решительно уклоняться от такого политического курса, который предполагал бы формулирование конкретного, хотя бы и предварительного, устава Лиги. Он считал, что такой устав нельзя выкроить целым куском и что он должен образоваться органически, а не создаваться искусственно. Однако он одобрил идею частного совещания Хауза с Тафтом, Лоуэллом и Рутон, выразив при этом уверенность, что это «будет весьма разумно и должно принести очень большую пользу»¹. Хауз пригласил также Лансинга, но тот не смог воспользоваться приглашением, так как был перегружен работой в Вашингтоне. Государственный секретарь испытывал серьезные сомнения относительно реальной ценности Лиги как органа по предотвращению войны. Он писал Хаузу, что все его помыслы сосредоточены на необходимости полностью сокрушить военную мощь Германии и установить демократический принцип во всем мире. Лансинг был убежден, что это послужит наиболее верной гарантией постоянного мира.

Письмо государственного секретаря

Лансинга полковнику Хаузу

Вашингтон, 8 апреля 1918 г.

«Дорогой полковник!

М-р Очинклосс передал мне ваше приглашение на завтрак в пятницу, но, к сожалению, я не смогу этим воспользоваться. Из его слов я заключил, что целью этой встречи является обсуждение американских и английских разногласий относи-

¹ Из письма Вильсона Хаузу от 22 марта 1918 г.

ГЛАВА XV

тельно Лиги наций, и в частности, позиции Ллойд Джорджа, сформулированной им месяц назад в его публичном выступлении¹.

Как вам вероятно известно, м-р Пэйдж обратился по этому поводу с пространным письмом к президенту. Подобное же письмо он прислал мне; по-моему, оно очень интересно своим анализом английской точки зрения.

Говоря вполне откровенно, я не склонен слишком резко оспаривать мнение премьер-министра относительно Лиги борьбы за мир, ибо я вовсе не уверен в том, что в известной мере он не прав. На протяжении нескольких лет пропаганда идеи Лиги проводилась в нашей стране с большой настойчивостью и, я бы сказал, очень умело; но, испытывая сомнения относительно практичности Лиги как средства обеспечения международного мира, я, как вы знаете, не оказал движению за Лигу определенной личной поддержки.

По-моему, практической основой всякой Лиги наций должно быть взаимное доверие между ее участниками. Если не будет этого доверия, всякое соглашение об объединении для принудительного поддержания мира окажется негодным. Если этот взгляд правилен, то первостепенное значение имеет характер состава участников Лиги; между тем, насколько я понимаю, этого нет в проекте м-ра Тафта и других лиц, пропагандирующих создание Лиги борьбы за мир.

Разрешите вкратце напомнить мою точку зрения, которую я излагал вам год с четвертью тому назад: ни один народ на земном шаре не желает войны, особенно войны агрессивной. Если дать народам возможность проявить свою волю, то они мира не нарушат.

Если нация обладает демократическими учреждениями, то воля народа осуществится. Следовательно, если у нации

¹ Речь была произнесена Ллойд Джорджем 13 марта 1918 г. на «Собрании сектантских организаций». В этой речи Ллойд Джордж, отвечая на упреки в том, что он не оказал Лиге наций достаточной поддержки, заявил, что не следует возлагать слишком большие надежды на слова и что «подлинными апостолами Лиги наций» являются «миллионы молодых людей... в боевом строю. Если они победят... то Лига наций станет свершившимся фактом».

ПРОВОЗВЕСТНИКИ УСТАВА ЛИГИ НАЦИЙ

преобладает демократический принцип, то можно твердо рассчитывать на то, что она будет стоять за мир и против войны.

Исходя из этих истин (если только это истины, а я думаю, что это так), я пришел к выводу, что единственным верным гарантом международного мира может быть Лига демократий, ибо только им присущ заслуживающий доверия характер, который делает их слово нерушимым. С другой стороны, иная Лига, Лига, в состав которой входили бы и автократические государства, содержала бы в себе элементы личного честолюбия, интриг и разногласий, которые являются семенами будущих войн.

Лига, составленная как из демократических, так и из автократических государств и обязавшаяся обеспечивать мир силой, не заслуживала бы доверия, между тем как Лига, составленная только из демократий, была бы по характеру своего состава действенной порукой мира.

В моем понимании дело сводится к следующему: принятие принципа демократии всеми главными державами мира и соблюдение ими подлинно демократического образа правления принесли бы постоянный мир. Если этот взгляд правилен, то следует стремиться к установлению демократии во всем мире. И если бы эта цель была достигнута, меня ни капли не интересовало бы, существует ли договор о сохранении мира или не существует. Я готов положиться на миротворческий дух демократий в деле установления должных отношений между народами, но я не верю в то, чтобы какая угодно Лига, основанная на силе или угрозе применения силы, сумела бы достигнуть этой цели, во всяком случае на сколько-нибудь длительный срок.

До тех пор пока автократия не будет полностью дискредитирована, а демократия не станет не только преобладающим, но и фактически всеобщим принципом в политических системах мира, я опасаюсь, что Лига наций, особенно такая, которая намерена применять силу, не будет действенна.

Мне кажется, что правильный и единственный курс, который в конечном счете даст результаты, состоит в том, чтобы всемерно добиваться установления демократического прин-

ципа во всех тех странах, которые настолько сильны, что могли бы представлять угрозу всеобщему миру в случае, если бы власть в них оказалась в руках честолюбивых правителей, а не народа. Если мы не сумеем достигнуть этого, то мы, по-моему, напрасно воевали.

Мы должны сокрушить пруссачество настолько, чтобы оно никогда больше не смогло подняться, и мы обязаны также положить конец автократии и во всех других странах. Всякий компромисс в отношении этого принципа правления и всякая попытка создать Лигу наций с участием автократических государств будут обречены на неудачу. Надо вырвать с корнем всю эту злосчастную систему и покончить с нею раз и навсегда.

Перечитывая письмо, я нахожу его несколько слишком красноречивым, но я уверен, что вы отнесетесь к этому снисходительно, принимая во внимание мои твердые убеждения в данном вопросе. Я просто не в состоянии хладнокровно думать о том, чтобы можно было допускать мысль о каких-либо компромиссах со злодеями, которые обрушили на нас весь этот ужас. Таким путем мы ничего не добьемся, и одному из будущих поколений придется доделывать не законченную нами работу.

Преданный вам *Роберт Лансинг*».

2

«11 апреля 1918 г. Сегодня у меня на завтраке были архиепископ Йоркский, экс-президент Тафт, сенатор Рут и президенты (университетов) Лоуэлл и Мизес, — записывает Хауз в своем дневнике. — За столом большая часть времени была посвящена беседе о гражданской войне, о ее причинах и об отношении Англии и ее государственных деятелей к северным и южным штатам. Сколь ни интересна была эта беседа, но к концу завтрака я вынужден был прервать ее, для того чтобы поговорить о том, ради чего мы собрались. Нам нужно было согласовать разноречивые взгляды Тафта, Лоуэлла, Рута и английской группы со взглядами Вильсона в вопросе о том, как лучше всего предотвратить войны в будущем.

ПРОВОЗВЕСТНИКИ УСТАВА ЛИГИ НАЦИЙ

Я зачитал им выдержку из письма президента по этому вопросу, а также письмо Лансинга. Они единодушно возражали Лансингу. Рут соглашался с ходом его рассуждения, но считал, что Лансинг не идет дальше того порядка вещей, который существует теперь и существовал до войны. По мысли Лансинга выходит, что необходимо лишь демократизировать мир, а демократии уже сами друг с другом воевать не будут...

Из письма президента на мое имя я прочел следующую выдержку: «Лично я убежден, как вы знаете, в том, что административная структура Лиги должна развиваться органически, а не создаваться искусственно; что *начать* мы должны с торжественных договоров, включающих взаимные гарантии политической независимости и территориальной целостности (при условии, что окончательное территориальное устройство, принятое на мирной конференции, явится справедливым и удовлетворительным и заслужит увековечения), но что методы осуществления этих взаимных обязательств должны быть предоставлены будущему и будут выявлены в каждом отдельном случае. Всякая попытка начать дело с того, чтобы наделить исполнительной властью какую-либо группу держав, будет означать, что посеяны семена зависти и недоверия, которые сразу же взойдут и погубят все дело. Приведем только один-единственный, но вполне убедительный довод: сенат Соединенных Штатов никогда не ратифицирует договора, который предоставлял бы вооруженные силы Соединенных Штатов в распоряжение любой подобной группы. Незачем начинать с неприемлемого, а следует заложить такую систему, которая медленно, но верно созреет и станет приносить плоды»¹.

В общем никто из них не соглашался полностью с президентом. Они считали, что Вильсон останавливается на полпути. В конце концов решено было, чтобы Рут составил меморандум, объединяющий следующие три положения:

1. Война затрагивает интересы каждой страны независимо от ее размеров и местоположения на земном шаре.
2. Необходимо еще в мирное время создать такой аппа-

¹ Из письма Вильсона Хаузу от 22 марта 1918 г.

рат, посредством которого в случае угрозы войны можно было бы созвать совещание стран с целью предотвращения войны.

3. Создание аппарата в виде суда или бюро арбитража, которому можно было бы передавать на рассмотрение спорные вопросы.

Так как архиепископу предстояла еще церемония получения ученой степени в Колумбийском университете, он вынужден был покинуть нас до окончания совещания».

В результате этого и других совещаний полковник Хауз получил возможность сформулировать некоторые принципы, вполне приемлемые для включения в положение о Лиге и согласованные со взглядами различных групп. Тем не менее материалы совещания не были опубликованы или даже сформулированы в виде статей устава вследствие нежелания президента поощрять обмен мнений, который мог бы перерасти в дискуссию. Из-за океана снова была совершена попытка оказать давление. В Англии комиссия Филлимора закончила составление своего предварительного доклада и проекта устава Лиги наций. Британское правительство собиралось опубликовать этот документ. В письме Хаузу лорд Роберт Сесиль спрашивал, не согласится ли американское правительство обменяться мнениями до опубликования документа, и выражал надежду узнать хотя бы личное мнение Хауза.

В своем ответе полковник Хауз в весьма общих чертах обрисовал природу задуманной им Лиги. Совсем новой была та часть его проекта, где он требовал декларации, которая гласила бы, что нормы международного поведения должны определяться критериями, соответствующими кодексу личной чести. «Без этого, — писал он в своем дневнике, — какая же польза от подписывания договоров, которые можно произвольно нарушать, и притом нарушать безнаказанно»¹. Кроме того, он на-

¹ Такую мысль Хауз подал Вильсону еще за много месяцев до этого, в частности, когда он консультировал Вильсона по поводу речи, произнесенной последним 27 мая 1916 г.

ПРОВОЗВЕСТНИКИ УСТАВА ЛИГИ НАЦИЙ

писал президенту Вильсону письмо, в котором высказал мнение, что настало время составить хотя бы предварительный проект положения о Лиге.

Письмо полковника Хауза президенту

Магнолия, Массачусетсу 25 июня 1918 г.

«Дорогой начальник!

Прилагаю при сем копию моего письма лорду Роберту Сесилю, являющегося ответом на его письмо ко мне, в котором он просит изложить мои личные взгляды.

Повсеместно усиливается настроение в пользу организационного в какой-либо форме сопротивления войне, и мне представляется необходимым, чтобы вы руководили этим движением. Это дело не может быть отложено до мирной конференции. Я вполне понимаю ваше нежелание связываться с каким-либо проектом, пока не окончилась война, но существуют ведь и другие способы, посредством которых вы могли бы руководить этим движением.

Трудность, которую я предвижу, состоит в том, что английские, французские или же наши группировки могут выработать какой-либо проект, который в общем будет импонировать народу, и общественное мнение выскажется за него настолько, что на мирной конференции уже трудно будет вносить изменения в этот проект. А это одно из тех деяний, которое должно быть связано с вашим именем в веках. Весь мир взирает на вас, как на поборника идеи Лиги наций; между тем не только в нашей стране, но и в Англии и во Франции существует представление, будто вы колеблетесь брать на себя инициативу.

Если вы не одобрите письма, написанного мною лорду Роберту, я могу его не отсылать.

Повсюду наиболее популярным является лозунг: «Ныне происходящая война должна покончить с войнами в будущем», — и я убежден, что это чувство воодушевляет не только народ, но также и солдат.

Преданный вам Э. М. Хауз.

ГЛАВА XV

«24 июня 1918 г. Президент Гарвардского университета Лоуэлл, — пишет Хауз в своем дневнике, — был у меня на завтрак. Беседа наша преимущественно касалась Лиги наций. Я прочел ему еще письмо к лорду Роберту Сесилию; он одобрил это письмо с некоторыми незначительными оговорками. Он сообщил мне, что дня через два состоится заседание исполнительного комитета Лиги борьбы за мир, и спрашивал совета, как им действовать. Я посоветовал им в данный момент ничего не предпринимать... Если бы и президент (Вильсон), и лорд Роберт согласились с моим мнением, тогда мы смогли бы сплотить вокруг них общественное мнение у нас, в Англии и во Франции».

3

Этот обмен письмами между лордом Робертом Сесилем и полковником Хаузом оказался прямым источником первых официальных американских проектов устава Лиги наций. Президент Вильсон не сразу ответил на письмо Хауза от 25 июня, к которому была приложена копия письма на имя лорда Роберта; в то время, как писал сам Вильсон, он «исходил кровавым потом» над русской проблемой. «Никогда еще, мне кажется, не возникало *per diem*¹ так много проблем, как теперь». Но уже 8 июля Вильсон непосредственно занялся проблемой составления предварительного проекта устава Лиги наций. Он получил копию доклада Филлимора, присланную ему британским правительством, но был, по-видимому, столь занят, что в это время не смог его даже прочесть². Вильсон попросил Хауза переделать устав, содержащийся в докладе, «по вашему усмотрению, в духе вашего последнего письма к лорду Роберту Сесилию»³. Переделанный устав, надо полагать, нужен был Вильсону лишь как исходный материал для тех замечаний

¹*Per diem* — каждодневно (лат.). — Прим. перев.

²Например, 16 августа Уайзмэн телеграфировал Редингу следующее: «Президент упомянул, что... к моменту встречи с вами он еще не прочел доклада Филлимора». (См. ниже, стр. 40.)

³Из письма Вильсона Хаузу от 8 июля 1918 г.

ПРОВОЗВЕСТНИКИ УСТАВА ЛИГИ НАЦИЙ

и соображений, которых от него ожидало британское правительство; Вильсон не дал понять Хаузу даже и намеком, каковы же его собственные устроения и пожелания относительно устава Лиги. Как выяснилось впоследствии, проект, составленный Хаузом по просьбе президента, послужил основой того проекта, который Вильсон повез в декабре на мирную конференцию.

Письмо полковника Хауза президенту

Магнолия, Массачусетс, 11 июля 1918 г.

«Дорогой начальник!

...Не приходится отрицать, что за последнее время с новой силой вспыхнули надежды и стремления на создание Лиги наций. Эти надежды и стремления сосредоточиваются вокруг вашего имени, и я думаю, что вы поступаете мудро, подвергая вопрос о Лиге немедленному и основательному рассмотрению.

Исключительно трудно решить эту проблему таким образом, чтобы осуществить надежды и стремления народов и в то же время согласовать все это с требованием реалистической мысли. Но это возможно, ибо мир настолько устал от войны и от самой мысли о ней, что готов ухватиться за всякое разумное предложение, которое укажет выход из войны.

Я надеюсь, что вам удастся решить эту трудную проблему так же, как вы решили нашу банковскую и финансовую проблему. Некоторая аналогия между ними существует¹. Несмотря на скептицизм финансового мира, возможность паники устранена и тень нависшей катастрофы рассеяна. И если бы уда-

¹ Впоследствии Хауз подробнее развил эту мысль. Он имел в виду, что достоинства закона о создании федеральных резервных банков были в значительной мере психологического характера. Этот закон внушил такое доверие, что люди стали говорить: «При такой системе биржевая паника уже невозможна». Поскольку люди в это верили, паника действительно не могла иметь места. Хауз указывал, что если бы подобным же образом удалось создать такую организацию для предупреждения войны, которая внушала бы веру в ее действенность, то главная психологическая причина войн — страх перед агрессией — была бы устранена.

ГЛАВА XV

лось устранить возможность возникновения войны, то каким бы это было славным завершением всех прочих ваших деяний.

Я без промедления займусь этим делом и в начале следующей недели пришлю вам для рассмотрения кое-какие материалы. Одна из трудностей, с которыми придется столкнуться, состоит в том, что французы не только хотят, чтобы Лига наций была основана державами Антанты еще до окончания войны, но чтобы и впоследствии центральные державы не были допущены в Лигу. Недавнее утверждение лорда Грэя о том, что Лига наций без участия в ней центральных держав была бы неполной, вызвало целую бурю во Франции, и только несколько социалистических газет поддержало его.

Преданный вам Э. М. Хауз».

13 июля Хауз приступил к составлению проекта устава Лиги, как он ее себе представлял. Хаузу помогал Дэвид Хонтер Миллер, который в течение нескольких месяцев занимался этим вопросом по заданию Исследовательского бюро; кроме того, Хауз обсуждал свой проект устава с сэром Уильямом Уайзмэном, высказавшим несколько критических замечаний. К услугам Хауза был и доклад Филлимора, но Хауз, как он сообщил президенту, не использовал доклада Филлимора в качестве основы для своего проекта, хотя в процессе дальнейшей работы и заимствовал из него ряд наиболее существенных положений. В основном Хауз развивал те мысли, которые подчеркнул в своем письме к Сесилю.

Письмо полковника Хауза президенту

Магнолия, Массачусетс, 14 июля 1918 г.

«Дорогой начальник!

Вчера и сегодня я провел время за составлением проекта устава Лиги наций.

Вам я перешлю проект не ранее как в понедельник или во вторник, потому что мне хочется по прошествии одного-двух дней снова перечитать то, что я уже написал, и внести необходимые исправления. Я приложу к проекту устава меморандум

ПРОВОЗВЕСТНИКИ УСТАВА ЛИГИ НАЦИЙ

с обоснованием тех статей, назначение которых нуждается в пояснении.

Проект устава написан независимо от присланного вами британского устава (доклад Филлимора). По окончании работы мы сравнили оба проекта и включили целиком некоторые статьи из британского проекта. По-моему, британский документ совершенно не отвечает требованиям ситуации. Свой проект я писал независимо от британского, потому что не хотел быть связанным их планом.

Если вы одобрите этот проект, то вам, как мне кажется, следовало бы каким-нибудь способом довести его до сведения всего мира — и притом как можно скорее — с тем, чтобы общественное мнение могло сплотиться вокруг вашего, а не какого-нибудь другого плана. Я полагаю, что лучше было бы сделать это без консультации с каким-либо из иностранных правительств и заявить об этом в вашей декларации. Если вы привлечете к этому одних лишь англичан или французов, то обойденные обидятся.

Проект составлен с расчетом на то, чтобы не задеть самолюбия ни одного из народов как Антанты, так и центральных держав. В проекте учтено также, что по своему составу Лига наций может ограничиться одними великими державами, обеспечивая малым государствам все вытекающие из существования Лиги блага. Если включить в Лигу малые государства, то проблема равенства в голосовании окажется почти непреодолимым препятствием. Некоторые малые государства, особенно Швейцария, заявили о своем согласии вступить в Лигу наций только при условии равенства голосов всех стран.

Если согласиться с этим, то Мексика и государства Центральной Америки смогли бы располагать большинством голосов по сравнению с голосами Германии, Англии, Франции, Италии, Японии и Соединенных Штатов, вместе взятыми; между тем как в обеспечении мира, а равно и в обеспечении любого постановления Лиги наций малые государства оказались бы не только бессильны, но и не пожелали бы разделить общую ответственность.

ГЛАВА XV

Эти малые государства могут быть объявлены нейтральными, как это было с Бельгией и Швейцарией, с должным представительством в Лиге, (но) без права голоса, точно так же как те наши территории, которые в свое время были представлены в конгрессе, но без права голоса.

Я полагаю, что этот проект пригодится вам как основа для дальнейшей работы.

Преданный вам Э. М. Хауз».

Письмо интересно тем, что свидетельствует о намерении Хауза в то время ограничить состав Лиги наций великими державами. На первый взгляд проект казался нелиберальным. Он явно противоречил постоянным призывам президента Вильсона о признании малых наций равноправными с великими державами. Впоследствии, на мирной конференции, и сам Хауз настойчиво защищал притязания малых наций, в частности Бельгии и Польши. По-видимому, в своем проекте устава Хауз исходил из того практического соображения, что контроль должен сочетаться с ответственностью и что в действительности малые государства окажутся в большей безопасности под защитой великих держав, чем в обстановке соперничества между собой.

«На мирной конференции, — писал Хауз в своем дневнике 5 июля 1918 г., — великие державы должны предложить план настолько справедливый, чтобы все малые государства охотно приняли его. Настоящая война показала, что малые государства, вроде Голландии, Дании и Швейцарии, не станут участвовать во всеобщей войне, если они только не будут вынуждены вступить в нее под давлением обстоятельств. Зачем же в таком случае предоставлять им руководящую роль по отношению к государствам, которым пришлось бы поставлять не только финансовые средства, но и физическую силу, необходимую для поддержания мира и порядка? Я сожалею, что прихожу к такому выводу, ибо кажется, будто он не направлен к либерализму. Однако непрактичный идеалист часто наносит делу больший вред, чем откровенный реакционер».

Довод Хауза против допущения малых государств на условиях равенства прав с великими державами нашел впоследст-

ПЕРВЫЕ АМЕРИКАНСКИЕ ПРОЕКТЫ УСТАВА

вии отзыв в планах лорда Роберта Сесилия и генерала Смэтса, которых Хауз горячо поддерживал. Военный опыт держав Антанты научил их таким методам международного контроля, при которых роль больших и малых государств определялась приблизительно сообразно их мощи. Из этого опыта возник план исполнительного совета Лиги, включавшего и представителей малых государств, но под главенством великих держав, а также ассамблеи Лиги, куда все государства — члены Лиги наций, большие и малые, были допущены на равных основаниях. Таким образом, в конечном итоге Лига была основана на принципе «практического идеализма», приверженцем которого был Хауз¹.

ГЛАВА XVI ПЕРВЫЕ АМЕРИКАНСКИЕ ПРОЕКТЫ УСТАВА

Необходимый поворот предполагает... всеобщее, официальное и непреложное одобрение и провозглашение той точки зрения, что всякое нарушение мира является делом, затрагивающим всех членов содружества наций...

*Из письма сенатора Илайу Рута полковнику Хаузу
от 16 августа 1918 г.*

1

16 июля 1918 г. Хауз послал президенту свой проект того, что он назвал «уставом Лиги наций». По-видимому, это был первый случай употребления слова «устав» (covenant) для точного определения предполагаемого соглашения между нациями. М-р Бэйкер заявляет, что президент попросил Хауза составить «новый проект «устава» и что это слово «устав» (covenant)

¹ Хаузовский первоначальный проект устава был, разумеется, написан в спешке, в течение двух дней, лишь в качестве меморандума для президента. Документ отнюдь не представлял окончательного мнения Хауза по этому вопросу.

исходило от него (Вильсона) самого...»¹ Между тем в своем письме к Хаузу Вильсон пользуется именно словом «конституция»² (constitution). Хауз, разумеется, заимствовал из речей Вильсона мысль об использовании этого очень удобного для договора термина, ибо определенно известно, что к этому термину президент всегда проявлял некоторое пристрастие³.

Проект этого устава с пояснениями Хауза, содержащимися в препроводительном письме, приводится ниже. Он состоит из двадцати трех статей, из которых все, кроме пяти, были помечены Вильсоном знаком одобрения и использованы в его первом, собственном, проекте.

Предложение об уставе Лиги наций **Вступление**

Так как международная цивилизация оказалась несостоятельной вследствие того, что не были установлены законные нормы, которым государства подчинялись бы с таким же повиновением и уважением, с каким индивидуумы подчиняются внутригосударственным законам, и так как общественное мнение санкционировало аморальные поступки в отношениях между государствами, — то целью государств, подписавших настоящую конвенцию, является создание Лиги наций, ставящей своей задачей поддержание мира, безопасности, прогресса и закономерного управления во всем мире. С этой целью устанавливается следующее соглашение:

Статья 1. В международных отношениях и делах государств должны соблюдаться такие же нормы чести и этики, как и во всех других делах. Договоры и обещания, данные той или иной державой, должны быть нерушимы.

¹ R. S. Baker. Woodrow Wilson and World Settlement, v. I, p. 218.

² См. письмо Вильсона Хаузу от 8 июля 1918 г.

³ В речи, произнесенной 22 января 1917 г., Вильсон пользуется выражением «устав мира, основанного на сотрудничестве»; отвечая папе римскому 27 августа 1917 г., Вильсон говорит об «уставе установлении арбитража вместо применения силы». В своем послании к конгрессу 4 декабря 1917 г. Вильсон говорит об «уставном мире». В своей речи о «Четырнадцати пунктах» 8 января 1918 г. Вильсон говорит об «общей ассоциации наций... в рамках особых уставов...» и т. п.

ПЕРВЫЕ АМЕРИКАНСКИЕ ПРОЕКТЫ УСТАВА

Статья 2. Ни одно должностное лицо державы ни прямо, ни косвенно не должно иметь возможность действовать или же проявлять намерение действовать от имени своего правительства иначе, чем в соответствии с верностью, честью и обязательствами той державы, которую оно представляет.

Статья 3. Всякая попытка державы открыто или тайно, посредством ли пропаганды или же каким-либо иным образом восстановить одну державу или нацию против другой державы или нации, должна считаться бесчестной¹.

Статья 4. Всякий открытый или прямой запрос относительно действий или намерений какой-либо державы может быть сделан другой державой как нечто естественное и должен рассматриваться как акт дружелюбия, направленный к развитию искренности в международных отношениях; но всякий тайный запрос, сделанный с той же целью, должен считаться бесчестным².

¹ «Вступление, — писал Хауз Вильсону, — и статьи 1, 2 и 3 являются краеугольным камнем этого здания. Абсолютно необходимо, чтобы народы всего мира поняли, что они никогда не обретут международного мира и порядка, если позволят своим представителям и впредь санкционировать аморальные обычаи прошлого. Как вы знаете, повинны были все крупные нации... Статьи 1, 2 и 3 вполне могут быть включены во вступление. Они отделены лишь для того, чтобы придать им большую выразительность и подчеркнуть большую твердость обязательств». В проекте Вильсона дух этих статей сохранен во вступлении, хотя их фразеология и не использована.

² «Статья 4, — писал Хауз, — написана с целью удовлетворения тех, кто будет относиться к Германии с недоверием в том случае, если она окажется среди держав — участниц Лиги. Я считаю, что необходимо покончить с отвратительным обычаем шпионажа; но уничтожить его и в то же время предоставить какой-либо бесчестной нации свободу действий, чтобы тайком готовиться к войне, было бы также ошибкой. Надо помнить, что нации относятся с еще большим подозрением друг к другу, чем индивидуумы, и эта подозрительность, так же как и подозрительность между индивидуумами, в девяти случаях из десяти не обоснована. Вместо того чтобы позволять подобному положению развиваться, надо найти такой путь, который вел бы прямо к правде».

Это была одна из тех статей, которые президент Вильсон оставил непомянутыми. Может быть, он считал, что ее назначение исчерпывается следующей за ней статьей. Несомненно, он одобрял содержащуюся в этой статье мысль, ибо 10 декабря 1918 г., находясь на борту парохода «Джордж Вашингтон», Вильсон частным образом объяснял, что его идея действенной Лиги предполагает, что любая нация имеет право «ввязаться» в спор (это было его собственное выражение), если она не доверяет намерениям другой державы. (Из заметок Чарльза Сеймура от 10 декабря 1918 г.)

ГЛАВА XVI

Статья 5. Всякая война или угроза войны является делом, затрагивающим интересы Лиги наций и держав, входящих в нее¹.

Статья 6. Послы и посланники договаривающихся держав, аккредитованные в стране *X*, и министр иностранных дел страны *X* должны будут действовать в Лиге наций как делегаты соответствующих держав. Собрания делегатов должны проводиться в месте пребывания правительства страны *X*, а министр иностранных дел страны должен быть председателем соответствующим лицом.

Если делегаты сочтут это необходимым или желательным, они могут временно собраться в месте пребывания правительства страны *Y* или *Z*; в таких случаях председательствующим лицом *pro tempore*² должен быть аккредитованный в стране *X* посол или посланник той страны, где происходит собрание³.

Статья 7. В интересах мира делегаты должны собираться во всех тех случаях, когда появляются слухи о войне или возникает угроза войны, а также, когда делегат той или иной державы сообщит остальным делегатам о том, что в интересах мира желательно созвать заседание Лиги.

Статья 8. Делегаты должны собираться также и в другие, заранее обусловленные сроки, которые они будут устанавливать время от времени⁴.

Статья 9. Делегаты должны регламентировать порядок своей работы и могут назначать комиссии для изучения во-

¹ Это стало VIII статьей вильсоновского первого проекта устава и XI статьей окончательного текста устава.

² *Pro tempore* — временно (для данного случая) (лат.). — Прим. не рев.

³ «Статья 6, — писал полковник Хауз, — в значительной мере заимствована из текста 5-й статьи британского проекта. О месте заседаний даны две альтернативы, так как мыслимо, что между Голландией и Бельгией возможны раздоры, и если любая из них будет представлять собой *X* или *Y*, то, может быть, потребуется перенести конференцию в страну *Z*».

Эта статья стала статьей 1-й в проекте Вильсона. В более поздних английских проектах и в окончательном тексте устава она была изменена в том направлении, что в ней предусматривалось образование Совета Лиги и устанавливалось место пребывания Лиги — Женева.

⁴ Статьи 7 и 8 были включены в статью VIII проекта Вильсона и в статьи III и IV окончательного проекта устава.

ПЕРВЫЕ АМЕРИКАНСКИЕ ПРОЕКТЫ УСТАВА

просов и составления докладов. Делегаты должны сформировать секретариат и определить его обязанности, а все расходы секретариата должны оплачиваться договаривающимися державами в размере, определенном делегатами. По всем вопросам данной статьи делегаты могут принимать решения большинством голосов представленных договаривающихся держав¹.

Статья 10. Надлежит образовать международный суд, составленный не более как из пятнадцати членов. Международный суд должен обладать юрисдикцией для решения любого спора между нациями, не урегулированного дипломатическим, арбитражным или иным путем, спора, который касается существа, толкования или результатов какого-либо договора; этот суд должен также решать споры, представленные на рассмотрение по соглашению сторон, или же споры, касающиеся коммерческих вопросов, включая сюда вопросы международной законности или действительности закона, правила или обычая. Делегаты могут по своему усмотрению препроводить в суд любые другие вопросы, которые они сочтут целесообразными.

Судьи международного суда должны — как первоначально, так и по мере появления вакансий — избираться делегатами. Судья международного суда должен выходить в отставку по достижении семидесятидвухлетнего возраста и может быть уволен в отставку в любое время решением делегатов, принятым большинством двух третей голосов; в случае выхода судьи

¹ «Первая и последняя фразы этой статьи, — писал Хауз, — взяты слово в слово из статьи 7 английского проекта. Я вставил лишь фразу о создании секретариата и о фондах на его содержание.

Представители договаривающихся держав автоматически становятся международным парламентом, поэтому я уверен, что им придется заседать почти непрерывно. Я думаю, что Лига будет организацией такой силы и значения, что договаривающиеся стороны пошлют туда в качестве своих представителей руководящих государственных деятелей. Быть членом этой организации будет более почетным делом, чем занимать любой другой пост по назначению где бы то ни было; возможно, что выбор падет на экс-президентов, экс-премьеров и экс-канцлеров».

Эта статья стала статьей II в проекте Вильсона. Она была переработана в статью VI окончательного проекта устава.

в отставку выплата следуемого ему жалования должна продолжаться до конца его жизни.

Судья может быть смещен голосами двух третей делегатов. Международному суду надлежит самому регламентировать порядок своей работы¹.

Статья 11. Всякий спор между государствами, касающийся торговых вопросов и затрагивающий вопрос о международной законности или действительности закона, правила или обычая, должен, если того потребует держава, принявшая такой закон, правило или обычай, быть поставлен на решение ее высшего национального суда прежде, чем быть представленным международному суду².

Статья 12. Высший национальный суд каждой договаривающейся державы должен обладать юрисдикцией для заслушания и окончательного решения любого международного спора, представленного на его рассмотрение³.

Статья 13. Договаривающиеся державы соглашаются о том, что все споры между ними или между кем-либо из них какого бы то ни было характера, которые не будут урегули-

¹ «Статья 10, — писал Хауз, — предусматривает создание международного суда, наделенного юрисдикцией для решения определенных вопросов, которые ныне решаются во многих странах судами последней инстанции. В этом суде должно быть не менее пятнадцати членов».

В прошлом я возражал против создания такого суда, но при разработке вопроса он представился мне необходимой частью механизма; со временем суд может оказаться самой крепкой его частью».

Эта статья и две последующие не были помечены президентом знаком одобрения; не включил он также международный суд и в переделанный им проект устава. Согласие на него он дал лишь только после начала переговоров в Париже.

² «Статья 11, — писал Хауз, — написана главным образом применительно к законам и обычному праву некоторых стран, в частности латиноамериканских республик».

³ «Статья 12, — писал Хауз, — имеет в виду использование при желании ныне существующих судов высшей инстанции как посредников для урегулирования споров в случае, если другие предусмотренные методы будут неприемлемы для некоторых стран. Я имел также в виду, что, если это положение войдет в устав, тогда создается тенденция к тому, чтобы все высшие апелляционные суды подходили менее ограниченно и пристрастно к рассмотрению международных вопросов».

Ни статья 11, ни 12 не нашли места в окончательном тексте устава.

ПЕРВЫЕ АМЕРИКАНСКИЕ ПРОЕКТЫ УСТАВА

рованы дипломатическим путем и которые не предусмотрены условиями статьи 10, должны быть предметом арбитражного разбирательства трех арбитров, двое из коих избираются спорящими сторонами, а третий избирается этими двумя арбитрами; или же, в случае если они не смогут согласиться с этим выбором, третий арбитр должен быть избран делегатами Лиги.

По апелляции одной из спорящих сторон решение арбитров может быть отклонено голосами трех четвертей делегатов Лиги, если решение арбитров было единогласным, и голосами двух третей делегатов, если решение не было единогласным. Во всех иных случаях решение должно быть совершенно обязательным и окончательным.

Если какое-либо решение арбитров будет отклонено делегатами, спор снова должен быть представлен на арбитражное разбирательство трех арбитров, избранных, как это предусмотрено выше, но не являвшихся таковыми прежде; в таких случаях решение арбитров после второго арбитражного разбирательства должно быть совершенно обязательным и окончательным, без права апелляции¹.

Статья 14. Всякая держава, относительно которой делегаты решат, что она не выполнила обязательства о представлении международному суду спора, подлежащего юрисдикции этого суда, или не исполнила, или же игнорировала исполнение какого-либо решения этого суда или национального суда, на решение которого спор был представлен по обоюдному согласию сторон; или же не выполнила обязательства об осуществлении какого-либо решения арбитров, — должна вследствие всего этого быть лишена всех прав торговли и сношений с договаривающимися державами².

Статья 15. Если какая-либо держава объявит войну или начнет военные действия прежде, чем представит спор с другой державой — в зависимости от случая — либо на рассмотре-

¹ Эта статья стала статьей V в первом вильсоновском проекте.

² Это стало статьей VI в первом вильсоновском проекте, причем упоминание о суде было опущено.

ние международного суда, либо арбитров, в соответствии с настоящим договором; или же объявит войну и начнет военные действия по поводу какого-либо спора, решенного не в ее пользу вышеназванным судом или арбитрами, то договаривающиеся державы должны не только прекратить всякую торговлю и сношения с этой державой, как предусмотрено статьей 14, но должны также применить блокаду и закрыть границы этой державы, прекратив всякую ее торговлю и сношения с остальным миром¹.

Статья 16. Что касается споров между одной из договаривающихся держав и державой, не являющейся участницей настоящей конвенции, то договаривающиеся державы должны стремиться обеспечить представление таких споров на юридическое решение или на арбитраж. Если другое государство не согласится представить спор на юридическое решение или на арбитраж, то договаривающаяся держава должна представить спор на рассмотрение делегатов Лиги. В последнем случае делегаты должны от имени Лиги наций пригласить государство, не участвующее в этой конвенции, стать участницей *ad hoc*² и представить дело на юридическое решение или на арбитраж; в подобных случаях все вышепоименованные условия применимы в споре как в пользу, так и против такого государства, как если бы оно было постоянным участником этой конвенции.

Статья 17. Если государство, не являющееся участником этой конвенции, не примет приглашения стать участником *ad hoc*, то делегаты должны изучить существо спора и составить соответствующие рекомендации³.

Статья 18. Если военные действия против одной из договаривающихся держав будут начаты другим государством до решения спора или до соответствующих рекомендаций, состав-

¹Эта статья стала статьей VII в вильсоновском проекте. Президент добавил идею военных санкций, закончив фразу так: «применить любую силу, какая может оказаться необходимой для достижения этой цели».

² *Ad hoc* — на данный случай (лат.). — *Прим. перев.*

³ Статьи 16 и 17 стали статьей IX вильсоновского проекта и были включены в статью XVII окончательного текста устава.

ПЕРВЫЕ АМЕРИКАНСКИЕ ПРОЕКТЫ УСТАВА

ленных делегатами, или же вопреки таким рекомендациям, то договаривающиеся державы после этого должны прекратить всякую торговлю и сношения с этим государством, а также применить блокаду и закрыть границы этого государства для торговли и сношений с остальным миром, причем любая из договаривающихся держав может прийти на помощь той договаривающейся державе, против которой были начаты военные действия¹.

Статья 19. В случае спора между государствами, не являющимися участниками настоящей конвенции, любая держава может представить это дело на рассмотрение делегатов Лиги, которые должны предложить услуги Лиги наций в целях урегулирования спора.

Если одна из держав, являющаяся стороной в споре, предложит и согласится представить свои интересы и вытекающий из них образ действий полностью на рассмотрение и решение Лиги наций, то такая держава будет *ad hoc* считаться договаривающейся державой. Если ни одна из держав, являющихся сторонами в таком споре, не предложит этого и не даст согласия на это, то делегаты должны действовать таким образом и представить своим правительствам такие рекомендации, которые сохранили бы мир и предотвратили военные действия и имели бы результатом урегулирование спора².

По словам Рея Станнарда Бэйкера («Woodrow Wilson and World Settlement», v. III, p. 86), статья 19 хаузовского проекта не была помечена президентом Вильсоном знаком одобрения. Тем не менее эту статью президент включил в свой первый

¹ Статья 18 стала статьей X вильсоновского проекта и была включена в статью XVII окончательного текста устава.

² «№ 16, 17, 18 и 19 ясны, — писал Хауз, — и в случае, если будет желательно иметь Лигу, по составу ограниченную великими державами, эти статьи заставят все нации, не являющиеся членами Лиги, представлять свои споры Лиге или же пользоваться формами урегулирования споров, предписанными ею.

Статьи 13, 14 и 16 британского проекта в известной мере направлены к той же цели, но по совершенно другому пути».

ГЛАВА XVI

проект в виде статьи XI, а после она была включена в статью XVII окончательного проекта устава Лиги.

Статья 20. Договаривающиеся державы особо соглашаются о взаимных гарантиях их территориальной целостности и политической независимости; эти гарантии подлежат, однако, таким территориальным модификациям, которые могут стать необходимыми в будущем в силу изменений нынешних национальных условий и устремлений, в соответствии с принципом самоопределения, и которые будут также признаны необходимыми и отвечающими благу соответствующих народов большинством трех четвертей голосов делегатов; при этом должно быть также признано, что всякие территориальные изменения сопровождаются справедливой компенсацией и что всеобщий мир важнее и значительнее всяких вопросов о границах¹.

Статья 21. Договаривающиеся державы признают принципиальным, что для постоянного мира необходимо сократить вооружения государств до низшей точки, совместимой с безопасностью; делегатам поручается немедленно выработать план, посредством которого может быть осуществлено такое сокращение вооружений государств. Составленный таким образом план не должен быть обязательным до тех пор, пока его не одобряют единогласно правительства, подписавшие настоящий устав.

Договаривающиеся державы соглашаются о том, что военные материалы и орудия войны не должны производиться частными предприятиями и что необходима гласность в отно-

¹«Статья 20, — писал Хауз, — написана по тем соображениям, что нельзя допускать, чтобы территориальные гарантии были негибкими. Вполне можно себе представить, что с течением времени условия могут измениться настолько, что будет крайне затруднительно для определенных частей государства дальнейшее пребывание под властью данного государства».

Эту статью Вильсон включил в качестве статьи III в свой проект, а первая фраза, стилистически измененная, стала знаменитой статьей X окончательного проекта устава: «уважать и сохранять против всякого внешнего нападения территориальную целость и существующую политическую независимость всех членов Лиги». К большому сожалению Хауза, последняя часть статьи, предусматривавшая известную эластичность, не была включена в окончательный текст устава.

ПЕРВЫЕ АМЕРИКАНСКИЕ ПРОЕКТЫ УСТАВА

шении всего наличного вооружения и последующих военных программ государств¹.

Статья 22. Всякая держава, не являющаяся участницей настоящей конвенции, может обратиться к делегатам за разрешением стать ее участницей. Делегаты могут отнестись благожелательно к такому ходатайству, если они сочтут, что такое разрешение будет способствовать укреплению мира и безопасности во всем мире.

Статья 23. А) Договаривающиеся державы все вместе и каждая в отдельности соглашаются о том, что настоящая конвенция отменяет все договорные обязательства *inter se*², несовместимые с ее условиями, и что они в дальнейшем не примут на себя никаких обязательств, несовместимых с ее условиями.

В) В случае если любая из договаривающихся держав прежде, чем стать участницей этой конвенции, вступила в какой-либо договор, возлагающий на нее обязательства, несовместимые с условиями настоящей конвенции, то долгом такой державы является необходимость предпринять немедленные шаги к тому, чтобы освободиться от подобных обязательств³.

2

Назначение этой главы ни в какой мере не состоит в том, чтобы проследить первоисточники устава Лиги наций в том виде, в котором он изложен в мирных договорах. Очевидно, что ни один из различных планов, составленных в 1918 г.,

¹ Статья 21 была включена в вильсоновский проект в качестве статьи IV, а в окончательном проекте устава — в статьи VIII и IX; но при этом вето на производство вооружений частными предприятиями было опущено.

² *Inter se* — взаимно (лат.). — Прим. перев.

³ «Статья 22. Первая фраза этой статьи, — писал Хауз, — взята дословно из статьи 17 британского проекта. Я не использовал второй фразы проекта англичан, потому что она как бы имела в виду Германию; чтобы избежать этого, я по-иному составил вторую фразу».

Статья 23 взята почти дословно из статьи 1 британского проекта. Обе эти статьи (22 и 23) были включены в вильсоновский проект (статьи XII и XIII) и в статьи I и XX окончательного проекта.

не был вполне оригинален и ни один из них не может быть признан единственным первоисточником окончательного устава. Значение хаузовского проекта заключается в том факте, что он был использован президентом Вильсоном в качестве основы того, что можно назвать первым официальным американским проектом; этот проект, в свою очередь, являлся просто вспомогательным при составлении представленного в комиссию Лиги наций в Париже совместного англо-американского плана, которому и суждено было стать непосредственным предшественником устава Лиги наций.

Проект Хауза, написанный в июле 1918 г., ставил гораздо более обширные цели, чем первоначальный британский план, содержавшийся в докладе Филлимора. В последнем со всей осторожностью избегали даже видимости попытки создания формальной конфедерации государств с известным объединением верховной власти. Британский план скорее предлагал дипломатический союз в целях предотвращения войны посредством гарантированного процесса арбитража. План же Хауза шел гораздо дальше по пути к действительной ассоциации государств, и в самом деле иным могло казаться, что этот план содержит в себе угрозу создания сверхгосударства. План Хауза добавлял создание секретариата Лиги и постоянного международного суда. Он рассматривал собрание делегатов как своего рода постоянный всемирный парламент. План Хауза принимал британский принцип гарантированного процесса арбитража для предотвращения войны, но он также рассматривал и формулу прямой гарантии «политической независимости и территориальной целостности» — ту самую формулу, которую президент Вильсон применил в декабре 1914 г., когда впервые набросал проект панамериканского пакта. Чтобы сделать эту гарантию менее жесткой, Хауз добавил условие о мирной модификации территориальных владений в тех случаях, когда эта модификация станет необходимой в будущем вследствие изменившихся условий. В план Хауза, как и в план Филлимора, был включен принцип принудительного арбитража и критерий для определения государства-агрессора, характерный для Протокола 1924 г.

ПЕРВЫЕ АМЕРИКАНСКИЕ ПРОЕКТЫ УСТАВА

Еще в одном отношении план полковника Хауза ставил более обширные цели, чем доклад Филлимора. Он добавлял условие о признании зависимости постоянного мира от ограничения вооружения и возлагал на Лигу функции по осуществлению этого ограничения. План Хауза заключал в себе также принцип запрещения производства военных материалов частными фирмами, а по отношению к вооружениям государств подчеркивал принцип полной гласности.

Судя по письму президента Вильсона, которое Хауз зачитал Руту, Лоуэллу и Тафту во время их апрельского визита к нему, президент не рассчитывал, что Хауз выработает столь детальный устав. В этом письме Вильсон возражал против какой-либо искусственно созданной структуры и настаивал на том, что Лига должна развиваться постепенно. Тем не менее Вильсон одобрил проект Хауза почти целиком, а собственные его переделки фактически ограничились лишь перефразированием. Когда же Вильсон приступил к составлению собственного первого проекта, то он внес только два сколько-нибудь значительных исправления, а именно: опустил положение о международном суде и те две статьи, которые касались использования внутригосударственных судов членами Лиги, и расширил предложенные Хаузом санкции, носившие чисто экономический характер, пунктом о применении военной силы в тех случаях, когда необходимо осуществить власть Лиги наций над неповинующимся ее членом.

Тем временем французская правительственная комиссия под председательством Леона Буржуа также занималась разработкой планов создания Лиги и составила доклад, который был послан Вильсону и Хаузу. По существу французский проект совпал с проектом, представленным комиссии по вопросам Лиги наций во время Парижской мирной конференции. Этот проект, как видно, не изменил позиций ни англичан, ни американцев. Наиболее характерным для французского проекта был пункт о создании международной вооруженной силы с постоянным штабом. Ни одна из англосаксонских стран не склонна была согласиться с подобным предложением.

ГЛАВА XVI

Полковник Хауз вполне отдавал себе отчет в тех многочисленных возражениях, какие возникнут против определенных положений его плана, особенно в отношении пункта о прямой гарантии территориальной целостности. Он беседовал об уставе с лордом Редингом и внимательно изучал отзывы авторитетных знатоков международных отношений. И лорд Роберт Сесиль и м-р Илайу Рут прислали ему пространные письма, которые представляют интерес и историческое значение, свойственное суждениям выдающихся лидеров общественного мнения в этой области.

Письмо сенатора Рута полковнику Хаузу

Клинтон, Нью-Йорк, 16 августа 1918 г.

«Дорогой полковник Хауз!

Я обещал сообщить вам в письменной форме сущность моих высказываний, сделанных некоторое время тому назад на завтраке у вас.

Первым необходимым условием сколько-нибудь длительного согласия между миролюбивыми государствами в деле предотвращения войны является коренное изменение принципа, применяемого в вопросе о нарушениях международного мира.

В настоящее время принят и широко распространен взгляд, что применение силы одним государством в отношении другого является делом, которое затрагивает в первую очередь интересы только этих двух государств, и что если какое-либо третье государство претендует на право высказать свое мнение по этому вопросу, то оно должно доказать свои особые интересы в данном споре. Любое другое государство, желающее выступить в качестве стороны в данном споре, должно предъявить основания своей заинтересованности, если оно хочет избежать обвинения в грубом вмешательстве и предотвратить негодование, которым всегда встречается грубое вмешательство в дела независимого суверенного государства. Это было наглядно показано Германией в июле 1914 г., когда она утверждала, что нападение Австро-Венгрии на Сер-

ПЕРВЫЕ АМЕРИКАНСКИЕ ПРОЕКТЫ УСТАВА

бию является делом, касающимся исключительно этих двух государств. Именно на этом основании Германия отказалась от конференции, предложенной сэром Эдуардом Грэм. Необходимый поворот предполагает отказ от этого взгляда и всеобщее официальное и непреложное одобрение и провозглашение той точки зрения, что всякое нарушение мира является делом, затрагивающим всех членов содружества наций, — делом, в котором прямо заинтересовано каждое государство и по которому каждое государство имеет право возражать.

Эти две точки зрения соответствуют двум родам ответственности в муниципальном законодательстве, которое мы называем гражданской ответственностью и уголовной ответственностью. Если я заключаю с вами договор и нарушаю его, то соседу нашему нет до этого никакого дела. Вчините ли вы мне иск или пойдете на мировую — его это не касается. С другой стороны, если я нападу на вас и вас изобью, тогда каждый сосед будет заинтересован в моем аресте и наказании, потому что его собственная безопасность требует того, чтобы насилие было обуздано. В основе всякого объединения наций лежит идея организации для сохранения мира. И если эта идея не является по-настоящему действенной и руководящей, то и не может быть объединения ни индивидуумов, ни государств. Именно постепенный рост и утверждение этой идеи общественных интересов в деле предупреждения и наказания нарушений мира покончили с междоусобицей среди цивилизованных народов.

Доктрина Монро провозгласила особую заинтересованность Соединенных Штатов в предупреждении некоторых грубых нарушений мира на Американском континенте; когда же президент Вильсон предложил расширить доктрину Монро, распространив ее на весь мир, то его предложение, по необходимости, влечет за собой изменение той доктрины, о которой я говорю. Это изменение в такой мере естественно, что может показаться маловажным; но на самом деле оно имеет решающее значение, ибо в защиту старой доктрины выступает одна часть вооруженного мира, а в защиту новой, расширенной доктрины выступает другая его часть; между тем спор об этих двух

доктринах является одним из вопросов, из-за которых ведется нынешняя война. Указанный выше поворот предполагает ограничение суверенитета, которое в деле сохранения мира подчиняет все суверенные государства верховному праву сообщества суверенных государств. Признание всякого такого принципа было бы фатальным для всей прусской теории государства и управления. Только когда этот принцип будет открыто, ясно, отчетливо и недвусмысленно принят всем цивилизованным миром, впервые образуется сообщество наций, а естественно вытекающие отсюда практические результаты будут настолько же отличаться от того, что приносил старый взгляд об ответственности наций, насколько результаты, вытекающие из американской Деклараций независимости, отличаются от результатов, вытекавших из божественного права королей.

Второе мое предложение состояло в том, что общественное мнение свободных народов мира, желающих сохранить мир, должно располагать учреждениями, с помощью которых их желания могли бы быть приведены в исполнение. История учит нас этому с предельной ясностью. Чрезвычайная интенсивность общественного настроения может привести либо к движению черни, которое разрушительно, либо к многочисленным и разнообразным высказываниям, которые сами по себе ни к чему не ведут. Для достижения какого-либо положительного результата необходимо облечь определенное лицо властью для совершения определенных действий от имени масс. Первоначальные формы органов управления выросли из очень простых начинаний, развивавшихся от поколения к поколению сообразно потребности. Существенно то, что имеются должностные лица, которые обладают правом действовать и обязаны действовать для сохранения мира.

По соглашению между нациями уже появились некоторые рудиментарные органы. Гагская конференция обеспечила создание такого аппарата, который легко позволяет представлять на решение трибунала вопросы международного права. Так же легко удалось при возникновении спора о фактах определять истину с помощью следственной комиссии, как, на-

пример, в инциденте у Доггер-банк.

Международный обычай, возникший в условиях концерта европейских держав, также сделал естественным и принятым то, чтобы в случае возникновения серьезных затруднений державы собирались бы для обсуждения вопроса о том, как избежать общего ущерба. Однако все эти зачаточные органы — арбитражный трибунал, следственная комиссия и конференция государств — полностью зависят от инициативы отдельных государств. Никто не облечен авторитетом призвать к действию эти органы от имени или в интересах сообщества наций, заинтересованных в сохранении мира. После признания нового принципа общей заинтересованности в сохранении мира первым и естественным шагом в развитии этих зачаточных органов должно являться назначение кого-то или какой-то группы, чьей обязанностью будет выступить от имени всего сообщества к любым двум государствам, собирающимся воевать, с призывом представить их взаимные претензии на рассмотрение (я говорю не «решение», а — рассмотрение) либо трибунала в нынешнем его виде или в том виде, в котором он будет организован в будущем, либо следственной комиссии, либо же конференции, в зависимости от обстоятельств. Для всякого государства, которое до конца признало заинтересованность сообщества наций и его право на вмешательство, окажется чрезвычайно трудным отвергнуть подобное требование, заявленное от имени этого сообщества, если же оно это сделает, то со всей ясностью обнаружит свою неправоту в глазах всего мира. Я не говорю, что государство не сможет отвергнуть подобное требование, но это будет труднее, чем теперь, и уже гораздо менее вероятно. Полностью была бы опровергнута, например, та концепция, на основании которой Германия пыталась спасти свою репутацию, пользуясь австрийским ультиматумом Сербии как поводом для того, чтобы затеять всеобщую войну. Разумеется, такое требование должно быть подкреплено также соглашением между державами о том, чтобы действовать совместно для поддержки этого, предъявленного от их имени требования, как и во всех вытекающих отсюда последствиях.

Вопрос о пределах этого соглашения приводит меня к тре-

тьему, сделанному мною предложению, а именно: что не следует затевать никакого такого соглашения под вывеской Лиги мира или под каким-либо другим названием, которое, вероятно, не будет соблюдено, когда наступит время действовать на его основе. В международных делах нет ничего хуже, чем заключать соглашения и потом нарушать их. Следовательно, для Соединенных Штатов было бы безрассудно вступать ради сохранения или усиления мира после окончания этой войны в соглашение, которое народ Соединенных Штатов рассматривал бы как нечто связывающее его. Я думаю, что это соображение применимо и к вопросу о заключении прочного и негибкого соглашения о вступлении в войну в случае какого-нибудь непредвиденного международного события, не поддающегося контролю Соединенных Штатов. Я думаю, что вопрос о том, поддержит ли народ нашей страны подобное соглашение, заключенное президентом и сенатом, будет зависеть от того, как народ расценит то событие, которое потребует от него действий в будущем, когда это событие произойдет, и воевать он станет только в том случае, если будет уверен, что это нужно, и не станет воевать, если будет уверен, что это не нужно. Быть может, в дальнейшем удастся развить международную общественную систему, которая позволит сказать: «Мы принимаем на себя обязательство воевать в случае такого-то определенного события», — но я не думаю, чтобы эта система была пока что настолько развита, чтобы уже теперь оказалось практически возможным заключать подобное соглашение. Возможно, конечно, что эта система получит такое развитие еще до окончания нынешней войны. Кто может знать? Несомненно, что мы много ближе к этому теперь, чем года два-три тому назад.

Я полагаю, что это исчерпывает все, о чем я тогда говорил. Я не имел в виду сказать что-либо дополнительно о разоружении, которое я считаю необходимым, равно как и о необходимости смести с лица земли милитаристские автократии, которые навлекли на нас эту войну. Я думаю, что это необходимо сделать, если мы хотим обеспечить надежный мир. Пока Го-генцоллерны и Габсбурги остаются на троне, нам постоянно

ПЕРВЫЕ АМЕРИКАНСКИЕ ПРОЕКТЫ УСТАВА

придется быть начеку против нераскаявшихся профессиональных преступников. Соглашения с ними никогда цены иметь не будут; цели их всегда окажутся дурными; и если они останутся, то нам, может быть, удастся значительно затруднить их деятельность, но мы никогда не сумеем лишить их возможности снова нарушать мир.

Преданный вам *Илайу Рут*».

3

«14 августа 1918 г. Из Белого дома сообщили по телефону, — записывает Хауз в своем дневнике, — что завтра утром к нам прибудет президент. Срок оставался короткий, но мы тотчас же известили г-жу Кулидж¹, так что к утру все было готово к приезду президента. Из Бостона прибыли агенты «Сикрет сервис» (тайной полиции); журналисты «Ассошиэйтед пресс» и прочая газетная публика были осведомлены о том, что говорить и чего не говорить. Президент с сопровождающими его лицами прибывает специальным доездом, который будет направлен на запасный путь станции Магнолия; весь персонал поезда останется здесь на время визита президента».

«15 августа 1918г. Президент с сопровождающими его лицами прибыл сегодня утром в назначенное время, около 9 часов... Когда мы явились, президент завтракал. Я сидел с ним, пока он не кончил... Затем президент проследовал к дому Кулиджа и остановился в прекрасной лоджии, с которой открывался вид на море; мы сразу же приступили к тщательному обсуждению вопроса о Лиге наций. Я интуитивно почувствовал, что это и являлось целью его визита... Президент начал с сообщения о том, что он составил платформу для съезда демократической партии штата Индиана, заседавшего накануне, и получил в ответ такое сообщение: «Мы провели ее точно в том виде, в каком вы ее написали, только мы сократили ваши шесть страничек до трех». «Вот что, — сказал президент, — я

¹ На время визита президента в его распоряжение был предоставлен дом м-ра Т. Джефферсона Кулиджа.

сделал с вашим уставом Лиги наций»¹. Затем он приступил к чтению переделанного им текста. Фактически он произвел очень мало сокращений, но попытался уменьшить число статей до тринадцати — его счастливого числа. Чтобы добиться этого, ему пришлось составить приложение.

Президент берет первые две-три статьи и включает их во «Вступление». Он выбросил суд. В этом отношении между нами было полное разногласие... В остальном документ остался примерно таким, каким я его написал. Единственное существенное изменение состоит в том, что я имел в виду только два воюющих государства, а он включает большее число, — так оно и должно быть².

Мы обсудили вопрос о целесообразности публичного заявления относительно устава Лиги; президент согласился, что лучше этого не делать. Он так долго медлил, что англичане стали уже торопиться с изданием доклада Филлимора; теперь не следует опережать их, поскольку я просил британское правительство не публиковать доклад. Президент привел еще более основательный довод. Он считает, что если бы документ был опубликован до открытия мирной конференции, то это вызвало бы в нашей стране столько критики, в частности, со стороны сенаторов вроде Лоджа, что затруднило бы осуществление его замыслов на мирной конференции. Президент полагает также, что американские группировки, благорасположенные к Лиге, считали бы, что мы идем недостаточно далеко, другие же решили бы, что мы зашли слишком далеко. В заключение он сказал, что если какая-нибудь из союзных стран выступит сейчас с правительственным заявлением, то это неизбежно вызовет те или иные трения и затруднит достижение желательных результатов на мирной конференции. Я уверен, что для нынешнего момента это справедливо...

Президент полагает, что устав Лиги наций может быть включен в мирный договор. В процессе нашего разговора я за-

¹ Проект президента был на десять печатных строк короче проекта Хауза: 210 строк вместо 220.

² Хауз упускает из виду важное изменение, которое Вильсон сделал, прибавив к экономическим санкциям военные.

явил, что, по-моему, невозможно рассматривать малые государства как членов Лиги — на равных основаниях с более крупными. Он довольно горячо возражал, говоря, что исключить их значило бы вступить в противоречие со всеми нашими торжественными заявлениями в отношении малых государств. С этим я согласился; я рассказал, что, принимаясь за составление устава, я имел в виду участие всех государств, как великих, так и малых. Однако трудности были настолько очевидны, что у меня возникло опасение, как бы это не оказалось идеалистической мечтой, практически неосуществимой. Существуют приблизительно пятьдесят государств; из них не более двенадцати, которые станут воевать всерьез в случае великой войны или же будут полезны в ее финансировании, между тем как остальные сорок государств, исходя из нами обоими составленного и согласованного плана, получили бы возможность руководить и управлять этой дюжиной.

Президент был очень обеспокоен... Он спросил, не можем ли мы составить Лигу из всех стран, которые будут на мирной конференции, с оговоркой, что остальные страны смогут быть приняты впоследствии...»

«16 августа 1918 г. Когда мы (президент со всеми сопровождающими) подъехали на двух автомобилях и вошли в дом¹, постовой полисмен подозрительно нас оглядел. Пробыв в доме несколько минут, президент, Грейсон и я вышли задним крыльцом, погуляли по парку и побывали в окрестностях. Только вернувшись, мы узнали, что полисмен следовал за нами и сообщил о своих подозрениях одному из агентов «Сикрет сервис». При этом полисмен сказал, что, по его сведениям, владельцы дома отсутствуют и что, увидев, как мы подъехали к парадному крыльцу на двух машинах, из которых одна, как он был уверен, предназначалась для «добычи», и заметив потом, что мы вышли с заднего крыльца и уже без шляп, он твердо решил, что дело неладно, и уже собирался нас арестовать. Агенту «Сикрет сервис» стоило некоторого труда убедить полисмена в том, что его подозрения пали на президента Соединенных Штатов».

¹ Дом м-ра Рандольфа Токкера, зятя полковника Хауза.

ГЛАВА XVI

Президент Вильсон воспользовался этим визитом в Магнолию, как и прежними визитами, для полного отдыха и особенно для того, чтобы отвлечься от сложных проблем руководства военными делами и продумать дальнейшие перспективы. Сэр Уильям Уайзмэн, которому во время визита президента привелось быть с Хаузом на Северном побережье, сделал следующую запись об этой поездке президента в Магнолию.

«Оторвавшись на короткий промежуток времени от атмосферы Вашингтона, Вильсон имел возможность сосредоточить внимание и обсудить с Хаузом более обширные проблемы военных целей и Лиги наций. В памяти моей сохранился, в частности, один вечер, когда президент и полковник Хауз сидели на лужайке перед коттеджем Хауза с разложенными перед ними картами Европы и обсуждали вопрос о том, как, какими путями и способами организовать либеральное общественное мнение для сокрушения германского военного аппарата и для защиты в будущем наций, подвергавшихся угнетению. Посольства союзных государств в Вашингтоне проявляли острый интерес и некоторое беспокойство по поводу совещаний в Магнолии. Носились слухи о мирных предложениях. Под тем или иным предлогом различные посольства пытались проникнуть в этот пункт Северного побережья, где, они полагали, решались судьбы Европы».

Считаясь с твердым убеждением президента Вильсона, что публичное обсуждение американского и британского планов создания Лиги способствовало бы в то время возникновению разногласий, чем полезных предложений, британское правительство согласилось скорее отложить опубликование доклада Филлимора. Лорд Рединг, находившийся тогда в Англии, телеграфом сообщал о том, как настойчиво требуют опубликования этого документа; он знал о желании Вильсона оттянуть открытую дискуссию о деталях организации Лиги наций и сообразно с этим нажимал на свое правительство. По просьбе Вильсона полковник Хауз совместно с сэром Уильямом Уайзмэном составил телеграмму лорду Редингу, подробно разъяснявшую позицию президента. Телеграмма была послана за подписью сэра Уильяма Уайзмэна.

ПЕРВЫЕ АМЕРИКАНСКИЕ ПРОЕКТЫ УСТАВА

Телеграмма сэра Уильяма Уайзмэна лорду Редингу

Магнолия, Массачусетс, 16 августа 1918 г.

«В субботу я показал президенту копию вашей телеграммы. При свидании присутствовал полковник Хауз.

Президент сказал, что он рад возможности дальнейшего обмена мнений, ибо к тому времени, когда он виделся с вами, он не ознакомился еще с докладом Филлимора. Президент сказал мне также, что в настоящее время он не собирается делать какое-либо публичное заявление относительно устава Лиги наций.

Прежде всего подобное заявление с его стороны было мишенью для здешней критики, при этом некоторые круги утверждали бы, что он зашел слишком далеко, а другие — что он идет недостаточно далеко. Если подобные споры возникнут в настоящее время, то это повредит всему плану.

Далее, президент еще сам для себя не определил, какой метод лучше всего пригоден для создания Лиги. На этот счет у него свои представления, которые, однако, подробно еще не разработаны. Он имеет в виду два главных принципа: необходимо создать Лигу наций и она должна быть сильной.

Президент не сочувствует идее о назначении американской комиссии аналогичной филлимовской и говорит, что ему ничего бы так не хотелось, как обсудить совершенно откровенно всю проблему с м-ром Ллойд Джорджем. Поскольку же в настоящий момент это невозможно, он рад был бы обсудить вопрос с кем-либо, кого прислало бы к нему британское правительство.

Я прихожу к заключению, что президент не совсем согласен с докладом Филлимора. Он считает его слишком неопределенным и лишенным той зрелости, какая могла бы воодушевить всех сторонников создания Лиги, которых необходимо призвать к горячей борьбе за наши планы.

Президент просил меня добиваться, чтобы вы убедили правительство не публиковать доклад, во всяком случае — не теперь. Он усматривает серьезную опасность в публичном обсуждении вопросов о деталях и методах достижения нашей це-

ГЛАВА XVI

ли. Возможно, что каждая страна окажется связанной собственным планом и найдет основательные возражения против предложений других стран. Могут вспыхнуть деликатные проблемы различных национальных настроений и предрассудков, и хотя в конечном счете с трудными проблемами придется столкнуться открыто, однако не следует допускать, чтобы из-за них подвергалась опасности солидарность государств, воюющих с Германией. Официальная публикация выводов, которые на данной стадии неизбежно окажутся незрелыми, не только не принесет никакой пользы, но даже будет опасна для дела.

Я надеюсь, что сумел передать вам искренние взгляды, высказанные президентом. Он не делает поспешных выводов; его продуманное мнение состоит в том, что опубликование официальных взглядов относительно устава и деталей Лиги наций заведомо повредит успеху всего плана.

Сегодня утром президент спрашивал полковника Хауза, послал ли я вам телеграмму, и выразил чувство большого облегчения и уверенности в том, что вы одобрите его точку зрения и сумеете убедить правительство его величества не публиковать доклад.

Нам следует иметь в виду, что опубликование доклада непременно вызовет здесь значительные споры, поэтому сомнительно, удастся ли президенту избежать необходимости высказать свое мнение, а в таком случае он был бы вынужден заявить, что он не одобряет доклада Филлимора. Злонамеренные люди сумеют представить все это в преувеличенном виде, как значительное расхождение взглядов двух правительств.

Уайзмэн».

Таким образом, президенту Вильсону удалось отложить публичную дискуссию по вопросу о деталях создания Лиги наций, причем он, по-видимому, и после этого не изучал проблему сколько-нибудь внимательно вплоть до его приезда на мирную конференцию. Как-то в декабре, еще до отплытия во Францию, у Вильсона возникла мысль о мандатном управлении от имени

НАЧАЛО КОНЦА

Лиги завоеванными территориями¹. Но только по приезде в Париж он принял английское предложение о создании совета в дополнение к ассамблее, равно как и всю серию статей, предусматривающих контроль Лиги над разными международными бюро, включая Бюро труда и Красный Крест, которые впоследствии были внесены в последние четыре статьи окончательного текста устава Лиги. Кроме того, в Париже в результате предложений, исходивших от лорда Роберта Сесилия, генерала Смэтса, м-ра Бальфура, сэра Эрика Друммонда и многих других, несколько неуклюжая структура Лиги, изложенная в проекте Хауза, использованном президентом в его собственном проекте, была переделана и в огромной мере улучшена.

Тем не менее неверно, как это иногда утверждали, будто президент отправлялся на мирную конференцию без какого-либо специального плана создания Лиги. В основных чертах она была уже обрисована, а проект устава находился у него в делах еще задолго до того, как он отбыл на борту «Джорджа Вашингтона».

ГЛАВА XVII НАЧАЛО КОНЦА

Если Германия побита, она примет любые условия. Если же она не побита, он (президент Вильсон) ни о чем не желает с нею условливаться.

Из дневника полковника Хауза от 15 октября 1918 г.

¹ М-р Бэйкер заявляет (см. «Woodrow Wilson and World Settlement», v. I, p. 224 — 227), что президент заимствовал идею мандатов от генерала Смэтса после своего приезда в Европу. Несомненно, что президент отчеканил свои мысли относительно принципа мандатов в результате изучения брошюры генерала Смэтса о Лиге, но несомненно и то, что президент размышлял об этом еще до приезда в Европу. 10 декабря, находясь на борту парохода «Джордж Вашингтон», он выражал надежду на то, что территории, отвоеванные у неприятеля, особенно в отсталых странах земного шара, станут владениями Лиги. «Ничто так не стабилизирует всякую организацию, — говорил президент, — как владение имуществом». В тот период президент требовал, чтобы эти территории управлялись не великими державами, а малыми государствами, упомянув, в частности, скандинавские. (Из записок Чарлза Сеймура от 10 декабря 1918 г.)

ГЛАВА XVII

В то время как президент Вильсон направлялся в Магнотию, для того чтобы обсудить с полковником Хаузом первый американский проект устава Лиги, в германской главной квартире в Спа происходили многозначительные дебаты. Там собрались политические и военные лидеры центральных держав: кайзер, фон Гинденбург, Людендорф, канцлер фон Гертлинг и новый министр иностранных дел фон Гинтце; 14 августа к ним прибыли австрийский император и его министр иностранных дел Буриан¹. Людендорф признался, что у него уже нет никаких надежд на сокрушительный военный триумф. Большое германское весеннее наступление было остановлено; инициатива перешла к Фошу, и он погнал немцев обратно через Марну и Вель. 8 августа англичане начали наступление, которое Людендорф в своих мемуарах определяет как начало «последней фазы».

«Я сделал обзор военной ситуации, — пишет Людендорф, — состояния нашей армии и положения наших союзников и объяснил, что теперь уже невозможно при помощи наступления заставить противника искать мира. Одна лишь оборона едва ли приведет к этой цели, и таким образом окончания войны надо добиваться дипломатическим путем... Император был очень спокоен... и дал ему (министру иностранных дел) инструкцию начать мирные переговоры, если возможно, через посредничество королевы Нидерландской»².

Во время этого заседания Коронного совета ни разу не упоминалось о капитуляции. Полномочия, которыми был наделен фон Гинтце, были ограничены сохранением военных целей, поставленных в предвидении победы. Фельдмаршал Гинденбург выразил надежду на то, что «окажется возможным закрепиться на французской территории и тем самым, в конце концов, навязать нашу волю неприятелю»³. Но военное

¹ Чернин подал в отставку в апреле в связи с разоблачением тайных мирных переговоров с принцем Сикстом.

² «Ludendorff's Own Story», v. II, p. 334—335.

³ «Preliminary History of the Armistice: Official Documents published by the German National Chancellery by Order of the Ministry of State», p. 19.

НАЧАЛО КОНЦА

счастье совершенно ясно повернулось в другую сторону. Только с большим трудом удалось отговорить австрийцев от выступления с прямым обращением о мире к воюющим странам. В своих мемуарах Людендорф жалуется на моральный упадок германского народа в тылу. Продвижение союзников продолжалось. В конце августа и начале сентября они оттеснили немцев к реке Эн; франко-американское наступление 12 сентября очистило сен-миельский клин; франко-британское наступление 22 сентября прорвало гинденбургскую линию между Сен-Кантемом и Камбре. Людендорф предупреждал министра иностранных дел, что нет никаких шансов на победу путем внезапного контрудара. 10 сентября в связи с необходимостью переговоров Гинденбург употребил слово «немедленно»¹.

И все же германские лидеры не сумели понять, насколько близки были к крушению и армия и нация. Еще более далеки от этого понимания были лидеры держав Антанты. Они не располагали надежной информацией о том, что происходило в Германии. По тем данным, которые у них имелись, можно было полагать, что германские силы, вероятно, отходят, как и в 1917 г., на подготовленные позиции, откуда их возможно удастся выбить лишь ценой многомесячных и дорогостоящих атак. Насколько мы знаем теперь, у союзников в то время были все основания для оптимизма, однако никто не знал, как долго смогут продержаться немцы. 12 сентября лорд Рединг телеграфировал из Лондона Уайзмэну для сведения Хауза: «По общему мнению военных руководителей, находящихся во Франции, при большом усилии войну можно будет закончить в 1919 г., и в этом направлении и следует сосредоточить всю энергию. Еще до сих пор не установлена и не согласована между союзниками надлежащая четкая политика, но тенденции в этом направлении складываются».

Всего неделю спустя пришли вести с македонского фронта, которые неожиданно воодушевили даже самых осторожных из

¹ Ibidem, p. 27.

ГЛАВА XVII

лидеров союзных стран чувством того, что дела их обстоят лучше, чем они смели надеяться. 17 сентября союзные войска к северу от Салоник атаковали болгар и немцев, оттеснили их с линии обороны, которая считалась неприступной, и через два дня обратили их в бегство.

С начала весны 1918 г. англичане и французы наблюдали, как росло недовольство Болгарии, и несколько раз затевали планы сепаратного мира. Когда же это не удалось, они постарались побудить Соединенные Штаты объявить войну болгарам. «Это нанесет суровый удар их уверенности в будущем, — телеграфировал м-р Бальфур Хаузу, — если они, наконец, поймут со всей ясностью, что Америка рассматривает их как своих врагов». Президент желал избежать объявления войны. Он подчеркивал традиционную американо-болгарскую дружбу и утверждал, что не видит, какую ценность может представлять собою объявление войны для союзной пропаганды; не случится ли так, что это скорее укрепит лояльность колеблющегося болгарского народа к своему правительству? 18 сентября сэр Уильям Уайзмэн передал Хаузу еще одно сообщение от м-ра Бальфура:

«Можете сообщить президенту для его личного и сугубо конфиденциального сведения, что вскоре начнется генеральное наступление на македонском фронте и что оно, по-моему, оказалось бы тем более ценным, если можно было бы без промедления выступить с угрозой по отношению к Болгарии и тем самым ослабить моральный дух и сопротивление болгар еще до того, как наступление созреет».

Весь болгарский фронт рассыпался. Германский контроль над Юго-Восточной Европой был сломлен. Салоникский побочный аттракцион себя оправдал. 26 сентября в штаб-квартиру командующего английскими силами в Македонии генерала Милна явился болгарский офицер с белым флагом; его препроводили к главнокомандующему союзными силами генералу Франше д'Эспере. Офицер просил о прекращении военных действий на 48 часов. Французский генерал отказал в перемирии, но дал согласие принять наделенных надлежащими полномочиями болгарских делегатов. Тем временем

болгарский посланник в Гааге обратился к американскому посланнику с тем, чтобы тот попросил Вильсона выступить посредником в деле установления перемирия. Это сообщение пришло в Вашингтон в тот момент, когда президент Вильсон находился на пути в Нью-Йорк, где ему предстояло выступить с большой речью о «Займе свободы»; сообщение было передано полковнику Хаузу по телефону.

«27 сентября 1918 г. Я встретил свиту президента в 1 час 20 минут, — писал Хауз в своем дневнике. — Когда мы подъехали к Пенсильванскому вокзалу, там уже стояла большая толпа. Мы поехали прямо в гостиницу «Уолдорф»; еще до выхода из вагона я имел возможность сообщить президенту о болгарском débâcle¹. Это его глубоко заинтересовало. Гордон читал мне по телефону из Вашингтона все телеграммы, и мы пригласили президента в наши апартаменты, чтобы дать ему возможность заслушать эти телеграммы по прямому проводу...

По дороге я рассказал президенту, что Лансинг предлагает ответить (на обращение болгарского посланника) заявлением о согласии посредничать в установлении перемирия лишь при условии, что болгары эвакуируют Сербию и разрешат вступление войск союзников в Болгарию в том случае, если понадобится помочь болгарам оборонять их территорию от центральных держав. Президент сел за стол и написал следующее:

«Ценю доверие, оказанное мне, и готов добиваться от Антанты перемирия, если болгарское правительство согласится сейчас с тем, чтобы первичные условия мира, впредь до окончательных постановлений всеобщей мирной конференции, включали бы эвакуацию болгарских сил из Сербии, Македонии и Эпира и разрешение Антанте вступить в Болгарию, если понадобится защищать ее территорию от центральных держав.

В. В.».

Президент показал это мне, спрашивая о моем мнении. Я считал, что мы недостаточно осведомлены о положении, что-

¹ Débâcle — разгром (франц.). — Прим. перев.

ГЛАВА XVII

бы ставить точные условия. Но дело не только в этом. Никакое болгарское правительство, приняв подобные условия, не осмелится показаться на глаза своему народу. Я посоветовал президенту заявить, что он готов поступить так, как просит болгарское правительство, при условии, что оно предоставит на его усмотрение вопрос об условиях перемирия.

В течение нескольких минут президент оспаривал это, говоря, что опасается, как бы дело не стало выглядеть так, что будто бы он берет на себя слишком много. Я отвечал, что болгарское правительство предпочтет скорее это, чем согласится на те условия, какие он изложил, и что оно сможет тогда заявить болгарскому народу, будто бы он, президент, поступил нелояльно, в то время как оно, считая его другом Болгарии, отнеслось к нему с доверием. Иными словами, это позволит болгарскому правительству выступить перед своим народом с какими угодно объяснениями. Президент признал эти доводы вескими и написал следующее:

“Я ценю доверие, оказанное мне, и готов добиваться от Антанты перемирия, если болгарское правительство уполномочит меня заявить, что условия перемирия предоставлены на мое решение и что болгарское правительство примет назначенные мною условия. Иначе я не могу надеяться при данных обстоятельствах на плодотворное посредничество в таком жизненно важном вопросе”».

Однако болгарские войска так спешили капитулировать, что у болгар не хватило времени воспользоваться услугами Вильсона, о которых просил их посланник в Гааге. 28 сентября двое болгарских уполномоченных явились в штаб-квартиру Франше д'Эспере и приняли условия, означавшие безоговорочную капитуляцию: демобилизацию армии, эвакуацию всей греческой и сербской территории, предоставление для операций союзников болгарской территории и транспортных средств и разрешение на оккупацию стратегических пунктов британскими, французскими или итальянскими войсками. 30 сентября эти условия были ратифицированы союзными правительствами, и в Салониках было подписано перемирие.

Падение Болгарии создало угрозу обнажения границы Австро-Венгрии перед лицом союзного наступления, которое в течение последующих недель быстро развивалось. Наступление войск Антанты на Западном фронте сопровождалось благоприятными известиями о победоносном продвижении Алленби в Сирии. Уже 16 сентября Австрия выступила с прямым обращением о мире, сразу же отвергнутым Вильсоном, потому что оно не содержало точного определения условий; обращение свидетельствовало лишь о возрастающем отчаянии габсбургского правительства. Союзники Германии либо находились в состоянии развала, либо совсем уже прекратили борьбу. Продолжавшийся успех союзных армий и возрастающая надежда на внезапное крушение Германии неизбежно еще раз поставили вопрос о целях войны. Полковник Хауз ясно сознавал наличие в Европе настроения, совершенно не совместимого с вильсоновскими «Четырнадцатью пунктами»; он знал также, что на правительства стран Антанты будет оказано сильное давление, чтобы они извлекли из победы максимальную выгоду и предъявили бы Германии сокрушительные условия мира. Существовала опасность, что общественное мнение окажется до такой степени опьяненным военным триумфом, что обещания справедливого мира, гарантированного Вильсоном, будут забыты.

В течение лета между союзниками и Соединенными Штатами обнаружились явные разногласия по вопросу об экономической политике по отношению к Германии по окончании войны. Президент Вильсон прекрасно понимал всю мощь экономического оружия, которое может быть применено победоносными союзниками и Америкой, поэтому он всячески старался идти в ногу с союзниками, чтобы политически предстать перед врагом единым фронтом; но Вильсон был также убежден и в том, что угрожать Германии при данных обстоятельствах было бы в дипломатическом смысле столь же неразумно, сколь несправедливо было бы продолжать «войну после войны». Уайзмэн писал впоследствии: «Президент с тревогой наблюдал растущее

ГЛАВА XVII

среди союзников настроение, передававшееся и Соединенным Штатам, в пользу того, чтобы после войны раздавить Германию экономически. Вильсон и Хауз предвидели тщетность и опасность такой политики, но лидеры союзных стран поняли это лишь гораздо позднее». Исходя из всего этого, президент попросил полковника Хауза неофициально намекнуть об этом британскому правительству. Хауз исполнил эту просьбу посылкой телеграммы, составленной им совместно с Уайзмэном и от имени последнего направленной лорду Редингу.

Письмо полковника Хауза президенту

Магнолия, Массачусетс, 3 сентября 1918 г.

«Дорогой начальник!

Не кажется ли вам, что настало время подумать над тем, не благоразумнее ли будет попытаться обязать союзников в отношении некоторых принципов, за которые мы боремся?

По мере развития успехов союзников ваше влияние будет уменьшаться. Это неизбежно. Ко времени мирной конференции вы будете приближаться к концу вашего второго срока¹, и это тоже явится своего рода вызовом тем людям как у нас на родине, так и за границей, которые намерены выступить против вас. Вот почему мне думается, что сейчас вы должны возможно больше связать союзников с вашей программой. Маловероятно, чтобы изменился состав союзных правительств, если дела по-прежнему будут хороши... А это будет означать скорее враждебный, чем сочувственный настроенный состав. Хотя в настоящее время либералы в значительной мере с вами, я чувствую, что во Франции и в Англии ваша позиция среди лейбористских кругов не столь сильна, как несколько месяцев тому назад. Такая опора, вполне естественно, ненадежна и неустойчива, и я не верю, чтоб она была достаточно прочной и сильной для того, чтобы заставить стоящих у власти реакционеров подчиниться на мирной конференции американским устремлениям.

¹Конец второго срока пребывания Вильсона на посту президента США наступал в марте 1921 г. — *Прим. перев.*

НАЧАЛО КОНЦА

Нельзя ли было бы придумать такой план, по которому Антанта была бы связана определенными принципами, за которые стоим мы и которые, с нашей точки зрения, так необходимы для переустройства мира?

Если упомянутая мною группа придет на мирный конгресс в упоении победой, то никакой призыв, обращенный вами через ее головы, успеха иметь не будет. В каждой стране найдутся довольно видные деятели, люди возвышенного образа мыслей, которые сплотятся вокруг вас, но они будут в меньшинстве, и голоса их будут слабо доноситься до экзальтированной толпы, опьяненной не только самой победой, но и мыслью об освобождении от войны.

Если вы читали, что писал сэръ Уильям Тиррел... в последних письмах, которые я вам переслал, то вас должен был заинтересовать его довод в пользу создания Лиги наций уже теперь. На меня производят впечатление не столько слова Тиррела, сколько мысль о том, что можно было бы сделать с помощью Лиги наций и ей подобных вещей в настоящее время и чего, быть может, не удастся достигнуть на мирной конференции.

Договоренность с Францией, Англией, Италией и Японией об уставе Лиги наций не помешает включить его в мирный договор. Скорее — это поможет делу. Центральные державы не смогут возражать против заявления союзников о Лиге наций и их концепции о том, какою она должна быть, а также против одновременного заявления союзников о намерении включить соглашение о Лиге в мирный договор. Принятие и публикация такого документа, какой мы имеем в виду, произвели бы только благоприятное впечатление на центральные державы и приблизили бы конец войны. Если бы опубликовать устав в согласии с Англией, Францией, Италией и Японией, то в нашей стране не нашлось бы сколько-нибудь стоящей внимания оппозиции.

Если вы совершите путешествие на Запад, то в ваших речах можно было бы сказать многое, что расчистило бы путь для Дальнейших действий. Я надеюсь еще до вашего отъезда побывать в Вашингтоне и переговорить по этому вопросу лично.

С глубоким чувством, преданный вам Э. М. Хауз».

ГЛАВА XVII

Президент Вильсон остался непоколебим в решимости не приступать к переговорам о точной формулировке устава Лиги. Но на него произвел впечатление довод Хауза о том, что настал момент призвать союзников принять его принципы и отказаться от империалистских предложений о мире. Президент нащупывал, каким способом этого можно достигнуть. Прямые переговоры с англичанами и французами в том направлении, которое имел в виду Хауз, он отверг. После трехнедельного промедления президент вызвал Хауза в Вашингтон с тем, чтобы обсудить вопрос о выступлении, которое определило бы принципы желательного мирного соглашения и одобрения которого можно было просить у союзников. В своем дневнике 24 сентября полковник Хауз изложил сущность этой беседы с президентом.

«Я только что вернулся из Вашингтона. В воскресенье утром, как только я позавтракал по приезду туда, ко мне вошел президент...

Он сказал, что размышлял о письме, написанном ему мною 3 сентября из Магнолии, и составил речь, которая, по его мнению, может исчерпать вопрос при условии, если ему удастся заручиться согласием союзников. Он попросил меня прочесть эту речь, высказать свое мнение о ней и посоветовать, где и когда следует с нею выступить. Он рассказал, что Бенджамин Стронг из Банка федеральных резервов в Нью-Йорке просил его открыть кампанию «Займ свободы» речью в Нью-Йорке, но он от этого отказался, потому что не считает этот повод подходящим. Президент спрашивал, не подойдет ли лучше «Экономический клуб» Нью-Йорка.

Я полагал, что кампания «Займ свободы» представляет великолепный повод. Можно было бы назначить выступление на ближайшую пятницу. Президент мог бы посвятить «Займу свободы» всего лишь одну фразу, объяснив, насколько необходимо собрать эти деньги в связи с теми планами страны, которые надо осуществить для того, чтобы предотвратить войну в будущем. Далее он мог бы перейти к своей теме, а к займу уже больше не возвращаться. Все это можно было провести таким же способом, как было сделано весною в Балтиморе.

Президент с этим согласился и попросил меня заняться подготовкой к его выступлению. Мы переговорили о том, кто

НАЧАЛО КОНЦА

будет выступать вместе с ним, о продолжительности его речи, с чего она должна начаться и чем кончиться.

После завтрака мы с президентом отправились в его библиотеку, там он зачитал мне свою речь... В понедельник он снова дал мне прочесть свою речь с изменениями; речь показалась мне безукоризненной, кроме одного слова, которое он и заменил другим. Речь касается Лиги наций, и, хотя она не добиралась до самой сердцевины, в ней все же вполне ясно указывалось, какого рода Лига нам нужна. Мы поговорили затем о существующем во всем мире настроении в пользу такой организации. Я располагал по этому вопросу кое-какими материалами, которые передал президенту для оглашения. Кроме того, я располагал данными о французской концепции Лиги, которых он еще не видел...

Президент говорил об общих политических вопросах, выражая горячее желание, чтобы был избран демократический конгресс. Он сказал, что намерен недели за две до выборов выступить с речью или письменным обращением, призывая народ избрать демократическую палату. Я не высказал никакого мнения относительно разумности подобного шага...¹

¹В тех случаях, когда Хауз консультировал президента, молчание Хауза неизменно означало несогласие. Ничего больше Хаузу об этом не было сказано; он находился уже в Атлантическом океане, когда этот призыв был опубликован. 25 октября он писал в своем дневнике:

«Меня очень встревожил призыв президента об избрании конгресса из демократов. Все, что он говорит, справедливо, но призывать к созданию однопартийного конгресса является политической ошибкой. Если бы он просил избирателей поддерживать тех членов палаты и сената, которые стояли за поддержку американских военных устремлений независимо от партийной принадлежности, тогда он был бы на прочной позиции. Этим путем он избежал бы вспышки партийных страстей и победил бы независимо от того, какая из партий контролировала бы конгресс, при условии, что избранными оказались бы те, кто был лоялен по отношению к нашим военным целям. Тут, опять-таки, президент пошел на большой риск. Если дело обернется хорошо, он будет признан смелым и сильным вождем; если же оно обернется плохо, то сложится противоположный взгляд.

Мне эта затея кажется ненужной, и если бы я находился на месте, то высказался бы против нее. В последний раз, когда я был в Вашингтоне, он упомянул, что собирается выступить с призывом. Я никакого ответа не дал, а для него это всегда свидетельствует о моем неодобрении. Дело в том, что мы настолько были поглощены германскими нотами, что я отмахнулся от этого вопроса и уделил ему очень мало внимания. Теперь я очень сожалею, что не поговорил с президентом об этом до конца».

ГЛАВА XVII

Говоря об Уолтере Пэйдже, президент коснулся его прошения об отставке, на которое президент ответил только телеграммой. Президент сказал, что не решается писать письмо с выражением глубокого сожаления, так как опасается, как бы такое письмо не предало бы его в руки недружелюбно настроенного к нему Пэйджа. Я считаю, что, пока оба они живы, Пэйдж не станет ни писать, ни говорить ничего недружелюбного; в то же время я уверен, что рано или поздно критическое мнение Пэйджа о президенте станет достоянием гласности. Президент убежден, что критические суждения Пэйджа не произведут никакого впечатления до тех пор, пока война идет нынешним своим путем. По мнению президента, весь мир почти единодушно признает тот факт, что в войну мы вступили в психологически благоприятный момент, а если бы мы вступили раньше, как этого хотел Пэйдж, то совершили бы ошибку...

В воскресенье вечером, после обеда, мы беседовали об истории, литературе, искусстве и о том, какие политические режимы отмечены лучшими произведениями. Президент напомнил о том факте, что расцвет литературы и искусства в Италии совпадает с периодом ее раздробленности на мелкие королевства и республики, а в Англии Шекспир и его современники создали свои лучшие произведения в елизаветинский период, когда страна уже была стабилизирована, но дух предприимчивости еще был жив. Мы заинтересовались, что в этом отношении ждет Америку, когда настанет это время, и настанет ли оно вообще.

Как и намечалось, речь Вильсона была произнесена 27 сентября в здании оперного театра «Метрополитен» как начало кампании «Займ свободы». Председательствовал губернатор Бенджамин Стронг. Речь по своей значимости уступала лишь речи о «Четырнадцати пунктах». Частично речь была направлена против военных правителей Германии, частично против союзных империалистов, а частично являлась призывом к германскому народу. Приблизительно в это же время пропаганда, руководимая Нортклифом и основанная на речах президента, начала оказывать свое действие

в Германии; недовольство распространялось от тыла к войскам в окопах, о чем с ясностью свидетельствуют мемуары Людендорфа. В союзных странах в то время могли лишь строить предположения о возможных результатах этой пропаганды.

Президент Вильсон начал свою речь требованием о разъяснении целей и вопросов войны, которые надлежало урегулировать при полном и недвусмысленном принятии принципа, что интересы слабейшего так же священны, как и интересы сильнейшего. Не может быть ни уступок, ни компромисса с правительствами центральных империй. «Мы не можем полюбовно сговориться с ними». Но союзники тоже должны понять, что на них лежат определенные обязательства.

«Если в действительности и по правде, — сказал Вильсон, — общей целью объединившихся против Германии правительств и народов, которыми они управляют, — а я верю, что это так, — является достижение с помощью грядущих соглашений прочного и длительного мира, то необходимо, чтобы все, кто сядут за стол мира, пришли бы преисполненными желания заплатить ту единственную цену, которая в состоянии обеспечить мир; чтобы они были также преисполнены желания создать в какой-то зрелой форме ту единственную систему посредничества, которая даст уверенность в том, что соглашения о мире будут уважаться и выполняться.

Этой ценой является беспристрастная справедливость в каждом пункте соглашения, невзирая на то, чьи интересы затронуты, но не только беспристрастная справедливость, но также и удовлетворение нужд разных народов, о судьбах которых идет речь. Незаменимым средством достижения этого является Лига наций, созданная по договорам, которые будут надежными договорами... И конституция Лиги наций, такая, какую я ее себе мыслю, а также ясное определение целей Лиги должны составить часть, а в некотором смысле и наиболее существенную часть самого мирного соглашения».

ГЛАВА XVII

Далее президент перешел к повторному определению основных принципов, изложив их в свете особых обстоятельств того момента:

«Первое. Беспристрастная справедливость должна быть оказана в одинаковой мере всем, без разделения на тех, к кому мы хотим быть справедливы, и тех, кому мы не хотим оказывать справедливость. Это должна быть такая справедливость, которая не знает любимцев и не знает иного мерила, кроме равных прав для всех заинтересованных народов.

Второе. Никакие особые или отдельные интересы какого-либо отдельного государства или какой-либо группы государств не могут являться основанием для какой-либо части соглашения, несовместимой с общими интересами всех.

Третье. Не может быть никаких лиг или союзов, особых договоров или соглашений внутри всеобщей и единой семьи Лиги наций.

Четвертое. Тем более не может быть никаких особых, эгоистических экономических комбинаций внутри Лиги и никакого применения какой-либо формы экономического бойкота или остракизма, кроме того права экономического наказания путем исключения с рынков мира, каковым (как средством утверждения дисциплины и контроля) может быть наделена сама Лига наций.

Пятое. Все международные соглашения и договоры всякого рода должны быть в полном их объеме доведены до сведения всего остального мира».

Президент закончил речь призывом к лидерам союзных стран; этим призывом он, по-видимому, надеялся достигнуть той цели, которую имел в виду Хауз, когда убеждал его в необходимости предпринять шаги к тому, чтобы добиться согласия союзников на вильсоновские принципы.

«Я верю, что руководители правительств, с которыми мы объединены, выступят, как только им представится случай, так же ясно, как старался выступить я. Я надеюсь, что они без колебаний открыто скажут, считают ли они, что я в какой-либо степени ошибаюсь в моем толковании затронутых

НАЧАЛО КОНЦА

проблем или в намечаемых мною способах для удовлетворительного решения этих проблем. Единство цели и суждения так же настоятельно необходимо в этой войне, как необходимо было единство командования на поле битвы...»

«27 сентября 1918 г. В 8 часов 15 минут губернатор Стронг заехал за президентом, — пишет Хауз в своем дневнике, — и вся наша группа отправилась в автомобилях к зданию оперного театра «Метрополитен». Это было историческое событие. Театр был прекрасно декорирован и переполнен самыми видными ньюйоркцами, включая губернатора штата и других должностных лиц. Губернатор Стронг произнес превосходную речь... Подготовку этой речи он успел закончить только в конце дня и тем не менее произнес ее, всего лишь несколько раз заглянув при этом в свои заметки. Поскольку он не оратор, я подумал, какое это замечательное проявление памяти.

Президент зачитал свою речь. Большая ее часть, казалось, не доходила до аудитории, причем наиболее бурные аплодисменты вызывали те места, которые как раз были несущественны.

Все мы гадаем, как ее встретит пресса. После выступления президент пригласил меня отправиться с ним в гостиницу «Уолдорф». Мы прошли в гостиную и в течение нескольких минут говорили о его речи. От возбуждения он покраснелся, и вообще он был доволен трудами этого дня».

Аплодисменты, которыми была встречена речь президента, прокатились эхом по всей стране, но в общем с тем же отсутствием глубокого понимания, которое отметил Хауз. Америка, естественно, была охвачена эмоциями войны и превыше всего боялась попасться в германскую «мирную ловушку». Вот почему страна ликовала, когда президент заявил, что не может быть никакого компромисса с теми, кто стоит у власти в Германии; остальная же часть речи была воспринята как несколько абстрактная. За границей лидеры либералов приняли речь с энтузиазмом и с более глубоким пониманием.

Все эти выражения одобрения вильсоновской речи от 27 сентября со стороны лидеров союзных стран были лишь не-

ГЛАВА XVII

официальными. Речь способствовала формированию общественного мнения вокруг либеральных целей войны, и в конечном счете эту речь, наряду с речью о «Четырнадцати пунктах», восприняли как выражение принципов переустройства мира, с которыми согласны и союзники и Германия. Поскольку же речь предназначалась для того, чтобы добиться немедленной унификации политики союзников, она цели не достигла, ибо державы Антанты не сделали никаких шагов к тому, чтобы официально поддержать вильсоновское заявление о политике. Спустя несколько дней лондонская газета «Дейли ньюс» призывала выступить с такой поддержкой:

«Достойно сожаления, что этот критический момент застает союзников без согласованной и декларированной политики, между тем как за последнюю неделю-две эта очевидная необходимость уже провозглашена там, где до сих пор враждебно относились к тому, чтобы декларировать цели... Мы не можем долее пребывать в атмосфере расплывчатых фраз. Мы должны сказать, говорит ли президент Вильсон и от нашего имени или только от себя лично... Перед миром нет иной политики, кроме политики президента, нет иной политики, которую потерпела бы демократия любой союзной страны. Немедленная поддержка политики президента жизненно необходима»¹.

Прошел, однако, еще месяц, прежде чем европейские союзники окончательно согласились принять вильсоновские принципы как основу мира, да и то лишь после длительных переговоров с полковником Хаузом как представителем президента. Обстоятельством, заставившим союзников и Соединенные Штаты достигнуть согласия, явилась германская просьба о перемирии.

3

В течение нескольких недель германский министр иностранных дел тщетно искал посредничества нейтральной дер-

¹ Передовая статья в «Дейли ньюс» от 8 октября 1918 г.

НАЧАЛО КОНЦА

жавы, через которую можно было бы приступить к мирным переговорам. Осознав отчаянный характер военного положения, германские военные власти сами одобрили предложение об обращении к президенту Вильсону¹. 1 октября Людендорф потребовал, чтобы торопились: «Сегодня войска держатся; что будет завтра, предвидеть нельзя... Фронт может быть прорван в любой момент, и тогда наше предложение поступит в самое неблагоприятное время... Наше предложение должно быть немедленно передано из Берна в Вашингтон. Армия не может ждать даже и сорока восьми часов»².

В Берлине с одобрения рейхстага шел процесс формирования нового правительства во главе с канцлером принцем Максом Баденским. Принц был своего рода салонным либералом, и поддержка рейхстага придавала новому германскому правительству некоторое подобие парламентаризма; это, как надеялись, могло удовлетворить требование Вильсона о свержении прежнего германского режима. Принц Макс, формально ставший канцлером 4 октября, был смущен резкостью требования армии о мире, причем требование это было повторено еще до ликвидации парламентского кризиса. Он просил об отсрочке. Но верховное командование еще более настойчиво потребовало немедленных переговоров о мире. 3 октября Гинденбург телеграфировал Максу: «Ситуация с каждым днем обостряется все больше и может вынудить верховное командование армии к весьма серьезным решениям. В таких условиях настоятельно необходимо закончить борьбу для того, чтобы избавить германский народ и его союзников от бесполезных жертв. Каждый день промедления стоит тысячи жизней храбрых солдат»³.

¹ 21 сентября Лерснер телеграфировал из генерального штаба в министерство иностранных дел: «Генерал Людендорф спросил меня, намерены ли вы, ваше превосходительство, обратиться через принца Гогенлоэ-Лангенбурга в Берне к Америке по вопросу о мирных переговорах?» (См. «Preliminary History of the Armistice», p. 34.)

² Ibidem, pp. 40, 41, 42.

³ «Preliminary History of the Armistice», p. 48.

ГЛАВА XVII

Канцлер сдался и 5 октября послал через швейцарское правительство ноту президенту Вильсону, настоятельно прося его пригласить воюющие стороны приступить к мирным переговорам на основе «Четырнадцать пунктов» и к немедленному заключению перемирия. Австро-венгерское правительство присоединилось к германскому ходатайству.

Полковник Хауз получил эти известия по телефону из Вашингтона с просьбой президента высказать свое мнение по этому вопросу. Трудно было поверить, что просьба о перемирии действительно выражает готовность немцев сдаться, несмотря на их согласие принять «Четырнадцать пунктов» и последующие условия Вильсона. Невозможно было согласиться на перемирие без надлежащих гарантий того, что оно не будет использовано для спасения германской армии. Но резкий отказ мог бы укрепить ослабевавшую решимость германского народа и вызвать ненужное продление войны. На запрос Вильсона Хауз ответил телеграммой и письмом. Еще до этого президент дал понять Хаузу, что собирается немедленно отправить его в Париж для участия в совещаниях союзников.

Телеграмма полковника Хауза президенту

Нью-Йорк, 6 октября 1918 г.

«Я посоветовал бы не давать прямого ответа на германскую ноту. Достаточно будет заявления Белого дома, которое бы гласило: «Президент немедленно снесется с союзниками относительно сообщения, полученного им от германского правительства».

Я посоветовал бы, чтобы вы попросили союзников обсудить вопрос со мною в Париже при первой же возможности. Я чувствую, что они захотят переложить бремя на вас¹, но я надеюсь, что сумею показать им, насколько это было бы неразумно. Они должны принять на себя полную ответственность.

¹ Это предположение полковника Хауза было ошибочным. Дневник сэра Генри Вильсона свидетельствует, что союзники скорее опасались того, что президент Вильсон примет решение, не посоветовавшись с ними.

НАЧАЛО КОНЦА

Если Антанта допустит, чтобы эта возможность ускользнула, и если германское сопротивление усилится, то я уверен, что зимою в странах Антанты возникнет настолько сильное требование мира, что правительства этих стран вынуждены будут предоставить Германии более благоприятные для нее условия, чем те, которые могут быть достигнуты сейчас.

Эдуард Хауз.

Письмо полковника Хауза президенту

Нью-Йорк, 6 октября 1918 г.

«Дорогой начальник!

Волнующие вести пришли сегодня. Перемирие, которого просят немцы и австрийцы, мне кажется невозможным; однако отказ должен быть облечен в такую форму, чтобы преимущество было сохранено в ваших руках.

Если бы вы смогли заставить центральные державы принять такие условия, какие были изложены в вашей ноте Болгарии, то это, я уверен, обеспечило бы вам наиболее благоприятную позицию. Немцы захотят немедленно приступить к делу и, вероятно, предложат ряд способов для того, чтобы поскорее созвать предварительную конференцию. Наша позиция, я полагаю, должна состоять в затяжке, но это не должно бросаться в глаза.

В обстановке, когда Фош наносит удары на Западе, а вы все глубже и глубже вбиваете дипломатический клип, вполне возможно, что война будет окончена еще до конца этого года...¹

С глубоким чувством, преданный вам Э. М. Хауз».

По общему мнению, германское предложение было ловушкой, предназначенной для того, чтобы склонить Вильсона

¹ Только что перед этим Хауз получил телеграмму от Фрэйзира от 5 октября, который сообщал о своей беседе с Фошем: «Маршал казался весьма довольным... и сказал: "Мы на склоне, ведущем к победе, а победа иногда любит пускаться галопом"».

ГЛАВА XVII

согласиться на «мир, заключенный в результате переговоров», который спас бы Германию от поражения. Американская пресса почти единогласно писала об этом как о «маневре». Донесения из-за границы свидетельствовали о том, что общественное мнение союзников рассчитывает и надеется на то, что президент ответит резким отказом рассмотреть вопрос о перемирии. «Германское предложение о мире, — писала газета «Трибюн» в номере от 8 октября, — сегодня в сенате было решительно отвергнуто. Во время горячей дискуссии сенаторы, участвовавшие в двухчасовых прениях, объявили последние предложения неприятеля коварной вылазкой и требовали немедленного их отклонения... Ораторы единодушно заявляли, что мирным переговорам должна предшествовать сокрушительная военная победа». Едва ли сенаторы сознавали, что союзники, по свидетельству германского верховного командования, уже одержали эту победу.

«Не кажется ли вам, — говорил сенатор Лодж, — что, выражаясь простым английским языком, перемирие в такой момент означало бы проигрыш войны?» — «Я не думаю, чтобы это было сказано слишком сильно», — ответил сенатор Пойндекстер.

В понедельник, 7 октября, Хауза по телефону вызвали в Вашингтон. В тот же день он приехал в столицу; президента он застал в волнении, ибо тот остро сознавал опасность ослабления военной позиции союзников в том случае, если бы не удалось заручиться необходимыми гарантиями. Президент твердо решил не допускать срыва возможности переговоров и, следовательно, не отказываться категорически от рассмотрения просьбы Германии. Хауз подчеркивал необходимость добиться от Германии солидных гарантий до того, как вопрос о перемирии будет поставлен перед союзниками. Обмен мнениями по этому вопросу Хауз подытожил в своем дневнике в записи от 9 октября:

«Я явился в Белый дом, когда часы пробили девять... Президент встретил меня, и мы прошли в его кабинет. Он сообщил, что пригласил Лансинга; через несколько минут последний явился. Президент приготовил ответ германскому канцлеру принцу Максимилиану Баденскому и прочел его

нам¹. Как видно, президент был очень огорчен моим решительным неодобрением проекта ответа. Я считал, что страна не одобрит написанного им. Пospорив около получаса, президент предложил мне попробовать сформулировать мои мысли и изложить их письменно; он должен был признаться, что не сумеет сделать это сам...

Во вторник после завтрака пришел доктор Грейсон, рассчитывавший поиграть с президентом в гольф. Когда я кончил завтракать, появился президент; он заявил, что раздумал идти на прогулку, и пригласил меня в свой кабинет. Мы просматривали газеты. Я обратил внимание президента на суждения о проблеме, высказанные на конференции французских социалистов в Париже, и на комментарии газет «Манчестер гардиан» и лондонской «Дейли ньюс»². Президент со своей стороны прочел мне отчет о прениях, происходивших в сенате в понедельник.

Затем он стал исправлять свой проект; а на следующий день, когда он с этим покончил, от первоначального наброска осталось немного. Президент упорно работал над проектом почти до часу ночи в понедельник. Я предложил тогда отложить дело до утра. Он ответил, что собирается поиграть в гольф, так как ни в воскресенье, ни в понедельник спортом не занимался и испытывал в этом потребность. Я посоветовал

¹ «Первый проект ответа президента Германии был мягким по тону и не подчеркивал необходимости гарантий, обеспечивающих исчерпывающее согласие на мирные условия Вильсона». Эта фраза обнаружена в меморандуме, составленном полковником Хаузом впоследствии (1922 г.).

² Обе газеты представляли английское либеральное общественное мнение, на поддержку которого рассчитывал Вильсон. Передовая статья «Дейли ньюс» звучала почти в унисон с мыслями самого президента. «Президент Вильсон утверждал, что невозможен никакой мир, который основывался бы на честном слове военных правителей Германии... Принц Макс... просит президента, по существу, иметь дело не с кайзером и Людендорфом, а с германским народом... Милитаризм и доктрина силы посрамлены, и нравственный закон приемлется как евангелие международных отношений. Президент Вильсон и союзники захотят гарантий реальности этого грандиозного переворота... Весь мир будет ожидать ответа президента Вильсона с верой в его мудрость...» С другой стороны, дневник сэра Генри Вильсона ясно свидетельствует о том, что эта вера отнюдь не была всеобщей. «Уверен, — писал он 6 октября, — что кое-какие прописные истины послужили бы президенту на пользу» (*Callwell*, Field-Marshal sir Henry Wilson, v. II, p. 134.)

ГЛАВА XVII

ему заняться гольфом и не согласился с ним, что необходимо спешить с ответом. Очевидно, он хотел подготовить ответ вовремя: для утренних выпусков газет во вторник или, по крайней мере, для вечерних выпусков.

Я воспользовался случаем заявить президенту, что считаю его ответ на последнюю австрийскую ноту ошибкой не только вследствие поспешности, с какою он был дан, но и по самому стилю. Он спросил: «А что бы вы сделали?» Я сказал, что ответил бы в духе его нью-йоркской речи от 27 сентября...

Я убедился, что за ночь мнение президента переменялось. Прежде он как будто не сознавал того, что в нашей стране почти все единодушно настроены против каких бы то ни было условий, кроме безусловной капитуляции¹. Он не сознавал, до какой степени наш народ охвачен безумием войны. С этим надо было считаться, но, конечно, не настолько, чтобы уступить народу в том, в чем он не прав.

Президент считал, что, если бы предложение о мире исходило от достойного правительства, отклонить его было бы невозможно. После того как он облек ноту в окончательную форму, он предложил пригласить Тьюмалти с тем, чтобы проверить на нем впечатление от ноты. Тьюмалти незадолго до этого написал президенту, убеждая его не уступать ни в чем и ответить решительным отказом. Письмо Тьюмалти не гармонировало с нотой, вот почему нам не терпелось услышать его мнение². К большому нашему удивлению, Тьюмалти сказал, что страна отнесется к ноте благоприятно, правда, сперва без особого энтузиазма, но нота будет импонировать трезво-мыслящим людям, а позже и всем остальным.

¹ В обоснование этого взгляда газета «Нью-Йорк тайме» напечатала 8 октября следующее сообщение из Лондона: «Всякая мысль о том, что предложение о перемирии сможет; хотя бы на мгновение встретить в Вашингтоне благоприятное отношение, отвергается с презрением. По сведениям газеты «Ивининг ньюс», оба — и Ллойд Джордж и Клемансо — считают, что предложение о приостановке военных действий, которое везде рассматривается как предложение, продиктованное военной необходимостью, и как план, с помощью которого Германия надеется спасти и перегруппировать свои армии, должно быть адресовано маршалу Фошу...»

² Письмо м-ра Тьюмалти приведено в его книге «Woodrow Wilson as I Know Him», p. 315.

НАЧАЛО КОНЦА

Президент был не особенно доволен результатом своих трудов...

Однако прием, который оказан ноте публикой, меня удовлетворяет вполне».

В действительности, нота шла вразрез ожиданиям. Во вторник газета «Нью-Йорк тайме» в своем утреннем издании заявила следующее: «В Вашингтоне с уверенностью говорят, что президент Вильсон ответит на австро-германские мирные предложения решительным отказом». Между тем на самом деле Вильсон не отверг предложения; скорее, он дал понять, что Соединенные Штаты готовы рассмотреть их со всей серьезностью, но что центральные державы должны дать надлежащие гарантии: безусловное согласие принять «Четырнадцать пунктов» и последующие обращения президента как основу мира; заверение в том, что канцлер говорит от имени германского народа, а не от имени тех, кто до сих пор несет ответственность за ведение войны; наконец, эвакуация захваченных территорий.

Президента Вильсона часто восхваляли, особенно Андре Тардьё, за политическую проницательность, с какою он отнесся к германскому предложению о мире; это предложение, как по крайней мере рассчитывал Людендорф, должно было послужить средством спасения германской армии. Это было, однако, не столько следствием проницательности, сколько простой верности собственным принципам. Этот доктринерский метод помог нанести поражение более опытным дипломатам центральных держав, полностью обеспечив успех, обычно достигаемый с помощью дипломатических тонкостей. Переговоры продолжались, и Германии не было сделано никаких уступок, которые имели бы какую-либо ценность в военном отношении.

4

Лучшее доказательство тому, что простота является главным достоинством дипломатии, мы видим в том замешательстве, с каким приняли в германском генеральном штабе ноту Вильсона. Начав переговоры, министры под давлением всеоб-

ГЛАВА XVII

щего требования о мире не посмели их прервать. Но командование армии, которое требовало начала переговоров в расчете на то, что Вильсон сразу же согласится на перемирие, было озадачено. Передышка являлась необходимостью, но командование армии не имело в виду подчиняться тем условиям, которые выдвигал Вильсон.

«Я не боюсь катастрофы, — говорил полковник Гейе, которого поддерживал Людендорф, — но я хочу спасти армию для того, чтобы мы могли использовать ее как средство давления во время мирных переговоров»¹.

Таким образом, руководители германской армии сознались в том, в чем подозревали Германию союзники: немцы хотели перемирия лишь для того, чтобы выиграть время и спасти войска и военные материалы. Это стремление немцев лишь в едва завуалированной форме проявилось в их ответе на ноту Вильсона, посланном 12 октября. Немцы приняли все три условия президента; что же касается процесса эвакуации, то они предлагали, чтобы эвакуации предшествовали переговоры в смешанной комиссии. Вот тут-то и была ловушка. Если бы президент согласился на приостановку военных действий на время обсуждения смешанной комиссией условий эвакуации, то Людендорф получил бы тем самым время для того, чтобы отвести свои армии и ускользнуть от разрушительного давления Фоша. Но западня была поставлена на самом виду, и даже американцы, неопытные в делах европейской дипломатии, не были обмануты.

Президент Вильсон прибыл в Нью-Йорк на день раньше германского ответа; сведения об этом ответе поступили к нему 13-го, во время обеда. Полковнику Хаузу казалось очевидным, что Германия находится в руках у союзников, так как германские лидеры, зайдя так далеко, не могли уже отступить, независимо от того, какие бы условия не предъявил им президент.

«13 октября 1918 г. Мы обедали с президентом и г-жей Вильсон в гостинице «Уолдорф», — писал Хауз в своем дневнике. — За минуту до того, как нас пригласили к столу, явился

¹ «Preliminary History of the Armistice», p. 55.

Тьюмалти с известием, что Германия приняла условия президента. Военная разведка сообщила об этом по телефону из Вашингтона. Мы еще не знали, достоверны ли эти сведения, но, судя по формулировке, это было так. Когда мы сели за стол, президент черкнул мне записочку, в которой стояло: «Расскажите г-же В.» и подпись: «В. В.»...

Почти сразу же после обеда мы отправились на итальянский фестиваль в оперном театре «Метрополитен». Огромная толпа зрителей горячо приветствовала президента. Я был так взволнован вестями, пришедшими из Берлина, что не мог следить за спектаклем. Мы с Тьюмалти направились в кабинет директора оперы, вызвали по телефону Вашингтон и получили подтверждение от Фрэнка Полка и от газеты «Вашингтон пост». В начале одиннадцатого я вернулся домой... Фрэнк Полк вызвал меня в 10 часов 30 минут (по прямому проводу); мы вели продолжительный разговор. Решено было, чтобы Джо Грю поддерживал связь с швейцарской миссией и передал нам официальный текст, как только он поступит.

Я долго не засыпал и все думал о том, что война кончилась, определенно кончилась, если у нас хватит разума использовать победу».

Хауз вернулся в Вашингтон с президентом, который считал, что настал момент подлинного кризиса войны, и хотел, чтобы Хауз находился при нем для консультации. М-р Вильсон намеревался выступить со своим ответом, не теряя времени; каждый выигранный час мог спасти бесчисленные жизни. Вильсон ясно дал понять, что он уклонится от какой-либо дискуссии с немцами относительно технических вопросов эвакуации; это следовало целиком предоставить военным руководителям союзников. Нельзя позволить Германии так сманеврировать, чтобы она была в состоянии возобновить войну. Но в то же время ответ должен быть достаточно поощрительным для немцев, для того чтобы переговоры были успешно и немедленно завершены. В дневнике полковника Хауза изложена точка зрения президента.

«15 октября 1918 г. Вчера был один из волнующих дней в моей жизни. С президентом мы встретились сразу же после

ГЛАВА XVII

завтрака. Никогда еще я не наблюдал его более взволнованным. Он сказал, что не знает, с чего начать, чтобы добраться до самой сути дела. Он хочет придать своему ответу такую законченность, которая не потребовала бы дальнейшего обмена нотами. Мне, сказал президент, все это напоминает лабиринт. Если проникнуть через правильный вход, тогда можно достигнуть центра, но если хоть один раз сделать неправильный поворот, то придется выходить и возобновлять все сначала. Он говорил, что часто, выступая с неподготовленными речами, он начинал не с того конца и тогда ему приходилось всяческими способами выкарабкиваться...

Я считал, что для обсуждения перемирия президент должен выставить одно предварительное условие, а именно: немедленное прекращение всех зверств, как на суше, так и на море. Он с этим согласился, и в ноту это было внесено.

Президент перешел затем к вопросу о германском правительстве и решил повторить то, что он говорил уже об автократиях в своей речи от 4 июля... Мы очень не хотели захлопывать дверь и в то же время желали, чтобы нота была настолько сильной, насколько требовали обстоятельства. Время от времени президент возвращался к теории, выдвинутой им при составлении последней ноты; это была теория о том, что если Германия побита, то она примет любые условия. Если же она не побита, тогда он ни о чем не пожелает с нею договариваться. В то же время ни я, ни президент не хотели мстительного мира. Он не хотел также, чтобы союзные армии опустошали Германию, как Германия опустошила завоеванные ею страны. Президент особенно настойчиво требовал, чтобы ни малейшего подобного пятна не осталось на оружии союзников. Он прекрасен в этом чувстве, и мне жаль, что ему мешают союзники и шумные крики, раздающиеся в нашей стране. Трудно совершать правое дело, и притом правильным путем, в то время, когда народ громко требует того, что и нежелательно и невозможно.

Вскоре президент сформулировал все пункты ноты, а затем решил вызвать Лансинга, Бэйкера и Дэниэлса, чтобы выслушать их мнение... Первыми приехали Лансинг и Бэйкер, в течение получаса до приезда Дэниэлса разговор шел о ноте...»

НАЧАЛО КОННА

Уже к вечеру 14-го нота была отослана. Она не содержала требования о «безусловной капитуляции», которое раздавалось в большинстве газет Нью-Йорка и восточных штатов и с трибуны сената; но она четко определяла гарантии, необходимые для того, чтобы Вильсон довел до сведения союзников просьбу о перемирии. Не могло быть и речи о какой-либо смешанной комиссии для переговоров об условиях эвакуации. Это «должно быть предоставлено на решение и усмотрение военных советников правительства Соединенных Штатов и союзных правительств». Не будет также допущено такое перемирие, которое не предусмотрит «абсолютно удовлетворительных мер предосторожности и гарантий сохранения нынешнего военного превосходства армий Соединенных Штатов и союзников на полях сражений». Никакое перемирие не будет допущено до тех пор, «пока вооруженные силы Германии продолжают упорно совершать незаконные и бесчеловечные действия». Нота заканчивалась предупреждением о том, что характер мира целиком будет зависеть от характера германского правительства. «Необходимо, чтобы правительствам, объединенным против Германии, было точно и вне всякого сомнения известно, с кем они имеют дело».

«Все хрупкое сооружение ставки германского верховного командования, — пишет Тардые, — разрушено одной страничкой. Перемирие и мир нельзя будет использовать для отсрочки разгрома и подготовки реванша. По существу же вопроса придется ответить «да» или «нет». Если последует «нет», война будет вестись дальше, как она велась уже три месяца, принося победы одним лишь союзникам; если это «да», военная капитуляция должна быть немедленной и полной; этого требует безоговорочное принятие тех условий, какие по своему усмотрению поставят военные эксперты союзников»

Дипломатия Вильсона заставляла дать ясный ответ; в течение целой недели германские лидеры обсуждали вопрос. Людендорф, первым требовавший перемирия, теперь отступил перед дальнейшим логическим развитием ситуации. Вызванный 17-го в Берлин, он просил о подкреплениях.

¹ Тардые, Мир, стр. 51.

ГЛАВА XVII

«Прежде чем принять условия этой ноты, которые слишком суровы, — заявил он правительству, — мы должны сказать неприятелю: завоюй эти условия с оружием в руках... Сейчас, как и прежде, я считаю, что, если есть хотя бы какая-нибудь возможность, мы должны добиваться переговоров о перемирии. Но участвовать мы должны только в таких переговорах о перемирии, которые допускают планомерную эвакуацию страны — следовательно, дают передышку по меньшей мере в два-три месяца. Далее, мы не должны принимать никаких условий, которые исключали бы возможность возобновления военных действий. А что именно таково намерение, совершенно очевидно из ноты. Условия рассчитаны на то, чтобы лишить нас возможности драться... Мы не должны резко порывать с Вильсоном. Наоборот, скажите ему: «Объясните же нам просто, чего вы от нас хотите? Если вы требуете чего-либо противоречащего нашей национальной чести, если вы хотите сделать нас небоеспособными, тогда ответ будет только — нет»¹.

К доводу Людендорфа о том, что принятие ноты Вильсона оставит Германию беспомощной, фон Гинденбург добавил свое предупреждение, переданное канцлеру 20 октября по телефону: «Даже если бы нас побили, то поистине нам было бы не хуже, чем если бы мы приняли все эти условия в настоящий момент»².

Однако министры думали иначе. Если, как утверждали руководители армии, положение было опасным в начале октября, то к концу месяца оно стало еще хуже. Министры сочли мнение Людендорфа ошибочным. Министр иностранных дел писал, что получил «из весьма беспристрастного источника сведения, из которых явствует, что надежд, выраженных вчера генералом Людендорфом, не разделяет даже собственное его окружение»³. Концентрированное наступление Фоша грозило отступающим германским армиям полной катастрофой. Свежая армия готовилась начать наступление в Лотарингии. Подкреплений для Людендорфа не было, и не было также надежд

¹ «Preliminary History of the Armistice», p. 98 — 99.

² «Preliminary History of the Armistice», p. 105.

³ Ibidem, p. 104.

НАЧАЛО КОНЦА

на такой подъем национального духа, чтобы удалось инсценировать сопротивление германского народа «до последней капли крови». Министры решили сдаться и 20 октября согласились на все условия Вильсона. Условия перемирия предоставлялись на усмотрение военных советников союзников; подводным лодкам было приказано щадить пассажирские суда, а отступающим войскам — уважать частную собственность; в Германии была ликвидирована деспотическая власть и правительство освободилось от влияния милитаристов. «На этот раз, — говорит Тардье, — связанная по рукам и ногам Германия прикована вильсоновской логикой. Поскольку Германия не отвечает отказом, значит, она сдается»¹.

23 октября президент довел до сведения союзников свою переписку с Германией и одновременно, в заключительной ноте, повторил Германии принятые ею основные условия. Теперь настала очередь для союзников, заседавших в Париже и в Версале, решить, желают ли они перемирия и если желают, то на каких условиях, а также, согласны ли они, подобно Германии, принять «Четырнадцать пунктов» как основу для мира.

5

Когда происходил этот заключительный обмен нотами, полковник Хауз уже приближался к берегам Франции. Суждено ли было этой войне окончиться или нет — зависело от решений Верховного военного совета; поэтому было важно, чтобы на предстоящих заседаниях присутствовал политический представитель Соединенных Штатов. Со времени визита Хауза в Европу в ноябре предыдущего года Соединенные Штаты были представлены генералом Блиссом лишь в вопросах военного порядка. Как только определилась возможность того, что обмен нотами с Германией фактически выльется в серьезное рассмотрение вопроса о перемирии, президент Вильсон известил полковника Хауза, что ему надлежит немедленно отбыть в Версаль и представлять там Соединенные Штаты. Президент

¹ Тардье, Мир, стр. 54.

ГЛАВА XVII

наделил Хауза полномочиями в качестве «специального представителя правительства Соединенных Штатов Америки», а также снабдил его письмом, по которому он назначался «личным представителем» президента, т. е. фактически полномочным представителем.

«Вашингтон, 14 октября 1918 г.

Всем, кому ведать надлежит.

Мистер Эдуард М. Хауз, предъявитель настоящего письма, является моим личным представителем, и ему поручено мною участвовать в этом качестве на заседаниях Верховного военного совета и любых иных заседаниях, в каковых он сможет с пользой меня представлять. Я рекомендую его как доверенное лицо всем представителям правительств, с которыми правительство Соединенных Штатов объединено в войне.

Вудро Вильсон».

«Вашингтон, 16 октября 1918 г.

Да будет известно, что, возлагая особое упование и доверие на честность и способности Эдуарда М. Хауза из Техаса, я назначаю его специальным представителем правительства Соединенных Штатов Америки в Европе в делах, касающихся войны, и уполномочиваю его и облакаю властью для исполнения и осуществления задач этой миссии по праву всей власти и привилегии президента Соединенных Штатов...

Вудро Вильсон».

Таким образом, полковник Хауз прибыл в Европу как официальное лицо, облеченное всеми полномочиями президента Соединенных Штатов. В качестве официального представителя Вильсона и американского правительства он заседал в Верховном военном совете вместе с премьер-министрами Великобритании, Франции и Италии. Миссия, ради которой президент отправил Хауза, была и самой значительной, и самой трудной за всю его карьеру: он должен был поддержать вильсоновские принципы, не нанося ущерба политическому единодушию союзников и, по возможности, не ослабляя при

СОВЕЩАНИЯ О ПЕРЕМИРИИ

этом сердечности отношений. Характерно, что Вильсон не дал Хаузу никаких инструкций, так как был уверен, по-видимому, в том, что Хауз точно понимает ход мыслей президента.

«Я рассказал о том, что завел для нас особый шифр, — писал Хауз в своем дневнике, касаясь последнего совещания с президентом. — Когда я уже прощался, президент сказал: «Я не даю вам никаких инструкций, ибо чувствую, что вы будете знать, как действовать». Я об этом подумал еще до того, как он заговорил, и отметил про себя, как странно сложились наши отношения. Я отправляюсь с одной из самых важных миссий, какие когда-либо выпадали на чью-либо долю, и тем не менее я не услышал ни одного наставления, совета или вопроса. Президент знает, что в основном мы мыслим параллельно, и он знает также, что в случае расхождения я скорее последую ходу его мыслей, чем своих».

ГЛАВА XVIII

СОВЕЩАНИЯ О ПЕРЕМИРИИ

...Достигнув этого, никто не вправе допустить, чтобы пролилась еще хоть капля крови.

Из ответа маршала Фоша полковнику Хаузу, 1 ноября 1918 г.

1

С той поры многие утверждали, что президент Вильсон ответствен за преждевременный мир. Утверждали, что, если бы не его влияние на союзных лидеров, Фош провел бы свои победоносные армии через Рейн и продиктовал бы мир в Берлине. Это — миф. То, что президент предлагал Германии в своих октябрьских нотах, не было ни миром, ни даже перемирием, а было просто правом обратиться с просьбой о перемирии в Версаль к союзникам и присоединившимся к ним державам. Передавая эту просьбу, президент не сопровождал ее ни комментарием, ни советом. Вильсон не дал никаких инструкций

Хаузу и сам не оказал какого-либо прямого воздействия на лидеров союзных держав. Он сделал мир возможным тем только, что препроводил им просьбу Германии. Они вольны были принять ее или отвергнуть. В конце концов в этом вопросе решающее значение имело мнение самого маршала Фоша.

Эти факты часто искажались по невежеству или по злему умыслу, и отсюда возникло представление, будто Соединенные Штаты с какой-то гнусной целью желали украсть у союзников плоды победы, требуя прекращения борьбы против воли союзных военачальников. Это представление было выражено в каком-то интервью с видным писателем, которому приписывали такие слова: «Америка принудила союзников заключить мир при первой возможности, вместо того чтобы потребовать завершения дела в Берлине. Америка прекратила борьбу в день перемирия, не пожелав увидеть, чем дело кончится». Достоверна эта цитата или нет — она формулирует то обвинение, которое так часто выдвигают публицисты и ораторы.

Очень важно помнить, что в ноте от 23 октября президент Вильсон предоставил союзникам решить, быть перемирию или не быть.

Нота его гласит: «Вследствие этого президент препроводил свою переписку с нынешними германскими властями правительствам, с которыми правительство Соединенных Штатов объединено в качестве воюющей стороны, с предложением о том, что *если эти правительства согласны осуществить мир на указанных условиях и принципах, то надо просить их военных советников и военных советников Соединенных Штатов представить правительствам, объединенным против Германии, необходимые условия такого перемирия, которые полностью защитят интересы народов и предоставят объединенным правительствам неограниченную власть для обеспечения и осуществления в деталях условий мира, на которые германское правительство согласилось*; при том, конечно, условии, что они (военные советники) сочтут такое перемирие возможным с военной точки зрения». В этой ноте президент Вильсон предоставил союзникам свободу отказа от перемирия, если бы они его не пожелали. «Вот тогда и было время, — писал впо-

СОВЕЩАНИЯ О ПЕРЕМИРИИ

ледствии генерал Блисс, — для правительств союзных держав или для любого из них заявить: «Нет, мы не намерены осуществить мир на указанных условиях и принципах» и «мы не попросим наших советников представить нам на одобрение условия, необходимые для такого перемирия и для всякого иного перемирия». В действительности же союзные и присоединившиеся к ним державы немедленно устроили консультацию со своими военными советниками»¹.

Полковник Хауз, как он говорил президенту Вильсону перед отъездом из Соединенных Штатов, твердо решил, что союзники должны полностью принять на себя ответственность за решение вопроса о перемирии. Именно исходя из этого соображения, он на совещании с политическими и военными лидерами задал маршалу Фошу свой знаменитый вопрос, ответ на который сам по себе является исчерпывающим возражением против обвинений, предъявленных Америке.

«Не скажете ли вы нам, господин маршал, — спросил Хауз, — исключительно с военной точки зрения и помимо всяких прочих соображений, предпочтете ли вы, чтобы немцы отказались, или же, чтобы они согласились подписать изложенное здесь перемирие?»

«Воевать, — ответил Фош, — значит бороться за определенные результаты². Если немцы сейчас подпишут перемирие на только что нами решенных общих условиях, то эти результаты у нас налицо. Достигнув этого, никто не вправе допустить, чтобы пролилась еще хоть капля крови»³.

«Один из премьер-министров, — пишет Манту, — кажется, это был м-р Ллойд Джордж, спросил Фоша, что случится, если немцы откажутся подписать перемирие, и сколько времени понадобится, чтобы прогнать их обратно за Рейн. Маршал от-

¹ *Таскер Г. Блисс*, Перемирия, напечатано в «The American Journal of International Law», вып. 16, стр. 512. Эта статья является авторитетным и критическим обзором различных соглашений о перемирии и для историка неординарна.

² «On ne fait la guerre que pour ses résultats».

³ Вопрос и ответ цитируются по письму Поля Манту полковнику Хаузу от 6 июля 1920 г. М-сье Манту был переводчиком при Верховном военном совете, а впоследствии при Совете десяти и Совете четырех на мирной конференции.

ГЛАВА XVIII

ветил, разводя руками, таким привычным для него жестом: «Может быть, три, а может быть, и четыре или пять месяцев. Кто знает?» Он ни словом не упомянул о предстоявшем в ближайшие дни окончательном ударе. Когда он привез из Версаля свой проект военных условий конвенции о перемирии, он сказал тогда следующее: «Условия, о которых договорились ваши военные советники, таковы, каких нам удалось бы добиться после успешного завершения наших последующих операций».

Разумеется, далее возникла дискуссия относительно деталей конвенции, но между правительствами союзных стран, как и между военными и государственными деятелями, было, по-видимому, полное согласие относительно желательности заключить перемирие при том, конечно, условии, что Германия примет изложенные требования, означавшие почти полную капитуляцию»¹.

2

В Париж полковник Хауз прибыл 26 октября и немедленно занялся выяснением настроения лидеров союзных держав по поводу ответа, который надлежало дать немцам. Он понимал, что стоят три разных вопроса. Надо ли заключить с Германией перемирие на каких бы то ни было вообще условиях? Если ответ будет положительным, то на каких условиях должно быть заключено перемирие? И наконец, готовы ли союзники, подобно Германии, принять «Четырнадцать пунктов» и последующие речи президента Вильсона как основу для мира? Третий вопрос носил совсем иной характер, чем первые два, так как он касался не условий прекращения военных действий, а окончательного мирного соглашения. Союзники не могли избежать последнего вопроса, поскольку немцы в своей просьбе о перемирии исходили из представления, что вильсоновские принципы будут взяты за основу мирного соглашения.

Ближайшие два дня после приезда Хауза были заполнены встречами, о которых его дневник дает краткое резюме:

¹ Из письма Манту Хаузу от 6 июля 1920 г.

СОВЕЩАНИЯ О ПЕРЕМИРИИ

«26 октября 1918 г. Не знаю, как я перенес этот день. С газетной публикой я встретился в 12 часов, а потом каждый час имел свидания с видными американцами и иностранцами. Среди них были Г. П. Дэвисон из Красного Креста, генерал Клэрэнс Эдуарде, посол Шарп и бесконечное число других.

У меня на завтраке были фельдмаршал Хэйг, военный министр лорд Милнер, адмирал Бенсон и Роберт Бейкон, офицер для связи между английскими и нашими войсками. Это было приятным и важным собранием... Оказалось, что Милнер держится умеренных взглядов, и меня очень удивило, что Хэйг — тоже. Он не считает, что военное положение немцев вынуждает их к полной капитуляции... Я говорил очень много. Мне хотелось обрисовать дело сообразно пожеланиям президента и убедить и Милнера и Хэйга в его правоте, для того чтобы во вторник мы смогли воспользоваться их поддержкой.

В 6 часов я виделся с Клемансо... Сугубо конфиденциально он сообщил условия перемирия маршала Фоша. Этого документа никто, кроме него самого, не видел — даже президент Французской республики. Он просил хранить это в секрете от всех, за исключением президента Вильсона. Я должен вернуть документ завтра в 9 часов, после того как сниму копию; он разрешил мне это сделать, но только собственноручно...

Клемансо выразил свою уверенность, равно как и уверенность маршала Фоша, в том, что Германия настолько основательно побита, что примет любые предложенные ей условия. Хэйг не соглашается с этим выводом...

Из военного министерства я отправился в министерство иностранных дел отдать долг вежливости министру иностранных дел Стефану Пишону. У самого входа я встретил греческого премьер-министра Венизелоса. Несколько минут мы беседовали. Он сообщил, что в понедельник отбывает в Лондон и хотел бы нанести мне визит. Мы условились встретиться завтра в 10 часов 30 минут утра. У Пишона я провел не более пяти минут. Я выразил надежду, что на мирной конференции мы будем сотрудничать так же сердечно, как на прошлогодней межсоюзной конференции, и что в таком случае дела удастся сильно ускорить».

ГЛАВА XVIII

«27 октября 1918 г. Пришел Венизелос. Он разъяснил притязания Греции на некоторые части Сирии. Он выразил намерение посетить Соединенные Штаты, чтобы повидать президента и дать ему объяснения по этим вопросам. Он с удивлением узнал, что уже более года все подобные вопросы находятся в моем ведении и что в Нью-Йорке над ними работает крупная организация. Я посоветовал ему не пытаться увидеться с президентом... Президент занят сейчас военными мероприятиями. Если перемирие наступит, тогда он согласится заняться такими вопросами, какие ставит Венизелос.

Генерал Блисс пришел еще до ухода Венизелоса. Мы долго обсуждали вопрос о перемирии. Блисс считает, что лучше было бы потребовать общего разоружения, не уточняя условий».

Хауз убедился, что несмотря на разное отношение к вопросу о степени суровости условий, имеющих быть предъявленными Германии, существует почти полное согласие о том, что германская просьба о перемирии не должна быть отвергнута. Среди политических лидеров считалось само собой разумеющимся, что Германии будут предъявлены определенные условия. Спустя два дня после своего приезда Хауз телеграфировал президенту: «Дела движутся так быстро, что перед нами уже возник вопрос о месте для созыва мирной конференции». Это вытекало из предположения Клемансо о том, что немцы примут любые условия. Мнения Пуанкарэ Хауз не выяснял. За две недели до этого Фош и Пишон обсуждали возможные условия с президентом республики, который не замедлил со всей твердостью заявить Клемансо, что время для перемирия еще не наступило. Премьер резко ответил, что решение должно быть принято ответственными министрами, и дал понять, что всякое вмешательство Пуанкарэ приведет к его отставке. Пуанкарэ, по-видимому, отказался от своих возражений, ибо отставка Клемансо была бы катастрофой. Изменил ли президент республики свое мнение о нецелесообразности заключения перемирия, осталось невыясненным¹.

¹ *Gabriel Terrail, Les négociations secrètes et les quatre armistices*, pp. 221, 222. Террайль, который пишет под псевдонимом Мерме, осведомлен хорошо и точно. По-видимому, он имел доступ к *procès verbaux* (протокольным записям) переговоров о перемирии, которые он часто цитирует дословно.

СОВЕЩАНИЯ О ПЕРЕМИРИИ

Из числа военных руководителей сэр Дуглас Хэйг и генерал Блисс соглашались с Фошем и Петэном, что надо принять германскую просьбу о перемирии, хотя они и расходились в вопросе об условиях перемирия. Фельдмаршал Хэйг не только желал перемирия, но был согласен предложить условия, максимально облегчающие вывод германских армий нетронутыми. Генерал Блисс настаивал на строгих условиях, но признавал бесполезность и преступность продления борьбы хотя бы на один час после того, как немцы будут бессильны возобновить войну. «Нам пришлось бы обратиться к временам Рима, если еще не более ранним, — говорил он впоследствии, — чтобы отыскать цивилизованное государство, отказывающееся даже обсуждать условия, на которых можно прекратить войну. Невозможно представить себе, чтобы кто-нибудь сказал: “Нет, мы убили еще недостаточное количество ваших людей, остались еще некоторые города, которые мы хотим сжечь”»¹.

Единственным важным исключением среди военных лидеров был генерал Першинг. При встрече Фоша с командующими армиями союзных стран в Санли 25 октября Першинг, очевидно, соглашался с остальными по поводу характера составленных условий. Поэтому полковник Хауз был удивлен, когда пять дней спустя, 30 октября, получил от него письмо, в котором он возражал против перемирия вообще, хотя и оговаривал, что, если с его мнением не посчитаются, он присоединится к условиям маршала Фоша. К письму Першинга был приложен большой меморандум, переданный по телеграфу в Вашингтон, в котором он излагал свои доводы в пользу продолжения войны. Этот меморандум подчеркивал благоприятное военное положение союзников и опасность того, что германские армии, в случае если предоставить им перемирие, смогут выбраться из критического положения и окажутся в состоянии возобновить военные действия.

Запоздалый протест генерала Першинга против перемирия не возымел никакого действия. Полковник Хауз показал его Клемансо и Ллойд Джорджу, но те явно предпочитали поло-

¹Из письма Чарлзу Сеймуру от 22 июня 1928 г.

ГЛАВА XVIII

житься на заверения Фоша, что с помощью его условий все материальные выгоды победы достижимы настолько же полно, как и с помощью победоносного, но дорого стоящего вторжения. Фош обратил внимание на несоответствие между меморандумом и письмом, причем оба были написаны в один и тот же день: в первом утверждалось, что перемирие подвергает победу риску и угрожает миру, второе же одобряло условия Фоша как исчерпывающую гарантию возможности предъявить Германии такой мир, который удовлетворил бы союзные правительства.

На президента Вильсона, пребывавшего в Вашингтоне, меморандум Першинга произвел столь же малое впечатление, как и на лидеров союзных стран, находившихся в Париже. Он был абсолютно далек от какого-либо вмешательства, которое могло бы повести к продолжению войны вразрез с их решением, особенно после того как оно было подкреплено мнением Фоша. «Помимо чисто военных соображений, — писал Поль Манту, — среди государственных деятелей царило твердое убеждение, что народы, проявившие готовность к любым жертвам во имя справедливого дела, никогда не простят своим руководителям, если подумают, что война была продолжена без необходимости»¹.

«Человеческая мысль, — говорил Джон Бюкан, — любит драматические финалы и требует явных признаков победы. Но на такой довод можно ответить двояко. Немцы в самом деле были побиты, но и союзники были близки к пределу физического напряжения, и, прежде чем продолжать наступление, они были бы вынуждены остановиться и перестроиться, давая, таким образом, неприятелю передышку. Месяца через два они достигли бы своей цели, но только ценою новых потерь. Маневр окружения под Мецем, назначенный Фошем на 14-е, несомненно удался бы, но сразу воспользоваться его плодами главным армиям не удалось бы, ибо, не считая двух кавалерийских дивизий Хэйга, они не способны были на быстрое преследование противника. Железнодорожная сеть Франции и Бельгии была напряжена до крайности; неприятель уничтожил большую часть коммуникаций в эвакуированных районах;

¹ Из письма Манту Хаузу от 6 июля 1920 г.

СОВЕЩАНИЯ О ПЕРЕМИРИИ

в расположении англичан железнодорожные базы снабжения нигде не отстояли ближе, чем на 35 миль от фронта, а это расстояние приходилось преодолевать автотранспортом по разрушенным дорогам, а во французской прифронтовой полосе положение было еще хуже. Союзники не имели возможности осуществить быстрое и длительное наступление. Это служит первым оправданием для заключения перемирия. Второе состоит в том, что невозможно было в достойной форме отвергнуть просьбу, которая давала союзникам все, чего они желали, поистине все, что Германия могла дать. Ни один честный человек не смог бы во имя более драматического финала обречь еще многие тысячи людей на смерть и страдания. Перемирие по существу представляло безоговорочную капитуляцию, хотя переговоры о нем начались еще до того, как сражающиеся войска официально сложили оружие на поле битвы»¹.

3

Первое официальное заседание Верховного военного совета состоялось 31 октября. К этому времени на неофициальных совещаниях уже было решено ответить на германскую просьбу о перемирии изложением условий. Более трудной задачей было сформулировать условия, которые оказались бы приемлемыми для немцев и в то же время лишали бы их сил для возобновления конфликта впоследствии. Эта задача была поручена генералам и адмиралам; они подготовили важнейшие условия для включения их в текст соглашения о перемирии и представили их политическим лидерам сперва на неофициальных совещаниях, а в заключение — на официальных заседаниях в Версале.

В техническом отношении собранием союзников, принявшим на себя ответственность за перемирие, оставался Верхов-

¹ *John Buchan, A History of the Great War, v. IV, p. 416.* Генерал Блисс не согласен с утверждением, что условия перемирия были достаточными, чтобы сделать Германию беспомощной. Но его протест направлен против формы, а не самого факта перемирия. (См. «*American Journal of International Law*», вып. 16, стр. 509.)

ный военный совет, расширенный с политической стороны путем включения представителей Японии и малых держав, приглашенных на его заседания. Заседания проходили в большом зале первого этажа Трианонского дворца в Версале, окна которого выходили в сад. Во всю длину зала стоял широкий стол красного дерева, за которым, сидя друг против друга, беседовали делегаты; в центре сидел Клемансо, а прямо напротив него — полковник Хауз рядом с итальянским премьер-министром Орландо. Еще большую живописность собранию придавали мундиры генералов и адмиралов; но преобладал скромный и деловой тон, подобно тому, как и самый характер обсуждений напоминал заседание правления акционерной компании.

В действительности Верховный военный совет не составлял условий перемирия. Ко времени, когда он собрался, проекты уже были подготовлены. «Единственная его функция, — пишет генерал Блисс, — состояла в том, чтобы закруглять углы и сглаживать шероховатости, причем в процессе этой работы создавалась возможность рассматривать вопросы, ставившиеся малыми державами, которые не были представлены при подготовке проектов»¹. Подлинные решения принимались не на официальных заседаниях в Версале, а на полуофициальных совещаниях премьер-министров и Хауза, начавшихся 29 октября. Создание этого руководящего комитета явилось почти неизбежным следствием различных обстоятельств того времени, требовавших быстроты и отсутствия волокиты. Обсуждение в Совете полного состава, расширенном путем включения делегатов малых держав, привело бы к опасности потери времени на словопрения. «Стоит обратиться в комнате более чем десятку людей, — жаловался Хауз, — как всякий желает, сказать речь». Ему сочувствовал Клемансо, который, обладая ораторскими способностями, в то же время великолепно умел добиваться быстрых результатов. Опыт прошлогодних ноябрьских совещаний в Париже еще больше подтверждал ценность таких неофициальных собеседований.

Собрания премьер-министров и Хауза, в которых, как правило, участвовали также министры иностранных дел Бальфур,

¹ «American Journal of International Law», вып. 16, стр. 509.

СОВЕЩАНИЯ О ПЕРЕМИРИИ

Пишон и Соннино и почти неизменно участвовал секретарь британского военного кабинета сэр Морис Хэнки, иногда происходили в кабинете Пишона на Кэ д'Орсе, где все усаживались полукругом за стол перед камином. Иногда они устраивались в кабинете Клемансо, в здании военного министерства; чаще же всего в гостиной полковника Хауза, в доме № 78 на Рю де л'Юниверсите. Собираясь в частном доме, политические лидеры тем самым имели возможность подчеркнуть неофициальный характер этих собеседований и приглашать или не приглашать по своему выбору, не задевая при этом ничьего самолюбия.

Заседания этого руководящего комитета происходили преимущественно по утрам; на заседаниях обсуждались вопросы, подлежащие формальному одобрению Верховного военного совета, заседавшего во второй половине дня. Решения, принятые малым комитетом, почти неизменно оказывались окончательными. Клемансо был реалистом. Однажды после вечернего официального заседания лорд Милнер обратился с упреком к Клемансо: «На вашем утреннем заседании вы составили резолюции, которые не рассматривались здесь, на заседании Верховного военного совета». Но премьер-министр ответил весьма определенно: «В этом нет необходимости. Верховный военный совет заседал сегодня утром и эти вопросы обсудил. Когда заседают премьер-министры и полковник Хауз, значит, заседает Верховный военный совет, и все, что мы делаем, это — окончательно».

Этот комитет явился прототипом Совета четырех на Парижской мирной конференции, а быстрота, с какою он принимал свои решения, послужила убедительным доводом в пользу создания следующей весной Совета четырех. Различие заключалось в следующем. Несмотря на диктаторский тон Клемансо, решения малого, руководящего, комитета обсуждались и утверждались, а иногда и исправлялись позднее на вечерних заседаниях, между тем как мирной конференции не дано было ни знать того, о чем договаривался Совет четырех, ни возможности изменять его постановления.

Первая проблема, с которой пришлось столкнуться, касалась отношений между великими и малыми союзными держа-

ГЛАВА XVIII

вами. 29 октября на неофициальном совещании в кабинете у Питона французский министр иностранных дел напомнил, что Бельгия, подобно остальным державам, получила от Вильсона его переписку с немцами. Как ей быть? Не должна ли она быть представлена на совещаниях, особенно когда дело подойдет к вопросу об эвакуации Бельгии? Япония также высказала пожелание, чтобы с нею консультировались.

— А не придется ли, когда мы заговорим об Австрии, допустить и другие державы? — спросил Бальфур.

— Да, — сказал Ллойд Джордж, — и Сербия и Греция определенно окажутся в той же категории, что и Бельгия.

— Если допустить Бельгию, — сказал Соннино, — никак нельзя будет исключить остальных.

Тогда Ллойд Джордж выдвинул принцип, который в конечном счете и был принят. Предварительные конференции надлежит проводить между четырьмя державами (Франция, Великобритания, Италия и Соединенные Штаты). Заседания в Версале не должны созываться до тех пор, пока не установлены основные линии соглашения. На более официальных совещаниях в Версале Япония тоже должна быть представлена. Лично он не видит оснований, почему бы не могли быть представлены все малые нации, когда обсуждаются интересующие их вопросы. Однако нет необходимости в присутствии их на все время дискуссии.

Соннино считал, что если к участию в переговорах о перемирии привлечь все малые нации, то не удастся достигнуть вообще никакого соглашения. Совет окажется слишком громоздким. Он предложил, чтобы от малых государств запросили только изложения их взглядов.

Пишон предложил пригласить только те государства, которые были оккупированы. Однако, как указал Бальфур, тогда была бы включена Черногория и исключена Великобритания.

— А почему бы не включить, — сказал Ллойд Джордж, — только те государства, которые принесли тяжелые жертвы за дело союзников?

— А войдут ли в это понятие Португалия и Бразилия? — последовало естественное возражение.

СОВЕЩАНИЯ О ПЕРЕМИРИИ

Ответить на вопрос было трудно; в конце концов было решено, чтобы Бельгия и Япония, которые просили с ними консультироваться, прислали своих представителей. Прочие государства, которые принесли великие жертвы или жестоко пострадали за дело союзников, как, например, Греция и Сербия, должны были быть представлены в случае, если они этого требуют. Предложение Ллойд Джорджа о том, чтобы малые государства были представлены только при обсуждении их особых интересов, имело существенное значение потому, что послужило основой порядка, принятого впоследствии на мирной конференции.

4

Верховный военный совет и его руководящий комитет работали с огромным напряжением, так как на них лежало множество обязанностей. Им не только приходилось определять военные условия перемирия с Германией и решать более обширную проблему принятия «Четырнадцать пунктов», но на них лежало громадное количество оперативной работы. Им надо было довести войну до конца, а война эта была делом политическим и экономическим в такой же мере, как и военным. Они имели дело не с одним неприятельским государством, ибо ко времени приезда Хауза во Францию австрийцы еще не капитулировали, и как это ни странно, но в течение нескольких дней после его приезда лидеры союзных стран не были уверены в том, капитулируют ли австрийцы. Если бы Австрия держалась, тогда условия, предназначенные для Германии, могли бы оказаться иными, чем если бы она сдалась. Если бы Австрия согласилась сдаться, а Германия держалась бы, пришлось бы выработать военный план кампании против Германии с юга. Когда крах Австро-Венгрии завершил революцию внутри страны, возникла проблема австрийского флота, который был передан югославам. Стояла также проблема перемирия с турками.

В самом же начале совещаний возник вопрос о том, как союзникам поступить с различными просьбами о перемирии со

ГЛАВА XVIII

стороны Германии, Австрии и Турции. Этот вопрос обсуждался в кабинете Пишона на Кэ д'Орсе 29 октября.

Клемансо указал, что они располагают пока только сообщением от президента Вильсона, который передал австро-германскую просьбу. И теперь им надлежало ответить президенту изложением своих условий. Многие, говорил он, предлагают, чтобы весь вопрос был поручен Фошу. Однако маршал может судить лишь о чисто военных вопросах на фронте, где он является главнокомандующим, между тем возникают другие вопросы, как, например, морские и политические. «Если решать будет Фош, правительства будут ущемлены. Я предлагаю, чтобы мы советовались с маршалом Фошем и со всеми другими, чьи советы могут быть необходимы. А затем мы сообщим наши выводы президенту Вильсону».

Англичане выразили некоторое удивление по поводу предложения вести переговоры через президента вместо непосредственных переговоров с немцами. Ллойд Джордж указал, что, если условия будут переданы через президента, тогда отпадет возможность каких-либо взаимных уступок. Неприятелю придется либо все целиком принять, либо отвергнуть. С другой стороны, в предъявленных требованиях могут оказаться такие статьи, которые особенно оскорбят самолюбие немцев, а между тем они не смогут из-за общественного мнения выдвинуть никакого другого варианта, хотя бы он и оказался приемлемым для союзников. Если же условия будут опубликованы, а союзники не будут настаивать на принятии их целиком, то общественное мнение будет возбуждено до состояния бешенства, между тем как пункт разногласий может оказаться несущественным.

Тогда полковник Хауз предложил линию, которая в конечном счете и была принята: условия должны быть сообщены Вильсону, чтобы заручиться его поддержкой и чтобы он известил немцев, что их просьба о перемирии будет удовлетворена. В то же время детальное изложение условий будет направлено союзниками непосредственно Германии; на этой стадии публиковать их не надо.

Ллойд Джордж с этим согласился, но Клемансо возражал против того, чтобы приглашать немцев к заключению переми-

СОВЕЩАНИЯ О ПЕРЕМИРИИ

рия. «Я считаю доводы м-ра Ллойд Джорджа превосходными, — сказал он, — и опровергнуть их не могу. Но есть одно возражение против его предложения: оно — невозможно. Если мы его примем, то маршалу Фошу придется послать к германским окопам парламентаря с белым флагом, чтобы просить о перемирии. Маршал Фош никогда этого не сделает, а я никогда не позволю ему это сделать».

«Нет, — ответил Ллойд Джордж, — мы лишь попросим президента Вильсона предложить немцам послать парламентаря с белым флагом к маршалу Фошу. Мы снесемся с президентом, и если он согласится, то сообщит немцам, чтобы они прислали человека с белым флагом».

Для Клемансо это было совершенно приемлемо, и на том и остановились. Соннино, представлявший Италию в отсутствие Орландо, который в Париж еще не приехал, был обеспокоен возможностью того, что Германия может принять условия, а Австрия отвергнуть. Пусть переговоры о перемирии происходят одновременно и одинаково как с Австрией, так и с Германией. «Представим себе, — сказал он, — что с одним из этих государств мы заключим перемирие, а с другим не заключим; тогда народы, заключившие мир, скажут, что они не могут продолжать драться, хотя их союзник еще воюет за те или иные цели. Предположим, мы заключили перемирие и мир с Германией; тогда остальные союзники скажут, что они не могут более продолжать войну, и предоставят Италии и Австрии самим ее заканчивать».

На это полковник Хауз возразил, что еще два дня тому назад Австрия согласилась заключить сепаратный мир независимо от Германии и принять условия Вильсона, каковы бы они ни были. Ясно, что она в состоянии истощения.

«Да, — ответил Соннино, — но если первой перемирие примет Германия, то что же получится? На следующий же день она пошлет немцев, переодетых австрийцами, как она уже делала это еще до своего вступления в войну с Италией, для того, чтобы сражаться против итальянской армии. Кроме того, австрийские дивизии будут отозваны с Западного фронта и использованы против итальянцев. Если Франция и Велико-

ГЛАВА XVIII

британия заключат мир с Германией, то общественное мнение этих стран не потерпит, чтобы войска посылались на итальянский фронт».

Однако Клемансо и Ллойд Джордж успокоили итальянского министра иностранных дел, обещав, что президент Вильсон предложит австрийцам прислать офицера, чтобы просить генерала Диаса о перемирии, одновременно с посылкой немцами парламентаря к Фошу. После этого конференция приняла следующую резолюцию, определявшую порядок ее работы:

«Союзные правительства должны рассмотреть условия перемирия с Германией и условия перемирия с Австрией. После этого они должны препроводить их президенту Вильсону. Если президент Вильсон даст согласие на условия, ему надлежит довести их до сведения германского и австрийского правительств и объяснить этим правительствам, что первым их шагом должна быть отправка парламентарей соответственно к маршалу Фошу и генералу Диасу».

Однако австрийцы слишком остро нуждались в немедленном прекращении военных действий, чтобы ждать, пока будут разворачиваться события. К заседанию, происходившему 30 октября, из Италии прибыл Орландо, рассказавший, что проездом через Турин он говорил по телефону с генералом Диасом и узнал от него, что через линию фронта перешел австрийский офицер, доставивший письмо от австрийского генерала, не являвшегося главнокомандующим, с запросом об условиях немедленного перемирия. Диас ответил, что если к нему явится надлежащим образом уполномоченный посланец, он будет с ним разговаривать по получении инструкций от своего правительства. Кроме того, поступила следующая радиограмма от императора Карла:

«От австрийского императора итальянскому верховному командованию

Если эвакуация Венецианской области будет осуществлена под давлением итальянской армии, т. е. в ходе непрерывных сражений и стычек, то неизбежно разрушение и нанесение серьезного ущерба селам, мостам и железным дорогам. Если,

СОВЕЩАНИЯ О ПЕРЕМИРИИ

с другой стороны, военные действия будут прекращены, то эвакуация хорошо возделанных равнин, с богатым урожаем, будет произведена без всякого вреда для страны. По этим причинам верховное командование желает достигнуть немедленной приостановки военных действий.

Карл, император».

Итальянцы расценили письмо как шантаж, имеющий целью ускорить приостановку военных действий и позволить австрийцам осуществить спокойное отступление, после чего они смогли бы отвергнуть условия перемирия. Вследствие этого итальянцы отказались выслушать генерала, не облеченного надлежащими полномочиями.

— А я бы выслушал этого генерала, — сказал Клемансо.

— Я определенно бы его выслушал, — добавил Ллойд Джордж. Далее он стал подробно объяснять предложение, которое он уже выдвигал перед Клемансо и Хаузом, в том духе, что было бы огромным преимуществом окончательно установить перемирие с Австрией прежде, чем начать переговоры с Германией. Он настоятельно предлагал, чтобы генералы союзных армий сразу же подготовили условия для предъявления Австрии. «Я предлагаю, — сказал он, — чтобы эти условия были представлены Австрии немедленно. Как только отпадет Австрия, тотчас же капитулирует и Германия. Следовательно, нам надо действовать прежде, чем президент Вильсон успеет ответить».

Это предложение было сразу же принято Хаузом, который, несмотря на всю свою заинтересованность в подтверждении «Четырнадцати пунктов» еще до подписания перемирия, понимал, что поднять этот вопрос будет легче в связи с заключением перемирия с Германией, чем с Австрией; он великолепно понимал, насколько важно добиться капитуляции Австрии до предъявления условий Германии. Военные советники немедленно приступили к составлению военных условий, а тем временем конференция занялась обсуждением морских условий перемирия с Австрией, которые предусматривали сдачу всех подводных лодок, построенных после 1910 г., шести линкоров, четырех крейсеров и девяти эсминцев. «Мы оставили

ГЛАВА XVIII

им брюки императора, — заметил Клемансо, — и ничего больше». После дальнейшей консультации с военными и морскими экспертами составление условий было закончено, и к концу следующего дня они были представлены на первое заседание Верховного военного совета. Их утвердили с некоторыми поправками и в тот же день отправили генералу Диасу¹.

Таким образом получилось, что процедура переговоров с Австрией значительно отличалась от той, которая имела место в переговорах с Германией. В последнем случае извещение неприятелю о том, что он может ходатайствовать об условиях перемирия, было послано через президента Вильсона; это извещение сопровождалось формальным признанием «Четырнадцати пунктов», но с двумя оговорками. Что касается Австрии, то габсбургский главнокомандующий не стал ждать какого-либо сообщения через Вильсона, а сразу же послал своего парламентаря с белым флагом к Диасу, который передал ему условия перемирия, каковые и были приняты 3 ноября. При этом ничего не было сказано ни о «Четырнадцати пунктах», ни о какой-либо оговорке к ним. Применимы ли были к Австрии «Четырнадцать пунктов», на основе которых она первоначально ходатайствовала о перемирии? Впоследствии этой проблеме суждено было причинить мирной конференции немало беспокойства.

5

После того как болгары и турки вышли из войны и Австрии были переданы условия перемирия, лидеры союзных стран были в состоянии сосредоточиться на переговорах с Германией. В процессе обсуждения уже очень скоро было достигнуто соглашение по двум пунктам. Военные и морские условия должны соответствовать тем, которые Вильсон изложил в своих ответах Германии, т.е. они должны полностью обеспечить существующее военное превосходство союзников; но они должны, по возможности, быть так составлены, чтобы Герма-

¹ Наиболее существенные выдержки из протоколов заседания Верховного военного совета приведены в цитированной выше книге Террайля, стр. 205.

СОВЕЩАНИЯ О ПЕРЕМИРИИ

ния пожелала их принять. Не было уверенности в том, что немцы не попытаются стать на позицию обороны до последнего издыхания, так как собравшиеся в Париже лидеры не представляли себе, до какой степени деморализации дошел германский народ и какой предельный пессимизм охватил германское правительство. 1 ноября Клемансо сообщил о полученном им из Швейцарии донесении, которое свидетельствовало о том, что внутреннее положение Германии делало капитуляцию неизбежной; в ответ на чей-то вопрос он выразил уверенность, что немцы подпишут перемирие любого рода, как бы суровы ни были условия. Однако фельдмаршал Хэйг утверждал, что их армия еще далека от дезорганизации, а м-р Бальфур высказал мнение о наличии серьезной опасности того, что они откажутся подписать перемирие.

Поэтому казалось необходимым быть готовыми к отказу и к продолжению войны. Фош готов был предпринять свое большое наступление в Лотарингии со свежими американскими и французскими армиями. Так как крах Австрии с каждым часом становился все более очевидным, то стали обсуждать возможность наступления на Германию с юга. Этому вопросу была посвящена значительная часть неофициального совещания, происходившего 2 ноября в кабинете Клемансо в военном министерстве, а также почти все совещание, происходившее 4 ноября на квартире у полковника Хауза.

На первом совещании, где присутствовали только Ллойд Джордж, Клемансо, Орландо и Хауз, Ллойд Джордж поднял вопрос о методах наступления на Германию.

«Должны ли союзники наступать, — спросил он, — через Баварию или Богемию?.. Как надлежит действовать, если Австрия развалится на куски и вспыхнет партизанская война? Нельзя ли будет в этом случае использовать силы дружественных союзникам национальностей, входивших в состав Австро-Венгрии?»

Эти вопросы были переданы на рассмотрение военачальников; утром 4 ноября они встретились с четырьмя политическими лидерами, чтобы рассмотреть план кампании. Кроме того, был приглашен Эдуард Бенеш, представлявший чехо-

словаков. Генералы предложили план концентрированного наступления на Мюнхен тремя союзными армиями, из которых одна наступала бы с юга (долиной р. Инн), а две — с востока (через Зальцбург — Линц). Армии были бы под непосредственным командованием итальянцев, но в целом операциями руководил бы Фош. План предусматривал также получение подкреплений со стороны чехословацких дивизий в Италии и от союзной «салоникской армии». Концентрация главных сил потребовала бы по меньшей мере от тридцати до тридцати пяти суток.

Возникшая вокруг этих предложений дискуссия была отрывочной и несущественной, но она показывает, насколько серьезно лидеры союзных стран рассматривали возможность отказа Германии от условий перемирия всего за неделю до его подписания. Ллойд Джордж требовал оккупации стратегических пунктов в Австрии, для того чтобы перерезать пути доставки нефти из Галиции в Германию. Г-н Бенеш, присутствовавший на заседании, спросил, нет ли возможности рассмотреть вопрос о бомбардировке Берлина путем отправки эскадрильи тяжелых бомбардировочных самолетов в Прагу.

От Клемансо последовала реплика, что он «восхищен этим предложением».

Бенеш говорил очень неопределенно. Чешские районы полностью освободились теперь от германо-австрийского владычества, но весь чехословацкий народ боится, как бы германские армии не оккупировали Богемию. Богемия являлась одним из важнейших металлургических центров. Там находились заводы Шкода. У чехов не было оружия, чтобы противостоять германскому нашествию. Какие же силы немцы могут отправить против них, Бенеш не знал.

— Никаких, — ответил Фош.

Во всяком случае, продолжал Бенеш, если бы союзники послали самолеты, оружие и немного войск, вокруг которых могли бы сплотиться чехи, тогда, по словам Бенеша, можно будет сформировать чешскую армию из тех солдат, которые освобождались в результате демобилизации австрийской армии.

СОВЕЩАНИЯ О ПЕРЕМИРИИ

Ллойд Джордж подчеркнул также значение армии Франте д'Эспере, которую, по его мнению, можно было направить в Богемию; если она и не была бы использована против Германии, то во всяком случае защитила бы уголь. Орlando в принципе одобрял план с оговоркой, что он «желает проконсультроваться с начальником штаба из уважения к его мнению». Он указал также, что «итальянская армия утомлена исходным сражением, которое она только что провела, и преследованием неприятеля».

«Победа, — сказал Фош, — крылата и уничтожает усталость».

Под эту поэтическую сентенцию стратегии политические лидеры одобрили план генералов и поручили им разобрать следующие вопросы:

«Возможность принятия немедленных мер к отправке в Богемию и Галицию войск, в которые войдут чехословацкие отряды с французского и итальянского фронтов со следующими задачами: организовать эти страны против германского нашествия; предотвратить вывоз в Германию нефти, угля и всяких других материалов и предоставить их войскам союзников; подготовить аэродромы для бомбардировки Германии.

Непосредственное сотрудничество генерала Франше д'Эспере в выполнении этих заданий».

Крушение Германии было неизбежно¹. Лишенная своих союзников, отчаянно сражающаяся при отступлении ее армии из Франции, она таким образом встретила бы с угрозой для ее флангов, причем войска ее прежнего союзника Австрии предполагалось использовать против нее. Ее враги получили возможность установить условия перемирия, равносильные капитуляции; таков и был, в действительности, характер условий, представленных Фошем Верховному военному совету.

¹ По мнению генерала Блисса, «условия перемирия с Австрией, которые показали Германии, что такой план операций уже подготовлен, заставили бы последнюю державу принять любые условия, которые были бы предложены для перемирия с нею». (См. «American Journal of International Law», вып. 16, стр. 510.)

ГЛАВА XIX

ГЛАВА XIX ГЕРМАНИЯ СДАЕТСЯ

Автократия мертва...

*Из телеграммы полковника Хауза
президенту Вильсону от 11 ноября 1918 г.*

1

Военные условия перемирия с Германией были подготовлены маршалом Фошем после консультации с его коллегами; без существенных изменений они были одобрены политическими лидерами союзных и присоединившихся к ним держав. Легенда, изображающая Соединенные Штаты в роли ходатая за более мягкие условия, не имеет под собой никакого исторического обоснования. Президент Вильсон, командуя полковника Хауза в Верховный военный совет, предоставил ему свободу действий и не дал никаких инструкций; и Хауз от начала и до конца ясно дал понять, что во всех военных вопросах правительство Соединенных Штатов склонно принять рекомендации Фоша.

Единственное указание на пожелания Вильсона содержится в телеграмме, посланной президентом Хаузу 29 октября и целиком соответствовавшей его публичным заявлениям. Официальный пересказ этой шифрованной телеграммы гласит следующее:

«Мое продуманное суждение заключается в том, чтобы всю силу нашего давления направить в пользу такого перемирия, которое не позволит Германии возобновить военные действия, но которое в рамках этого условия будет по возможности умеренным и разумным, потому что в последнее время я убедился, что чрезмерная суровость со стороны союзников исключительно затруднит, если не сделает вовсе невозможным, подлинное мирное соглашение... Предусмотрительность лучше, чем непосредственные выгоды»¹.

¹ Из телеграммы Вильсона Хаузу от 29 октября 1918 г.

ГЕРМАНИЯ СДАЕТСЯ

Полковник Хауз не встретил никаких возражений против этого положения со стороны Клемансо и Ллойд Джорджа; 1 ноября он телеграфировал Вильсону, что оба они «понимают, что условия не должны быть жестче, чем это необходимо для выполнения наших требований о том, чтобы не дать Германии возможности возобновить военные действия». В то же время Вильсон настаивал, чтобы военные эксперты сами определили технические условия, необходимые для того, чтобы сделать Германию беспомощной, и соглашался принять это решение как окончательное. В ходе первого совещания политических руководителей союзных стран о перемирии с Германией Хауз заявил Клемансо и Ллойд Джорджу: «Президент согласен предоставить условия перемирия на усмотрение маршала Фоша, генерала Першинга, фельдмаршала Хэйга, генерала Диаса и генерала Петэна».

Политические и военные лидеры союзников обсуждали условия перемирия со времени первого же обмена нотами между Германией и президентом Вильсоном. Еще 6 октября премьер-министры, собравшиеся тогда в Париже, пришли к соглашению относительно основных принципов перемирия и поручили военным советникам разработать их несколько подробнее. Генерал Блисс инструкции не получил, а следовательно, не мог одобрить проект военных советников: он передал его по телеграфу в Вашингтон, и, таким образом, американское правительство было полностью информировано об основных военных воззрениях союзников.

23 октября пришла нота Вильсона, которая передавала вопрос о перемирии на решение Совета, заседавшего в Версале¹. Следовало ожидать, что для подготовки проекта условий будет создана официальная комиссия из военных и морских совет-

¹ «...Если эти (союзные) правительства согласны осуществить мир на указанных условиях и принципах, то надо просить их военных советников и военных советников Соединенных Штатов представить правительствам, объединенным против Германии, необходимые условия такого перемирия, которые полностью защитят интересы народов и предоставят объединенным правительствам неограниченную власть для обеспечения и осуществления в деталях условий мира, на которые германское правительство согласилось, при том, конечно, условии, что они (военные советники) сочтут такое перемирие возможным с военной точки зрения».

ников. Поскольку дело касалось военных статей, вопрос был оставлен на усмотрение маршала Фоша, который удовлетворился тем, что персонально выяснил взгляды командующих армиями различных стран. 25 октября он вызвал генерала Петэна, фельдмаршала Хэйга, генерала Диаса и генерала Першинга в Санли, где каждый и высказал свое мнение.

Основное расхождение возникло между французами и англичанами; первые настаивали на более суровых условиях. Генерал Петэн требовал полного разоружения германских войск, за исключением личного и легко переносимого оружия и, кроме того, оккупации широкой полосы германской территории, которая служила бы гарантией соблюдения условий мира, предъявленных союзниками. Он считал существенным две вещи: прежде всего германская армия должна вернуться «в Германию без единой пушки, без единого танка, с одним только переносимым оружием. И он предлагает практическое средство: назначить ей такой короткий срок для эвакуации, чтобы она физически не могла увезти с собой материальную часть. Во-вторых, помимо очищения германскими армиями захваченных территорий и Эльзаса-Лотарингии выставить требование занятия союзными армиями не только левого берега Рейна, но и пятидесятикилометровой зоны на его правом берегу. Одновременно с этим надо требовать поставки 5 тысяч паровозов и 100 тысяч вагонов. Генерал Петэн, впрочем, добавляет, что если эти условия, с его точки зрения, и обязательны, то очень маловероятно, что немцы согласятся их принять»¹.

Британские взгляды были гораздо более умеренными. На совещании 25 октября фельдмаршал Хэйг изложил условия, которые и французам и американцам показались недостаточными. «По его мнению, перемирие должно быть заключено, и притом заключено на очень умеренных условиях. Победоносные союзные армии изнурены; воинские части нуждаются в реорганизации. В военном смысле слова Германия не сломлена. На протяжении последних недель ее армии отступали в полном порядке и сражались очень храбро. Следо-

¹ Тардые, Мир, стр. 56—57.

ГЕРМАНИЯ СДАЕТСЯ

вательно, если действительно желают заключить перемирие, — а по его мнению это весьма желательно, — то необходимо предложить Германии условия, которые она сможет принять. Иными словами: эвакуация захваченных территорий во Франции и Бельгии, равно как и Эльзас-Лотарингии, и возмещение подвижного состава, забранного ею у французов и бельгийцев в начале войны. Если потребовать большего, то возникнет риск затягивания войны, которая и без того уже стоила так много, и риск возбудить негодование германского народа, и все это ради довольно сомнительных результатов, ибо эвакуации всех захваченных территорий и Эльзас-Лотарингии вполне достаточно, чтобы закрепить победу»¹.

Эти мнения были изложены в обобщенной форме. Першинг заявил, что в целом он согласен с Петэном. На совещании 25 октября маршал Фош свои собственные взгляды не высказал, но на следующий день отправил Клемансо письмо, в котором изложил необходимые, по его мнению, условия². Требования Хэйга он считал недостаточными, потому что после эвакуации захваченных районов германские армии все еще имели бы возможность возобновить оборонительную войну на собственной территории, а тогда достигнутые военные преимущества союзников пошли бы на ветер. С другой стороны, не было необходимости полностью разоружать неприятеля; он не считал также необходимым принять принцип Петэна, лишавший немцев всякого оружия, кроме легко переносимого. Вполне достаточно было отобрать у них столько, чтобы лишить их возможности эффективно сражаться, оставив им лишь то, что необходимо для того, чтобы сохранить порядок и пощадить их самолюбие. Оружие, сдачи которого он требовал, составляло приблизительно треть германской артиллерии и половину пулеметов. Он соглашался с Першингом относительно необходимости оккупировать предмостные позиции на Рейне и настаивал на установлении нейтральной зоны к востоку от реки.

¹ Тардье, Мир стр. 56.

² Текст письма см. в приложении к этой главе.

ГЛАВА XIX

В то время как англичане считали условия маршала Фоша излишне суровыми, генерал Блисс был убежден, что они не обеспечат выполнения требований, изложенных президентом Вильсоном, т. е. чтобы Германия не смогла возобновить войну в процессе мирных переговоров. Условия Фоша предусматривали сосредоточение германских армий в пределах их собственных границ и, по мнению Блисса, оставляли им достаточно оружия, чтобы угрожать возобновлением военных действий. Свои собственные, более суровые, требования генерал Блисс свел к простейшей формуле, которая означала безусловную капитуляцию: полное разоружение и демобилизация. Такие условия, считал он, не только сделают Германию беспомощной, но и обеспечат союзникам спокойствие духа и избавят их от необходимости принимать все новые и новые меры предосторожности, которые впоследствии вызвали бы в Германии раздражение¹.

Военное министерство уже потребовало от генерала Блисса, чтобы он телеграфировал о своих взглядах в Вашингтон. Получив условия Фоша, премьер-министры попросили Хауза достать план Блисса.

«Утром 27 октября, — пишет генерал Блисс, — м-р Хауз показал мне документ Фоша; он сказал, что конференция, заседавшая в тот момент в столовой в доме Хауза на Рю де л'Юниверсите, обсуждает этот документ, но что они хотят ознакомиться и со взглядами других генералов, в том числе с моими. Я тогда представил ему прилагаемый меморандум, составленный мною в развитие тех взглядов, которые перед этим сообщил по телеграфу в Вашингтон, а также с учетом условий, предложенных маршалом Фошем. С маршалом Фошем я уже подробно обсудил его предложение. По существу я сказал ему следующее: «Я представляю себе дело так. Президент Вильсон поставил условием (и с ним все согласились), что Германия должна быть лишена возможности неожиданно возобновить войну, пока обсуждаются вопросы мира. Со стороны союзников за перемирием после-

¹ Условия генерала Блисса и его комментарии к ним см. в приложении к этой главе.

ГЕРМАНИЯ СДАЕТСЯ

дует демобилизация весьма значительной части войск. В отношении немцев ваши условия требуют концентрации всех их армий со всех фронтов в пределах германских границ 1914 г. Поскольку дело касается численной концентрации, союзники будут ослаблены, а немцы усилены. Предположим, что, пока обсуждаются мирные условия, часть которых будет очень унизительна для германского самолюбия, а это уже предвещается им в ваших условиях перемирия, подходящий человек с подходящим боевым кличем призвет их к тому, чтобы предпочесть гибель в бою гибели под бременем мирных условий. Чем будете вы гарантированы от того, что Германия не перевооружит свою сконцентрированную армию тем оружием, которое вы позволите ей унести обратно, плюс то, которое она может иметь в запасе, вместе с огромным количеством, захваченным у вас, у англичан, русских, итальянцев и других?» Он ответил, что до последней мелочи осведомлен об имеющемся в распоряжении Германии вооружении и что она абсолютно лишена возможности перевооружиться. Совершенно *obiter dictum*¹ я могу сказать, что едва было подписано перемирие, как союзников охватил страх, что Германия сумеет перевооружиться настолько, чтобы, по меньшей мере, стать очень большой угрозой; на протяжении многих месяцев этот страх преследовал мирную конференцию. Но от такой опасности союзников спасло не столько частичное разоружение Германии, сколько полный внутренний развал Германии, последовавший за подписанием перемирия»².

Мнение британских военных руководителей о плане генерала Блисса было сообщено Хаузу в короткой записке от 28 октября.

Письмо генерала Блисса полковнику Хаузу

Париж, 28 октября 1918 г.

«Дорогой полковник Хауз!

Сегодня у меня было долгое совещание с лордом Милнером, генералом сэром Генри Вильсоном и генералом Спирзом,

¹ *Obiter dictum* — говоря мимоходом (лат.). — Прим. перев.

² Из письма генерала Блисса Чарлзу Сеймуру от 14 июня 1928 г.

ГЛАВА XIX

начальником британской миссии в Париже. Генерал Спирз полностью соглашается со взглядами, изложенными в меморандуме, который я передал вам; лорд Милнер склонен возражать против демобилизации (полагая, что Германии, возможно, придется быть оплотом против русского большевизма), и Вильсон с ним согласен. Последний верит в пользу разоружения в отношении полевой артиллерии и пулеметов, но хочет разрешить немцам отступить с военными почестями, т. е. под барабанный бой, с развевающимися знаменами и пехотным вооружением.

Искренне ваш *Таскер Г. Блисс*¹.

2

29 октября полковник Хауз встретился с премьер-министрами за исключением Орландо, который еще не приехал,

¹ «Эта записка полковнику Хаузу, — пишет генерал Блисс 14 июня 1928 г., — как я теперь вижу, создаст впечатление, будто официальная беседа одновременно происходила с Милнером, Вильсоном и Спирзом. Это неверно. Со Спирзом я виделся отдельно у него дома. Вильсона я встретил случайно. Не было особой нужды справляться об его взглядах, потому что они были уже мне известны и со многими его взглядами я был не согласен».

Мой меморандум, датированный 28 октября, написан был в виде карандашного наброска вечером 27-го; моему секретарю он был передан рано утром 28-го и датирован им при перепечатке; в то же утро он был вручен мною м-ру Хаузу. Несколько позже он сообщил мне, что премьер-министры склонны согласиться с маршалом Фошем, утверждавшим, что немцы не примут полного разоружения.

Я получил приглашение на официальный завтрак в британское посольство. Зная, что там остановился лорд Милнер, я захватил с собою мой меморандум в надежде улучшить время для беседы с ним. После завтрака он пригласил меня на балкон, примыкающий к столовой и выходящий в посольский сад. Усевшись там, он очень внимательно прочел документ. Он сказал, что, насколько дело касается основной мысли, он согласен со мною целиком. Он несколько не сомневался, что немцы примут полное разоружение. Затем он долго говорил о России. Он не соглашался со мною; хотя и может существовать значительная опасность морального проникновения большевистских идей, однако нет непосредственной опасности, что Россия прибегнет к силе оружия.

ГЕРМАНИЯ СДАЕТСЯ

и министрами иностранных дел для обсуждения общих условий перемирия с Германией. Не похоже было, чтобы политические лидеры были склонны всерьез рассматривать заявление генерала Блисса о том, что условия маршала Фоша не отвечают требованию президента Вильсона лишить германские армии способности возобновить войну. Все они, включая полковника Хауза, готовы были согласиться с Фошем о том, что его условия достаточны, чтобы предотвратить возобновление Германией войны. Таким образом получилось, что военные условия, рассмотренные и в конечном счете одобренные премьер-министрами, были французскими условиями. Эти условия в том виде, как предлагал Фош, равно как и условия, предложенные союзным Морским советом, они считали суровыми.

«Считаете ли вы, — спросил Бальфур у Клемансо, — что имеется малейшая перспектива того, что немцы примут эти условия?»

«В первый день — нет, — ответил Клемансо, — но так или иначе они постараются не допустить прекращения переговоров».

Он однако оговорился, что морские условия «несколько жестковаты».

Затем Ллойд Джордж зачитал условия, предложенные Морским советом, которые требовали сдачи ста пятидесяти подводных лодок, десяти линкоров и шести линейных крейсеров, помимо малых судов.

Пока мы беседовали, Вильсон, желавший поговорить с Милнером о другом деле и узнавший от лорда Дерби, что он на балконе, раскрыл венецианское окно и высунул голову, но, увидев рядом с Милнером меня, он отвернулся. Милнер позвал его: «Идите сюда, Вильсон, мне хочется, чтобы вы прочли этот документ, который принес мне Блисс». Вильсон прочел его и по существу высказался так, как я уже излагал в записке к м-ру Хаузу. В заключение он заявил: «Ради того, чтобы прогнать их из Франции, я построил бы для них золотой мост через Рейн».

Что же касается того, чтобы не демобилизовать немцев в связи с большевизмом, то я не смог ни от одного из них добиться ничего определенного ни относительно того, какие силы они позволят немцам сохранить, ни относительно количества и характера их снаряжения. Казалось, словно они хотят оставить немцев фактически полностью вооруженными и мобилизованными без какой-либо гарантии, что впоследствии они не объединятся против союзников или против того, что от них останется».

ГЛАВА XIX

«Что намерены сделать союзники, — спросил полковник Хауз, — с теми кораблями, которые они отнимут у Германии?»

«Они их поделят, — ответил британский премьер-министр. — Можете их потопить, если хотите, но вы должны отобрать их у Германии».

«Так, — сказал Бальфур, — не думаю, чтобы Германия согласилась на эти требования. Они жестче, чем те, которые были предъявлены Франции в 1871 г.; придется уже вам в бою побить их крепче, чем они побиты теперь».

«Все мы согласились с тем, — записал Хауз в свой дневник в этот вечер, — что статьи, составленные военно-морским командованием, слишком суровы вообще и намереваясь смягчить их. Мы собираемся изъять германские линейные крейсеры и подводный флот, и это все, что необходимо».

Телеграмма полковника Хауза президенту

Париж, 30 октября 1918 г.

«... Я удостоверился, что Джордж¹ и Клемансо считают условия перемирия, как морские, так и военные, слишком суровыми и подлежащими изменению. Джордж заявил, что он считает неразумным настаивать на оккупации восточного берега Рейна². Клемансо заявил, что не сможет оправдаться перед палатой депутатов, если это не будет составной частью перемирия, предложенного немцам, и что французская армия тоже потребует этого как вознаграждения за длительную оккупацию французской земли немцами; но он дал нам честное слово, что после выполнения условий мира Франция оттуда уйдет. Я склонен сочувствовать позиции Клемансо.

Я указал на опасность установления в Германии состояния большевизма, если условия перемирия будут составлены

¹ Ллойд Джорджа Хауз иногда называет Джорджем. — *Прим. перев.*

² Вильсон тоже возражал против этой оккупации.

ГЕРМАНИЯ СДАЕТСЯ

слишком жестко, и вытекающую из этого опасность для Англии, Франции и Италии. Клемансо отказался признать наличие какой-либо опасности большевизма во Франции. Джордж допускал, что в Англии такое положение вещей может создаться, и оба согласились, что в Италии может случиться что угодно...

Эдуард Хауз».

1 ноября на квартире у Хауза главы правительств и Хауз встретились с Фошем, Вейганом и сэром Эриком Геддесом, представлявшим Морской совет, для подготовки к официальному заседанию Верховного военного совета, назначенному в Версале на вторую половину дня... Сперва они занялись предложениями Фоша. Несмотря на то что последний согласился вычеркнуть стоявшее в первоначальном плане упоминание о предмостной позиции у Страсбурга, Ллойд Джордж заявил, что условия кажутся ему «несколько жесткими». «Все большие города Западной Германии очутятся в руках союзников. Участники совещания должны понять, что мы предъявляем очень жесткое требование. Я спрашиваю маршала Фоша, нельзя ли обеспечить предмостные позиции, потребные для военных целей, не оккупируя больших городов?»

«Майнц, — сказал Фош, — абсолютно необходим. Франкфурт оккупирован не будет, хотя я и признаю, что он окажется на расстоянии двух миль от оккупированной территории и под жерлами пушек союзников. Я вынужден настаивать также на том, что огромное значение имеет Кельн, так как он является узловой станцией многих железных дорог и средоточием сухопутных коммуникаций Пфальца; вот почему я рассматриваю Кельн как необходимую предмостную позицию».

Очевидно, что больше всего англичан беспокоил вопрос об оккупации германской территории союзными армиями. Они опасались, как бы, требуя большего, чем абсолютно необходимо, не утратить шанса на перемирие и не создать лишние труд-

ГЛАВА XIX

ности в отношениях с Германией. Фош изо всех сил старался доказать, что без оккупации невозможно будет сохранить военное превосходство союзников. Ход прений запротоколирован следующим образом:

«Маршал Фош сказал, что фельдмаршал Хэйг стал на точку зрения, будто союзникам необходимо только оккупировать Бельгию, Люксембург и Эльзас-Лотарингию и не продвигаться на левый берег Рейна. С этим он никогда не согласится. Если примут предложения фельдмаршала Хэйга, неприятель окажется в лучшем оборонительном положении, чем теперь, поскольку он сможет отступить на правый берег Рейна и подготовить там мощную линию обороны. Он, Фош, поэтому никогда не согласится с этим предложением.

М-р Ллойд Джордж сказал, что фельдмаршал Хэйг приводил в основном такие доводы: зачем брать больше, чем территории, которые предлагаю я. Обладая ими, вы ко времени мирной конференции будете иметь все, чего вы желаете на Западе; если же перемирие сорвется, то нападать придется уже не вам, а неприятелю.

Маршал Фош сказал, что принцип, положенный в основу его условий перемирия, состоит в том, что не надо ставить неприятеля в лучшее положение, чем то, которое он занимает сейчас, для того чтобы возобновить борьбу в случае срыва перемирия. Предложения фельдмаршала Хэйга нарушают этот принцип, поскольку они ставят неприятеля в лучшее положение. Если Германия прервет мирные переговоры, союзники должны быть в состоянии уничтожить ее. Между тем вся германская система обороны базирована на Рейне, а мы не можем закрепиться во время перемирия, пока в перспективе у нас не будет предмостных позиций на Рейне.

Полковник Хауз сказал, что он не считает нужным отнимать у Германии больше, чем абсолютно необходимо, но он склонен оставить дело в руках маршала Фоша.

Маршал Фош сказал, что если бы нам пришлось снова начинать борьбу, то, по его мнению, необходимо обладать предмостными позициями. Если за перемирием последует

ГЕРМАНИЯ СДАЕТСЯ

мир, мы должны иметь в руках те территории, которые мы желаем, даже при условиях, предлагаемых фельдмаршалом Хэйгом. Однако, спросил он, какими же гарантиями и залогом обеспечено будет получение требуемого нами возмещения?

М-р Ллойд Джордж сказал, что прежде, чем принимать окончательное решение, он хотел бы изложить своим коллегам все соображения фельдмаршала Хэйга. Фельдмаршал Хэйг присутствовал на двух заседаниях (британского) военного кабинета и изложил свои соображения. Маршал Фош подытожил их весьма беспристрастно, тем не менее он хотел бы изложить их полнее. Фельдмаршал Хэйг держится того взгляда, что германская армия отнюдь не сломлена. Где бы ни наносили ей удар, она отвечает сильным ударом и причиняет тяжелые потери. Ее постепенно оттесняют, но она ни в каком смысле не является побежденной армией, вроде австрийской. Она совсем не проявляет обычных симптомов дезорганизованной армии... Германское отступление осуществляется в совершенном порядке и проводится с величайшей искусностью. Фельдмаршал Хэйг сообщил ему, что если в начале боев мы и захватили огромное количество пушек, то теперь мы подбираем лишь по несколько штук на том или ином участке, причем большая часть этих орудий разрушена нашей собственной артиллерией и не стоит того, чтобы с нею возиться. Сэр Дуглас Хэйг считает, что они отступят с нынешней 400-километровой линии фронта на 245-километровую и что союзники ничем не смогут этому помешать. На этой укороченной линии они сэберегут семьдесят дивизий и смогут удержаться. Он хотел бы, чтобы его коллеги тщательно обсудили это мнение прежде, чем принимать окончательное решение. Следовательно, конференции представлены три мнения: мнение генерала Першинга, которое состоит в том, что мы должны потребовать почти неограниченных условий перемирия¹; мнение маршала Фоша, которое он нам здесь изложил;

¹ Это заявление не согласуется с письмом Першинга Хаузу от 30 октября, выражающим общее одобрение условий Фоша. Более точно оно применимо к условиям генерала Блисса.

ГЛАВА XIX

мнение фельдмаршала Хэйга, которое является наиболее умеренным из всех.

Орlando предложил принять средний курс, а именно: чтобы немцы эвакуировали территорию и отступили на восточный берег Рейна, оставив на западном берегу нейтральную полосу.

Маршал Фош сказал, что когда трое главнокомандующих обсуждали этот вопрос, то генерал Першинг и генерал Петэн с ним согласились и один только фельдмаршал Хэйг держался иной точки зрения. Он вполне согласен с фельдмаршалом, что германская армия не дезорганизована и не разбита. Но это не дает нам права ставить германскую армию на лучшие оборонительные позиции, чем те, которые она занимает сейчас.

Полковник Хауз спросил, нельзя ли этому помешать? Действительно ли германская армия не сможет сопротивляться на собственных границах?

Маршал Фош сказал, что до 1870 г. германская граница представляла собой лишь условную линию, лишенную военного значения. Если бы мы остановились на этой границе и имели бы центральную зону на западном берегу Рейна, как предлагает г-н Орlando, то неприятель сможет прочно окопаться на правом берегу Рейна; а тогда, чтобы атаковать его, нам придется переправиться через Рейн.

М-р Ллойд Джордж сказал, что фельдмаршал Хэйг не утверждал, будто мы не окажемся в гораздо лучшем положении, если получим предмостные позиции. Поднятый им вопрос заключается в том, находится ли германская армия в таком положении, чтобы германское правительство согласилось на эти жесткие условия. Фельдмаршал Хэйг указал, что английская и французская армии очень утомлены и что в будущем году их положение в отношении живой силы станет очень трудным. Разумеется, американская армия имеет неограниченную живую силу, но она неопытна и в будущем году только начала бы приобретать опыт. Рядовой состав великолепен, но требуется время для обучения офицерских кадров. В начале войны у французов была вполне обученная армия, но нам, чтобы достигнуть такого же уровня превосходства, понадобилось два-три года. Вот почему фельдмаршал Хэйг, признавая, что обла-

ГЕРМАНИЯ СДАЕТСЯ

дать предмостными позициями желательно, считает, что, если наше положение не позволяет нам обеспечить их для себя, мы должны предъявить менее жесткие условия.

М-сье Клемансо, подытожив изложенные м-ром Ллойд Джорджем соображения фельдмаршала Хэйга, сказал, что, хотя в настоящее время моральный дух союзных армий превосходит, тем не менее, заключив перемирие, будет уже трудно заставить армию воевать снова. Если же, однако, до солдат дойдет, что предложенные маршалом Фошем условия были отвергнуты, то заставить их воевать будет еще труднее. С другой стороны, если мы обеспечим за собою предмостные позиции на Рейне, тогда армии будут исполнены уверенности, необходимой для нового наступления. Во всяком случае нельзя порождать сомнения в умах солдат.

М-р Ллойд Джордж сказал, что суть дела в том, обладаем ли мы возможностью настоять на условиях маршала Фоша.

Маршал Фош сказал, что, если бы его спросили, находится ли германская армия на пути (*en train*) к тому, чтобы принять эти условия, он ответил бы «нет». Без предмостных позиций мы никогда не сможем господствовать над Германией. Необходимо в первую очередь овладеть Рейном...

М-р Ллойд Джордж спросил, считает ли маршал Фош, что Германия способна занять новую и сильную позицию где-либо по эту сторону Рейна. Или же, ставя вопрос по-иному, сможет ли маршал Фош продолжать теснить немцев на протяжении всей зимы?

Маршал Фош сказал, что германская армия, несомненно, сможет занять новые позиции и что помешать этому мы не сумеем. Но облегчить немцам эту задачу он не желает, между тем к этому ведут условия, предлагаемые фельдмаршалом Хэйгом. Если их принять, немцы получают возможность перестроиться и подготовить новые оборонительные позиции. На вопрос о том, сможет ли он продолжать теснить немцев в течение зимы, он отвечает положительно. Это он может и должен до тех пор, пока мы не окажемся в более благоприятном положении, чем то, какое возникло бы, если бы мы приняли условия фельдмаршала Хэйга.

ГЛАВА XIX

М-р Ллойд Джордж спросил, считает ли маршал Фош, что развал на восточной и южной границах Австрии окажет влияние на этот вопрос.

Маршал Фош сказал, что несомненно это изменит ситуацию. Падение Австрии, Болгарии и Турции поможет союзникам сосредоточить все высвободившиеся силы против немцев.

М-сье Клемансо сказал, что положение союзников в отношении неприятеля никогда еще не было столь благоприятно для сокрушительного удара, как теперь. Численный боевой состав американцев огромен. Уже завтра союзники смогли бы пройти маршем через Австрию на Германию. Он почти не сомневается, что германское правительство вначале откажется принять наши условия, но по мере усиления нашего преимущества оно их примет.

М-р Ллойд Джордж сказал, что, выслушав все выступления, он готов оказать поддержку документу маршала Фоша. Ему кажется, однако, что если в результате наших требований Германия решится продолжать войну, то крайне важно объяснить нашим солдатам, что мы подробно изучили и противоположную точку зрения, изложенную фельдмаршалом Хэйгом. Могут просочиться сведения о том, что фельдмаршал Хэйг не соглашался с требованиями маршала Фоша. Следовательно, он хотел бы, чтобы стало известно, что это мнение было изучено весьма тщательно и противоположное ему решение было принято лишь после консультации со всеми генералами и по единогласному постановлению Верховного военного совета».

Таким образом, после утверждения условий Фоша премьер-министрами статьи соглашения о перемирии, формулировавшие эти условия, были представлены на официальное заседание Верховного военного совета, происходившее во второй половине дня 1 ноября. Они были приняты после очень краткого обмена мнениями. Рассмотрение статей, касающихся эвакуации России и Румынии, решено было отложить до другого заседания.

По одному пункту Клемансо упорствовал, а именно о том, чтобы в соглашении о перемирии была статья с требованием репараций за убытки. Ллойд Джордж возражал, говоря, что он согласен включить статью о возмещении украденного имуще-

ГЕРМАНИЯ СДАЕТСЯ

ства, но что репарации являются скорее условием мирного договора. Хауз к этому добавил, и Соннино согласился, что эта проблема столь обширна, что может создать угрозу бесконечного откладывания перемирия.

Во второй половине дня 2 ноября Клемансо вернулся к своему требованию о включении репараций в соглашение о перемирии. «Во Франции не поймут, — сказал он, — почему мы опустили такую статью. Единственное, чего я прошу, это прибавления трех слов — «репарации за убытки» без дальнейших комментариев».

— Можно ли превращать это в условие перемирия? — спросил Гииманс, представлявший Бельгию.

— Это скорее условие мирного договора, — сказал Соннино.

— Бесполезно, — сказал Бонар Лоу, — включать в соглашение о перемирии статью, которую нельзя сразу же провести в жизнь.

— Я хочу включить лишь упоминание этого принципа, — возразил Клемансо. — Вы не должны забывать, что французский народ принадлежит к тем, кто пострадал больше всех; он не поймет, почему мы не сумели коснуться этого вопроса.

— Если заниматься вопросом о репарациях за убытки на суше, то придется коснуться также вопроса о репарациях за потопленные суда, — сказал Ллойд Джордж.

— Все это покрывается моей формулой из трех слов, — сказал Клемансо, — «репарации за убытки», и я прошу Совет принять во внимание чувства французского народа.

— Да и бельгийского, — подхватил Гииманс.

— И сербов, — сказал Веснич.

— Итальянцев тоже, — добавил Соннино.

Бонар Лоу снова возразил, что вопрос о репарациях не подходит для включения в статьи соглашения о перемирии; особое упоминание о них как о фундаментальном условии мира сделано в ноте, посылаемой президенту Вильсону, и повторяться было бы бесцельно.

Но настойчивость Клемансо оказала решающее влияние на Совет. В конце заседания к этой статье было сделано дополнение, возымевшее важные последствия: «Благоразумно было

бы, — сказал французский министр финансов Клотц, — поставить в начале финансового раздела статью, оговаривающую будущие претензии союзников; в этой связи я предлагаю следующий текст: “с оговоркой, что это не затрагивает каких-либо будущих претензий или требований со стороны союзников”». Предложенная статья была принята, и на этой внешне невинной фразе французы впоследствии основывали утверждение, что в отношении репараций они не связаны условиями предварительного соглашения о перемирии и вправе включать в условия мирного договора любые требования, которые, по их мнению, оправдываются обстоятельствами.

Полковник Хауз не стал больше возражать против французского требования о включении пункта о репарациях в соглашение о перемирии. Фактически именно он к концу дискуссии, поддавшись настоянию Клемансо, предложил принять формулу французского премьер-министра. Он считал, что хотя она и неуместна в соглашении о перемирии, но безвредна и, как указывал Клемансо, будет умиротворяющей данью общественному мнению французов. Основу мира, доказывал Хауз, следует искать не в статьях перемирия, которые лишь кладут конец войне, но скорее в предшествующей переписке между союзниками, президентом Вильсоном и Германией, в которой тщательно определены принципы установления мира. Однако упоминанию о репарациях в конвенции о перемирии суждено было на мирной конференции снова причинить неприятности американским делегатам.

3

Если военные условия, предложенные Фошем, вызвали долгие прения между главами правительств, то морские условия, составленные представителями союзных флотов, потребовали еще более продолжительной дискуссии. Они были рассмотрены на узком совещании у полковника Хауза утром 1 ноября. «Геддес представил морскую программу, — писал Хауз, — которую Межсоюзный морской совет предложил на наше рассмотрение. Мы сочли ее слишком крутой».

ГЕРМАНИЯ СДАЕТСЯ

«Список подлежащих сдаче кораблей, — сказал Геддес, — составлен из такого расчета, что если бы в свое время (британский) Большой флот и (германский) Океанский флот сошлись в бою, то потери германского флота в этом бою были бы эквивалентны данному списку. Второй довод состоит в том, что если надо выполнить требование президента Вильсона и не дать немцам возможности возобновить войну на условиях более благоприятных, чем теперь, то их флот надо сократить соответственно данному предложению. Заключительный довод состоит в том, что по линейным крейсерам германский флот превосходит союзный, и если эти корабли не будут переданы союзникам, то им придется начать строить линейные крейсера».

Естественно, что представители каждого рода оружия отстаивают его значение: военным советникам казалось, что, настаивая на сдаче не только подводных лодок, но и линкоров и линейных крейсеров, морские эксперты требуют большего, чем действительно необходимо для того, чтобы вывести из строя Германию. Фош понимал угрозу подводных лодок, но не признавал необходимости отнимать надводный флот, который во время войны был заперт в германских портах. Он опасался, что крутые требования морского ведомства поставят под удар расчет на подчинение немцев поставленным им военным условиям.

«Что касается германского надводного флота, — спросил Фош, — то чего вы опасаетесь? За все время военных действий лишь немногие его единицы осмелились выйти из своих стоянок. Сдача этих единиц будет лишь жестом, который польстит публике, и не более того. Зачем же затруднять перемирие, единственной целью которого, повторяю, является поставить Германию *hors de combat*¹. Что вы будете делать, если немцы, приняв суровые и достаточные требования, предложенные мною, откажутся подписаться под добавочными унижениями, предлагаемыми вами? Неужели ради этого вы пойдете на риск возобновления военных действий и без всякой нужды станете жертвовать многими тысячами жизней?»²

¹ *Hors de combat* — вне борьбы, лишиться боеспособности (франц.). —

Прим. перев.

² Тардые, Мир, стр. 60—61.

ГЛАВА XIX

«Необходимо, — добавил Фош, согласно записи Хауза об этом совещании, — лишить противника тех средств, которыми он мог бы наносить нам вред. До сей поры наибольший вред, несомненно, наносили нам и продолжают наносить подводные лодки. Следовательно, их надо отобрать безусловно. Но с объективной точки зрения я не понимаю, зачем вам требовать линейных крейсеров, и сам я против этого возражаю. Было бы несправедливо потребовать от армий, чтобы они стали снова воевать ради осуществления этих требований».

Геддес возразил, что было бы ошибкой считать, что надводный флот Германии не являлся до сих пор и еще не сможет явиться в будущем фактором огромного значения:

«Маршал Фош не прав, говоря, что вред наносили нам только подводные лодки. Если бы не (британский) Большой флот, то корабли, которые ныне предлагается отобрать, очутились бы на торговых путях и причинили бы союзникам величайшее разорение. Они даже помешали бы переброске американских войск. Маршал Фош не представляет себе, сколько хлопот причинил нам германский Океанский флот, ибо Большой флот постоянно держал его в узде. Если эти корабли не будут сданы, то Большой флот в период перемирия окажется в таком же напряженном состоянии, в каком были бы две армии, противостоящие друг другу на линии огня».

Тогда Фош предложил запереть Океанский флот в определенных, предписанных ему стоянках. Можно будет запереть германские корабли в Балтике с тем, чтобы союзники в качестве залога заняли Гельголанд и Куксгафен. На это Геддес ответил, что тогда потребуются тщательно сторожить Бельты, а следовательно, для флота сохранится вся тяжесть войны.

Вмешался Ллойд Джордж, предложив компромисс, основанный на сдаче подводных лодок и линейных крейсеров и оставивший линкоры интернированными. Подобно Фошу он был крайне заинтересован в том, чтобы согласие Германии на перемирие не было поставлено под удар требованиями, в которых не было абсолютной необходимости.

«Условия, предлагаемые Морским советом союзников, — сказал Ллойд Джордж, — несколько чрезмерны. Я предлагаю,

ГЕРМАНИЯ СДАЕТСЯ

чтобы Морской совет союзников снова собрался и пересмотрел вопрос на базе сдачи всех подводных лодок. Боюсь, что неизбежно придется забрать линейные крейсера. У немцев сейчас большое число линейных крейсеров на воде и еще несколько на стапелях. Следовательно, к 1919 г. они будут иметь столько же, сколько все союзники, взятые вместе, а на Северном море они даже будут преобладать. Ранее 1921 г. мы не сумеем изменить это невыгодное для нас соотношение. Поэтому я предлагаю, чтобы вторым условием была поставлена сдача линейных крейсеров. Эти суда обладают большой быстроходностью, и ни один из кораблей союзников не сможет их нагнать. К счастью, англичане построили несколько линейных крейсеров, но у американского и у французского флотов их нет вовсе. Тем не менее я склонен согласиться с маршалом Фошем относительно линкоров. В этом отношении мы обладаем подавляющим превосходством. Я предлагаю, чтобы линкоры были интернированы в нейтральных портах, имея на борту лишь кадровые команды. Эти требования покажутся немцам гораздо менее суровыми, ибо хотя они и будут знать, что никогда не вернут себе линейных крейсеров, но будут допускать, что линкоры им возвратят».

Таким образом, вопрос был возвращен на рассмотрение в Морской совет, который, к крайнему недовольству его членов, вынужден был обсудить, как сделать морские условия более приемлемыми для Германии. На заседании Верховного военного совета во второй половине дня 2 ноября Клемансо попросил адмирала Хоупа, представлявшего Морской совет, разъяснить обстановку.

Хоуп изложил дело почти так же, как излагал его Геддес перед премьер-министрами. Если Германию не лишить кораблей, требуемых Морским советом, она выйдет из войны еще более сильной, чем была к ее началу, и останется постоянной угрозой всеобщему миру. Британское адмиралтейство настаивало, чтобы на время перемирия германский флот был обезврежен. Корабли, о которых идет речь, надо либо отобрать, либо интернировать в нейтральном порту под наблюдением союзников с тем условием, чтобы они не были возвращены Германии. Сдачу судов он считал более предпочтительной.

ГЛАВА XIX

Вразрез с желанием Хауза Ллойд Джордж требовал, чтобы вопрос отложили. Он все еще возражал против резких требований Морского совета, но хотел избежать открытого разногласия с собственными морскими советниками.

«В три часа я был на заседании Верховного военного совета в Версале, — писал Хауз. — ...Ллойд Джордж настаивал, чтобы рассмотрение морской части программы отложили до понедельника. Он утверждал, что, если Австрия примет наши условия перемирия, мы сможем предложить Германии более жесткие условия. Я утверждал, что с таким же успехом мы можем предъявить наши условия теперь и не ждать (пока мы узнаем), как поступит Австрия. Австрии мы предъявили ультиматум, срок которого истекает в воскресенье к полуночи. Германия будет знать, приняла ли Австрия наши условия, еще до того, как она сама получит условия перемирия, посланные ей. И если Австрия отклонит предъявленные нами требования, то Германия определенно отклонит требования, предъявляемые ей. Мне кажется бесполезной тратой времени откладывать дело».

3 ноября премьер-министры снова собрались вместе со своими морскими и военными экспертами для обсуждения морских условий. М-р Ллойд Джордж попытался найти компромисс, приемлемый для морских экспертов, которые настаивали на сдаче линкоров и линейных крейсеров. «Наши адмиралы, — сказал он, — заупрямились и не сдвинутся с места. Не предложить ли, чтобы вместо конфискации крейсеров и линкоров мы всю эту кучу интернировали».

«Это как раз то, о чем думаю и я, — сказал Хауз, — и предоставим мирной конференции окончательно распорядиться этими кораблями».

«В Обществе наций не место будет, — добавил Клемансо, — стране с тридцатью двумя дредноутами», — подумав при этом, по-видимому, что сдача этих кораблей будет означать прибавление их к существующим европейским флотам.

Предложенный м-ром Ллойд Джорджем компромисс был поддержан адмиралом Бенсоном, которому полковник Хауз очень доверял. «Я был за потопление всего германского военного флота, — писал адмирал Бенсон впоследствии. — Боль-

ГЕРМАНИЯ СДАЕТСЯ

шинство комиссии по разработке морских условий хотело поделить суда. Мне не хотелось, чтобы после заключения мира усиливались чьи-либо морские вооружения»¹. Не сумев добиться согласия на свой план немедленного потопления германского флота, адмирал Бенсон добился по крайней мере уверенности, что в конечном счете союзные флоты не будут увеличены путем прибавления германских кораблей и что термин «сдача» употреблен только для того, чтобы показать Германии, что ей нечего рассчитывать на возвращение ее флота.

Письмо адмирала Бенсона полковнику Хаузу

Париж, 2 ноября 1918 г.

«Я имел исчерпывающую и откровенную беседу с сэром Эриком Геддесом по вопросу о подлежащих сдаче кораблях. Он уверял меня с предельной откровенностью и прямоотой, что при окончательном решении вопроса об этих кораблях они не должны быть использованы для усиления европейских вооружений после войны; он полагает, что ни одна из европейских держав этого и не имела в виду. Он откровенно заявил, что, по его мнению, после того как будет достигнуто окончательное решение, их надо будет уничтожить. Я думаю, что он вполне осведомлен о позиции других союзных держав.

Слово «сдача» использовано для того, чтобы исключить возможность неправильного истолкования Германией предъявленных ей условий.

У. С. Бенсон».

Адмирал Бенсон считал, что если германские корабли не подлежат возвращению немцам и если отсутствие слова «сдача» будет способствовать смягчению остроты переживаний немцев, то было бы возможно интернировать корабли, как предлагает м-р Ллойд Джордж. 4 ноября Бенсон изложил перед главами государств и полковником Хаузом преимущества предложенного компромисса.

¹ Из письма адмирала Бенсона Чарлзу Сеймуру от 16 июня 1928 г.

ГЛАВА XIX

«Считается невозможным, — сказал Бенсон главам правительств, — уменьшить число судов, подлежащих сдаче. В действительности условия любого из двух предъявляемых требований гарантируют обезвреживание всего германского флота.

Вопрос стоит так: отобрать ли десять линкоров или же интернировать их в нейтральном порту?

Так или иначе, окончательная судьба всех судов должна быть решена мирной конференцией.

Если союзники ограничатся требованием интернирования линкоров, вероятность принятия условий перемирия увеличится. Ради спасения людских жизней надо приложить все силы к тому, чтобы предъявить такие условия, которые удовлетворяют нашим требованиям и в то же время положат конец военным действиям.

Английские, французские и итальянские предложения предусматривают передачу союзникам и Соединенным Штатам шестнадцать дредноутов (шесть линейных крейсеров и десять линкоров), восьми легких крейсеров, включая два минных заградителя, и пятидесяти эскадренных миноносцев. Эти предложения полностью совпадают с моими, за исключением шестнадцати дредноутов, относительно которых я хотел бы, чтобы они были интернированы, а не сданы союзникам. Я считаю, что скорее желательно требовать интернирования, чем сдачи этих шестнадцати кораблей».

Маршал Фош снова возражал против рекомендаций морских экспертов, даже смягченных предложением Бенсона. «Стоит ли продолжать войну ради той только выгоды, чтобы эти корабли были интернированы в нейтральном порту? Лично я не вижу в этом никакой выгоды, тем более что этими кораблями ни разу не пользовались».

«Да, — ответил Ллойд Джордж, — но если бы не существование этих германских линкоров, Великобритания сумела бы выставить еще 350 тыс. солдат, а может быть и 500 тыс., и мы имели бы достаточные запасы угля, нефти и других товаров».

«Но германские линкоры, — возразил Фош, — ни разу не покидали своих портов, а морскую войну ведут теперь подводные лодки. Несомненно, германские линкоры удерживали

ГЕРМАНИЯ СДАЕТСЯ

британский флот в отечественных водах, но их действие было потенциальным, неактивным. Должны ли мы продолжать войну только ради того, чтобы подавить это потенциальное действие? Как нам быть, если немцы откажутся сдать свой флот? Если мы добьемся удовлетворения наших военных требований, война кончится независимо от того, примет неприятель морские условия или не примет. В противном случае нам придется продолжать войну, чтобы добиться захвата кораблей, которые блокированы в своих портах, между тем как уже само по себе принятие военных требований было бы достаточным для того, чтобы одержать победу».

Таким образом, перед главами правительств были три плана: план Фоша, настаивавшего на бесполезности и даже опасности интернирования германских линкоров; план Морского совета, требовавшего их сдачи, и план м-ра Ллойд Джорджа, которого поддерживал адмирал Бенсон, рекомендовавший интернирование. Выслушав маршала Фоша, м-р Ллойд Джордж предложил, чтобы Германия сдала намеченное число подводных лодок, но чтобы весь остальной военный флот, о котором шла речь, — линейные крейсера, так же как и линкоры, — был бы просто интернирован в нейтральном порту. Клемансо, Орландо и Хауз согласились с этим планом действий при условии, что удастся уговорить и морских советников.

Это решение было предложено Верховному военному совету на дневном заседании 4 ноября при заключительном чтении условий перемирия. Тем временем Ллойд Джордж отбыл в Англию; оставшиеся английские представители с исчерпывающей ясностью заявили, что право дальнейшего смягчения морских условий дано только премьер-министру. Геддес в очень острой форме спросил, «решили ли» главы правительств и полковник Хауз, что сдача германских военных кораблей невозможна и что их надлежит интернировать? Полковник Хауз ответил, что именно таково его впечатление и что м-р Ллойд Джордж, внесший это предложение, отбыл в полной уверенности, что вместо сдачи кораблей решено интернировать их.

Клемансо согласился с Хаузом, но заявил при этом, что Совет имеет право изменить это решение. После этого Сове-

том был зачитан и утвержден проект условий, пересмотренных в духе, предложенном Ллойд Джорджем. Оба, и Геддес, и выступавший от имени Франции адмирал де Бон, четко заявили, что это изменение для них неприемлемо и они подчиняются только вследствие окончательного решения глав правительств. «Я хочу заявить, — сказал Геддес с чувством, — что Морской совет, воздерживаясь от одобрения, просто подчиняется решению министров»¹.

Окончательно принятый текст морских условий перемирия включал следующую редакцию статьи, породившей столько трудностей:

«Нижеследующие германские надводные корабли, названия которых будут указаны союзниками и Соединенными Штатами Америки, отныне должны быть разоружены и вслед за этим интернированы в нейтральных портах по указанию союзников и Соединенных Штатов Америки с оставлением на борту только обслуживающих команд, а именно: шесть линейных крейсеров, десять линейных кораблей, восемь легких крейсеров, включая два минных заградителя, и пятьдесят эскадренных миноносцев самых новейших типов».

Трудность подыскания подходящего нейтрального порта для интернирования германского флота привела к включению фразы, допускавшей интернирование в союзных портах². Таким образом, в конечном счете германский флот очутился в Скапа-Флоу. Когда же следующим летом обслуживающие команды, находившиеся на борту военных кораблей, открыли кингстоны и потопили флот, критики часто и незаслуженно обвиняли Соединенные Штаты, ибо полагали, что только упорство президента Вильсона привело к интернированию флота вместо его сдачи. Однако протоколы показывают, что в этом вопросе американцы лишь приняли предложение британского премьер-министра. Если бы Ллойд Джордж поддержал своих морских экспертов, Хауз тоже присоединился бы к нему.

¹ Наиболее существенные моменты прений на этом и на предыдущем заседаниях Верховного военного совета опубликованы в книге *Gabriel Terrail, Les négociations secrètes et les quatre armistices*, pp. 226—266.

² Эта фраза гласила: «Если же это не удастся, то в портах союзных стран».

ГЕРМАНИЯ СДАЕТСЯ

«4 ноября 1918 г. Сэр Эрик Геддес, — писал Хауз, — просил разрешения прийти ко мне перед обедом; он пробыл у меня более получаса. Он пришел, чтобы попрощаться... Я откровенно сказал ему, что одобряю резолюцию, предложенную Джорджем и принятую нами, но что я (в любом случае) последовал бы за Англией в вопросе о морских условиях так же, как я последовал за маршалом Фошем в вопросе о военных условиях».

4

Приняв окончательное решение по морским статьям, Верховный военный совет утвердил условия перемирия в целом, после чего полковнику Хаузу было передано заключение союзных правительств о переписке между Вильсоном и немцами.

Германские делегаты выехали из Берлина во второй половине дня 6 ноября и прибыли на французскую линию фронта вечером 7-го. В пятницу, 8-го, они были доставлены в поезд в Компьенском лесу, где их приняли Фош, представлявший союзные армии, и сэр Росслин Уэмисс, представлявший союзные флоты. На следующее утро м-сье Клемансо отправил полковнику Хаузу нижеследующий отчет об имевшей место беседе.

Отчет о беседе с германскими делегатами:

«Они занимают места за столом.

Маршал Фош спрашивает германских делегатов о цели их визита.

Г-н Эрцбергер отвечает, что делегация прибыла для того, чтобы получить предложения союзных держав в целях достижения перемирия на суше, на море и в воздухе, на всех фронтах и в колониях. Маршал Фош отвечает, что у него нет никакого предложения. Граф Обердорф спрашивает, как им должно выразиться. Сам он не мастер на слова. Он может сказать, что делегация спрашивает об условиях перемирия.

Маршал Фош отвечает, что не имеет никаких условий, которые мог бы предложить.

ГЛАВА XIX

Г-н Эрцбергер зачитывает текст последней ноты президента Вильсона, которая гласит, что маршал Фош уполномочен сообщить условия перемирия.

Маршал Фош отвечает, что он уполномочен изложить эти условия, если германские делегаты просят о перемирии. «Вы просите о перемирии? Если вы о нем просите, то я могу сообщить условия, на которых оно может быть достигнуто».

Г-н Эрцбергер и граф Обердорф заявляют, что они просят о перемирии.

Маршал Фош после этого заявляет, что условия будут прочитаны. Так как текст несколько длинен, то лишь основные параграфы будут сперва прочитаны вслух. После этого делегатам будет вручен полный текст.

Генерал Вейган зачитывает основные статьи условий перемирия.

Генерал фон Винтерфельдт заявляет, что он облечен верховным командованием и германским правительством особой миссией. Он зачитывает следующую декларацию:

«Условия перемирия, которые мы только что выслушали, требуют внимательного изучения. Ввиду нашего намерения достигнуть соглашения, изучение будет произведено как можно быстрее, и все же оно потребует определенного количества времени, тем более что необходимо будет посоветоваться с нашим правительством и верховным командованием.

Тем временем борьба между нашими армиями будет продолжаться и неизбежно потребует многочисленных жертв среди войск и народа; эти жизни были бы бесполезно принесены в жертву в последнюю минуту, в то время как они могут быть спасены для их семей.

При этих обстоятельствах германское правительство и верховное военное командование имеют честь возобновить предложения, сделанные ими позавчера по радиотелеграфу, а именно: что маршал Фош, быть может, согласится установить немедленно и для всего фронта предварительное прекращение военных действий, каковое началось бы сегодня в определенный час и детали которого можно было бы выработать возможно скорее».

ГЕРМАНИЯ СДАЕТСЯ

Маршал Фош отвечает: «Я являюсь главнокомандующим союзными армиями и представителем союзных правительств. Эти правительства составили свои требования. Военные действия не могут прекратиться до подписания перемирия. Я также стремлюсь достигнуть конца и помогу вам, насколько это возможно. Но военные действия не могут прекратиться до подписания перемирия».

Письмо Клемансо полковнику Хаузу

Парижу 9 ноября 1918 г.

«Если немцы откажутся от перемирия, мы ничего публиковать не будем. Но я почти уверен, что они согласятся. Если они сообщат статьи перемирия иностранным газетам, мы разрешим нашим газетам их перепечатать, а для палаты прибережем весть о подписании, когда оно произойдет.

Только что виделся с Фошем, который передал мне протокол [беседы с германскими делегатами], каковой я перешлю вам, как только он будет перепечатан на машинке. Они не высказали никаких соображений ни относительно предмостных позиций, ни относительно флота. Они аргументируют тем, что их страна будет охвачена большевизмом, если мы им не поможем оказать сопротивление, и что впоследствии эта же чума настигнет и нас. Они просили разрешить им более медленно отступать с левого берега Рейна, говоря, что им нужны средства для борьбы с большевизмом и восстановления порядка. Фош ответил, что они могут сформировать свою армию на правом берегу. Кроме того, они возражали, что мы отнимаем слишком много пулеметов и что у них совсем не останется пулеметов, чтобы стрелять по своим соотечественникам. Фош ответил, что у них остаются винтовки. Кроме того, они спросили, что мы сделаем с левым берегом Рейна. Фош ответил, что он не знает и что это не его дело. В заключение они просили, чтобы мы их кормили, заявив, что они перемрут с голоду. Фош ответил, что они должны присоединить свой торговый флот к нашему и таким образом будут накормлены. Они ответили, что предпочли бы полу-

ГЛАВА XIX

чить *laisser passer*¹ для собственных судов. Они жаловались, что мы отнимаем слишком много паровозов, принимая во внимание, что их собственные паровозы разбросаны повсюду. Фош ответил, что мы требуем только то, что они отняли у нас. Они очень подавлены. Винтерфельдт то и дело подавлял глухие рыдания. В такой обстановке не думаю, чтобы можно было сомневаться в том, что они подпишут, но нынешняя ситуация в Германии ставит нас перед лицом неизвестности. В интересах наших армий было бы располагать еще несколькими днями для военных операций. Надо подумать о будущем, ибо подписание перемирия с правительством, которое не может заставить слушаться себя, только усилит замешательство. Кажется, эти проблемы перед нами уже стоят, ибо оказалось невозможным найти на германских линиях военную власть, способную заставить слушаться себя, и из-за этого произошла длительная задержка вестового, который вез статьи перемирия в германскую ставку. Пока Фош не найдет кого-нибудь, кто обладает властью для окончательного урегулирования дела, он будет продолжать свое наступление.

Клемансо».

Телеграмма полковника Хауза президенту

Париж, 9 ноября 1918 г.

«После первого предварительного совещания германская делегация пересекла французские линии и попыталась пересечь германские линии, чтобы вернуться в Спа. Германская артиллерия продолжала ожесточенную пальбу, разрушая дороги и мосты, и таким образом лишила германскую делегацию возможности пересечь собственные линии. Полагают, что германская делегация достигнет Спа не ранее вечера. Вероятно, мы не получим каких-либо определенных известий до вечера воскресенья или утра понедельника.

Эдуард Хауз».

¹ *Laisser passer* — пропуск, свобода движения (франц.). — *Прим. перев.*

ГЕРМАНИЯ СДАЕТСЯ

Телеграммы полковника Хауза президенту

Париж, 10 ноября 1918 г.

«Только что мною получено следующее сообщение от полковника Мотта: «Германское правительство объявило по радио, что принимает условия перемирия. Насколько нам известно, подписание перемирия места не имело. От маршала Фоша еще не было никаких сообщений о подписании какого-либо документа».

Хауз».

Париж, 10 ноября 1918 г.

«Предложил бы, чтобы, когда перемирие будет подписано, вы прочли бы его условия конгрессу и воспользовались этим случаем для нового послания ко всему миру. Вы имеете право заявить, что двумя величайшими особенностями перемирия являются поражение германского военного империализма и принятие союзными державами такого мира, какого жаждал весь свет. В такое время мне кажется необходимым внести ноту отрезвления. Должно быть сказано слово предупреждения и слово надежды. Мир в брожении, и сама цивилизация колеблется на острие ножа.

Эдуард Хауз».

«11 ноября 1918 г. Вчера поздно вечером поступило много бумаг, — писал Хауз в своем дневнике. — Мне не пришлось ложиться до полуночи, чтобы поддерживать связь с Клемансо и быть в курсе переговоров, происходивших между германскими уполномоченными и маршалом Фошем. Мы сами решили внести в соглашение о перемирии определенные изменения, которых требовали немцы, в виде пополнения определенных разделов...

С минуты на минуту мы ждали сообщения о подписании перемирия, но это сообщение пришло лишь сегодня в 5 часов 30 минут утра, через пятнадцать минут после того, как подписание фактически состоялось. Спустя несколько минут после подписания майор Уиллард Стрэйт сообщил об этом по телефо-

ГЛАВА XIX

ну Гордону, а Гордон разбудил меня, чтобы принести добрую весть. Клемансо прислал одного из своих генералов, чтобы дать мне точную информацию. Пришлось принять его в моей спальне и в дезабилье; я не сказал ему, что уже получил эту весть».

Телеграмма полковника Хауза президенту Вильсону

Париж, 11 ноября 1918 г.

«Автократия мертва. Да здравствует демократия и ее бессмертный лидер! В этот великий час мое сердце преисполнено гордостью, восхищением и любовью к вам.

Эдуард Хауз».

ПРИЛОЖЕНИЯ

**От главнокомандующего союзными армиями маршала Фоша
председателю совета министров, военному министру (Клемансо)**

Главнокомандующий союзными армиями

I секция

III бюро

*Штаб главнокомандующего союзными армиями,
26 октября 1918 г.*

После консультации с главнокомандующими американской, английской и французской армий¹ я имею честь осведомить вас о военных условиях, на которых перемирие может обеспечить «защиту в полном объеме интересов соответствующих народов и предоставление союзным правительствам неограниченной власти для обеспечения и осуществления в деталях условий мира, на которые германское правительство дало согласие».

I. Немедленная эвакуация стран, захваченных в нарушение права: Бельгии, Франции, Эльзас-Лотарингии, Люксембурга.

¹ Начальник штаба бельгийской армии, вызванный одновременно с главнокомандующими, из-за дальности расстояния еще не смог прибыть в мою ставку. — *Прим. маршала Фоша.*

ГЕРМАНИЯ СДАЕТСЯ

Немедленная репатриация их населения.

Оставление части материалов противника в эвакуируемом районе.

Эта эвакуация должна быть обусловлена во времени таким образом, чтобы лишить противника возможности вывезти большую часть военных материалов и запасов всевозможного рода, которые там собраны, а именно в соответствии с ниже-следующим расписанием:

По истечении 4 суток германские войска должны быть отведены за линию, помеченную I на прилагаемой карте.

По истечении еще 4 суток за линию, помеченную II.

По истечении еще 6 суток — за линию, помеченную III.

Таким путем по истечении общего периода в 14 суток будут освобождены Бельгия, Люксембург, Эльзас-Лотарингия.

Этот период будет исчислен со дня подписания перемирия.

Во всех случаях общее количество материалов, оставленных противником, должно составить:

5 тыс. пушек¹ — половина тяжелых, половина полевых;

30 тыс. пулеметов²

3 тыс. минометов

для передачи *in situ*³, согласно условиям, подлежащим уточнению.

Союзные войска пройдут через эти страны вслед за эвакуацией, которая будет произведена в соответствии с подробно разработанными правилами, подлежащими дальнейшему установлению.

II. Эвакуация неприятельской армией территории на левом берегу Рейна.

Территория на левом берегу Рейна будет управляться местными властями под контролем союзных оккупационных войск.

Союзные войска обеспечат оккупацию этих территорий с помощью гарнизонов, занимающих основные переправы на

¹ Т. е. около одной трети всей артиллерии германской армии. — *Прим. маршала Фоша.*

² Т. е. около половины пулеметов германской армии. — *Прим. маршала Фоша.*

³ *In situ* — на тех местах, на которых они находятся (*лат.*). — *Прим. перев.*

ГЛАВА XIX

Рейне (Майнц, Кобленц, Кельн, Страсбург) с предмостными позициями у этих пунктов в радиусе 30 километров на правом берегу, владея также стратегическими пунктами этого района.

На правом берегу Рейна от швейцарской и до голландской границы между рекой и линией, проведенной параллельно реке на 40 километров к востоку, будет установлена нейтральная зона.

Эвакуация противником Рейнской области будет произведена с соблюдением нижеследующих сроков:

до Рейна — в течение 8 суток после срока, указанного выше (всего по истечении 22 суток со дня подписания перемирия);

за нейтральную зону — еще через 3 суток (всего по истечении 25 суток со дня подписания перемирия).

III. На всех территориях, эвакуируемых противником, не будет совершено каких-либо разрушений, а также не будет причинено убытка или вреда личности или имуществу жителей.

IV. Противник должен будет сдать на условиях, имеющих быть предъявленными, 5 тыс. паровозов и 150 тыс. вагонов в исправном состоянии¹.

V. Германское командование должно будет под угрозой репрессий указать расположение минных полей и фугасов замедленного действия, оставленных на эвакуируемой территории, и помочь их обнаружению и уничтожению.

VI. Выполнение противником этих условий займет в общем период в 25 суток. На протяжении всего этого периода блокада будет осуществляться полностью для того, чтобы гарантировать выполнение этих условий. Только по истечении этого периода и по выполнении условий дозволено будет снабжение противника в соответствии с особыми соглашениями, которые будут регулировать это снабжение.

VII. Военнопленные союзных стран будут переданы в возможно кратчайший срок на условиях, которые детально будут изложены впоследствии.

¹Из этого количества 2 500 паровозов и 135 тыс. вагонов представляют количество, забранное из Бельгии и Франции; дополнительное количество подвижного состава необходимо для обслуживания страны на левом берегу Рейна. — *Прим. маршала Фоша.*

ТРИУМФ «ЧЕТЫРНАДЦАТИ ПУНКТОВ»

С военно-морской точки зрения необходимыми и достаточными в качестве основы являются нижеследующие условия:

Противник сдаст на условиях, имеющих быть предъявленными, 150 подводных лодок, представляющих приблизительно то число, которое в настоящее время находится в мореходном состоянии.

Весь германский надводный флот будет отведен в порты Балтики, при этом порт Куксгафен и остров Гельголанд будут оккупированы флотами союзников.

Противник укажет расположение всех своих минных полей и заграждений всевозможного рода за исключением тех, которые заложены в его территориальных водах. Союзникам будет предоставлено право траления везде, где они сочтут это необходимым.

Фош.

ГЛАВА XX

ТРИУМФ «ЧЕТЫРНАДЦАТИ ПУНКТОВ»

Мы охотно обсудим принцип свободы морей и вопрос о его применении.

*Из письма Ллойд Джорджа полковнику Хаузу
от 3 ноября 1918 г.*

1

Принятие Германией 11 ноября условий перемирия лишило ее способности возобновить войну в дальнейшем, и она настолько не способна была сопротивляться будущим требованиям союзников, как если бы сдалась безоговорочно. Необходимо заметить, однако, что капитуляция не была безоговорочной ни в моральном, ни в правовом смысле этого слова. В результате переписки между берлинским правительством, президентом Вильсоном и союзниками Германия добилась некоторых прав.

Ее первоначальная просьба о перемирии основывалась на предположении, что последующий мир будет соответствовать

вильсоновским «Четырнадцать пунктам» и принципам, изложенным в его последующих речах. Президент принял эту основу как условие, предшествующее перемирию; это условие было принято в конечном счете и союзниками с оговоркой, затрагивающей один из принципов, и с пояснением относительно другого. Это соглашение об условиях будущего мира стали называть предварительным соглашением; на него ссылались и тогда и впоследствии и Германия и союзники как на основу мира. Как бы беспомощна Германия ни была физически в результате военных условий перемирия, она с помощью предварительного соглашения о перемирии добилась права на мирный договор на основе «Четырнадцать пунктов».

Согласие союзников на мирные условия президента Вильсона было дано лишь с большим трудом¹. Главы европейских государств, естественно, считали, что он слишком далек от европейских проблем и не способен в них разобраться. Его принципы были изложены в туманных выражениях и допускали возможность такого истолкования, которое не обеспечило бы ни устойчивости, ни справедливости мирного соглашения. Что такое «справедливость» и почему она должна определяться президентом заокеанского государства, а не теми, кто испытал на себе, как говорили они, возмутительную агрессию центральных держав и кто после долгих усилий и жертв победил, наконец, эти державы на поле брани? Задолго до вступления Соединенных Штатов в войну союзники сформулировали свои военные цели в известных договорах между собою. Можно было спорить о том, насколько благоразумными и справедливыми были эти договоры, но трудно было бы убедить союзников, что договоры эти надо выбросить по повелению обитающего где-то далеко идеалиста. Они готовы были сочувственно выслушать американские доводы, но не собирались отказываться от собственных убеждений относительно деталей мирного соглашения.

¹ «Когда начались совещания о перемирии, — писал сэр Уильям Уайзмэн, — одно время казалось, что совершенно невозможно будет заставить союзников согласиться на перемирие на основе «Четырнадцать пунктов»».

ТРИУМФ «ЧЕТЫРНАДЦАТИ ПУНКТОВ»

С другой стороны, президент Вильсон считал, что мирное соглашение столь жизненно важно и затрагивает столь много государств во всем мире, что нельзя предоставить его на усмотрение одних только великих союзных держав. Вследствие самой своей близости к борьбе Великобритания, Франция и Италия неизбежно поддавались предрассудкам и эгоистическим побуждениям, которые искажали их способность рассуждать объективно. Далее, хотя они и не дали Соединенным Штатам никаких обещаний, но их декларации о военных целях выдвигали вильсоновскую программу: права малых народов, господство демократии, одинаковую справедливость для всех. Пока исход войны был неясен, они безоговорочно принимали его принципы; отвергнуть их теперь, когда Германия была беспомощной, было бы явным проявлением недобросовестности.

Кроме того, Соединенные Штаты были весьма непосредственно заинтересованы в мирном соглашении. Они вступили в войну в тот момент, когда силы союзников ослабли; они оказали жизненно важную помощь, кредитовав союзников огромными денежными суммами, поставками продовольствия и сырья, и, наконец, в результате отчаянного призыва маршала Фоша они послали почти два миллиона солдат. Еще неизвестно, смогли бы союзники без этой помощи выиграть войну. Соединенные Штаты не могли позволить себе предоставить Европе устраивать мирное соглашение по-своему и рисковать возможностью еще одной войны в будущем. Кто поручился бы, что условия, повергшие в войну Европу, а за ней и Соединенные Штаты, не будут оставлены без перемен?

Совершенно ясно, что полковник Хауз отдавал себе отчет в этих расхождениях, когда он прибыл, чтобы представлять Соединенные Штаты на конференции по перемирию. Главнейшую задачу своей миссии он видел в том, чтобы добиться от союзников ясно выраженного согласия на принципы президента Вильсона, изложенные в «Четырнадцати пунктах» и в последующих его выступлениях. Он принимал весьма малое участие в обсуждении военных и морских условий, налагаемых на Германию. Но он твердо был намерен бороться за утверждение «Четырнадцати пунктов» любым оружием, какое дипломатия

предоставляла в его распоряжение. До той поры лидеры союзных стран лишь совершенно неофициально выражали одобрение речам Вильсона. Теперь, когда Германия, по-видимому, быстро разваливалась, необходимо было добиться официального согласия. Спустя два дня после прибытия в Париж полковник Хауз писал в своем дневнике следующее:

«28 октября 1918 г. Мне представляется исключительно важным, чтобы союзники приняли «Четырнадцать пунктов» и последующие условия президента. Если это удастся, тем самым будет заложена основа для мира. Германия начала переговоры на основе этих условий, а союзники предварительно уже приняли их, но, по мере того как Германия проявляет признаки поражения, с каждым днем становится все более очевидным, что они хотят уклониться от обязательств, которые эти условия будут на них налагать при установлении мира. Если мы не проявим осторожность, то окажемся примерно в таком же позорном положении, в каком очутилась Германия, когда она нарушила свои договорные обязательства по отношению к Бельгии».

Задача полковника Хауза была тем более сложна, что в самих Соединенных Штатах довольно влиятельные элементы американского общественного мнения откровенно выступали против вильсоновской программы. Их лейтмотивом было: «Пусть Германия заплатит за свои злодеяния». Хауз, равно как и Вильсон, ничего не имел против того, чтобы Германия заплатила все, что она могла, но он опасался, как бы дух мщения не уничтожил чувства беспристрастной справедливости и заботу о будущем, — условия, необходимые для длительного мира. Оппозицию влиянию Вильсона на европейскую ситуацию откровенно выразил через несколько недель экс-президент Т. Рузвельт: «Наши союзники и наши противники, — сказал он, — как и сам м-р Вильсон, должны понять, что м-р Вильсон в настоящее время не имеет никакого права говорить от имени американского народа: м-р Вильсон с его «Четырнадцатью пунктами», и с его четырьмя добавочными пунктами, и с его пятью прибавочными пунктами, и со всеми его высказываниями утратил малейшее право выступать как выразитель

ТРИУМФ «ЧЕТЫРНАДЦАТИ ПУНКТОВ»

воли американского народа... Пусть они (союзники) утвердят свою общую волю над народами, ответственными за чудовищную катастрофу, которая едва не погубила человечество». Так как это мнение исходило от американца, которого в Европе после Вильсона знали лучше всех, то оно явилось для союзников прямым поощрением к тому, чтобы поделить добычу, не обращая никакого внимания на вильсоновскую схему нового международного порядка.

Тот факт, что Хауз сумел, несмотря на трудности, добиться от союзников четкого подтверждения вильсоновской программы, придал ноябрьским совещаниям о перемирии их своеобразный и многозначительный характер. Достигнутое тогда соглашение не только обеспечило прекращение военных действий, но и заложило основы будущего мирного соглашения. В техническом отношении переговоры, приведшие к перемирию, не облеклись в форму предварительных переговоров о мире; но фактически они выдвинули в качестве основного принципа те требования, которым должен был отвечать окончательный мирный договор.

2

Телеграмма полковника Хауза президенту

Париж, 29 октября 1918 г.

«Я поручил Коббу отредактировать комментарий к вашим «Четырнадцати пунктам»¹. Передаю вам этот текст по телеграфу для просмотра и исправления. Крайне необходимо, чтобы я получил это возможно скорее, ибо меня самого непрерывно просят дать разъяснения, между тем может получиться путаница.

Эдуард Хауз».

Впоследствии (31 января 1920 г.) полковник Хауз писал:

«Утверждали, будто многие из «Четырнадцати пунктов» настолько неясны и неопределенны, что не имеют практическо-

¹ Некоторые данные свидетельствуют, что фактически значительная часть комментария была составлена Уолтером Липпманом.

го смысла, и поэтому Антанта с полным основанием может отвергнуть придаваемое им толкование. Это неверно, ибо каждый пункт был разъяснен еще до заключения перемирия и комментарий занял много страниц машинописного текста. Предварительно он был сообщен по телеграфу президенту для утверждения; таким образом, Клемансо, Орландо, Ллойд Джордж и другие лишены были возможности заявить, что они не понимают значения каждого пункта в отдельности. Этот комментарий лежал перед нами изо дня в день, когда мы заседали в Париже, подготавливая перемирие. Не раз меня спрашивали о значении того или иного пункта, и я зачитывал разъяснение из этого одобренного комментария».

Официальный комментарий последовательно касался каждого из «Четырнадцати пунктов». Более важными были те разделы, которые затрагивали скорее общие, чем особые территориальные условия. Формулировка первого пункта¹, который способен был оскорбить характерную для старомодной европейской дипломатии антипатию к гласности, была направлена скорее против таких тайных договоров, как Тройственный союз, чем против конфиденциальности переговоров.

«Выражение «достигнутые открытым путем» не должно смущать нас. Минувшей зимой президент фактически разъяснил сенату, что этим выражением не имеется в виду исключить из практики конфиденциальные дипломатические переговоры, затрагивающие деликатные вопросы. Цель заключается в том, чтобы никакие пункты договоренности, достигнутой посредством таких конфиденциальных переговоров, не признавались обязательными, если они не значатся в окончательном тексте договора, обнародованном перед всем миром... Предлагается, чтобы в будущем всякий договор был частью всеобщего международного права и чтобы каждое государство приняло на себя определенные обязательства в деле его осуществления. Ясно, что государства не могут принять на себя

¹ Пункт I: «Открытые договоры о мире, достигнутые открытым путем, после которых не должно быть никаких тайных международных соглашений, а дипломатия всегда должна действовать открыто и гласно».

ТРИУМФ «ЧЕТЫРНАДЦАТИ ПУНКТОВ»

обязательства в делах, о которых они не осведомлены; следовательно, всякий тайный договор направлен к тому, чтобы подорвать прочность всей структуры международных договоров, которую предложено создать».

Комментарий ко второму пункту, касавшемуся свободы морей¹, подчеркивал, что этот пункт должен быть сформулирован в связи с созданием Лиги наций. В мирное время еще не может быть и речи о помехах торговле; в случае же всеобщей войны Лига будет уполномочена закрыть мореходные пути для торговли государства, нарушившего закон. В случае ограниченной войны, не связанной с нарушением международных договоров, комментарий ограничивался требованием, чтобы «права нейтральных стран были ограждены от (произвола) воюющих сторон, причем права тех и других надлежит ясно и точно определить в международном праве». Этим Хауз имел в виду не отменить право блокады, но покончить с помехами нейтральной торговле в открытом море, которые привели к таким трениям между Соединенными Штатами и союзниками в 1915 и 1916 гг.; его особой целью являлась ликвидация контрабанды и признание неприкосновенности частной собственности в открытом море.

Пункт третий² толковался не в том смысле, чтобы установить всемирную систему свободной (беспошлинной) торговли, но чтобы просто уничтожить особые торговые соглашения между членами Лиги, «причем каждое государство должно рассматривать торговлю всякого другого государства, входящего в Лигу, на одинаковом основании, с автоматическим применением статьи о наибольшем благоприятствовании ко всем членам Лиги наций. Таким образом государство сможет на законном основании устанавливать пошлины или особый железно-

¹ Пункт II: «Абсолютная свобода судоходства на морях, вне территориальных вод, одинаково как в мирное, так и в военное время, за исключением случаев, когда моря будут полностью или частью закрыты в результате международной акции, примененной для осуществления международных договоров».

² Пункт III: «Устранение по мере возможности всех экономических барьеров и установление равенства условий для торговли между всеми государствами, давшими согласие на мир и объединившимися для его поддержания»

дорожный тариф, или же портовые ограничения для всего мира или для всех договаривающихся держав. Оно сможет устанавливать любые ограничения против государства, не входящего в Лигу. Эта статья, естественно, имеет в виду справедливое и равноправное соглашение о распределении сырья».

Что же касается четвертого пункта — относительно разоружения, комментарий просто указывал на необходимость признать этот принцип и обеспечить назначение международной комиссии для изучения вопроса и подготовки детальных проектов осуществления этого пункта.

Относительно пятого пункта — о колониальных претензиях, комментарий отметал толкование, будто речь идет о пересмотре всех колониальных вопросов заново. «Этот пункт, — сказано в комментарии, — относится, понятно, к тем колониальным претензиям, которые порождены войной... В вопросе о германских колониях надо условиться о том, что их принадлежность будет определена после окончания войны посредством «беспристрастного урегулирования», основанного на определенных принципах. Последние распадутся на две категории: 1) «справедливые» претензии и 2) нужды заинтересованного населения». Комментарий не пытался решать, в какой мере Германия может на этом основании претендовать на возвращение ей колоний. Его значение состоит в том, что он выдвигал принцип мандатов, развитый впоследствии генералом Смэтсом и включенный в устав Лиги. «Затронутый в этом предложении принцип, — гласил далее комментарий, — состоит, по-видимому, в следующем: колониальная держава действует не как собственник своих колоний, а как опекун туземцев, действующий от имени ассоциации наций; условия осуществления колониальной администрации являются делом международного значения и могут на законном основании стать предметом международного расследования, и, следовательно, мирная конференция имеет право составить кодекс колониального управления, обязательный для всех колониальных держав».

Когда дело касается более специфических пунктов, комментарий, выражавший американскую политику, звучит менее авто-

ритетно; отчасти это происходит потому, что м-р Вильсон откровенно объяснил, что он не имеет твердо установленного мнения о деталях мирного договора. В некоторых отношениях комментарий, однако, весьма четко определял то, что стало потом американской точкой зрения на мирной конференции. В особенности это относится к пунктам, касающимся Франции и Бельгии. Комментарий провозглашал как принцип, что «в случае с Бельгией не может быть различия между «законным» и «незаконным» разрушением. С самого начала факт нашествия был незаконным, значит, и все последствия этого акта имеют такой же незаконный характер. Одним из этих последствий можно назвать военный долг Бельгии. Признание этого принципа и представит собою «акт исцеления», о котором говорит президент». В итоге было признано, что надо заставить Германию заплатить Бельгии возмещение за все военные издержки.

Франция, однако, согласно комментарию к восьмому пункту, не могла по справедливости претендовать на больший платеж, чем за непосредственный убыток, причиненный германским вторжением, поскольку вторжение во Францию само по себе не являлось нарушением международного права. Эльзас-Лотарингию, согласно комментарию, следовало полностью вернуть под французский суверенитет. Остальные французские территориальные претензии, в частности в отношении долины Саара, не были одобрены.

Что касается девятого пункта — об итальянских границах, комментарий признавал потребность в сильной границе на севере, говорил о возможности принять установленную Лондонским договором демаркационную линию в Тироле с предоставлением местной автономии жителям немецкого происхождения. В отношении Адриатики комментарий выражал надежду на достижение соглашения в духе Римского пакта между Италией и югославами с превращением Триеста и Фиуме в вольные порты. Комментарий признавал распад габсбургской монархии и одобрял права государств-наследников; при этом выдвигались доводы в пользу программы создания своего рода конфедерации Юго-Восточной Европы. Для Ближнего Востока комментарий развивал пожелания

президента Вильсона об обеспечении международного контроля над Константинополем, предоставлении Анатолии туркам и создании независимой Армении. Комментарий безоговорочно признавал преобладание французского контроля над Сирией, обещанного по тайным договорам, и, в частности, устанавливал, что Великобритания «безусловно является самым лучшим мандатарием для Палестины, Месопотамии и Аравии». Комментарий толковал намерения Вильсона в том смысле, что должен быть «общий кодекс гарантий, обязательный для всех держав-мандатариев в Малой Азии... вписанный в мирный договор. Он должен включать условия, ограждающие меньшинства и принцип открытых дверей».

Комментарий подчеркивал необходимость признания независимой Польши, но не предлагал никакого решения для неразрешимой проблемы о том, каким образом Польша достигнет моря, не отрезая Восточной Пруссии. В то же время предлагалось, чтобы Данциг был превращен в вольный город, а река Висла — интернационализирована. Что же касается России, он истолковывал намерения президента в направлении признания де-факто правительств малых государств, отколовшихся от собственно России, при условии созыва ими национальных собраний для создания правительств де-юре; Брест-Литовский договор должен быть отменен, и при условии, если возможно будет сформировать представительное правительство, следует предложить самой России всевозможную экономическую помощь.

3

Такова была программа, одобренная Вильсоном, которую Хауз собирался отстаивать в дискуссии о «Четырнадцати пунктах» с лидерами союзных стран. Не трудно изобразить драматически расхождение между американской и европейской точками зрения в вопросе о мирном соглашении. Такое расхождение существовало реально и было неизбежно. Историк должен остерегаться, однако, чтобы в своем стремлении красочно усилить контрасты не преувеличить этого расхожде-

ния. Европейцы стремились к той же цели, что и Вильсон, — к устойчивому и справедливому миру. Если они страдали предубежденностью, порожденной эгоистическими интересами, то они имели и преимущества, так как они лучше разбирались в этих проблемах. Расхождение между вышеизложенным толкованием вильсоновской политики и планами союзников было сведено к минимуму. Но конфликту суждено было чрезвычайно обостриться, когда подошли к детальному применению общих, всеми одобренных принципов.

Не следует полагать, будто союзники решили отложить «Четырнадцать пунктов» в долгий ящик. Едва ли они изучали их достаточно внимательно, чтобы составить себе определенное мнение. Но они не желали в какой-либо мере быть связанными, потому что еще не продумали последствий вильсоновской программы настолько, чтобы наверняка знать, какие жертвы им придется принести, если они ее примут. Вот почему в течение первой недели после приезда Хауза в Париж с их стороны наблюдалось упорное стремление уклониться от признания «Четырнадцати пунктов» как основы для мира, но и со стороны Хауза было проявлено такое же упорное и в конечном счете успешное старание добиться их принятия.

Первое возражение против безоговорочного одобрения «Четырнадцати пунктов» выставили англичане, предвидевшие, что, поскольку Германия просила о перемирии на основе вильсоновской программы, то союзники, соглашаясь на перемирие и не делая при этом точных оговорок, окажутся связанными этой программой. Отношение англичан к принципам Вильсона в целом было дружественным; они уже проявили некоторое беспокойство по поводу опасности, возникшей из французского и итальянского планов аннексий. Но в то же время их беспокоило, как бы второй пункт Вильсона, об «абсолютной свободе плавания на морях», не привел к отмене права блокады — этого их главного в военное время наступательного оружия. Полковник Хауз в общем глубоко сочувствовал английской политике и не возражал против права блокады при условии точного его определения. Он был убежден, однако, что необходимо принять меры для предотвращения того вмешательства в нейтраль-

ГЛАВА XX

ную торговлю, которое возмутило американцев в 1915 и 1916 гг.; он предупреждал англичан, что существующие условия морского права несут в себе опасность взрыва.

«28 октября 1918 г. Вчера вечером, когда я уже собирался ложиться спать, пришел сэр Уильям Уайзмэн, — писал полковник Хауз. — Он только что приехал из Лондона вместе с лордом Редингом и пришел рассказать о том, что произошло в Англии за последние несколько дней. Кабинет имел несколько бурных заседаний по вопросу о мирных условиях президента. Они бунтуют против «свободы морей» и хотят включить требование репараций за потери на море.

Я сказал Уайзмэну, а сегодня повторил Редингу, что, если англичане не будут осторожны, они навлекут на себя неприязнь всего мира... Я не верю, чтобы Соединенные Штаты и другие страны согласились предоставить Великобритании полное господство на морях, равно как Германии — господство на суше, и чем скорее англичане это поймут, тем для них будет лучше; более того, наш народ, если ему бросят вызов, построит флот и будет содержать армию еще большую, чем у них. У нас больше денег, у нас больше людей, и наши природные богатства гораздо более велики. Такая программа в Америке будет популярна, и если только Англия даст повод, то остальное доделает уже сам народ».

Полковник Хауз разговаривал с британскими лидерами с предельной откровенностью, и на первом же неофициальном совещании на Кэ д'Орсе 29 октября он не менее ясно дал понять французам и итальянцам, что намерен настаивать на «Четырнадцать пунктов» как на условии присоединения Соединенных Штатов к переговорам о перемирии.

Телеграмма полковника Хауза государственному секретарю Лансингу для передачи президенту Вильсону

Париж, 29 октября 1918 г.

«Сегодня у меня на завтраке были Ллойд Джордж, Бальфур и Рединг; Джордж заявил, что, по его мнению, если союзники предложат Германии условия перемирия без всякой [оговор-

ТРИУМФ «ЧЕТЫРНАДЦАТИ ПУНКТОВ»

ки], то Германия решит, что союзники приняли без всяких ограничений президентскую речь о «Четырнадцать пунктов» и другие его речи.

Что касается Великобритании, заявил Джордж, то пункт II речи от 8 января 1918 г., относящийся к свободе морей, не может быть принят безоговорочно. Он допускает, что если пункт II сделать частью пункта XIV, касающегося Лиги наций, и если исходить из того, что Лига наций будет такою, что Великобритания в нее вступит, то возможно, что Великобритания примет пункт II. Он сказал, что не хотел бы дискутировать о свободе морей с Германией и что, если свобода морей будет одним из условий мира, Великобритания не сможет дать на это свое согласие. Еще до окончания этой дискуссии мы как будто подошли близко к соглашению по этому вопросу в духе того толкования пункта II, которое я ранее сообщил вам по телеграфу.

...Затем мы отправились на Кэ д'Орсе на совещание, в котором участвовали Клемансо, Пишон, Джордж, Бальфур, Соннино и я... Клемансо и Соннино вовсе не сочувствуют идее Лиги наций. Вероятно, много возражений против «Четырнадцать пунктов» выставит Соннино...

Эдуард Хауз».

Надежда Хауза, что может быть удастся быстро договориться с англичанами по второму пункту, не сбылась на совещании с участием французов и Соннино. М-р Ллойд Джордж откровенно высказал мнение, что если не будут сделаны оговорки, то союзники окажутся связанными вильсоновской программой, между тем ни Клемансо, ни Соннино такая перспектива не радовала. Все трое, казалось, вовсе не собирались принять вильсоновскую программу в целом.

«Если мы согласимся на условия перемирия, — говорил британский премьер-министр, — не будет ли таким образом считаться, что мы принимаем «Четырнадцать пунктов» в том виде, как они изложены президентом Вильсоном? Германия просила о перемирии при условии, что в основу мира будут положены «Четырнадцать пунктов» президента Вильсона. Если мы пошлем им наши требования, то покажется, будто мы

это условие приняли. Вот почему надо подумать, готовы ли мы принять «Четырнадцать пунктов»... Я спрашиваю полковника Хауза, принимает ли германское правительство условия перемирия на основе заявлений президента о мире? Вопрос стоит так: принимаем мы или не принимаем в целом «Четырнадцать пунктов» президента Вильсона? Я хочу совершенно ясно заявить, какие пункты я не принимаю. Не следует ли нам со всей ясностью сказать германскому правительству, что мы не соглашаемся на «Четырнадцать пунктов» мира?»

Клемансо сразу же заявил, что он не намерен слепо связывать себя и Францию. «Спрашивал ли вас когда-нибудь президент Вильсон, — обратился он к Ллойд Джорджу, — принимаете ли вы «Четырнадцать пунктов»? Меня ни разу не спросили».

«Меня тоже не спрашивали, — ответил британский премьер-министр; а потом, повернувшись к полковнику Хаузу, спросил: — Какого вы мнения? Считаете ли вы, что если мы согласимся на перемирие, то тем самым примем условия мира президента?»

«Таково мое мнение», — ответил полковник Хауз.

Пишон считал, что дело можно рассматривать под таким углом:

«Мы можем заявить Германии, что мы излагаем только условия перемирия, а не условия мира».

Но англичане указали, что невозможно провести какую-то грань между разными частями переписки с Германией, поскольку просьба о перемирии была обусловлена «Четырнадцатью пунктами». «Мы опасаемся того, — добавил м-р Бальфур, — что не можем заявить, что мы заинтересованы только в условиях перемирия. В данный момент, несомненно, мы не связаны условиями президента Вильсона, но если мы дадим согласие на перемирие, не разъяснив нашей позиции, то мы определенно будем ими связаны».

«В таком случае, — сказал Клемансо, — я хочу знать, что это за «Четырнадцать пунктов».

«Да, — сказал Соннино не слишком приятным тоном, — и еще пять, и другие еще».

Так началась дискуссия, которая вначале казалась весьма не-

ТРИУМФ «ЧЕТЫРНАДЦАТИ ПУНКТОВ»

благоприятной для Хауза, надеявшегося добиться принятия вильсоновской программы. Первый пункт был прочитан вслух: «Открытые договоры мира, достигнутые открытым путем...»

Клемансо не замедлил реагировать по-своему: «Я не могу дать согласие, — сказал он, — на то, чтобы никогда не заключать особых или тайных дипломатических соглашений какого-либо рода». К этому м-р Ллойд Джордж с такой же краткостью и решительностью добавил: «Не думаю, чтобы можно было так себя ограничивать».

Полковник Хауз, однако, огласил комментарий к этому пункту, подкрепленный речью Вильсона к сенату, и показал, что это предложение имело в виду не открытые переговоры, а только гласность их результатов. Его поддержал м-р Бальфур, заявивший, что речь идет о запрещении тайных договоров.

Дискуссия коснулась второго пункта — о свободе морей, который м-р Ллойд Джордж толковал как отмену права блокады и против которого он восставал со всею силой.

«Этот пункт, — утверждал он, — мы не можем принять ни при каких условиях; это значит лишиться мощного средства блокады; Германия было сломлена блокадой почти в такой же мере, как и военными методами; и если бы это мощное средство было отдано Лиге наций, а Великобритания дралась бы не на жизнь, а на смерть, то никакая Лига наций не смогла бы помешать ей защищаться. Это мощное средство помешало Германии получать каучук, хлопок и продовольствие через Голландию и скандинавские страны. Поэтому мое мнение таково: прежде чем я соглашусь лишиться этого мощного средства, я хотел бы увидеть организованной эту Лигу наций. Если Лига наций представляет собою реальность, я готов обсуждать этот вопрос».

Полковник Хауз не истолковывал термин «свободы морей» в смысле отмены принципа блокады; для него это означало лишь кодификацию морских обычаев, которая осветила бы доктрину иммунитета частной собственности на море в военное время. Пока англичане не признают требования Соединенных Штатов о том, чтобы их торговле с нейтральными странами не чинили препятствий в открытом море, до тех пор, несомненно, британский контроль на морях будет вызывать

отрицательное отношение. Соединенные Штаты неизбежно сочтут необходимым построить флот, способный защитить их торговлю. Хауз не скрывал своего опасения, что, помимо опасности состязания в деле военно-морского вооружения, вмешательство англичан в американскую торговлю в случае новой войны бросит Соединенные Штаты в объятия врага Великобритании, кто бы он ни был.

«Великобритания, — сказал он, — может очутиться в состоянии войны с какой-либо другой державой, быть может, с Францией. В минувшую войну вследствие отвратительного поведения Германии на море симпатии Соединенных Штатов принадлежали союзникам; в будущей войне, если Франция к подобным действиям не прибегнет и окажется более слабой морской державой, может случиться, что симпатии Соединенных Штатов будут принадлежать Франции».

На французов и итальянцев не произвела особого впечатления мысль о том, что англо-американской дружбе может угрожать факт британского контроля на море, не урегулированного путем пересмотра морского законодательства. Кроме того, у них были и свои возражения против «Четырнадцати пунктов», поэтому они охотно присоединились к м-ру Ллойд Джорджу, противодействуя одобрению этой программы в целом. Итальянский министр иностранных дел потребовал, чтобы президента уведомили в категорической форме, что в настоящее время союзники не могут дать ему никакого заверения о приемлемости его пунктов. Невозможно, говорил Соннино, достигнуть соглашения о мирной программе в момент подготовки перемирия. Что же касается использования англичанами морской мощи, то «необходимо помнить, что нации, подобно животным, владеют различным оружием: одному животному даны зубы, другому клыки, третьему когти; то же самое и с нациями». Ему кажется, что в настоящий момент нельзя сделать ничего другого, кроме как установить военные и морские условия перемирия; вопрос об основах мира должен быть отложен на дальнейшее.

Как раз подобного откладывания соглашения о принципах Хауз, естественно, и хотел избежать. Пока Германия оставалась на поле боя и союзники не были уверены, примет ли она

ТРИУМФ «ЧЕТЫРНАДЦАТИ ПУНКТОВ»

перемирие, влияние Соединенных Штатов продолжало быть очень сильным; коль скоро же Германия сдалась бы, союзникам легче было бы не считаться с этим влиянием и заключить какой им угодно мир. Сообразно с этим полковник Хауз неуклонно стоял на своей первоначальной позиции. Если союзники будут упорствовать в своем нежелании принять «Четырнадцать пунктов», на которых Германия основывала свою просьбу о перемирии, то результат может быть только один: переговоры с Германией закончатся неудачей; президенту Вильсону не останется ничего иного, как сказать неприятелю, что его условий союзники не приняли. Тогда возникнет вопрос, не заняться ли Америке этим делом непосредственно с Германией и Австрией?

«Это будет означать, — сказал Клемансо, — сепаратный мир между Соединенными Штатами и центральными державами».

«Возможно», — ответил полковник Хауз.

«Мое заявление, — телеграфировал он президенту, — произвело на присутствующих разительное впечатление».

Этот довод и имел в виду вызвать такое впечатление; несомненно, он был рассчитан не только на то, что прекращение сотрудничества Соединенных Штатов с союзниками непременно и очень сильно затронуло бы их экономическое благосостояние (ибо они полагались на американскую помощь в период восстановления), но и на моральное влияние, какое президент Вильсон имел в то время в Европе. Вильсон всюду рассматривался как лидер либерального общественного мнения мира, следовательно, весть о разрыве между ним и премьерами союзных стран могла бы оказать самое непосредственное влияние на политические судьбы последних.

Однако в тот момент они не проявили желания изменить свою позицию. «Если Соединенные Штаты заключат сепаратный мир, — утверждал Ллойд Джордж, — нам будет неприятно, но мы не можем отказаться от блокады, — это то мощное средство, которое помогло нам выжить; что же касается английского народа, мы будем продолжать борьбу». «Да, — вмешался Клемансо, — я не могу понять смысла этой доктрины

(свободы морей). При существовании свободы морей война не была бы войной»¹.

Хауз стремился дать премьерам возможность оценить последствия отказа от принятия условий Вильсона; кроме того, он хотел испытать путь индивидуального обсуждения. Поэтому он предложил следующее:

«Надо, чтобы Франция, Англия и Италия сговорились о пределе приемлемости для них «Четырнадцати условий»; это будет первым предварительным шагом к выработке перемирия».

Его поддержал Бальфур, неизменно сохранявший спокойствие и не упускавший из виду того факта, что, за немногими исключениями, союзники, вероятно, захотят принять вильсоновскую программу. По спорным пунктам, может быть, удастся добиться компромисса. Он подчеркнул, что Германия явно хочет «вбить клин между союзными державами», и настоятельно рекомендовал приложить максимальные усилия, чтобы избегнуть этой ловушки.

Ллойд Джордж тоже занял более примирительную позицию и дал понять, что за исключением второго пункта англичане других возражений не имеют.

Остальные были явно разочарованы при мысли даже о такой попытке уступить требованиям Вильсона. Соннино жаловался, что пункт IX, касающийся итальянских границ, непригоден с итальянской точки зрения. Поднят был вопрос о том, насколько четко выражена в речах президента Вильсона необходимость репараций; а Клемансо спросил, что он подразумевает под «равенством торговых условий»? В заключение было принято английское предложение о том, чтобы попытаться составить проект оговорок. На этом совещание было прервано.

4

Полковник Хауз был угнетен ходом совещания, хотя и до этого не скрывал от себя предстоявших ему трудностей. Вся его

¹ «Вопрос о «свободе морей» едва не расколол конференцию», — писал сэръ Уильям Уайзмэн.

ТРИУМФ «ЧЕТЫРНАДЦАТИ ПУНКТОВ»

надежда заключалась в установлении взаимопонимания с англичанами, ибо м-р Ллойд Джордж твердо дал понять, что, за исключением «свободы морей» и определения репараций, он готов поддержать принципы Вильсона. Хауз чувствовал, что если м-р Ллойд Джордж к нему присоединится и убедит французов и итальянцев принять остальные из «Четырнадцати пунктов» и если англичане согласятся обсудить на мирной конференции вопрос о пересмотре морского законодательства, то при создавшихся обстоятельствах это даст максимум возможного. Вот почему он сосредоточился на том, чтобы убедить англичан, насколько важно для успеха дела принять программу президента в качестве необходимого условия сердечности англо-американских отношений как на конференции, так и в будущем.

В то же время он полностью информировал Вильсона о сложившейся в Париже ситуации и просил дать ему определенные полномочия, чтобы он мог прочно стоять перед лицом оппозиции, направленной против «Четырнадцати пунктов». Президент Вильсон ответил четким заявлением, означавшим, что участие Америки в мирной конференции зависит от принятия тех пунктов, против которых особенно возражали. Казалось, что решается весь вопрос о дальнейшем сотрудничестве Соединенных Штатов с Европой. Вот что гласит официальный текст зашифрованной телеграммы президента, отправленной 30 октября:

«Я считаю своим торжественным долгом уполномочить вас сказать, что я не могу согласиться принять участие в переговорах о мире, который не включал бы свободы морей, ибо мы обязались воевать не только с прусским милитаризмом, но и с милитаризмом вообще.

Не могу я также принять участие в мирном соглашении, которое не включало бы Лигу наций, потому что такой мир через несколько лет приведет к тому, что не останется никаких гарантий, кроме всеобщих вооружений, а это будет губительно. Надеюсь, что я не буду вынужден огласить это решение».

Заключительная фраза Вильсона, свидетельствовавшая о его готовности угрожать публичным обсуждением расхождений между мирными принципами Америки и союзных стран,

ГЛАВА XX

совпадала с тем образом действий, который Хауз уже обдумал. Вечером вслед за совещанием 29 октября он размышлял, каким способом убедить Клемансо и Соннино взять обратно их возражения. Принятое им решение сформулировано в его дневнике записью от 30 октября:

«Сегодня около 3 часов утра я был разбужен шумом мотоциклов наших курьеров, отъезжавших с донесениями для Вашингтона, которые только что были зашифрованы. Каждую ночь с тех пор, как мы здесь, штат сотрудников работает до трех-четырёх часов утра. Донесения в Вашингтон невозможно подготовить и написать раньше вечера, а шифровка отнимает почти целую ночь. Необходимо, чтобы эти донесения попадали в Вашингтон рано утром, поэтому штат работает полным ходом всю ночь.

Я стал размышлять над дилеммой, возникшей между мною и тремя премьер-министрами. Тогда мне пришло на ум, что есть выход из этого затруднительного положения. Я скажу им, что, если они не примут «Четырнадцати пунктов» президента и прочих условий, провозглашенных им начиная с 8 января, я посоветую президенту выступить перед конгрессом и доложить ему о фактическом положении вещей, рассказать о том, каких условий требуют Англия, Франция и Италия, посоветоваться с конгрессом о том, не надлежит ли Соединённым Штатам уже теперь заключить мир с Германией, поскольку она приняла американские условия, или же нам надлежит продолжать воевать с Германией, пока она не примет условий Франции, Англии и Италии, какими бы ни были эти условия... Я повернулся на другой бок и заснул, зная, что я нашел решение очень трудной проблемы».

Премьеры союзных держав менее всего желали дебатов о целях войны, которые возникли бы в результате постановки вопроса перед конгрессом. В тот момент престиж Вильсона во Франции, Англии и Италии был настолько велик, что они не могли открыто отвергнуть его принципы. Равным образом они не осмеливались взять на себя ответственность за продолжение войны без моральной и экономической поддержки Соединённых Штатов, между тем как вследствие дезорганизации Европы эта поддержка становилась все более и более необходимой.

ТРИУМФ «ЧЕТЫРНАДЦАТИ ПУНКТОВ»

Так, исполненный новых надежд, Хауз встретился с м-ром Ллойд Джорджем утром 30-го перед совещанием с Клемансо, которое должно было состояться несколько позже в военном министерстве. Оказалось, что британский премьер-министр настроен более примирительно. Он составил меморандум с британскими оговорками, который почти целиком совпадал с меморандумом, принятым впоследствии союзниками; как по духу, так и по существу он отличался от возражений, высказанных накануне.

Согласие Клемансо на английский проект в огромной мере усилило позицию Хауза, ибо теперь он мог рассчитывать на содействие французов и англичан в том, чтобы заставить итальянцев взять обратно или же смягчить их возражения. 30 октября, ко второй половине дня, на совещании премьер-министров и министров иностранных дел Ллойд Джордж огласил свой проект меморандума и предложил принять его в качестве ответа президенту Вильсону.

Итальянцы сразу же стали возражать. «Я тоже подготовил проект, — сказал Соннино, — по вопросу о девятой статье «Четырнадцать пунктов» президента Вильсона [итальянские границы]. Если мы примем «Четырнадцать пунктов» в таком толковании [английское толкование] по отношению к Германии, то не окажется ли, что мы приняли их также и по отношению к Австрии?»

Тем не менее Ллойд Джордж не оказал ему никакой поддержки и напомнил, что обсуждается вопрос о перемирии с Германией: «Это не имеет никакого отношения к Австрии».

«Да, — возразил Соннино очень резко, — но если мы заявим о своем согласии с «Четырнадцатью пунктами», обусловленном соображениями, изложенными м-ром Ллойд Джорджем, то будет считаться, что принята и вся остальная часть, а это предопределяет дело с заключением перемирия с Австрией. Будет считаться, что статьи, применимые к Австрии, также одобрены».

Несмотря на возражения и англичан и французов, что оговорка об итальянских границах не имеет никакого отношения к перемирию с Германией, Соннино настоял на том, чтобы огласили составленные им замечания об условиях президента, а именно:

ГЛАВА XX

«Итальянское правительство считает, что «урегулирование», упомянутое в пункте IX, предполагает не простое исправление границ, но означает также, что Италия добьется освобождения провинций, итальянских по своему национальному составу, и в то же время установит между Италией и Австро-Венгрией или другими государствами, до сих пор составлявшими часть Австро-Венгрии, границы, которые создадут необходимые условия военной безопасности, достаточные для обеспечения независимости и сохранения мира с учетом географических и исторических факторов и с применением тех же принципов, какие установлены в случае с Германией в вопросе о территориальном разграничении, вытекающем из нынешней войны».

Поистине это замечание было так сформулировано, чтобы превратить пункт IX президента Вильсона в совершенную бессмыслицу, ибо своей туманной растяжимостью оно позволяло Италии требовать и очень далеко расположенные территории. К этому были прибавлены национальные, географические, стратегические и исторические факторы, а также намек на то, что всякий довод, использованный Францией для своего усиления против Германии, может быть использован Италией для аннексии восточного побережья Адриатики.

Итальянские представители явно стремились к тому, чтобы это замечание было формально вписано в меморандум, посылаемый Вильсону. Но они не получили поддержки ни от французов, ни от англичан. Хауз снова повторил свое предупреждение, что всякое радикальное возражение против «Четырнадцати пунктов» вынудит Вильсона обратиться к конгрессу и открыть публичное обсуждение проблемы. Клемансо настаивал, что оговорка Соннино не может быть включена в ноту, касающуюся Германии: «С таким же успехом можно было бы включить какие-нибудь соображения об Эльзас-Лотарингии в ноту, касающуюся Австро-Венгрии». Ллойд Джордж указал, что «вопрос о включении этой оговорки в ноту к Австрии можно будет рассмотреть впоследствии, хотя сам он надеется, что она не будет включена».

Соннино снова возражал, говоря об опасности того, что последующие события не дадут возможности итальянцам сде-

ТРИУМФ «ЧЕТЫРНАДЦАТИ ПУНКТОВ»

лать свою оговорку и что, хотя он согласен принять текст Ллойд Джорджа, поскольку это касается Германии, он все же считает, что в отношении Австрии это предложение совершенно недостаточно. Но тут вмешался Клемансо:

«Согласны ли мы относительно ответа Германии? Я согласен. Ллойд Джордж согласен. [Поворачиваясь к Орландо] Вы согласны?»

«Да», — ответил Орландо.

Таким образом, оговорка Италии была исключена из предварительного соглашения о перемирии.

5

Телеграмма полковника Хауза президенту

Парижу 31 октября 1918 г.

«Со вчерашнего дня все меняется к лучшему, и я надеюсь, что вы не будете настаивать на использовании мною вашей телеграммы, кроме тех случаев, когда мне это покажется необходимым.

Если вы предоставите мне свободу действий в ведении уже происходящих сейчас переговоров, могу заверить вас, что не будет допущено ничего такого, что поставило бы вас в затруднительное положение или скомпрометировало бы какой-либо из ваших принципов мира. Вы будете располагать такой же свободой действий после подписания перемирия, какой вы располагаете сейчас. Крайне важно, чтобы в настоящее время не было сказано или сделано ничего такого, что могло бы задержать перемирие, которое спасет много тысяч жизней. В настоящее время переговоры протекают удовлетворительно.

Эдуард Хауз».

«Четырнадцать пунктов» суждено было снова подвергнуться критике на официальных заседаниях Верховного военного совета 31 октября и 1 ноября. На последнем из них Гииманс, выступая от имени Бельгии, поднял вопрос о пункте III, который требовал равенства торговых условий, и о пункте V,

ГЛАВА XX

касавшемся колоний. Он настаивал, чтобы были предусмотрены специальные условия защиты Бельгии от наводнения германским экспортом. Он вынужден был также настаивать на целостности колоний Бельгии. Некоторую поддержку ему оказали Ллойд Джордж и Веснин, выступавший от имени Сербии. Орландо снова поднял вопрос об оговорках к пункту IX.

Однако во всех этих случаях полковник Хауз потребовал отложить обсуждение, не желая, очевидно, начинать подробную дискуссию на официальных заседаниях и предпочитая всесторонне обсудить разногласия на более узких заседаниях. 3 ноября премьер-министры при участии Гииманса собрались снова на квартире у Хауза для обсуждения ноты президенту.

Телеграмма полковника Хауза президенту

Париж, 3 ноября 1918 г.

«... Бельгийцы возражают против статей III и V «Четырнадцати пунктов». итальянцы возражают против статьи IX.

Сегодня в 3 часа дня три премьер-министра соберутся у меня на квартире, чтобы обсудить «Четырнадцать пунктов». В общем, Клемансо и Орландо примут все, на что согласятся англичане относительно статьи II [свобода морей]. Почти каждую минуту, свободную от этих совещаний, я трачу на обсуждение этой статьи с англичанами. Я настаиваю, чтобы в принципе они признали, что эта статья подлежит дискуссии на мирной конференции или же до нее; я испытываю величайшую трудность в том, чтобы добиться их согласия даже на это. Я заявлял им, что с таким же успехом они могут также отказаться признать в принципе, что и законы ведения войны на суше подлежат дискуссии...

Эдуард Хауз».

На этом совещании Ллойд Джордж и Гииманс снова обратили внимание на пункт III — об «устранении по мере возможности всех экономических барьеров». Последний просил внести оговорку, которая позволила бы Бельгии свободно получать сырье и защищаться от демпинга в период восстано-

ТРИУМФ «ЧЕТЫРНАДЦАТИ ПУНКТОВ»

ния. «Нам нужен будет барьер, — сказал он, — чтобы не допустить германские товары. Германия легко может наводнить наши рынки».

«Франция и Бельгия, — ответил Хауз, — несомненно будут иметь возможность получить все нужное им сырье. Никто не собирается мешать такому импорту. Что же касается германского экспорта, то мы должны помнить, что Германия обязана будет по необходимости выплачивать миллиардные суммы и она должна иметь возможность их выплатить. Если мы лишим ее средств существования, она платить не сможет».

Против этого довода трудно было возражать, особенно французам и бельгийцам, рассчитывавшим на германские репарации. Клемансо высказал мысль, что действительно нет необходимости возражать против требования Вильсона об устранении торговых барьеров, поскольку эта статья смягчена словами «по мере возможности». Ллойд Джордж согласился, что это в достаточной мере оградит их интересы, если указанные слова поместить в начале всей статьи. Тогда не потребуетсЯ никакой оговорки. Хауз с этим согласился, и дальнейшие возражения Гииманса были отклонены.

«Мне кажется, — сказал бельгийский министр иностранных дел, — что нужна была бы более исчерпывающая фраза, чем только “убытки, причиненные гражданскому населению”».

«Не означает ли это, что вы просите о косвенном возмещении?» — спросил Ллойд Джордж.

«Я не прошу об этом сейчас, — ответил Гииманс, — но хотел бы, чтобы была вставлена фраза, которая касалась бы этого вопроса».

«Я полагаю, что было бы ошибкой включать в условия перемирия, — продолжал Ллойд Джордж, — все, что способно вызвать у Германии представление, будто мы желаем возмещения военных расходов»¹.

¹ Этот краткий обмен репликами между Гиимансом и Ллойд Джорджем имеет историческое значение, потому что он ясно свидетельствует, что, по мнению тех, кто подготовлял перемирие, фраза «убытки, причиненные гражданскому населению», не покрывала «косвенного возмещения», как-то: оплаты военных расходов и пенсий.

ГЛАВА XX

Хауз, естественно, согласился; а после того, как Клемансо принял пункт III без дальнейших добавлений, решено было оставить его в прежнем виде, кроме перемещения слов «по мере возможности».

В равной степени безуспешной была попытка Орlando вставить оговорку к пункту IX. Получалось странное положение, поскольку условия перемирия уже были отправлены Австрии непосредственно, а не через президента Вильсона, как это было с условиями для Германии. Таким образом, не было возможности уведомить Вильсона о желании Италии внести оговорки к этому пункту. Кроме того, отправляя ноту, касавшуюся условий с Германией, ни Ллойд Джордж, ни Клемансо не признавали уместности итальянского возражения. Ллойд Джордж полагал желательным обратить внимание президента на то обстоятельство, что пункт IX не затрагивает Германию.

«Я думаю, — сказал Хауз, — что лучше ничего не говорить по этому вопросу президенту Вильсону. Нецелесообразно было бы увеличивать число исключений».

«Да, — согласился Клемансо, — желательно вносить как можно меньше поправок и оговорок к “Четырнадцать пунктам”».

Не добившись поддержки, Орlando не стал больше настаивать на своей оговорке, и об итальянских возражениях на мирной конференции ничего не было слышно вплоть до весны 1919 г. Можно ли было применять «Четырнадцать пунктов» при установлении мира с Австрией так же, как при установлении мира с Германией, осталось проблемой, до конца так и не решенной. Правда, Соннино сформулировал и зачитал двум премьер-министрам и Хаузу меморандум с итальянскими возражениями¹. Но официально они так и не были предъявлены Верховному военному совету, а равно и не были посланы австрийцам, которые,

¹ Стоит отметить, что в оговорке, предложенной Соннино, сущность итальянских возражений против пункта IX сводилась не к тому факту, что Лондонский договор уже установил новую границу Италии и определил ее характер, а скорее к каким-то неопределенным географическим, историческим и стратегическим факторам.

ТРИУМФ «ЧЕТЫРНАДЦАТИ ПУНКТОВ»

подобно немцам, просили о перемирии на основе «Четырнадцать пунктов»; равным образом эти возражения не были официально сообщены президенту Вильсону. Полковник Хауз, видимо, считал, что в деле с Австрией союзники тоже связаны условиями президента. 31 октября, телеграфируя Лансингу о том, что условия перемирия с Австрией уже отосланы, он добавлял:

«Я считаю, что при существующих обстоятельствах предъявление Австрии условий перемирия без каких-либо ясно выраженных оговорок может быть истолковано как принятие союзниками предложений президента».

6

После того как были сняты бельгийские и итальянские возражения против посылаемой Вильсону ноты, Хаузу предстояло иметь дело с двумя оговорками, уже составленными англичанами. Одна, касавшаяся значения репараций, его удовлетворяла. Он понимал ее в том смысле, что Германия возместит все непосредственные убытки, причиненные гражданскому населению. Из спора Ллойд Джорджа с Гиимансом казалось, что ни он, ни остальные не предполагали, что в оговорку войдет ответственность за косвенный ущерб или же что это будет иметь характер военной контрибуции.

Что же касается оговорки о свободе морей, то Хауз не был удовлетворен ею, а президент — еще менее того. Сама фразеология оговорки давала союзникам возможность отказаться даже от обсуждения этого вопроса на мирной конференции. Вильсон требовал как минимум исчерпывающего признания принципа свободы морей. Он уполномочил Хауза заявить, что если они этого не примут, то могут «наверняка рассчитывать, что мы используем наше наличное оборудование для постройки сильнейшего флота, допускаемого нашими ресурсами, чего наш народ давно жаждет»¹.

Хауз усердно старался разъяснить англичанам, насколько непреклонно мнение американского правительства о необхо-

¹ Из телеграммы Вильсона Хаузу от 4 ноября 1918 г.

ГЛАВА XX

димости пересмотреть морское законодательство и гарантировать, чтобы в будущих войнах нейтральной торговле не чинилось помех, противоречащих общепринятым и одобренным правилам.

Впоследствии сэръ Уильям Уайзмэн писал: «Трудность состояла в том, чтобы сформулировать столь неопределенный и в то же время столь далеко идущий и жизненно важный принцип. Английские лидеры в общем соглашались с Хаузом, зато моряки прибыли на конференцию преисполненные негодования. Англичане опасались, что они, может быть, берут на себя слишком большую ответственность и что страна отвергнет все, что будет иметь хотя бы видимость отказа от ее морского могущества. Понять это нетрудно, если вспомнить, что Британская империя только что пережила войну, в которой она могла бы очутиться во власти врага в любой момент, если бы не защитилась мощью своего флота... Хауз считал, что можно установить такую политику, которая обеспечила бы Британской империи защиту, чего англичане вполне естественно требовали, и в то же время сочеталась бы с принципом, который пытался развить Вильсон».

«1 ноября 1918 г. Тотчас по возвращении из Версаля я пригласил сэра Уильяма Уайзмэна, — писал Хауз в своем дневнике, — и сказал ему, что если Ллойд Джордж не сделает каких-нибудь благоразумных уступок в вопросе о свободе морей, то это положит конец всяким надеждам на англосаксонское единство; в 1812 г. Соединенные Штаты вступили в войну с Англией из-за вопроса о своих правах на море, а в 1917 г. Соединенные Штаты вступили в войну с Германией из-за того же самого вопроса. Я не думаю, чтобы президент, даже если бы он захотел этого, смог бы уклониться от этой проблемы; и если Ллойд Джордж, как он указывает, выражает британскую точку зрения, то к концу войны неприязненное отношение к Великобритании будет сильнее, чем когда бы то ни было со времени нашей гражданской войны. Я снова как можно более убедительно повторил, что наш народ не согласится позволить британскому правительству, равно как и любому другому правительству, определять, на каких условиях наши

ТРИУМФ «ЧЕТЫРНАДЦАТИ ПУНКТОВ»

суда должны плавать по морям, будь то в мирное время или во время войны.

Сегодня вечером Уайзмэн обсудит этот вопрос с британскими лидерами и завтра даст мне ответ».

«2 ноября 1918 г. Я сказал Редингу, что они заняли такую же позицию, какую Германия заняла весной 1914 г. в отношении своей армии. Немцы заявляли тогда, что штыки всей Европы направлены против Германии и что во имя своего существования она обязана не соглашаться даже на умеренное разоружение. Они утверждали, что их армия предназначена не для агрессии, и указывали при этом, что из всех великих держав Германия — единственная, которая не совершала территориальных завоеваний в течение почти полувека. Но для Германии все это кончилось печально, и, по-моему, неизбежно, что и Великобритания подобным же образом будет иметь основания сожалеть о своей произвольной позиции».

«4 ноября 1918 г. Трудно достаточно полно описать то напряженное настроение, которое царило вследствие споров о «Четырнадцати пунктах». И с Джорджем и с Редингом мы провели ряд совещаний порознь и вместе...

Ллойд Джордж сказал, что Великобритания истратит все до последней гиней, чтобы сохранить превосходство своего флота над флотом Соединенных Штатов или любой другой державы, и что в Англии ни один министр, который занял бы иную позицию, не смог бы остаться у власти. Я париовал, заявив, что наша цель состоит не в том, чтобы начать соперничать с Великобританией в морском строительстве, а в том, чтобы надлежащим образом оградить наши права на море, и что мы не намерены допустить, чтобы Великобритания регулировала нашу торговлю всякий раз, когда она воюет.

После этого спора Джордж прислал Рединга, чтобы обсудить со мною этот вопрос... Я сказал Редингу, что он напрасно тратит время; ни при каких обстоятельствах мы не согласимся считать, что пункт о свободе морей не подлежит обсуждению между нашими правительствами. Я утверждал, что рано или поздно мы придем к столкновению, если не будет достигнуто соглашение о законах, регулирующих мореходство. Я дал ему

ГЛАВА XX

понять, что не намерен отступать ни на шаг и располагаю поддержкой президента».

Необходимость достигнуть какого-то соглашения по этому пункту с англичанами, как полагал Хауз, преобладала над всеми прочими политическими вопросами, кроме вопроса о Лиге наций, с которым это было тесно связано. В течение шести лет он твердил, что вернейшей гарантией мира во всем мире является тесная политическая дружба народов, говорящих на английском языке. Это убеждение воодушевляло его во всех его поездках за границу в качестве представителя президента Вильсона, а война еще более усилила это убеждение. Для того чтобы преодолеть социальную и экономическую смуту, которая неизбежно доследует за войной, и чтобы из хаоса создать порядок, необходима была Лига наций; Хауз считал, что успех Лиги в значительной мере будет зависеть от прочного сотрудничества между Соединенными Штатами и Великобританией с ее заморскими доминионами.

Единственным препятствием на пути англо-американской дружбы стоял вопрос о британской морской политике. Всегда оставалась опасность, что в случае будущей войны может (как с 1915 г.) возникнуть кризис, который затронет престиж и интересы Соединенных Штатов. Хауз не хотел ждать, пока национальное самлюбие будет напряжено до крайности, и пытался устранить возможную причину раздоров. Момент, когда Великобритания и Соединенные Штаты все еще были связаны общими усилиями в борьбе против Германии, утверждал он, — этот момент был наиболее удобен для того, чтобы устранить всякую возможность будущего столкновения между британской и американской морской политикой. Он считал, что если англичане согласятся на обсуждение принципа свободы морей, тогда не исключена возможность достигнуть такого понимания, которое позволит установить удовлетворяющие Америку правила морских перевозок в военное время, а также приблизиться к прекращению военно-морского соперничества. Но если англичане целиком отвергнут американское требование о пересмотре этих правил, то над горизонтом нависнет туча будущих ссор.

На заседании 3 ноября Хауз намеревался просить англичан полностью согласиться с принципом свободы морей, как его ставил Вильсон. Он знал, что они откажутся это сделать. Необходимо было по меньшей мере получить от них гарантию, что предложенная ими оговорка не исключает возможности полного и свободного обсуждения этого принципа на мирной конференции. Он начал с предъявления официальной расшифровки телеграммы президента Вильсона от 31 октября относительно проектируемой ноты союзников, которая гласила следующее:

«Президент охотно и сочувственно признает потребности англичан и твердую позицию, занятую ими в вопросе о свободе морей, как в отношении самой Англии, так и в отношении всей Британской империи. Он понимает, что свобода морей — вопрос, требующий самого свободного обсуждения и обмена мнений. Президент, однако, не уверен, что союзники окончательно согласились с принципом свободы морей и что их оговорка касается лишь предела его применения и возможности свободного обсуждения вопроса.

Президент настаивает, что условия, указанные в пунктах I, II, III и XIV, являются основными американскими условиями в программе мира¹, и он не может отказаться от них. Вопрос о свободе морей не должен обсуждаться с немцами, если мы заблаговременно достигнем соглашения между собой.

Блокада — один из тех вопросов, которые подверглись изменению в нынешней войне, и законы, регулирующие блокаду, конечно должны быть модифицированы. Нет, однако, никакого основания бояться того, что принцип блокады будет полностью отменен»².

¹ Открытая дипломатия, свобода морей, устранение экономических барьеров и Лига наций.

² При изложении Хауз опустил из телеграммы фразу, где президент Вильсон повторял свою угрозу, что если свобода морей не будет признана, то ему, быть может, придется изложить дело перед «конгрессом, который не проявит ни сочувствия, ни желания, чтобы жизнь американцев и их имущество принесли в жертву ради британского морского владычества».

ГЛАВА XX

Ллойд Джордж сразу же со всей ясностью дал понять, что он не намерен изменять предложенную оговорку, и обратился за поддержкой к Орландо и Клемансо. «Этот вопрос касается не только Великобритании, но также и Франции и Италии. Все мы получили выгоду от блокады, которая преградила доступ в Германию стали, меди, каучука и многих других категорий товаров. Это было очень важным элементом в победе над врагом».

«Да, — ответил Хауз, — но президент не возражает против принципа блокады, он лишь просит признать принцип свободы морей».

Клемансо, к которому обратился Хауз, заявил: «Я не вижу оснований к тому, чтобы не принять этот принцип. Мы принимаем». Затем, повернувшись к Ллойд Джорджу, он сказал тоном невинного добряка: «Вы тоже, неправда ли?»

Но Ллойд Джордж был тверд. «Нет, — сказал он, — я не смогу принять принцип свободы морей. В умах народа он ассоциируется с блокадой. Незачем говорить, будто я принимаю этот принцип. Это только приведет к тому, что через неделю здесь окажется новый премьер-министр, который повторит, что он не может принять этот принцип. Английский народ этого не потерпит. В этом вопросе нация абсолютно монолитна. Бесцельно было бы говорить, что я могу принять этот принцип, ибо это означало бы, что я говорю не от имени английской нации».

В таком случае, спросил Хауз, если самый принцип нельзя принять в настоящий момент, готовы ли англичане свободно обсудить его на мирной конференции? Или же оговорка, включенная в проект, означает решительный вызов по отношению к позиции Вильсона?

«Эта формула ни в малейшей мере не бросает вызова позиции Соединенных Штатов, — сказал Ллойд Джордж. — Мы только говорим, что мы сохраняем за собой право свободно обсудить этот пункт, когда придем на мирную конференцию. Я не отчаиваюсь в возможности достигнуть соглашения».

«Я хотел бы, чтобы вы написали что-нибудь, что я мог бы послать президенту», — сказал Хауз.

«Подойдет ли ему что-нибудь в таком духе? — спросил

ТРИУМФ « ЧЕТЫРНАДЦАТИ ПУНКТОВ »

Ллойд Джордж. — Например: мы охотно обсудим принцип свободы морей и вопрос о его применении».

Хауз выразил согласие; после этого компромисса вопрос был отложен для рассмотрения на мирной конференции.

Письмо Ллойд Джорджа полковнику Хаузу

Париж, 3 ноября 1918 г.

«Дорогой полковник Хауз!

Пишу, чтобы подтвердить заявление, сделанное мною в ходе нашей сегодняшней беседы у вас дома, когда я сказал вам, что «мы охотно обсудим принцип свободы морей в свете новых условий, которые возникли в ходе нынешней войны». По нашему разумению, этот крайне важный вопрос можно разрешить удовлетворительно только путем самой свободной дискуссии, без всякой предвзятой точки зрения. Настоящее письмо я посылаю вам после того, как имел возможность переговорить об этом деле с министром иностранных дел, который вполне со мною согласен.

Как всегда, искренне ваш *Д. Ллойд Джордж*».

По мере роста американской заморской торговли неизбежно должно было возникнуть требование о создании флота, способного ее защищать; если бы не удалось установить в международном праве какую-то гарантию этой защиты, то почти наверняка произошло бы быстрое развитие американского флота и возникло бы соперничество в морских вооружениях.

На мирной конференции не воспользовались возможностью устранить англо-американское морское соперничество. Это произошло, вероятно, из-за того, что президент Вильсон возлагал большие надежды на Лигу наций. Когда же Соединенные Штаты остались вне Лиги, проблеме морского соперничества неизбежно суждено было всплыть снова и, несмотря на Вашингтонские договоры, приобрести зловещую окраску. Таким образом, после провала Женевской конференции 1927 г. снова было выдвинуто предложение о провозглашении свободы морей. В Великобритании раздались голоса в защиту

ГЛАВА XX

пересмотра этой проблемы. «Единственной нацией, которую можно успешно блокировать, — писал капитан Кенуорти, — является Англия, и тем не менее мы цепляемся за оружие, которое, может быть, принесет нам гибель». Виконт Сесиль оф Челвуд требовал тщательного пересмотра проблемы: «Мы должны стремиться к такому изменению прав воюющей стороны на море, которое позволит нам кормить наш народ в военное время без риска вражеских захватов»¹.

«Все мы заявляем о желании, — писал полковник Хауз, — достигнуть соглашения о морском разоружении, но как ни странно, стремясь к нашим целям, мы пренебрегаем этим простейшим из методов... Великобритания предпочла утверждать свою оборону посредством флота, а не крупной армии, и потому невозможно возражать против того, чтобы она имела какой угодно большой флот при условии, если он не будет использован для того, чтобы блокировать или мешать неприятельской или нейтральной торговле во время войны... Если свобода морей будет гарантирована договором между нациями, тогда у Соединенных Штатов, Франции, Германии, России или у других держав не окажется стимула, чтобы содержать флоты больших размеров, чем необходимо для поддержания порядка. Сказать, что подобный договор не будет соблюдаться в трудные времена, — значит признать негодными все договоры... Блага, которые Великобритания приобретет благодаря свободе морей, будут заключаться в свободе сообщений с ее доминионами и в уверенности, что никогда не нарушится ее снабжение продовольствием и сырьем. Такая политика покончит с ужасами подводной войны, ибо подводные лодки можно будет тогда применять только против линкоров и других военных кораблей»².

¹ См. «Таймс» от 27 ноября 1927 г. Также см. статью У. Р. Прингла в журнале «Бритиш уикли»: «Наши морские круги отнюдь не единодушны в защите старой английской теории о правах воюющих сторон. Видные морские авторитеты считают, что в современных условиях, учитывая будущие перспективы, Великобритания больше выиграет, отказавшись от старых правил, чем цепляясь за них. Несомненно, что интересам обеих стран и интересам мира в высшей степени послужили бы дискуссия и переговоры».

² Из статьи полковника Хауза в журнале «Contemporary Review» за апрель 1928 г.

ТРИУМФ «ЧЕТЫРНАДЦАТИ ПУНКТОВ»

Полковник Хауз считал в момент переговоров о перемирии, что в результате письма м-ра Ллойд Джорджа, выражавшего согласие обсудить проблему свободы морей, могут открыться перспективы. Полковник Хауз верил в благоразумие этого плана и был убежден, что достаточно одного лишь спокойного обмена мнениями, чтобы превратить этот план из мечты в действительность.

8

4 ноября Верховный военный совет официально одобрил союзный меморандум, адресованный президенту Вильсону, который оговаривал свободное обсуждение пункта II о свободе морей и определял значение репараций. В отношении других вопросов меморандум содержал определенное одобрение «Четырнадцати пунктов» Вильсона. Он был отослан президенту; 5 ноября президент переслал меморандум немцам вместе с нотой, уведомлявшей их о том, что условия перемирия можно получить у маршала Фоша.

Эта нота, заключавшая в себе меморандум, имеет важнейшее значение. «Она представляет формальное и письменное предложение союзных и присоединившихся государств заключить с Германией: а) конвенцию о перемирии и б) договор о мире. Считается, что это предложение было принято Германией фактом командирования представителей по военной линии для встречи с маршалом Фошем с целью условиться о перемирии. Принятием предложения было достигнуто торжественное соглашение, которое послужило как морально, так и юридически основой конвенции о перемирии и договора о мире»¹.

И Германия и союзники приняли предварительное соглашение о перемирии в качестве основы для организации мира. Формальные возражения германских делегатов против Версальского договора, выдвинутые в мае 1919 г., основывались на утверждении, что договор не соответствовал его принципам соглашения, а именно речи о «Четырнадцати пунктах» и по-

¹ *Temperley, A History of the Peace Conference of Paris, v. I, p. 382.*

ГЛАВА XX

следующим выступлениям президента. Союзные и присоединившиеся державы, отрицая справедливость этого утверждения, признавали действенность соглашения¹.

Таким образом, «Четырнадцать пунктов» были одобрены и успех основной миссии полковника Хауза был обеспечен.

Телеграмма полковника Хауза президенту Вильсону

Парижу 5 ноября 1918 г.

«Я считаю, что мы выиграли... дипломатическую победу, добившись того, что союзники приняли принципы, изложенные в вашей речи от 8 января и в ваших последующих выступлениях. Достигнуто это было перед лицом враждебной и влиятельной хунты в Соединенных Штатах и сугубо не симпатизировавшего нам личного состава правительств Антанты...

Э. М. Хауз».

«Я рад сделанным оговоркам, — писал Хауз в своем дневнике накануне вечером, — ибо это подчеркивает факт принятия «Четырнадцати пунктов». Если бы они совсем не возражали и позволяли без малейшего протеста заключить перемирие, то на мирной конференции они оказались бы в более выгодном положении, чтобы возражать против “Четырнадцати пунктов”».

Союзные правительства оказались связанными американской программой мира, и таким образом открывалась возможность практического выполнения самого существа вильсоновского идеализма. «Откровенно говоря, — писал м-р Уолтер Липпман полковнику Хаузу, — я не верил, чтобы в условиях, которые, как казалось, сложились в Европе, человеку было бы под силу одержать столь славную победу. Это, конечно, высшее достижение, оказавшееся столь же мудрым, сколь и блестящим, столь же умным, сколь и пророческим. Президент

¹ «Союзные и присоединившиеся державы полностью согласны с германской делегацией в ее утверждении, что основу переговоров о мирном договоре следует искать в переписке, непосредственно предшествовавшей подписанию перемирия 11 ноября 1918 г.» (Из «Ответа союзных и присоединившихся держав на соображения германской делегации об условиях мира», стр. 17.)

ТРИУМФ «ЧЕТЫРНАДЦАТИ ПУНКТОВ»

и вы более чем оправдали веру тех, кто утверждал, что ваше руководство явилось поворотным пунктом в современной истории». Значение этого достижения в равной степени было признано и теми газетами, которые не были горячими сторонниками политики Вильсона. Об этом в достаточной мере свидетельствует приводимое ниже сообщение от 25 ноября из Парижа, напечатанное 26 ноября в газете «Нью-Йорк геральд»:

«С каждым днем, по мере того как идет подготовка к предстоящему конгрессу мира, основанная главным образом на пунктах президента, становится все явственнее колоссальный дипломатический успех правительства Соединенных Штатов, добившегося от союзных правительств принятия пунктов президента Вильсона лишь с одной оговоркой и дополнением. Полковник Э. М. Хауз... приехав сюда, убедился, что американские и европейские друзья очень мало расположены принять в целом структуру мира, обрисованную президентом Вильсоном. Некоторые европейские государственные деятели считали, что эти пункты действовали на Германию, как хорошее слабительное средство и достигли своей главнейшей цели, подорвав германское единство, но что слишком их придерживаться не следует, когда встанет вопрос о формулировании практических деталей мирного договора».

Пожалуй, не менее важен был тот факт, что принятие «Четырнадцати пунктов» было достигнуто без какого-либо ослабления духа сотрудничества между Соединенными Штатами и европейскими лидерами, — того духа сотрудничества, который был необходим для успеха мирной конференции. Дебаты о перемирии вызвали острые разногласия по ряду вопросов, но замечательно то, что после этого отношения между Хаузом, с одной стороны, и англичанами, французами, итальянцами, бельгийцами, поляками и сербами, с другой, стали не менее, а еще более сердечными. Положение Хауза основывалось в первую очередь на том факте, что он являлся представителем президента Вильсона, который в качестве главы сильнейшей нации в мире и как идейный лидер находился в зените своего мирового влияния. Это положение еще более подкреплялось его личными качествами, так что с течением времени он уже скорее

ГЛАВА XX

сам по себе, а не как представитель, пользовался доверием европейских государственных деятелей. «Его совета спрашивают, — писал м-р Липпман руководителю американского Исследовательского бюро, — потому, что его мнение считают более земным, чем миссию президента, и намного более угодным небесам, чем мнение Ллойд Джорджа и Соннино».

Наиболее знаменательной из этих личных отношений была дружба, установившаяся между Хаузом и Клемансо. Несмотря на существенное расхождение в политических взглядах (Хауз был ревностным защитником вильсоновского идеализма, которого Клемансо будто бы не понимал), им обоим была свойственна любовь к прямым откровенным высказываниям, а возможно, что их сблизило и сходство чувства юмора. В момент заключения перемирия Клемансо в присутствии Питона обещал, что он не поднимет на мирной конференции какого-либо вопроса, не предупредив об этом исчерпывающим образом Хауза, который, в свою очередь, обещал быть таким же откровенным. Итак, между французами и американцами постоянно имело место широкое взаимопонимание, которое не раз способствовало уменьшению опасности разногласий. События, развернувшиеся на конференции, на которой оба они работали и сообщая друг против друга, спаяли эту дружбу. Когда впоследствии Клемансо задумал совершить поездку в Соединенные Штаты, за советом он обратился именно к Хаузу. «Я сказал корреспонденту Ассошиэйтед пресс, — писал он Хаузу в 1922 г., — что устрою все эти дела через моих американских друзей. Всех этих друзей олицетворяете вы... Итак, я не двинусь, пока не получу весточки от вас»¹.

Полковник Хауз питал к Клемансо смешанное чувство любви и восхищения, которое ни разу не было омрачено каким-либо недоразумением. Спустя десять лет Хауз писал о нем следующее:

«За всю мою жизнь я не встречал человека, который бы произвел на меня такое сильное впечатление. Коренастого сложения, с массивной головой и пронизательными глазами,

¹Из писем Клемансо Хаузу от 10 и 13 сентября 1922 г.

широко расставленными и затененными густыми неровными бровями, с обвислыми усами, выдающимися скулами и в своей извечной круглой шапочке и замшевых перчатках, он казался гномом. Его лицо, когда он, сидя с полужакрытыми глазами, долгими часами председательствовал на совещаниях, казалось маской, но за нею горел неугасимый огонь — огонь, зажженный немцами в 1870 г. и еще более распаленный ими в 1914 — 1916 гг. Я часто встречался с ним в дни Межсоюзной конференции 1917 г., а еще чаще год спустя, при заключении перемирия. Быть может, я более других был близок к тому, чтобы измерить всю глубину его души, ибо, когда мы оставались одни, он, казалось, ничего не утаивал. Ни разу не ловил я его на том, чтобы он искал личной выгоды; то была Франция — всегда его любимая Франция.

К проблемам он подходил, атакуя прямо, без всяких околичностей. Он стоял один среди старомодных дипломатов и кое-каких птенцов, пытавшихся подражать им. Его мужество было слишком непреклонным, чтобы допускать лицемерие. Он не боялся ничего ни в настоящем, ни в грядущем, и меньше всего — простых смертных. Он сочинял эпиграммы, и остроумие его было язвительным. Друзья и враги страдали в равной мере, ибо он был удивительно беспристрастен, когда в броне человека обнажалось слабое место. Его крылатые словечки облетели всю Францию и вышли далеко за ее пределы, со временем они станут еще более популярны, ибо в них заключено жизненное достоинство правды.

Хотя мы часто оказывались на противоположных позициях по тому или иному вопросу, я никогда не видал, чтобы он был нелоялен. Когда он давал обещание, то уже письменного подтверждения не требовалось. Если вспомнить, какие значительные расхождения возникали между взглядами Соединенных Штатов и Англии и взглядами Франции, поражаешься, как ему удалось добиться заключения Версальского договора.

Франция знает, чем она обязана его трудам во время войны, но еще не вполне поняла, как много он сделал для нее при установлении мира. Это понимание со временем придет, и нынешние дети еще увидят счастливую процветающую и про-

ГЛАВА XX

славленную Францию, которая принесет Жоржу Клемансо дань безграничного уважения»¹.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Официальный американский комментарий к «Четырнадцати пунктам»

Октябрь 1918 г.

I. Открытые договоры о мире, достигнутые открытым путем, после которых не должно быть никаких тайных международных соглашений, а дипломатия всегда должна действовать откровенно и гласно.

Ясно, что цель состоит в том, чтобы запретить договоры, разделы договоров или же соглашения, которые являются тайными, такие как Тройственный союз и т. п.

Фраза «достигнутые открытым путем» не должна вызвать затруднений. В сущности прошлой зимой президент разъяснил сенату, что этой фразой не имеется в виду исключить возможность конфиденциальных дипломатических переговоров, затрагивающих деликатные вопросы. Предполагается лишь, что все то, что совершается в ходе таких конфиденциальных переговоров, не будет обязательным, если это не значит в окончательном договоре, обнародованном перед всем миром.

Пожалуй, можно изобразить дело так: предлагается, чтобы в будущем всякий договор был частью всеобщего международного права и чтобы каждое государство приняло на себя определенные обязательства в деле его осуществления. Само собой очевидно, что государства не могут принять на себя обязательства в делах, которые им неизвестны; отсюда следует, что всякий тайный договор имеет тенденцию подорвать прочность всей структуры тех международных договоров, которые предлагается создать.

II. Абсолютная свобода судоходства на морях, вне территориальных вод, одинаково как в мирное, так и в военное время, за исключением случаев, когда моря будут полностью или частью

¹ Из письма Э. М. Хауза Чарлзу Сеймуру от 7 апреля 1928 г.

ТРИУМФ «ЧЕТЫРНАДЦАТИ ПУНКТОВ»

закрыты в результате международной акции, примененной для осуществления международных договоров.

Это предложение следует рассматривать в связи с пунктом XIV, который содержит предложение о создании Лиги наций. Оно относится к мореплаванию, которое происходит при следующих трех положениях:

1. Всеобщий мир.

2. Всеобщая война, в которую Лига наций вступила с целью осуществления международных договоров.

3. Ограниченная война, не связанная с нарушением международных договоров.

Относительно пункта 1 (всеобщий мир) серьезных разногласий нет. Подразумевается свобода передвижений в открытом море.

Нет серьезных разногласий относительно цели, преследуемой пунктом 2 (всеобщая война, в которую Лига наций вступила с целью осуществить международные договоры). Очевидно, что такая война ведется против государства, поставленного вне закона, причем имеется в виду полное прекращение сношений с этим государством.

Пункт 3 (ограниченная война, не связанная с нарушением международных договоров) является узловым моментом всех затруднений. Вопрос в том, каковы должны быть права нейтрального мореплавания и частной собственности в открытом море во время войны между ограниченным числом государств, когда эта война не затрагивает проблем, относительно которых Лига наций пожелала бы принять чью-либо сторону, или же, иначе говоря, — война, в которой Лига наций остается нейтральной? Ясно, что цель этого предложения состоит в том, чтобы во время такой войны права нейтральных стран охранялись против воюющих сторон, причем права тех и других должны быть ясно и точно определены в международном законодательстве.

III. Устранение, по мере возможности, всех экономических барьеров и установление равенства условий для торговли между всеми государствами, давшими согласие на мир и объединившимися ради его поддержания.

ГЛАВА XX

Это предложение относится лишь к тем государствам, которые принимают на себя ответственность, присущую членам Лиги наций. Оно означает уничтожение всех особых торговых договоров, причем каждое государство должно относиться к торговле всякого другого государства, входящего в Лигу, на одинаковых основаниях, а статья о наибольшем благоприятствовании автоматически применяется ко всем членам Лиги наций.

Таким образом государство сможет на законном основании сохранять пошлину, или особый железнодорожный тариф, или же портовое ограничение по отношению ко всему миру или по отношению к договаривающимся державам. Оно сможет сохранить любые ограничения, которые оно пожелает, по отношению к государству, не входящему в Лигу. Но оно не сможет создавать разные условия для своих партнеров по Лиге.

Эта статья, естественно, предполагает честную и добросовестную договоренность по вопросу о распределении сырья.

IV. Взаимные гарантии, обеспечивающие надлежащим образом сокращение национальных вооружений до предельного минимума, совместимого с внутригосударственной безопасностью.

Под «внутригосударственной безопасностью» явно подразумевается не только внутригосударственная охрана, но и охрана своей территории от вторжения. Накоплять вооружения сверх этого предела явилось бы нарушением духа этого пункта.

Каковы должны быть взаимные гарантии или по каким стандартам должны рассматриваться пределы вооружения — не установлено. Необходимо договориться раньше в принципе, а затем создать какую-нибудь международную комиссию для изучения вопроса и подготовки подробных проектов для проведения общих принципов в жизнь.

V. Свободное, чистосердечное и совершенно беспристрастное разрешение всех колониальных споров, основанное на строгом соблюдении принципа, что при разрешении всех вопросов, касающихся суверенитета, интересы населения соответственных колоний должны иметь одинаковый вес со справедливыми притязаниями того правительства, права которого должны быть определены.

ТРИУМФ «ЧЕТЫРНАДЦАТИ ПУНКТОВ»

Во Франции и Англии высказываются опасения, что это приведет к пересмотру всех колониальных вопросов. Совершенно очевидно, что не это имелось в виду. Пункт этот относится, понятно, к тем колониальным притязаниям, которые были созданы войной. Речь идет о германских и всяких других колониях, которые могут стать объектом международного обсуждения в результате войны.

Пункт предусматривает, что право на владение германскими колониями должно быть установлено по окончании войны путем «беспристрастного урегулирования», основанного на определенных принципах двоякого рода: 1. «Справедливые» притязания и 2. Интересы населения данной колонии.

Какие «справедливые» притязания предъявляют Англия и Япония, эти два главных наследника германской колониальной империи, на основании которых они настаивают, что колонии не должны быть возвращены Германии? Они утверждают, что Германия воспользуется колониями в качестве баз для подводных лодок, что она вооружит туземцев, что она использует колонии для своих интриг, что она подавляет туземцев. Какие «справедливые» претензии предъявляет Германия? Она утверждает, что нуждается в доступе к тропическому сырью, что ей необходимо пространство для увеличивающегося населения, что согласно принципам, на которых был предложен мир, победа не дает ее врагам права на владение ее колониями.

Каковы «интересы населения» колоний? Чтобы они не были милитаризованы, чтобы эксплуатация колоний проводилась по принципу открытых дверей и при строгом соблюдении законов об условиях труда, прибылей и налогов, чтобы был установлен определенный санитарный режим, чтобы проводились фундаментальные работы по улучшению народного хозяйства в виде дорог и т. д., чтобы считались с туземными организациями и обычаями, чтобы власти протектората были стабильны и достаточно опыты для пресечения интриг и взяточничества, а также, чтобы они имели достаточные денежные ресурсы и компетентных администраторов для успешного выполнения ставших перед ними задач.

ГЛАВА XX

Это предложение, по-видимому, включает принцип, по которому колониальная держава выступает не в качестве владельца своих колоний, а в качестве опекуна над туземцами в интересах сообщества наций; условия, на которых проводится колониальное управление, являются международным делом и могут на законном основании стать объектом международного обследования, и, следовательно, мирная конференция имеет право составить кодекс колониального управления, обязательный для всех колониальных держав.

VI. Эвакуация всей русской территории и такое урегулирование всех затрагивающих Россию вопросов, которое обеспечит самое полное и свободное сотрудничество других наций мира в предоставлении ей беспрепятственной и ничем не стесненной возможности принять независимое решение относительно ее собственного политического развития и ее национальной политики и гарантирует ей радушный прием в сообщество свободных наций при том образе правления, который она сама для себя изберет; но не только прием, а и всяческую поддержку во всем, в чем она нуждается и чего она сама себе желает. Отношение к России в грядущие месяцы со стороны сестер-наций послужит лучшей проверкой их доброй воли и понимания ими ее нужд, которые отличаются от собственных интересов этих наций, — проверкой их разумной и бескорыстной симпатии.

Первым возникает вопрос, является ли русская территория синонимом понятия территории, принадлежавшей прежней Российской империи. Ясно, что это не так, ибо пункт XIII обуславливает независимую Польшу, а это исключает территориальное восстановление империи. То, что признано правильным для поляков, несомненно придется признать правильным и для финнов, литовцев, латышей, а может быть, и для украинцев. После того как этот пункт был сформулирован, произошло возрождение этих ранее подвластных народностей, поэтому нельзя сомневаться в том, что им надо будет предоставить возможность свободного развития.

Проблема этих народностей усложняется двумя обстоятельствами: 1. Тем, что они выдвигают противоречивые требования, и 2. Тем, что эвакуация, которая предусмотрена этим

ТРИУМФ «ЧЕТЫРНАДЦАТИ ПУНКТОВ»

пунктом, может сопровождаться большевистскими революциями на территории всех этих народностей.

Главные противоречия таковы: а) между латышами и немцами в Курляндии; б) между поляками и литовцами на северо-востоке; в) между поляками и белорусами на востоке; г) между поляками и украинцами на юго-востоке (и в Восточной Галиции). Во всем этом приграничном районе отношения между германскими поляками и другими национальностями, грубо говоря, являются отношениями помещика к крестьянину. Следовательно, если в результате эвакуации территории возникнет классовая война, она, весьма вероятно, выльется также в форму конфликта между народностями. Ясно, что в интересах доброго соглашения более важно узнать мнение основной национальности на каждой территории, а не мнение правящего и имущего класса.

Это по меньшей мере означает признание мирной конференцией де-факто правительств, представляющих финнов, эстонцев, литовцев и украинцев. Этот первоначальный акт признания должен быть обусловлен созывом национальных собраний для создания правительств де-юре тотчас после того, как мирная конференция определит границы этих новых государств. Насколько возможно, эти границы должны быть определены по этнографическому признаку, но во всех случаях необходимо оговорить право беспрепятственного экономического транзита. Нельзя разрешить каких-либо династических связей с германскими, австрийскими или романовскими князьями. При этом необходимо всемерно поощрять федеративные отношения между этими новыми государствами. Согласно пункту III экономические разделы Брест-Литовского договора отменяются, но это предложение не надо понимать в том смысле, что оно запрещает таможенный, валютный, железнодорожный и т. п. союзы между этими государствами. Необходимо также предусмотреть для великороссии возможность федеративного объединения с этими государствами на тех же условиях.

Что же касается великороссии и сибирей, то мирной конференции следовало бы обратиться с посланием, в котором

ГЛАВА XX

предлагалось бы создать правительство, достаточно представительное, чтобы выступать от имени этих территорий. Должно быть ясно, что предлагается экономическое восстановление при условии, если на мирной конференции будет представлено правительство, облеченное достаточными полномочиями.

Союзники должны предложить этому временному правительству всякую помощь, какая ему понадобится. Возможность предоставления этой помощи возникнет после открытия Дарданелл.

Итак, в ближайшем будущем сущность русской проблемы, по-видимому, сведется к следующему:

1. Признание временных правительств.
2. Предоставление помощи этим правительствам и через эти правительства.

Кавказ придется, вероятно, рассматривать как часть проблемы Турецкой империи. Нет никакой информации, которая позволила бы составить мнение о правильной политике по отношению к мусульманской России, т. е., коротко говоря, к Средней Азии. Весьма возможно, что придется предоставить какой-нибудь державе ограниченный мандат для управления на основе протектората.

Во всяком случае Брест-Литовский и Бухарестский договоры должны быть отменены как явно мошеннические. Необходимо предусмотреть условия для вывода всех германских войск из России, и тогда перед мирной конференцией будет лежать чистый лист бумаги, на котором можно будет начертать политику для всех народов бывшей Российской империи.

VII. Бельгия, с нем согласится весь мир, должна быть эвакуирована и восстановлена без какой-либо попытки ограничить ее суверенитет, которым она пользуется наравне со всеми другими свободными государствами. Никакой другой акт не может более, чем этот, послужить восстановлению между народами доверия к тем законам, которые сами они установили и определили для регулирования отношений между собою. Без этого целительного акта вся структура и действенность международного права будет навсегда поражена.

Здесь единственная проблема заключена в слове «восстановлена». Должно ли это восстановление быть произведено в виде натуральных поставок и как будет определен размер возмещений — это вопросы деталей, а не принципа. Принципом же должно быть то, что в деле с Бельгией не существует различия между «законным» и «незаконным» разрушением. Первоначальный акт нападения был незаконным, а значит, и все последствия этого акта имеют одинаково незаконный характер. В числе этих последствий можно назвать военный долг Бельгии. Признание этого принципа и будет тем «целительным актом», о котором говорит президент.

VIII. Вся французская территория должна быть освобождена, и ее захваченные области восстановлены, а зло, причиненное Франции Пруссией в 1871 г. в отношении Эльзас-Лотарингии, которое привело всеобщий мир в неустойчивое состояние почти на пятьдесят лет, должно быть исправлено для того, чтобы мир снова был обеспечен в интересах всех.

Что касается восстановления французской территории, то вполне могут утверждать, что захват Северной Франции, являясь следствием незаконного действия по отношению к Бельгии, сам по себе также незаконен. Но этот довод не безупречен. При том положении, какое создалось во всем мире в 1914 г., война между Францией и Германией сама по себе не являлась нарушением международного права; вот почему следует со всей настойчивостью сохранить за бельгийской проблемой все ее отличие и символическое значение. Таким образом, Бельгия имеет полное право (как указано выше) требовать возмещения не только за разрушения, но и за стоимость ведения войны. Франция же, очевидно, не может претендовать на платежи сверх возмещения убытков, причиненных ее северо-восточным департаментам.

Статут Эльзас-Лотарингии урегулирован официальным заявлением, изданным несколько дней тому назад. Она должна быть полностью возвращена под французский суверенитет.

Обращает на себя внимание сильное течение во французском общественном мнении, которое требует «границ 1814 г.», а не границ 1871 г. Претензия заявляется на территорию Саар-

ГЛАВА XX

ской долины с ее угольными месторождениями. Это требование не может быть обосновано национальными доводами, но французы обосновывают его возможностью забрать эти территории взамен следуемых возмещений. Очевидно, это явилось бы явным нарушением предложения президента.

Обращает на себя внимание тот факт, что ничего не говорится о статуте Люксембурга. Как видно, лучшим решением было бы предоставить свободу выбора самому населению Люксембурга.

IX. Исправление границ Италии должно быть произведено на основе ясно различных национальных признаков.

Это меньше того, что требуют итальянцы, меньше, разумеется, территории, предусмотренной Лондонским договором, и меньше, чем то, что согласовано между итальянским правительством и югославским государством.

В районе Триента (Тренто) итальянцы претендуют не столько на этнографическую, сколько на стратегическую границу. В этой связи следует отметить, что если немецкая Австрия присоединится к Германской империи, то Италия и Германия станут соседями. И если Италия приобретет границу, максимально выгодную в географическом отношении, то под ее властью окажется большое число немцев. Это является нарушением принципа. Можно, однако, возразить, что проведением четкой линии по гребню Альп в огромной мере будет усилена безопасность Италии и сократится необходимость в тяжелых вооружениях. Можно, следовательно, удовлетворить претензии Италии на Трентино, но чтобы при этом его северная часть, населенная немцами, была совершенно автономна и чтобы население не подлежало воинской службе в итальянской армии. Таким образом, Италия заняла бы для военных целей не населенные альпийские вершины, но не управляла бы культурной жизнью инородного населения к югу от ее границы.

Другие пограничные проблемы возникают между Италией и Югославией и Италией и Грецией; кроме того, Италия предъявляет особые требования в отношении Албании.

Вполне возможно оставить в силе достигнутое соглашение с югославами, но при этом необходимо настоять ради защиты

ТРИУМФ «ЧЕТЫРНАДЦАТИ ПУНКТОВ»

внутренних районов, обслуживаемых этими портами, чтобы и Триест и Фиуме стали вольными портами. Это необходимо для Чехословакии, немецкой Австрии и Венгрии, равно как и для благосостояния самих этих городов.

Италия выступает на арену балканской политики, претендуя на протекторат над Албанией и на владение Валонией. Против этого особых возражений нет, хотя условия протектората должны быть подчинены жесткому контролю. Если Италия окажется протектором Албании, то внутренняя жизнь Албании должна быть гарантирована Лигой наций.

Конфликт с Грецией возникает вследствие греческой претензии на северный Эпир (ныне — южная Албания). Это подвинет Грецию к Валоне ближе, чем желательно Италии. Другой конфликт с Грецией возникает из-за Додеканезских островов в Эгейском море, но, насколько известно, готовится решение, благоприятное для Греции.

(Итальянские притязания на турецкую территорию относятся к проблемам Турецкой империи.)

Х. Народам Австро-Венгрии, место которых среди наций мы желаем видеть обеспеченным и прочным, надлежит предоставить полную возможность свободного автономного развития.

Это предложение уже более не действительно. Вместо Австро-Венгрии перед нами сегодня следующие элементы:

1. *Чехословакия*. Ее территории включают по меньшей мере миллион немцев, чьи интересы надо как-то предусмотреть.

Независимость Словакии означает расчленение северо-западных комитатов Венгрии.

2. *Галиция*. Западная Галиция — явно польская. Восточная Галиция в значительной мере украинская (или русинская) и по праву к Польше не относится.

Кроме того, имеется несколько сот тысяч украинцев вдоль северной и северо-восточной границ Венгрии и в некоторых частях Буковины (которая принадлежала Австрии).

3. *Немецкая Австрия*. Эту территорию по праву следует разрешить присоединить к Германии, но против этого сильно возражают во Франции ввиду связанного с этим увеличения населения Германии.

ГЛАВА XX

4. *Югославия*. Перед нею стоят такие проблемы:

а) Пограничные споры с Италией в Истрии и на Далматском побережье; с Румынией — в Банате.

б) Внутренняя проблема возникает вследствие отказа хорватов признать господство сербов из Сербского королевства.

в) Проблема сербов-мусульман Боснии, которые, как говорят, привержены Габсбургам. Они образуют немногим меньше трети населения.

5. *Трансильвания*. Она, несомненно, присоединится к Румынии, необходимо однако обеспечить защиту мадьяр, секлеров и немцев, которые составляют значительное меньшинство.

6. *Венгрия*. Ныне независимая и весьма демократичная по форме своего строя, она управляется, однако, мадьярами, которые стремятся предотвратить отделение территорий окраинных народностей.

Соединенные Штаты явно привержены программе национального единства и независимости. Они должны, однако, обусловить эту программу мероприятиями для защиты национальных меньшинств, предоставления свободного доступа к Адриатическому и Черному морям; Соединенные Штаты поддерживают также программу, имеющую целью создание конфедерации Юго-Восточной Европы.

XI. Румыния, Сербия и Черногория должны быть эвакуированы, оккупированные территории должны быть восстановлены; Сербии подлежит предоставить свободный и обеспеченный доступ к морю; взаимоотношения между балканскими государствами должны быть определены дружественными соглашениями в соответствии с исторически установленными признаками подданства и национальности. Необходимо также установить международные гарантии политической и экономической независимости и территориальной целостности всех балканских государств.

В это предложение события тоже вносят свою поправку. Сербия превращается в Югославию с доступом к Адриатическому морю. Румыния приобретает Добруджу, Бессарабию и, вероятно, Трансильванию. Оба эти государства будут иметь от

ТРИУМФ «ЧЕТЫРНАДЦАТИ ПУНКТОВ»

11 до 12 млн населения и окажутся гораздо крупнее и сильнее Болгарии.

Ясно, что Болгария должна иметь свою границу в Южной Добрудже, как это было до Второй балканской войны. Она должна также обладать Францией до линии Энос — Мидия, а может быть, и до линии Мидия — Родосто.

Принадлежность Македонии должна быть определена после беспристрастного расследования. В качестве исходной линии этого расследования можно принять южную линию «спорной зоны», относительно которой между Сербией и Болгарией было заключено соглашение перед Первой балканской войной.

Албанию можно поставить под протекторат, несомненно итальянский, а ее северные границы по существу могут остаться в том виде, в каком они определены Лондонской конференцией.

ХII. Турецким частям нынешней Османской империи должен быть обеспечен прочный суверенитет, но прочим народностям, которые в настоящее время находятся под турецким владычеством, необходимо обеспечить недвусмысленную безопасность жизни и абсолютно нерушимые условия для автономного развития; Дарданеллы должны быть постоянно открыты для свободного прохода судов и торговли всех наций под международными гарантиями.

Здесь, как и в случае с Австро-Венгрией, трудность возникает в связи с термином «автономия».

Ясно, что проливы и Константинополь хотя и могут номинально оставаться турецкими, но должны быть подчинены международному контролю. Этот контроль может быть коллективным или же поручен одной державе в качестве мандатария Лиги.

Анатолия должна быть сохранена за турками. Прибрежные земли, где преобладают греки, должны быть подчинены особому международному контролю, быть может, с Грецией в качестве мандатария. Армении должен быть предоставлен порт на Средиземном море под протекторатом какой-нибудь державы. Возможно, что на это будет претендовать Франция, однако армяне предпочли бы Великобританию.

ГЛАВА XX

Сирия уже отдана Франции по соглашению с Великобританией. Ясно, что Англия является наиболее подходящим мандатарием для Палестины, Месопотамии и Аравии.

В мирный договор должен быть вписан общий кодекс гарантий, обязательный для всех держателей мандатов в Малой Азии.

Он должен обеспечить права меньшинств и принцип открытых дверей. Магистральные железные дороги должны быть интернационализированы.

ХIII. Должно быть создано независимое польское государство, которое должно включать территории с бесспорно польским населением; Польша должна быть обеспечена свободный и надежный доступ к морю, а ее политическая и экономическая независимость и территориальная целостность должны быть гарантированы международным договором.

Главная проблема состоит в том, должна ли Польша получить территорию к западу от Вислы и таким образом отрезать восточнопрусских немцев от империи, или же Данциг можно превратить в вольный порт, а Вислу интернационализировать?

На востоке Польша не должна получать никаких земель, где преобладают литовцы или украинцы.

Если Познань и Силезия отойдут к Польше, необходимо будет предоставить прочную защиту проживающим там, равно как и в других частях польского государства, меньшинствам: немцам и евреям. Принцип, по которому должна быть произведена демаркация границ, заключен в применяемом президентом термине «бесспорно». Под этим может подразумеваться проведение беспристрастной переписи до того, как будет приступлено к демаркации границ.

ХIV. По особому соглашению должна быть образована всеобщая ассоциация наций с целью предоставления взаимных и одинаковых гарантий политической независимости и территориальной целостности как больших, так и малых государств.

Проблема Лиги наций как первооснова, необходимая для постоянного мира, была изложена президентом Вильсоном в его речи от 27 сентября 1918 г. настолько ясно, что дальнейших пояснений не требуется. Лига наций является фундаментом всей дипломатической структуры постоянного мира.

В ОЖИДАНИИ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ГЛАВА XXI

В ОЖИДАНИИ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Я пытаюсь запугать тех, кто стремится отложить конгресс. Я говорю им, что народ скоро начнет роптать.

*Из дневника полковника Хауза
от 18 ноября 1918 г.*

1

Конец борьбы на Западном фронте наступил с такой внезапностью, что застал врасплох и правительства и народы. Умы, энергия и чувства держав Антанты были связаны с машиной войны, колеса которой продолжали деятельно вращаться даже после того, как перемирие официально выключило энергию. Для того чтобы преодолеть инерцию войны, необходимо было такое же напряжение, какое нужно было, чтобы поддерживать ее быстрое движение. Разрушение и промышленный развал, порожденные более чем четырьмя годами борьбы, были настолько огромны, что для политических лидеров настал час серьезного испытания, когда надо было сохранить Европе жизнь. Проблемы постоянного мира, которые отличаются от простого прекращения войны, приходилось изучать и решать в самый разгар этого кризиса.

Нельзя сказать, что правительства были совсем неподготовлены к разработке главных условий мира, так как во Франции, Великобритании и Соединенных Штатах уже задолго до этого специальные комиссии работали над конкретизацией военных целей стран-победительниц. Исследовательское бюро Хауза еще до подписания перемирия подготовило основу подробного проекта, в котором предлагались определенные решения различных территориальных и экономических проблем, связанных с мирным соглашением. Но установить атмосферу спокойствия, необходимую для соглашения об окончательных договорах и для того, чтобы подавить угрожавшую волну анархии, которая способна была превратить их в мертвую букву, представляло более трудную задачу. Это было чрез-

ГЛАВА XXI

вычайно важно, так как успех мирной конференции в такой же мере зависел от наличия мирного состояния умов, как и от характера самих договоров. Договоры не создают мира, они лишь его отображают.

Будучи во власти подобных мыслей, полковник Хауз сразу же вслед за подписанием перемирия требовал скорейшего составления предварительного договора, не теряя ни минуты времени. Немедленное заключение договора, говорил он, больше всего поможет покончить с периодом неопределенности, озаменованным перемирием, ибо, если этот период продолжится, он неизбежно будет порождать анархию в побежденных странах и способствовать усилению националистических стремлений, которые ясно обозначились среди победителей. Основные линии подобного мирного договора были уже намечены. Его военные и морские условия содержались в конвенции о перемирии. Принцип репараций, который предстояло включить в договор, уже был принят и выражен в предварительном соглашении о перемирии¹. В равной мере возможно было немедленно составить территориальные условия, насколько это было необходимо для предварительного договора. «Четырнадцать пунктов» были приняты за основу, и союзники получили комментарий к этим пунктам, одобренный президентом Вильсоном. «Таким образом, — как писал впоследствии Хауз, — схема договора была готова еще до приезда президента в Париж».

Почти десять лет спустя, возвращаясь к прошлому, полковник Хауз высказывал мысль о том, что тогда была упущена возможность без промедления заключить предварительный договор. Его ретроспективный взгляд изложен в меморандуме, составленном им 9 апреля 1928 г.

Записка Хауза о предварительном договоре

Годы, минувшие с тех пор, как в июне 1919 г. Версальский договор был положен на стол для подписания, оставили меня

¹ «Германия возместит весь убыток, причиненный гражданскому населению союзников и его имуществу агрессией Германии на земле, на море и с воздуха».

В ОЖИДАНИИ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

при прежнем убеждении о желательности заключить предварительный договор по возможности сразу же после установления перемирия. Это соответствовало бы обычаю, а в данном случае основания для такой процедуры были более чем убедительны. Напряженный характер войны и нарушение нормальной человеческой деятельности, явившиеся результатом войны, со всей силой требовали какого-нибудь мероприятия, которое сразу же приблизило бы нас к нормальным условиям.

Что касается армий и флотов центральных держав, то к условиям перемирия мало что осталось бы добавить при заключении предварительного мирного договора. Надо было назвать определенную сумму репараций, сумму справедливую и осуществимую. Границы можно было провести в общих чертах с оговоркой об их окончательном установлении в дальнейшем. Надо было принять общее, но точно сформулированное обязательство относительно союза наций для поддержания мира и на этом остановиться.

Постоянный мирный договор можно было бы составить на досуге. Это было бы повторением процедуры немцев в войне 1870 г. Обозревая прошлое, кажется, что такой курс предотвратил бы крах валютных систем континентальной Европы. Он помог бы избежать многолетней затяжки в урегулировании репараций, затяжки, которая имела трагические последствия. В центральноевропейских странах бесполезно принесены были в жертву бесчисленные жизни молодежи и стариков; можно было бы избежать отчаянной нищеты среди слоев населения, имеющих твердо ограниченные доходы, ставших жертвами обесцененных валют.

По всей вероятности, Соединенные Штаты ратифицировали бы оба договора; первый — наверняка, а такое обязательство во всяком случае способствовало бы ратификации второго. Вероятно, президенту Вильсону не пришлось бы оставаться в Париже после заключения предварительного мирного договора, и таким образом он был бы избавлен от тягостной задачи, которая выпала на его долю в период между январем и июлем. Он был бы также избавлен от жестоких нападок на него и на договор в сенате Соединенных Штатов, от нападок, которые подо-

ГЛАВА XXI

рвали его здоровье и превратили его лишь в собственную тень, т. е. от трагедии, почти не имеющей себе равной в истории.

Говорили, что предварительный договор означал бы прине- сение в жертву Лиги наций; что с установлением мира некото- рые из союзников не пожелали бы признать устав в том виде, в каком он был утвержден. Я не разделяю этого мнения. Усло- вия, при которых составлялся бы устав Лиги как часть постой- янного договора, в значительной мере были бы такими же, как и условия составления Версальского договора. Но кроме этого и союзники, и центральные державы были бы уже связаны обязательствами предварительного договора. Президент Вильсон располагал бы возможностью оказать по меньшей мере такое же давление и влияние, какое он оказал при состав- лении Версальского договора. При наличии ратифицирован- ного предварительного договора его позиции в действитель- ности стали бы еще более прочными, чем во время составле- ния этого договора.

Не надо забывать, что в течение всего 1919 г. и в первые ме- сяцы 1920 г. в Америке и в самом сенате преобладало настрое- ние в пользу создания союза наций. Об этом свидетельствует резолюция, принятая съездом республиканской партии в Массачусетсе, в штате самого сенатора Лоджа, а равно и ре- золюции, принятые множеством ассоциаций национального масштаба на всей территории Соединенных Штатов. Об этом свидетельствует также голосование в сенате по вопросу о рати- фикации договора. Если бы президент Вильсон согласился на оговорки и если бы полностью регистрировалось голосование, то результатом были бы восемьдесят два голоса за ратифика- цию при четырнадцати против, т. е. подавляющее большинст- во за ратификацию.

Возможность заключить предварительный договор упущен- на была из-за того, что англичане и французы пожелали не- возможного, требуя, чтобы Германия оплатила всю стоимость войны. Подобное требование казалось тщетным уже тогда, и еще более тщетным оно выглядит при обзоре прошлого. Но это задержало составление договора; в конце концов был достигнут компромисс, фактически заставлявший Германию

В ОЖИДАНИИ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

подписать бланковый чек, который Репарационной комиссии предстояло заполнить впоследствии. Быть может, из этого что-нибудь и получилось бы, если бы Соединенные Штаты быстро ратифицировали договор, но, увы, этого не случилось. Вместо того завязалась длительная борьба между президентом Вильсоном и сенатом, результатом которой был отказ от ратификации Версальского договора.

Тем временем условия в Европе непрестанно ухудшались, и только теперь начинают появляться признаки заметного улучшения. Нужен был не только скорый предварительный мирный договор, но и постоянный договор должен был явиться договором примирения, а не мести. Сама война не имела себе равной в истории по напряжению и по жестокости, с какой уничтожались человеческие жизни и имущество. Мир, в свою очередь, должен был открыть новый путь, ведущий к лучшему международному взаимопониманию. Каждый должен был немножко уступить, чтобы не оставить в сердцах побежденных ощущения несправедливости. Это была благоприятная возможность пойти на жертвы — жертвы, которые, может быть, в то время и не способны были оценить те, кому они приносились, но которые впоследствии, несомненно, принесли бы богатые плоды для всех. Образцом мог бы послужить мир, дарованный бурам Великобританией. Этот мир навсегда останется благодарным памятником тем, кто его создал.

По этим, равно как и по множеству других причин я стоял осенью 1918 г. за предварительный мирный договор; я чувствую, что история последних лет оправдывает тех из нас, кто стремился к такому миру.

9 апреля 1928 г.

Быть ли предварительному договору или не быть, а возможность такого договора непрестанно обсуждалась и далее считалась вероятной вплоть до весны 1919 г., — мирную конференцию во всяком случае следовало собрать не откладывая после установления перемирия. В широких кругах принято возлагать на президента Вильсона ответственность за последовавшую отсрочку. Верно, что вследствие его решения само-

ГЛАВА XXI

му возглавить американскую делегацию и его желания лично обратиться 2 декабря к конгрессу представители Соединенных Штатов не могли попасть в Париж раньше середины декабря. С другой стороны, очевидно, что европейские премьеры не сожалели об этой задержке, ибо даже после приезда Вильсона в Европу они пропустили немало недель, прежде чем созвали мирную конференцию. Они были заинтересованы в урегулировании внутренних дел; во Франции и в Англии правительствам предстояли всеобщие выборы. Возможно также, что они выжидали большей кристаллизации политической ситуации в Германии, прежде чем приступить к составлению договора с немцами.

Сам Вильсон не считал необходимым спешить с составлением предварительных договоров. Вдень подписания перемирия он послал Хаузу телеграмму, содержание которой приводим здесь:

«Что касается мирной конференции, то не будет ли благоразумно и необходимо отложить ее, пока в Германии и Австро-Венгрии окажутся правительства, способные вступать в обязательные соглашения? Я чувствую себя обязанным не уезжать, прежде чем не обращусь с моим годичным посланием к конгрессу второго декабря. Я сумею выехать сразу же после этого и надеюсь, что сообразно с этим удастся определить дату заседания»¹.

Хауз признал необходимость отсрочки до прибытия президента, но явно начинал беспокоиться, наблюдая, как внимание лидеров конференции отвлекается в сторону внутренних проблем. «Наблюдается тенденция отсрочить не только предварительные совещания, — телеграфировал он Вильсону 16 ноября, — но и заключительное. Я думаю, это неудачно. Чем скорее вы объявите о своем намерении отплыть 3 декабря, тем будет лучше. До тех пор нельзя составить никаких планов».

«Я пытаюсь, — писал Хауз в своем дневнике 18 ноября, — запугать тех, кто стремится отложить конгресс. Я говорю им, что народ скоро начнет роптать. Соннино со мною согласился; я попросил его написать мне письмо с выражением его

¹ Из телеграммы Вильсона Хаузу от 11 ноября 1918 г.

В ОЖИДАНИИ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

опасений о возможных последствиях в жизни Италии, если мы не придем к быстрому решению».

Телеграмма полковника Хауза президенту

Париж, 20 ноября 1918 г.

«Различные обстоятельства задерживают соглашение относительно важных пунктов, связанных со структурой мирной конференции и с соответствующей ее процедурой. Джордж и другие члены британского правительства полностью поглощены предстоящими выборами и по всей вероятности вплоть до окончания выборов, 14 декабря, не захотят принимать определенное решение о персональном и количественном составе своей делегации. Если Джордж потерпит поражение, то, разумеется, в этом деле получится большая путаница. Если Джордж выиграет, он, вероятно, произведет кое-какие радикальные перемены в своем кабинете, которые могут оказать влияние на состав британской делегации на мирной конференции.

Эдуард Хауз».

«5 декабря 1918г. (Совещание Хауза с Клемансо.) Мы беседовали о предстоящем приезде президента, о совещаниях и о том, когда нам начинать. Он считает, что к подлинным совещаниям союзников нельзя будет приступить ранее первого января, и спрашивал, согласимся ли мы на столь позднюю дату, объяснив при этом, почему невозможно начать их раньше. Я согласился при условии, что это произойдет на первой же неделе января и что после начала совещаний дальнейших отсрочек и откладывания не будет. Он считает вероятным, что до подписания мирного договора пройдет не менее года».

Не менее важным, чем дата открытия конференции, был вопрос, вызывавший как тогда, так и впоследствии наибольший интерес публики, о приезде президента Вильсона в Париж в качестве американского делегата. Президент считал само собой разумеющимся, что он возглавит американскую мирную делегацию и будет участвовать в работах конферен-

ГЛАВА XXI

ции. В самом деле, 14 ноября он телеграфировал Хаузу: «Полагаю также, что я буду избран председателем». Безусловно были веские доводы в пользу его приезда. Никто не разъяснял принципов нового международного порядка с таким красноречием и убедительностью, как это делал он. Он был признанным пророком либеральных идеалов во всем мире, и многие считали, что он должен лично возглавить борьбу за эти идеалы на конференции.

Политические главари Антанты не особенно приветствовали, однако, мысль о том, что президент Вильсон в качестве делегата мира будет заседать вместе с ними. Не без замешательства они позволили полковнику Хаузу убедиться в этом настроении, а он с не меньшим смущением поделился этим впечатлением с президентом. Быть может, премьеры боялись влияния Вильсона на европейских либералов; возможно, они считали, что при своем идеализме он окажется в переговорах чрезмерно доктринерским и суровым. Основное возражение, которое они высказывали Хаузу, заключалось в том, что по рангу президент принадлежит скорее к суверенам, нежели к премьер-министрам: они радостно примут его с почестями, подобающими суверену, но самому ему не подобает заседать на конференции. В телеграмме к Ллойд Джорджу, пересланной полковнику Хаузу, который в свою очередь 15 ноября препроводил ее президенту, французский премьер-министр Клемансо заявлял:

«Особенно важно знать, примет ли президент участие в конференции? Мне не следует скрывать от вас, что, по моему, это представляется и нежелательным и невозможным. Поскольку он является главой государства, он, следовательно, стоит не в том ряду, что мы. Допустить одного главу государства, не допустив всех, кажется мне невозможным».

Многие из наиболее горячих европейских сторонников президента Вильсона по различным соображениям сомневались в целесообразности его приезда. Наиболее существенное возражение сводилось к тому, что, ввязываясь в рукопашную схватку, он утратит моральный авторитет, которым он обладал. Для того чтобы сохранить свой престиж, Вильсон должен ос-

В ОЖИДАНИИ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

таваться над дипломатической борьбой, стоя в безопасности на пьедестале, который воздвигли восхищенные народы Европы как из стана союзников, так и из стана противников. Этот довод в очень настойчивой форме изложил Хаузу Фрэнк Кобб, проницательный знаток общественного мнения и искренний сторонник Вильсона. Мудрости его суждений способствовала возможность близко наблюдать европейских государственных деятелей в ходе переговоров о перемирии.

Телеграмма полковника Хауза президенту

Париж, 14 ноября 1918 г.

«Если мирный конгресс соберется во Франции, тогда председательствующим лицом будет Клемансо. Если бы избрали нейтральную страну, то председательствовать просили бы вас.

Здесь американцы, мнение которых существенно, почти единодушны в том, что вам не следовало бы заседать на мирной конференции. Они опасаются, что это поведет к потере достоинства и вашей командной позиции.

Клемансо только что высказал надежду, что вы не будете заседать на этом конгрессе, потому что там не будет заседать ни один глава государства. Это же настроение преобладает в Англии. Кобб телеграфировал, что Рединг и Уайзмэн высказываются в том же духе. Все хотят, чтобы вы приехали и приняли участие в предварительном совещании. Именно на этих заседаниях условия мира будут выработаны и определены таким же способом, каким на неофициальных совещаниях определились условия перемирия с Германией и Австрией. Я полагаю чрезвычайно важным, чтобы вы прибыли возможно скорее, ибо все дело задерживается в ожидании вашего приезда.

Находящийся здесь Джон Дейвис, не входя в дальнейшее обсуждение, высказывается в том смысле, что вы не должны присутствовать на открытии конгресса. Тем не менее я рассчитываю, что 3 декабря вы отплывете, но я надеюсь, что вы найдете возможным прибыть пораньше. Клемансо считает, что предварительный обмен мнениями отнимет не более трех не-

ГЛАВА XXI

дель. Мирная конференция, по его мнению, может затянуться месяца на четыре...

Я считаю, что, объявляя о вашем отбытии, необходимо, чтобы вы не заявляли о своем намерении заседать на мирной конференции. Это можно будет решить, когда вы приедете сюда... Французский, британский и итальянский премьер-министры будут возглавлять свои делегации.

Эдуард Хауз.

Президент Вильсон несколько не был обрадован этой телеграммой; в ответ он телеграфировал: «Это срывает все наши планы. Эта перемена программы приводит меня в полное замешательство». Он добавил, что намерение принять его с почестями, подобающими главе государства, но чтобы при этом он не заседал в качестве делегата, — «представляется мне способом обставить меня». Ниже излагаются наиболее существенные части телеграммы президента:

«Я заключаю, что французские и британские лидеры хотят исключить меня из состава конференции из страха, что там я смогу повести против них более слабые нации... В нашем правительстве я играю такую же роль, какую в их правительствах играют премьер-министры. То обстоятельство, что я являюсь главой государства, практического значения не имеет. Я самым настоятельным образом возражаю против довода о том, что чувство собственного достоинства должно помешать нам достигнуть результатов, которые мы лелеем в своем сердце. Везде и всюду желают, чтобы я участвовал в конференции, и я уверен, что никто не захочет, чтобы я сидел в стороне и пытался управлять извне... Я надеюсь, что вы отнесетесь с опаской к их советам и по зрелом размышлении сообщите мне свое собственное независимое суждение»¹.

Телеграмма Хаузу характеризовала то, как президент реагировал на неприятный совет. В своем желании лично участвовать в конференции Вильсон ни в малейшей мере не был движим мотивами тщеславия. Тем не менее он предвкушал

¹ Из телеграммы Вильсона Хаузу от 16 ноября 1918 г.

В ОЖИДАНИИ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

участие в конференции как умственное соревнование, удовольствий которого он не хотел лишиться. На протяжении всей его жизни его интересы были прикованы к проблемам политической теории и практики, а такое собрание свело бы друг с другом выдающиеся умы всего мира в области политики. Кроме того, он был искренне убежден, что его присутствие на конференции необходимо для обеспечения победы либеральных сил. Хауз понял, что решение президента окончательное, и занялся тем, чтобы преодолеть сопротивление Клемансо, но в то же время в телеграмме на имя Вильсона повторил свое мнение: «Я считаю, что вы должны... решить по вашему прибытии, какое участие в заседаниях благоразумно будет вам принять». Он успокоил президента относительно реакционного заговора, который Вильсон, очевидно, приписывал европейским лидерам. «Насколько я могу судить, — телеграфировал Хауз, — все державы стараются сотрудничать скорее с нами, чем друг с другом. Разногласия между ними остры и постоянны».

Президент последовал совету Хауза в том отношении, что выступил с нижеследующим, не обязывающим его сообщением, переданным Хаузу по телеграфу, в котором он избегал упоминать о том, что сам будет заседать в качестве делегата.

«Президент отплывает во Францию сразу же после открытия очередной сессии конгресса с целью принять участие в обсуждении и установлении основных черт мирного договора.

Маловероятно, чтобы он имел возможность оставаться на протяжении всех заседаний официальной мирной конференции, однако его присутствие в начале необходимо для того, чтобы избежать явных неудобств переговоров по телеграфу при определении наиболее важных черт окончательного договора, о котором непременно должно быть заслушано мнение президента. Разумеется, его будут сопровождать делегаты, которые будут заседать в качестве представителей Соединенных Штатов на протяжении всей конференции. Имена делегатов и дата собрания вскоре будут объявлены»¹.

¹ Из телеграммы Вильсона Хаузу от 19 ноября 1918 г.

ГЛАВА XXI

Свою телеграмму Хаузу от 19 ноября президент заключил заверением, что, «если французский премьер-министр беспокоится относительно председательствования на конференции, я рад буду предложить, чтобы председательствовал он». Хауз после этого усиленно старался разъяснить Клемансо, насколько несправедливо преобладающее мнение, будто президент несговорчив и упрям в личных отношениях.

«30 ноября 1918 г. Днем пришел Клемансо, — писал Хауз. — Я выразил надежду, что он не станет обращать внимания на разговоры о том, что президенту присущи диктаторские, деспотические замашки или что с ним трудно ладить. Я уверял его, что... неизменно убеждаюсь в том, что он поддается совету в большей мере, чем любой другой общественный деятель, с которым мне приходилось тесно сталкиваться».

«5 декабря 1918 г. Клемансо снова интересовался, станет ли президент заседать вместе с прочими делегатами. Я сказал ему, что этот вопрос президент решит по прибытии во Францию; президент — здравомыслящий человек, и можно положить, что он поступит разумно. Клемансо сказал, что он хотел бы, чтобы по утрам собирались в частной резиденции президента, точно так же как они приходили ко мне в период переговоров о перемирии, а затем уже собирались на более официальные заседания делегатов на Кэ д'Орсе для проведения решений, принятых на утренних заседаниях. Быть может, президент согласится на такой компромисс. Он сказал, что президенту не следует вносить предложения о том, чтобы он [Клемансо] председательствовал на заседаниях, ибо само собой разумеется, что председательствовать должен глава правительства той страны, где происходит конференция. Заговорил он об этом в связи с предложением президента, о котором я сообщил ему некоторое время тому назад через Фрэйзира».

«17 декабря 1918 г. Я беседовал с японским послом и несколько нарушил его обычное равновесие, спросив, считает ли он, что президент должен заседать на мирной конференции. Меня позабавили его усилия дать ни к чему его не обязывающий ответ».

В ОЖИДАНИИ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Каковы бы ни были повлиявшие на него факторы, но в конце концов Клемансо переменил свое мнение относительно желательности участия Вильсона в качестве делегата на мирной конференции. Возможно, он почувствовал, что легче будет иметь дело прямо с президентом, чем с посредником, и что суждения Вильсона окажут меньшее влияние, если он будет находиться в Париже, а не в Вашингтоне. Более вероятно, что он начинал сознавать антагонизм между французской и британской политикой, ставший очевидным, как только было подписано перемирие, и надеялся добиться сочувствия Вильсона французским стремлениям в случае конфликта с англичанами.

Ко времени прибытия Вильсона в Париж Клемансо уже говорил Хаузу, что он полностью одобряет участие президента в качестве делегата конференции. «Возможно, — писал Хауз в своем дневнике, — он полагает, что это поможет столкнуть Вильсона с его высокого пьедестала».

2

Обмен мнениями относительно места мирной конференции был кратким и в силу обстоятельств, подкрепленных, как ни странно, опасениями Вильсона враждебного и большевистского влияния в Швейцарии, привел к тому, что выбор остановился на Франции.

В конечном счете было решено, чтобы каждая из главных держав была представлена пятью делегатами, хотя одно время Хауз рекомендовал семь, так как это дало бы республиканской партии (США) дополнительное представительство на конференции.

«29 октября 1918г. (Совещание Клемансо, Ллойд Джорджа и Хауза.) Я спросил Клемансо, какое место он намечает для мирной конференции. Он ответил: «Версаль». Ллойд Джордж сказал, что мы с ним договорились о Женеве. Клемансо не стал спорить по этому вопросу, а я предложил отложить его дальнейшее обсуждение. Перед уходом Ллойд Джордж соглашался, что лучше созвать мирную конференцию не на французской земле, а в нейтральной стране. Перед моим отъездом

ГЛАВА XXI

из Вашингтона президент соглашался, что наилучшим местом для конференции была бы Лозанна вследствие наличия там достаточного числа гостиниц и прочих удобств и вследствие того факта, что симпатии ее населения принадлежат союзникам. Когда же я прибыл в Париж, то пришел к выводу, что больше подошла бы Женева. Орландо обещал поддержать любое мое предложение по этому вопросу».

Телеграмма полковника Хауза президенту

Париж, 6 ноября 1918 г.

«Когда сюда приезжал Ллойд Джордж, я говорил с ним и с Клемансо о числе делегатов от каждой страны на мирной конференции. Клемансо заметил, что половина Франции желает присутствовать, на это Ллойд Джордж ответил, что Клемансо еще повезло, ибо Англия вся поголовно желает участвовать в конференции. Ллойд Джордж сказал, что он будет вынужден в числе прочих назначить одного делегата от доминионов и одного лейбористского представителя. Мы согласились отложить дальнейшее обсуждение, предоставив им время на дополнительное обдумывание.

Я предложил, чтобы Англия, Франция, Италия и Соединенные Штаты получили по пять мест, а другие воюющие державы были представлены числом от одного до трех делегатов, сообразно их значительности. Это как будто встретило одобрение. Я имел в виду, чтобы Германия тоже получила пять мест¹.

Необходимо, чтобы в заседаниях участвовало ограниченное число делегатов, ибо в Версале мы уже убедились в трудности удовлетворительного ведения дела, и оказалось необходимым, чтобы премьер-министры встречались предварительно для ускорения хода дела.

Малые страны, вроде Бельгии, Сербии и Греции, вполне удовлетворялись одним местом на версальских заседаниях...

Эдуард Хауз».

¹ В ответной телеграмме от 7 ноября Вильсон одобрил предложение Хауза.

В ОЖИДАНИИ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

8 ноября Вильсон телеграфировал Хаузу, указывая, что Версаль является наиболее подходящим местом для мирной конференции. Там преобладают, писал он, «дружественные влияния и власти», между тем как Швейцария «пропитана всевозможными ядовитыми элементами и является открытым полем для всевозможных влияний»¹.

Хауз испытал разочарование, но тем не менее сразу же принялся осуществлять желание Вильсона. Во всяком случае французам это должно было быть приятно. Вот что он писал в своем дневнике.

«8 ноября 1918 г. Как видно, президент отказался от своего желания проводить мирную конференцию в Швейцарии... Конференцию надо бы проводить в нейтральной стране. Даже при максимально благоприятных условиях достаточно трудно будет заключить справедливый мир; если же заседать в атмосфере столицы одной из воевавших стран, то это будет почти совсем невозможно. Может быть, дело обернется хорошо, а может быть, произойдет трагедия. Завтра в 10 часов 30 минут утра я займусь этим вопросом с Клемансо».

Телеграмма полковника Хауза президенту

Париж, 9 ноября 1918 г.

«Сегодня утром в беседе с Клемансо я заявил, что Соединенные Штаты склоняются в пользу Версаля как места заседаний мирной конференции. Он заверил меня, что если окончательно решено будет проводить конференцию в Версале, то представителям Соединенных Штатов будут предоставлены всевозможные удобства как в отношении квартирных условий, так и средств связи. Он просил меня не требовать ничего особенного, но при этом заверял, что нам будет предоставлено все, чего мы пожелаем. Он сказал, что предпочтет проводить конференцию где угодно, только не в Женеве, и даже выражал согласие на Лондон или Вашингтон, в случае если не удастся достигнуть согласия о Версале. Никакого окончатель-

¹ Из телеграммы Вильсона Хаузу от 8 ноября 1918 г.

ГЛАВА XXI

ного решения принять нельзя, пока мне не удастся снестись с Джорджем и с Орландо, тем более что перед отъездом этих джентльменов из Парижа мы предварительно согласились на Женеву. Орландо заявил, однако, что Италию удовлетворит любое место, какое пожелают Соединенные Штаты. Как только этот вопрос будет согласован, я приму необходимые меры для обеспечения надлежащих условий.

Эдуард Хауз.

«10 ноября 1918г. Я уговорил Нортклифа... поместить в заглавном номере «Таймс» передовую статью, смысл которой должен заключаться в том, что она [мирная конференция], сама собой разумеется, должна быть созвана в Париже»¹.

¹Упомянутая статья была опубликована в лондонской «Таймс» от 31 ноября в виде корреспонденции из Парижа. Она гласила:

«Приближение мирной конференции приводит к широкому обсуждению вопроса о том, где лучше всего можно провести это собрание.

Женева называлась в качестве единственного нейтрального города, приспособленного для подобной конференции, однако полагают, что недостатки проведения собрания в какой-либо нейтральной стране слишком значительны, чтобы оставить их без внимания. Три великие союзные столицы — Вашингтон, Лондон и Париж, естественно, следуют в порядке приоритета. Лондон, а еще в большей степени Вашингтон неудобны из-за морского пути и связанной с ним задержки, между тем Париж и особенно Версаль как будто наиболее приспособлены для крупнейшей мирной конференции, которая в дополнение к естественно значительному своему официальному составу привлечет огромное число людей, связанных с нею в той или иной степени.

Не только в Париже, но и в окрестностях Версаля имеются огромные общественные здания, достаточно крупные особняки и отели, в которых смогут быть размещены лица, причастные к мирным переговорам. Но и независимо от материальных вопросов имеются моральные и символические факторы, которые надо рассмотреть при выборе места собрания. Созывом его во Франции союзный мир воздаст должное особым страданиям и героизму французов.

С приходом в Седан французской армии, сопровождаемой американской армией, Франция уже начала смывать пятно 1870 г. Подписание мирных условий в знаменитой *Galerie des Glaces* (Зеркальная галерея в Версальском дворце. — *Прим. перев.*), где ныне поверженная Германская империя столь нагло провозгласила мир 1871 г., будет актом символического очищения в европейской истории. Американцы настроены в пользу этой идеи. Именно в Париже был подписан договор 1783 г., установивший американскую независимость».

В ОЖИДАНИИ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Телеграмма полковника Хауза президенту

Париж, 20 ноября 1918 г.

«Сейчас только лорд Дерби сообщил мне о словах м-ра Бальфура, что британское правительство не считает себя обязанным рассматривать Версаль как окончательно выбранное место для мирной конференции. Оно считает, что этот вопрос должен быть окончательно решен Межсоюзной конференцией. Однако, как указывает м-р Бальфур, после того как в Париж съедутся всевозможные эксперты и там будет создана организация, окажется крайне затруднительным переменить место заседаний заключительной конференции. Лорд Дерби полагает, однако, что британское правительство окончательно приняло предложение о том, чтобы Межсоюзная конференция заседала в Париже. Лорд Дерби заявляет, что он прилагает все усилия к тому, чтобы поторопить французское правительство с устройством сотрудников британского правительства...

Эдуард Хауз».

Все согласились, чтобы предварительная конференция состоялась в Париже, а затем без дальнейших споров Версаль, естественно, был выбран местом официальной конференции, куда предстояло допустить немцев.

Окончательное решение о том, чтобы главные державы были представлены каждая пятью делегатами, все еще давало президенту Вильсону возможность назначить двух видных членов республиканской партии. Этот вопрос он не раз обсуждал с Хаузом перед тем, как последний уехал для участия в совещаниях о перемирии. Хауз советовал назначить Рута или Тафта или же обоих вместе; но президент не проявил к этому особого энтузиазма. Даже 14 ноября, как свидетельствуют его телеграммы Хаузу, он еще не принял решения о составе делегации. Окончательный выбор, сделанный президентом, свидетельствовал об очевидном нежелании считаться с требованиями партийной политики, что могло привести к чрезвычайно опасным последствиям ко времени

ГЛАВА XXI

ратификации договора. Ноябрьские выборы сложились настолько благоприятно для республиканцев, что на предстоящей сессии им было обеспечено большинство в сенате и в сенатской комиссии внешних сношений. Тем не менее президент не включил в мирную делегацию ни представителей от сената, ни кого-либо из республиканских лидеров. Кроме себя Вильсон назначил министра Лансинга, полковника Хауза, генерала Блисса и м-ра Генри Уайта, который обладал большим опытом дипломатической деятельности в Европе, но не имел явно выраженных политических склонностей.

Сам полковник Хауз не разделял широко распространенного критического отношения к составу мирной делегации. Он допускал, что президент стоял бы на более прочной политической позиции, если бы назначил Тафта, Рута и Мак-Аду.

«Тогда получился бы работоспособный состав, — писал Хауз впоследствии, — политически неуязвимый. Тафту можно было бы поручить руководство составлением устава Лиги наций, к этой задаче он великолепно подготовлен, и он взялся бы за нее с радостью и горячо. Рут мог бы заниматься юридическими вопросами, которых возникало множество и притом сложных. Мак-Аду мог бы служить верной опорой в финансовых вопросах — едва ли не наиболее сложных, деликатных и спорных из всех вопросов, стоявших на конференции. Однако президент предпочел взять с собою в Париж трех других советников — Лансинга, Уайта и Блисса и, если не считать политической стороны дела, ошибки не сделал.

Иногда высказывалось утверждение, что на конференции был только один американский делегат, и делегатом этим был президент Вильсон. Это было неизбежно, потому что кого бы он с собою ни взял, а главою государства был он, следовательно, оставался ли он в Вашингтоне или в Париже, но окончательное решение по любому вопросу должно было принадлежать ему. Никогда еще ответственное поручение не возлагалось на более способную тройку, чем Лансинг, Уайт

В ОЖИДАНИИ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

и Блосс, они вели себя скромно и держались в тени. Опыт Лансинга в международном праве и процессуальных вопросах служил постоянной путеводной вехой. Долголетняя дипломатическая карьера и обширные знакомства Уайта в Европе помогли сгладить многие затруднительные положения. Нигде так не чувствовалась потребность в миротворце, как в Париже, и Уайт не раз проявлял свое мастерство в этом искусстве. Блосс, хотя и воспитанный в армейском духе, обладал умом государственного деятеля и помогал решать многие сложные проблемы помимо связанных с военными вопросами. Не было на мирной конференции более способного человека, чем Таскер Г. Блосс».

Не менее горячее восхищение высказывал полковник Хауз по адресу американцев, находившихся в Париже и не являвшихся делегатами. Он часто упоминает о достоинствах посла Шарпа, который осуществлял трудную задачу представительства Соединенных Штатов как в период американского нейтралитета, так и в период участия в войне. «Его суждения точны, и его понимание различных течений французского общественного мнения остро», — писал Хауз в период совещаний о перемирии. К нему Хауз обращался за советом в трудный период до приезда президента Вильсона. В бумагах Хауза содержится также много ссылок на адмирала Бенсона, свидетельствующих о том, как высоко он ценил его услуги. «Во время войны он был главным помощником министра Дэниэлса, — писал Хауз, — а это было время, когда руководство было обременено более, чем когда-либо, заботами об опасностях, угрожавших флоту. Как на совещаниях о перемирии, так и на мирной конференции Бенсон был советником нашего правительства. Пожалуй, ни перед одним американским адмиралом никогда не возникало столько важных вопросов и ни один из них не решил бы их более разумно»¹. Еще один, к кому Хауз обращал -

¹ Это чувство было взаимным. Адмирал Бенсон пишет 16 июня 1928 г.: «Одним из наиболее счастливых воспоминаний моей долгой и успешной жизни является сотрудничество с полковником Хаузом, к которому я питаю безграничное восхищение и горячую привязанность».

ГЛАВА XXI

ся за советом в делах, касавшихся Европы, был посол Брэнд Уитлок. На мирной конференции то и дело возникали вопросы, касавшиеся Бельгии, и мнение Уитлока было неоценимо. «Бельгийцам трудно, — писал Хауз, — без волнения говорить о Брэнде Уитлоке. Представляя американские интересы с достоинством, против которого не могли возражать даже немцы, он, по мнению бельгийцев, являлся их стойким другом и защитником. Великая война настолько связала его имя с героическим маленьким королевством, что в умах людей он известен как “Уитлок бельгийский”».

3

С напряженным интересом Хауз относился к организации помощи в широком масштабе. Огромная система, которая в конечном счете была построена и подчинена управлению м-ра Гувера, имела своим началом мероприятия, осуществленные вскоре после установления перемирия. В течение последующих двух лет она стала одной из самых важных в мире международных организаций. Прежде чем были окончательно составлены условия перемирия с Германией, Хауз внес в Верховный военный совет резолюцию, которая не только обосновывалась доводами гуманности, но и была рассчитана на то, чтобы побудить немцев принять перемирие в надежде на получение продовольствия: «Если народы Болгарии, Австро-Венгрии и Турции обратятся к союзным державам с просьбой о поставках продовольствия, то последние сделают все, что в их силах, чтобы помочь им во имя гуманности»¹. Резолюция была принята. Как только выяснилось, что Германия подпишет перемирие, Хауз поставил вопрос об отмене блокады неприятельских государств и о предоставлении им помощи, а равно и помощи районам, опустошенным войной.

¹ Окончательный текст резолюции гласил следующее: «Если народы Болгарии, Австро-Венгрии и Турции обратятся к союзным и присоединившимся державам с просьбой о снабжении продовольствием, союзные и присоединившиеся державы сделают все, что в их силах, чтобы содействовать им в духе гуманности».

В ОЖИДАНИИ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Деятельность Хауза была настолько разнообразной, что в кратком очерке невозможно изложить ее связно. Выборки из его бумаг, иллюстрирующие характер его трудов, могут показаться путанными, но они как нельзя лучше свидетельствуют, с какими проблемами приходилось ему сталкиваться прежде, чем мирная конференция смогла приступить к всеобщему мирному соглашению. Они отображают также то существенное обстоятельство, что это был период путаницы, объяснявшейся не только самим характером этих проблем, но и тем, что европейские премьеры вынуждены были столкнуться с вопросами внутренней политики, которые помешали им заблаговременно организовать аппарат для решения международных проблем.

«6 ноября 1918 г. Я просил полковника Баркли Парсона, — писал Хауз в своем дневнике, — произвести предварительное исследование убытков, причиненных немцами в Северо-Восточной Франции и Бельгии. Я, вероятно, поручу ему эту работу вместе с достаточным штатом помощников, для того чтобы к тому моменту, когда французское и бельгийское правительства выступят на мирной конференции с требованиями о репарациях за убытки, мы имели бы некоторое представление о справедливости их требований. Например, могут сказать, что Германия в таком-то городе причинила убытков на десять миллионов. У нас не будет никакой возможности судить, насколько это даже приблизительно верно... Чем больше я думаю об этом, тем более важным кажется мне этот вопрос»¹.

«8 ноября 1918 г. По просьбе черногорского короля я нанес ему визит. Адьютанты в великолепных мундирах проводили меня в его апартаменты в отеле «Мерис». Король оказался приятным престарелым джентльменом, рассказывавшим свою историю с большим достоинством. Фрэйзир пишет о нашей беседе, если поистине это можно назвать беседой, ибо скорее это было монологом короля».

¹ 17 ноября в ответ на запрос Хауза о полномочиях президент Вильсон телеграфировал: «Я одобряю ваш план использования экспертов для подсчета причиненного убытка».

ГЛАВА XXI

Телеграммы полковника Хауза президенту

Париж, 8 ноября 1919 г.

«Вероятно, величайшей проблемой, которая возникнет перед нами после прекращения военных действий, будет поставка продовольствия и других насущных предметов гражданскому населению Сербии, Австрии, Чехословакии, Германии, Бельгии и Северной Франции. Эту работу по оказанию помощи вместе с восстановлением опустошенных районов придется осуществлять почти целиком американскими силами и с помощью американского продовольствия, сырья и фабрикатов. Возникнут трудные вопросы очередности и распределения тоннажа.

На одном из заседаний Верховного военного совета м-р Бальфур предложил, чтобы в качестве условия перемирия Германии предложили на время перемирия передать союзникам и Соединенным Штатам значительную часть германского тоннажа, находящегося ныне в германских и нейтральных портах, для использования под общим наблюдением и руководством Союзного транспортно-морского совета, заседающего теперь в Лондоне. Я посоветовал, чтобы это не ставили условием перемирия, а подняли этот вопрос сразу после подписания перемирия; м-р Бальфур согласился с этой поправкой. В настоящее время я советую вместо принятия предложения м-ра Бальфура, которое связано с очевидными трудностями, чтобы сразу же после подписания перемирия с Германией немедленно создать «Международную организацию помощи»¹. Я предлагаю, чтобы во главе организации был поставлен Гувер, а Англия, Франция, Италия и Германия назначили по два представителя. От Германии надо сразу потребовать, чтобы впредь до подписания

¹ После ряда дискуссий Верховный военный совет учредил «Верховный совет снабжения и помощи». Впервые он заседал 11 января 1919 г. Генеральным директором организации помощи был назначен м-р Гувер.

В ОЖИДАНИИ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

окончательного мирного договора она предоставила в распоряжение этой организации весь германский торговый флот, находящийся ныне в германских и нейтральных портах. Затем надо поручить этой организации обеспечить продовольственные и прочие поставки, в которых остро нуждается гражданское население вышеназванных стран, и определить очередность заявленных нужд. Эти поставки неизбежно должны идти от Соединенных Штатов и союзников. Необходимо указать Германии, что только таким способом можно будет использовать ее торговый флот, начиная с момента перемирия и кончая подписанием окончательного мирного договора, и что ее искреннее согласие участвовать в подобном плане оказания помощи, который имеет в виду и все собственное гражданское население, послужит доказательством ее желания облегчить страдания, причиненные гражданскому населению всех стран превратностями войны. Кроме того, этим способом весь вопрос оказания помощи впредь до подписания окончательного мирного договора может быть отделен от той острой борьбы, которая возникнет между различными участвовавшими в войне государствами в их эгоистической погоне за торговыми выгодами немедленно вслед за подписанием перемирия. Верно, что условия перемирия предусматривают продление блокады. Невыполнимость этого требования в отношении продовольствия и других насущных поставок уже стала очевидной. В Австрии и в Чехословакии положение приобрело такой характер, что категорически необходима помощь в широком масштабе, если хотят избежать серьезных беспорядков. Буду крайне благодарен, если вы выскажетесь по этому чрезвычайно важному вопросу¹.

Эдуард Хауз.

Париж, 11 ноября 1918 г.

¹ На это Вильсон 11 ноября ответил следующее: «Наше мнение совпадает с вашим. Гувер немедленно отправляется, чтобы обсудить вопрос и предложить метод действий».

ГЛАВА XXI

«По вопросу о югославско-итальянских делах: если вы решите признать Национальный совет в Загребе как представителя сербо-словенской нации на территориях, ранее принадлежавших Австро-Венгерской монархии, то желательно было бы весьма осторожным способом заверить югославов, что вопрос об их территориальных претензиях подлежит решению мирной конференции. Это было бы целесообразно, чтобы подтвердить данные им заверения перед лицом итальянской оккупации Далматинского побережья, произведенной соответственно линии, установленной Лондонским договором, против чего я возражал; согласился же я на это только после того, как получил совершенно ясное обещание, что эта территория будет обладать таким же статутом, как и территория, оккупированная по условиям перемирия с Германией. Интересам Италии соответствует также, чтобы условия перемирия не предопределили решения этого крайне сложного территориального вопроса. Только Соединенные Штаты находятся в таком положении, что могут сказать слово предостережения, потому что Франция и Англия связаны Лондонским договором. Заявление о том, что границы должны определяться сообразно нуждам всех заинтересованных народов и в соответствии с принципами, признанными союзниками, успокоит малые нации, которые сейчас находятся в состоянии крайнего возбуждения¹.

Эдуард Хауза.

¹ В дальнейшем 24 января 1919 г. Верховный совет мирной конференции выступил с подобным заявлением, хотя оно и не касалось специально этой проблемы:

«Правительства, ныне объединившиеся на конференции с целью установить длительный мир между народами, глубоко обеспокоены поступающими к ним сообщениями о многочисленных случаях использования вооруженной силы во многих частях Европы и на Востоке для приобретения территории, правомочность претензий на которую должна определить мирная конференция.

Они полагают своим долгом торжественно предупредить, что владение, добытое силой, значительно повредит претензиям тех, кто пользуется этими средствами. Это заставит предположить, что те, кто пользуется силой, сомневаются в справедливости и законности своих претензий и намереваются заменить фактом владения необходимость представить правовые доказательства, а также намереваются установить свою власть насилием, а не на основе расовых или национальных пожеланий и национальных исторических уз. Таким образом, они ставят под сомнение всякое доказательство права на владение, какое они впоследствии пожелают представить, и проявляют свое недоверие к самой конференции...»

Согласно пометке полковника Хауза, это заявление было составлено самим президентом.

В ОЖИДАНИИ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

«12 ноября 1918г. Днем с визитом был итальянский посол. Он пришел заверить меня, что в деле с австрийским флотом итальянское правительство не действует вразрез с условиями перемирия. Я сказал ему, что меня не тревожат их намерения. Однако мне кажется, что кое-кто из моих коллег весьма обеспокоен и их надо бы успокоить... Я вызвался написать ему письмо с запросом об инциденте в Поле, после чего он сумеет прислать мне ответ, а я в свою очередь смогу выразить уверенность в их намерении соблюдать свои обещания. Эту переписку я обещал лично доставить или переслать Клемансо».

Телеграмма полковника Хауза президенту

Париж, 16 ноября 1918 г.

«Предлагаю послать мне телеграмму, которую я мог бы показать главам британского и французского правительств с целью добиться от них полного освобождения американских газетных корреспонденций от нынешней политической цензуры. Больше нельзя уже ссылаться на военную необходимость для оправдания проводимой ныне строгой цензуры. Нет, мне кажется, достаточных оснований для того, чтобы характер доставляемой американскому народу политической информации диктовался бы французским и британским правительствами.

Эдуард Хауз».

«18 ноября 1918 г. (Запись из дневника.) Для обсуждения вопроса о цензуре пришел Х. Очевидно, мы полностью расходимся во мнениях. Я требовал отмены цензуры повсеместно и немедленно; он утверждал, что желает того же самого, но считает это невозможным. Странно, что в качестве довода он заявил, будто участники мирного конгресса не пожелают, чтобы отчеты о его заседаниях проходили без цензуры. Он полагает, что они будут совершенно правы. Я не сказал ему, что мои мысли идут в прямо противоположном направлении и что одна из причин того, почему я желаю немедленной отмены

ГЛАВА XXI

цензуры, — это чтобы создать возможность неограниченного публичного обсуждения всего хода конгресса.

Я пришел к выводу, что единодушное общественное мнение гораздо ближе к истине, чем мнения лидеров страны. Лишь очень редко видишь лидера, который оказался бы более зорким, чем весь народ».

Телеграммы полковника Хауза президенту

Париж, 20 ноября 1918 г.

«... Французы настаивают, чтобы в качестве официального языка на конференции пользовались французским. Поскольку французам предоставили и место собрания, и председательство на конференции, казалось бы, они должны были считаться с удобствами Англии и с нашими удобствами в отношении языка. На совещаниях, предшествовавших подписанию перемирия, единственными, кто не знал английского языка, были Орlando и Пишон. Помимо нас и англичан, Клемансо, Соннино, бельгийский, сербский, греческий и японский представители знают английский язык. Я подниму этот вопрос перед англичанами, чтобы узнать, как они относятся к этому вопросу.

Эдуард Хауз».

Париж, 27 ноября 1918 г.

«Гувер приехал в Париж во вторник утром. Я полностью в курсе его планов (оказания помощи) и согласен с ним. В основном они совпадают с содержанием моей телеграммы... которую в принципе вы одобрили, при этом в планы внесены такие изменения, которые отвечают желанию союзников координировать действия, а также нашей политике сохранения независимого характера американской деятельности. Главная проблема заключается в трудности составления такого плана, который не вызвал бы антагонизма союзников и особенно Великобритании и в то же время давал бы возможность единоличного американского руководства при оказании помощи гражданскому населению Евро-

В ОЖИДАНИИ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

пы. Я уверен, что вы согласитесь с необходимостью американского руководства, принимая во внимание тот факт, что мы являемся наименее заинтересованной нацией, между тем как прочие союзные державы подвержены местным политическим интересам. Кроме того, используемые для этой цели товарные запасы в основном должны идти из Соединенных Штатов и окажут большое влияние на американские рынки.

Как я уже сообщал вам ранее, Джордж просил Клемансо, Орlando и меня прибыть в Лондон 1 декабря на заседание Верховного военного совета. Я ответил, что рассчитываю присутствовать, но это будет зависеть от решения моего доктора... Решение вопросов, которые обсуждали мы с Гувером, не терпит промедления, поэтому я предлагаю, чтобы взгляды правительства Соединенных Штатов были в письменном виде представлены трем премьер-министрам на их совещании в Лондоне...¹

Эдуард Хауз.

(Записи в дневнике.) «4 декабря 1918 г. С Дмовским² обсуждали польские дела и проблему создания польского государства. Он очень озабочен наличием большевистской России, с одной стороны, и Германии, с другой, которая, как он выразился, проходит через свой «елизаветинский период». Он считает, что Германия в духовном отношении на триста лет отстала от цивилизованной Европы и по этой причине дошла до беды. Я внушал Дмовскому необходимость проявить умеренность и создать коалиционное правительство, чтобы по крайней мере для начала поляки имели перед собой перспективу внутреннего согласия».

«13 декабря 1918 г. Сегодня снова был очень тяжелый день. Снова приходили Гувер, Дейвис и доктор Тейлор по во-

¹ В последней части своей телеграммы Хауз выдвинул программу, которую Вильсон предъявил премьер-министрам и которая в конечном счете завершилась организацией помощи под руководством Гувера. См. приложения к этой главе.

² Председатель Польского комитета в Париже.

ГЛАВА XXI

просу об оказании помощи Вене и ее окрестностям. Это дело измеряется почти часами и не может быть отложено. Я принял решение и сказал им, чтобы они действовали, не считаясь с тем, что подумают французское и английское правительства, поручив при этом Фрэйзиру сообщить последним о нашем намерении. Я поручил Фрэйзиру вместе с Гувером и Дейвисом повидать президента Масарика¹ и уполномочил их заявить, что Соединенные Штаты осудят всякую obstructионистскую политику, направленную на то, чтобы помешать поставкам угля в Австрию для облегчения страданий населения. Масарик заявляет, что угольные шахты находятся во владении немцев и что он ничего предпринять не может. Тем не менее мы настаиваем на том, чтобы меры были приняты, и притом немедленно».

Из-за своей болезни Хауз не смог участвовать в лондонском совещании между англичанами, французами и итальянцами, во время которого были сделаны первые конкретные шаги в подготовке вопросов для мирной конференции. Основные темы, обсужденные в Лондоне, касались назначения комиссии для изучения платежеспособности неприятельских стран в отношении репараций, суда над кайзером и международной помощи. Было принято важное постановление о том, чтобы на предварительной мирной конференции малые союзные державы были представлены только при обсуждении специально интересующих их вопросов и чтобы новым государствам разрешено было доложить конференции свои претензии. Таким образом были урегулированы состав, а до известной степени и регламент мирной конференции. Полковник Хауз послал президенту полный отчет о совещании в Лондоне².

7 декабря Хауз перебрался из своей квартиры в доме № 78 на Рю де л'Юниверсите, где происходило так много исторических совещаний о перемирии, в отель «Крийон», который

¹ Председатель Чехословацкого комитета и первый президент Чехословацкой республики.

² См. приложения к этой главе.

В ОЖИДАНИИ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

стал потом официальной резиденцией американской мирной делегации. Спустя два дня он писал в своем дневнике, что считает свою специальную миссию законченной. «Президент уже вблизи берегов Европы, в пределах досягаемости радио. Следовательно, я уже более не буду самостоятельно принимать решения». Он был занят преимущественно деталями организации приема президента. Одно время Вильсон предполагал сперва высадиться в Англии, но потом последовал совету Хауза ехать прямо во Францию¹. По предложению чиновников морского ведомства, осведомленного о районах плавучих мин, местом высадки был избран Брест². По приглашению французского правительства президент на время пребывания в Париже должен был занимать особняк принца Мюрата в парке Монсо.

Телеграмма полковника Хауза президенту

Париж, 9 декабря 1918 г.

«Согласно последним планам предполагается, что вы прибудете в Париж в субботу, 14 ноября, в 10 часов утра. По прибытии вас сразу проводят в нашу резиденцию. В 12 часов 30 минут в Елисейском дворце президент Пуанкарэ даст большой официальный завтрак в вашу честь. Комитет, составленный из деятелей профессиональных союзов и социалистов и возглавляемый Альбером Тома, Реноделем и Кашеном, желает представить вам адрес в 3 часа 30 минут дня в субботу, 14-го, а после этого устроить в вашу честь огромную демонстрацию. Это еще не уточнено, но, по-видимому, будет так. В понедельник, 16 декабря, в 2 часа 30 минут дня город Париж окажет вам и г-же Вильсон официальный прием в Отель де Билль, я за вас принял это приглашение. Я просил Уайзмэна передать Бальфуру и Джорджу, что вы резервируете для совещаний с ними вторник, 17 декабря, среду, 18 декабря и, возможно, 19 дека-

¹ Из телеграммы Вильсона Хаузу от 25 ноября 1918 г.

² Из телеграммы Лансинга Хаузу от 27 ноября 1918 г.

ГЛАВА XXI

бря и что я ожидаю прибытия Бальфура и Джорджа в Париж 17-го числа. В течение 19 и 20 декабря в Париже будут итальянский король, итальянский премьер-министр и барон Соннино. Французское и бельгийское правительства очень настаивают, чтобы вы посетили опустошенные районы Франции и Бельгии. Сообразно с этим французское правительство prepares для вас поездку по Северной Франции и Бельгии, которая начнется 26 декабря и займет приблизительно три дня¹. Намечено, чтобы одновременно вы посетили нашу армию. Ваша поездка в Италию, которая мне кажется необходимой, может начаться 29 или 30 декабря с тем, чтобы вы могли вернуться в Париж к 3 или 4 января для участия в первых официальных совещаниях союзников. Клемансо сказал мне, что английские выборы, французские торжества и официальные визиты в Париже совершенно исключают возможность начать эти официальные совещания ранее 3 или 4 января. Не будете ли вы любезны сообщить, желаете ли вы, чтобы я предпринял какие-нибудь специальные меры в отношении вышеизложенного.

Эдуард Хауз.

На следующий день пароход «Джордж Вашингтон» с президентом на мостике подошел к брестскому порту, проплыв меж величественных шпалер французских и американских линкоров и эскадренных миноносцев, пушки которых громыхали президентский салют. Хотя это и была пятница и моряки покачивали головами по поводу такого несчастливого предзнаменования, но это было также и 13-м числом месяца, которое Вильсон считал своим счастливым

¹ Президент Вильсон провел рождественские дни в расположении американской армии, но отложил осмотр французских и бельгийских полей сражения до весны, чем вызвал волну критики. Вот что пишет м-р А. Г. Фрэйзир относительно возражений президента Вильсона против посещения опустошенных районов: «Я припоминаю, что, когда я впервые заговорил об этом деле, он ответил: «Французы хотят, чтобы я стал кровожадным. Я не смогу презирать немцев больше, чем уже презираю». Прав он был в этом решении или нет, но во всяком случае этот ответ проливает свет на его характер».

В ОЖИДАНИИ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

числом. На следующее утро в Париже шумные и возбужденные толпы приветствовали Вильсона как провозвестника новой эры, носителя справедливости, защитника угнетенных.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Отчет Хауза о Лондонском совещании Телеграмма полковника Хауза государственному секретарю Лансингу для президента

Париж, 5 декабря 1918 г.

«Соннино, лорд Дерби и Клемансо вручили мне по отдельному отчету о ходе совещаний, происходивших 2 и 3 декабря в Лондоне между Ллойд Джорджем, Клемансо и Орландо. Ниже приводится суммарный отчет об этих совещаниях.

I. Заседание, происходившее 2 декабря в 11 часов утра.

Резолюция а). Выражено сожаление о моем отсутствии из-за болезни; м-ру Бальфуру поручено довести до моего сведения выводы совещания.

Резолюция б). Учреждение Межсоюзной комиссии, в которой Бельгия, Франция, Великобритания, Италия и Соединенные Штаты будут каждая представлены тремя делегатами, а Япония одним делегатом, для изучения и доклада о том, какую сумму смогут уплатить неприятельские страны в виде репараций и возмещений. Формы платежа также подлежат рассмотрению. Комиссия соберется в Париже при условии согласия на это правительства Соединенных Штатов. Каждое правительство составит свои требования на репарации, которые будут переданы для изучения Межсоюзной комиссии, имеющей быть назначенной после составления этих требований.

Резолюция в). Британское, французское и итальянское правительства согласны, чтобы кайзер и гласные соучастники были преданы суду международного трибунала. Телеграмма об этом решении была послана в Вашингтон 2 декабря. (Я полагаю, что вы ее уже читали, и поэтому здесь не

ГЛАВА XXI

привожу.) Действовать в этом деле без промедления при условии согласия президента Вильсона; в противном случае отложить обсуждение вопроса до приезда президента Вильсона.

Резолюция г). Британское, французское и итальянское правительства условливаются, чтобы до подписания предварительного мирного договора в Париже или в Версале была созвана Межсоюзная конференция, дата которой будет установлена после приезда президента. Франция, Великобритания, Италия, Япония и Соединенные Штаты должны быть представлены каждая пятью делегатами. Представители британских колоний будут участвовать в качестве дополнительных делегатов при обсуждении вопросов, затрагивающих их непосредственно. Малые союзные державы будут представлены лишь при обсуждении касающихся их вопросов. Нации, получившие независимость после войны, будут заслушаны Межсоюзной конференцией¹.

II. Заседание, происходившее 2 декабря в 4 часа дня.

Резолюция а). Британское, французское и итальянское правительства уполномочивают Фоша возобновить 10 декабря перемирие на один месяц.

Резолюция б). Британское, французское и итальянское правительства уполномочивают адмирала Уэмисса отказаться от права военной оккупации фортов у входа в Балтику при условии, что указанные форты окажутся разрушенными в соответствии с требованиями Союзной морской комиссии.

Резолюция в). Британское, французское и итальянское правительства одобряют требование адмирала Битти, чтобы на время интернирования в британских портах на германских военных кораблях был спущен германский флаг.

Резолюция г). Британское, французское и итальянское правительства соглашаются образовать Межсоюзную комиссию в составе четырех адмиралов (американского, британ-

¹ Именно эта конференция и превратилась в мирную конференцию. План заключения предварительных мирных договоров не был осуществлен.

В ОЖИДАНИИ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ского, французского и итальянского) для расследования и представления доклада о существующем положении и для внесения предложения о дальнейших действиях с целью не допустить смуты в адриатических землях, оккупированных или подлежащих оккупации союзными вооруженными силами, не включая сюда территории, упомянутые в статье III условий перемирия с Австрией, как-то: Корфу, Спалато, Фиуме и др.

III. Заседание, происходившее 3 декабря в 11 часов 15 минут.

Резолюция а). Британское правительство одобрило предложение провести совещание между Фошем и начальником британского штаба относительно размещения британских частей оккупационной армии.

Резолюция б). Расходы по оккупации Австрии подлежат урегулированию между итальянским главнокомандующим и генералом Франше д'Эспере. По сформулировании военных предложений они подлежат представлению заинтересованным правительствам через Фоша.

Резолюция с). Британское, французское и итальянское правительства соглашаются в принципе не чинить препятствий международным конференциям по оказанию помощи, по вопросам труда и всяким иным конференциям, созываемым в связи с мирной конференцией, при условии, что впредь до подписания мира эти конференции будут происходить в нейтральной стране.

IV. Заседание, происходившее 3 декабря в 4 часа дня.

Резолюция а). Всестороннее рассмотрение и составление отчета по вопросу о снабжении продовольствием и другими поставками неприятельских, союзных и нейтральных стран и по вопросу об использовании для этой цели неприятельских торговых судов поручается следующим лицам: Клемантелю и Буиссону (представляющим французов); Редингу и Маклею (представляющим англичан); Креспи и Виллья (представляющим итальянцев); Гуверу и Хорли, если они будут на месте (представляющим Соединенные Штаты).

Резолюция б). Британские войска, находящиеся в любой части Европейской Турции, остаются под командованием ге-

ГЛАВА XXI

нерала Франте д'Эспере. Остальная британская армия под командованием генерала Милна может быть переведена на Кавказ или же в иное место по заключении соглашения между заинтересованными странами. В этом случае переведенная британская армия перестанет находиться под командованием д'Эспере.

Резолюция в). Британское, французское и итальянское правительства условились, чтобы решения совещания рассматривались только как временные и подлежащие (одобрению) Соединенных Штатов, за исключением тех, которые требуют немедленного осуществления или же не затрагивают интересов Соединенных Штатов.

В отношении резолюций, вынесенных на заседании, происходившем 2 декабря в 11 часов утра, я сообщил заинтересованным правительствам: 1. Что при исключении из резолюции слова «возмещений» (пункт б) Соединенные Штаты присоединятся к резолюции; 2. Что резолюция «в» должна быть обсуждена после вашего приезда. С этими оговорками я предлагаю, чтобы Соединенные Штаты присоединились к этим резолюциям. Что касается резолюций, вынесенных на заседании, которое происходило 2 декабря в 4 часа дня, то я обсуждал их морскую и военную сторону с генералом Блиссом и адмиралом Бенсоном и заявляю заинтересованным правительствам, что Соединенные Штаты согласны с этими резолюциями.

Что касается резолюций, вынесенных на заседании, которое происходило 3 декабря в 11 часов 15 минут, то я предлагаю, чтобы вы уполномочили меня заявить, что Соединенные Штаты согласны с этими резолюциями.

Что касается резолюций, вынесенных на заседании, которое происходило 3 декабря в 4 часа дня, я предложил лорду Дерби, чтобы вместо порядка, намеченного в резолюции «а», была организована продовольственная секция Верховного военного совета с участием представителей Соединенных Штатов, Великобритании, Франции и Италии и чтобы в основном был принят план, изложенный в моем письме за № 188, с внесенными впоследствии исправлениями. Я пред-

СОЗЫВ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

лагаю, чтобы вы уполномочили меня заявить, что с такими оговорками Соединенные Штаты согласны с этими резолюциями...

Эдуард Хауз».

ГЛАВА XXII

СОЗЫВ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Ничего у них не получается, главным образом, из-за недостаточной организованности.

Из дневника полковника Хауза от 22 января 1919 г.

1

Приезд президента Вильсона в Европу вызвал живой интерес в политических кругах. Государственные деятели понимали, какое влияние он оказывает на народные умы, и были несколько обеспокоены тем, что не знали его намерений. Каким образом он собирается осуществить те принципы, которые отождествлялись с его именем, и какого рода революцию в международных отношениях вызовет появление президента? Из всех европейских лидеров с президентом до этого встречались и беседовали только м-р Бальфур и м-сье Тардье. Они принялись собирать всевозможные сведения о нем — о его окружении, вкусах, предубеждениях. Ллойд Джордж, пригласив сэра Уильяма Уайзмэна на завтрак, почти целый час расспрашивал его о президенте. Возможно, что их не очень огорчала неизбежная отсрочка созыва мирной конференции, так как это давало им возможность определить свою будущую позицию по отношению к президенту. Их интерес еще более усилился под влиянием горячей встречи, оказанной Вильсону в Париже, Лондоне и в английской провинции. Повсюду его приветствовали как вождя нового крестового похода за права человечества.

Для того чтобы разъяснить позицию президента и, в частности, устранить опасения англичан, полковник Хауз сгово-

ГЛАВА XXII

рился с Вильсоном об опубликовании интервью, в котором последний выразил бы свое мнение по основным вопросам предстоящего устройства мира. Хотя официально интервью было подписано парижским корреспондентом газеты «Таймс», но на самом деле оно было тщательно и заранее подготовлено под наблюдением полковника Хауза и сэра Уильяма

Уайзмэна и представляет собою продуманное выражение вильсоновской политики, сформулированное таким образом, чтобы как можно меньше задеть консервативное европейское общественное мнение. Это интервью наиболее существенно в той части, где говорится о британском морском владычестве. За Великобританией, утверждал Вильсон, в силу самого факта ее географического положения, равно как и в силу ее исторических традиций, должны быть признаны особые интересы во всех морских проблемах¹.

Полковник Хауз рассчитывал, что приезд Вильсона в Париж позволит собрать предварительную конференцию, которая первоначально намечалась на 17 декабря. Однако внутриполитические проблемы Великобритании и Франции вызвали дальнейшую задержку. Прежде чем Ллойд Джордж мог назначить свою делегацию, необходимо было подвести итоги выборов в Англии; Клемансо тоже считал необходимым проверить настроение французского парламента, прежде чем точно определить характер своей политики на предстоящей мирной конференции. Декабрь прошел, а Вильсону все еще приходилось ждать. Он имел несколько бесед с Клемансо и Орландо, выступил с несколькими речами, которые еще более усилили его личный престиж, нанес кратковременные визиты в Великобританию и в Италию. Однако, несмотря на горячие народные овации, с которыми его встречали, эта задержка не служила ему на пользу, так как политическое общественное мнение, особенно во Франции и в Италии, все более склонялось к крайним националистическим принципам.

Первые беседы между Клемансо и Вильсоном, происходившие вскоре после приезда президента в Париж, свидетель-

¹ Интервью опубликовано в газете «Таймс» 21 декабря 1918 г.

СОЗЫВ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ствовали о том, насколько глубоко расходились их представления о мире. Клемансо превыше всего настаивал на обеспечении безопасности Франции; он рассматривал Лигу наций как роскошь, а возможно — и как опасность. Вильсон во время первой же своей беседы с Хаузом 14 декабря ясно дал понять, что он намерен «сделать Лигу наций центральным пунктом всей программы, чтобы все остальное вращалось вокруг этого пункта. Как только это станет *fait accompli*¹, так почти сразу же исчезнут все серьезные затруднения». Вскоре выяснилось, что в такой же степени Вильсон расходится во мнениях с Орландо и Соннино относительно итальянских претензий. Беседы с Вильсоном рассеяли представления европейцев о нем как о холодном доктринере, не понимающем специфических трудностей Европы; тем не менее до соглашения еще было далеко. Ввиду близких личных отношений Хауза с Клемансо президент просил Хауза помогать в совещаниях с Клемансо. Ниже приводятся выдержки из дневника Хауза.

«15 декабря 1918 г. В течение часа происходило свидание Клемансо с президентом и со мною. Мне еще никогда не приходилось наблюдать, чтобы первая встреча оказалась столь успешной. Президент был великолепен в этой беседе как по существу, так и по форме, но и Клемансо не очень отставал. Ни один из них не сказал ничего такого, что вводило бы в заблуждение другого. Они просто не касались тем, которые породили бы споры... Потом я проводил Клемансо до выхода; он выразил большое восхищение беседой и личностью президента. Вернувшись наверх, я застал президента в не менее приятном настроении. Это было отрядным предзнаменованием успеха».

«19 декабря 1918 г. Я отправился в дом президента за 15 минут до приезда Клемансо для того, чтобы предложить метод, с помощью которого легко будет перевести беседу на вопрос о Лиге наций. Я считал, что для этого лучше всего начать с вопроса о свободе морей.

В течение полутора часов, которые мы провели вместе, почти все время говорил президент... Клемансо в умеренном

¹ *Fait accompli* — свершившийся факт (франц.). — Прим. перев.

ГЛАВА XXII

тоне выразил свое согласие с президентом. Он полагает, что следует попытаться создать Лигу наций, но он не уверен в успехе как в отношении ее формирования, так и в отношении ее работоспособности после сформирования...»

«26 декабря 1918г. Сегодня утром Клемансо известил меня, что хотел бы прийти повидаться со мною в первой половине дня. Я запросил, не могу ли я сам нанести ему визит. Придя в военное министерство, я застал Клемансо в состоянии возбуждения по поводу только что сделанного маршалом Фошем заявления относительно американских войск. По словам Фоша, Першинг сообщил ему, что по истечении четырех месяцев после подписания перемирия все американские войска будут отозваны из Франции. Я знал, что Першинг подобного заявления не делал. Он мог сказать только то, что по истечении четырех месяцев после подписания мира все наши войска будут отозваны из Франции.

Клемансо вполне удовлетворился этим завершением; для верности я снесусь об этом непосредственно с Першингом...

Долго беседовал с Гувером по вопросам оказания помощи. Оба мы пришли к выводу, что страны Антанты занимают совершенно невозможную позицию. Они делают положение Германии в мирных условиях еще более трудным, чем это было в условиях войны. Они ограничивают деятельность германского рыболовного флота; они требуют, чтобы германское золото не тратилось для уплаты за продовольствие, которое мы согласны ей послать; они устанавливают определенные зоны, где запрещают ввоз и вывоз предметов торговли. Мы не можем добиться от них согласия на оказание Вене помощи на условиях, которые позволили бы нам осуществить эту помощь. В Триесте у нас накопилось огромное количество продовольствия, но из-за чинимых ими препятствий его нельзя доставить в Вену».

Сейчас же после Рождества президент Вильсон отправился в Англию в качестве гостя короля; там он выступил с несколькими речами в провинции и совещался с членами британского правительства. Здоровье Хауза было хрупким, кроме того, он был поглощен экономическими и территориальными про-

СОЗЫВ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

блемами, усиленно изучавшимися тогда Исследовательским бюро. Поэтому он остался в Париже. Американская программа действий на конференции отнюдь не была облегчена огромным успехом избирательной кампании Ллойда Джорджа, построенной на таких лозунгах, как «Повесьте кайзера!» и «Пусть немцы заплатят до последнего пфеннига!». 29 декабря Клемансо разъяснил свою политику в палате депутатов, откровенно при этом провозгласив свою приверженность к старой международной системе равновесия держав, основанной на союзах; Франция, утверждал он, обретет свою безопасность скорее в этом, а не в том, что он, более чем с оттенком сатиры, определил как «благородную простоту» президента Вильсона. За политику Клемансо голосовало большинство, почти четыре к одному, а это, как писал Хауз в своем дневнике, было, «пожалуй, наихудшим предзнаменованием для успеха прогрессивных принципов на мирной конференции». К этому полковник добавлял: «Под свежим впечатлением английских выборов и принимая во внимание результаты последних выборов в Соединенных Штатах¹ худшей стратегической ситуации нельзя себе представить». Хауз считал, что Вильсон только в том случае сможет до конца настоять на своей политике, если он будет основываться на том факте, что уже во время заключения перемирия союзники приняли американские условия. «Без этого, — писал он в своем дневнике, — боюсь, что у нас будет весьма мало шансов достигнуть того, к чему мы стремимся всей душой».

Спустя два дня Хауз имел продолжительную беседу с Бальфуrom. В этой беседе он пытался добиться какого-нибудь соглашения относительно принципа свободы морей, который по договоренности с Ллойд Джорджем должен быть поднят на мирной конференции.

«31 декабря 1918 г. М-р Бальфур приехал из Лондона; днем он нанес мне визит и пробыл около двух часов. Мы всесторонне обсудили все фазы создавшегося положения и все вопросы,

¹ Успех республиканцев на этих выборах позволил им контролировать сенат и его комиссию внешних сношений.

ГЛАВА XXII

которые следовало бы включить в повестку мирной конференции...

В ответ на мои соображения (по вопросу о свободе морей) он мог возразить только, что принятие этого принципа лишило бы Англию той силы, которая позволяет ей искоренять зло, примером чему служит опыт нынешней войны с Германией. На это я ответил, что никто не станет возражать против того, чтобы Англия имела такой же большой военно-морской флот, какой она имеет и теперь, и что она сможет его использовать в тех случаях, когда Лига наций пожелает дисциплинировать государство, поставившее себя вне закона.

Он, по-видимому, соглашался со мной, что положение Великобритании будет лучшим при моей формуле, чем при формуле ее экстремистской «школы синих вод».

Он рассказал мне о беседе между ним, Ллойд Джорджем и президентом и о достигнутом между ними почти полном согласии. Я обрисовал мой план создания Лиги наций, который он как будто счел практичным и удовлетворительным. Он выразил надежду, что на следующей неделе мы встретимся с лордом Робертом Сесилем и выработаем какой-нибудь план действий. Сегодня вечером он отправляется на юг Франции, где он намеревается задержаться не более четырех-пяти дней».

«1 января 1919 г. Президент¹ очень подробно рассказал о своей беседе с Ллойд Джорджем, Бальфуrom, Бонар Лоу и другими; потом мы поговорили о речи Клемансо в палате депутатов...

Я посоветовал ему [Вильсону] сказать американскому народу, что так как на ноябрьских выборах народ дал республиканской партии мандат на законодательство, то, подчиняясь желанию избирателей, выраженному голосованием, он не станет делать депутатам указаний о законодательных мероприятиях, а предоставит им полную свободу исполнить волю народа. Я надеюсь, что президент согласится помочь советами

¹ Только что вернувшийся после визита в Великобританию.

СОЗЫВ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

и информацией, когда его об этом попросят, но при этом он непрестанно будет напоминать, что оппозиция держит в своих руках бразды законодательства и должна отвечать за последствия. По-настоящему республиканцы должны были бы теперь иметь в своих руках и исполнительный и законодательный органы правительства. Но так как по условиям нашей конституции это не совсем возможно, то в отношении законодательной деятельности главе исполнительной власти лучше всего подчиниться большинству...»

2

К Хаузу поступало много призывов о помощи от сражавшихся народностей, которые ждали от мирной конференции не только определения своих границ, но и практической помощи в борьбе за установление своей независимости. Наиболее волнующий призыв исходил от Падеревского, который в качестве премьер-министра Польши оказался под ударами извне в момент, когда вновь возродившееся государство раздиралось междоусобицей. Полковник Хауз питал к Падеревскому прочную привязанность, перешедшую в дружбу, которая после мирной конференции проявлялась при всяком удобном случае. В не меньшей степени восхищался Хауз и его способностями. Падеревский, писал он впоследствии, «собрал воедино куски развалившегося королевства и вылепил из них сильную и свободолюбивую республику. Он явился как представитель древнего народа, чьи горести и обиды пробудили сочувствие всего мира. Этот пианист, патриот и государственный деятель побуждал конгресс к чувству справедливости к его родине и искал у него помощи в осуществлении великой мечты. Его пылкое красноречие обеспечило возрождение Польши и новым светом озарило знаменитое имя».

Хауз настаивал перед президентом Вильсоном на необходимости официального признания польского государства и быстрого оказания ему всевозможной практической помощи со стороны заседавших в Париже союзников.

ГЛАВА XXII

Письмо премьер-министра Падеревского полковнику Хаузу¹

Варшава, 12 января 1919 г.

«Дорогой м-р Хауз!

Я несколько раз телеграфировал вам, но, очевидно, ни одно из моих обращений до вас не дошло.

Сегодня вечером американская продовольственная комиссия собирается выехать из Варшавы. Мое время крайне ограничено, и, к величайшему моему сожалению, я не смогу полностью обрисовать перед вами ситуацию, которая просто трагична. Подробности изложит вам г-н И. М. Городисский. Я хотел бы, однако, добавить несколько замечаний к его устному докладу, который, я уверен, будет точным.

Вопреки слухам, пущенным уже идущей на убыль прогерманской пропагандой, поляки ни разу не оказались нападающей стороной. Хотя они вполне законно претендуют... на Данциг как неперемненное условие их политической, торговой и экономической жизни, они с непоколебимым доверием уповают на исход мирной конференции и не намерены застигнуть врасплох ее делегатов каким-либо неожиданным *fait accompli*. Но может ли кто-нибудь требовать от них, чтобы они сохраняли спокойствие и не защищали себя, когда на них грубо нападают? Застигнутые врасплох жестокой украинской большевистской армией, женщины и дети Львова взяли за оружие и защитили город. В настоящий момент армия украинцев численностью примерно в 60 тыс., вооруженная и снаряженная немцами, предводительствуемая германскими и австрийскими офицерами под командованием австрийского эрцгерцога Вильгельма Габсбурга, стоит у ворот Львова, а число польских солдат, у которых не хватает провианта и боеприпасов, не превышает 18 тыс. В Познани на следующий день после моего приезда, во время шествия по улицам 10 тыс. школьников, какие-то группы пруссаков, главным образом офицеров, открыли огонь по мирной и безоружной толпе. Немало выстрелов было сделано по моим окнам и несколько

¹ В этом письме Падеревский сознательно искажает действительный ход событий и в провокационных целях называет войска украинской директории «большевистскими». — *Прим. ред.*

СОЗЫВ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

выстрелов в окно полковника Уэйда. При этом были пущены в действие разрывные пули «дум-дум». Были нанесены оскорбления американскому и британскому флагам. Подтвердить эти факты могут несколько очевидцев, в том числе офицеры британской миссии и я сам.

Несомненно, что все дело было организовано немцами для того, чтобы создать новые затруднения для мирной конференции. Нет также ни малейшего сомнения в том, что нынешнее спартаковское движение в Германии и большевистская революция в России связаны теснейшим образом. Они явно стремятся соединиться на нашей земле.

Большевистская армия уже взяла Вильно. Прямая угроза нависла над городами Гродно и Белосток. Через несколько дней захват этой части Польши станет свершившимся фактом.

Польша не может обороняться самостоятельно. У нас нет продовольствия, нет обмундирования, нет оружия, нет боеприпасов. У нас есть только солдаты, в лучшем случае 500 тыс. человек, готовых сражаться и защищать страну под руководством сильного правительства. Нынешнее правительство — слабое и опасное, оно почти исключительно состоит из радикал-социалистов.

Меня просили сформировать новый кабинет, но что могу я сделать, располагая лишь моральной поддержкой страны без материальной помощи союзников и Соединенных Штатов? Если есть какая-нибудь возможность получить для моей страны немедленную помощь, я бы предложил следующее:

1. Отправить коллективную ноту украинской директории в Киеве, адресованную гг. Петлюре, Винниченко и Швецу и предписывающую прекратить военные действия в Восточной Галиции и эвакуировать Бориславский округ, где находятся под угрозой значительные интересы американцев, англичан и французов.

2. Послать в Варшаву межсоюзную военную комиссию для того, чтобы изучить положение и рекомендовать способы оказания помощи.

3. Возможно скорее прислать немного артиллерии и как можно больше патронов к винтовкам германского образца.

ГЛАВА XXII

Если в этом деле произойдет затяжка, то вся наша цивилизация, быть может, перестанет существовать. И тогда война приведет к воцарению варварства во всей Европе.

Пожалуйста, простите за сумбурное изложение письма.

С самыми добрыми пожеланиями остаюсь крайне преданный, искренне ваш *И. И. Падеревский*».

Письмо полковника Хауза президенту

Париж, 21 января 1919 г.

«Дорогой начальник!

Прилагаю копию письма от Падеревского из Варшавы, которое мне только что лично вручили. Я считаю его требования умеренными и думаю, что вы должны побудить союзные правительства исполнить его пожелания.

Теперь, когда Падеревский сформировал в Польше правительство, которое, очевидно, пользуется поддержкой Пилсудского и других выдающихся лидеров, я предложил бы, чтобы вы от имени Соединенных Штатов немедленно признали это правительство как правительство де-факто. Я считаю, что в этом деле мы должны подать пример. Несомненно англичане ему последуют, тем более что они доставили Падеревского в Данциг на своем военном корабле.

Если союзные правительства и Соединенные Штаты согласны послать Польше оружие, боеприпасы и военное снаряжение, я бы предложил, чтобы вы поручили генералу Першингу возложить это дело в той мере, в какой оно касается Соединенных Штатов, на одного из его наиболее опытных офицеров¹.

Преданный вам *Э. М. Хауз*».

¹ 29 января Верховный совет мирной конференции заслушал польское представление, сделанное Дмовским, который вместе с Падеревским в качестве польского делегата был допущен на мирную конференцию. Совет командировал в Польшу межсоюзную миссию для изучения положения и представления доклада. Совет позаботился также о перевозке через Германию из Франции польской армии генерала Галлера. Получив такое подкрепление, поляки разбили украинцев в Восточной Галиции, которую впоследствии Польша была уполномочена оккупировать.

СОЗЫВ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

3

Во время посещений президентом Вильсоном Англии и Италии Хауз, по предложению президента, продолжал подготовку к мирной конференции. Он обсуждал этот вопрос с м-сье Тардье, общепризнанным главным помощником Клемансо, и с м-ром Бальфуrom. Много раз Хауз беседовал с м-ром Уикхэмом Стидом, статьи которого в газете «Дейли мейл» имели большое значение не только потому, что Сид хорошо разбирался в континентальной политике, но и потому, что за этими статьями стояла мощь прессы Нортклифа. Оба они, и Сид и Нортклиф, считали, что Лига наций должна явиться центральным пунктом мирного соглашения. Хауз одобрял план Стида о том, чтобы Лига приступила к работе сразу же на основе уже действовавших межсоюзных организаций. Хауз считал, что под руководством секретариата эти организации смогут в мирное время сослужить человечеству службу, которая укрепит Лигу и сделает ее способной предотвратить войну. Хауз соглашался с тем, что устав Лиги должен быть прост, ибо ее жизненность и успех в большей мере зависят от проникающего ее духа, чем от ее аппарата или формулировок ее устава. Далее он одобрял идею изучения проблем мира с помощью комиссий экспертов, что и составляло характерную черту плана Стида.

«Единственное достоинство этого плана, — писал Сид, — заключается в его простоте. Недостаток плана состоит в том, что он не учитывает личного честолюбия и тщеславия политических деятелей. В общих чертах план предусматривает: чтобы с самого начала на основе самоограничения был установлен регламент, который не допускал бы красноречия; чтобы вопрос о создании Лиги наций стоял первым в повестке конференции; чтобы после достижения соглашения по этому пункту немедленно было бы сформировано ядро Лиги наций, составленное из различных межсоюзных организаций, возникших во время войны, как, например, Совет морских перевозок, Комитет по пшенице и других организаций, состоящих из людей, которые уже

ГЛАВА XXII

приобрели привычку работать на общую пользу в международном масштабе; чтобы сообща с ними работали некоторые политические советники и признанные знатоки международного права и, наконец, чтобы этому органу, поручалось беспристрастное изучение всех вопросов, не поддающихся немедленному разрешению. Я считаю необходимым, чтобы Лига наций развивалась постепенно, а не была бы «изготовлена»; чтобы мирная конференция лишь посадила в землю желудь, а не пыталась сразу вырастить развесистый дуб и чтобы в рамках установленной с самого начала структуры устав или конституция Лиги развивались в свете опыта, а не были заранее начертаны теоретиками. План предусматривает также немедленное назначение комиссий экспертов по важнейшим вопросам мирного соглашения, причем этим комиссиям надлежало бы в определенные сроки представить доклады главам союзных и присоединившихся правительств, а самую суть своих докладов оформлять в виде отдельных статей мирного договора. Главы правительств не должны участвовать в работах комиссий экспертов, а лишь заседать в качестве верховного трибунала, принимающего решения по спорным вопросам, в соответствии с условиями перемирия и с декларированными военными целями союзников. По завершении подобной работы текст договора должен быть сообщен бывшим неприятельским правительствам и подписан, причем разрешение важнейших вопросов, еще изучаемых эмбриональной Лигой наций, следует отложить для дальнейшего оформления в виде дополнений к основному договору.

В заключение полковник Хауз попросил меня изложить в общих чертах наиболее идеальное, в моем представлении, решение самых неотложных проблем мира; при этом я убедился, что его взгляды в значительной мере совпадают с моими»¹.

В самом деле, план Стида немногим отличался от идеи Хауза о заключении немедленного предварительного мирного договора. Но при этом полковник признавал необходимым

¹ *H. Wickham Steed, Through Thirty Years, v. II, pp. 264—265.*

СОЗЫВ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

поскорее достигнуть соглашения о некоторых принципах мирного договора, которые нельзя было откладывать до дальнейшего рассмотрения в Лиге, особенно в вопросах о репарациях, о французской безопасности и об итальянских устремлениях в Адриатике.

Хауз настаивал, что от Германии можно требовать уплаты только того, что было установлено в соглашении, предшествующем перемирию: компенсации «за все убытки, причиненные гражданскому населению союзников и их имуществу агрессией Германии на суше, на море и с воздуха». Практически он считал бесполезным пытаться исчислять эти убытки. Несомненно, что убытки были больше того, что Германия могла бы уплатить без разрушения экономической организации Европы и поощрения германской торговли за счет самих союзников. Весь мир только выиграл бы, если бы Германия сразу уплатила своими ликвидными средствами; вот почему Хауз требовал признания этого факта конференцией. Если бы союзники согласились на сумму, которую, по мнению их банкиров, Германия могла уплатить, тогда бы Америке было выгодно дать согласие на списание части военных долгов не потому, что на Соединенных Штатах лежали какие-либо моральные обязательства, а просто исходя из принципа, что с деловой точки зрения долги, которые нельзя взыскать, благоразумнее списать. Далее необходимо было убедить французов, что национальную безопасность могла бы с таким же успехом обеспечить Лига наций, а это дало бы им возможность демобилизовать армию и избежать больших расходов на ее содержание, в то время как политика аннексий истощила бы их казну в такой момент, когда все их ресурсы нужны им для восстановления опустошенных районов. Что касается претензий итальянцев, то все зависело от того, удастся ли Вильсону заставить их признать, что действительность тайных договоров аннулирована предварительным соглашением о перемирии, по которому были признаны принципы «Четырнадцати пунктов».

Хауз вел продолжительные совещания с экспертами делегации Соединенных Штатов и со многими европейцами

ГЛАВА XXII

об экономической и финансовой сторонах мирного соглашения.

«4 января 1919г. Мы с Гувером, — писал Хауз в своем дневнике, — вели долгую беседу о продовольственном положении и о ситуации в целом. Как всегда, он смотрит на вещи мрачно, но и я должен признать, что дела выглядят неважно. Все свидетельствует о том, что союзники все больше утверждают в своем намерении не возвращать нам денег, которые мы дали им займы. И во Франции и в Англии приходится слышать доводы, что мы должны полностью уплатить свою долю в общем военном долге союзников, что мы должны были вступить в войну гораздо раньше и что их борьба являлась также и нашей борьбой. Что касается меня, то я с этим никогда не был согласен. Я всегда считал, что Соединенные Штаты достаточно сильны, чтобы самим позаботиться о себе; мы никогда не боялись немцев, и мы бы не стали их бояться, даже если бы Франция и Англия были опрокинуты. Допускаю, что для нас настало бы напряженное время и, по всей вероятности, нам пришлось бы вступить в войну. Но мне никогда не казалось вероятным, что мы когда-либо можем опасаться, будто немцы способны победить нас или господствовать над нами».

«6 января 1919 г. Сегодня утром я говорил моим сотрудникам, что финансовые и экономические вопросы будут возникать перед нами на каждом шагу, поэтому нам, пожалуй, следовало бы заняться ими вплотную и договориться с нашими коллегами от союзных правительств. Просматривая отчет генерала Мак-Кинстри о предпринятом им расследовании... я подумал, что мы начали дело не с того конца. Если мы пойдем по линии, которой придерживаются французское, бельгийское и другие союзные правительства, то окажется, что Германия не сможет подписать мир, оставляющий неясным объем ее обязательств, подлежащих определению в зависимости от будущего подсчета суммы репараций. Это нехорошо для Германии, да и для нас тоже. Германия не может приспособить свои финансы к платежам по неопределенным обязательствам. Поэтому казалось наиболее разумным установить, сколько Германия может уплатить в приемлемый срок, а затем пре-

СОЗЫВ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

доставить союзникам решить между собою, какую долю этой суммы должен получить каждый из них. Мои сотрудники согласились с этим.

Далее я предложил устроить в начале следующей недели завтрак и пригласить французов, англичан и итальянцев, включая их министров финансов, чтобы откровенно поговорить по вопросу о репарациях и финансах. Нам приходится считаться с возрастающим требованием союзников о том, чтобы Соединенные Штаты не только спасали следуемые нам с них суммы, но и помогли союзникам заплатить их собственные долги...

Во время войны народ охотно платил повышенные налоги. Это делалось ради самосохранения. К тому же заработки также были высоки. Но сегодня дело обстоит совершенно иначе, и если Англия, Франция и Италия попытаются обложить свои народы такими налогами, которые необходимы для покрытия бюджетных расходов, то сюда, естественно, войдут и проценты по государственным долгам. Я уверен, что будет большой скандал. Я хочу поступить в этом деле великодушно и сочувственно, но я не желаю, чтобы Соединенные Штаты очутились в невозможном и неудовлетворительном положении».

«7 января 1919 г. Клемансо и президент¹ — оба известили меня, что будут у меня в пять часов. Сперва пришел президент; в моей приемной он встретился с остальными членами американской мирной делегации. Едва мы начали нашу беседу, как приехал премьер-министр. Я извинился перед президентом Вильсоном и делегатами и пригласил Клемансо в другую комнату, там мы имели один из наших душевных разговоров. Я убедил его, мне кажется впервые, в том, что Лига наций вполне отвечает интересам Франции. Я обратил его внимание на то обстоятельство, что перед войной Германия была великой военной державой, но что к востоку от нее существовала Россия — тоже великая военная держава. Теперь же на европейском континенте существовала только одна великая военная держава — Франция. Поскольку дело касается континента, нет больше вопроса о равновесии сил, так как

¹ Только что возвратившийся из Италии.

ГЛАВА XXII

Россия исчезла, а Германия и Австрия опрокинуты. То, что ясно мне и ему, неизбежно должно быть ясно Англии. Англичане всегда поддерживали ту или другую европейскую державу, для того чтобы установить равновесие. Англичане отнесутся неблагоприятно к нынешней ситуации.

В нынешней войне Англия добровольно пришла на помощь Франции. Ничто ее к этому не принуждало. Соединенные Штаты тоже действовали без принуждения. Я спросил, не почувствует ли себя Франция при данных обстоятельствах в большей безопасности, если Англия и Америка будут поставлены в такое положение, когда они будут обязаны прийти на помощь Франции в случае, если ее попытается раздавить еще какая-нибудь страна, вроде Германии. Если оставить все по-старому, Францию всегда будут преследовать тени и призраки новой войны. Если она не воспользуется тем шансом, который Соединенные Штаты предоставляют ей в виде Лиги наций, он уже никогда не повторится, ибо никогда больше такая возможность не представится. Вильсон — идеалист, но наш народ не целиком так настроен. Вильсон сумеет настоять на своем потому, что, несмотря на весь шум и треск в сенате, сенаторы не посмеют отвергнуть договор, заключенный по соглашению с союзниками, и тем самым в одиночку очутиться перед необходимостью продолжать войну с Германией или же заключать сепаратный мир.

Старый «Тигр», видно, все это понял и зажегся. Он опустил руки мне на плечи и сказал: «Вы правы. Я — за Лигу наций, какою вы ее задумали, и вы можете положиться на меня в том, что я буду работать вместе с вами».

После этого мы приступили к обсуждению экономических проблем Франции и тех реальных трудностей, которые стояли перед Клемансо. Над страной навис огромный долг, проценты по которому можно уплатить только с помощью чрезвычайных налогов. После войны заработная плата неизбежно должна понизиться, а налоги — повыситься. Это может привести чуть ли не к восстанию. Для того чтобы справиться с такой деликатной и опасной ситуацией, надо было составить какой-то план. Рибо и другие выступали с несуразными предложения-

СОЗЫВ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ми, поэтому я просил Клемансо пустить в ход свое влияние, чтобы покончить с подобными проектами¹. Они причиняют вред Франции и могут в конечном счете настроить против нее американцев.

Я выразил надежду, что Клемансо извинит меня за то, что я затрагиваю внутренние проблемы Франции, к которым мы имеем лишь косвенное отношение. Старик ответил: «Я считаю вас братом и хочу, чтобы вы говорили мне все, что вы думаете; тогда мы будем работать вместе так, словно бы мы являлись членами одного и того же правительства». При таких отношениях не могло быть никаких разногласий между Францией и Соединенными Штатами».

4

Величайшая ошибка политических лидеров, начавших съезжаться в Париж в начале второй недели января 1919 г., состояла в том, что они не сумели подготовить план работы. Возможно, что такую ошибку следовало ожидать, ибо эти люди отнюдь не были одарены организаторским талантом. Клемансо, Ллойд Джордж и Вильсон содействовали победе союзников в такой же мере, как и военные лидеры, но их вклад выражался не в административных способностях, а в том, что они возглавили народы.

Было, правда, подготовлено несколько очень старательно продуманных планов, которые должны были систематизировать работу мирной конференции, и любой из этих планов в огромной мере способствовал бы ее успеху. Из них наиболее известен план, составленный под руководством Тардье, присланный послом Жюссераном для изучения президенту Вильсону на борт «Джорджа Вашингтона»². Эта программа была составлена логично, и если бы ее провели

¹ Речь шла о требовании, чтобы Соединенные Штаты аннулировали военные долги, а Франция в то же время взыскала непомерные репарации и аннексировала левый берег Рейна.

² *Baker, Woodrow Wilson and World Settlement*, v. III, p. 56—63. План был пересмотрен и составлен в виде конспекта в январе. См. *Тардье*, Мир, стр. 78—80.

ГЛАВА XXII

в жизнь, то она, вероятно, ускорила бы работу конференции. Кроме того, она содержала крайне существенное положение, что мирный договор должен быть основан на предварительном соглашении о перемирии, важности которого, по-видимому, не оценил и сам Вильсон. Программа Тардые непосредственно и совершенно точно связывала подлежащие обсуждению вопросы с различными положениями «Четырнадцати пунктов», включала в себя американскую доктрину о том, что с Германии можно потребовать репараций только в пределах прямого убытка, причиненного германским нападением. «Если отвлечься от актов торпедирования, от которых преимущественно пострадал британский флот, — гласил текст французского плана, — одни только Бельгия и Франция имеют право на возмещение убытков, понесенных ими в результате систематического опустошения». Если бы это положение было принято с самого начала, тогда удалось бы избежать всех последующих споров о включении косвенных военных расходов и пенсий в репарационные статьи договора.

Полковник Хауз держал тесную связь с Тардые и в целом относился к его планам сочувственно. Он лишь опасался обострения вопроса о Лиге наций, так как предполагалось, что французы либо равнодушны, либо же настроены против включения устава в договор. По этому поводу Тардые заверил Хауза, что никаких трудностей не возникнет. 8 января Хауз писал в своем дневнике следующее: «Пришел Тардые, чтобы поговорить о методе работы на заседании, которое состоится в воскресенье. Мы достигли соглашения о том, какое место в повестке дня должна занять Лига наций».

Между тем главы правительств не пожелали и во всяком случае ничего не сделали для систематической подготовки к проблемам, стоявшим перед конференцией. Тардые приписывает это равнодушие англосаксонскому темпераменту. «Многообразие вопросов, — пишет он, — требовавших внимания глав делегаций, а также инстинктивное отвращение англосаксов к систематическим построениям латинского ума помешали принять наше предложение, которое лишь

СОЗЫВ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

частично должно было помочь направлению работы. Конференция создавала различные органы один за другим вместо того, чтобы заранее построить их целиком»¹. По мнению Уикхэма Стида, если бы Хауз был здоров, он смог бы существенно помочь в подготовке необходимой организации. «Конференцию постигла серьезная неудача, оказавшаяся катастрофической, — писал он, — вследствие болезни полковника Хауза. Острый приступ инфлюэнцы лишил его работоспособности в критический период начала работы. Поэтому его направляющее влияние не чувствовалось тогда, когда оно было наиболее необходимо, а к тому времени, когда он выздоровел, дело зашло слишком далеко и уже не поддавалось исправлению»².

Болезнь Хауза продолжалась почти две недели и была настолько серьезной, что послужила поводом для слухов о его смерти; на его долю выпал необычный опыт — читать посвященные ему некрологи и панегирики. В течение этих двух недель, 18 января, было созвано первое пленарное заседание мирной конференции. Премьеры и министры иностранных дел пяти главных держав, собравшись в качестве Верховного совета, образовали орган, названный впоследствии Советом десяти. Он действовал в качестве верховной инстанции по всевозможным вопросам, касавшимся мероприятий в разных частях Европы, а также самого мирного соглашения в целом. Совет десяти заслушивал претензии малых наций, зачастую не особенно хорошо в них разбираясь. На этих заседаниях было безрассудно потрачено немало времени и престижа. «Вскоре стало известно, — писал Сид, — что они наделали грубых ошибок и еще хуже было то, что различные депутации, которые они коллективно допрашивали, стали свидетелями невежества Совета... Так как с самого начала «хозяева» запутались в перипетиях дискуссии, то не осталось возможности прини-

¹ *Тардьё*, Мир, стр. 80. Бэйкер приписывает оппозицию Вильсона французскому плану тому опасению, что это отвлекло бы внимание от Лиги наций. Эта теория не убедительна, поскольку Тардьё согласился с Хаузом, что вопрос о Лиге должен рассматриваться первым.

² *Steed*, *Through Thirty Years*, v. II, p. 266.

ГЛАВА XXII

мать решения по спорным вопросам; те, кто должны были явиться верховными судьями, растратили свои силы и влияние на возню по мелочам»¹.

Президент и другие лица, наблюдавшие Совет десяти за работой, держали в курсе дел Хауза, прикованного к постели. 21 января он писал в своем дневнике: «Если не сделают так, чтобы сплотить делегатов и заставить их работать, как было в прошлом году², то я боюсь, что заседания будут тянуться бесконечно». Уже на следующий день он записывает: «Сегодня приходил ко мне с визитом президент, он рассказал, что происходило на заседании на Кэ д'Орсе. Насколько я понимаю, они ничего не могут добиться главным образом из-за недостатка организованности». В тот же день Уайзмэн писал в своем дневнике: «Виделся с Хаузом. Мы говорили о том, каким медленным темпом движется конференция, и оба соглашались относительно абсолютной необходимости назначения комиссий для рассмотрения различных вопросов. Хауз просил меня составить для него по этому вопросу записку. Я предложил проконсультироваться с Тиррелом; Хауз согласился».

Сам Вильсон еще больше раздражался задержкой, происходившей из-за разбора дел на заседаниях Совета десяти. Однажды днем, выйдя из кабинета Пишона на Кэ д'Орсе, где Совет продолжал свои препирательства, он выразил двум американским техническим советникам свое раздражение по поводу бесцельности выслушивания изо дня в день всяких путаных претензий. «Почему бы вам не собраться с прочими экспертами, — спросил он, — и не представить совместные рекомендации о границах? Совет одобрит любое наше согласованное предложение». Это точно совпадало с мнением Уайзмэна и Хауза. Президент повторил Хаузу свое желание организовать комиссии для специального изучения возникших вопросов, и уже через несколько дней эта работа была начата.

¹ *Steed, Through Thirty Years*, v. II, p. 270.

² Очевидно, это относится к Межсоюзной конференции, заседавшей в ноябре — декабре 1917 г.

СОЗЫВ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Письмо полковника Хауза президенту

Париж, 7 февраля 1919 г.

«Дорогой начальник!

Прилагаю копию предложений, которые, если вы их одобрите, должны быть — как считают ваши экономические советники, адмирал Бенсон, Барух, Мак-Кормик, Дейвис и Гувер — выдвинуты вами сегодня днем на заседании Верховного военного совета от имени Соединенных Штатов.

На заседании эти предложения, вероятно, встретят оппозицию. Я просил наших экономических экспертов не расходиться, с тем чтобы они были в вашем распоряжении, когда дискуссия коснется этих вопросов.

Преданный вам Э. М. Хауз».

На другой день по предложению президента Вильсона Верховный совет принял эти предложения в следующем виде:

«I. При существующих условиях многие, не имеющие в основном военного характера вопросы, которые возникают повседневно и которые с течением времени неизбежно будут приобретать все большее значение, должны решаться от имени Соединенных Штатов и союзников гражданскими представителями этих стран, имеющими опыт в таких вопросах, как финансы, продовольствие, блокада, перевозки и сырье.

II. Для осуществления этого в Париже должен быть учрежден Верховный экономический совет, который будет заниматься такими делами в период перемирия. Этот Совет поглотит или заменит те ныне существующие межсоюзные органы с их прерогативами, какие он в тот или иной момент сочтет необходимым. В Экономический совет будут входить не более чем по пять представителей от каждого заинтересованного правительства.

III. В существующую Постоянную международную комиссию по перемирию должны быть дополнительно введены по два гражданских представителя каждого правительства, которые будут консультироваться с союзным верховным командованием и могут также докладывать непосредственно Экономическому верховному совету».

ГЛАВА XXIII

Так развивалась организация работы мирной конференции. Верховный совет был избавлен от значительной части исполнительных функций. Специальным комиссиям были поручены территориальные проблемы. Другие комиссии занимались репарациями, международным законодательством о труде, международным контролем над портами, водными путями и железными дорогами, военными, морскими и авиационными вопросами. Из всех комиссий президент, вполне естественно, особое значение придавал комиссии по вопросу о Лиге наций. Обстоятельства, приведшие к ее образованию, и характер ее работы заслуживают специального изучения.

ГЛАВА XXIII СОСТАВЛЕНИЕ УСТАВА¹

Невозможно было слушать документ, который зачитывал президент Вильсон... не ощущая при этом, что всемирные проблемы поднимаются на новые высоты.

*Из статьи Уикхэма Стида в парижском издании газеты
«Дейли мейл» от 15 февраля 1919 г.*

1

С момента прибытия в Европу президент Вильсон ясно выразил свое убеждение в том, что вопрос о Лиге наций должен быть центральным на мирной конференции. По мнению президента, создание Лиги наций должно было явиться выдающимся достижением, отличающим данное мирное соглашение

¹ В настоящей главе тема, обозначенная в ее заголовке, затрагивается лишь по материалам архива Хауза. Я весьма обязан за ценнейшую информацию и разъяснение этой темы м-ру Дэвиду Хонтеру Миллеру, чьи обширные познания в данном вопросе, пожалуй, несравнимы с познаниями кого-либо из ныне живущих знатоков или участников этого дела. Его труд «The Drafting of the Covenant» (2 тома, изд. «Путнэм», 1928 г.) является источником авторитетной информации по этому вопросу.

СОСТАВЛЕНИЕ УСТАВА

от всех прошлых, которые неизменно приводили к соперничеству между государствами и войнам. Вильсон утверждал, что, сколь бы удовлетворительны ни были мирные договоры в территориальном и экономическом отношении, они не смогут оградить будущий мир, если не предусмотрят создания Лиги.

Еще на борту парохода «Джордж Вашингтон», приближавшегося к берегам Франции, президент беседовал однажды утром о предстоящей конференции и о Лиге наций с группой американских экспертов по экономическим и территориальным вопросам. Сущность его высказываний и некоторые его дословные выражения были записаны доктором Исайей Боумэнном, руководящим сотрудником Исследовательского бюро.

Президент прибыл в Европу исполненный решимости дать бой, если понадобится, за новый международный строй, и Лигу он рассматривал как необходимый краеугольный камень грядущего международного режима. Немедленно по приезде в Париж он вызвал к себе полковника Хауза для обсуждения вопроса о пересмотре проекта устава, который был написан предыдущим летом в Вашингтоне и был основан главным образом на проекте, составленном Хаузом в Магнолии. Вильсон все еще имел в виду ту самую задуманную им пять месяцев тому назад организацию Лиги, которая действовала бы через Совет, составленный из послов или посланников в столице одной из малых держав, Швейцарии или Голландии. К своему плану президент добавил одну новую и важную мысль, а именно принцип мандатов, согласно которому Лига должна стать «опекуном наследства», оставшегося от турецкой и германской колониальных империй, и должна управлять ими в первую очередь для блага населения отсталых территорий, принадлежавших раньше этим империям. Идея опеки над отсталыми народами была не нова. Ее выдвигали многие публицисты, писавшие о колониальных проблемах. Годом раньше она была включена в докладную записку о Месопотамии, представленную 1 января 1918 г. Джорджем Луисом Биром в Исследовательское бюро полковника Хауза; вероятно, эта докладная записка была составлена в связи с подготовкой тех материалов, которые Хауз передал президенту Вильсону в период формули-

ГЛАВА XXIII

рования «Четырнадцать пунктов». По словам Дж. Т. Шотуэлла, эта докладная записка, «кстати сказать, содержит первый проект учреждения «мандата» в том смысле, в каком этот термин в конечном счете был употреблен в договоре. Во всяком случае Биру ни тогда, ни впоследствии неизвестно было о существовании какого-нибудь более раннего определения термина в том техническом смысле, в каком он был принят окончательно»¹. Если не термин, то сама идея появляется в пятом из «Четырнадцать пунктов», хотя ни полковник Хауз, ни президент не включили этого в свои первые проекты устава.

В комментарии к «Четырнадцать пунктам», составленном Хаузом ко времени совещаний, предшествовавших перемирию, принцип мандата был развит в связи с пунктом V и в связи с будущей судьбой земель Турецкой империи². «Принцип, заключенный в этом предложении, состоит, по-видимому, в том, что колониальная держава действует не как владелец своих колоний, а как попечитель туземцев и интересов сообщества наций, и что условия, на которых осуществляется колониальное управление, являются международным делом и могут на законном основании стать объектом международного расследования...»

Так телеграфировал Хауз Вильсону в октябре, и это, по-видимому, запечатлелось в его уме как нечто пригодное для устава Лиги. Многие авторы высказывали предположение³, что президент заимствовал идею мандата из знаменитой брошюры генерала Смэтса после приезда в Европу. Между тем эта брошюра была опубликована лишь 16 декабря, а Вильсон еще 10 декабря, находясь на борту «Джорджа Вашингтона», выражал надежду, что территории, отобранные у турецкой и германской колониальных империй, станут собственностью Лиги. «Ничто так не стабилизирует организации, — сказал он, —

¹ Shotwell, George Louis Beer (изд. Макмиллан, 1924 г.), стр. 86.

² Несомненно, что Липпман, являвшийся секретарем Исследовательского бюро и вместе с Коббом выработавший комментарий к «Четырнадцать пунктам», заимствовал это у Бира.

³ В том числе *R. S. Baker, Woodrow Wilson and World Settlement*, v. 1, pp. 224-225.

СОСТАВЛЕНИЕ УСТАВА

как обладание собственностью». Он доказывал, что эти территории должны управляться не великими державами, а малыми государствам»¹. Кроме того, генерал Смэтс исключал германские колонии из этой системы, предлагая ее для «территорий, ранее принадлежавших России, Австро-Венгрии и Турции». Стоит, однако, отметить, что, хотя идея мандата появилась у Вильсона независимо от брошюры Смэтса, все же фразеология новых статей, определявших принцип мандата, которые президент собирался включить в свой пересмотренный проект устава, была почти дословно заимствована у Смэтса.

Президент Вильсон задумал еще несколько дополнений и изменений в своем проекте устава. 16 декабря он говорил с Хаузом об идее создания международной организации труда и спрашивал его, нельзя ли что-нибудь сделать или сказать на мирной конференции о том, чтобы продолжительность рабочего дня во всем мире была сведена максимум к восьми часам в сутки. Президент сказал, что этот вопрос совершенно не касается мирной конференции, но спрашивал, нельзя ли все-таки его поставить. Впоследствии эта идея вылилась в форму создания Международного бюро труда под руководством Лиги. Президент обсуждал с Хаузом также вопрос о создании Исполнительного совета, который позволил бы преодолеть главное затруднение в его первоначальных планах, по которым великие державы оставались на положении постоянного меньшинства, в то время как ответственность за сохранение Лиги лежала на них. Учреждение Исполнительного совета обеспечило бы контроль за великими державами, хотя этот контроль и был бы ограничен общим собранием делегатов. В предварительном проекте устава, представленном Хаузу 30 ноября 1918 г., Дэвид Хонтер Миллер выдвигал идею Совета, избранного делегатами для урегулирования всех нерешенных споров. План генерала Смэтса, опубликованный 16 декабря, предусматривал постоянный Совет, действующий в качестве «исполнительного

¹ Из заметок автора от 10 декабря 1918 г. См. также памятную записку д-ра Боумэна, стр. 220.

ГЛАВА XXIII

комитета Лиги» и докладывающий об урегулировании споров. Эту мысль Вильсон заимствовал фактически без изменений.

Вильсон сделал еще два добавления, не заимствованные им ни у Исследовательского бюро полковника Хауза, ни у генерала Смэтса. Одним из них была статья, требовавшая, чтобы новые государства предоставили равноправие расовым и религиозным меньшинствам, подлежащим их юрисдикции. Другое добавление предусматривало статью, объявлявшую «дружественным правом» каждого из договаривающихся государств обращать «внимание собрания делегатов на любые обстоятельства, где бы они ни имели места, угрожающие нарушить международный порядок или же доброе согласие между государствами, от которого зависит мир». Это было особенно характерно для вильсоновского понимания духа Лиги; впоследствии он определял статью XI окончательного текста устава, выражавшую сущность этого условия, как свою «любимую статью». Находясь на борту «Джорджа Вашингтона», Вильсон выражал горячую надежду, что будущее международное сообщество позволит любой нации «ввязаться» (его собственное выражение), когда будет угрожать беда. Больше не должно быть «частных драк», утверждал он¹.

Продумав все эти изменения и добавления, президент Вильсон, вернувшись из Италии, спешно переделал свой вашингтонский проект устава. 8 января он пригласил Хауза на обед, чтобы поговорить об этих изменениях. Новый документ, который для удобства мы будем называть первым парижским проектом, хотя и включал в себя многое из вашингтонского проекта, а также из проекта, составленного Хаузом в Магнолии, содержал изменения, о которых президент советовался с Хаузом. Содержал он и такое изменение, которого Хауз не одобрял: в нем было опущено условие о принудительном арбитраже. В этом отношении, как и во многих других, очевидным было влияние генерала Смэтса, равно как и плана Фил-

¹ Из заметок автора от 10 декабря 1918 г.

СОСТАВЛЕНИЕ УСТАВА

лимора, который к этому времени Вильсон внимательно изучил. На обеде, происходившем 8 января, президент согласился с тем, чтобы Хауз переговорил о новом проекте с англичанами. «Он гораздо лучше проекта, составленного в Магнолии», — писал Хауз в своем дневнике.

Президент уполномочил Хауза показать новый проект лорду Роберту Сесилю, который у англичан ведал вопросами Лиги наций, рассчитывая согласовать все расхождения между этим проектом и английским планом и таким образом представить совместный англо-американский проект. Между тем 9 января Хауз заболел и почти полмесяца не мог вести переговоры. По предложению Хауза эту работу предпринял Дэвид Хонтер Миллер, который с той поры стал поддерживать тесную связь с англичанами и влияние которого на язык устава становилось все более значительным. Располагая комментариями и критическими суждениями Лансинга, Блисса и Миллера, президент Вильсон приступил к новой переделке проекта устава, законченной им к 20 января. Так появился его второй парижский проект¹.

Тем временем английский проект был закончен и отослан полковнику Хаузу; 19 января он препроводил президенту копию этого документа. Оказалось, что английский план не включал представителей малых держав в Совет Лиги, а равно не предусматривал установления системы мандатов; он содержал пункт о постоянном международном судебном трибунале, который Вильсон пока еще отвергал, и устанавливал отдельное представительство британских доминионов и Индии. Ни вильсоновский второй парижский проект, ни английский проект не предусматривали какого-либо порядка принудительного арбитража, который позволил бы определять акты агрессии. «Хауз полагает, — писал Уайзмэн 19 января, — что наброски проектов президента и Сесилия неудачны, потому что они не настаивают на принудительном арбитраже».

¹ Этот проект был представлен сенату как вильсоновский первоначальный проект устава.

Письмо полковника Хауза президенту

Париж, 19 января 1919 г.

«Дорогой начальник!

Я предлагаю, чтобы на сегодняшнем вашем вечернем совещании с лордом Робертом Сесилем вы воспользовались возможностью выяснить его взгляды относительно формы и содержания резолюции, которая должна быть внесена на конференцию относительно передачи подготовки устава Лиги наций в особую комиссию.

Этой резолюции я придаю огромное значение. Она должна быть так составлена, чтобы обеспечить минимальную дискуссию при принятии того, что мы считаем жизненно необходимым. Положения, которые могут вызвать споры, должны быть оставлены для обсуждения в комиссии. По принятии резолюция должна быть обнародована в виде торжественной декларации конференции. Весь мир ждет заявления по этому вопросу; нам не следует желать упоминания этого вопроса иначе как в резолюции, содержащей в основном следующие положения. Пункты обязательств не должны быть сложными, и если вы пожелаете, то я берусь их сформулировать.

1. Для поддержания всеобщего мира, ради установления которого ныне собрались объединенные государства, необходимо, чтобы на конференции была создана Лига наций, имеющая свою постоянную организацию и регулярные собрания членов.

2. Лига наций должна способствовать прочному установлению соглашений о международном праве как о действенных правилах поведения между правительствами и утверждения справедливости и добросовестного уважения всех международных обязательств в отношениях между организованными народами.

3. Лига наций должна обеспечить гласную дипломатию

СОСТАВЛЕНИЕ УСТАВА

путем скорейшего и полного опубликования всех международных соглашений¹.

При сем конфиденциально препровождаю вам копию проекта договора (устава Лиги), подготовленного лордом Робертом Сесилем и врученного мне сэром Уильямом Уайзмэном. Я отметил статьи, которые, по-моему, представляют особый интерес.

Преданный вам Э. М. Хауз».

В результате совещания с Сесилем президент Вильсон одобрил подготовленные англичанами резолюции, которые оказались более четкими, чем резолюции, содержащиеся в письме Хауза, хотя в английских резолюциях тоже говорилось о необходимости немедленного создания Лиги как составной части всеобщего мира. На следующий день после дискуссии в Верховном совете, происходившей 21 января, Совет одобрил эти резолюции с незначительными редакционными изменениями и дополнениями, предложенными президентом. Предполагалось, что при вынесении резолюции на рассмотрение пленарного заседания Вильсон обрисует проблему Лиги в целом.

25 января мирная конференция собралась, чтобы заслушать выступление президента в защиту Лиги. Не встретив какой-либо оппозиции, резолюции, предложенные англичанами с поправками Вильсона и одобренные Советом, были приняты в следующем виде:

Резолюции мирной конференции о Лиге наций

Париж, 25 января 1919 г.

1. Для поддержания всеобщего мира, ради установления которого ныне собрались объединенные государства, необходимо создать Лигу наций, которая содействовала бы междуна-

¹ Как гласит меморандум Уайзмэна, это письмо было составлено им вместе с Миллером и Очинклоссом. К этому Уайзмэн добавляет: «Хауз предложил, чтобы на конференции кто-нибудь внес предложение о том, чтобы стороны обязались никогда больше не принимать участия в мировой войне. Интересно было бы посмотреть на человека, который посмел бы первым выступить против такого предложения».

ГЛАВА XXIII

родному сотрудничеству, обеспечивала бы выполнение принятых международных обязательств и создала бы гарантии против войны.

2. Эта Лига должна быть создана¹ как нераздельная часть всеобщего мирного договора и должна быть открыта для всех цивилизованных государств, на которых можно положиться в содействии целям Лиги.

3. Члены Лиги должны периодически собираться на международные конференции и должны иметь постоянную организацию и секретариат для ведения дел Лиги в промежутке между конференциями.

В соответствии с этим (Парижская) конференция назначает комиссию, представляющую объединенные правительства, для выработки в деталях конституции и функций Лиги².

¹ В протоколе пленарного заседания и в стенограммах комиссии стоит слово «treated» («рассматриваться»), в таком виде текст воспроизводится в большинстве изданий. Дэвид Хонтер Миллер говорит, что это результат типографской ошибки, ибо он полагает, что, несомненно, имелось в виду слово «created» («создана»). (См. *D. H. Miller, The Drafting of the Covenant*, v. I, p. 76.)

² Р. С. Бэйкер разбирает обстоятельства, предшествовавшие назначению этой комиссии, и рисует драматическую картину мнимой борьбы между Вильсоном и европейскими противниками Лиги, которые хотели помешать ее созданию. В качестве главного доказательства «острых» стратегических маневров обеих сторон Бэйкер приводит намерение англичан «перенести дискуссию о Лиге из Совета в рамки специальной комиссии». Согласно его утверждению, президент Вильсон «явно рассчитывал, что вопрос будет обсуждаться самим Советом и что принципы Лиги, если и не детали, будут разработаны главами государств в качестве основы мирных договоров» («Woodrow Wilson and World Settlement», v. I, p. 236).

В архиве полковника Хауза не найдено ни малейшего доказательства наличия подобной интриги, равно как и доказательств того, что Вильсон ее подозревал. Многое свидетельствует о том, что и сам президент желал, чтобы была образована комиссия. Такая комиссия не только не помешала созданию устава, но, наоборот, являлась единственным практическим средством его осуществления. Письмо полковника Хауза президенту от 19 января показывает, что сам Хауз был уверен в создании такой комиссии, как не сомневался и в том, что Вильсон это одобряет. Меморандум Уайзмэна от 23 января гласит следующее: «Днем виделся с Хаузом: он стремится поскорее протолкнуть дело с Лигой наций. Он просит через Сесилия или Смэтса позондировать японцев, итальянцев и французов с тем, чтобы еще до заседания комиссии они присоединились к предложению президента». Передача вопроса в комиссию предлагалась не противниками Лиги, желавшими отложить дело в долгий ящик, как утверждает Бэйкер, а скорее ее друзьями, желавшими помочь ее созданию.

СОСТАВЛЕНИЕ УСТАВА

Таким образом, официальное утверждение мирной конференции принципа Лиги наций вместе с решением о том, чтобы она образовала нераздельную часть договора, было первым великим триумфом Вильсона на конференции. Триумф этот явился результатом множества неофициальных собеседований, происходивших на протяжении ряда как будто бесплодных недель, когда казалось, что конференция ничего не достигает. Возможно, что без этих собеседований принцип Лиги долго и, может быть, бесцельно дебатировался бы на официальных заседаниях конференции или в Совете. То же самое можно сказать об уставе, детально разрабо-

Как показывают протоколы заседания Совета от 21 января (на которые ссылается сам Бэйкер), президент считал, что он уже добился соглашения относительно принципов: «Далее президент Вильсон сказал... что он убедился в совпадении своих идей с идеями м-сье Буржуа (Франция), генерала Смэтса и лорда Роберта Сесилия (Великобритания)». В самом деле, протокол первого заседания комиссии показывает, что Вильсон не хотел дискутировать о принципах и считал, что конференция примет любой предложенный комиссией и хорошо продуманный план. В действительности Вильсон горячо одобрял предложение Хауза о составлении договора не в Совете, а в комиссии, ибо это избавляло от необходимости постоянных консультаций с главами правительств. «Президент Вильсон заявляет (гласит протокол от 3 февраля), что если делегаты станут консультироваться со своими правительствами, то никакого толку не добьются. Нет смысла консультироваться со своим правительством по каждому пункту в отдельности. Долг делегатов — сформулировать план и представить его своим правительствам». Фактически именно Вильсон 22 января внес в Совет десяти предложение о том, чтобы «начальный проект Лиги наций был составлен комиссией, назначенной великими державами». «Еще более ошибочна, — пишет Д. Х. Миллер (там же, т. I, стр. 82), — идея Бэйкера о том, будто в предложении передать дискуссию о Лиге из Совета в специальную комиссию заключалось что-то макиавеллиевское. Представление о том, будто предложением о создании комиссии хотели оттянуть составление устава, фантастично; на самом деле факт таков, что без какой-либо комиссии или комитета устава и вовсе бы не было...»

Тезис Бэйкера о том, что французы старались помешать созданию Лиги, нисколько не подтверждается документами сэра Уильяма Уайзмэна, который пишет, что Тардье был крайне заинтересован в скорейшем составлении устава. В меморандуме от 23 января Уайзмэн пишет: «В 10 часов 30 минут виделся с Тардье. По его мнению, конференция подвигается слишком медленно, но протекает она удовлетворительно в том отношении, что, вернувшись в Соединенные Штаты, президент Вильсон сможет сказать, что удалось достигнуть соглашения о Лиге наций».

ГЛАВА XXIII

тайном впоследствии комиссией. В частных беседах еще до начала работ комиссии уже было достигнуто соглашение об основных чертах устава; таким образом, удалось в течение десяти заседаний облечь устав в окончательную форму.

Хотя этот устав представлял лишь первоначальный набросок принципов международного сообщества, тем не менее он обладал тем высшим достоинством, что снискал одобрение конференции.

3

В промежутки между 25 января, когда мирная конференция утвердила принципы Лиги, и первым заседанием комиссии, происходившим 3 февраля, американцы и англичане, особенно заинтересованные в судьбах Лиги, прилагали величайшие усилия, чтобы достигнуть соглашения об основных ее чертах. Главная проблема возникла при обсуждении принципа мандатов. Президент Вильсон особенно горячо высказывался в пользу более глубоко воспринятого им первоначального плана генерала Смэтса. Хотя в Париже никто и никогда не требовал возвращения германских колоний, Вильсон решительно возражал против их полной аннексии победоносными государствами. Премьеры британских доминионов настаивали на том, чтобы завоеванные ими германские колонии были аннексированы. Юз из Австралии и Мэсси из Новой Зеландии требовали колоний, расположенных к югу от экватора, как необходимой защиты для этих доминионов, и даже Смэтс, адвокат принципа мандатов, не очень спешил применить его к африканским колониям Германии. «Казалось, весь план, — пишет лорд Юстэс Перси в «Истории мирной конференции», — подвергался опасности разбиться об утес южноаф-

¹ *Temperley, History of the Peace Conference in Paris, v. II, p. 26.*

СОСТАВЛЕНИЕ УСТАВА

риканского и австралийского национализма»¹. Доминионы, естественно, имели за собой поддержку французов, упорно претендовавших на Сирию, и японцев, стремящихся овладеть германскими колониями в Тихом океане, к северу от экватора. Они желали такого применения мандатного принципа, если его придется принять, которое обеспечивало бы возможность фактической аннексии. Сэр Уильям Уайзмэн освещает этот вопрос в меморандуме от 27 января.

Письмо полковника Хауза президенту

Париж, 27 января 1919 г.

«Дорогой начальник!

Вчера у меня был швейцарский президент Адор. Он очень обеспокоен тем, что нейтральные правительства могут оказаться непредставленными в Лиге наций. Он настроен в пользу Лиги, но считает, что его народ не одобрит организации, в создании которой он не участвовал.

Я высказал предположение, что великие державы, быть может, согласятся сноситься с нейтральными представителями неофициально и выслушать их предложения и критические замечания по мере дальнейшего формирования Лиги. Это вполне удовлетворило Адора.

Если это приемлемо, я охотно продолжал бы личный контакт с представителями Швейцарии, Польши и Испании. Каждый из делегатов, представляющих великие державы в Лиге наций, мог бы также поддерживать контакт с тремя другими нейтральными правительствами. Таким способом мы не заденем ничьего самолюбия, а дело наше значительно укрепим.

Преданный вам Э. М. Хауз»

ГЛАВА XXIII

Письмо полковника Хауза президенту

Париж, 28 января 1919 г.

«Дорогой начальник!

Я думаю, что вся британская делегация, включая представителей других доминионов, настроена против Юза, выступающего за аннексию в противовес мандатной системе. Либо Юз должен выступить открыто с требованием тихоокеанских островов по праву завоевания и в качестве вознаграждения Австралии за услуги, оказанные в войне, либо же он должен будет принять мандат Лиги наций для улучшения управления отсталыми народами тихоокеанских островов. Сомнительно, чтобы общественное мнение Австралии действительно поддержало Юза, а посему если он будет настаивать на своем требовании, то лучшим выходом будет заявить ему, что аргументы обеих сторон придется обнародовать для того, чтобы о претензиях Австралии мог судить весь мир; поскольку же дело касается конференции, то его предложение наносит удар всей идее Лиги наций и не может быть принят.

Преданный вам Э. М. Хауз».

«28 января 1919 г. Президент вызвал меня в 9 часов 30 минут по прямому проводу и вел со мною двадцатиминутную беседу. Он очень обеспокоен оборотом, который приняли дела сегодня днем. Французы и англичане требуют, чтобы в случае распространения Лигой наций принципа мандатов на германские колонии это было бы совершено немедленно и чтобы соответствующие державы были намечены сейчас, а не потом. Президент спрашивал моего совета, как поступить.

Он собирался заявить им, что если они останутся на своей позиции, то он намерен обнародовать обе точки зрения. Вместо этого я предложил заявить им, что президент не считает, что они выражают мнение конференции в целом, и что он намерен на следующем пленарном заседании поставить вопрос перед конференцией и запросить ее мнения. Я рассчитывал,

СОСТАВЛЕНИЕ УСТАВА

что, поскольку пленарные заседания конференции происходят публично, этим путем он также добьется гласности, как и по предлагаемому им методу, но в то же время державы не сумеют выступить с нападками»¹.

«29 января 1919 г. В 10 часов 30 минут приходил генерал Смэтс, чтобы выяснить возможность соглашения по колониальному вопросу. Он подготовил документ, который, по его словам, одобрили Ллойд Джордж и некоторые другие, но который они не показывали Юзу и Мэсси. Они не хотели предъявлять этот документ, пока не проверят, удовлетворяет ли он президента. Ознакомившись с ним, я убедился, что в сравнении со своей вчерашней позицией они пошли на большие уступки, и сказал Смэтсу, что с небольшими редакционными изменениями я готов его принять.

Ллойд Джордж не явился на заседание на Кэ д'Орсе и ждал возвращения Смэтса. Они встретились с премьер-министрами доминионов и сумели провести эту резолюцию. Тем временем я отправил ее из Кэ д'Орсе с заметкой на полях о моем согласии...

Сегодня вечером пришел президент и провел совещание с членами американской делегации; среди прочих обсуждался вопрос об этом меморандуме. Он не соглашался принять его в целом, во всяком случае не сразу»².

¹ Президент Вильсон не последовал этому совету. Протокол заседания Совета от 30 января гласит, что президент Вильсон заявил следующий протест: «Стали появляться статьи относительно идеалов президента Вильсона, утверждающие, что он сам [президент Вильсон] не знает, как эти идеалы претворяются на практике. Если подобные статьи будут появляться по-прежнему, он окажется вынужденным опубликовать свои собственные взгляды. До сих пор он разговаривал только с лицами, находящимися в этом зале, и с членами американской делегации. Таким образом, ни он сам, ни кто-либо из его помощников не сообщал прессе ничего относительно взглядов президента Вильсона... Тем не менее может настать момент, когда он окажется вынужденным против своей воли выступить с исчерпывающим публичным экспозе своих взглядов».

² В конечном счете президент принял этот меморандум, и он стал статьей XXII окончательного текста. Заметка полковника Хауза о его согласии, написанная для сведения Вильсона, гласила: «Лл. Дж. и премьеры доминионов соберутся в 11 часов 30 минут; это — проект резолюции, которую Смэтс рассчитывает провести. Он хочет знать, удовлетворяет ли она вас. Мне она кажется довольно хорошим компромиссом. Э. М. Х.».

Текст этой резолюции напечатан в приложении к настоящей главе.

ГЛАВА XXIII

«30 января 1919 г. Самым важным посетителем был лорд Роберт Сесиль. Мы обсуждали устав Лиги наций, причем наши разногласия оказались очень незначительными. С нашими взглядами он согласен в большей мере, чем осмеливается признать, ибо он предвидит, что его публика за ним не пойдет. Мне предстоит заручиться поддержкой Орландо, а ему — поддержкой французов, после того как это будет проделано, мы соберем общее заседание (комиссии).

Мы обсуждали колониальный вопрос и достигли полного согласия. Как ни странно, но, пока мы с Сесилем обсуждали этот вопрос здесь, президент имел «первоклассную стычку» с Ллойд Джорджем, Клемансо, Юзом и Мэсси. Казалось, что все «пошло прахом». Однако и ссора может пойти на пользу. Для них всех это будет уроком. Президент был зол, Ллойд Джордж был зол, и Клемансо тоже был зол. Это впервые, когда президент утратил самообладание при переговорах с ними¹... Англичане сделали большие уступки; будь я на месте президента, я поблагодарил бы их за готовность пойти так далеко нам навстречу.

Сегодня вечером президент, Орландо и я встретились в особняке Мюрата для того, чтобы сравнить наш устав Лиги наций с уставом, подготовленным итальянцами. Встреча прошла очень успешно. Мы достигли почти полного согласия и притом без особого труда. Оговорки Орландо по поводу нашего проекта, пожалуй, уместны, и поэтому часть из них мы согласились принять...

Я предложил президенту завтра вечером встретиться с англичанами у меня в отеле «Крийон», а на следующий день свети вместе англичан и итальянцев, отложив встречу с французами еще на один день...»

¹ Тут же вслед за этим инцидентом сэр Уильям Уайзмэн писал в своих записках следующее: «Я отправился на Кэ д'Орсе с премьер-министром; я указывал ему на необходимость достигнуть соглашения по этим вопросам с президентом через Хауза, а не обсуждать их на конференции. Ллойд Джордж очень хочет, чтобы Хауз участвовал в совещаниях.

После этого я отправился к Хаузу и объяснил ему ситуацию, он, как всегда, исключительно полезен».

В результате премьеры доминионов в конце концов приняли сформулированный Сметсом принцип мандатов.

СОСТАВЛЕНИЕ УСТАВА

«31 января 1919 г. Президент спрашивал моего мнения о том, как ему следует выступить на приеме, который палата депутатов устраивает ему в понедельник в пять часов дня. Я высказал мнение, что ему следовало бы поговорить о Лиге наций, сказав при этом, что Франция поистине помогла ее рождению вследствие того положения, в каком она очутилась под давлением Германии, и об очевидной необходимости создать условия, ттри которых подобная война никогда больше не могла бы повториться. Этот совет, по-видимому, ему понравился».

«2 февраля 1919 г. Дэвид Миллер принес мне переделанный устав Лиги наций¹. Он работал до четырех часов сегодняшнего утра, а в 8 часов 30 минут уже снова был на ногах, чтобы закончить проект и перепечатать его для представления президенту и мне и дать нам возможность просмотреть его до завтрашнего заседания. Я отправил Миллера в особняк Мюрата, чтобы он просмотрел проект с президентом так же, как это он сделал со мной, разъяснив при этом президенту, какие изменения внесены в наш проект и чем они вызваны».

Первое заседание комиссии по вопросу о Лиге наций было созвано вечером 3 февраля. Накануне вечером президент Вильсон прибыл в «Крийон», чтобы проработать с полковником Хаузом проект Хэрста — Миллера². Президент выразил некоторое недовольство проектом и попросил Хауза и Миллера переработать его собственный, второй парижский проект, заимствовав при этом из проекта Хэрста — Миллера статьи о религиозном равноправии, о гласности будущих договоров, о недопущении торговой дискриминации между членами Лиги. Миллер взял этот новый документ и сверхчеловеческими усилиями сумел подго-

¹ Хорошо известный под названием «Проект Хэрста — Миллера».

² Проект Хэрста — Миллера, хотя и содержащий положения, которых не было в проекте Вильсона, был сформулирован более сжато, а пожалуй, и более четко. Он занимает только семь с половиной печатных страниц, тогда как вильсоновский проект занимает десять и три четверти страницы.

ГЛАВА XXIII

товить его к раннему утру 3 февраля¹. Именно этот документ, а не проект Хэрста — Миллера президент желал представить комиссии на вечернем заседании в качестве основы для дискуссии.

Однако англичане, естественно, возражали против этой перемены программы, которая превращала первоначальный проект, представленный комиссии, в чисто американское, а не англо-американское предложение. По настоянию главным образом полковника Хауза Вильсон в конце концов согласился, чтобы комиссии был представлен не его собственный третий парижский проект, а проект Хэрста — Миллера.

«3 февраля 1929 г. Мы с президентом и Миллером работали (вчера вечером) приблизительно с восьми до десяти часов. Я пытался уговорить президента принять проект (Хэрста — Миллера), который в пятницу вечером был согласован и одобрен Сесилем, Смэтсом, президентом и мной. Президент говорил, что в документе нет «ни огня, ни красок», и он поэтому предпочитает наш прекрасный проект. Я согласился с ним, но тем не менее я знал, что разумнее всего будет принять в качестве основы для сегодняшней дискуссии другой документ. После того как мы перекроили наш собственный проект, Миллер остался на всю ночь, следя за его перепечаткой, и наутро ко времени завтрака представил его готовым. Сэр Уильям полагал, что было бы крайне нежелательно, чтобы лорд Роберт явился на сегодняшнее пленарное заседание комиссии в том настроении, в котором он находится, и спрашивал моего совета. Я попросил его устроить, чтобы Сесиль пришел за четверть часа до заседания, я же со своей стороны устрою, чтобы

¹ Очевидно, м-р Р. С. Бэйкер не знает о существовании этого проекта. В своем труде «Woodrow Wilson and World Settlement» он упоминает только первый и второй парижские проекты. В общей сложности президент составил четыре проекта: один в Вашингтоне и три в Париже. Из письма, посланного Вильсоном Д. Х. Миллеру, видно, что он рассчитывал, что третий парижский проект и послужит основой для работы комиссии; это совпадает с наблюдениями Хауза и Уайзмэна. (См. *D. H. Miller, The Drafting of the Covenant*, v. I, p. 75.)

СОСТАВЛЕНИЕ УСТАВА

президент был на месте, и мы тогда посмотрим, нельзя ли что-нибудь сделать.

Я позвонил по телефону президенту и сказал ему, что мы делаем ошибку, допуская разногласия с лордом Робертом Сесилем; он единственный из деятелей, связанных с британским правительством, кто действительно болеет душой за Лигу наций...

Точно в 2 часа 15 минут мы собрались втроем в моем кабинете. Первые семь-восемь минут встреча обещала быть бурной. Но потом дело пошло лучше, и в конце концов президент решил... принять совместный проект Миллера и Хэрста, используя его в качестве основы для дискуссии. После этого все пошло гладко¹.

Вся комиссия в составе пятнадцати человек собралась в одной из моих гостиных; на протяжении всей дискуссии лорд Роберт был на нашей стороне. Я думаю, что президент доволен тем, что уступил по этому вопросу...

Я не мог отделаться от мысли, что эта комната, быть может, окажется свидетельницей создания важнейшего из всех когда-либо написанных «человеческих документов»).

4

Комиссия, назначенная конференцией для составления устава Лиги наций, была наиболее выдающимся органом Парижской мирной конференции. Президент решил вместе с полковником Хаузом представлять Соединенные Штаты и председательствовал на всех февральских заседаниях комиссии, кроме последнего. Выбор Ллойд Джорджа пал на двух наиболее способных британских защитников идеи Лиги — Сесилия и Смэтса. Значение комиссии повышалось, да-

¹ Сэр Уильям Уайзмэн, который был тесно связан и с Сесилем и с Хаузом, следующим образом описывает этот инцидент: «Хауз убеждал президента вернуться к проекту Хэрста — Миллера; к приходу Сесилия президент уже готов был дать свое согласие. Затем президенту пришлось заполнять время разговорами, пока Миллер добрался до своего служебного помещения и изготовил необходимое количество экземпляров старого проекта».

ГЛАВА XXIII

лее, присутствием итальянского премьер-министра, который, как убедился Хауз, оказался ревностным и здравомыслящим защитником идеи Лиги; он больше всех готов был пожертвовать личным мнением ради достижения единогласия.

Письмо полковника Хауза президенту

Париж, 24 января 1919 г.

«Дорогой начальник!

Сегодня после вашего ухода мне пришло в голову убедить Орlando назначить самого себя одним из двух представителей Италии в комиссии по вопросу о Лиге наций. Он согласился на это и притом весьма охотно.

Лорд Роберт Сесиль и генерал Смэтс проведут кое-какую дипломатическую работу не только с итальянцами, но и с японцами. Я думаю, что за несколько дней мы достаточно овладеем положением, чтобы созвать пленарное заседание комиссии.

Преданный вам Э. М. Хауз».

В комиссию входило по два делегата от главных держав и по одному от Сербии, Китая, Бразилии, Португалии и Бельгии. Впоследствии по требованию малых держав были добавлены делегаты Чехословакии, Польши, Греции и Румынии. В общем малые державы назначили своих наиболее способных делегатов, так что в составе комиссии значились такие выдающиеся имена, как Венизелос, Гииманс, Ку и Веснин.

«Это собрание наций для создания новой конституции мира состоялось в служебном помещении полковника Хауза на третьем этаже отеля «Крийон»... Сам полковник Хауз хитроумно режиссировал заседанием. Президент сидел во главе стола. Справа от него находился итальянский премьер Орlando, единственный второй глава великой державы. Слева от него сидел сам полковник Хауз, деятельный, с живым взглядом, настороженный, молчаливый. Как раз позади них, нагнув-

СОСТАВЛЕНИЕ УСТАВА

шись и что-то шепча, сидел американский юридический советник комиссии Дэвид Хонтер Миллер. Слева от полковника Хауза сидели британские делегаты лорд Роберт Сесиль и генерал Сметс. Все они образовали, так сказать, блок сторонников Лиги. Несколько поодаль сидели французские делегаты Буржуа и Ларнод...

Японию представляли барон Макино и виконт Хинда — молчаливые, бесстрастные, но бдительные; они выступали, только когда дело касалось их собственных интересов. Ку, представлявший Китай, говорил гораздо больше, чем оба японца, взятые вместе, и из всех делегатов был наиболее близок к американской позиции»¹.

«Из всех девятнадцати членов комиссии, — пишет м-р Миллер, — менее всего был слышен один американец. Полковник Хауз выступил только на одном заседании, причем это было связано с отсутствием президента, когда понадобилось, чтобы представитель Соединенных Штатов сказал несколько слов. Штурману, однако, нет нужды говорить, если он хорошо ведет корабль. Вот почему комиссия и окончательным своим соглашением, и тем, что она отвергла предложения, которые потопили бы корабль, и, наконец, принятием тех изменений, которые необходимо было принять, чтобы добиться единогласия, была обязана доверию, с каким представители Великобритании, Франции, Японии и других менее значительных держав относились к полковнику Хаузу, к его исключительному влиянию, подкрепленному авторитетом президента»².

Комиссия по вопросу о Лиге наций провела десять заседаний и уже к 13 февраля смогла представить пленарному заседанию конференции проект устава. Историки, одни с иронией, другие с восхищением, отзывались об этой перестройке системы международных отношений, произведенной за десять дней. На самом деле комиссия не создала устава за это время. Он был создан еще раньше, чем комиссия собралась. Ее функции почти целиком свелись к критическому разбору,

¹ *R. S. Baker*, Woodrow Wilson and World Settlement, v. I, pp. 278—279.

² Статья Д. Миллера в книге: «What Really Happened at Paris», p. 408.

ГЛАВА XXIII

к переделке проекта Хэрста — Миллера, который в свою очередь явился итогом долгих размышлений и многочисленных предварительных проектов.

На первом заседании, состоявшемся 3 февраля, Вильсон внес предложение, чтобы в основу дискуссии был положен англо-американский проект; его поддержал Орландо. Предложение было принято без дальнейших прений. Это решение не только позволило ускорить дело, но и дало определенные выгоды англичанам и американцам, которые являлись наиболее горячими сторонниками Лиги. И Сесиль и Вильсон старались не допустить какого-либо замедления работы и возражали против прений об общих принципах. Президент был против соблюдения всяких формальностей и даже не желал, чтобы на заседаниях велась протокольная запись, которая могла бы помешать ему менять свои взгляды¹. В конце концов его убедили согласиться на создание секретариата и ведение протоколов заседаний; однако, когда Ку предложил, чтобы государствам, не представленным на заседании, рассылали копии этих протоколов, президент «возражал на том основании, что это приведет к гласности переговоров».

Таким образом, комиссия работала быстро, всегда стараясь без прений принимать пункты, по которым царило согласие, и ставить на обсуждение только те пункты, которые вызывали разногласия. Из числа последних наиболее существенными были вопросы о представительстве малых государств в Совете, о разоружении и о создании вооруженной силы, находящейся в распоряжении Лиги, вопрос о религиозном и расовом равноправии и о формулировке раздела, касающегося мандатов. В конечном счете решено было предоставить малым державам четыре места в Совете, а доминионам и Индии, которые на мирной конференции пользовались отдельным представительством, решено было предоставить такое же представительство и в ассамблее Лиги. Принято было определение генерала Смэтса о мандатах, которое устанавливало разные типы мандатов. Предложенная президентом Вильсоном статья, по-

¹ См. «What Really Happened at Paris», p. 409.

СОСТАВЛЕНИЕ УСТАВА

священная религиозному вопросу, в конце концов была отклонена; безуспешной оказалась также попытка японцев включить статью о принципе расового равенства. Французы настойчиво старались, но тоже без успеха, добиться создания международной армии или хотя бы международного штаба; в сочетании с их противодействием вступлению Германии в Лигу наций это превратило бы ее в продолжение антигерманского союза. Этому предложению стойко сопротивлялись Вильсон и Сесиль, не получило оно существенной поддержки и со стороны малых держав.

«Самое серьезное препятствие, — писал Сид, — возникло 11 февраля, когда Вильсон категорически отказался принять французское требование о создании международной вооруженной силы, которая действовала бы под оперативным контролем Лиги наций. М-сье Буржуа защищал французскую точку зрения с большим красноречием и упорством. Вильсон утверждал, что конституция Соединенных Штатов не допускает подобного ограничения суверенитета страны; лорд Роберт Сесиль занял подобную же позицию в отношении Британской империи. Французы стояли на своем и отказались отступить от своего требования, которое, по их мнению, одно только и способно было избавить устав Лиги наций от превращения в философский трактат, лишенный практического значения. Вследствие этого к полуночи 11 февраля заседание было прервано, причем создалось очень тяжелое положение»¹.

Наконец, французы согласились условно принять проект, и к утру 13 февраля комиссия собралась на вторичное чтение проекта. В этот день в газете «Дейли мейл» появилась статья Стида, настаивавшая на компромиссе и на необходимости закончить составление устава в каком-нибудь виде, хотя бы и не совершенном; ибо если бы комиссия не выполнила своей задачи, то уже больше случая для этого не представилось бы.

«Трудность заключается в том обстоятельстве, что мирная конференция занимается двоякой задачей. Ей приходится готовить мир с Германией и добиваться от нее надлежа-

¹ *Steed, Through Thirty Years*, v. II, p. 282.

ГЛАВА XXIII

щего возмещения за содеянное ею зло. Кроме того, ей приходится вырабатывать условия мира для всего мира, которые должны образовать прочную защиту от будущих войн, когда непосредственные уроки этой войны будут забыты или же превратятся лишь в исторические воспоминания.

Некоторые из союзных стран мысленно сосредоточились исключительно на первой стороне этой двоякой задачи. Другие имеют в виду преимущественно вторую ее сторону. Подлинная трудность заключается в том, чтобы найти общий знаменатель.

Этот общий знаменатель может быть обретен только в разумно построенном плане создания Лиги наций. Если этот план будет создан только исходя из условий великой войны и задач, которые предстоит решить в ближайшем будущем, он может оказаться неприемлемым для некоторых значительных стран и практически неосуществимым. Его не надо создавать исключительно, так сказать, под впечатлением шока от разрывов снарядов.

С другой стороны, он не должен быть слишком оторван от практических уроков войны. Он не должен быть слишком попусторонним.

Выход состоит в том, чтобы создать крепкий зародыш и дать ему возможность развиваться. Никто не может точно предсказать, как он станет развиваться. Но одно несомненно, что он вырастет в великий и мощный организм соразмерно тому, в какой мере честен и бескорыстен дух, в котором он был создан.

Если не сделать этого сейчас, то, быть может, это не удастся уже никогда, а без него народы могут вернуться к скверной старой системе союзов и вооружений — этой матери будущих войн и мачехе цивилизации»¹.

Дух этой статьи, направленной против французского плана создания антигерманского союза, как и против пожелания Вильсона согласиться на компромисс, не нашел отражения в дискуссии, происходившей на заседании комиссии 13 фев-

¹ «Дейли мейл» от 13 февраля 1919г., парижское издание.

СОСТАВЛЕНИЕ УСТАВА

раля, когда она занималась вторичным чтением устава. Французы требовали, чтобы во вступлении содержалась ссылка на ответственность Германии за войну, а Буржуа снова поднял вопрос о международном штабе. Однако искусство лорда Роберта Сесилия, взявшего на себя функции председателя в отсутствие Вильсона, а также то обстоятельство, что французские требования не были поддержаны другими делегатами, дали комиссии возможность единогласно принять проект устава.

Было совершенно необычным, что делегаты четырнадцати стран сумели достигнуть соглашения об уставе. Это оказалось возможным только благодаря той обширной работе, которая проводилась в периоды между заседаниями и в частных беседах. Выдержки из бумаг полковника Хауза, равно как и сама атмосфера, царившая в комиссии, дают нам представление об этом значительном обстоятельстве.

5

«На заседании комиссии по вопросу о Лиге наций, — писал Хауз 4 февраля, — мы значительно продвинулись вперед... Больше всего выступали Гииманс, Сесиль, президент и Буржуа. Японцы совершенно не выступают. Генерал Смэтс говорит так редко, что создается впечатление, что он как будто совсем не говорит. Мое дело следить, чтобы все шло гладко... заранее узнавать, откуда грозит беда, и устранять ее, пока не поздно.

Мыс Сесилем ведем почти всю трудную работу в периоды между заседаниями комиссии и пытаемся по возможности не допускать трений на заседаниях. Президент часто говорит мне, что ни при каких условиях он не согласится на то-то, а спустя несколько часов соглашается...

Барон Макино и виконт Хинда пришли посоветоваться о том, как Японии действовать в расовом вопросе. В Японии раздаются требования, чтобы мирная конференция через Лигу наций установила какой-нибудь общий принцип расового равенства. Хинда и Макино не хотят сами поднимать этот вопрос, если только можно этого избежать. Я посовето-

ГЛАВА XXIII

вал им подготовить две резолюции — одну, которую они хотели бы провести, а другую, которую они готовы принять вместо первой.

Хинда и Макино заявили: «8 июля в Магнолии вы выражали виконту Иши чувства, которые доставили удовольствие японскому правительству; вот почему мы рассматриваем вас как друга и пришли к вам за советом».

Я воспользовался случаем заявить им, сколь я осуждаю расовые, религиозные и всякие иные предрассудки. Но в то же время эти предрассудки не направлены против одной какой-нибудь страны или же против особой категории народов; среди западных народов существуют такие же предрассудки по отношению друг к другу, как и по отношению к восточным народам. Нетрудно заметить, какое отвращение испытывают многие англосаксы по отношению к романским народам и наоборот. Такова одна из серьезных причин международных раздоров, и с нею как-то надо считаться».

Письмо полковника Хауза президенту

Париж, 5 февраля 1919 г.

«Дорогой начальник!

Препровождаю два документа, которые, по-моему, вам понадобятся к сегодняшнему вечернему заседанию.

Первый представляет проект вступления и статей первой и второй, условно принятых вчера вечером.

Второй документ представляет статью третью в том виде, в каком она была составлена на заседании, где присутствовали лорд Роберт Сесиль, генерал Смэтс, Орландо и Ку. Я пытался пригласить Буржуа, но его не удалось найти.

Сегодня вечером Орландо предложит принять статью третью в этом виде.

Вы заметите, что предпоследний параграф статьи третьей аналогичен последнему параграфу статьи второй предварительного проекта. Если статья третья будет принята в этом виде, то последний параграф статьи второй будет исключен.

Преданный вам Э. М. Хауз».

СОСТАВЛЕНИЕ УСТАВА

«5 февраля 1919 г. Я показал президенту проект, принесенный сегодня днем бароном Макино и виконтом Хинда. Резолюцию, которую они желают, мы отвергли сразу же; вместе с тем президент полагает, что подготовленный ими компромиссный текст может пройти при условии незначительного изменения, которое он собственноручно и сделал. Попозже вечером я показал Хинда то, что мы подготовили, и он как будто счел это удовлетворительным, но пожелал сперва обсудить резолюцию со своими коллегами».

«6 февраля 1919 г. Вчерашнее вечернее заседание комиссии по вопросу о Лиге наций кончилось раньше обычного. Мы заседали только до одиннадцати. Это произошло по просьбе одного из французских делегатов, который живет за городом и с трудом поспевает на поезд.

Основное разногласие возникло по вопросу о числе мест для малых держав в Исполнительном совете. Малые державы хотели иметь четыре места и не соглашались принять мое предложение о двух местах. Они вполне удовлетворились бы двумя, если бы первоначально внесенный нами план Смэтса — Вильсона не предлагал дать им четыре места. Прения стали такими горячими, что спустя час лорд Роберт Сесиль внес предложение отложить этот вопрос и перейти к обсуждению статьи третьей и остальных.

Дальше дело пошло быстро, и мы приняли все до статьи шестой включительно. Наибольшую трудность для нас представила Индия. Президент заявил мне, что ни при каких условиях он не согласится допустить делегата от Индии, так как она не самоуправляется. Генерал Смэтс выдвинул весьма остроумное замечание о том, что поскольку Индия явится одной из держав, подписавших договор, то она автоматически имеет право на представительство, таким образом, эта статья уже не может относиться к ней, а только к подвластным государствам или колониям, которые пожелают вступить в Лигу. Президент согласился с этим и, как мне кажется, довольно охотно.

Очевидно, никто не подумал о том, что на общем собрании Лиги наций англичане будут располагать шестью голосами, в то время как другие великие державы будут иметь по одному;

ГЛАВА XXIII

в самом деле, один голос будут иметь Британские острова, а еще по одному — Канада, Южная Африка, Австралия, Новая Зеландия и Индия. Интересно, как поступит конференция, когда выяснится эта картина. Что касается меня, то я этого вопроса поднимать не стану, и по причинам для меня вполне убедительным. Если Великобритания готова дать своим доминионам (отдельное) представительство в Лиге, то против этого не следует возражать.

Виконт Хинда принес еще один проект резолюции по расовому вопросу. Проконсультировавшись со своим юридическим советником, он убедился, что согласованный с нами проект практически никакого смысла не имеет. Проект же, который он принес сегодня, не примет ни наш народ, ни британские доминионы. Японцы ставят принятие статьи об иммиграции *conditio sine qua non*¹ своего присоединения к Лиге наций. Мне кажется, что можно найти выход из положения путем удовлетворительного компромисса, который несколько не ослабит позиции Америки или британских доминионов и в то же время удовлетворит *amour propre*² японцев».

«8 февраля 1919 г. Сегодня в 10 часов 30 минут утра у нас было заседание комиссии по вопросу о Лиге наций, которое продолжалось до часу дня. В следующий раз мы соберемся только в понедельник утром. Мы успели сделать меньше, чем следовало бы. Вчера вечером мы постановили создать подкомиссию для шлифовки некоторых выражений в двух-трех статьях, которые в принципе мы приняли, но не сумели удовлетворительно сформулировать».

«12 февраля 1919 г. Сегодня было множество посетителей. Мэссингхэм из журнала «Нэйшен» беспокоится о том, как будет организовано представительство в Лиге. Он считает, что меньшинство должно быть представлено. Кстати, этого желают все лейбористские и социалистические организации, и президент всячески старается этому помочь, но пока что он не сумел предложить ничего, что показалось бы нам практически

¹ *Conditio sine qua non* — неперемнное условие (лат.). — Прим. перев.

² *Amour propre* — самолюбие (франц.). — Прим. перев.

СОСТАВЛЕНИЕ УСТАВА

осуществимым. Я просил Мэссингхэма по возможности представить какое-нибудь предложение завтра, к 10 часам 30 минутам утра, когда снова соберется комиссия. Он сказал, что генерал Смэтс целиком сочувствует этому стремлению, поэтому я посоветовал ему повидаться со Смэтсом и согласовать формулу, которую Смэтс смог бы представить завтра утром.

Снова приходил виконт Хинда, он сказал, что не добился от англичан ничего определенного и намерен сам внести резолюцию, причем более резкую, чем та, которую соглашался принять президент. Виконт Хинда рассчитывает, что, хотя резолюция и не будет принята, она все же будет оправданием в глазах японского народа¹. Он горячо благодарил меня за проявленное участие и заявил, что его правительство и народ никогда не забудут моего «сочувственного внимания».

«13 февраля 1919 г. Сегодня памятный день. Мы закончили устав Лиги наций. Президент сидел с нами все утро, с десяти с половиной до начала второго, слушая второе чтение проекта. Мы закончили примерно четверть устава или, точнее говоря, шесть статей. Днем президент не мог присутствовать и просил лорда Роберта Сесия взять на себя председательствование. Мы решили попытаться установить рекорд и, к величайшему нашему удовлетворению, покончили с остальной двадцатью одной статьей к половине седьмого...

На дневном заседании лорд Роберт несколько раз проводил голосование и таким способом прекращал прения.

Мы созываем еще одно заседание сегодня на 8.30 вечера. Когда в семь часов я сообщил президенту по телефону, что мы кончили, он был изумлен и обрадован.

Мы обошли статью 21 старого проекта, потому что барон Макино настаивал на включении расовой статьи в случае, ес-

¹ Текст этого предложения гласил следующее:

«Так как равенство наций является основным принципом Лиги наций, высокие договаривающиеся стороны соглашаются предоставить возможно скорее всем чужестранцам, проживающим в государствах — участниках Лиги, равные и справедливые условия во всех отношениях, не делая различия ни по закону, ни фактически в связи с их расовым или национальным происхождением».

ГЛАВА XXIII

ли будет сохранена религиозная статья. Я не соглашался исключить религиозную статью, не обеспечив президенту возможности высказаться по этому поводу, но условно обещал, что она будет снята; при этом условии барон Макино обещал на данное время снять расовую поправку, которую ни англичане, ни мы не могли принять в той форме, в какой он ее окончательно представил.

На днях Макино согласился на формулировку, согласованную президентом, — она была предельно умеренной и безобидной. Но и эту формулировку англичане отвергли. Насколько я понимаю, вся британская делегация, за исключением Юза из Австралии, готова была принять формулировку, согласованную между президентом, Макино и Хинда. Юз оказался камнем преткновения.

Буржуа всевозможными способами старался включить статью, по которой была бы создана международная армия под руководством Лиги. Не достигнув успеха в этом, он пытался договориться о международном штабе. Лорд Роберт уже готов был согласиться на коварное предложение о штабе, внесенное Буржуа и Ларнодом. Я возражал, после чего лорд Роберт поддержал меня, выступив против этого предложения. Тогда Буржуа и его коллега потребовали какой-нибудь фразы о Гаагском трибунале. Они питают величайшее уважение к этому учреждению...

Впоследствии в беседе со мною президент согласился с предложением об исключении статьи 21 (религиозная статья), после того как я объяснил ему существующие затруднения и сказал, что произведенное неофициальное голосование фактически выявило, что все единодушны в отрицательном отношении к этой статье.

Быть может, *penchant*¹ президента к числу 13 приковало его внимание к тому факту, что устав был закончен 13-го числа месяца и что количество статей оказалось двукратно этому числу². Интересно было бы проверить, какая доля подготов-

¹ *Penchant* — склонность, пристрастие (франц.). — *Прим. перев.*

² А если была бы религиозная статья, оставления которой хотел президент, то получилось бы двадцать семь статей.

СОСТАВЛЕНИЕ УСТАВА

ленного в Магнолии первоначального проекта устава сохранилась в этом документе. Разумеется, с тех пор как мы стали его переделывать, мы добавили много статей, но взяли мы их из документов Вильсона, Сесилия и Миллера. В беседе со мною по этому вопросу президент сказал, что со своей стороны он предпочитает первоначальный проект, согласованный в Магнолии прошлым летом. Несомненно, что тот документ был более человечным и несколько менее казенным».

«14 февраля 1919 г. Гордон написал проект телеграммы к Тьюмалти и представил его президенту для одобрения. Этой телеграммой Тьюмалти поручалось пригласить членов комиссии внешних сношений сената и палаты представителей на обед к президенту вскоре после его возвращения с просьбой воздержаться от обсуждения в конгрессе вопроса о Лиге наций до тех пор, пока президент не получит возможности сам с ними об этом поговорить. Когда несколько дней назад я предложил это впервые, президент заявил, что он этого не сделает и что в лучшем случае он согласен лишь обратиться с посланием к конгрессу. Это мне казалось абсолютно недостаточным, так как не понравится конгрессу, который воспримет дело так, словно президент в роли школьного учителя соберет депутатов вместе, как он, по их утверждению, обычно это делает. Такая обстановка не даст возможности ни обсудить, ни посоветоваться с ним, ни получать от него дополнительные объяснения, и конгресс воспримет послание Вильсона не в качестве знака уважения президента к этому высокому собранию, а скорее как нечто противоположное.

Президент прочел подготовленный текст телеграммы и изменил только одно слово. Телеграмму отослали немедленно».

«14 февраля 1919 г. Газетная публика просила о пятиминутном интервью с президентом... Он согласился нехотя, а после этого, к моему изумлению, отправился в соседнюю комнату и почти целый час разговаривал примерно с двадцатью американскими корреспондентами, причем все они не присаживались. Президент говорил с ними самым любезным и откровенным образом. Начав говорить, он так увлекся, что... был уже час дня, когда он отправился завтракать.

ГЛАВА XXIII

В 3 часа 30 минут на Кэ д'Орсе состоялось пленарное заседание мирной конференции... После краткого обмена мнениями с президентом и лордом Робертом Сесилем Клемансо был извещен через Фрэйзира о том, что на вечернем заседании президент в качестве председателя комиссии по подготовке устава Лиги наций выступит с отчетом и огласит подготовленный устав, сопроводив это речью по данному вопросу. Вслед за ним выступит лорд Роберт Сесиль, затем Орландо и, может быть, Венизелос. Намеченный план был выполнен точно, с тем лишь исключением, что от имени Франции выступил также и Буржуа.

Мы пытались уговорить Буржуа, чтобы он не упоминал про какие-либо оговорки к уставу, но наши усилия оказались напрасными...

По возвращении в «Крийон» я, по обыкновению, встретился с газетными корреспондентами, а после обеда отправился в особняк Мюрата, чтобы попрощаться с президентом и г-жей Вильсон и проводить их на вокзал. На вокзале присутствовала фактически вся официальная Франция. От самого тротуара до поезда, на расстоянии нескольких сотен футов, был разостлан великолепный красный ковер, уставленный по обеим сторонам пальмами и другими вечнозелеными растениями; образовался коридор примерно пятнадцати — двадцати футов ширины и нескольких сотен футов длины. Присутствовали президент республики и г-жа Пуанкарэ, г-н Клемансо и все члены его кабинета, английский посол и все прочие выдающиеся лица. Президент горячо попрощался со мною, он пожал мне руку и обнял меня. Весь этот эпизод торжественных проводов президента был подобающим завершением весьма памятного его визита. Он выглядел довольным, да таким он и должен был быть».

6

Таким образом, 14 февраля на пленарном заседании родилась Лига наций. Вильсон достиг выдающегося, почти ошеломляющего триумфа. Перед лицом безразличия и возрастаю-

СОСТАВЛЕНИЕ УСТАВА

щей оппозиции он претворил свои идеалы нового международного порядка в конкретные условия. В момент, когда материалистическая реакция, неизбежная после четырех лет войны, угрожала охватить конференцию, Вильсон с успехом отстаивал высшие цели человечества и указал путь к более безопасному и лучшему будущему. По поводу выступления президента с докладом о проекте устава на заседании конференции 14 февраля Стид писал на следующий день в парижском издании «Дейли мейл» следующее:

«Невозможно было слушать документ, который зачитывал президент Вильсон, его комментарии к этому документу и заявления представителей союзных стран, не ощущая при этом, что всемирные проблемы поднимаются на новые высоты. Старые представления национального индивидуализма, тайной политики соперничества в вооружениях, насильственных аннексий для своекорыстных целей и безоговорочного государственного суверенитета были подняты, хотя бы на одно мгновение, на более высокий уровень, где реально вырисовывалась перспектива организованной моральной сознательности народов, гласности международных соглашений и правления с согласия и для блага управляемых.

Как долго продлится это мгновение?.. Сейчас этого никто сказать не сможет. Можно сказать только то, что вчера в зале конференции царил дух созидания чего-то нового, чего-то неотразимого. Все речи были выдержаны в тоне людей, которые поистине не боятся творения собственных рук, а, наоборот, вполне сознают смелость попытки создать новую хартию для цивилизованного и нецивилизованного человечества».

15 февраля Вильсон отплыл, победоносный и уверенный, с уставом Лиги наций в кармане с тем, чтобы встретить врагов в сенате лицом к лицу. Но позади, в Париже, продолжали оставаться вопросы, решения которых громко требовала Европа. Если еще в декабре быстрота имела важное значение, то в феврале она уже была жизненно необходимой.

ГЛАВА XXIV

ГЛАВА XXIV

УСКОРЕНИЕ ПОДГОТОВКИ ТЕКСТА МИРНОГО ДОГОВОРА

Клемансо стремится ускорить дело и возможно раньше заключить мир с Германией.

*Из телеграммы полковника Хауза президенту Вильсону
от 23 февраля 1919 г.*

1

В ходе мирной конференции противники Лиги наций критиковали конференцию за то, что она, уделив много времени и внимания составлению устава, не сумела сосредоточиться на территориальных и экономических проблемах, которые следовало решить до составления договора с Германией; тем самым конференция задерживала решение основных вопросов в момент мирового кризиса. Эта критика послужила основой для нападок на президента Вильсона как в Париже, так и в Соединенных Штатах.

В известной мере эта критика была справедливой. Хотя составление устава заняло у президента сравнительно немного времени, но он был настолько поглощен этим делом, что оно отнимало почти всю его умственную и физическую энергию. Его мысли были настолько поглощены проблемами Лиги, что прочим насущным вопросам он придавал лишь второстепенное значение. Вот почему он не занялся вопросом о тайных договорах в самом начале конференции и не настоял на осуществлении соглашения, предшествовавшего перемирию, в котором союзники солидаризировались с «Четырнадцатью пунктами». Когда же впоследствии он столкнулся с этой проблемой, то его позиция была уже менее прочной и, таким образом, затеянная им борьба оказалась сложной и затяжной.

Однако в другом отношении создание Лиги не только не задержало разрешения основных вопросов мира, но даже ускорило его и облегчило. Было много проблем, которые нельзя было решать в тот момент и которые приходилось откладывать до тех

пор, пока атмосфера станет менее накаленной; кроме того, многие соглашения требовали в течение некоторого времени международного контроля. Если бы не Лига, которой можно было поручить контроль над этими проблемами и которой он и был поручен, то заключение договоров затянулось бы на неопределенный срок. Кроме того, заседания комиссии, подготавливавшей устав, не мешали Совету десяти непосредственно заниматься экономическими и территориальными вопросами. Заседания этой комиссии происходили по утрам или по вечерам, так что за исключением одного случая они не совпадали с заседаниями Совета десяти¹. У глав государств, включая и Вильсона, оставалось достаточно времени для рассмотрения особых вопросов, имеющих отношение к договору с Германией. Заняться проблемами левого берега Рейна, Саара, репараций и разоружения Германии Совету десяти помешало не составление устава, а скорее то обстоятельство, что Совету приходилось сперва изучать доклады специальных комиссий, а также то обстоятельство, что Совет много времени уделял оперативным вопросам: улаживанию распри между чехами и поляками; обсуждению русского *impasse*²; подготовке новых условий для предъявления Германии при продлении перемирия; прениям об отмене блокады.

Европа голодала, ее раздирали на части социальные волнения и бурные националистические устремления; лихорадочная и возбужденная, она ждала урегулирования основных вопросов мира. Независимо от того, насколько договоры оказались бы удовлетворительными, жизненно важно было прийти к какому-то решению и положить конец состоянию неопределенности. Это требование доходило до Парижа, но лишь в начале февраля там осознали его неотложность.

2

Первые решительные усилия, чтобы достигнуть соглашения по основным спорным вопросам договора с Германией,

¹ Речь идет о том случае, когда вечером 13 февраля Вильсон участвовал в заседании Совета десяти, а не в заседании комиссии.

² *Impasse* — тупик (франц.). — Прим. перев.

ГЛАВА XXIV

были предприняты перед самым отъездом президента Вильсона в Соединенные Штаты. Это непосредственно вытекало из трудностей, связанных с продлением перемирия. Немцы проявили решительное нежелание подчиняться условиям, изложенным в договоре о перемирии; союзники, со своей стороны, проявляли при каждом продлении перемирия не менее сильную тенденцию вносить все новые и все более жесткие условия. В то время как главы правительств оттягивали составление условий договора, военные руководители старались вставлять в условия перемирия различные требования, которые в случае их принятия предопределили бы заключительный договор как в территориальном, так и в экономическом отношениях; в случае же отклонения немцами этих условий возобновление войны казалось неизбежным. Опасность этого положения была очевидна, и поэтому возникло движение, вскоре возглавленное президентом Вильсоном, стремившееся положить конец политике булавочных уколов и составить прелиминарный мирный договор, военные условия которого были бы окончательными. Впоследствии генерал Блисс описал создавшуюся тогда обстановку:

«Когда 11 февраля стало необходимо третий раз продлить перемирие — ситуация стала еще более серьезной. Союзные армии были значительно сокращены, и процесс сокращения продолжался быстрыми темпами. Несмотря на то что оружие, предусмотренное условиями перемирия, было сдано немцами, которые, кроме того, оставили на полях сражений больше военного снаряжения, чем ими было сдано по условиям перемирия, — несмотря на все это в некоторых штабах усиливались опасения, что в Германии сохранились еще огромные запасы оружия и что заводы Германии продолжают производить оружие в большом количестве. Если вспомнить, что Германия была в то время полностью деморализована, трудно поверить, чтобы эти опасения имели под собою почву. Тем не менее такой страх существовал. Он проявлялся в еще более суровых условиях, которые предлагалось включить при продлении перемирия...

Американский представитель (генерал Блисс) высказал

следующее мнение: союзники имеют все основания поддерживать существующее ныне в Германии правительство; это правительство в данный период и при существующих обстоятельствах является максимально демократичным; постоянные булавочные уколы со стороны союзников играют на руку германским противникам этого правительства; если произойдет еще одна революция, то на смену этому правительству придет или империалистическое и милитаристское, или же большевистское правительство; и наконец вместо этих постоянных добавлений новых условий к соглашению о перемирии надо сразу же составить окончательные военные условия мира и, предъявив их Германии без дальнейшей отсрочки, избавить союзников от дальнейших опасений...»¹

«5 февраля 1919 г. Генерал Блисс рассказал мне, — писал Хауз в своем дневнике, — о заседании военной секции Верховного военного совета в Версале. Вчера вечером мы говорили об этом с президентом Вильсоном; президент дал Блиссу инструкцию не принуждать немцев к коренным изменениям в условиях перемирия в пользу союзников. Блисс горячо защищал эту установку, с которой президент согласился, что... (резкое расширение условий перемирия) является нечестным и недостойным правительств союзных стран.

На заседании англичане, представленные генералом Вильсоном, и итальянцы, представленные генералом Диасом, голосовали за распространение оккупации на новые части германской территории. Голосу Блисса противостояли два голоса. Фош молчал и ничем не выдал своих намерений. После заседания он попросил Блисса остаться, и в течение трех четвертей часа они вдвоем обсуждали этот вопрос. Фош сказал Блиссу, что глубоко сочувствует американской позиции и что требования англичан и итальянцев могут привести к столкновению, а тогда снова разгорится всеобщий пожар. Перемирие отойдет в прошлое, и начнется определенного рода война.

¹ *Tasker H. Bliss*, *The Armistices* в журнале «*The American Journal of International Law*», вып. 16, стр. 521.

ГЛАВА XXIV

Фош выразил мнение, что необходимо немедленно заключить мир с Германией с тем, чтобы во всем мире заработали бы колеса промышленности. Это как раз то, что я утверждал все время. По мнению Фоша, ситуация крайне опасна для всех нас...

Я попросил президента прийти раньше, до заседания комиссии по вопросу о Лиге наций, для того чтобы рассказать ему о моей беседе с Блиссом. Я предложил, чтобы до того, как этот вопрос будет рассматриваться Верховным военным советом, президент либо повидался с Фошем, либо же заручился разрешением воспользоваться сказанными Блиссом словами Фоша, когда вопрос будет обсуждаться с Клемансо, Ллойд Джорджем и Орландо».

По просьбе Вильсона Хауз взялся переговорить с англичанами и французами об опасности, вытекающей из постоянного ухудшения условий перемирия. Вопрос был поставлен в Совете, где после долгих прений решено было передать его в специальную комиссию, составленную из военных и экономических экспертов под председательством маршала Фоша. Франция была представлена Клемантелем и генералом Дегуттом; Великобритания — лордом Робертом Сесилем и генералом Туэйтсом; Италия — Креспи и генералом Кавальеро; Соединенные Штаты — Норманом Дейвисом и генералом Блиссом. Это была авторитетная комиссия, и доклад, представленный ею Совету 12 февраля, оказался убедительным. Заключительный параграф доклада гласил следующее:

«Члены комиссии желают высказать свое мнение: для того чтобы возможно скорее достигнуть окончательного результата и покончить с затруднениями, постоянно чинимыми немцами, необходимо, чтобы морские и военные условия были немедленно рассмотрены назначенной для этой цели комиссией и предъявлены неприятелю».

Это предложение было горячо поддержано Бальфуrom, который соглашался с Хаузом относительно необходимости ускорить работу по всем существенным разделам договора с немцами и уже до этого выражал сомнения по поводу политики предъявления Германии новых требований посредством

соглашения о перемирии. Сообразно с этим Бальфур внес в Совет следующее предложение:

«В соглашение о перемирии должны вноситься лишь неизбежные незначительные изменения или же вовсе никакие, пока союзники не будут готовы сказать Германии: вот окончательные морские и военные условия мира, которые вы должны принять для того, чтобы Европа могла демобилизоваться и вернуться таким образом к мирной жизни и восстановлению промышленности».

Президент Вильсон выступил с еще более прямой защитой предложения комиссии; он настаивал на том, чтобы немедленно составить окончательные военные и морские условия, продлить перемирие без всяких поправок при условии, что оно может быть расторгнуто с предварительным уведомлением за несколько дней. Это позволило бы произвести демобилизацию и покончить с одним из важных разделов мирного договора.

Клемансо возражал. Подобно многим французам, он не желал производить демобилизацию, пока не будут составлены условия договора, ибо иначе союзники лишились бы той силы, которая могла бы заставить Германию принять тяжелые территориальные и экономические условия предстоявшего договора.

«За долгую мою жизнь, — сказал Клемансо, — я еще раз чувствую себя обязанным с величайшим сожалением заявить, что мои взгляды значительно отличаются от только что нами услышанных. Что же получится, когда военные условия будут подписаны, а союзные армии демобилизованы? Какая же сила сохранится для того, чтобы заставить Германию подчиниться экономическим и политическим условиям? Я не думаю, что мои слушатели позволят себя обмануть. Пусть они почитают немецкие газеты, и они увидят, что эти газеты наполнены не чем иным, как угрозами. Эберт уже говорил: «Мы не примем слишком тяжелых условий». Следовательно, союзники не могут предпринять ни одного шага в деле военной реорганизации и демобилизации, пока не принято решение обо всех условиях».

ГЛАВА XXIV

Бальфур указал, однако, что целью немедленной подготовки военных условий является ускорение процесса разоружения Германии:

«Хорош или плох мой план, но цель его состоит в том, чтобы преодолеть ту опасность, которую предвидит м-сье Клемансо, и добиться того, чтобы Германия больше не могла сопротивляться; а тогда союзники окажутся в таком положении, что смогут взыскать столько репараций, сколько признают справедливым».

Исходя из этого, Бальфур внес резолюцию относительно осуществления поддержанного Вильсоном предложения комиссии о немедленном составлении военных разделов договора. На вечернем заседании Клемансо постепенно перестал сопротивляться: на него, очевидно, повлияло обещание военных экспертов очень быстро составить условия. При этом он, однако, указал, что отъезд Вильсона неизбежно задержит принятие окончательного решения.

«Если бы президент оставался, — заявил Клемансо, — я бы не возражал... Но его отъезд порождает трудности, ибо я совершенно не склонен обсуждать этот вопрос в отсутствие президента Вильсона».

Но сам Вильсон отклонил это возражение, утверждая, что его отъезд не дает оснований задерживать составление военных условий договора.

«М-сье Клемансо сделал мне незаслуженный комплимент, — сказал президент. — В технических вопросах я заимствую главным образом чужие мысли, между тем источники этих мыслей остаются в Париже. Поэтому, если я буду знать, что в принципе мой план принят, я уеду с легким сердцем. Я полностью доверяю мнению моих военных советников... Я не хочу, чтобы мое отсутствие приостановило такую важную, необходимую и неотложную работу, как подготовка предварительного мирного договора».

Предложение о немедленном составлении договора, одобренное в конечном счете Клемансо, было оформлено в виде резолюции, наиболее существенная часть которой приводится ниже.

Резолюция Верховного совета

Париж, 12 февраля 1919 г.

Комиссии под председательством маршала Фоша надлежит немедленно подготовить и представить на утверждение Верховного военного совета подробные и окончательные — морские, военные и авиационные — условия прелиминарного мирного договора; по утверждении эти условия будут предъявлены для подписания немцам, причем немцы должны быть немедленно уведомлены об этом решении объединенных правительств.

Эта резолюция не должна была помешать ускорению работы по составлению территориального и экономического разделов договора, которыми занимались различные комиссии мирной конференции. Президент Вильсон обсудил с полковником Хаузом вопрос о желательности ускорения работы по всем основным линиям во время его отсутствия. Президент полагал, что если бы удалось достигнуть окончательного соглашения не только по военным, но и по всем вопросам, то дело только выиграло бы; он уполномочил Хауза действовать от его имени на время его отсутствия и 12 февраля сообщил об этом на заседании Совета.

«Президент Вильсон сказал, — гласит протокол, — что... он рассчитывает вернуться к 13 или 15 марта, пробыв в Америке только одну неделю. Он, однако, не хотел бы, чтобы во время его неизбежного отсутствия задержалось рассмотрение таких вопросов, как территориальный или вопрос о возмещении убытков. Он просил полковника Хауза замещать его на время его отсутствия»¹.

¹ Бэйкер («Woodrow Wilson and World Settlement», v. I, ch. XVII) пытается доказать, что Вильсона неприятно удивила попытка Совета подготовить в его отсутствие прелиминарный договор, охватывающий территориальные и экономические вопросы. Бэйкер цитирует первую и последнюю фразы приведенного выше заявления, но совершенно опускает главную фразу, в которой Вильсон выражает надежду, что эти вопросы будут поставлены. (См. приложение к настоящей главе, а также R. S. Baker, Woodrow Wilson and World Settlement, v. I, p. 290.)

ГЛАВА XXIV

«14 февраля 1919 г. Сегодня утром президент пришел в 10 часов, — писал Хауз в своем дневнике, — и ушел только в час дня. Мы провели двадцать минут вдвоем в моем кабинете и успели договориться по всем важнейшим вопросам, о которых я хотел побеседовать с ним до его отъезда в Америку. Я изложил мой план работы во время отсутствия президента; я считал, что в ближайшие четыре недели мы сможем все увязать. Он был ошеломлен и даже встревожен этим заявлением. Поэтому я объяснил ему, что мой план фактически предусматривает не окончательное решение по этим вопросам, а приведение их в состояние готовности для того, чтобы по возвращении он мог с ними покончить... Одной из главных наших задач было установить программу, необходимую для заключения прелиминарного мирного договора с Германией; программа была такая:

1. Сокращение армии и флота Германии до уровня мирного времени.
 2. Демаркация границ Германии. Сюда входит и уступка ее колоний.
 3. Сумма, подлежащая внесению в виде репараций, и срок ее выплаты.
 4. Соглашение об экономических отношениях с Германией.
- Я спросил президента, не хочет ли он добавить что-нибудь к этим четырем статьям. Он сказал, что считает их достаточными.

Я просил президента на время его отъезда помнить, что иногда для достижения результатов необходимо уступать, но уступать не в принципиальных вопросах, а в деталях; сам президент за время, проведенное здесь, уступал не раз. Я не хотел, чтобы он, уезжая, надеялся достигнуть невозможного по всем вопросам».

3

В тот же вечер, 14 февраля, президент Вильсон выехал из Парижа, направляясь в Америку. Полковник Хауз, наделенный всеми полномочиями для ускорения работы, необходимой для составления договора с Германией, приступил к делу

вместе с британским министром иностранных дел, который в такой же мере, как и Хауз, стремился к тому, чтобы быстрее разрешить дело.

«16 февраля 1919 г. Сегодня вечером совещался с Бальфуром. Я изложил мои взгляды относительно наиболее удобного метода работы, который позволит быстро заключить предварительный мирный договор с Германией и подстегнуть работу конференции в вопросах границ и т. д. и т. п. Он со мною согласен, и завтра он должен будет повидаться с японскими делегатами. Я обещал поговорить с итальянскими делегатами и заручиться их согласием. После этого мы с ним повидаем Клемансо и попытаемся перетянуть его на нашу сторону».

Ллойд Джордж и Орландо покинули конференцию в связи с неотложными внутриполитическими проблемами; все полномочия по ведению дел в Париже они возложили на своих министров иностранных дел. Все соглашались с тем, что необходимо ускорить заключение мира. Но в среду, 19 февраля, когда Клемансо в автомобиле направлялся из своего дома на Рю Франклен на свидание с Бальфуром и Хаузом, он был ранен коммунистом, который в упор выстрелил семь раз в премьер-министра. Одна из пуль на волосок прошла мимо позвоночника и засела под лопаткой. «К счастью, негодяй оказался плохим стрелком», — заметил Клемансо. Сохранив сознание и полное хладнокровие, Клемансо сумел добраться до своей спальни. Однако, несмотря на заверения о том, что рана не смертельна, конференции, по-видимому, угрожала длительная задержка.

«Мы с Бальфуром, — писал Хауз, — должны были в десять часов встретиться с Клемансо. В девять часов с минутами мне сообщили, что на него произведено покушение и он ранен. Около десяти часов Бальфур пришел в «Крийон», мы беседовали около часа с четвертью. К этому времени пришел барон Соннино, и мы совещались втроем около трех четвертей часа. Затем мы отправились в военное министерство, оставили свои визитные карточки и осведомились о состоянии здоровья председателя совета министров.

ГЛАВА XXIV

Не говоря уже о личной стороне дела, величайшим несчастьем является то, что Клемансо ранен в такое время. Он вместе с нами стал уже понимать, что необходимо поскорее заключить мир с Германией. К этому он пришел, не только поняв, что Германия, по выражению Фоша, «раздавлена», но и вследствие грозных признаков волнений во французской армии. Я всеми силами старался... объяснить союзникам, что если мы не заключим мира в скором времени, то в один прекрасный день внезапно наступит беда, а тогда уже неизбежно придется подписать поспешный и плохо продуманный мирный договор».

«20 февраля 1919 г. К нам с Лансингом приходил генеральный секретарь мирной конференции Дютаста и спрашивал, согласимся ли мы при создавшихся обстоятельствах отложить до понедельника заседание на Кэ д'Орсе. Дютаста сказал, что к воскресенью они смогут установить, в состоянии ли Клемансо в скором времени принимать участие в работе конференции или же ее придется продолжать без него. Сперва мы нехотя согласились отложить работу только на один день, но потом решили подождать до понедельника при условии согласия на это англичан. Французы отправились к Бальфуру, но он согласился отложить только сегодняшнее заседание. Я думаю, что он поступил разумно, ибо один бог знает, насколько серьезно то дело, которым мы заняты, и что оно не терпит отсрочки независимо от чьей-либо болезни или несчастья».

«22 февраля 1919 г. Мне сообщили, что м-сье Клемансо просит меня зайти, чтобы со мною посоветоваться... Я пробыл у него немногим более двадцати минут. Со времени покушения бедняга не может подняться с кресла. Он называет это «несчастливым случаем». Ему следовало бы запретить принимать посетителей».

Неукротимый дух премьер-министра одержал верх над теми, кто хотел прервать конференцию до его полного выздоровления. Он согласился с Бальфуром и Хаузом, что работа по подготовке договора с Германией должна быть ускорена; такого же мнения придерживался и маршал Фош.

Телеграмма полковника Хауза президенту

Париж, 19 февраля 1919 г.

«Только что мне доставили нижеследующий меморандум начальника британского генерального штаба:

«Сегодня утром я имел интересную беседу с маршалом Фошем, в процессе которой он высказал следующие взгляды. В результате его недавних переговоров с германским представителем в Трире он держится мнения, что при существующих условиях мы можем продиктовать Германии условия мира. Германское правительство примет любые предъявленные нами условия. Но, говорит Фош, нельзя терять времени. В настоящую минуту Германия озабочена лишь одной мыслью — мыслью о мире; происходит это оттого, что германское правительство непрочно и нуждается в мире, чтобы укрепить свое положение; что же касается народа, то он больше всего страшится возобновления военных действий. Дальнейшая борьба происходила бы уже в самой Германии, и немцы боятся опустошения своей территории. По мнению маршала, в настоящее время Германия не располагает военными силами, с помощью которых она могла бы воспрепятствовать наступлению союзных армий.

Вот почему, если мы будем действовать достаточно быстро и умело, Германия примет наши условия; никто, однако, не знает, как долго сохранится нынешнее положение. Промедление опасно. Вследствие этого маршал настойчиво требует немедленного определения трех главных условий мира, которые союзники намерены предъявить Германии, а именно: 1. Численность ее вооруженных сил; 2. Ее границы; 3. Причитающееся с нее возмещение. Он считает, что если бы в течение ближайших нескольких дней мирной конференции удалось урегулировать эти вопросы и если бы ему, скажем, ровно через неделю поручили вернуться в Трир с условиями союзников, то он гарантирует, что на следующий же день немцы примут эти условия. А тогда весь мир перейдет из состояния войны в столь пылко ожидаемое состояние мира и воцарится всеобщее ликование.

Что касается упомянутых выше трех пунктов, то маршал Фош не предвидит трудности договориться в ближайшие же

ГЛАВА XXIV

сорок восемь часов о численности германской армии и флота мирного времени. Он весьма склонен сказать немцам в этом прелиминарном мирном договоре, что, какова бы ни была судьба рейнских провинций и какую бы форму управления этими провинциями ни решили установить союзники, Германская империя ни при каких условиях не будет простирается за Рейн. По мнению Фоша, подобное решение необходимо для безопасности Франции; оно упростит определение западной границы. Он считает, что не будет непреодолимых препятствий и в деле установления временной границы между Германией и Польшей, причем впоследствии эту границу можно будет изменить с уточнением деталей. Маршал склонен установить круглую сумму следуемых с Германии платежей, называя при этом цифру в 100 млрд. франков. Он говорит, что не его дело заниматься подсчетом фактической суммы ущерба, но он настаивает на принципе включения круглой суммы возмещений в условия, которые он предъявит Германии при следующей своей поездке в Трир. Если таким образом удастся установить условия предварительного мирного договора с Германией, союзники смогут обратить свое внимание на русскую проблему, решение которой потребует времени. Маршал считает, что союзники могут проиграть войну, если им не удастся найти удовлетворительное решение русской проблемы; это произойдет в том случае, когда Германия урегулирует эту проблему соответственно своим интересам или когда анархия распространится еще больше. Он стоит за такое решение, которое помогло бы всем антибольшевистским элементам в России и всем соседям России, сопротивляющимся большевистскому вторжению. Он даже готов пойти на сотрудничество с Германией после подписания прелиминарного договора о мире и считает, что такое сотрудничество может оказаться весьма ценным».

Эдуард Хауз».

Полковник Хауз далеко не одобрял позиции французов, предлагавших навсегда отделить прирейнские земли от Гер-

мании. Вскоре он получил от президента Вильсона весьма определенное предупреждение даже против временного отделения. Президент настойчиво рекомендовал ему также избегать поспешного окончательного решения о германских границах, ибо этот вопрос требовал длительного и углубленного рассмотрения. 20 февраля он послал Хаузу телеграмму по поводу взглядов маршала Фоша; ниже приводится изложение наиболее существенных мест из этой телеграммы:

«... Я только что прочел переданный вам меморандум начальника британского генерального штаба о его беседе с маршалом Фошем. Я усматриваю в этом попытку воспользоваться оказанными французами услугами, чтобы заставить нас поспешно примириться с их планами относительно западного берега Рейна... Я знаю, что могу положиться на вас и на ваших сотрудников в том, что вы устоите против такой программы; но помимо этого я, конечно, желаю, чтобы чисто военные и морские условия были быстро выработаны и предъявлены немцам. Я не хочу, чтобы были окончательно решены какие-либо условия, кроме военных и морских, и я уверен, что, пытаясь осуществить нечто в этом роде, Совет десяти значительно превысил бы свои полномочия. Определение географических границ Германии затрагивает судьбы и интересы других народов, поэтому мы не можем рисковать тем, чтобы нас поспешно втянули в решение, обусловленное исключительно французской официальной точкой зрения... Горячо благодарен за присылаемую вами исчерпывающую информацию»¹.

В планы Хауза отнюдь не входило спешить с принятием решения по территориальным и экономическим вопросам до возвращения президента. Хауз, однако, стремился расчистить в отсутствие президента путь, ускорив работу комиссий экспертов; президент и сам заявлял Совету, что он не хочет задерживать дела на время своего отсутствия. Вследствие этого в ответной телеграмме Вильсону Хауз изложил выработанный им

¹ Из телеграммы Вильсона Хаузу от 20 февраля 1919 г.

совместно с Бальфуrom план ускорения работы по подготовке договоров. Очевидно, президент признал целесообразность этого плана, ибо никаких комментариев от него больше не последовало.

Решено было, что на заседании Совета 22 февраля Бальфур внесет резолюции об ускорении работы по территориальным и экономическим статьям¹. Уже начальной фразой своих резолюций — «без ущерба решению Верховного военного совета о предъявлении в скором времени Германии морских, военных и авиационных условий мира» — Бальфур позаботился о том, чтобы не затрагивать вопроса о быстром составлении военных разделов договора с Германией. Он отнюдь не желал сорвать решение, принятое 12 февраля, к которому так охотно присоединился Вильсон. Вильсон считал наиболее существенными военные условия, он никоим образом не хотел их откладывать и был уверен, что всякое ускорение в этом направлении продвинет и окончательное соглашение. «Если окончательные военные предложения, — говорил он, — вскоре будут готовы для рассмотрения на конференции, то не следует ли воспользоваться этим фактом,

¹ Внесенные в Совет резолюции гласили следующее:

«1. Без ущерба решению Верховного военного совета о предъявлении в скором времени Германии морских, военных и авиационных условий мира конференция считает желательным приступить без промедления к рассмотрению прочих условий прелиминарного мирного договора с Германией и максимально ускорить изучение необходимых материалов.

2. Условия прелиминарного мирного договора, помимо морских, военных, авиационных требований, должны касаться следующих пунктов:

- а) примерные будущие границы Германии;
- б) финансовые обязательства, предъявляемые Германии;
- в) наши экономические отношения с Германией после войны;
- г) ответственность за нарушение законов войны.

3. Для того чтобы конференция с минимальным промедлением могла воспользоваться плодами трудов различных комиссий, которые изучали эти вопросы, предлагается, чтобы эти комиссии представили свои доклады генеральному секретарю не позднее чем в субботу, 8 марта. Это постановление не относится к комиссиям, созданным после 15 февраля, которые, пожалуй, не смогут представить свои доклады в такой короткий срок; однако и в таких случаях предлагается представить предварительные доклады по всем вопросам, касающимся прелиминарных условий мирного договора с Германией».

чтобы достигнуть важного условия прелиминарного мирного договора?»

К несчастью, однако, доклад военных экспертов не был еще готов; между тем жалко было терять время, которое можно было использовать для подготовки статей проекта договора о политических и экономических условиях. «Во всех странах начинает проявляться чувство нетерпения из-за явно замедленного хода работ конференции по составлению текста окончательного мирного договора, — сказал Бальфур. — Было бы глупо совсем пренебречь опасностью, которую могут породить подобные настроения».

Французы, естественно, сочувственно относились к предложению Бальфура, так как Клемансо еще с самого начала предвидел опасность, вытекающую из демобилизации до предъявления Германии всех условий. Клемансо уступил, когда казалось, что военные условия можно составить в несколько дней. Когда же стало ясно, что затяжка неизбежна, он настойчиво потребовал, чтобы была сделана попытка подготовить политические и экономические условия и чтобы они, если возможно, также были включены в прелиминарный договор.

«Сегодня утром (22 февраля), — сказал Бальфур, — мы вместе с м-сье Питоном обсуждали этот вопрос с м-сье Клемансо, который склонялся к тому, чтобы морские и военные условия мирного договора не отделять от других сторон вопроса в целом. М-сье Клемансо крайне заинтересован в ускорении работы, но он полагает, что цель легче всего может быть достигнута, если подождать, пока будут сделаны выводы по всем вопросам. М-сье Клемансо считает, что с принятием Германией морских и военных условий мира отпадет стимул к быстрому решению дела и из-за мелких разногласий прочие вопросы затянутся на бесконечно долгий срок».

Полковник Хауз горячо поддержал Бальфура.

«Я весьма рад, — сказал Хауз, — что конференция намерена возможно скорее выработать прелиминарный мирный договор. По-моему, мирные переговоры следовало начать еще

ГЛАВА XXIV

11 ноября прошлого года, сразу же после подписания первого соглашения о перемирии. Я всегда считал, что отсрочка благоприятна только для Германии и что чем дольше будет откладываться подписание мира, тем больше шансов, что обстоятельства сложатся менее благоприятно для союзников. Что же касается внесенных на конференцию двух предложений, то я считаю, что это возложило бы на Германию весьма суровые военные условия. И я считаю, что немцы тем скорее согласятся принять эти обязательства, если они будут одновременно осведомлены о мирных условиях в целом. Тогда немцы вполне осознают свое положение».

«Мне было ясно, — писал Хауз в своем дневнике в этот вечер, — что требования Соннино о поправках к резолюции Бальфура настолько спутают условия мира с Германией с условиями мира с Австрией, что это вызовет бесконечную затяжку дела. Вот почему я предложил рассматривать эти вопросы раздельно. Бальфур опасался этого, так как считал, что не хватит людей для такого множества различных комиссий. Я сказал ему, что если мы [американцы] справляемся с этим делом, то он [исполняющий обязанности главы британской делегации], несомненно, сумеет справиться, так как Англия находится очень близко».

В резолюцию было включено еще одно, предложенное м-ром Лансингом, интересное изменение параграфа, определявшего пределы условий, предъявляемых Германии: были вставлены слова *inter alia*¹.

Как явствует из дневника полковника Хауза, он предложил м-ру Лансингу внести эту поправку для того, чтобы предупредить в дальнейшем любые попытки исключить устав Лиги наций из предварительного договора. Официальная резолюция

¹ С этим изменением параграф гласил: «Предварительные мирные условия, помимо морских, военных и воздушных условий, должны *inter alia* охватывать следующие пункты:

а) примерные будущие границы... (и только для Германии: отказ от колониальных территорий и договорных прав за пределами Европы);

б) финансовые условия, налагаемые на...

в) экономические условия, предоставляемые...

г) ответственность за нарушение законов войны».

мирной конференции обеспечивала включение устава в окончательный договор; однако если бы резолюция об условиях прелиминарного договора оказалась слишком ограниченной, то нетрудно было бы возразить против включения этого устава в договор.

«Я имел в виду, — писал Хауз, — что мы захотим включить устав Лиги наций в (прелиминарный) договор с Германией. Но в тот момент я не хотел поднимать этот вопрос и объяснил Лансингу, что это вызовет бесконечную дискуссию с французами, а посему лучше оставить место как для этого, так и для других вопросов, специально их не упоминая».

Таким образом, Совет решил ускорить, насколько возможно, работу над общим прелиминарным договором с Германией. В одном отношении можно критиковать политику, которая привела к такому решению, а именно в том, что оно задерживало подготовку военного раздела договора, о немедленном составлении которого Совет уже принял решение. Такое критическое отношение выразил 24 февраля лорд Милнер:

«Лично я по-прежнему считаю, что окончательное разоружение Германии крайне необходимо; я имею в виду уменьшение ее военной мощи до такой степени, которую мы готовы разрешить ей иметь постоянно. Этот шаг мы должны сделать как можно скорее, когда же он будет сделан, это значительно ускорит принятие не только Германией, но и всеми нашими противниками всех прочих условий мира. Это является также абсолютно необходимой предпосылкой для нашей собственной демобилизации в таком масштабе, в каком нам всем хотелось бы ее провести...

Я не хочу начинать новую дискуссию по резолюциям, которые мы собираемся сейчас принимать. Но, надеюсь, я в праве считать, что принятие этих резолюций не помешает нам сразу же предъявить Германии окончательные военные, морские и прочие условия, которые обсуждаются в настоящее время маршалом Фошем и его коллегами, если по представлении этих условий мы их одобрим. Иначе говоря, я надеюсь, что каждый из нас по-прежнему сохраняет за собою право

поднять в таком случае вопрос о немедленном предъявлении этих условий».

Дискуссия, последовавшая за заявлением Милнера, поставила решение вопроса об отдельном военном договоре в зависимость от того, как скоро военные эксперты представят проект условий и удовлетворит ли этот проект Совет. Случилось так, что доклад комиссии военных экспертов был готов только к 3 марта, а Совет нашел необходимым внести в него столько изменений, что доклад был возвращен для переделки. Только к 17 марта, уже после возвращения Вильсона, военные условия наконец «понравились» Совету, в соответствии с требованиями Милнера, и были одобрены. К тому времени работа над окончательными экономическими и политическими требованиями казалась настолько близкой к завершению, что мысль о предъявлении отдельного военного договора по молчаливому согласию была оставлена¹.

4

Таким образом, резолюция Бальфура не задержала, как этого боялся Милнер, формулирования военных условий, а, наоборот, дала стимул для работы вплотную, которая проявлялась во многих направлениях. Все комиссии согласились, как выразился Тардье, «сделать усилие». Вопросы, которые комиссиям не удавалось решить окончательно, выделялись и обсуждались Клемансо, Бальфуrom и Хаузом, устраивавшими вне Совета десяти регулярные совещания, аналогичные тем, какие предшествовали заседаниям Верховного военного совета в период заключения перемирия.

Проблему репараций передали в экспертную комиссию, где Соединенные Штаты были представлены Ламонтом, Норманом Дейвисом, Барухом и Вэнсом Мак-Кормиком. Комиссия разбилась на подкомиссии для рассмотрения вопросов по категориям, т. е. о характере германской ответственности в об-

¹ См. приложения к этой главе.

ласти репараций, о германской платежеспособности и о методах взыскания с Германии платежей. В отсутствие Вильсона американские члены комиссии часто консультировались с Хаузом, который с самого начала посоветовал им положить под сукно вопрос о включении военных расходов и пенсий в репарационный счет наряду с прямыми убытками и сосредоточиться на изучении германской платежеспособности. На основании предварительного соглашения о перемирии американцы считали бесспорным, что косвенные военные расходы и пенсии не следует включать в этот счет. Хауз не желал спорить по этому вопросу, так как был уверен, что при добросовестном изучении германской платежеспособности станет ясно, что практически немцы неспособны заплатить больше и даже столько, сколько предусматривалось предварительным соглашением о перемирии¹.

К сожалению, не менее трудным оказалось достигнуть согласия по вопросу о германской платежеспособности. Французы и англичане грубо преувеличивали сумму, которую они считали возможным взыскать с Германии. Их первоначальные расчеты превышали расчеты американских экспертов на сотни миллиардов долларов.

«21 февраля 1919 г. Томас Ламонт и Вэнс Мак-Кормик, — писал Хауз, — пришли, чтобы доложить о ходе работ репарационной комиссии. Дело пошло у них лучше, поэтому есть не-

¹ Тем не менее дискуссия о категориях репарационных платежей продолжалась. Хауз запросил по телеграфу указаний Вильсона; президент ответил категорическим отказом согласиться на включение косвенных военных расходов, после чего они не были включены. В дальнейшем президент уступил доводам генерала Смэтса и согласился на включение пенсий в категорию репараций. (См. статью Ламонта в книге «What Really Happened at Paris», изд. Скрибнер, 1921, стр. 271—272.) Телеграмма президента Вильсона гласит: «Я чувствую, что честь обязывает нас отказать в согласии на включение военных расходов в требуемые репарации. Об этом нужно было думать до того, как первоначальные условия мира были сообщены неприятелю. Мы должны от этого отмежеваться и, если потребуются, отмежеваться публично, но не на том основании, что это по существу несправедливо, а потому, что это находится в явном противоречии с тем, что мы обдуманно дали неприятелю основания ожидать и не можем теперь бесчестно изменять, основываясь просто на нашей силе».

которое основание надеяться, что в не очень отдаленном будущем они представят доклад. Англичане предъявляют Германии предварительный счет общей суммой в сто двадцать миллиардов долларов; французы же считают, что Германия должна заплатить в общей сложности двести миллиардов долларов. Иначе говоря, французы хотят, чтобы Германия заплатила сумму в двести раз больше той, которую они заплатили немцам в 1871 г. и которую французы считали тогда чрезмерной. Они хотят рассрочить платежи на пятьдесят пять лет...

Наши эксперты считают, что максимум не должен превышать двадцати двух миллиардов долларов, и даже склоняются к тому, что сумма должна быть еще меньше».

«27 февраля 1919 г. Перед завтраком пришли Дейвис и Ламонт, чтобы доложить о том, как продвигается работа репарационной комиссии. Днем они снова приходили с докладом; я посоветовал им согласиться на сумму в сорок миллиардов долларов, но при этом всячески оградить Соединенные Штаты, чтобы ни при каких условиях мы не были обязаны ни юридически, ни морально помогать насильственному взиманию платежей¹. Эта сумма кажется совершенно абсурдной...»

Не менее трудно было достигнуть соглашения по вопросу о германских границах. Французы настаивали на том, что для обеспечения их безопасности территории на левом берегу Рейна должны образовать независимое в политическом отношении государство. Против этого решительно возражали и Бальфур и Хауз. Вначале Хауз надеялся, что удастся удовлетворить Францию, подчеркивая защиту, которую дала бы ей Лига. Вскоре, однако, он понял непреодолимое и единодуш-

¹ В конечном счете в связи с установкой французов и англичан было решено вообще не включать в договор какой-либо определенной суммы. «М-сье Клемансо, — пишет Ламонт, — первым из премьеров, побуждаемый в данном случае министром финансов м-сье Клотцом, выступил с заявлением, что о какой бы сумме в конечном счете ни договорились эксперты, для предъявления счета Германии эта сумма окажется значительно меньше, чем ожидает французский народ, а поэтому никакой кабинет, который принял бы ее как окончательную, не смог бы удержаться. М-р Ллойд Джордж, никогда не остававшийся глухим к политическим доводам, с готовностью присоединился к этой точке зрения» («What Really Happened at Paris», p. 262).

ное стремление французов лишить Германию всякой возможности совершить вторжение в будущем; для этого они в первую очередь желали оттеснить ее, по меньшей мере в военном смысле, за Рейн. Сознывая неизбежность компромисса, он согласился, чтобы впредь до осуществления условий договора и признания Лиги в качестве международной силы французам было разрешено занять предмостные позиции, а может быть, и оккупировать Рейнскую область.

«9 февраля 1919 г. (Совещание с Бальфуrom.) Мы очень долго обсуждали французское предложение о создании Рейнской республики в качестве буферного государства между Германией и Францией. Французы одержимы одной мыслью — о военной защите. Словно они не понимают, что создание Рейнской республики против воли населения противоречит принципу самоопределения, а если бы мы ее создали, то население в любую минуту могло бы на началах федерации объединиться с прочими германскими государствами. Если бы мы пошли на это, то мы поступили бы с Германией иначе, чем с остальным миром. Нам угрожала бы опасность настроить против западных держав все население от Рейна до Тихого океана, в том числе, быть может, и Японию. Немцы сразу же стали бы интриговать, создавая комбинацию государств против Англии, Франции и Соединенных Штатов. В своей пропаганде они стали бы говорить, что Англия и Соединенные Штаты задались целью установить над миром англосаксонское владычество и для достижения своих целей используют Францию как пешку...

И все же оба мы глубоко сочувствуем Франции, тому тягостному положению, в котором она очутилась, — положению тем более серьезному, что фактически каждому французу противостоят два немца. Единственная надежда Франции на будущее заключена в Лиге наций и в том общем умонастроении, которое мы хотим создать с ее помощью. Если бы, образовав Лигу, мы оказались настолько глупы, что позволили бы Германии обучить и вооружить крупную армию и снова превратиться в угрозу для всего мира, то мы заслужили бы удел, обусловленный этой глупостью».

ГЛАВА XXIV

«11 февраля 1919 г. (Совещание с Луи Обером¹.) Тот факт, что каждому французу противостоят два немца, а также то обстоятельство, что Россия настроена теперь более благожелательно к Германии, чем к Франции, делает ситуацию опасной. Я не считаю, однако, что ситуацию можно улучшить с помощью плана, задуманного французами. Для Франции, равно как и для Англии и Соединенных Штатов, плохо было бы обидеть Германию, ибо эта обида обернулась бы против нас, точно так же как обида, причиненная Франции Германией в 1871 г., обернулась против Германии. Всякая несправедливость по отношению к Германии привлечет к ней симпатии значительной части всего мира, особенно той, которая близко прилегает к ней. Если мы предъявим ей несправедливые требования, то это просто поведет к новой войне... Единственный наш шанс добиться мира заключается, по-моему, в том, чтобы создать Лигу наций, честно обращаться с Германией и проследить за тем, чтобы она лишена была возможности снова создать и содержать такую армию, которая представляла бы угрозу».

«19 февраля 1919 г. (Совещание с Бальфуrom.) Бальфур опасается, что у нас возникнут затруднения с французами по вопросу о создании Рейнской республики, на чем они усиленно настаивают. Я полагаю, что, может быть, удастся найти выход. Если Германии запрещено будет в течение десяти лет производить воинский набор и если нынешняя ее армия будет демобилизована и доведена до 150 тыс. человек, тогда, конечно, не может быть опасности вторжения во Францию. Французы могут оккупировать предмостные позиции на Рейне впредь до выполнения Германией обязательств, возложенных на нее мирным договором».

«23 февраля 1919 г. Я имел беседу с Андре Тардые в номере у Вэнса Мак-Кормика в отеле «Ритц». Французы, сказал он, не собираются настаивать, чтобы Рейнская республика, о ко-

¹ Выдающийся публицист, сотрудничавший в то время с Андре Тардые и руководивший работами французской правительственной комиссии, которая соответствовала американскому Исследовательскому бюро.

торой говорил со мной Клемансо, навсегда лишена была возможности унии с Германией. Через пять, десять или сколько-то лет, когда Лига наций будете действовать в качестве барьера против войны, французы не станут возражать против того, чтобы Рейнская республика поступила в соответствии с желанием своего народа. Это, разумеется, освобождает проблему от одной из ее наименее приемлемых черт, так как иначе это полностью противоречило бы политике самоопределения».

Наряду с этими узловыми задачами, затрагивавшими договор с Германией, бесчисленное множество других задач требовало повседневного внимания; часть этих задач была тесно связана с вопросами мирного соглашения, часть относилась к текущей политике.

Бельгийцы требовали, чтобы им оказали предпочтение в вопросах о репарациях, и опасались французского влияния в Люксембурге. Далее — как поступить с интернированным германским флотом? Теперь, когда большевики отказались участвовать в конференции на Принцевых островах¹, какую позицию должны занять союзники? Как устроить дело с доставкой продовольствия в Австро-Венгрию и Германию? Обострялась ссора между итальянцами и югославами. Возникла угроза французской кредитоспособности, что требовало определенных мероприятий. Может ли Лига наций уже начать функционировать, чтобы помочь мирной конференции в решении текущих вопросов? В какую форму должны вылиться заседания конференции, когда будут приглашены немцы?

Хауз ежедневно ставил президента в известность обо всех этих многочисленных вопросах. Надо было достигать соглашения, и притом быстро, между тем соглашения возможны были только на основе компромиссов. В какой мере должно было следовать политике компромиссов? Если архив полковника и кажется путаным, то по крайней мере в этом отношении он точно отображает ситуацию.

¹ Утверждение не соответствует действительности. В заявлении НКВД от 4 февраля 1919 г. Советское правительство выражало свое согласие на подобную конференцию. Переданные Булиту советские мирные предложения остались без ответа. — *Прим. ред.*

Телеграммы полковника Хауза президенту

Париж, 23 февраля 1919 г.

«Джордж приедет в Париж не ранее пятницы, 28 февраля. В отношении России ничего не будет предпринято до его приезда. Я выяснил его взгляды по этому вопросу, по существу они сводятся к следующему:

«Не предпринимать иностранной интервенции против Советской России и не посылать никаких иностранных войск на помощь небольшевистской России кроме добровольцев, которые отправятся по собственному почину; но оказывать материальную помощь правительствам тех территорий, которые не желают подчиниться большевистскому владычеству, с тем, чтобы помочь им удержаться на своих территориях. Россия должна спасти себя сама. Если она будет спасена внешней интервенцией, то фактически она спасенной не будет. Мы обязаны оказать моральную, материальную, а если понадобится, и военную поддержку для защиты Польши, Финляндии и тому подобных государств от большевистского нашествия. Военные круги во Франции и в Англии одинаково настроены в пользу интервенции, но категорически отказываются высказаться о том, каким образом будут покрыты соответствующие расходы. Франция безусловно не может платить, мы (англичане), я уверен, тоже не можем. Возьмет ли Америка эти расходы на себя?»

Я не думаю, чтобы по приезде Джорджа нам было трудно достигнуть соглашения по вопросу о нашей русской политике, поскольку взгляды, очевидно, совпадают с нашими¹.

Эдуард Хауз.

¹ За три дня до этого, 20 февраля, президент прислал Хаузу телеграмму, первую фразу которой мы здесь передаем: «Я надеюсь, вы объясните, что мы не воюем с Россией и ни при каких обстоятельствах, которые мы можем сейчас предвидеть, мы не примем участия в военных операциях против русских».

Париж, 24 февраля 1919 г.

«Вы, несомненно, получили текст отдельных резолюций, принятых сегодня по вопросу о подготовке условий прелиминарного мира с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией.

1. Генерал Блисс действует сообща с военными лидерами, их доклад будет сообщен по телеграфу, как только он будет готов.

2. Наши эксперты по территориальным вопросам в основном соглашались с англичанами и французами относительно границ Германии. Тардье, выдвинувшийся со времени покушения на жизнь Клемансо, говорил мне вчера, что Франция согласна, чтобы Рейнская республика была организована только на ограниченный период, в конце которого населению разрешено будет самому определить свою дальнейшую судьбу. Он говорит, что таким путем все мы получим передышку, а Франции будет обеспечена защита на то время, пока она не оправится от нынешней войны. При таком положении принцип самоопределения будет сохранен¹.

3. Теперь, кажется, удастся подойти к такому решению репарационного вопроса, которое мы сможем принять, не отказываясь от принципа, принятого Германией и союзниками в период заключения перемирия. В том случае, однако, если возникнет серьезная угроза отказа союзников от этого принципа, для нас, быть может, разумно было бы намекнуть, что так как мы не хотим ни в каком отношении нарушать соглашение между объединенными правительствами и Германией, заключенное в момент перемирия, то мы предпочтем отказаться от какого бы то ни было участия в какой бы то ни было доле возмещений, получаемых от Германии, кроме той суммы репараций, на которую мы претендуем и в состоянии покрыть из фондов, находящихся в распоряжении установленной государством опеки иностранных имуществ. Если выступить с таким намеком, то, может быть, союзники пересмотрят свою позицию.

¹ Президент Вильсон с этим совершенно не согласился.

ГЛАВА XXIV

4. Заявление о предлагаемых Германии экономических условиях придется по необходимости составить лишь в общих чертах.

5. В настоящее время мы придерживаемся следующего плана: первоочередность работ комиссий, занятых вопросами, существенными для подготовки мирного договора с Германией. Доклады этих комиссий должны быть готовы к 8 марта; ко времени вашего приезда они должны быть оформлены так, чтобы вы могли без промедления рассмотреть их. После вашего одобрения доклады должны быть представлены на пленарное заседание конференции для достижения по ним соглашения между всеми державами. Если этот порядок работы будет соблюден, мирную конференцию можно будет созвать не позднее первой недели апреля.

Эдуард Хауз».

Париж, 25 февраля 1919 г.

«Я бы предложил, чтобы вы пригласили м-ра Тафта. В Соединенных Штатах он возглавляет тех, кто пытается поддержать вас в вашей борьбе за Лигу наций. Шлю искренние поздравления по поводу вашего замечательного выступления в Бостоне. Здесь о нем отзываются с величайшей похвалой.

Эдуард Хауз».

Париж, 26 февраля 1919 г.

«1. Джордж хочет повести свои дела с таким расчетом, чтобы быть в Париже в наиболее удобное для вас время. Он может приехать либо в конце этой недели и пробыть здесь примерно неделю, или же приблизительно 14 марта и провести здесь около десяти дней. Предполагается, что его комиссия по вопросам труда представит свой доклад к 20 марта, но, вероятно, он сможет отложить представление этого доклада на пять или максимум на шесть дней, если в это время он будет занят на Парижской конференции. Предлагаю уполномочить меня выразить Джорджу ваше пожелание, чтобы он приехал 14 марта и пробыл сколько сможет. Пожалуйста, телеграфируйте мне по этому вопросу как можно скорее.

2. В понедельник вечером у меня были Пишон и Клотц. Они чрезвычайно встревожены финансовым положением Франции и заявляют, что если Англия не обеспечит Францию некоторой суммой английской валюты, и притом сразу же, то произойдет резкое падение курса французского франка со всеми вытекающими отсюда катастрофическими последствиями. По словам Питона и Клотца, в Париже вскоре ожидается британский канцлер казначейства, и они задали вопрос: согласен ли я устроить совещание с ним по этому вопросу. Я согласился повидаться с ним в любую минуту. В четверг днем приходили ко мне Клотц, Тардье и другие должностные лица французского казначейства; они просили меня срочно снестись с Англией о немедленном обеспечении Франции валютой в сумме нескольких миллионов фунтов стерлингов для того, чтобы она смогла перебиться до приезда канцлера казначейства на совещание в Париж. Я обещал сделать все, что в моих силах. Я сразу же принял меры: указал Ллойд Джорджу, какой плачевный результат может получиться из-за французских финансовых затруднений, и уговаривал его дать французам немного английской валюты, чтобы позволить им справиться со своими затруднениями. Джордж распорядился о переводе необходимых средств. Клотц выразил глубокую благодарность французского кабинета за это содействие. Британский канцлер казначейства прибудет на совещание в Париж в начале следующей недели.

3. Тардье представил меморандум о французской позиции в отношении левого берега Рейна¹. Об этом я сообщу вам подробно по телеграфу, как только смогу ознакомиться с этим документом.

Эдуард Хауз.

Париж, 27 февраля 1919 г.

«Сегодня утром я предложил Бальфуру и Сесилию попытаться устроить, чтобы Лига наций начала функционировать

¹ См. Тардье, Мир, стр. 131—142.

ГЛАВА XXIV

немедленно. Они одобрили мой план, который заключается в следующем: члены комиссии, подготавливавшей устав Лиги наций, начнут действовать в качестве временного Исполнительного совета, предусмотренного уставом; Совет десяти, заседающий на Кэ д'Орсе, или же пленум мирной конференции передаст определенные вопросы в Лигу; Лига же соответственно представит либо Совету десяти, либо пленуму конференции свои предложения. Тем временем мы намерены пригласить представителей нейтральных стран и дать им объяснения относительно устава Лиги наций, заявив при этом, что вскоре они будут приглашены вступить в нее.

Мы не созовем комиссии, не заручившись обещанием французов, японцев и всех остальных не предлагать каких-либо поправок к уставу до вашего возвращения. В этом отношении я не предвижу никаких трудностей... Имея англичанина или американца в качестве генерального секретаря, мы встретимся с меньшими трудностями, чем если бы это был француз или итальянец. Это поможет нам также, если мы пожелаем занять председательское место в Исполнительном совете. Пожалуйста, сообщите мне ваше мнение.

Эдуард Хауз».

Изложение телеграммы президента полковнику Хаузу

Вашингтон, 4 марта 1919 г.

«Ваш план о том, чтобы Лига наций начала функционировать немедленно, меня несколько беспокоит; я опасаясь, что это даст некоторое преимущество критикам в США, если они подумают, что таким способом мы хотим повлиять на решение сената и связать нашу страну какими-то практическими мероприятиями, от которых уже невозможно будет отказаться. Если задуманный вами план может быть осуществлен при условии исчерпывающего и всеобщего понимания того, что мы используем этот аппарат временно, не собираясь при этом оказать влияние на последующие действия, а только лишь для того, чтобы содействовать ходу мирной конференции, тогда, быть может, эта опасность исчезнет. Несомненно, народ Со-

единенных Штатов в подавляющем большинстве стоит за Лигу наций. Это я могу заявить с полной уверенностью; есть однако много влиятельных кругов, в особенности среди людей, относящихся с предубеждением к Великобритании, которые оказывают весьма значительное сопротивление в вопросе о Лиге; об этом вы должны постоянно помнить во всей вашей работе»¹.

Телеграмма полковника Хауза президенту

Париж, 27 февраля 1919 г.

«По просьбе бельгийцев я пытаюсь добиться согласия французов и англичан на то, чтобы Бельгии было предоставлено право первоочередности в ее претензии на сумму в пятьсот миллионов долларов; это позволит ей произвести заем и немедленно начать восстановление промышленности. Бальфур говорит, что англичане отнесутся к этому плану сочувственно. Завтра я выдвину его перед французами. Кроме того, мы с Бальфуром условились через несколько дней поговорить с Клемансо относительно Люксембурга. Мы попросим его не вмешиваться и предоставить Люксембургу самому решить, желает ли он или нет экономического, а может быть, более тесного союза с Бельгией.

Эдуард Хауз».

«28 февраля 1919 г. Синьор Креспи, итальянский министр финансов... пожелал осведомить меня о трениях с югославами и о споре, который у него был с Гувером относительно поставок достаточного количества составов с продовольствием на территорию Чехословакии и Югославии. Я предложил, что тотчас же после возвращения президента мы постараемся достигнуть соглашения о демаркации территории между югославами и Италией».

¹ В тот же самый день, когда президент послал эту телеграмму, и еще до того, как Хауз ее получил, полковник телеграфировал Вильсону следующее: «Мы еще не нашли удовлетворительного способа для предложенного мною начала деятельности Лиги наций. Поэтому до вашего приезда ничего не будет предпринято. Тем временем мы постараемся обратить нейтральные страны в нашу веру».

ГЛАВА XXIV

«1 марта 1919 г. На Кэ д'Орсе у нас было интересное заседание: председательствовал Клемансо впервые после покушения на него. Я замечаю, что теперь в качестве председательствующего он ведет себя совершенно по-другому, стараясь ускорить нашу работу. Мы кончили дело примерно за час. В обычное время мы занимались бы им весь вечер, а пожалуй, и перенесли бы работу на другой день».

Телеграммы полковника Хауза президенту

Париж, 1 марта 1919 г.

«Французский министр финансов согласился предоставить Бельгии первоочередность на пятьсот миллионов при условии, что англичане также признают принцип первоочередности в отношении ценностей и их эквивалентов, вывезенных из союзных стран. В ближайшие дни я займусь этим вопросом с англичанами¹.

Эдуард Хауз».

Париж, 1 марта 1919 г.

«Я снесся по телефону с Ллойд Джорджем. Он считает, что вам необходимо как можно скорее приехать прямо в Париж. Его затруднения с горняками и другими рабочими достигнут кульминационной точки приблизительно 24 или 26 марта, к тому времени ему необходимо будет вернуться в Англию. Если вы приедете в Париж 13-го или 14-го, то мы оба считаем, что к 23-му удастся сформулировать прелиминарные условия мира с Германией и назначить день открытия официального мирного конгресса с участием центральных держав. Условно я имею в виду собрать конгресс 2 апреля. Прелиминарные условия мира с Австрией тоже должны быть готовы к началу апре-

¹ Эта первоочередность была обеспечена Бельгии мирным договором. Впоследствии Клемансо заявил в сенате: «Мы не добились первоочередности для наших собственных репараций... и тем не менее, когда в критический момент Бельгия крайне нуждалась в нас, я ходатайствовал за нее и добился для нее преимущественного платежа в размере двух с половиной миллиардов (франков)». (См. *Тардьё*, Мир, стр. 192.)

ля. Брюссельскую поездку можно будет совершить в промежуток между объявлением о созыве мирного конгресса и днем его открытия...

Эдуард Хауз».

«4 марта 1919 г. Я поднял перед Клемансо и Бальфуrom вопрос о процедуре заседаний в Версале после приезда немцев. Последние дни мне кажется, что не следует созывать официальную мирную конференцию, на которой заседали бы все участники минувшей войны, пока немцы не примут наших условий. Я предложил, чтобы мы пригласили немцев прибыть в Версаль сразу после двадцатого числа. Закончив подготовку наших условий, мы сможем созвать на утро пленарное заседание союзников на Кэ д'Орсе и рассмотреть подготовленный нами и союзниками договор. На этом пленарном заседании должна быть назначена комиссия, которая отправится в Версаль и предъявит договор германским уполномоченным. Последним, в свою очередь, придется отправиться в Берлин для консультации со своим правительством. После их возвращения нашей комиссии надлежит встретиться с германскими уполномоченными в Версале исключительно для подписания этого документа.

Следует помнить, что в настоящее время у нас происходит не мирная конференция, а лишь совещание между нами и союзниками с целью договориться об условиях, которые будут предъявлены Германии на мирной конференции, которая состоится позже.

Если мы не примем подобной процедуры, то начнутся нескончаемые речи и неразбериха. Если пригласить немцев на общую мирную конференцию для дискуссии, то президент выступит с речью, Ллойд Джордж произнесет речь, Орландо, несомненно, захочет сказать итальянскому народу, что он думает по этому вопросу. Венизелос и почти все прочие главы делегаций тоже потребуют слова, Клемансо тоже пожелает сказать французскому народу, что он думает обо всем этом — тут Клемансо поднял руки и сказал: «Нет, не я, только не я». Тем не менее Клемансо и Бальфур признали, что предлагав -

ГЛАВА XXIV

мый мною метод должен быть применен, ибо он обеспечит максимальную быстроту».

6

«6 марта 1919г. Наиболее интересным событием дня был завтраку Ллойд Джорджа... Я высказал мысль, что, если англичане согласятся на раздел германского флота вместо его потопления, это приведет к расширению программы военно-морского строительства в Америке и что в будущем Англия и Соединенные Штаты окажутся по отношению друг к другу в таком же положении, в каком Англия и Германия были в недалеком прошлом. Ллойд Джордж не согласился со мною и просил меня повторить все это на Кэ д'Орсе, когда будет поднят этот вопрос...

Мы решили немедленно вызвать Орландо, чтобы он (Ллойд Джордж), Клемансо и Орландо всесторонне обсудили и приняли решения по всем вопросам до приезда президента; президент сможет согласиться или указать, в чем его взгляды не совпадают с нашими. Таким путем можно будет значительно ускорить все дело».

«7 марта 1919 г. Сегодня в 10 часов 30 минут утра мы встретились в военном министерстве с Ллойд Джорджем и Клемансо...

Работали мы быстро: Джордж и Клемансо были довольны, что удалось сделать так много и так быстро. Мы условились дня через два встретиться еще раз, чтобы решить вопросы перед тем, как отправиться на Кэ д'Орсе.

Подробности заседания Совета десяти на Кэ д'Орсе можно найти в протоколах. Мы заседали с трех часов почти до шести; заседание было бурным, несомненно более бурным, чем отражено в протоколе. Тем не менее это заседание было хорошим уроком, показавшим пользу предварительных совещаний, вроде того, которое было у нас утром с Джорджем и Клемансо. Вопросы, рассмотренные нами утром, были разрешены на дневном заседании почти сразу же при очень кратких прениях, между тем как вопрос о снабжении Австрии продовольствием, по которому мы предварительно не совещались, фактически занял все время».

Телеграмма полковника Хауза президенту

Париж, 7 марта 1919 г.

«Сегодня утром на совещании с Ллойд Джорджем и Клемансо мы обсудили следующие вопросы:

1. Распределение суммы, уплаты которой мы потребуем от Германии. Джордж сказал, что он не сможет оправдать себя перед своим народом, если по праву первоочередности вся эта сумма будет отдана Франции и Бельгии в счет репараций. Он предложил разделить сумму следующим образом: три доли на репарации и две доли на покрытие военных издержек¹. Этими двумя долями должны воспользоваться Франция, Бельгия и все прочие страны, воевавшие с Германией, в том числе и Великобритания. Я считаю предложение Джорджа справедливым, но не надо предъявлять Германии требований, не совместимых с нашими условиями перемирия с ней и с «Четырнадцатью пунктами». Очевидно, Клемансо тоже считал это предложение справедливым, но он не высказал своего окончательного мнения до консультации со своими финансовыми экспертами.

2. Мы занялись вопросом снабжения Германии продовольствием; Клемансо не возражал против плана, составленного нашими экспертами и предложенного Джорджем и мною. Германия отказалась, однако, передать какие-либо суда впредь до согласования удовлетворительного плана, который обеспечивал бы снабжение ее продовольствием до будущего урожая.

3. Обсуждали вопрос о левом берегу Рейна, но никакого предварительного соглашения достигнуть не удалось...²

¹ Хауз не считал, что этим предложением имелось в виду потребовать от Германии оплаты косвенных военных расходов, так как двумя фразами ниже он говорит: «Мы не должны предъявлять Германии требований, не совместимых с нашими условиями перемирия с ней». Предложение Ллойд Джорджа касалось лишь основы распределения репараций между союзниками.

² В ответ на это 10 марта поступила телеграмма от президента Вильсона. Приводим изложение части этой телеграммы: «Я надеюсь, что вы не дадите даже предварительного согласия на отделение рейнской провинции от Германии ни при каких условиях, а отложите все дело до моего приезда».

4. В морских условиях провозглашено требование демонтирования или потопления германских кораблей. Однако французы внесли оговорку о распределении кораблей среди союзников. Англичане уже готовы были принять эту оговорку, но я сказал Джорджу, что мы никогда не согласимся на то, чтобы англичане настолько усилили свой флот; если бы это произошло, то, несомненно, привело бы к англо-американскому соперничеству в строительстве флота. В конце концов мы условились, что корабли должны быть распределены, но что при этом Великобритания, Соединенные Штаты и Япония должны потопить доставшиеся им корабли.

5. В ходе дискуссии о расчленении Турецкой империи и Клемансо и Джордж выразили пожелание, чтобы мы приняли мандаты над Арменией и Константинополем. Я полагаю, что Соединенные Штаты согласятся с этим, как только подобное предложение будет сделано.

6. Джордж не возражал против статьи в наших военных условиях, предъявляемых Германии, касающейся воинской повинности. Он предложил поправку, принятую мною и Клемансо, которая предусматривает создание армии добровольцев в 200 тыс. человек с двенадцатилетним сроком службы. Это предложение было сегодня принято Советом десяти.

Эдуард Хауз».

«10 марта 1919 г. (Совещание с Клемансо и Ллойд Джоржем.) Мы договорились создать еще одну комиссию для демаркации границ Германии... Клемансо назначил в эту комиссию Тардье, я — Мизеса, а Ллойд-Джордж — Филиппа Керра. Я усиленно настаивал, чтобы после возвращения президента заседания на Кэ д'Орсе созывались бы лишь эпизодически, если не могут быть прекращены вовсе, и чтобы три премьер-министра и президент продолжали собираться на совещания, которые мы проводили в отсутствие президента...

Мы обсуждали вопрос о границах между Италией и Австрией на северо-востоке и о границах Италии с Югославией в Далмации. Со мной была карта, на которой показаны границы по Лондонскому договору, а также предложения наших

экспертов. Клемансо и Джордж предпочли предложенную нами линию границ линии, установленной Лондонским договором. Никто из нас не считает, что Италия должна получить Тироль... Ни Клемансо, ни Джордж не расположены отдавать итальянцам Фиуме, но в качестве компромисса они считают возможным его интернационализацию.

Мы с Джорджем обсуждали вопрос о потоплении германских кораблей; по его мнению, между Великобританией и Соединенными Штатами должно быть достигнуто соглашение о том, чтобы не соперничать друг с другом в морском строительстве».

«12 марта 1919 г. День прошел крайне интересно. В 10 часов явился Орlando, чтобы посоветоваться о различных итальянских вопросах. Он пробыл около часа... Я предвижу, что у него будут трудности, потому что Ллойд Джордж и Клемансо еще меньше симпатизируют требованиям итальянцев, чем президент и я, и мы весьма далеки от соглашения с ними. Я заручился обещанием Орlando поддержать предложение об избрании Швейцарии местом пребывания Лиги наций.

Днем я отправился на Кэ д'Орсе, где обсуждались авиационные условия предстоящего договора. Ллойд Джордж просил встретиться с ним в приемном зале; мы вышли и поговорили около получаса. Он сказал, что его серьезно беспокоят французы. Прежде всего он не может согласиться с ними по вопросу о границе на Рейне и о создании Рейнской республики на тех условиях, которые задумали французы. Ллойд Джордж готов гарантировать им защиту иными путями... Он также готов заявить, что в случае нападения англичане сразу придут на помощь, но он не желает без конца держать армию на передовых позициях Рейна и исполнять другие пожелания французов, которые, по нашему обоюдному мнению, неизбежно приведут к новой войне.

Ллойд Джордж говорит, что финансовый вопрос является другим затруднением...

Еще одна трудность: это — Сирия. Джордж заявляет, что французы сами себе портят дело и что война неизбежна, если они будут настаивать на своих нынешних планах...

Клемансо пришел в начале шестого. Он огорчен поворотом в отношениях с англичанами...».

7

Невозможно критиковать конференцию за энергию, проявленную ею в феврале и в начале марта. Отсутствие президента Вильсона и британского и итальянского премьер-министров не помешало создать крепкую и быстро действующую организацию. Спустя несколько недель Стид следующим образом характеризовал в лондонской газете «Таймс» этот период: «В их отсутствие полковник Хауз, который никогда не испытывал затруднений в коллективной работе со своими коллегами, потому что он бескорыстный человек, без каких-либо личных амбиций, быстро продвинул дела». Комиссии, выделенные для обсуждения различных проблем, проделали большую работу. 27 февраля Хауз записал в своем дневнике: «Я восхищен ходом дел».

Но по мере того как комиссии отделяли существенное от несущественного, становилось все более ясным, что противоречия между различными решениями, предлагаемыми англичанами, французами и американцами, настолько существенны, что никакого согласия не удастся достигнуть без весьма крупных взаимных уступок. Возможность подчинить все американской точке зрения, выраженной в «Четырнадцати пунктах», была упущена. Если бы президент Вильсон непреклонно настаивал на своей программе, это привело бы к открытой ссоре с европейскими премьер-министрами. Они утверждали, что если они уступят, то их кабинеты полетят. Все были опутаны сетями обстоятельств, которые лишали возможности принимать смелые и разумные решения. Проблемы, которые предстояло решить в Париже, еще более усложнялись сообщениями о беспорядках в Центральной Европе, России, на Дальнем и Ближнем Востоке. Единственный шанс улучшить положение заключался в быстром соглашении, а единственным шансом на быстрое соглашение была готовность идти на компромисс.

Такое признание мы находим в дневнике полковника Хауза от 3 марта.

«Ныне стало очевидно, — писал он, — что мир окажется не тем миром, на который я надеялся, и не тем миром, которым должно было бы завершиться это страшное потрясение. Есть много причин, почему этот мир будет не таким...

Положение американской делегации не позволяет ей действовать смело. Ноябрьские выборы в Соединенных Штатах явились помехой для смелых действий наших делегатов. Британские выборы и вотум доверия, полученный Клемансо во французской палате делегатов, явились последними мазками и без того скверной картины. Если президент воспользуется своим влиянием на либералов и трудящиеся классы, это может привести к падению кабинетов в Великобритании, Франции и Италии; но если он это сделает, ему придется еще иметь дело с нашим собственным народом, и тогда он приведет весь мир в состояние хаоса. Дело может ограничиться одним лишь свержением правительств, а это было бы тяжелой ответственностью для любого человека в нынешнее время.

Мне претит сидеть сложа руки и смотреть, как нам навязывают подобный мир. Кое-чего мы в нем добьемся, в виде Лиги наций, но даже и она является несовершенным инструментом... Все члены нашей мирной делегации, эксперты и экономисты доносят о таком же *impasse* и почти ежечасно приходят консультироваться... Мы стоим перед множеством проблем, причем все они весьма разнообразны и сложны. Сперва это Архангельск и Мурманск, через минуту — это левый берег Рейна, потом Малая Азия, африканские колонии, японо-китайские разногласия, положение с сырьем, продовольственная проблема в разных странах Европы — как неприятельских, так и нейтральных, и, наконец, финансовая проблема, затрагивающая Соединенные Штаты и союзников. Таковы лишь некоторые из множества постоянно возникающих вопросов».

14 марта президент Вильсон высадился в Бресте. Он убедился в колоссальных достижениях конференции за месяц его отсутствия: комиссии уже подготовили свои доклады, основ-

ГЛАВА XXIV

ные вопросы были обсуждены столь тщательно, что при условии уступок взглядам французов и англичан их можно было очень быстро разрешить. Но если бы президент не уступил, конференция могла бы бесконечно затянуться.

В его отсутствие не было сделано ничего, что связывало бы свободу его действий.

Перед президентом стояла трудная задача. Должен ли он идти на компромисс, и если да, то в какой мере?

ПРИЛОЖЕНИЯ

Письмо Бальфура полковнику Хаузу

Лондону 28 июля 1927 г.

«Дорогой полковник Хауз!

Я слышал, что вы хотите опубликовать меморандум, посланный мною конфиденциально для вашего осведомления при моем частном письме от 17 июля 1922 г., относительно обвинений, выдвинутых Реем Станнардом Бэйкером по поводу некоторых дел на Парижской мирной конференции.

В этом письме я полностью изложил трудности, которые я испытываю в деле опровержения этих обвинений. Статьи м-ра Станнарда Бэйкера были основаны на частичном использовании протоколов Верховного совета мирной конференции, которые все участники условились считать конфиденциальными, между тем как президент Вильсон по неосторожности разрешил м-ру Бэйкеру воспользоваться и даже цитировать их в статьях. Я указывал тогда, что мы могли опровергнуть эти обвинения, если бы мы сами воспользовались этими материалами, но в этом случае мы впали бы в ту же ошибку, какую совершил м-р Вильсон, доверив эти протоколы м-ру Бэйкеру, по поводу чего мы имеем основание жаловаться.

Однако с тех пор прошло уже пять лет. Некоторые участники этих событий умерли. Между тем обвинения м-ра Бэйкера ни разу не были опровергнуты и, может быть, принимаются на веру некоторыми читателями его статей. Я полагаю, что в интересах международной дружбы необходимо показать, что переговоры, которым посвящена статья м-ра Бэйкера, фактиче-

ски проводились в духе доброжелательства всех сторон, в духе взаимной откровенности без каких-либо элементов интриги, которые приписывает им м-р Бэйкер.

Я не думаю, что мы можем повредить репутации или памяти кого-либо из участников этих переговоров опубликованием меморандума, посланного мною вам в 1922 г. Вот почему я отменяю запрет, высказанный мною в предыдущем письме, и уполномочиваю вас, если вы сочтете это целесообразным, опубликовать этот меморандум в ваших мемуарах.

Всегда ваш *Бальфур*.

P. S. Я должен просить вас, чтобы, публикуя мое письмо от 17 июля 1922 г. и настоящее письмо (если вы решите его опубликовать), вы опустили имя... оставив многоточие всюду, где оно упоминается».

Меморандум

Предположение о том, что будто бы в отсутствие президента Вильсона происходило нечто, хотя бы отдаленно напоминающее заговор против Лиги наций, не подкреплено никакими доказательствами. «О Лиге почти не упоминали на совещаниях, вплоть до последних дней перед возвращением президента», — жалуется м-р Бэйкер. Но почему? Потому что текст устава формально был внесен на пленарное заседание мирной конференции президентом Вильсоном в качестве председателя соответствующей комиссии конференции 14 февраля, т. е. накануне его отъезда в Америку. Самовольно изменять устав в отсутствие президента, одного из главных авторов этого устава, было не нужно и не желательно. Дальнейшее рассмотрение и окончательное принятие устава было отложено до возвращения м-ра Вильсона.

В статье м-ра Бэйкера сразу же после приведенной выше цитаты следует инсинуация, будто делегация Британской империи прониклась милитаристским духом, что доказывается посылкой м-ра Черчилля на мирную конференцию и фактом участия сэра Роберта Боргена в заседаниях Верховного совета.

Фактически м-р Черчилль присутствовал лишь ровно на

трех заседаниях Совета, а именно в пятницу, 14 февраля, в субботу, 15 февраля, и в понедельник, 17 февраля, после чего он вернулся на родину. Он приезжал не для того, чтобы обсуждать мирный договор, а для рассмотрения союзной политики по отношению к России — вопроса величайшего военного значения, в котором военное министерство — ведомство м-ра Черчилля — было особенно заинтересовано. На протяжении всей конференции британское правительство практиковало метод прикомандирования к делегации тех министров, чьи ведомства были особенно заинтересованы в обсуждаемых вопросах. Так, в различные периоды к делегации прикомандировывались м-р Чемберлен, являвшийся канцлером казначейства, представители ведомства юстиции, лорд Милнер, являвшийся министром колоний, и другие, хотя они и не были полномочными представителями. Присутствие м-ра Черчилля явилось лишь одним из случаев применения общепризнанного образа действий¹.

Что касается сэра Роберта Бордена, то его никоим образом нельзя обвинить в милитаристском настроении. Равным образом нельзя считать его враждебно настроенным к Лиге наций, горячим сторонником которой он был всегда; между тем м-р Бэйкер говорит, что в этот период была произведена попытка извратить устав Лиги. В действительности сэр Роберт Борден занял место лорда Милнера в качестве исполняющего его обязанности на время отъезда премьер-министра в Лондон и только на одном заседании Верховного совета, а именно 18 февраля.

Однако основное, что хочет доказать м-р Бэйкер, это то, что м-р Вильсон желал заключить прелиминарный морской

¹ На самом деле протоколы показывают, что м-ра Черчилля послали в Париж не для того, чтобы воспользоваться отсутствием Вильсона, наоборот, были приложены все усилия, чтобы он приехал в Париж до отъезда Вильсона. Протокол гласит: «М-р Черчилль сказал, что... ввиду предстоящего отъезда президента Вильсона кабинет просил его отправиться в Париж и обеспечить какое-то решение относительно политики по этому вопросу (о России)». Приняв участие в трех заседаниях Совета (на одном из которых присутствовал Вильсон), Черчилль покинул Париж спустя два дня после отъезда Вильсона. — *Прим. Чарлза Сеймура.*

и военный мирный договор с Германией и что после его отъезда был составлен заговор, чтобы избавиться от этого плана Вильсона. Далее утверждается, будто м-р Бальфур способствовал этому заговору и поощрял его своим срочно внесенным предложением об ускорении работы комиссий по другим разделам мирного договора и что этот план был внушен м-ром Ллойд Джорджем, который вернулся в Лондон и пережил «одну из его характерных молниеносных перемен мнения». Что касается последнего обстоятельства, то документы британского правительства не содержат никаких доказательств того, что премьер-министр хотя бы в малейшей степени переменял свое мнение. На самом деле, уехав в Лондон, премьер-министр ни разу не ограничивал м-ра Бальфура какими-либо инструкциями вообще. Он предоставил полную свободу действий своему коллеге, который знал и разделял его взгляды. Все, что м-р Бальфур в сотрудничестве с другими предпринимал для того, чтобы ускорить завершение мирных договоров, было сделано целиком по его собственной инициативе, хотя, разумеется, премьер-министр и его коллеги были полностью информированы обо всем.

Переходя к главному обвинению, упомянутому выше, необходимо точно восстановить все, что происходило в тот период.

В начале февраля 1919 г. необходимо было продлить перемирие с Германией; при этом, как обычно, внесен был ряд предложений, чтобы сделать условия перемирия более жесткими. Президент Вильсон и другие члены Верховного совета чувствовали, что эти дополнительные требования к соглашению о перемирии явятся лишь источником добавочных булавочных уколов Германии, что в конечном счете может привести к серьезным неприятностям. Наконец для доклада о положении была назначена специальная комиссия под председательством маршала Фоша, составленная частью из военных советников правительств, частью из их экономических советников. В этой комиссии британское правительство было представлено лордом Робертом Сесилем и генералом Туйтсом, французское правительство — м-сье Клемантелем

и генералом Дегуттом, американское правительство — генералом Блиссом и м-ром Норманом Дейвисом и итальянское правительство — м-сье Креспи и генералом Кавальеро. Доклад комиссии, рассмотренный Верховным советом 12 февраля 1919 г., заканчивался следующим предложением:

«Члены комиссии желают высказать свое мнение: для того, чтобы возможно скорее достигнуть окончательного результата и покончить с затруднениями, постоянно чинимыми немцами, необходимо, чтобы морские и военные условия были немедленно рассмотрены назначенной для этой цели комиссией и предъявлены неприятелю».

Когда это предложение обсуждалось в Верховном совете, м-р Бальфур предложил, чтобы «в соглашение о перемирии не было внесено никаких изменений или же только существенные небольшие изменения впредь до того момента, когда союзники будут готовы сказать Германии: вот окончательные морские и военные условия мира, которые вы должны принять для того, чтобы Европа могла демобилизоваться и вернуться таким образом к мирной жизни и восстановлению промышленности».

Президент Вильсон пошел еще дальше и предложил продлить перемирие на существующих условиях, оговорив лишь право расторжения его с уведомлением за несколько дней, с тем чтобы отдельно доставить и предъявить немцам для подписания окончательные военные и морские условия мира, дав им понять, что непринятие условий в целом привело бы к немедленному возобновлению военных действий.

Сперва м-сье Клемансо резко возражал, утверждая, что военные условия не могут быть отделены от политических, экономических и финансовых условий. К концу утреннего заседания 12 февраля м-р Бальфур оформил предложение президента Вильсона в виде резолюции. Эта резолюция была рассмотрена в тот же день, причем президент Вильсон развил свою мысль о том, что военные условия мира должны быть изолированы от прочих условий мира.

«Я поэтому считаю, — говорил президент Вильсон, — что можно определить условия разоружения Германии еще до то-

го, как будут установлены общие условия мира. Мою уверенность в этом еще больше укрепляют заверения военных советников, что они могут за 48 часов составить необходимый план. Вероятно, главам правительств понадобится больше, чем 48 часов, чтобы достигнуть соглашений по этому плану».

В это время президент Вильсон уже готовился к возвращению в Америку, и м-сье Клемансо колебался, можно ли будет обсуждать вопрос такого значения в отсутствие президента. На это президент Вильсон ответил следующее:

«В технических вопросах я заимствую главным образом чужие мысли, между тем источники этих мыслей остаются в Париже. Поэтому, если я буду знать, что в принципе мой план принят, я уеду с легким сердцем. Я полностью доверяю мнению моих военных советников... Если в принципе с моим планом согласны, я готов уехать и предоставить моим коллегам решить, насколько правильна программа, составленная техническими советниками. Я не хочу, чтобы мое отсутствие приостановило такую важную, необходимую и неотложную работу, как подготовка прелиминарного мирного договора. Я рассчитываю вернуться к 13 или 15 марта, пробыв в Америке только одну неделю. Я однако не хотел бы, чтобы во время моего неизбежного отсутствия задерживалось рассмотрение таких вопросов, как территориальный или вопрос о возмещении убытков. Я просил полковника Хауза замещать меня на время моего отсутствия».

После краткой дискуссии Верховный совет принял часть проекта резолюции Бальфура, которая гласила следующее:

«Комиссии под председательством маршала Фоша надлежит немедленно подготовить и представить на утверждение Верховного военного совета подробные и окончательные морские, военные и авиационные условия прелиминарного мирного договора; по утверждении эти условия будут представлены для подписания немцам, причем немцы должны быть немедленно уведомлены об этом решении объединенных правительств».

Эти факты относятся к первой стадии периода, затронутого статьей м-ра Бэйкера, а именно стадии, предшествовавшей

ГЛАВА XXIV

отъезду президента; в этой связи желательно более подробно остановиться на следующих моментах.

Впервые мысль о заключении прелиминарного морского и военного мирного договора была выдвинута не м-ром Бальфуrom или президентом Вильсоном, а объединенным комитетом военных и экономических экспертов, куда входили лорд Роберт Сесиль, м-сье Клемантель и м-р Норман Дейвис; м-р Бальфур поддержал эту мысль, президент Вильсон настаивал на ее осуществлении; и тогда м-р Бальфур облек ее в форму резолюции. М-сье Клемансо, которому эта мысль не очень нравилась, в конце концов согласился с ней; в тот момент считали, что военным понадобится только 48 часов, чтобы приготовить условия, хотя при этом и допускали, что политическим деятелям понадобится больше времени, чтобы их рассмотреть, во всяком случае намечался лишь короткий срок; президент Вильсон с полным доверием поручил это дело своим заместителям.

Тут мы подходим ко второй стадии, т. е. к периоду, когда президента Вильсона не было в Париже. 22 февраля, спустя десять дней после описанных выше заседаний, доклад о морских и военных условиях мира все еще не был готов. Намеченные президентом 48 часов растянулись уже на десять дней, а составление доклада все еще не было закончено. Вопрос по-прежнему не выходил за пределы комиссии маршала Фоша. Между тем до представления доклада Совет десяти ничего предпринять не мог. Значительная доля всей остальной работы конференции застряла. В этой обстановке м-р Бальфур внес резолюцию об ускорении остальной работы конференции. Эта резолюция была согласована с полковником Хаузом и несколькими другими участниками совещаний, прежде чем она официально была внесена в Верховный совет.

Предлагая эту резолюцию на заседании Верховного совета 22 февраля, Бальфур указывал:

«Во всех странах начинает проявляться чувство нетерпения явно замедленным ходом работ конференции по составлению текста окончательного мирного договора. Было бы глупо совсем пренебречь той опасностью, которую могут породить подобные настроения...»

УСКОРЕНИЕ ПОДГОТОВКИ ТЕКСТА МИРНОГО ДОГОВОРА

Коллеги м-ра Бальфура в Верховном совете склонялись к иному взгляду. М-сье Пишон подчеркнул, что м-сье Клемансо желает ускорить подготовку всех условий прелиминарного мирного договора, заявив при этом, что маршал Фош и его военные советники горячо поддерживают м-сье Клемансо. Как гласит протокол, полковник Хауз в своей первой речи говорил следующее:

«Что касается двух предложений, рассматриваемых в настоящий момент конференцией, то они предполагают предъявление немцам очень суровых военных условий. Вот почему я полагаю, что немцы будут более склонны принять эти условия, если одновременно будут осведомлены о мирных условиях в целом. Немцы тогда смогут полностью осознать свое положение».

Еще более определенно выразился м-р Лансинг. Он сказал:

«На мой взгляд, было бы ошибочно рассматривать военные условия отдельно от прочих условий мира. Я предпочел бы сформулировать все условия прелиминарного мирного договора в одном документе, при этом можно было бы на аналогичных основаниях заключить сепаратные договоры с каждой из неприятельских стран... Я твердо убежден, что, когда дело подойдет к обсуждению мирных условий с Германией, надо предъявить законченный документ, включающий все, а не только несколько морских, военных и других условий. Я полностью согласен с точкой зрения м-сье Клемансо».

Далее м-р Хауз спросил: «Согласна ли конференция принять предложение м-сье Клемансо о том, чтобы все условия мира рассматривались в целом, вместо того чтобы рассматривать сперва только военные условия?»

М-р Бальфур сказал: «Я готов принять это предложение при условии, что оно выражает единодушное мнение конференции». Заметим опять-таки, как осторожен был м-р Бальфур, когда выражал согласие обойти первоначальное предложение об отдельном предъявлении морских, военных и авиационных условий мира. Он соглашался на это только при условии единогласия в Совете.

В этот день, в субботу 22 февраля, в ходе дискуссии первая

фраза резолюции м-ра Бальфура, а именно: «без ущерба решению Верховного военного совета о предъявлении в скором времени Германии морских, военных и авиационных условий мира», была исключена. Сделано это было по предложению не м-ра Бальфура, а м-ра Лансинга. М-р Лансинг хотел, чтобы был такой текст, который можно было бы применить ко всем неприятельским странам, и чтобы для каждой страны была составлена отдельная резолюция. Очевидно, в ходе дискуссии у м-ра Бальфура создалось впечатление, что первоначальная идея о предъявлении отдельных морских, военных и авиационных условий мира отвергнута, ибо к концу дискуссии он, как гласит протокол, заявил: «Мне казалось, что принято решение о том, чтобы конференция не рассматривала военные условия мира в виде отдельного предложения...»

В понедельник, 24 февраля, дискуссия по этому вопросу возобновилась; в Верховный совет была внесена измененная резолюция м-ра Бальфура, составленная в соответствии с вышеупомянутым предложением м-ра Лансинга. На этом заседании обсуждались четыре самостоятельные, но фактически аналогичные резолюции, касавшиеся ускорения работы в деле с Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, равно как и с Германией; на этом с особенной силой настаивал барон Соннино.

На этом заседании лорд Милнер, который 22 февраля произнес краткую речь в пользу ускорения подготовки морских и военных условий мира с Германией, выступил с речью, цитируемой в статье м-ра Станнарда Бэйкера. Доводы лорда Милнера, несомненно, были очень убедительны и, пожалуй, заслуживают того, чтобы их здесь повторить:

«Лично я по-прежнему считаю, что окончательное разоружение Германии крайне необходимо, я имею в виду уменьшение ее военной мощи до такой степени, которую мы готовы разрешить ей иметь постоянно. Этот шаг мы должны сделать как можно скорее; когда же он будет сделан, это значительно ускорит принятие не только Германией, но и всеми нашими противниками всех прочих условий мира. Это является также абсолютно необходимой предпосылкой для нашей собственной демобилизации в таком масштабе, в каком нам всем хоте-

лось бы ее провести... До прошлой субботы мне казалось, что все мы с этим согласны. Теперь у меня возникает некоторое сомнение в этом».

Большая часть приведенной выше речи цитируется м-ром Реем Станнардом Бэйкером, но он опускает следующее:

«Я не хочу начинать новую дискуссию по резолюциям, которые мы собираемся сейчас принимать. Но, надеюсь, я вправе считать, что принятие этих резолюций не помешает нам сразу же предъявить Германии окончательные военные, морские и прочие условия, которые в настоящее время обсуждаются маршалом Фошем и его коллегами, *если по представлении этих условий нам мы их одобрим*. Иначе говоря, я надеюсь, что каждый из нас по-прежнему сохраняет за собою право поднять в таком случае вопрос о немедленном предъявлении этих условий».

Это заявление вызвало некоторую дискуссию, в результате которой вопрос об отдельном предъявлении морских, военных и авиационных условий остался открытым впредь до рассмотрения Советом доклада комиссии маршала Фоша. На этом условии была принята резолюция об ускорении подготовки всех мирных договоров.

Из сказанного выше видно, что фактически лорд Милнер в значительной мере придерживался такого же взгляда, что и м-р Бальфур. Бальфур тщательно обосновал свою позицию в своем первоначальном проекте резолюции, о которой он, разумеется, консультировался с лордом Милнером. В ходе дискуссии м-р Бальфур согласился, хотя и несколько неохотно, с предложением своих коллег Верховному совету отказаться от идеи предъявления Германии отдельно морских и военных условий, но после вмешательства лорда Милнера вопрос остался открытым до рассмотрения условий, которые должна была представить комиссия маршала Фоша. Следует, однако, отметить, что лорд Милнер очень осторожен в своих выражениях. Он не выступает против резолюции об ускорении, по поводу которой с ним, конечно, предварительно консультировались. Его предложение об отдельном предъявлении морских, военных и авиационных требований обусловлено

фразой: «Если по представлении этих условий нам мы их одобрим». В дальнейшем будет показано, что это условие было выполнено лишь спустя несколько недель.

Впервые военные условия рассматривались Верховным советом 3 марта, т. е. почти через три недели после того, как вопрос был передан в комиссию маршала Фоша. Подготовка условий отняла у комиссии почти три недели вместо 48 часов, намеченных м-ром Вильсоном. Как предвидел президент, Совету десяти суждено было потратить на рассмотрение этих условий значительное время. 3 марта они были подвергнуты лишь предварительному рассмотрению. К 6 марта условия были рассмотрены. 7 марта Верховный совет вернул их в комиссию маршала Фоша для составления новых военных условий, основанных на принципе добровольной воинской службы и длительного срока этой службы. И только в понедельник, 17 марта, более чем через месяц после передачи вопроса в комиссию маршала Фоша и *после возвращения президента Вильсона из Америки*¹, большая часть морских, военных и авиационных условий была одобрена, причем даже и тогда некоторые пункты остались нерешенными. Так завершилась вторая стадия, а именно период пребывания президента в Америке.

Не вдаваясь пока в комментарии, мы перейдем к третьей стадии хода событий, последовавшей по возвращении м-ра Вильсона в Париж.

Никакой официальной резолюции об отмене постановления от 12 февраля принято не было. Морские, военные и авиационные условия еще не были окончательно установлены Верховным советом. Заседание, которое предполагалось посвятить рассмотрению этих условий, было перенесено с субботы, 15 марта, на понедельник, 17 марта, для того, чтобы дать президенту Вильсону время ознакомиться с ними.

То, что этот вопрос оставался тогда все еще открытым, подтверждается нижеследующей выдержкой из протокола заседания Верховного совета от 17 марта:

¹В подлиннике курсива нет.

«Далее президент Вильсон сказал, что этот параграф¹ в нынешней его редакции показывает, что эти условия подойдут как часть соглашения о перемирии, но *если они предназначены для прелиминарного мирного договора*², то эта редакция не годится. В этом вопросе он испытывает значительное затруднение и вынужден обратиться к юристам за советом. *Он предполагает, что эта прелиминарная конвенция будет лишь временной, действительной только до составления полного договора*³ и что по своему характеру это будет своего рода длительным перемирием, причем его условия будут вновь включены в официальный договор. Если эту прелиминарную конвенцию придется представить сенату для общих прений, то, зная, насколько медленна процедура работы законодательных собраний, он считает, что на ратификацию уйдет несколько месяцев.

М-р Бальфур выразил мнение о том, что заявления президента Вильсона чрезвычайно существенны и серьезны. Насколько м-р Бальфур понимает ситуацию, *взяв курс на то, чтобы был заключен прелиминарный договор*⁴, каждая статья которого составила бы часть окончательного договора, с тем чтобы установлением прелиминарного мира фактически была бы достигнута значительная часть окончательного, постоянного мирного договора. Теперь же оказывается, что американская конституция не позволяет на практике осуществить эту программу полностью.

Президент Вильсон заявил, что он не вполне уверен в вескости своих доводов и предлагает отложить рассмотрение вопроса до тех пор, пока он не проконсультируется со знатоками конституционного закона, мнению которых он доверяет больше, чем своему собственному. В настоящий же момент ему кажется, что следовало бы принять вариант редакции, подготовленный м-сье Фромажо, а именно: «По истечении трехмесячного периода со дня обмена ратификационными грамотами о данных условиях германские законы и т. д. и т. д.»...

¹ Статья 48 проекта морских, военных и авиационных условий.

² В подлиннике курсива нет.

³ То же.

⁴ То же.

ГЛАВА XXIV

Хотя значительная часть морских, военных и авиационных условий была определена Советом десяти 17 марта, но несколько затруднительных пунктов, как уже упоминалось, остались нерешенными. 25 апреля Совет четырех (который занял место Совета десяти в качестве Верховного совета мирной конференции) все еще вынужден был посвятить целое заседание обсуждению некоторых деталей морских условий. Интересно отметить, что документ, рассмотренный в этот день Советом, озаглавлен следующим образом: «Проект статей, касающихся Кильского канала, для включения их в предварительный мирный договор с Германией»; то же самое выражение приведено и в протоколе; отсюда следует, что идея предварительного договора еще не была оставлена.

Не удалось проследить, в какой момент отказались от идеи предварительного мирного договора. Очевидно, официального решения по этому вопросу не принималось. Установление морских, военных и авиационных условий заняло гораздо больше времени, чем ожидалось, а благодаря принятым 22 февраля «ускорительным» резолюциям м-ра Бальфура работа конференции к концу апреля по другим вопросам мало в чем отставала от работы по подготовке морских, военных и авиационных условий. В этой обстановке независимо от конституционных трудностей в проведении предварительного мирного договора через сенат, которые м-р Вильсон выявил по возвращении из Америки, основной повод для решения, принятого 12 февраля, отпал к концу апреля; к 7 мая союзные и присоединившиеся державы были в состоянии предъявить германской делегации законченный проект мирного договора.

Из всего изложенного выше видно, что после отъезда президента Вильсона в Америку отрицательное отношение к плану отдельного морского, военного и воздушного предварительного мирного договора первым выразил м-сье Клемансо, находившийся тогда еще в постели вследствие ранения; что м-р Бальфур и м-сье Пишон немедленно довели об этом до сведения Верховного совета; что м-сье Пишон в подтверждение мнения м-сье Клемансо цитировал маршала Фоша; что полковник Хауз и м-р Лансинг горячо поддерживали эту мысль; что,

предлагая «ускорительную» резолюцию 22 февраля, м-р Бальфур не хотел предопределять решение вопроса о предварительном мирном договоре и вычеркнул из своей резолюции соответствующие выражения, лишь учитывая единогласное мнение своих коллег; что ни в отсутствие президента Вильсона, ни после его возвращения не было принято никакой официальной резолюции, которая отменяла бы решение о желательности отдельного предварительного мирного договора; что после возвращения президента Вильсона 15 марта вопрос оставался еще открытым и так продолжалось вплоть до 25 апреля; что по возвращении в Париж президент Вильсон, если бы он только пожелал, имел возможность настаивать на принятии его первоначального плана; но что, по всей вероятности, непредвиденные трудности, выявившиеся при установлении морских, военных и авиационных условий, а также успешный ход работ по другим пунктам мирного договора заставили президента Вильсона отказаться от этого.

Перечисление этих событий в полной мере оправдывает и логически обосновывает перемену планов, против которой президент Вильсон, как видно, ни разу не протестовал. Более того, эта перемена планов произошла в процессе открытой дискуссии между представителями разных народов, работавшими вместе в обстановке полной лояльности друг к другу, равно как и по отношению к президенту Вильсону в период его отсутствия. Все это зафиксировано в официальных протоколах, копии которых получил м-р Вильсон. В них нет и следа той «интриги», относительно которой м-р Бэйкер заявляет, что «можно говорить с уверенностью», что она существовала.

Рассматривая далее обвинения м-ра Бэйкера относительно того, что политика президента Вильсона будто бы была искажена планом ускорения работы по экономическому и территориальному разделам договора, следует отметить, что Хауз обсуждал этот план с Вильсоном 14 февраля и что Вильсон принял этот план. «Я спросил его, — писал Хауз, — не хочет

ли он что-либо добавить к этим четырем статьям. Он сказал, что считает их достаточными» (см выше, стр. 256). Еще больше ослабляет тезис м-ра Бэйкера тот факт, что Вильсон выступил на заседании Совета 12 февраля с заявлением о том, что он заинтересован в ускорении работы по территориальному и экономическому вопросам. «Я не хочу, чтобы мое отсутствие, — сказал Вильсон, как гласит протокол, — приостановило такую важную, необходимую и неотложную работу, как подготовка прелиминарного мирного договора. Я рассчитываю вернуться к 13 или 15 марта, пробыв в Америке только одну неделю. *Я, однако ж, не хотел бы, чтобы во время моего неизбежного отсутствия задерживалось рассмотрение таких вопросов, как территориальный или вопрос о возмещении убытков.* Я просил полковника Хауза замещать меня на время моего отсутствия». М-р Бэйкер знает это важное, сделанное Совету заявление президента, так как он цитирует соответствующий абзац («Woodrow Wilson and World Settlement», v. I, p. 290), но в приводимой цитате м-р Бэйкер опускает фразу, набранную курсивом. Произвольное исключение этой фразы и включение в кавычках абзаца, которого нет в оригинале протокола, полностью меняет смысл первоначального заявления Вильсона.

Далее, после своего отъезда президент был полностью осведомлен телеграммами Хауза о планах ускорения подготовки экономических и территориальных условий, подлежащих включению в прелиминарный мирный договор, когда они будут готовы. В телеграммах Хауза от 24 февраля, 1 марта и 4 марта содержатся прямые указания на то, что президент Вильсон не выставил никаких возражений, которые можно было бы ожидать в случае, если бы он считал, что эти планы способны помешать проведению его политики¹. На первом после возвращения президента в Париж заседании Совета, происходившем 17 марта, президент не произнес ни одного

¹ В одной из телеграмм, от 20 февраля, еще до внесения Бальфуrom резолюции, президент предостерегает Хауза, чтобы его не втянули в поспешные решения (см. выше, стр. 260). Но резолюция Бальфура не касалась решений, и поэтому президент против нее не возражал.

протеста и даже намеком не выразил своего недовольства резолюцией Бальфура.

Необходимо рассмотреть еще одно обвинение, выставленное м-ром Бэйкером. Он расценивает слова «*inter alia*», предложенные м-ром Лансингом в качестве дополнения к резолюции, предусматривавшей завершение договора, как злоумышленный прием, который должен был помешать проведению политики м-ра Вильсона; м-р Бэйкер намекает, будто эти слова дали японцам возможность выдвинуть свои претензии на Шаньдун¹. Не говоря уже о хронологической ошибке, допущенной м-ром Бэйкером, — японцы выдвинули свои претензии на несколько недель раньше, — в дневнике полковника Хауза можно найти более простое объяснение поправки м-ра Лансинга, не затрагивающее репутации государственного секретаря. Полковник Хауз заявляет, что он сам предложил эти слова («*inter alia*») для того, чтобы обеспечить возможность включения устава Лиги наций в прелиминарный договор. Эти слова были предназначены для содействия проведению политики Вильсона.

Архив полковника Хауза, как и меморандум британского министерства иностранных дел, содержит ясные доказательства того, что, выдвигая свое обвинение в интриге, м-р Бэйкер высказывает лишь предположения и инсинуирует без малейших доказательств². Архив Хауза показывает, что Вильсон обсуждал с Хаузом как раз те самые планы, которые, по утверждению м-ра Бэйкера, «подорвали бы полностью американский план мира». Из документов архива видно, что Хауз телеграфировал Вильсону о способах реализации этих планов с помощью бальфуровской резолюции; в своей телеграмме от 27 февраля (приведенной выше) Хауз объясняет, каким обра-

¹ «Вот тогда-то, пока Вильсон отсутствовал, началось разрешение вопроса о Шаньдуне, против чего так резко выступали в Америке». М-р Бэйкер сам заявляет, цитируя соответствующие документы, что 27 января в присутствии Вильсона японцы выдвинули требования о передаче им германских прав на Шаньдун. (См. «Woodrow Wilson and World Settlement», v. I, p. 801 и v. II, p. 229.)

² Вот что пишет Д. Х. Миллер об утверждении м-ра Бэйкера: «Попытка доказать существование заговора, которого не было, не могла быть особенно успешной» («The Drafting of the Covenant», v. I, p. 98).

ГЛАВА XXV

зом он рассчитывает обеспечить создание Лиги. Этот документ показывает, что, для того чтобы придать хоть какую-нибудь видимость правдивости своим обвинениям против англичан, м-р Бэйкер вынужден был опустить существенные абзацы при цитировании официальных документов.

ГЛАВА XXV

КРИЗИС И КОМПРОМИСС

Клемансо совещался с Ллойд Джорджем и президентом в течение всей второй половины дня. Я спросил, как шло у них дело... «Блестяще, мы разошлись по всем вопросам».

Из дневника полковника Хауза от 20 марта 1919 г.

1

Различные историки, в особенности те, которые пишут с американской точки зрения, изображали мирную конференцию как место прямого столкновения между двумя концепциями, одну из которых олицетворял Клемансо, а другую — Вильсон, как столкновение между злом старой европейской дипломатической системы и добродетелью идеализма нового мира. Такое изображение привлекательно для тех, кто не хочет попытаться понять сложность исторической правды. В действительности мирная конференция отнюдь не была столь проста. Она явилась не столько дуэлью, сколько всеобщей свалкой, в которой представители каждого государства боролись за утверждение своих особых методов достижения мира.

Цель у всех была одна и та же — избежать повторения четырехлетнего всеобщего опустошения; методы же, естественно, были разные, так как перед каждым из них стояли разные проблемы.

Каждая страна неизбежно предлагала решение, окрашенное ее собственными интересами. В известном смысле это в такой же мере относилось к Соединенным Штатам, как и к Франции, Италии и Великобритании. Мы очень мало те-

КРИЗИС И КОМПРОМИСС

ряли, заявляя, что не возьмем себе никакой территории (в которой мы не нуждались) и никаких репараций (которых мы не могли бы взыскать). Наши интересы целиком заключались в обеспечении режима всемирного спокойствия; наше географическое положение позволяло нам с полной безопасностью выступать за разоружение и арбитраж. Идеализм Вильсона вполне отвечал здравой реалистической политике.

Между тем американские методы не столь совершенно подходили для решения специфических проблем европейских государств, над которыми довели географические и исторические факторы. В соответствии с американской программой сами мы не отказывались ни от чего такого, что представляло бы ценность, между тем от европейских государств мы требовали отказа от многого такого, что казалось им самой сущностью их безопасности. Мы могли утверждать, что войну вернее всего можно предотвратить с помощью разоружения и политики примирения. Французы же отвечали, что англичане и американцы потому могут позволить себе подобные рассуждения, что они защищены Ла-Маншем и Атлантическим океаном, в то время как Франция слишком часто подвергалась вторжениям, чтобы не настаивать на более основательных гарантиях, чем письменные обещания. Мы могли утверждать, что лучше было бы списать германские репарации как безнадежный долг, а европейцы отвечали: «Неужели мы, подвергшиеся нападению, должны заплатить за все и позволить агрессору уйти без малейшей царапины? Не бывать этому, пока мы не использовали последней возможности, чтобы заставить его платить».

Если даже сами лидеры стран Антанты соглашались с разумностью американских предложений, то принять их мешала сила общественного мнения. Клемансо заклеили как предателя, потому что он отказался расчленить Германию; если бы он уступил в вопросе об оккупации Рейнской области, его вышвырнули бы из правительства и заменили бы более упрямым премьером. Ллойд Джордж признавал, что оценка широкими кругами степени германской платежеспособности абсурдна, но он отнюдь не желал выступать с подобными заявле-

ниями перед избирателями. Орландо охотно принял бы компромиссное решение по адриатическому вопросу; но этой возможности его лишали политические силы, действовавшие в Италии. Премьер-министры далеко не обладали полнотой верховной власти. Разбудив во время войны народные страсти, — а это являлось изведанным средством воюющих сторон, — они породили франкенштейнское чудовище, перед которым они теперь сами были беспомощны. Они могли идти на компромисс, если они были достаточно искусны, но уступать им не позволили бы.

Американцам понадобилось некоторое время для того, чтобы разобраться в этих существенных обстоятельствах. В течение первого месяца работы конференции не было сделано никакой серьезной попытки заняться жизненно важными спорными вопросами. И только в процессе напряженной работы в феврале и марте американцам стало ясно, насколько сильны убеждения европейцев. Еще до возвращения президента во всех технических комиссиях и в Верховном совете вдруг стало ясно, что невозможно будет прийти к какому-либо соглашению, если все делегации не пойдут на взаимные уступки. Конференция могла заседать до второго пришествия, но ни одна из делегаций не сумела бы провести такое решение, которое она считала бы идеальным.

Уже на первой неделе марта полковник Хауз, которого Вильсон выставил своим заместителем, столкнулся с этими неотвратимыми фактами. Отсюда он заключил, что если уделом конференции является компромиссное, а следовательно, и порочное разрешение вопросов о мире, то она, по крайней мере, может дать Европе преимущества быстрого решения. Уж лучше неудовлетворительное соглашение в апреле, чем такое же самое соглашение в июне. Пусть договор будет сразу же набросан в основных чертах, а уж Лига наций завершит его и по возможности исправит. 6 марта в парижском издании газеты «Дейли мейл» появилась передовая статья, которая целиком совпадала с точкой зрения Хауза:

«... Проверкой будущей работы государственных деятелей главных союзных стран послужит степень быстроты, с кото-

КРИЗИС И КОМПРОМИСС

рой они сумеют добиться практической справедливости для народов союзных и присоединившихся стран, а также для неприятеля. При существующем положении вещей величайшей несправедливостью по отношению как к союзным, так и к неприятельским народам является оттяжка заключения мира.

Всякий здравомыслящий государственный деятель, который на протяжении последних двух месяцев занимался спорными вопросами, стоящими перед мирной конференцией, сумел бы в 24 часа набросать основные черты справедливого мирного соглашения. С помощью честных экспертов он смог бы завершить свой набросок в течение недели. Если государственные деятели союзных стран не способны совместно сделать то, что каждый из них может сделать в отдельности, то лучше было бы поручить решение этой задачи кому-нибудь одному из их среды.

С чего он начал бы? Несомненно он признал бы, что самой первоочередной потребностью сейчас является установление мира с Германией. Он собрал бы доклады вернувшихся недавно из Германии союзных эмиссаров о положении в этой стране и на основе этих данных пришел бы к выводу, что нехватка продовольствия, безработица, нехватка транспортных средств и недостаточная организованность способны быстро довести германский народ до состояния хаотической анархии, если немедленно не будут приняты соответствующие меры. Он убедился бы, что дружественные народы в Центральной Европе очутились в не менее бедственном положении. Он понял бы, что раз невозможно применить действенные меры до подписания прелиминарных условий мира, то эти прелиминарные условия должны быть предъявлены неприятелю немедленно. С этой целью он поручил бы военным, морским, экономическим и политическим советникам союзных правительств закончить подготовку прелиминарных условий и довел бы эти условия до сведения представителей неприятеля, потребовав, чтобы эти условия были приняты в десятидневный срок с момента вручения.

По принятии этих условий он направил бы в Германию союзных военных и гражданских комиссаров, чтобы проследить

за их проведением под страхом полного прекращения поставок, которые можно было бы начать производить с момента подписания прелиминарного соглашения. Затем, на основе докладов специальных комиссий конференции, он урегулировал бы те спорные между союзниками территориальные проблемы, которые созрели для немедленного их разрешения, считаясь в каждом случае с принципами национальности и управления с согласия управляемых, а также учитывая жизненно важные экономические интересы соответствующих народов. Те же вопросы, которые еще не созрели для немедленного их решения, он передал бы в Исполнительный совет Лиги наций, который должен быть назначен и должен начать функционировать, не дожидаясь окончательного пересмотра устава».

Проблема была, пожалуй, не так проста, как хотел изобразить ее автор этой передовой статьи, но тем не менее такое решение вопроса имело бы то преимущество, что оно покончило бы с длительной затяжкой. Все это потребовало бы значительных уступок со стороны американцев, и Хауз задавал себе вопрос, в каких пределах можно допустить компромисс. В каждом отдельном случае он основывал свой окончательный вывод на советах американских экспертов.

Что же касается репараций, то решение, которое настойчиво предлагал полковник Хауз, хотя и казалось привлекательным в экономическом отношении, было совершенно неосуществимо в создавшейся тогда политической обстановке. Первоначально он предлагал создать всеобщий синдикат по возмещениям с участием союзных, неприятельских и нейтральных государств, взносы участников определялись бы финансовыми возможностями каждого. Этот синдикат должен был гарантировать в пределах экономической и финансовой практической возможности оплату расходов по восстановлению разрушений, причиненных войной. Этому плану не было уделено серьезного внимания, так как он совершенно не гармонировал с лейтмотивом того времени — «пусть заплатит Германия». Второе предложение Хауза заключалось в том, чтобы установить в договоре общую сумму репараций в пределах

КРИЗИС И КОМПРОМИСС

германской платежеспособности на основании оценки финансовых экспертов и независимо от влияния политических факторов в союзных странах. В случае, если бы французы и англичане не согласились установить такую общую сумму, которую американцы сочли бы разумной, Хауз готов был отложить решение вопроса и принять предложение Джона Фостера Даллеса о том, чтобы в договоре совсем не указывалась общая сумма репараций и чтобы была назначена комиссия, которой предоставили бы достаточное время для определения в соответствии с условиями предварительного соглашения о перемирии, сколько Германия должна, сколько она в состоянии заплатить и какими путями. Такое решение, безусловно, не годилось, так как Германии пришлось бы подписать незаполненный чек, а это побудило бы ее всячески отлынивать от работы, ибо чем больше она работала бы, тем больше ей пришлось бы платить. Все же это было лучше, чем записывать в договоре чрезмерную сумму. Хауз упорно, но тщетно пытался убедить англичан согласиться на определенную, но умеренную сумму репараций.

«Мы с Дейвисом думаем, — писал Хауз 16 марта, — и я высказал это Бальфуру, что разумнее всего было бы сказать английскому народу, что Германия обанкротилась и что английские финансовые эксперты и государственные деятели ошиблись, полагая, будто она способна заплатить те огромные суммы, на которые они вместе со своим народом одно время рассчитывали. Если же и удалось бы взыскать с Германии такую сумму, то только при условии, если бы англичане согласились дать немцам займы огромную сумму для возрождения их торговли. Но в этом случае Германия не только стала бы торговым соперником англичан во всем мире, но и монополизировала бы почти всю торговлю. Вот почему лучше признать Германию банкротом и взять с нее столько, сколько она фактически может заплатить и на что можно рассчитывать, а не создавать для Англии еще один долг и тем самым ставить Германию в положение торгового соперника...»

«17 марта 1919 г. После завтрака ко мне заходил Уайзмэн; он говорит, что Джордж обеспокоен репарационным вопро-

сом одинаково как в отношении суммы репараций, так и в отношении того, как он должен будет удовлетворить английский народ. Мое предложение (Уайзмэну) заключалось в том, чтобы в качестве максимальной цифры установить сумму в 30 млрд. долларов и чтобы ежегодно собиралась комиссия, которая определяла бы, сколько Германия сможет заплатить в следующем году и не превышает ли репарационных нужд сумма в 30 млрд. Таким путем французы и англичане позволили бы Германии избежать непомерных платежей».

Однако м-р Ллойд Джордж не мог решиться назвать в договоре какую-либо сумму, которая могла бы разочаровать союзников, поэтому он поддерживал французов, твердо сопротивлявшихся установлению общей суммы¹. В этих условиях Хауз согласился с американскими экспертами, что *au pis aller*² придется передать вопрос в комиссию для дальнейшего рассмотрения.

По вопросу о германских границах Хауз присоединился к мнению экспертов из американского Исследовательского бюро о том, что «можно было бы принять предложение о восстановлении в Саарском бассейне границы 1814 г. с возмож-

¹ «В тот период, когда вопрос об установлении суммы стоял особенно остро, — пишет Ламонт, — м-р Ллойд Джордж много раз вызывал к себе по одному и по несколько финансовых экспертов для совещания с ним и его советниками; одно время мне даже казалось, что он убедился в целесообразности американской программы. Но затем он стал склоняться к предложению м-сье Клемансо. Мы просили его не делать этого. Мы даже пошли на то, чтобы заявить, что, если он вернется в Англию и обратится к палате общин так, как умеет делать только он один, смело заявив, что его предвыборные расчеты относительно платежеспособности Германии оказались ошибочными, он завоеует подавляющее большинство и в огромной мере увеличит свой политический престиж. Он от этого отказался; но кто же я такой, чтобы сказать, что м-р Ллойд Джордж, этот едва ли не самый искусный политик современности, в этой особой ситуации оказался неполитичным? Я чувствую только одно; если бы в этот критический момент м-сье Клемансо и м-р Ллойд Джордж хоть несколько больше доверяли собственным силам, они присоединились бы к президенту Вильсону и навсегда уладили бы этот вопрос о возмещении немцами убытков, избежав таким образом в значительной мере ужасных последствий длительной неустойчивости, терзавшей Европу и весь мир в результате того, что мирная конференция закончилась, оставив нерешенной проблему германских платежей» («What Really Happened at Paris», p. 267).

² *Au pis aller* — на худой конец, в крайнем случае (франц.). — Прим. перев.

КРИЗИС И КОМПРОМИСС

ным дальнейшим ее расширением, которое, независимо от стратегических соображений, обеспечило бы обладание прилегающими угольными месторождениями в качестве удовлетворительной компенсации (с соответствующим учетом возмещения Германией военных убытков) за разрушения французских шахт в Лане и в Валансьене». Хауз твердо решил, что по возможности надо убедить французов предоставить политический контроль над этим районом Лиге наций на срок в несколько лет с тем, чтобы впоследствии можно было провести референдум. Он соглашался на решение рейнской проблемы также посредством обращения к авторитету Лиги. «Необходимо создать, — писал он, — на пятилетний срок буферное государство с тем, чтобы впоследствии Лига наций решила, должно ли это буферное государство получить право самоопределения или же оно должно остаться в прежнем состоянии еще на следующий пятилетний срок».

Полковник Хауз сам себя подставил под удары строгой критики, согласившись на такое решение, которое казалось компромиссом многим, не вникавшим в сложность территориальных проблем. В своих заметках, относящихся к этому периоду, м-р Бэйкер, вернувшийся в Париж 14 марта вместе с президентом, писал: «Полковник хочет быстро заключить мир, отдав жадным все, чего они требуют». Сравнение требований французов с компромиссными предложениями не подтверждает этой оценки. «На мирной конференции никто, — писал м-р Сид, — не сопротивлялся с такой силой, как полковник Хауз, идее о том, чтобы «дать жадным все, чего они требуют», и никто так, как он, не знал, что упрямая защита абстрактных идей в тех случаях, когда практически возможен и безвреден компромисс, может привести лишь к столкновению Вильсона с реальными фактами и тем самым дискредитировать Вильсона и повредить делу мира»¹. Безусловно верно, что Хауз был убежден в том, что американцы не достигнут ничего существенного, затянув дискуссию еще на один месяц. Если компромисс необходим, так уж лучше добиться его быс-

¹ *Steed, Through Thirty Years*, v. II, p. 317.

ГЛАВА XXV

тро. «Основная моя задача сейчас, — писал Хауз 14 марта, — заключить мир с Германией возможно скорее».

Еще один довод в пользу компромисса заключался в том обстоятельстве, что в марте позиция президента Вильсона была гораздо слабее, чем в январе. Его поездка в Соединенные Штаты, вместо того чтобы сплотить американское общественное мнение вокруг его политики в Париже, обнаружила лишь силу сенатской оппозиции. Республиканские депутаты в конгрессе, и без того обозленные его предвыборным манифестом и личным составом делегации на мирной конференции, стали (ссылаясь на текст конституции) оспаривать то, что, по их мнению, являлось со стороны президента нарушением прерогатив сената. Президенту не удалось привлечь на свою сторону сенатскую комиссию внешних сношений, общественное же мнение страны в вопросе о Лиге наций явно раскололось. Стало ясно, что президенту не удастся провести устав через сенат без разъяснений и поправок, и особенно без поправки, касающейся доктрины Монро.

Таким образом, вернувшись в Париж, Вильсон оказался вынужденным просить согласия мирной конференции на включение в устав таких статей, которые представляли специфический интерес для Соединенных Штатов. Можно ли было рассчитывать на то, что европейцы согласятся на такое одолжение, не добившись от Вильсона равноценных уступок для Франции, Великобритании и Италии?

2

В Брест президент прибыл в резко отрицательном настроении к любому компромиссу. Сам он не склонен был уступать требованию сената о поправках к уставу Лиги наций; он был раздражен недружелюбным отношением к его заявлению о том, что устав будет так переплетен с договором, что отделить одно от другого будет невозможно¹. Президент сомневал-

¹ Это заявление было сделано 4 марта на митинге в помещении оперы «Метрополитен». В ушах противников президента оно прозвучало как угроза.

КРИЗИС И КОМПРОМИСС

ся в справедливости утверждения Хауза о том, что во Франции ему придется пойти на широкие уступки. М-р Вильсон не вполне отдавал себе отчет в необходимости ускорить дело и даже намекнул, что, по его мнению, договору с Германией не следует давать право первоочередности. Очевидно, он желал решить вопрос о всемирном переустройстве в целом.

«14 марта 1919 г. В среду вечером, — писал Хауз, — после обеда и приема я отправился в специальном президентском поезде, чтобы встретить его в Бресте. Путешествие было изнурительным, а погода была на редкость скверной, даже в Бресте...

Сегодня утром представилась великолепная возможность обсудить с президентом всю ситуацию в целом и послушать, что он расскажет о своей поездке в Соединенные Штаты. Он сказал: «Задуманная вами встреча за обедом с сенатской комиссией внешних сношений не удалась, поскольку речь шла о том, чтобы договориться». Президент с большой горечью говорил о том, как обращались с ним некоторые сенаторы. Нокс и Лодж хранили полное молчание и не захотели задавать каких-либо вопросов или вести себя в том духе, в каком затевался обед. Тем не менее я сказал президенту, что, по-моему, встреча за обедом оказалась удачной, так как теперь положен конец разговорам о его мнимом диктаторстве и нежелании советоваться с сенатом по вопросам внешней политики. Президент признал правильность этого соображения. Я сказал, что все это оказало положительное влияние на народ, даже если и не удалось умиротворить самих сенаторов.

Президент вернулся в очень воинственном настроении, исполненный решимости включить положения о Лиге наций в мирный договор»¹.

«17 марта 1919 г. Сегодня утром в беседе со мною президент настаивал на том, что мир должен быть заключен одновременно с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией. По его идее Германия должна быть связана договорами, заключенными с этими странами. Поскольку Австро-Венгрия

¹ Вероятно, речь идет о резолюции сената об отделении устава Лиги от договора, а не о европейской оппозиции против включения устава в прелиминарный договор.

ГЛАВА XXV

и Турция находятся в состоянии расчленения, заключение мира затянулось бы на неопределенный срок, вот почему я считал желательным изыскать другой путь, а именно: включить в договор с Германией статью, которая обязывала бы ее признать договоры с другими государствами, которые будут заключены впоследствии.

Я запросил мнение Дэвида Миллера и Т. У. Грегори о юридической стороне такого предложения».

Один из методов ускорения работы президент Вильсон принял очень охотно. Он согласился отказаться от затягивавших дело заседаний Совета десяти и продолжить неофициальные собеседования, на которых Ллойд Джордж, Клемансо и Хауз умели быстро и плодотворно обсуждать деликатные спорные вопросы по мере того, как они возникали. За два дня до приезда президента Хауз обратился по этому поводу к Клемансо: «Я предложил, чтобы в пятницу у меня дома состоялась встреча президента, Клемансо и Ллойд Джорджа и чтобы заседания на Кэ д'Орсе прекратились. Клемансо охотно на это согласился». В день приезда Вильсона, 14 марта, состоялось заседание органа, который можно назвать Советом четырех, хотя в данном случае Орlando отсутствовал. Заседание происходило в номере Хауза в отеле «Крийон».

«Они пробыли вместе с трех до пяти часов, обсуждая вопросы о западных границах и о сумме репараций, которую Германия будет обязана заплатить. Во второй половине дня они вызвали Монтегю, Дейвиса и Лушера. Я не отпускал от себя также Тардье и Мизеса, так как и они могли оказаться нужными».

Впоследствии все наиболее важные решения премьер-министров принимались на этих неофициальных заседаниях, хотя лишь только к 24 марта они стали происходить настолько регулярно, что их можно было назвать заседаниями Совета четырех. Этот метод способствовал быстрому и деловому разрешению вопросов. С другой стороны, заседания проводились в такой тайне, что даже те члены американской делегации, которые по роду своей работы нуждались в точной информации, лишены были возможности следить за ходом переговоров.

КРИЗИС И КОМПРОМИСС

Ни одного американского секретаря на заседаниях не было, протокол, который вел сэр Морис Хэнки, не посылался даже членам американской мирной делегации. М-р Бэйкер, которому американская делегация поручила разъяснение хода работы конференции корреспондентам газет, писал Хаузу еще до начала регулярных тайных заседаний Совета четырех о том, что, поскольку он не может даже надеяться на то, чтобы получать информацию непосредственно от президента, он должен по меньшей мере иметь доступ к протоколам; при существующем же положении он вынужден собирать информацию у своих английских друзей¹.

По мере того как м-р Вильсон втягивался в обсуждение, он также осознал необходимость как ускорения работы, так и известного рода компромиссов. Однако ни французы, ни англичане не склонны были быстро откликнуться на это. Лишь с величайшим трудом удалось убедить Ллойд Джорджа не уезжать в Лондон 18 марта, и то только в результате совместного письма, написанного президентом и подписанного французским и итальянским премьер-министрами.

«17 марта 1919 г. Пришел Уайзмэн, — писал Хауз, — и рассказал, что виделся с Ллойд Джорджем и объяснил ему, насколько необходимо, чтобы он остался в Париже на ближайшие две недели. Я просил его передать Джорджу, что нет такой политической задачи в Англии, которую нельзя было бы лучше всего решить в Париже, что сейчас именно на Париже сосредоточены взоры всего мира, следовательно, хорошо мы выполним нашу работу или плохо, быстро или медленно, — судить нас будут по результатам. Джордж ответил, что если мы сможем уговорить президента написать письмо с просьбой о том, чтобы он остался, и убедим Клемансо и Орlando подписать это письмо, то он, Ллойд Джордж, полагает, что сумеет отложить поездку в Лондон на две недели.

Сообщив об этом президенту, я дал ему блокнот и спросил его, не согласится ли он тут же написать письмо... Пока он выступал на заседании Экономического совета, я уже перепеча-

¹ Из письма Р. С. Бэйкера Хаузу от 19 марта 1919 г.

тал письмо. Затем я отправил Фрэйзира в военное министерство с тем, чтобы получить подпись Клемансо, и в отель «Эдуард VII» — за подписью Орландо. Письмо было подписано к 2 часам 30 минутам и тотчас же было отослано на Кэ д'Орсе для вручения Ллойд Джорджу перед заседанием. Это была быстрая работа... Если бы он уехал, заключение мира задержалось бы как раз на столько времени, сколько он отсутствовал бы».

Ллойд Джордж остался, но переговоры протекали медленно. Разногласия между англичанами и французами в некоторых случаях были столь же очевидны, как разногласия между французами и американцами. Даже в тех случаях, когда президент Вильсон соглашался на уступки, он отнюдь не достигал этим единодушия, необходимого для завершения проекта договора. Англичане еще более упорно, чем американцы, сопротивлялись французскому требованию об оккупации Рейнской области и не были склонны идти на какие-либо уступки Франции в вопросе о ее восточной границе до тех пор, пока не будут урегулированы англо-французские разногласия относительно Сирии.

«Пожалуй, самым интересным событием дня, — писал Хауз 20 марта, — был наш, с Андре Тардье, визит к Клемансо, который мы нанесли по просьбе последнего. Клемансо совещался с Ллойд Джорджем и президентом в течение всей второй половины дня. Я спросил, как шло у них дело... «Блестяще, мы разошлись по всем вопросам».

«22 марта 1919 г. Президент выглядит усталым и разбитым... Перспективы меня обескураживают. В настоящее время мы движемся медленно. Судя по положению вещей, скоро наступит кризис. Изо дня в день нарастает ропот недовольства. Народ желает мира. Большевизм повсюду завоевывает новые позиции. Только что поддалась Венгрия. Мы сидим на пороховом погребке, и в один прекрасный день какая-нибудь искра взорвет его...

Если бы мир не был в таком состоянии неопределенности, я не возражал против того, чтобы переговоры продолжались так неторопливо, как они протекали до сих пор. Но в нынешней обстановке каждый новый день означает новый риск».

КРИЗИС И КОМПРОМИСС

«24 марта 1919 г. Целый поток доказательств убеждает нас в том, что народы повсюду начинают уставать от того, что творится в Париже. Дело не в том, что мы тратим слишком много времени в сравнении с тем, что следовало бы, а в том, что вокруг нас рушится мир и нам необходимо действовать с быстротой, соразмерной той опасности, которая нам угрожает.

Почти целый час я провел у президента; я указывал ему на ♦ необходимость вывести конференцию из тупика, в который она зашла. Президент спросил, что же я могу предложить. Я сказал, что необходимо убедить Джорджа, Клемансо и Орландо в том, что немедленное заключение мира не только настоятельно необходимо, но что если мы этого не сделаем в маломальски приемлемый срок, то мы окажемся с готовым мирным договором в руках, а подписывать его, кроме нас, будет некому... Я настоятельно просил президента урегулировать раз и навсегда вопрос о включении устава Лиги наций в мирный договор¹. Скажите им, что либо устав Лиги наций будет вписан в мирный договор, либо мы откажемся от всякого участия в договоре; что единственным мотивом нашего вмешательства в европейские и мировые вопросы являлось создание Лиги наций, при помощи которой мы рассчитываем предотвратить войны в будущем. Если же Лиге не суждено существовать, то мы не желаем больше впутываться в разрешение их трудностей. Перед премьер-министрами надо поставить и такие три вопроса: 1) сумма репараций; 2) что нужно для того, чтобы удовлетворить требования Франции и обеспечить ее защиту на будущее; 3) где должна проходить граница между бывшей Австро-Венгрией и Италией.

Я посоветовал также покончить с заседаниями на Кэ д'Орсе и чтобы он (Вильсон) постоянно совещался только с премьер-министрами до тех пор, пока эти три существенных условия мира не будут определены. Президент сказал, что так и сделает... Пока что с заседаниями на Кэ д'Орсе по-

¹ Вновь стала высказываться жалоба, что составление договора замедляется вследствие необходимости внести поправки в устав Лиги. Опять стали требовать, чтобы вопрос о Лиге был отделен от договора.

ГЛАВА XXV

кончено; президент и премьер-министры соберутся завтра в одиннадцать часов, чтобы сцепиться по отмеченным выше вопросам».

«27 марта 1919 г. Я посоветовал президенту выступить с заявлением об уставе, сказав при этом что-нибудь такое, что рассеяло бы всеобщее впечатление, создаваемое Х. и другими, о том, будто бы заключение мира задерживается лишь потому, что президент желает включить устав Лиги наций в мирный договор».

«2 апреля 1919 г. Вчера вечером и сегодня я читал дневник от страницы 83 до 167... Я запечатал и спрятал его в сейф. Прочтя столько страниц, я подумал, насколько несвязной покажется значительная часть дневника и каким лжепророком изобразил я себя во многих случаях. В начале этой части дневника я предсказывал скорый мир и даже рассчитывал, что уже к 20 марта мы сумеем пригласить немцев в Версаль. Сегодня уже 2 апреля, а мы продвинулись не дальше, чем были в тот день, когда я сделал это предсказание, почти месяц тому назад...»

«4 апреля 1919 г. У меня была длинная беседа с лордом Робертом Сесилем о создавшейся ситуации. Оба мы видим, как вокруг нас рушится весь мир, видим, что он нуждается не только в мире, но и в отмене всех торговых ограничений и в возвращении к нормальному состоянию. Даже после заключения мира наши заботы не кончатся, ибо понадобятся долгие и утомительные месяцы, пока удастся пустить в ход промышленность и пока торговля не потечет правильно по своему обычному руслу».

3

Как всегда, главным камнем преткновения на пути к соглашению явились проблемы о западной границе Германии, о репарациях и о военной безопасности Франции. 25 марта Ллойд Джордж возглавил движение протеста против французских требований, предъявив меморандум, озаглавленный: «Некоторые соображения для мирной конференции,

КРИЗИС И КОМПРОМИСС

прежде чем она окончательно составит свои условия». Меморандум явился мастерским изложением позиции Вильсона — протестом против опасности, связанной с миром победителей. «Несправедливость и высокомерие, проявленные в час триумфа, никогда не будут забыты и прощены». Далее он возражал против передачи немцев под иноземный суверенитет и, подчеркнув вероятность того, что Германия будет брошена в объятия большевизма, просил принять Германию в Лигу.

Но и сам Ллойд Джордж стоял на шаткой позиции. Французы ответили, что его предложения касаются исключительно положения Германии на Европейском континенте. Предлагаемые им уступки не успокоят Германию. В меньшей степени немцы заинтересованы в судьбе своих колоний, своего флота и своего торгового судоходства. Согласятся ли англичане отступить от собственных требований по этим пунктам, которые жизненно важны для безопасности Англии? Если необходимо защитить имперские позиции Англии, то не необходимо защитить и континентальные позиции Франции и новых государств Центральной Европы, которые должны будут послужить последним оплотом против большевизма, которого опасается Ллойд Джордж.

Прочное и действенное согласие между Ллойд Джорджем и Вильсоном в противовес французским притязаниям было невозможно отчасти из-за разногласий о репарациях. Кроме того, им мешала атмосфера Парижа, где вина Германии за войну считалась доказанным фактом; все боялись прослыть германофилами. «Позиция англичан и американцев в отношении Франции, — писал Нитти, — сложилась так, что всякое их возражение неизбежно воспринималось как недоброжелательство, как выступление в защиту неприятеля»¹.

В такой обстановке Вильсон и Ллойд Джордж неизбежно должны были идти на компромисс, хотя каждый из них уступал медленной не без того, чтобы добиваться серьезных усту-

¹ *Нитти*, Крушение Европы, стр. 114—115.

ГЛАВА XXV

пок от Франции. Дружба полковника Хауза с Клемансо, естественно, превратила его в посредника вместе с Андре Тардые, который был главным помощником Клемансо. Впоследствии Хауз следующим образом характеризовал Тардые: «Никто не работал с такой неиссякаемой энергией, никто не схватывал так хорошо тонкие и сложные проблемы, стоявшие перед конференцией, как он. Тардые был неоценим не только для Франции, но в равной мере и для его коллег из других стран. Поистине он был, пожалуй, единственным незаменимым человеком на конференции».

17 марта, через три дня после возвращения президента, Клемансо переслал Хаузу заявление о французской позиции по вопросу о Рейне и французской безопасности.

«20 марта 1919 г. Клемансо прочитал это с большим удовольствием и заменил лишь одно слово — вместо «вторжения» поставил «нападение»... Лично я сомневаюсь, чтобы сенат утвердил такое соглашение о гарантии, но — там видно будет. Во всяком случае это удовлетворило Клемансо, и теперь мы можем развернуть настоящую работу конференции. Практически мы обещаем сделать только то, что может быть сделано с помощью Лиги наций, но так как Клемансо не верит в Лигу наций, то возможно, что придется дать ему еще дополнительное соглашение вне Лиги».

После одобрения Клемансо проект соглашения, составленный полковником Хаузом, был представлен Ллойд Джорджу и Бальфуру, которые в принципе приняли его. К 27 марта соглашение о гарантии было признано необходимой составной частью компромисса. Проект соглашения о гарантии гласил следующее:

«Вследствие разрушений, причиненных всему миру Германией, совершившей нападение на Бельгию и Францию в 1914 г., и для того, чтобы по возможности избавить человечество от повторения подобного бедствия, мы настоящим торжественно обязуемся друг перед другом немедленно оказывать друг другу военную, финансовую, экономическую и моральную поддержку в случае, если бы Германия когда-либо совершила ничем не вызванное и ничем не оправданное нападение

КРИЗИС И КОМПРОМИСС

против одной или против нескольких из договаривающихся держав»¹.

«27 марта 1919 г. Размышляя об этом деле сегодня, — писал Хауз, — я решил, что мне следовало бы обратить внимание президента на опасность, вытекающую из подобного договора. Помимо прочего он будет расценен как прямой удар по Лиге наций. Предполагается, что Лига наций должна заниматься как раз тем, о чем сказано в этом договоре; если же государствам необходимо заключать подобные договоры, зачем же тогда нужна Лига наций! Мне не удалось переубедить президента, потому что... он принял на себя обязательство перед Клемансо и не хочет отказываться от своего обещания; такую позицию я вполне одобряю».

Тем не менее до согласия с французами было еще очень далеко. Ллойд Джордж и президент, оба были очень упорны в своем противодействии тридцатилетней оккупации Рейнской области; кроме того, президент отказался признать за французами право на аннексию Саара. 28 марта кризис разногласий, казалось, достиг наибольшей остроты.

«Ллойд Джордж пригласил меня на завтрак, — писал в этот день Хауз, — для того чтобы обсудить русский вопрос. Однако, когда я пришел, оказалось, что он только что вернулся от президента и был сильно возбужден. По-видимому, долгожданная ссора между Клемансо и президентом либо между Ллойд Джорджем и Клемансо, наконец, произошла».

В данном случае вспышка страстей произошла из-за Саара; м-р Вильсон утверждал, что никто никогда не слышал про Саар до заключения перемирия; на это Клемансо намекнул, что президент делает себя уязвимым для обвинения в германо-

¹ Президент Вильсон изменил стиль проекта Хауза, опустив слова «о разрушениях, причиненных Германией всему миру» и суммировав сущность предложений в краткой ноте, посланной им французскому правительству 28 марта, которая гласила следующее: «В отдельном соглашении с Соединенными Штатами будет содержаться обязательство Соединенных Штатов, зависящее от одобрения Исполнительного совета Лиги наций, о немедленном оказании помощи Франции, как только Германия предпримет против нее какие-либо ничем не вызванные агрессивные действия». Официальную французскую точку зрения великолепно изложил Тардьё (см. его книгу «Мир»).

фильстве¹ и что ни один французский премьер-министр не сможет подписать договор, который не удовлетворил бы претензий Франции на Саар.

«Значит, если Франция не получит того, что она желает, — сказал президент, — она откажется действовать совместно с нами. В таком случае не желаете ли вы, чтобы я вернулся домой?»

«Я не желаю, чтобы вы возвращались домой, — ответил Клемансо, — но намерен сделать это сам», — и вышел из кабинета президента.

На следующий день французский премьер-министр прислал Тардые к полковнику Хаузу. Хауз попросил м-ра Чарлза Г. Хэскинса выработать совместно с Тардые предложение по Саарской проблеме, которое обеспечивало бы за французами свободный контроль над угольными шахтами как справедливое возмещение за ущерб, причиненный французским шахтам, но при этом не привело к передаче значительной части германского населения под французский суверенитет. Президент не сразу согласился с предложением, которое в конечном счете выработали Хэскинс, Тардые и представлявший англичан Хедлэм-Морли, а именно с предложением о том, чтобы в этом районе был установлен особый административный и политический режим, который не мешал бы французам эксплуатировать шахты.

4

В тот самый момент, когда проблема Саара, казалось, застыла на мертвой точке, эксперты снова поставили перед Со-

¹ Вот что говорит д-р Исайя Боумэн, член американской делегации, в книге D. H. Miller, «What Really Happened at Paris», p. 464:

«Нас троих пригласили к президенту; на следующее утро в 11 часов мы к нему явились... Он заявил: «Господа, я в затруднении и послал за вами, чтобы вы помогли мне найти выход. Дело обстоит так: французы требуют весь левый берег Рейна. Я заявил м-сье Клемансо, что не могу согласиться на такое решение проблемы. Он пришел в крайнее возбуждение и потребовал передачи им в собственность Саарского бассейна. Я сказал ему, что не могу согласиться и на это, потому что это будет означать передачу Франции 300 тыс. немцев... Я не знаю, увижусь ли еще с м-сье Клемансо и вернется ли он сегодня днем на заседание. В общем, я не знаю, продолжится ли мирная конференция. М-сье Клемансо обозвал меня германофилом и порывисто вышел из комнаты».

КРИЗИС И КОМПРОМИСС

ветом четырех вопрос о репарациях. Уступки были сделаны с обеих сторон; французы и англичане согласились исключить из репарационного счета косвенные военные расходы, а президент Вильсон признал убедительными доводы генерала Смэтса и согласился на включение пенсий, против которых возражали американские эксперты. Оставался вопрос об определении в договоре общей суммы платежей. Этому упорно сопротивлялись французы, которых поддерживал м-р Ллойд Джордж. Французский министр финансов м-сье Клотц следующим образом подытожил французскую позицию в этом вопросе:

«Немцы принуждены и обязались возместить убытки. Сейчас мы еще не знаем точной суммы репараций. Производить импровизированные подсчеты было бы неблагоприятно. Единственно правильная система такова: комиссия по репарациям, располагая всеми необходимыми данными, установит всю сумму долга, затем, определив таким образом долг, она зафиксирует цифру ежегодных взносов и уточнит срок платежей»¹.

Президент Вильсон нехотя снова уступил и рекомендовал американским экспертам м-ру Дейвису, м-ру Ламонту, м-ру Баруху и м-ру Мак-Кормику не настаивать на определении в договоре точной суммы. В этот момент президент, нервно и физически истощенный, заболел тяжелой формой инфлюэнцы. К вечеру 3 апреля он вынужден был слечь и оказался прикованным к постели на четыре с половиной дня. Лишь 8 апреля к вечеру он снова встретился с премьер-министрами. Он настаивал, чтобы переговоры не откладывались, и просил полковника Хауза заменить его в Совете четырех.

Вопрос о репарациях был поднят на заседании утром 5 апреля, как предсказал сэр Морис Хэнки в записке к Хаузу, заседание оказалось «поворотным для этого мучительного вопроса». Вначале обстановка на совещании сложилась неблагоприятно, ибо в то время, как американским экспертам казалось,

¹ Тардьё, Мир, стр. 250.

что в принципе они уже добились общего согласия, выяснилось, что англичане и французы рассчитывают на дальнейшие уступки. Американцам казалось, что если в договоре не будет названа определенная сумма, то сумма, которую репарационной комиссии будет поручено назвать по истечении двух лет, должна быть основана не на общем размере убытков, а скорее на германской платежеспособности, исчисленной в пределах тридцатилетнего срока¹.

Французы возражали, однако, против того, чтобы при оценке убытков репарационная комиссия принимала в расчет германскую платежеспособность, и настаивали на том, чтобы подлежащая выплате сумма ни в коем случае не была ограничена размерами платежей, которые можно взыскать в течение тридцати лет. К разочарованию американцев, которым казалось, что они достигли полного согласия с англичанами, м-р Ллойд Джордж также выступил против принципа тридцатилетнего срока, хотя и сказал, что, «если она (Германия) сможет заплатить в такой срок, это лучше, чем если уйдет сорок лет». Последовали долгие прения; м-р Дейвис, поддержанный полковником Хаузом, настаивал на том, что Совет четырех «должен установить для комиссии либо предел срока выплаты, либо же сумму следуемого платежа».

Таким образом, в тот момент, когда, по словам Хауза, «соглашение казалось близким», снова возникла угроза затяжки.

В начале вечернего заседания дело выглядело не лучше, а, пожалуй, еще хуже, так как англичане не желали предоставить бельгийцам право первоочередности, на чем американцы с самого начала настаивали на том основании, что бельгийцы подверглись незаконному нашествию; Хауз уже больше месяца работал над проблемой бельгийской первоочередности. «Нашим экспертам, — писал он впоследствии, — была дана

¹ Как утверждал м-р Дейвис на вечернем заседании, эксперты исходили из принципа, что Германия не сможет уплатить всего, что она должна. «В основе их расчетов, — сказал он, — лежит, следовательно, постоянно сумма, которую Германия сможет уплатить, а максимальный срок, как правило, принимается в пределах от тридцати до тридцати пяти лет. При более длительном сроке нарастающие проценты превысили бы сумму ежегодных взносов в счет основного долга».

КРИЗИС И КОМПРОМИСС

инструкция не спорить по бельгийскому вопросу, а только изложить нашу позицию перед их коллегами. Если же те не согласятся с нами, то составить от имени меньшинства доклад, который мы передадим бельгийцам и опубликуем при первом удобном случае». В конце концов бельгийская первоочередность была обеспечена.

Но было явно бесполезно продолжать борьбу за то, чтобы репарационная комиссия была уполномочена определить сумму, которую Германия смогла бы выплатить в течение тридцати лет. По этому пункту позиция Клемансо была окончательной и бесповоротной.

«Я не согласен, — сказал он, — чтобы комиссии было предоставлено право определять платежеспособность Германии. Я бы сказал следующее: Германия должна мне сумму *X* за убытки, причиненные людям и собственности. Правительства будут иметь право уменьшить эту сумму через несколько лет, если сочтут это справедливым. Но сейчас мы не подготовлены к тому, чтобы принимать какое-либо сокращение. Мы посмотрим, что возможно и что невозможно; мы примем во внимание вопрос о нарастании процентов (возможно, что нам придется совсем отказаться от наших требований на проценты). Мы готовы оставить дверь открытой для любого решения, свободного от какой-либо предвзятой точки зрения.

Но я прошу от имени французского правительства и в результате консультации с моими коллегами, чтобы было декларировано то, что должен нам неприятель (если и не в виде... суммы, то по меньшей мере путем определения категорий убытков, подлежащих возмещению). Мы сохраним за собой нашу привилегию на то, чтобы предоставить необходимое время для взыскания платежей. Давайте установим лимит в тридцать лет, который считает желательным большинство из нас. Если в течение тридцати лет будет выплачено не все, тогда комиссия получит право продлить этот срок».

Понимая, что французы решили не допустить, чтобы германская платежеспособность могла оказать влияние на подлежащий предъявлению счет независимо от фактически взыс-

канных впоследствии сумм, Хауз решил сформулировать предложение Клемансо в виде проекта статьи:

«Я позаботился, чтобы его замечания были точно записаны и перепечатаны, и завтра наши эксперты соберутся на совещание и выработают на основе этого проект соглашения и в понедельник доложат нам о результатах».

Проект, представленный экспертами, устанавливал лишь, что «сумма платежей должна быть определена межсоюзной комиссией на основании *перечисленных в прилагаемом списке определенных категорий убытков*, подлежащих возмещению... Решения этой комиссии относительно суммы убытков должны быть приняты и сообщены неприятельским государствам не позднее первого мая 1921 г. Расписание сроков платежей, которые должны быть сделаны неприятельскими государствами, должно быть составлено *этой комиссией* с учетом их платежеспособности *при определении срока платежей*».

Такое предложение с американской точки зрения представляло собою отступление по всей линии. Полковник Хауз, непрерывно поддерживавший связь с Вильсоном, считал проект от 5 апреля крайней уступкой и, по-видимому, склонен был прервать переговоры, если французы потребовали бы еще чего-нибудь.

«Я то и дело посещал президента, — писал он, — чтобы держать его в курсе нашей работы...¹ Я советовал, если к концу следующей недели (12 апреля) соглашение не будет достигнуто, чтобы он составил заявление о том, какого рода мирный договор Соединенные Штаты готовы подписать, и предупредил бы союзников, что, если они не желают считаться с нашими доводами, мы немедленно вернемся на родину и предоставим им самим заключать какой угодно мир. Я предлагал сделать это мягко, в возможно более умеренном тоне, но решительно».

Очевидно, и сам Вильсон уже терял терпение, опасаясь, что с каждой уступкой со стороны Соединенных Штатов будут возникать все новые и новые требования. К воскресенью,

¹ Эти заседания Совета четырех происходили в доме президента.

КРИЗИС И КОМПРОМИСС

6 апреля, состояние здоровья президента настолько улучшилось, что он смог принять у себя в спальне членов американской делегации.

«Я отправился на завтрак в Версаль, — писал Хауз, — но едва успел туда приехать, как позвонил президент и попросил меня к четырем часам быть у него. Он пригласил также и остальных наших коллег — членов делегации; мы очень долго дискутировали о наилучших возможных способах ускорения работы мирной конференции. Решено было, если в ближайшие несколько дней не произойдет ничего нового, президент заявит премьер-министрам, что если мир не будет заключен согласно их обещаниям, которые соответствовали принципам «Четырнадцати пунктов», то ему или придется вернуться на родину или же настаивать на том, чтобы заседания были открытыми: иными словами, чтобы были созваны пленарные заседания с участием делегатов всех малых держав».

Тем не менее полковник Хауз настаивал на необходимости принятия проекта статьи о репарациях от 5 апреля при том условии, что больше никаких поправок не будет. Приближался момент предъявления американских поправок к уставу Лиги, и, если бы американцы ушли, весь фундамент мирного договора был бы разрушен. За два дня до этого Хауз откровенно изложил свою позицию в беседе с Ламонтом и Дейвисом. «Я сказал им, что, по-моему, гораздо важнее быстро заключить мир, чем торговаться о деталях мирного договора; я бы предпочел немедленно заключить мир и установить порядок во всем мире, чем затягивать обсуждение ради заключения лучшего мира». В связи с этим в воскресенье Хауз записывает: «Я обсуждал с президентом репарационный вопрос, над которым работали сегодня эксперты; он дал согласие на разработанный ими план, внеся лишь незначительные изменения».

На вечернем заседании 7 апреля с проектом все еще не было покончено; последовали новые задержки; хотя о принципах уже не спорили, но заседание было заполнено длинными размышлениями вслух о стилистических тонкостях. Сам Хауз

потерял терпение и оставил заседание, поручив экспертам отстаивать американскую точку зрения.

«Это было самое беспредметное, — писал он, — из множества беспредметных заседаний. Абсолютное согласие о репарационных условиях у нас уже было; после того как был подготовлен проект репарационных условий, Лушер сообщил Дейвису, что Клемансо читал проект и одобряет *in toto*¹. Это было ответом на мои стремления добиться одобрения проекта. На заседании же всякий раз, как мы принимали голосованием какие-нибудь стилистические и незначительные поправки, Лушер повторял, что это последняя поправка, и, тем не менее, стоило зачитать следующую фразу, как снова вносились поправки... В 6 часов я ушел с заседания.

Я перешел на другую сторону улицы² для того, чтобы рассказать президенту о ходе заседания; он целиком одобрил мою позицию. Мы потратили на заседание всю вторую половину дня, ничего не достигнув, ибо когда наконец текст был принят, то фактически оказалось, что это тот же самый текст, с которым мы пришли к началу заседания. Любая комиссия справилась бы с этим делом лучше. Вот отчего так раздражает процедура конференции. Вместо того чтобы рисовать картину смелыми мазками, они занимаются гравированием деталей. Если бы мир не был объят пламенем, это было бы еще терпимо, но в нынешние времена почти равносильно самоубийству пытаться подобными методами составлять мирный договор, охватывающий так много разнообразных и сложных вопросов...

Когда мы обсуждали этот вопрос, президент был крайне обескуражен и хотел знать, чем все это кончится».

О том, насколько обескуражен был Вильсон, можно судить по тому факту, что 7 апреля рано утром по его приказанию был послан телеграфный запрос о сроке, когда пароход «Джордж Вашингтон» может отплыть во Францию.

«8 апреля 1919 г. Сегодня днем, — писал Хауз, — прези-

¹ *In toto* — в целом (лат.). — Прим. перев.

² Заседание происходило в апартаментах Ллойд Джорджа на улице Нито, напротив дома президента.

КРИЗИС И КОМПРОМИСС

дент встретился с тремя премьер-министрами, и, к моей величайшей радости, им удалось достичь предварительного соглашения по репарационному вопросу. Президент пошел на большие уступки, чем я предполагал, но я думаю, что он уступил не больше, чем того требовали обстоятельства. Сегодня вечером мы долго говорили с ним об этом по телефону».

Затем последовали компромиссы и по другим вопросам. Утром 8 апреля Ллойд Джордж на заседании Совета четырех внес предложение о том, чтобы Франция не аннексировала Саарскую долину и чтобы эта территория была превращена в нейтральное государство — «своего рода Люксембург... Я бы сделал этот район большим, чем Саарская долина, увеличив его настолько, чтобы он охватил промышленный округ, от которого зависит Саарская долина... Я бы превратил его в независимое государство, связанное с Францией таможенным союзом, но со своим собственным парламентом».

Полковнику Хаузу не особенно понравился план Ллойд Джорджа, хотя он и соглашался на рассмотрение этого вопроса, с тем чтобы проектируемое государство было поставлено под защиту Лиги и экономически не объединено с Францией. Во второй половине дня Вильсон участвовал в заседании Совета и категорически высказался против любой формы отчуждения Саарской области от Германии. Президент соглашался на передачу Франции шахт, но, учитывая трудности, которые неизбежно возникли бы из того факта, что Германии принадлежала бы поверхность земли, а Франции — недра, он предлагал учредить смешанную арбитражную комиссию.

Предложение о создании этой комиссии послужило основой для составления окончательного проекта решения, над которым много поработали Тардье и Хэскинс и который в конце концов был одобрен президентом. Вечером 9 апреля Вильсон внес в Совет четырех предложение о том, чтобы не предоставлять Франции никакого мандата на управление, а чтобы в Саарской области было приостановлено на пятнадцать лет действие германского суверенитета, причем вся пол-

нота власти в области на этот период передается административной комиссии, действующей по уполномочию Лиги. По истечении пятнадцати лет должен быть проведен плебисцит, который определит окончательную принадлежность Саарской области. Клемансо согласился с Вильсоном, и 10 апреля утром этот проект был принят Советом.

Оставался открытым вопрос о Рейне. Решению этого вопроса способствовали неофициальные дискуссии, происходившие в начале апреля, когда президент хворал. Но еще и до этого президент и Ллойд Джордж договорились и о демилитаризации пятидесятикилометровой зоны на правом берегу Рейна, и о том, что Соединенные Штаты и Великобритания обязуются защищать Францию от любой агрессии Германии; в то же время Соединенные Штаты и Великобритания отказывались обсуждать вопрос о политическом отделении левого берега Рейна от Германии даже на ограниченный период и не так скоро согласились на оккупацию линии Рейна межсоюзной армией. Клемансо уступал медленно, ему приходилось иметь дело с воинственным сопротивлением Фоша и сильной политической группировки, включавшей самого Пуанкарэ, которая считала опасным установление даты эвакуации оккупированной территории до выполнения Германией условий договора, включая и репарационные платежи¹. К 14 апреля Клемансо изложил Хаузу основные линии возможного соглашения.

«Он сказал, — писал полковник Хауз, — что примет условие президента о защите Франции и о западном берегу Рейна. Это не то, что он хотел бы, но при наличии гарантии Соединенных Штатов он считает это достаточным. Ему придется бороться с Фошем и другими маршалами, но он готов бороться при условии, что президент согласится позволить французам оккупировать три последовательные полосы германской территории. Первая полоса должна включать Кобленц, вторая —

¹ См. обширные письма м-сье Пуанкарэ в номерах газеты «Тан» от 12 сентября 1921 г. и далее. Французы, которые вначале обосновывали свои требования об оккупации соображениями безопасности, настаивали теперь на ней как на залоге поступления репарационных платежей.

КРИЗИС И КОМПРОМИСС

Майнц, а третья — поближе к французской границе. Клемансо сказал при этом, что в договоре 1871 г. Германия настояла на оккупации Франции в течение пяти лет или же впредь до выплаты контрибуции. Контрибуция была выплачена раньше, поэтому и войска были выведены раньше; тем не менее это создало прецедент для обоснования его требования».

На следующий день Хауз обсуждал это компромиссное предложение с президентом Вильсоном, который решил, что предложения Клемансо приемлемы.

«Президент очень недовольно морщился по поводу некоторых из этих предложений, — писал Хауз, — особенно по поводу трех пятилетних периодов оккупации, но дал согласие на все...

Сразу же после ухода президента я отправился в военное министерство, чтобы повидать Клемансо. Я сказал ему: «Я являюсь к вам с добрыми вестями. Президент дал согласие на все, о чем вы просили меня вчера». Клемансо схватил мои обе руки, а потом обнял меня...

Бэйкер и другие лица из нашего окружения уже много дней добивались беседы со мною по поводу нападков французской прессы не только на президента, но и на Соединенные Штаты. Я рассказал об этом Клемансо и заявил, что персонально меня это не беспокоит, но что это беспокоит меня с точки зрения добрых отношений между Соединенными Штатами и Францией; поэтому я надеюсь, что он положит всему этому конец. Клемансо вызвал своего секретаря и с особой выразительностью сказал ему по-французски, что необходимо немедленно прекратить какие бы то ни было нападки на президента Вильсона и Соединенные Штаты; что отношения между нами очень хорошие и что между двумя нашими странами нет никаких разногласий по вопросам, стоящим перед мирной конференцией».

Это произвело волшебный эффект. Утром 16 марта все парижские газеты вышли с весьма горячими восхвалениями по адресу президента Вильсона.

Официально Ллойд Джордж дал согласие на оккупацию Рейна лишь 22 апреля, но уже начиная с 15 апреля стало ясно,

что кризис миновал и что мирный договор будет подготовлен ко времени приезда в Версаль уже приглашенных германских делегатов.

Таким образом, по трем важнейшим вопросам Вильсон пошел на такие значительные уступки, что многие (если не большинство) либералы стали обвинять его в отказе от «Четырнадцати пунктов». Согласившись отделить хотя бы и на пятнадцать лет Саарскую область от Германии, одобрив оккупацию Рейна и создание межсоюзной комиссии для осуществления военного контроля и не сумев добиться установления определенной суммы репараций, основанной на предварительном соглашении о перемирии, союзные и присоединившиеся державы, несомненно, дали немцам возможность утверждать, что мирный договор был построен скорее на желании уничтожить экономическую и политическую мощь Германии, чем на декларированных президентом Вильсоном военных целях.

В одном отношении американцы сделали уступку, которая, вероятно, не была необходимой и которая породила для Европы новые опасения. Вначале американские эксперты рассчитывали связать репарационные статьи договора непосредственно с предварительным соглашением о перемирии; эта цель была частично достигнута формулировкой статьи 232: «Союзные и присоединившиеся правительства, однако, требуют, а Германия обязуется возместить все убытки, причиненные гражданскому населению союзных и соединившихся держав...». Эта формулировка статьи являлась простым повторением предварительного соглашения о перемирии, повторением того же самого обязательства, которое Германия взяла на себя в ноябре в момент, когда она просила о перемирии. По этой статье союзники получали право на все, что только Германия могла уплатить. Если бы ничего больше к этому не прибавляли, то впоследствии Германия не смогла бы твердить о наличии какой-либо связи между репарациями и ответственностью за войну.

К сожалению, французы настаивали на точном декларировании германской ответственности за все расходы войны,

КРИЗИС И КОМПРОМИСС

к которой, как они утверждали, их вынудила Германия. Отсюда и статья 231: «Союзные и присоединившиеся правительства заявляют, а Германия признает, что Германия и ее союзники ответственны за причинение всех потерь и всех убытков, понесенных союзными и присоединившимися правительствами и их гражданами вследствие войны, которая была им навязана в результате агрессии Германии и ее союзников». Для немцев это явилось признанием, вырванным у них силой, правдивость которого они отрицали. Кроме того, это побудило немцев связать вопрос о репарациях с вопросом об ответственности за войну, что было совершенно излишним, потому что в предварительном соглашении о перемирии Германия, еще обладая полной свободой действий, дала обязательство выплачивать репарации. Таким образом, немцам дали возможность утверждать, что если им удастся доказать свою невиновность в вопросе об ответственности за войну, то их должны будут освободить и от ответственности за возмещение убытков. Эта статья больше всех других статей договора породила в Германии чувство недовольства и требование его пересмотра.

Но как бы неудачны ни были решения, принятые Советом четырех в этот критический месяц, трудно представить себе, как иначе удалось бы достигнуть соглашения и покончить с обстановкой катастрофической неопределенности.

5

Нельзя понять значение уступок, сделанных президентом Вильсоном французам и англичанам, если не помнить о твердом намерении президента добиться обязательного включения устава Лиги наций в мирный договор, а также о вынужденной давлении американского общественного мнения необходимости внесения поправок в проект устава. Вывод о том, будто эти уступки являлись в руках президента разменной монетой в торговле за Лигу наций, против французских и английских требований, слишком груб, чтобы дать представление о подлинной атмосфере. Верно, что президент придавал Лиге

наций величайшее значение. Он рассматривал Лигу как единственный фактор, который мог бы смягчить неизбежное зло территориальных и экономических соглашений. Европейцы это понимали, и это еще более усиливало их позицию.

Верно также и то, что в Париже Вильсон, несмотря на сильную оппозицию, добился в конце концов создания такой Лиги, которой он желал. Вильсон добился создания Лиги тяжелой ценой — в этом и заключается трагедия его дальнейшей неудачи при проведении устава Лиги через сенат Соединенных Штатов. Возможно, что, твердо настаивая на «Четырнадцати пунктах», он добился бы огромной моральной победы, если бы даже это и привело к разрыву с нашими союзниками по войне и погубило Лигу. Но пойти на компромисс с европейцами в вопросе о договоре, а потом не суметь добиться одобрения сенатом Лиги значило для Вильсона не только потерпеть катастрофическую неудачу во всей своей политике, но и довести до банкротства либеральное движение в Соединенных Штатах, лидером которого он являлся.

Полковник Хауз готов был идти на компромисс с французами и англичанами (может быть, даже в большей мере, чем президент) лишь при том непременном условии, чтобы Лига была создана и чтобы от сената удалось добиться одобрения создания Лиги, так как Хауз считал участие Америки в Лиге жизненно необходимым. С момента возвращения, 14 марта, во Францию Вильсон посвятил себя главным образом работе по переделке устава в соответствии с возражениями, выдвинутыми в Америке. Совершенно очевидно, что успех этой работы целиком зависел от содействия англичан и итальянцев и, по меньшей мере, от пассивного одобрения со стороны французов. Сначала Вильсон не собирался серьезно считаться с возражениями сената, которые сводились преимущественно к необходимости исключить из сферы деятельности Лиги вопросы внутренней политики и особо оговорить признание доктрины Монро. К счастью, Хауз был в интимно-дружеских отношениях с лордом Робертом Сесилем; последний твердо решил не упускать ни малейшей возможности обеспечения успеха Лиги и понимал, насколько необходимо считаться с оппозицией сенаторов.

КРИЗИС И КОМПРОМИСС

Впоследствии сэр Уильям Уайзмэн писал, что на протяжении последних двенадцати недель работы мирной конференции «интерес полковника Хауза в основном сосредоточился на методической подготовке создания Лиги. Я припоминаю его ежедневные совещания с лордом Робертом Сесилем и сэром Эриком Друммондом, которого избрали первым генеральным секретарем Лиги». Хауз поддерживал также тесный контакт с представителями нейтральных держав, которым было предложено сформулировать замечания к проекту устава.

«Выйдя от Бальфура, — писал Хауз 16 марта, — я пересек улицу и зашел посоветоваться с президентом и лордом Робертом Сесилем. Мы пробыли вместе полтора часа, просматривая устав Лиги наций, обсуждая, что нужно исправить и исправлять ли его вообще. Я за то, чтобы внести некоторые поправки и кое-какие пункты сделать более ясными. Тем самым мы превратим устав в более совершенный инструмент и устраним многие возражения нашего сената. Президент... хочет оставить устав в нынешнем виде, утверждая, что в Соединенных Штатах всякую перемену объявят отступлением перед сенатом, а, по мнению президента, это скорее ослабит, чем усилит шансы на ратификацию...»

«18 марта 1919 г. Мы долго обсуждали с лордом Робертом Сесилем вопрос о поправках, которые, по нашему мнению, можно с пользой принять к разным статьям устава Лиги наций. Эта встреча была подготовительной к послеобеденному совещанию с президентом, состоявшемуся у нас сегодня вечером. На совещании присутствовал также Дэвид Миллер. Мы обедали с президентом рано — в 7 часов...»

Совещание оказалось довольно успешным. Мы договорились о ряде поправок. Президент был более сговорчив, чем накануне, и считался с пожеланиями сената; но по причинам вполне основательным всем нам казалось почти невозможным вписать в устав то, что желает сенат. Мы охотно приняли бы эти пожелания, если бы с ними согласился остальной мир и если бы они не создавали новых затруднений. Если внести специальную оговорку о доктрине Монро, то Япония может

ГЛАВА XXV

пожелать сделать оговорку о сферах влияния в Азии, затем другие государства потребуют аналогичных уступок, и трудно сказать, чем все это кончится. Если декларировать, что Лига наций не должна вмешиваться во внутреннюю политику, то это, конечно, порадует наших сенаторов из тихоокеанских штатов, но весьма не понравится сенаторам проирландского толка, которые скажут, что все это сделано по настоянию Англии для того, чтобы навсегда снять ирландский вопрос с повестки Лиги наций.

Мы не пытаемся поступать произвольно, наоборот, искренне желаем считаться со взглядами тех сенаторов, которые выставляют действительно серьезные возражения, но при этом не понимают природы стоящих перед нами трудностей. Понять эти трудности в состоянии лишь тот, кто находится в Париже и участвует в составлении устава».

«21 марта 1919 г. Состоялась еще одна встреча представителей нейтральных стран с нашей комиссией по вопросу о Лиге наций. Эти встречи оказались чрезвычайно успешными. Представители нейтральных стран, по-видимому, счастливы, что им дали возможность высказаться, и мы предоставили им неограниченное количество времени. Предложенные ими поправки, как правило, были разумными... Среди них нет заядлых ораторов. Их тезисы были хорошо подготовлены, и поэтому все шло очень быстро. Некоторые примадонны великих держав могли бы у них поучиться».

Официально проект устава пересматривался комиссией на трех заседаниях — 22, 24 и 26 марта. Американское требование об исключении из сферы деятельности Лиги вопросов внутренней политики в принципе было одобрено; по требованию Вильсона комиссия согласилась также с тем, чтобы за членами Лиги сохранилось право выхода из состава Лиги, с предупреждением об этом за два года. Обе эти поправки были существенно необходимы для того, чтобы ослабить сенатскую оппозицию; бросалось в глаза, что англичане и итальянцы поддерживают эти предложения весьма горячо. Зато французы не только возражали против того, чтобы были оговорены условия выхода из Лиги, но и потребовали создания при Лиге

КРИЗИС И КОМПРОМИСС

постоянной комиссии по военному контролю; создание такой комиссии несомненно привело бы к отказу сената США утвердить устав. В этом вопросе англичане и итальянцы тоже поддержали Вильсона, и французское предложение было отклонено.

Некоторые более серьезные поправки были отложены для неофициального обсуждения до рассмотрения их в комиссии, в том числе и предложение японцев о включении во вступительную часть устава фразы, декларирующей равенство наций, а также американская поправка о доктрине Монро. Тем временем были назначены редакционная комиссия, которой было поручено окончательно отредактировать проект, и комиссия по определению местопребывания Лиги. Хауз вошел в состав обеих комиссий.

«29 марта 1919 г. Я созвал заседание комиссии, которой поручено определить местопребывание Лиги наций. Споров не было, все мы сошлись на Женеве. Я предложил назначить генерала Смэтса нашим представителем для переговоров с Швейцарией о предоставлении нам необходимых концессий, не допуская при этом бесплатной передачи Швейцарией нужного участка; Лига должна заплатить за него. Швейцария слишком мала, а мы слишком крупны, чтобы требовать даже такой небольшой жертвы. С этим согласились все...»

В конце дня я попросил профессора Рапарда подготовить список подходящих участков. Я остановился на мысли о парке площадью около 1 тыс. акров, недалеко от Женевы, куда можно добраться берегом и по озеру; там есть чудесный шлюз, который вполне можно превратить в памятник тем, кто дрался и погиб в великой мировой войне...

Между японскими делегатами и премьер-министром Австралии Юзом возникло глубокое расхождение по поводу резолюции, которую японцы хотят включить в устав Лиги наций. Юз настаивает на том, чтобы ничего не включать, как бы умеренно и безобидно оно ни было сформулировано. Если же такая попытка будет предпринята, то он намерен выступить на пленарном заседании конференции и поднять бурю протеста не только в доминионах, но и в западной части Соединенных

Штатов. Я предложил Смэтсу вместе со мною переговорить об этом с Макино, который входит в комиссию по определению местопребывания Лиги наций. В эту комиссию входит еще и Орландо.

Я откровенно сказал Макино, что хотя мы и согласились бы на ту бледную формулу, которую желают японцы, но если Юз не даст обещания не скандалить, то и мы будем возражать против ее включения. Смэтс занял такую же позицию. Я уговаривал Макино на время отложить это дело. Я воспользовался случаем, чтобы обратить внимание Макино на злобные оскорбления по адресу Соединенных Штатов, которыми полна японская пресса. По словам Макино, это происходит потому, что японцам кажется, будто именно мы возражаем против включения в устав статьи, предложенной японскими делегатами. Он обещал рассказать своему народу, откуда на самом деле исходит сопротивление».

«2 апреля 1919 г. Д-р Веллингтон Ку приходил узнать, что делается в отношении *Цзяочжоу*. Он опасается, что если в уставе будет статья, касающаяся доктрины Монро, то это оставит лазейку для японцев, стремящихся к установлению сферы влияния в Азии».

6

Главное возражение против включения в устав формулы признания или одобрения доктрины Монро состояло в том, что это могло бы поставить Соединенные Штаты в особое положение. Французские делегаты Буржуа и Ларнод утверждали, что принятие такой поправки помешало бы Лиге развернуть свою деятельность в Западном полушарии и тем самым освободило бы Соединенные Штаты от обязательства участвовать в урегулировании европейских дел в соответствии с решениями Лиги. Если доктрина Монро «не противоречит условиям устава, — доказывал Ларнод, — нет нужды и упоминать о ней. То, в чем нет необходимости, может породить опасность. Соединенные Штаты, основываясь на специальном упоминании доктрины Монро в уставе, смогут в один прекрасный день за-

КРИЗИС И КОМПРОМИСС

явить, что эта доктрина запрещает им то или иное вмешательство, постановление о котором принято другими членами Лиги». Англичане, по-видимому, были настроены в пользу предложенной поправки о подтверждении доктрины Монро, особенно перед лицом общей уверенности в том, что без такой поправки сенат откажется одобрить устав. Однако они настойчиво добивались, чтобы до подтверждения этого специального требования Соединенных Штатов было достигнуто согласие относительно будущей морской политики Великобритании и Соединенных Штатов.

К удивлению многих и к несомненному удовлетворению англичан, президент Вильсон не поднял вопроса о свободе морей, несмотря на тот факт, что это являлось одним из «Четырнадцати пунктов» и что в период заключения перемирия Ллойд Джордж письменно сообщил полковнику Хаузу о согласии англичан обсудить этот вопрос. Многие, включая и самого Хауза, были убеждены в том, что если конференция не займется кодификацией морского законодательства, которое утвердило бы принцип неприкосновенности частной собственности на море в военное время, то в будущем неизбежны трения между Соединенными Штатами и Великобританией. Однако президент уклонился от обсуждения этого вопроса и тем самым предотвратил несомненно весьма острый спор с англичанами¹.

Будучи доволен этим, м-р Ллойд Джордж тем не менее всячески старался добиться более основательного подтверждения особого морского положения Великобритании предположительно в форме гарантии о том, что Соединенные Штаты не разовьют морского соперничества с Великобританией до та-

¹ Сам Вильсон, объясняя свою политику, приводил тот довод, что при наличии Лиги наций не будет никаких войн кроме тех, которые сама Лига будет вести против поставленного вне закона государства, и что, следовательно, не будет и нейтральных стран: поэтому не может возникнуть и проблем вмешательства в нейтральную торговлю. Такое объяснение не вполне удовлетворяет, потому что Лига не может явиться абсолютной гарантией от «частных войн», а в случае любой такой войны несомненно, что нейтральная торговля будет подвергаться такому же вмешательству, как в 1915 и 1916 гг., когда против подобного вмешательства протестовали Соединенные Штаты.

ГЛАВА XXV

кой степени, что они стали бы угрожать главенству англичан на море. Очевидно, английских морских экспертов тревожила перспектива усиления Америки в результате строительной программы 1916 г. Между английскими и американскими морскими экспертами происходили длительные совещания, которые можно рассматривать как зародыш Вашингтонской конференции 1921 г.

По просьбе президента, а также и англичан Хауз поддерживал тесную связь с адмиралом Бенсоном, представлявшим Соединенные Штаты на этих совещаниях, и с морским министром Даниэлсом, на короткое время приехавшим в Париж. Хауз полностью соглашался с Бенсоном, который не считал в то время возможным обещать, что американский флот всегда будет слабее английского, и полагал, что Соединенные Штаты не смогут приостановить осуществление строительной программы без встречных уступок со стороны англичан. С другой же стороны, Хауз заявлял, как говорил он об этом Бенсону, что «если Лиге наций суждено жить, то не стоит ей начинать свою жизнь с увеличения вооружений вместо их сокращения».

Эта проблема являлась одной из самых серьезных и тонких, какие приходилось решать мирной конференции, хотя для широких кругов обсуждение этих проблем и осталось совершенно неизвестным. Если бы англичане настаивали на урегулировании морской проблемы до решения о создании Лиги и подписания мирного договора, то в таком случае конференции угрожала бы бесконечная затяжка. Хауз предлагал, чтобы обе страны согласились приостановить морское строительство по выполнению текущих программ; таким образом, оба флота сохранили бы одинаковое соотношение сил. Хауз настаивал, чтобы особое соглашение о дальнейших строительных программах было отложено на будущее.

Критическое заседание комиссии по вопросу о Лиге наций произошло 10 апреля. Сесиль и Хауз много поработали, стараясь достигнуть согласия, с тем чтобы ничто не могло помешать принятию американской поправки о доктрине Монро. По предложению Хауза лорд Роберт составил письмо, излагавшее английскую позицию.

Возможно, что м-р Ллойд Джордж был разочарован тем, что не заручился от Соединенных Штатов более точным обещанием избегать морского соперничества и не добился соглашения о сокращении текущей американской морской программы. Но если даже это и так, он все же не помешал Сесилю поддержать вильсоновскую поправку о доктрине Монро, внесенную вечером 10 апреля на заседании комиссии по вопросу о Лиге наций. Прения затянулись из-за нежелания французов принять эту поправку. Затем последовала оживленная дискуссия по вопросу об употреблении французского языка в качестве единственного официального языка Лиги и ее устава, а также по вопросу о местопребывании Лиги. По первому из этих вопросов французам противостояли англичане, итальянцы и американцы; по второму вопросу французы поддерживали красноречивые доводы м-сье Гииманса о преимуществах пребывания Лиги наций в Брюсселе, а не в Женеве. Предложение комиссии в пользу Женевы в конце концов было принято, хотя и незначительным большинством.

«Вчера в 8 часов вечера, — писал Хауз 11 апреля, — состоялось одно из самых важных заседаний комиссии по вопросу о Лиге наций. Мы заслушали женщин, которые, выдвигая свои требования, обосновали их целым рядом великолепных кратких речей. Ни одна из них не говорила больше пяти минут, при этом каждая речь была насыщена убедительными доводами. По-моему, это произвело впечатление на всех членов комиссии.

Затем последовал один из самых бурных моментов заседания, какие мы когда-либо имели. Вначале произошла стычка с Буржуа по вопросу об употреблении французского языка для официального текста устава Лиги, после этого еще целый час мы воевали по поводу включения статьи, охватывающей доктрину Монро. Тут опять-таки заупрямились французы. Все остальные соглашались. Словно по какой-то иронии судьбы Франция, которая больше всякой другой страны заинтересо-

ГЛАВА XXV

вана в Лиге наций, пыталась помешать нам включить статью, практически обеспечивающую одобрение Лиги американским народом и сенатом... В конце заседания президент произнес страстную речь по этому вопросу. Он говорил не больше 10 минут, но то, что он сказал, было весьма красноречиво и полно здравого смысла. Речь убедила всех, кроме французских делегатов... В конце концов мы приняли статью, так, по крайней мере, нам казалось...

Сесиль несет на себе всю тяжесть, связанную с дачей разъяснений; его выдержка поистине непостижима».

Поправка к уставу, которую внес президент Вильсон, была выработана американцами после тщательного изучения различных формулировок, и в частности после изучения формулировки, составленной м-ром Тафтом, который по телеграфу сообщил свой проект президенту. Эта формулировка, избегая того, чтобы поставить Соединенные Штаты в положение страны, испрашивающей особую привилегию, в то же время косвенно обеспечивала международную санкцию доктрины Монро¹.

¹ Телеграмма м-ра Тафта президенту гласила следующее:

«Если вы вернетесь с договором, включающим Лигу наций, то сделайте более точные оговорки о доктрине Монро; определите срок продолжительности членства в Лиге; пределы вооружений; потребуйте точного установления обязательности лишь единогласных решений Исполнительного совета и собрания делегатов Лигу и добавьте к статье 15 условие о том, что если исполнительный совет или собрание делегатов убедятся в том, что то или иное разногласие возникло исключительно на почве внутренней политики той или иной страны, то в таком случае эти органы не должны выступать ни с какими рекомендациями; сделав все это, вы совершенно выбьете почву из-под ног противников Лиги в сенате. Дополнение к статье 15 устранил также возражения относительно японской иммиграции и о тарифах, предусмотренных статьей 21. Оговорка о доктрине Монро может быть сформулирована так: «Всякое американское государство или государства имеют право защищать целостность любой американской территории и независимость правительства этой территории безотносительно к тому, являются или не являются эти государства членами Лиги; имеют право в интересах мира в Америке возражать и не допускать перехода американской территории или суверенитета к какой-либо державе, расположенной вне Западного полушария». Возможно, что и одной оговорки о доктрине Монро будет достаточно, чтобы обеспечить ратификацию договора, но с помощью остальных оговорок этого удастся достигнуть наверняка.

Уильям Х. Тафт».

КРИЗИС И КОМПРОМИСС

Президент внес поправку в следующей редакции: «Ничто в этом уставе не должно влиять на законность международных обязательств, вроде договоров об арбитраже или региональных соглашений, обеспечивающих сохранение мира, подобных доктрине Монро».

Против поправки возражали французы, но Сесиль и Орландо горячо поддержали ее. «Она вносится, — заявил лорд Роберт, — для того, чтобы устранить сомнения и недоразумения. Она не уменьшает и не увеличивает законности существа доктрины. Насколько я понимаю, эта поправка говорит о том же, что подразумевается и уставом, и что, по-моему, справедливо, а именно то, что в доктрине Монро нет ничего противоречащего уставу, поэтому и в уставе нет ничего такого, что могло бы противоречить международным соглашениям, подобным доктрине Монро». Когда же Ларнод заявил, что эту поправку можно истолковать в том смысле, что она ослабляет обязательство Соединенных Штатов о вмешательстве в европейские дела, Орландо ответил, что доктрина Монро «не мешала Соединенным Штатам вмешаться в эту войну. Америка тем более охотно будет готова это сделать, если она примет дополнительные обязательства, вытекающие из ее участия в Лиге. Я не понимаю, в чем заключаются сомнения м-сье Ларнода».

Сначала президент Вильсон переделал проект оговорки, сформулированный Тафтом, следующим образом: «Ничто в этом уставе не должно препятствовать или лишать права любое американское государство или государства защищать в случае угрозы целостность американской территории и независимость любого американского правительства безотносительно к тому, являются или не являются эти государства членами Лиги; а также ничто не должно препятствовать или лишать права эти государства в интересах мира в Америке возражать и не допускать перехода американской территории или суверенитета к какой-либо державе, расположенной вне Западного полушария». Этой оговоркой делалась попытка определить доктрину Монро, не называя ее по имени. Англичане предпочитали назвать доктрину полным именем, но не давая ей определения и предложили Хаузу следующую формулировку: «Ничто в этом уставе не должно препятствовать выполнению любых международных обязательств или соглашений по обеспечению всеобщего мира, таких, как: арбитражные договоры и доктрина Монро». Окончательно принятый текст поправки, очевидно, больше всего приближается к английскому проекту.

Но так как французы все еще продолжали возражать, президент Вильсон выступил с последним призывом. Очевидно, его речь недостаточно ярко отражена в протоколах, потому что Хауз говорит о ней, как о «страстной речи», а Миллер характеризует ее как «исполненную очаровывающего красноречия — эту речь, произнесенную после полуночи, секретари слушали с захватывающим дух восхищением, застыв с карандашами в руках, забыв о своих обязанностях; они почти ничего не записывали»¹. Насколько можно судить по сокращенному протоколу, речь президента вызвала главным образом к чувствам:

«Во времена, когда мир находился в когтях абсолютизма, — заявил президент, — одно из двух-трех свободных тогда государств Европы предложило Соединенным Штатам сделать какой-нибудь политический шаг, чтобы оградить американский материк от распространения абсолютизма. В числе этих государств была Англия. В развитие этого предложения и были разработаны принципы доктрины Монро; с тех пор и поныне эти принципы являются действенным барьером против проникновения абсолютизма в Северную и Южную Америку. Теперь, когда составляется документ, являющийся логическим распространением доктрины Монро на весь мир, должны ли Соединенные Штаты быть наказаны за то, что они давно уже усвоили эту политику? Сто лет тому назад американцы заявили, что европейский абсолютизм не ступит на американский материк. Когда пришло время и европейской свободе стал угрожать призрак нового абсолютизма, Америка с радостью пришла на помощь, чтобы сохранить свободу Европе. Стоит ли нам спорить по этому вопросу, стоит ли комиссии взвешивать каждое слово в такое время, когда Соединенные Штаты готовы подписать устав Лиги, который навсегда превращает их в составную часть движения за свободу? Неужели таким путем Америка должна быть вознаграждена за свои давние труды на службе свободе? Комиссия не может

¹ *D.H. Miller, «What Really Happened at Paris», p. 416.*

КРИЗИС И КОМПРОМИСС

себе позволить лишать Америку права участия в этом движении».

Речь Вильсона не устранила французских возражений против поправки. Ларнод ответил, что он «не сомневается в том, что Соединенные Штаты снова придут на помощь Европе, если ей будет угрожать абсолютизм. Возможно, однако, что будущие войны не будут освободительными войнами. По своему характеру они могут оказаться экономическими войнами. Следовательно, речь идет о том, придут ли Соединенные Штаты на помощь Франции, если она будет втянута в борьбу со страной, которая окажется столь же либеральной, как и она сама».

Французы так упорствовали, что хотя 10 апреля и было объявлено, что поправка принята, но на заключительном заседании, состоявшемся на следующий день вечером, они снова подняли этот вопрос. Так как Вильсон отверг все другие предложенные французами поправки, то в конце концов они заявили, что вынуждены будут сделать оговорку, и наметнули на то, что вопрос будет поднят на пленуме конференции.

Заседание затянулось также из-за попыток японцев внести во вступительную часть устава свою поправку, состоявшую всего лишь из следующих слов: «... поддерживая принцип равенства наций и справедливого обращения с их соотечественниками».

«Президент стоял за то, чтобы принять эту поправку, — писал Хауз, — но Сесиль на основании инструкции своего правительства не мог с этим согласиться; а так как я знал, что Юз ползет в драку и будет держать на пленарном заседании пламенную речь, то я уговорил президента поддержать англичан; так он и поступил».

За японскую поправку фактически голосовало большинство комиссии, но так как это голосование не было единогласным, то президент Вильсон как председатель объявил, что поправка не прошла¹. Заседание закрылось лишь в двенадцать часов пятьдесят минут ночи; оно затянулось главным образом вследствие настойчивости Вильсона, который

ГЛАВА XXV

понимал, что момент, когда члены комиссии хотят, чтобы заседание поскорее кончилось, есть самый благоприятный момент для проведения постановления. «Долгий опыт в подобных делах, — писал Хауз, — учит, что дела по-настоящему решаются именно в последние пятнадцать минут. Фактически все отказались от дальнейшей борьбы; тогда мы за пятнадцать минут проталкивали вопросы чуть ли не с той же скоростью, с какой успевали оглашать тексты... Около половины первого Сесиль спросил, долго ли еще будем заседать. Я ответил: “До рассвета или до тех пор, пока не кончим”».

Так закончила комиссия свои труды, предоставив отделку деталей устава Лиги редакционной комиссии². Другой комиссии было поручено подготовить резолюции о скорейшем начале работ Лиги.

Письмо полковника Хауза президенту

Париж, 26 апреля 1919 г.

«Дорогой начальник!

После целого ряда бесед с Сесилем и Миллером мы пришли к тому выводу, что лучше всего было бы (если вы с этим

¹ При голосовании за японскую поправку было подано одиннадцать голосов против шести, причем Вильсон и Хауз воздержались. Когда французы обратили внимание Вильсона на тот факт, что большинство голосовало за поправку, президент ответил, что «решения комиссии не действительны, если они не приняты единогласно... Лишь в одном случае решение, принятое большинством голосов, оказалось действительным, а именно в вопросе об определении местопребывания Лиги; в этом случае необходимо было учесть мнение большинства, поскольку для того, чтобы принять какое-либо решение по этому вопросу, вообще иная процедура была неприемлема».

Если бы французы пожелали, основываясь на этом принципе, до конца противостоять доктрине Монро, они смогли бы помешать включению ее в устав Лиги. Несомненно, французы не хотели быть в столь прямолинейной оппозиции к президенту Вильсону, не имея определенных инструкций от Клемансо. Вот почему они ограничились внесением оговорок.

² Редакционная комиссия, «расценив весьма широко свои полномочия», включила статью о Красном Кресте, которая, по словам м-ра Миллера, исходила от полковника Хауза («What Really Happened at Paris», p. 421).

КРИЗИС И КОМПРОМИСС

согласитесь) вам и двум премьер-министрам принять на вашем совещании в понедельник утром прилагаемую при сем резолюцию с тем, что ее можно было внести на пленарное заседание конференции в понедельник днем. Насколько я понимаю, Ллойд Джордж с этим согласен, так что надо позаботиться только о Клемансо.

Преданный вам Э. М. Хауз».

Проект резолюции для пленума конференции об уставе Лиги наций

Конференция, рассмотрев и приняв в исправленном виде устав, представленный комиссией по вопросу о Лиге наций, постановляет:

1. Чтобы первым генеральным секретарем Лиги был distinguished сэръ Джеймс Эрик Друммонд, кавалер ордена Михаила и Георгия, кавалер ордена Бани.

2. Чтобы впредь до избрания ассамблеей первых четырех членов Лиги для представительства в Совете в соответствии со статьей IV устава, представители Бельгии, Бразилии, Греции и Испании являлись бы членами Совета.

3. Чтобы державы, представленные в Совете Лиги наций, назвали представителей, которые составят Комитет девяти для подготовки планов организации Лиги и для установления местопребывания Лиги, а также для подготовки первого заседания ассамблеи и повестки дня. Этот комитет должен представить доклад и Совету, и ассамблее Лиги¹.

Спустя два дня, 28 апреля, мирная конференция одобрила устав в исправленном виде, не изменив в нем ни единого слова. До последней минуты опасались, что м-р Юз из Австралии выступит на открытой сессии с речью против Лиги, которую он грозил всю зиму, и что м-сье Буржуа или м-сье Ларнод публично изложат требование о создании международной воен-

¹ Комитет состоял из следующих лиц: Жакмэн (Бельгия), Магелазс (Бразилия), Пишон (Франция), лорд Роберт Сесиль (Великобритания), Венизелос (Греция), маркиз Имперали (Италия), виконт Хинда (Япония), Кинонерс де Леон (Испания) и полковник Хауз (США).

ГЛАВА XXV

ной организации или же выступят против статьи устава о доктрине Монро с теми возражениями, которые они излагали в комиссии. Но Клемансо не допустил, чтобы что-нибудь, даже сомнения самих французских делегатов, помешало быстрому утверждению устава.

«Этот день был богат событиями, — писал Хауз. — На пленарном заседании был единогласно принят проект устава Лиги наций, составленный нашей комиссией; кроме того, принята также резолюция, предложенная президентом. В ней перечисляются не только те государства, которые войдут в состав Совета девяти, но также и государства, которые образуют Организационный комитет... Клемансо сразу же пустил в ход «паровой каток», как только закончили речи те, кто хотел, чтобы их мысли были зафиксированы в протоколе. Конференция не успела перевести дыхание, как все решения были уже приняты».

Ничто не может быть яснее того обстоятельства, что переработка проекта устава, которая была предпринята главным образом в связи с возражениями сената Соединенных Штатов, никогда не была бы доведена до конца, равно как и исправленный устав не был бы принят, если бы не было искренней поддержки со стороны главных держав. Орlando во всех случаях твердо поддерживал Вильсона и Хауза. Сесиль использовал все свое личное влияние и ораторское дарование, чтобы помочь принятию поправки о доктрине Монро. Японцы уступили в отношении своей особой поправки и в то же время оказали поддержку поправке Вильсона. Возражения французских делегатов, которые могли бы подорвать всю американскую программу, в конце концов были отменены самим французским премьером.

Поистине было бы достойно удивления, если бы другие державы, приняв особые американские требования в отношении Лиги наций, сами не рассчитывали бы и не добились бы уступок в вопросах, касавшихся их собственных особых устремлений.

ФИУМЕ И ШАНЬДУН

ГЛАВА XXVI

ФИУМЕ И ШАНЬДУН

Всякий вопрос, связанный с этим переустройством, приобретает новый аспект — новый аспект, который придает ему сама победа во имя права, ради чего Италия принесла величайшие жертвы.

Из манифеста президента Вильсона от 23 апреля 1919 г.

1

Достигнутые к середине апреля компромиссы подготовили почву для американских поправок к уставу и к принятию этих поправок пленумом конференции; они также ускорили составление текста мирного договора с Германией, и уже 14 апреля немцам было предложено прислать своих делегатов в Версаль. Но период кризиса все еще не миновал; оставались неурегулированными два важных вопроса. Японцы требовали передачи им германских прав на Шаньдун, а итальянцы угрожали отказом от участия в мирном договоре с Германией, если не будут удовлетворены требования Италии в Адриатике.

Проблема итальянских претензий в первые месяцы работы конференции все откладывалась, хотя время от времени и происходили неофициальные беседы между синьором Орландо, президентом Вильсоном и полковником Хаузом. Результат этой проволочки должен был сказаться в известном смысле и на окончательном решении этой проблемы, найти которое было тем труднее, чем больше усиливались в Италии националистические настроения. Естественным было также и то, что итальянцы становились все более и более настойчивыми по мере того, как Вильсон вынужден был у них на глазах уступать французам и англичанам.

Весною 1918 г. были большие надежды на то, что удастся добиться дружественного соглашения в вопросе об итальянских и югославских претензиях, так как казалось, что Орландо готов одобрить Римский пакт. Но после окончательного

ГЛАВА XXVI

развала Австрии осенью 1918 г. итальянцев, по-видимому, испугала перспектива появления на другом берегу Адриатики сильного югославского государства; они стали говорить о хорватах и словенах как о врагах; неудовлетворенные Лондонским договором, итальянцы заявили претензии на Фиуме, который, согласно этому договору, должен был отойти к Хорватии.

В период заключения перемирия Орlando пытался внести официальную оговорку к пункту IX «Четырнадцать пунктов», желая сохранить свободу действий для предъявления дальнейших претензий; если даже признать, что фактически эта оговорка и была сделана¹, то она нигде не была опубликована и официально ни разу не доводилась до сведения президента Вильсона в отличие от двух других оговорок: о свободе морей и о репарациях. Таким образом, осталось под сомнением, связана ли Италия юридически «Четырнадцатью пунктами» в вопросе об австро-итальянской границе. Президент, по-видимому, и не пытался утверждать, что Италия связана таким образом, несмотря на то что это было бы весьма веским аргументом; на самом деле президент впоследствии (20 апреля) признался на заседании Совета четырех, что в деле заключения мира с Австрией он не считает Италию связанной «Четырнадцатью пунктами».

Таким образом, президент Вильсон не только не сумел в самом начале конференции, твердо настаивая на «Четырнадцать пунктах», покончить с тайными договорами, но в дальнейшем еще более ослабил свою позицию, отказавшись от своего наиболее веского аргумента, заключавшегося в том, что Италия связана, — если не юридически, то морально, — предвари-

¹ 30 октября Соннино зачитал премьерам проект оговорки к пункту IX, но она ни разу не была оглашена в Верховном военном совете. 1 ноября на заседании Верховного военного совета Орlando упоминал про эту оговорку, но Клемансо отвлек внимание к другим вопросам, и Орlando так и не смог огласить свою оговорку. Что он и сам не считал эту оговорку удовлетворительной, видно из внесенного им 3 ноября на совещании премьеров предложения о том, чтобы Вильсон был информирован об итальянской позиции в отношении пункта IX. Однако эта информация так и не была сообщена президенту официально (см. выше главу VI).

ФИУМЕ И ШАНЬДУН

тельным соглашением о перемирии. Следующую ошибку, которую впоследствии президент и сам признал, он допустил тем, что одобрил требование Италии на Бреннерскую границу; из всех итальянских требований это было, пожалуй, наименее оправданным¹.

Несколько лет спустя полковник Хауз обсуждал этот вопрос с м-ром Фрэйзиром, который в ходе мирной конференции присутствовал при многих встречах президента с итальянцами.

«Фрэйзир рассказал мне, — писал Хауз, — как Вильсон обещал Орlando отдать Италии Тироль. Он рассказал, что Орlando попросил его, Фрэйзира, помочь им в качестве переводчика и что при этом присутствовали только Вильсон, Орlando и Фрэйзир. Орlando ходатайствовал о Фиуме, на что Вильсон ответил: «Я не могу согласиться, чтобы Фиуме отошло к Италии, но можете рассчитывать на меня в отношении линии Бреннера». Это не удовлетворило Орlando, но он поймал Вильсона на слове... Я часто спрашивал себя, почему Вильсон согласился на установление этой линии. Мы с Клемансо и Ллойд Джорджем обсуждали этот вопрос во время работы по перемирию и втроем пришли к выводу, что Тироль не следует отнимать у Австрии. Сами они были связаны тайными договорами, но полагали, что Соединенные Штаты могли бы заявить протест»².

¹ Вот что впоследствии писал лорд Брайс полковнику Хаузу относительно уступки этого района Италии: «Я искренне надеюсь, что те 200 тыс., если не больше, тирольцев, говорящих на немецком языке, которые населяют этот район, не будут переданы Италии. Это явилось бы еще более серьезным отступлением от национального принципа, чем все отступления по спорным вопросам об Адриатике, возникшим между Италией и югославами. Италия никогда «никак не владела Центральным Тиролем, а потому не имеет и тени права его аннексировать. Этот народ... не несет никакой ответственности за эту войну и будет сильно возмущен установлением над ним итальянского господства».

² Из письма полковника Хауза Чарлзу Сеймуру от 28 мая 1928 г. В мае 1919 г. президент Вильсон говорил Чарлзу Сеймуру, что он одобрил границу на Бреннере «вследствие недостаточного изучения вопроса». М-р Бэйкер, который редко критикует м-ра Вильсона, говорит следующее («Woodrow Wilson and World Settlement, v. 11, p. 146): «К сожалению, президент уже обещал Орlando Бреннерский перевал».

ГЛАВА XXVI

С другой стороны, позиция итальянских делегатов была не очень прочной. В Италии враждебные Орlando политические силы угрожали свергнуть его министерство. В отличие от Клемансо, тщательно подготовившего программу французских требований, от которой он мог постепенно и безопасно отступить, добиваясь компромисса, и готового сопротивляться экстремистам из собственного лагеря, Орlando вынужден был предъявлять одно требование за другим, увлекаемый нарастающим потоком всеобщего ажиотажа в Италии. Из страха перед внутривластической катастрофой он не смел отступить ни в одном из требований. Он знал, что на худой конец он может положиться на то, что французы и англичане подтвердят Лондонский договор; но Лондонский договор его не удовлетворял, потому что он не включал Фиуме, англичане же и французы ясно дали понять, что не желают отдавать Фиуме Италии.

Таким образом, вся проблема в целом оказалась запутанной в такой мере, что уже невозможны были действенные уступки ни с той, ни с другой стороны. С самого начала конференции итальянцы старались подчеркнуть свое живое и искреннее сочувствие идеалам президента Вильсона. При составлении устава Орlando самым чистосердечным образом поддерживал президента и Сесилия. Он полностью содействовал американской политике отказа от интервенции в России, кроме как в отношении отправки экспедиции помощи. Подлинное столкновение интересов произошло между англичанами и французами, с одной стороны, и итальянцами, с другой. И все же по иронии судьбы случилось так, что открытое разногласие, угрожавшее расколоть конференцию, возникло между Вильсоном и Орlando.

Лично в отношении итальянских делегатов, и особенно Орlando, полковник Хауз питал самые сердечные чувства, которые он сохранил в течение их многочисленных бесед. В одной из записей конца мирной конференции Хауз отмечает:

«Я не знаю, что произошло у президента с Орlando, когда меня не было, но я знаю, что, когда мы работали вдвоем или же когда мы с Орlando работали одни, я убедился, что это

ФИУМЕ И ШАНЬДУН

один из самых приятных коллег. Он всегда очень обходителен, даже при очень трудных обстоятельствах, и бывал почти чрезмерно великодушен, уступая американскому мнению, когда дело не касалось его собственной страны. Но даже в переговорах, затрагивавших интересы Италии, Орlando старался быть справедливым; когда же с нашей точки зрения это было не так, то только лишь вследствие давления, которое на него оказывали Рим и его итальянские коллеги. Я навсегда сохраню память о нем как о способном, прямодушном джентльмене, который стремился быть максимально добросовестным даже в самых трудных условиях».

Следствие своего личного уважения к Орlando и убеждения в том, что интересы Италии и Соединенных Штатов на мирной конференции тесно соприкасаются, полковник Хауз сохранил с ним дружественные отношения, отразившиеся в записях о многочисленных совещаниях, начавшихся сразу после заключения перемирия¹. Из них становится ясно, что Хауз выступал против максимальных претензий итальянцев. Так, например, 9 января он заявил Орlando, что «не склонен отдавать Италии территорию, из-за которой могут вспыхнуть раздоры и войны. Если итальянцы будут настаивать на линии, установленной Лондонским пактом, включающей Далмацию, это, несомненно, приведет к войне... Чехословаки еще более яростно, чем югославы, будут протестовать против включения Фиуме в итальянское королевство».

С другой стороны, Хауз яснее, чем большинство американцев, отдавал себе отчет в том сочувствии и в тех услугах, которые итальянцы оказали в борьбе за создание Лиги; кроме того, он рассчитывал на помощь итальянцев в не менее трудной за-

¹ Этих записей сохранилось больше и притом они более детальные, чем записи, относящиеся к Клемансо и англичанам; так как Орlando не говорил по-английски, то м-р Фрэйзир служил переводчиком и сохранил подробные записи об этих беседах. О познаниях Орlando в английском языке Д. Х. Миллер вспоминает следующее: «Однажды вечером я разговаривал с ним и с маршалом Жоффри; тот спросил Орlando по-французски: «Говорите ли вы по-английски?» Орlando ответил, что очень мало. «Совсем не говорю, — добавил он, — кроме выражений: бьет двенадцатый час, согласиться с вами не могу, прощайте!»» (журнал «Atlantic Monthly», август 1921 г., стр. 274).

ГЛАВА XXVI

даче приведения Лиги в действие. Возможно, что настойчивое желание полковника Хауза добиться успеха в деле организации Лиги позволило ему более полно, чем другим, понять желательность компромисса с итальянцами, так же как оказалось необходимым заключить компромисс с французами и англичанами. Он неизменно старался объяснить Орландо, какое важное значение он придает сохранению сердечности итало-американских отношений; со своей стороны Орландо, очевидно, рассчитывал на Хауза как на человека, который в дружественном свете представит президенту итальянские притязания.

Президент Вильсон тоже испытывал большое личное расположение к синьору Орландо. Среди бумаг Хауза имеется интересная записка от президента, в которой он просит Хауза объяснить Орландо, что он не может согласиться на уступку Фиуме Италии: «Не кажется ли вам, что лучше всего было бы прямо заявить об этом нашему другу, которого я действительно очень люблю и которому мне очень хотелось бы помочь».

Кое-кто утверждал, будто сердечное отношение Хауза к Орландо в тот момент, когда итальянцы считали, что большинство американцев относится к ним недружелюбно, вместе с упорным стремлением Хауза достигнуть практического компромисса на самом деле уменьшило шансы на такой компромисс; говорили при этом, будто итальянцы считали, что в этом вопросе голоса американской делегации разделились и будто такое представление побудило итальянцев стать менее уступчивыми в своих требованиях. Независимо от того, действительно ли отношение полковника Хауза заставило итальянцев верить в то, что в конечном счете президент пойдет на большие уступки, чем он фактически собирался, верно то, что американская делегация не была единодушна в том совете, который она дала Вильсону.

Специалисты, занимавшиеся изучением адриатической проблемы, были единодушно убеждены, что всякое решение, которое лишит югославов Северной Далмации или Фиуме, окажется неблагоразумным и порочным. Они считали, что если Италия добьется «даже номинального суверенитета над Фиуме в качест-

ФИУМЕ И ШАНЬДУН

ве вознаграждения за поддержку, оказанную Лиге», то Лига превратится в «коалицию по сохранению несправедливого мирного договора». Это мнение было сообщено президенту письменно, а также лично профессором Дугласом Джонсоном, руководителем секции географических границ, мнение которого Вильсон считал авторитетным. Другие члены американской делегации, как-то: Дэвид Хонтер Миллер, Джордж Луис Бир и Джеймс Т. Шотуэлл, иначе, чем итальянцы, расценивая общие принципы мирного договора, «считали, что всеобщее внимание слишком узко сконцентрировано... на местных вопросах демографии. Этот спорный вопрос имеет большое значение лишь потому, что он затрагивает вопросы общей политики, и к нему следует подходить именно под этим углом зрения»¹. Эта группа старалась путем бесед с итальянцами достигнуть какого-нибудь компромисса, и полковник Хауз поощрял их к тому, чтобы использовать все возможности в этом направлении.

2

Адриатическая проблема обострилась в начале апреля, как раз в тот момент, когда настал кризис при обсуждении проблем репараций, Саарской области и рейнской границы. 2 апреля к концу продолжительной беседы, охватившей всю сумму спорных вопросов, президент Вильсон попросил Хауза разъяснить итальянцам американские предложения, которые хотя и подтверждали тирольскую линию, установленную Лондонским договором, предназначали Восточную Истрию, Фиуме и Далмацию югославам.

«Он попросил меня изложить Орlando намеченную нами границу и прочие условия для Италии, — писал Хауз в своем дневнике. — Это поручение мне не очень по душе, но я обещал его исполнить. Я увижусь с Орlando в пятницу и скажу ему, где именно мы хотели бы провести северные и восточные границы Италии».

¹*D. T. Shotwell*, George Louis Beer, p. 110; см. также *D. H. Miller*, The Adriatic Negotiations at Paris, журн. «Atlantic Monthly», август 1921 г.

ГЛАВА XXVI

Получилось, однако, что беседа с Орландо состоялась вместо пятницы в четверг, потому что в четверг утром Ллойд Джордж неожиданно поднял вопрос об Адриатике в Совете четырех и предложил пригласить югославских представителей. Орландо решил не присутствовать на вечернем заседании, о чем он уведомил президента.

«Что же касается деликатного вопроса, — писал Орландо Вильсону, — о том, чтобы заслушать представителей словенцев и хорватов, с которыми Италия воевала в течение четырех лет, я не стану против этого возражать, так же как я не отрицал бы целесообразности заслушать представителей любого неприятельского народа, которому собирались бы предъявить определенные требования. Но, с другой стороны, так как подобного прецедента еще не было, я продолжаю считать целесообразным воздержаться от участия в заседании, которое при существующем положении вещей неизбежно породит споры. С чувством крайнего сожаления я отдаю себе отчет в том, что мое отсутствие может вызвать впечатление, которое сам я первым хотел бы избежать, будто между итальянским правительством и союзными и присоединившимися правительствами возникло недоразумение. Я полагаю, однако, что подобного впечатления не создается, так как сегодняшнее вечернее заседание явится не заседанием представителей четырех держав, а лишь беседой президента Соединенных Штатов и премьер-министров Великобритании и Франции с этими господами.

Я искренне надеюсь, господин президент, что причина моего отсутствия будет понята правильно, т. е. не как признак разногласий, а как акт вежливости по отношению к коллегам, которые желают располагать возможно более полными данными для того, чтобы определить свое мнение по рассматриваемым крайне серьезным вопросам».

Вместо того чтобы отправиться на заседание Совета четырех Орландо явился в отель «Крийон» для встречи с полковником Хаузом. Но ни в этой беседе, ни на последующих совещаниях ни одному из них не удалось предложить практический компромисс.

ФИУМЕ И ШАНЬДУН

«Сегодня вечером самым важным делом, — писал Хауз 3 апреля, — оказалась моя беседа с Орландо. Он встревожен тем оборотом, какой дела приняли на сегодняшнем утреннем заседании Совета четырех. Ллойд Джордж... вызвал нечто вроде паники, предложив поставить адриатический вопрос. Оказалось, что никто, кроме Орландо, не настроен в пользу перехода Фиуме к Италии. Далее Ллойд Джордж с одобрения президента и Клемансо предложил, чтобы на вечернем заседании югославы изложили свои доводы. Это добило Орландо. И хотя его и пригласили принять участие в похоронах Италии, но он от этого отказался... Его отношение к югославам весьма напоминает отношение французов к немцам; он так же возмущен, как был бы возмущен Клемансо, если бы немцев попросили изложить свои взгляды в отношении левого берега Рейна¹.

Я разложил все карты, и мы с Орландо внимательно рассмотрели линию границы. Он очень огорчился, когда увидел, что линия проходит западнее Фиуме. Он заявил, что Италия ни за что не согласится на такое решение, и если бы не Фиуме, то остальное не представило бы большой трудности. Если бы мирное соглашение было заключено сразу после перемирия, то все эти вопросы удалось бы урегулировать без труда, потому что итальянцы не успели бы включить Фиуме в свои требования, равно как французы не потребовали бы Саарского бассейна и создания Рейнской республики».

«7 апреля 1919 г. Днем приходил Орландо с новым планом урегулирования адриатической проблемы... Он хочет превратить западную часть Фиуме в вольный город... Я обещал поговорить об этом с президентом; свое обещание я выполнил, но президент, как и я, сразу же отклонил это предложение».

«15 апреля 1919 г. Орландо просил разрешения прийти ко мне в десять часов утра и провел у меня полчаса. ...Я просил его не отчаиваться по поводу установления итальянской границы. Споры, происходившие между Францией, с одной сто-

¹ Это очень яркий пример атмосферы, царившей в Париже и не позволявшей должным образом выяснять аргументы кого-либо из «бывших врагов».

ГЛАВА XXVI

роны, и Соединенными Штатами и Англией, с другой, были гораздо более серьезными и казались неразрешимыми. Тем не менее, потрудившись над ними несколько месяцев вместе с Клемансо, с одной стороны, и Ллойд Джорджем, с другой, мы уладили их к общему удовлетворению заинтересованных сторон. Итальянские проблемы тоже можно урегулировать при условии, если все стороны настроены сделать небольшие уступки, и если подольше обсудить эти проблемы, то в результате, несомненно, появятся новые идеи и какие-то компромиссы... Фиуме представляет главную трудность. Если бы нам удалось преодолеть этот барьер, остальное было бы урегулировано быстрым шагом».

В качестве возможного компромисса полковник Хауз выдвинул план превращения Фиуме в вольный город под управлением Лиги наций, обеспечивая таким образом автономию проживающих там 25 тыс. итальянцев, а также защиту экономических нужд славянского хинтерланда. Американские специалисты не были убеждены, что этот план обеспечит защиту прав югославов, и в этом духе информировали президента¹. Вильсон сочувствовал взгляду специалистов, но понимал необходимость достигнуть какого-то компромисса. «Я готов, господа, бороться за ту линию, которую вы мне предлагаете, — сказал он Дугласу Джонсону, — но, может быть, с одним исключением: возможно, что лучше всего будет превратить Фиуме в вольный порт»².

¹ Вот что писал Дуглас Джонсон Д. Х. Миллеру в письме от 19 апреля, копию которого он отослал полковнику Хаузу: «Не будете ли вы столь любезны, чтобы во избежание возможных недоразумений при представлении нашим высшим властям проекта статей о Фиуме объяснить, что вместе со всеми нашими специалистами по территориальным вопросам, которые изучали эти проблемы, я настойчиво возражаю против предложенного компромиссного решения на том основании, что в принципе оно глубоко несправедливо по отношению к малой и слабой нации и практически неосуществимо, а с точки зрения будущего в нем заложена величайшая угроза для престижа и даже для конечного успеха Лиги наций, ибо она может позволить себе гарантировать лишь такие соглашения, которые сугубо справедливы».

См. также письмо за подписью пяти специалистов президенту Вильсону, напечатанное в книге Бэйкера «Woodrow Wilson and World Settlement» v. III, p. 266.

² Из записей того времени Дугласа Джонсона, цитированных в книге Бэйкера, т. II, стр. 146.

ФИУМЕ И ШАНЬДУН

Однако это предложение ни в какой мере не удовлетворило синьора Орландо, который понимал, что если ему не удастся поднять над Фиуме итальянский флаг, то это вызовет падение его министерства. 13 апреля он возражал против приглашения немцев для вручения им договора; на следующий день он имел продолжительную беседу с Вильсоном, во время которой президент вручил ему меморандум, излагающий проект компромисса о превращении Фиуме в международный порт, который «будет пользоваться весьма значительной долей подлинной автономии», хотя при этом он и предлагал, чтобы порт входил в таможенную систему нового югославского государства.

Эта беседа была мучительной. Оба они питали друг к другу сердечные чувства, и Вильсон предложил максимум того, что позволяла ему совесть; Орландо же был непреклонен, заявляя, что этого недостаточно. Казалось, что, если не удастся достигнуть какого-то соглашения, разрыв неизбежен.

После четырех дней усиленных поисков формулы компромисса начал отчаиваться и сам полковник Хауз.

«Мы с президентом обсуждали фиумский вопрос, — писал он 17 апреля, — причем я убеждал его урегулировать это дело так или иначе. Я почти окончательно пришел к выводу, что так как мы не можем порадовать итальянцев компромиссом, то, пожалуй, нам следовало бы уступить мнению наших экспертов, т. е. прямо отдать Фиуме югославам, обеспечив права всех стран, заинтересованных в порте. Такое решение президенту понравилось. Я советовал ему поговорить с Ллойд Джорджем и Клемансо, чтобы внести это предложение единым фронтом».

Тем не менее французы и англичане не хотели напрямик заявить, что они не согласны отдать Фиуме Италии, так как опасались, что Орландо потребует установления линии, предусмотренной Лондонским договором, который они обязались выполнять; в этом случае они разошлись бы с Вильсоном, который настаивал на том, чтобы Восточная Истрия и Северная Далмация отошли к югославам, между тем как Лондонский договор предназначал эти земли Италии.

ГЛАВА XXVI

Хауз в последний раз попытался достигнуть компромисса. Он соглашался уступить Восточную Истрию Италии, поставив Фиуме и Северную Далмацию под управление администрации Лиги наций на несколько лет, с тем чтобы Лига окончательно решила вопрос об их принадлежности. Это создало бы для Фиуме примерно такой же режим, как для Саарской области; такое решение Ллойд Джордж выдвигал в Совете четырех на утреннем заседании 8 апреля. 15 апреля Хауз беседовал о своем предложении с Клемансо. «Я спрашивал его, не может ли он сказать Орландо, что единственный выход из положения он видит в том, чтобы на некоторое время Лига наций приняла спорную территорию в свое ведение».

Письмо полковника Хауза президенту

19 апреля 1919 г.

«Дорогой начальник!

Вот как я предложил бы поставить вопрос перед итальянцами во время вашей завтрашней утренней встречи с ними:

1. Мы дадим вам границу, обусловленную Лондонским пактом, поскольку это относится к старой австро-венгерской границе¹.

2. Фиуме и вся спорная территория к югу от Фиуме будут поставлены под опеку пяти держав под контролем Лиги наций, с тем чтобы окончательное разграничение было произведено в будущем, когда, по мнению Лиги наций, это будет целесообразно. Это даст возможность итальянцам под-

¹ Очевидно, Хауз имеет в виду границу, которая на юге доходила до залива Кварнеро. Следующий абзац этого документа, как и дневник Хауза, делает очевидным его намерение передать Далмацию Лиге. В дневнике это предложение изложено следующим образом: «Принять линию, обусловленную Лондонским пактом, поскольку это относится к границам бывшей Австро-Венгерской империи. Все, что к югу от этой линии, включая Фиуме и Далмацию, передать пяти державам в качестве попечителей под контролем Лиги наций. Окончательную судьбу этой территории определить в дальнейшем, когда страсти остынут». Об островах в письме ничего не говорится, но очевидно, что Хауз готов был уступить Италии все острова, которые она считала необходимыми с точки зрения своей стратегической безопасности.

ФИУМЕ И ШАНЬДУН

готовить свой народ к последующему окончательному решению.

После вашего ухода я ознакомил с предложением других членов делегации, и они единодушно его одобрили. По предложению Уайта решено было изложить это в форме письма за нашими подписями. Я просил Лансинга подготовить такое письмо, но так как в данный момент нигде не могу его разыскать, то посылаю вам предварительно этот документ.

Преданный вам Э. М. Хаузу.

20 апреля это предложение было сообщено Орландо, но не Вильсоном, который считал это слишком большой уступкой, а Ллойд Джорджем. В конце концов Вильсон заявил Хаузу, что, если Джордж и Клемансо выступят с этим предложением как с их собственным, он согласится его рассмотреть. Между тем Орландо наотрез его отверг. В Италии страсти так разгорелись, что он не осмеливался признаться в неудаче или даже в отсрочке удовлетворения притязаний Италии на суверенитет над Фиуме. На него произвело впечатление то обстоятельство, что Вильсон пошел на большие уступки Франции; в таком случае почему бы и Италии не получить такие же уступки. С другой стороны, Вильсон именно потому, что он только что уступил Франции, менее всего склонен был уступить Италии¹. Совет четырех провел три дня в бесплодных дебатах; Вильсон стал подумывать об опубликовании заявления, излагающего американскую позицию, и просил совета об этом у членов американской делегации.

«23 апреля 1919 г. Итальянская ситуация составляет почти единственную тему разговоров. Сегодня утром я посоветовал президенту опубликовать свое заявление, переговорив, однако, предварительно с Клемансо и Ллойд Джорджем».

¹ Вот что пишет м-р Бэйкер: «К итальянским проблемам президент Вильсон, несомненно, подошел с большей страстностью и решимостью, потому что во время только что миновавшего французского кризиса ему пришлось пойти на мучительные уступки для того, чтобы сохранить единство союзников, порядок во всем мире и вообще достигнуть какого-то мира» («Woodrow Wilson and World Settlement», v. II, p. 159).

ГЛАВА XXVI

О чем в точности говорили утром 23 апреля Вильсон и французский и английский премьеры, не совсем ясно. Они беседовали о заявлениях Вильсона и настолько согласны были с его содержанием, что решили представлять Орlando меморандум, написанный Бальфуrom, который еще более решительно, чем Вильсон в своем заявлении, возражал против итальянского суверенитета над Фиуме¹. Хотя президент сказал им, что он «намерен опубликовать свое заявление сегодня вечером», они не попытались ни отговорить его от этого, ни одобрить его решение. Таким образом, опубликование манифеста Вильсона изолировало его, и когда разразилась итальянская буря, то обрушилась она на голову президента.

Вильсоновский манифест исходил из изменений, возникших в адриатической проблеме, а также в общем настроении Европы со времени подписания Лондонского договора. Исчезла Австро-Венгрия, и на ее месте появились малые государства, которые вместе с Италией вступят в Лигу наций, принципы «Четырнадцати пунктов», признанные применимыми к Германии, должны быть также применены к проблеме мира в целом. «Всякий вопрос, связанный с этим переустройством, приобретает новый аспект — новый аспект, который придает ему сама победа во имя права, ради чего Италия принесла величайшие жертвы кровью и богатством». Вильсон заканчивал призывом к народу Италии: «Америка является другом Ита-

¹ Наиболее существенный параграф бальфуровского меморандума гласит следующее:

«Сама Италия, а не другие участники Лондонского пакта, должна решить, выиграет ли она больше в силе, богатстве и чести, строго придерживаясь той части Лондонского пакта, которая благоприятствует ей, чем согласившись на такие изменения в нем, которые приблизят его к принципам, которыми руководствуются союзники в территориальных вопросах, касающихся других районов Европы. Что же касается Фиуме, то тут положение другое. Здесь, как мы уже указывали, пакт 1915 г. противоречит итальянским притязаниям; и, как нам кажется, их притязаниям противоречат также справедливость и разумная политика. После долгих и глубоких размышлений мы не можем заставить себя считать, что было бы в интересах Югославии или в интересах самой Италии или же в интересах будущего мира, являющегося предметом работы всего мира, отторгнуть этот порт от территорий, к которым он естественно принадлежит в экономическом, географическом и этническом отношениях».

ФИУМЕ И ШАНЬДУН

лии... Она связана с итальянским народом узами крови и дружбы... Стоит вопрос не об интересах, а о правах народов, о государствах новых и старых, об освобожденных народах и о народах, владыки которых никогда не признавали их достойными прав; и превыше всего — право мира на мир и на такое удовлетворение интересов, которое обеспечит мир. За эти и только за эти принципы Америка воевала... Она верит и надеется, что народ Италии потребует, чтобы только на этих принципах она заключила мир».

Форма манифеста обозлила итальянцев не меньше, чем его содержание. Большинство итальянского народа он был воспринят как призыв, сделанный Вильсоном через голову Орландо к итальянскому народу, и это позволяло подозревать, что премьер-министра не считают представителем своего народа. Орландо заявил, что он должен вернуться в Рим и сказать: «Выбирайте между Вильсоном и мною». В действительности же он не мог быть особенно удивлен опубликованием манифеста, так как этот документ обсуждался в его присутствии в Совете четырех. Тем не менее опубликование манифеста дало ему возможность импозантного ухода, о котором он раздумывал еще до этого, и снискало ему огромную популярность во Франции и у него на родине. В то же время он совершенно ясно дал понять, что разрыв не окончателен. В Париже оставались его технические эксперты, пока он консультировался с итальянским парламентом. Если бы он покинул Париж только лишь потому, что Совет четырех не мог сговориться об урегулировании итальянской проблемы, Орландо обвинили бы в излишнем самомлюбии и всю вину за разрыв возложили бы на него; в создавшейся же обстановке ответственность, как правило, возлагали на Вильсона.

Несмотря на сенсацию, порожденную опубликованием вильсоновского манифеста и отъездом Орландо и Соннино, руководящие деятели мирной конференции не были серьезно обеспокоены. Если бы итальянцы продолжали отсутствовать и отказались подписать договор с Германией, французы и англичане по крайней мере избавились бы от дилеммы, стоявшей перед ними в связи с итальянскими настояниями об осу-

ГЛАВА XXVI

ществлении Лондонского договора. В конце концов, вследствие окончательного разрыва между Италией и прочими державами главным образом пострадала бы Лига наций, а следовательно — вильсоновская политика. Хауз был настроен оптимистически. Он доверял благоразумию Орlando и Соннино и не верил, чтобы кто-нибудь из них захотел изолировать Италию от прочих великих держав, равно как и от весьма крупных выгод, которые предстояли участникам договора с Германией.

«Итальянский кризис, — писал он 24 апреля, — в данный момент поглотил все мысли. Сегодня к вечеру похоже стало, что ситуация сможет снова разъясниться, хотя Орlando и возвращается в Италию. Он оставляет здесь кое-кого из делегации и, вероятно, уезжает, чтобы проконсультироваться со своими коллегами в Риме».

«26 апреля 1919 г. Сегодня утром меня удивил визит принца ди Скорда, секретаря Орlando, который явился, чтобы выразить сожаление Орlando по поводу того, что перед отъездом из Парижа ему не удалось со мною попрощаться. Ди Скорда говорит, что Орlando сохранил ко мне теплое дружеское чувство».

3

В тот момент, когда итальянский кризис вступил в свою самую острую стадию, Совет четырех вынужден был столкнуться с кризисом, связанным с японскими притязаниями, который мог оказаться еще более опасным. Японцы выставили свои наиболее решительные требования в период, когда мирной конференции угрожал развал вследствие ухода итальянцев, не только из соображений восточной стратегии. Они выдвигали свои притязания тихо, но неустанно, с самого начала конференции. Отправка приглашения германским делегатам побудила их к большей решительности; подобно итальянцам, японцы опасались, что договор будет предъявлен без четкого удовлетворения их особых стремлений.

Японские притязания на мандатное управление тихоокеанскими островами к северу от экватора, очевидно, без особо-

ФИУМЕ И ШАНЬДУН

го труда были одобрены президентом Вильсоном, но при этом он сделал оговорку об острове Я п. Он понимал, что союзники связаны договорами. «Хотя, — как он говорил, — быть может, я и имею право сомневаться в праве Великобритании и Японии распоряжаться островами на Тихом океане. Впрочем, это мое частное мнение...»¹

Но японцам было отказано в их требовании включить в устав Лиги статью, признающую принцип равенства рас². Тем более упорно требовали они одобрения третьего пункта их претензий о передаче им германских прав на Шаньдун. Японцы соглашались полностью вернуть Китаю суверенитет над Шаньдунским полуостровом, сохранив при этом за собой лишь предоставленные Германии экономические привилегии, но они были непреклонны в своем требовании, чтобы отказ Германии от ее прав был сделан в первую очередь в пользу Японии. Это было явно вопросом престижа, и в этом вопросе Япония не желала уступать. 24 апреля Орландо выехал в Рим; в тот же день японцы предъявили требование об «окончательном урегулировании этого вопроса... с минимальной задержкой». За два дня до этого виконт Хинда заявил Совету четырех, что, если это требование не будет удовлетворено, японским делегатам не разрешат подписать договор.

По-видимому, Вильсон был уверен, что японцы не запугивают, и Хауз был согласен с ним. Он встречался с японцами, которые в ходе прений об уставе часто бывали у него в отеле «Крийон». Хауз полностью учитывал, какую помощь японцы оказали Вильсону во время этих прений, и ценил то обстоятельство, что даже в момент разочарования, перенесенного ими, когда им не удалось внести собственную поправку к уставу, они не противодействовали внесению пре-

¹ Заявление было сделано 22 апреля на заседании Совета четырех.

² Эта неудача накалила атмосферу в Японии, где эту неудачу приписывали недружелюбному влиянию президента Вильсона; осацкая газета «Майници» обвинила его в том, что «в нем сидит дьяволица». Японские делегаты в Париже понимали, что эта неудача явилась следствием возражений премьеров британских доминионов; вот почему англичане тем более были заинтересованы в том, чтобы удовлетворить претензии Японии на Шаньдун.

ГЛАВА XXVI

зидентской поправки о доктрине Монро. Хауз был убежден, что вслед за уходом Италии отказ Японии подписать договор непременно подорвет престиж конференции, а может быть, и вовсе приведет к ее развалу; это создало бы непреодолимые трудности для Лиги. После компромисса с французами невозможно было, по его мнению, устоять против японцев, обещанию которых вернуть в дальнейшем Шаньдунский полуостров Китаю он безоговорочно верил. Через два дня после отъезда Орlando Вильсон понял, что надо принимать решение.

Письмо полковника Хауза президенту

Париж, 29 апреля 1919 г.

«Дорогой начальник!

Джордж и Бальфур говорили со мною вчера об урегулировании японского вопроса. Они надеются, что вы примете заверения, данные Макино Бальфуру, которые последний записал.

Лично я считаю, что хотя все это и плохо, но это не хуже, чем многое из того, что мы делаем по ряду соглашений, в которых заинтересованы западные державы. Мне кажется также, что нам следовало бы с минимальными трениями очиститься от всего этого старья, потом дать возможность Лиге и новой эре доделать остальное.

Англии, Франции и Японии следовало бы убраться из Китая, и, может быть, в дальнейшем они так и сделают, если будет оказано достаточное давление общественного мнения, выраженного через Лигу наций.

Преданный вам Э. М. Хауз».

Очевидно, Вильсон, как и Хауз, чувствовал, что, оказывая сопротивление японцам, Китаю не поможешь, а только провалишь Лигу. Он все еще боролся за ясную договоренность о том, что японцы не используют экономические концессии для фактического контроля над Шаньдуном, но в конце концов он уступил их требованиям о передаче

ФИУМЕ И ШАНЬДУН

Японии германских договорных прав. «Единственная наша надежда заключается в том, — говорил Вильсон м-ру Бэйкеру, — чтобы сплотить мир, создать Лигу наций с участием Японии, а затем попытаться добиться справедливости для китайцев не только со стороны Японии, но и со стороны Англии, Франции и России, которые тоже имеют концессии в Китае»¹. 30 апреля утром японцы выступили с официальной декларацией о своем намерении вернуть Шаньдун Китаю².

4

Урегулирование шаньдунского вопроса не могло до конца разрядить атмосферу неизвестности и неопределенности, нависшую над мирной конференцией. Бельгийцев обескуражило, что Совет не дал определенного подтверждения их претензии на первоочередность в репарациях; они поэтому, естественно, жаловались на то, что их исключили с заседаний Совета при обсуждении текста договора с Германией, в котором они были жизненно заинтересованы. Кроме того, Совет отнесся неблагоприятно к их ходатайству об исправлении бельгийско-голландской границы, согласно которому полагалось отчуждение территории у Голландии, являвшейся центральной державой. В течение первой недели мая бельгийцы серьезно подумывали об уходе с конференции.

¹ *Baker, Woodrow Wilson and World Settlement, v. II, p. 266.*

² Японская декларация, зачитанная на заседании Совета трех, гласила следующее:

«Политика Японии заключается в возвращении Шаньдунского полуострова под полный суверенитет Китая с сохранением за собою только экономических привилегий, ранее предоставленных Германии, и права организовать на обычных условиях сэттлмент в Циндао.

Владельцы железной дороги будут пользоваться особой полицией только для обеспечения безопасности движения. Эта полиция не будет использована для какой-либо другой цели.

Эти полицейские силы будут состоять из китайцев и японских инструкторов, которых подберут директора железной дороги (и) которые будут утверждены китайским правительством».

ГЛАВА XXVI

Позиция, занятая итальянцами, тоже ставила конференцию в затруднение. Совет не знал, включать ли Италию в текст договора, предъявляемого немцам. Поговаривали об отправке итальянскому правительству ультиматума с предложением в течение сорока восьми часов вернуться в Париж или принять на себя ответственность за исключение Италии из договора с Германией... Полковнику Хаузу казалось, что Совет трех проявляет слишком безразличное отношение к этому вопросу. Совершенно очевидны были невыгоды положения, при котором итальянцы не подписали бы договор. В то же время Совет трех опасался, что, если итальянцы вернутся, они будут настаивать на осуществлении Лондонского договора, которым Клемансо и Ллойд Джордж считали себя связанными, а тогда создалась бы труднейшая ситуация между Францией и Великобританией, с одной стороны, и Соединенными Штатами, с другой.

Конец этой неопределенности положило решение итальянцев вернуться без предъявления условий и участвовать в церемонии вручения договора немцам. В то же время бельгийцы, добившись гарантии о фактической первоочередности в репарациях, тоже согласились, хотя и неохотно, подписать договор. 6 мая на пленарном заседании, происходившем в министерстве иностранных дел, Тардые зачитал конспект содержания договора, текст которого в то время был еще неизвестен большинству делегатов. Раздались протесты. Самым волнующим было выступление маршала Фоша, яростно восстававшего против провала дела с обеспечением безопасности Франции от нападения Германии¹. Эти протесты были занесены в протокол, но договор был одобрен. На следующий день конференция собралась в Версале, где германским делегатам во главе с графом Брокдорф-Ранцау вручили объемистый документ.

«Странно, — писал Хауз, — что вручению договора немцам суждено было состояться в годовщину потопления «Лузита»

¹ Были и другие возражения, сделанные по разным причинам португальцами, китайцами и бельгийцами.

нии». Это произошло не умышленно, а случайно, ибо сперва мы рассчитывали вручить документ на прошлой неделе, потом еще раз отложили до понедельника или вторника на этой неделе.

Я отправился в Версаль в начале третьего. Мы ехали очень быстро, и путь, который обычно отнимает от сорока до сорока пяти тут, мы проделали в полчаса. Клемансо и некоторые другие лица уже были там. Вскоре прибыл Бальфур с остальными членами британской делегации. Спустя немного времени явились Орландо и Соннино...

После того как мы расселись, были приглашены немцы, которых ввел полковник Анри. При их появлении все мы поднялись; было приятно, что так произошло. Клемансо сказал речь, продолжавшуюся несколько минут. Это было сделано в его обычной степенной, хотя и энергичной манере... К немалому нашему удивлению, Брокдорф-Ранцау стал зачитывать длинный ответ. Клемансо произносил свою речь стоя, а Ранцау остался сидеть. Мы с Уайтом подумали, что он так поступил, потому что слишком нервничал, чтобы прочно стоять на ногах. Уайт рассказывает, что в четверг, отправившись к немцам для проверки их полномочий, он стал свидетелем необычайного проявления нервозности у дипломата: по словам Уайта, у Брокдорф-Ранцау буквально тряслись колени, и можно было опасаться, что в любую минуту он лишится чувств.

Его ответная речь на выступление Клемансо была содержательна, но показалась мне неуместной. На его месте я бы сказал так: «Господин президент и господа члены конгресса, война — это великая игра, мы проиграли и готовы подчиниться любым разумным условиям».

После того как Брокдорф-Ранцау произнес речь, Клемансо спросил, не желает ли он что-нибудь добавить; Ранцау ответил отрицательно, после чего Клемансо объявил заседание конгресса закрытым. Первыми ушли немцы, а остальные раздвоились на группы, обсуждая событие. Я поздравил Ллойд Джорджа и Клемансо, особенно последнего, и сказал ему, что это великий час не только для Франции, но и для него самого. Он несколько расчувствовался...»

ГЛАВА XXVII

Сдержанное отношение Хауза к Брокдорф-Ранцау не нашел широкого отклика у делегатов, а также у прессы, которые расценили тот факт, что немец остался сидеть, как продуманное оскорбление. Они также не оценили мужества, с каким он отверг статью договора, согласно которой Германия должна была признать себя ответственной за войну.

«От нас требуют, — сказал Брокдорф-Ранцау, — чтобы мы признали себя единственными виновниками войны. В моих устах подобное признание было бы ложью. Мы далеки оттого, чтобы отрицать какую-либо ответственность за то, что эта великая мировая война случилась. Но мы отрицаем, будто виновны только Германия и ее народ».

«Граф Брокдорф-Ранцау говорил полным горечи тоном, — пишет м-р Ч. Т. Томпсон, — его фраза «это было бы ложью» была произнесена с шипением. Все это время он сидел флегматично, глядя прямо перед собой через большие очки в роговой оправе. Президент Вильсон сидел за столом, наклонившись вперед, и напряженно смотрел на Ранцау, произносившего речь»¹.

ГЛАВА XXVII

ВЕРСАЛЬ

Нельзя без потрясений сокрушить империи и воздвигнуть на их обломках новые государства. Создавать новые границы всегда означает создавать новые хлопоты. Я предпочел бы другой мир, но сомневаюсь, удалось бы его заключить.

Из дневника полковника Хауза от 29 июня 1919 г.

1

После вручения немцам 7 мая договора мирная конференция получила возможность сосредоточиться на незаконченных разделах договоров с Австрией и Венгрией. Однако интерес публики вращался вокруг вопроса о том, подпишет ли

¹ Thompson, The Peace Conference — Day by Day, p. 362.

ВЕРСАЛЬ

немцы договор. Первые слова, донесшиеся из Германии, звучали обескураживающе и были предвестниками позиции, которую вскоре вся Германия заняла по отношению к президенту Вильсону.

«Свершилось невероятное, — заявил председатель Национального собрания в Веймаре. — Неприятель предъявляет нам договор, превосходящий самые пессимистические предсказания. Он означает уничтожение германского народа. Непостижимо, чтобы человек, обещавший всему свету справедливый мир, на котором сможет быть основано сообщество государств, мог содействовать составлению проекта, продиктованного ненавистью».

10 мая были посланы первые германские ноты протеста, после чего в течение почти трех недель продолжались письменные переговоры между Германией и союзниками. В этот период полковник Хауз занимался в основном работой по организации Лиги, которая теперь представляла для него главный интерес, и снова пытался найти компромиссное решение адриатической проблемы. Теперь, как и на протяжении всей конференции, его кабинет был переполнен всевозможными ходатаями, рассчитывавшими на его влияние на президента; долгие и долгие часы были заполнены обсуждением германских возражений против договора и тех изменений, которые надлежит в нем произвести. Выборки из бумаг Хауза иллюстрируют его деятельность в течение заключительной фазы конференции.

Письмо полковника Хауза президенту

Париж, 30 апреля 1919 г.

«Дорогой начальник!

Посылаю вам на подпись несколько писем, которые, надеюсь, вы одобрите.

Мы с Сесилем и Друммондом полагаем необходимым возможно скорее созвать организационный комитет по вопросу о Лиге наций. Имеется ряд вопросов, по которым Друммонд требует скорейшего ответа, вроде финансовых вопросов и т. д.

ГЛАВА XXVII

Прошу вас вернуть эти письма мне для рассылки соответствующим адресатам. При вручении некоторых из этих писем придется дать дополнительные объяснения.

Преданный вам Э. М. Хауз».

«5 мая 1919 г. Заседание организационного комитета по вопросу о Лиге наций, — писал Хауз, — состоялось у меня в той самой комнате моих апартаментов, где составлялся устав. Оно продолжалось только восемь минут. Я открыл заседание, попросил Пишона занять председательское кресло, а Друммонда принять на себя функции секретаря, и предложил нижеследующую резолюцию, которую приняли без прений и без изменений, лишь с незначительными пояснениями, отмеченными в статьях 2 и 4. Когда один из моих секретарей вышел из комнаты заседаний, его спросили, как идут дела. Он ответил: «Заседание окончено, они уже разошлись». Не было ни речей, ни споров и ничего такого, что мешало бы делу.

Мы не пригласили корреспондентов газет на это заседание, как я раньше намечал, потому что, по мнению Миллера и Гордона, это и последующие заседания, которые состоятся до ратификации договора, не должны слишком подчеркиваться, чтобы наши сенаторы не подумали, что мы их игнорируем и, может быть, создаем Лигу независимо от согласия сената».

Резолюции

1. Исполняющему обязанности генерального секретаря поручается подготовить планы организации Лиги и представить их комитету.

2. Под совместную и индивидуальную гарантию государств, представленных в комитете, немедленно открыть кредит в 100 тыс. фунтов стерлингов. Это решение, подлежит санкционированию, требуемому законом.

26. Исполняющий обязанности генерального секретаря или же письменно уполномоченные им лица получают право распоряжаться этим кредитом.

ВЕРСАЛЬ

3. Исполняющий обязанности генерального секретаря уполномочивается нанять временный штат и арендовать помещения для бюро, а также производить прочие расходы, которые он сочтет необходимыми для выполнения инструкций комитета.

4. Жалованье исполняющего обязанности генерального секретаря устанавливается в размере 4 тыс. фунтов стерлингов в год с добавлением 6 тыс. фунтов стерлингов в год на frais de représentation¹. В месте постоянного пребывания Лиги генеральному секретарю предоставляется дом.

5. Собрание закрывается sine die², при этом исполняющему обязанности генерального секретаря поручается созвать следующее заседание в такое время и в таком месте, которые он сочтет целесообразными, с учетом деловой потребности и удобств членов комитета.

Письмо полковника Хауза президенту

Париж, 8 мая 1919 г.

«Дорогой начальник!

Сегодня утром у меня был Соннино, который просил передать вам, что он и Орландо крайне огорчены по поводу тех несдержанных выражений, которые раздавались в Италии как в публичных выступлениях, так и в прессе. Соннино сказал, что они всемерно старались это прекратить и хотели бы уведомить вас о том, что они ни в какой мере не сочувствуют этим высказываниям. Он говорил в весьма примирительном тоне и выражал надежду на то, что удастся найти какой-то выход. Сам он никаких предложений не делал.

Преданный вам Э. М. Хауз».

«12 мая 1919 г. Сегодня был занятой день. Его вполне мож-

¹ Frais de représentation — расходы на представительство (*франц.*). — Прим. перев.

² Sine die — без указания дня, даты (следующего заседания) (*лат.*). — Прим. перев.

ГЛАВА XXVII

но назвать «Днем Италии». Соннино и ди Челлере¹ были у нас на завтраке. Орlando пришел сразу после завтрака, а в 6 часов прибыл президент, чтобы обсудить итальянский вопрос... Не успел уехать Соннино, как приехал Орlando... Мы обменялись выражениями дружбы и восхищения. Он попросил разрешения прийти завтра в 9 часов 30 минут для основательной беседы. Я с нетерпением жду встречи с ним, потому что неизменно надеюсь, что нам удастся натолкнуться на удачную формулу.

Я просил Дэвида Миллера повидаться сегодня вечером с ди Челлере...

Визит президента в отель «Крийон» был целиком посвящен Италии. Генри Уайт тоже присутствовал и поддерживал меня... Предлагаемое решение отдает Фиуме и Далмацию целиком под управление Лиги наций на период, который будет признан необходимым для того, чтобы восторжествовали спокойное отношение и здравый смысл... Я сообщил ему о сегодняшнем визите Орlando и о его предполагаемом завтрашнем визите, это глубоко заинтересовало президента».

«13 мая 1919 г. Наиболее важным посетителем был Орlando. Он явился в 9 часов 30 минут и пробыл у меня до 10 часов. Мы подвергли всестороннему обсуждению адриатический вопрос. Я советовал, чтобы спорная территория была отдана под управление Лиги наций на период, пока не установится более хладнокровное отношение к этому вопросу. Решено было, что Дэвид Миллер зайдет к нему и что вместе они обсудят юридические возможности уладить вопрос через Лигу наций или же как-нибудь иначе. Орlando назначил свидание с Миллером в 11 часов 30 минут.

Миллер провел у него полтора часа. Они не достигли соглашения, но некоторого сдвига добились. Завтра в девять они встретятся опять. Я сообщил президенту о нашей работе; он выразил опасение, как бы Орlando не принял мои слова за прямое предложение, исходящее от президента, ввиду близких отношений между президентом и мною. Я заверил его, что

¹ Итальянский посол в Соединенных Штатах.

ВЕРСАЛЬ

Орландо точно отдает себе отчет в положении вещей. Да и можно ли когда-нибудь достигнуть соглашения, если мы так или иначе не будем обсуждать вопрос?»

Письмо полковника Хауза президенту

Париж, 14 мая 1919 г.

«Дорогой начальник!

Сегодня утром в беседе с Дэвидом Миллером синьор Орландо выдвинул мысль о возможности достигнуть непосредственно соглашения между Италией и югославами по всему адриатическому вопросу, включая Фиуме.

При этом Орландо поставил следующие два вопроса: первый — одобрит ли президент соглашение, заключенное добровольно между итальянским и югославским правительствами, допуская при этом, что они примут решение, отличающееся от того, которое предложил бы президент; второй — если ответ президента на первый вопрос будет благоприятным, то согласится ли президент, чтобы переговоры между итальянским и югославским правительствами проводились с помощью дружеского посредничества представителя американского правительства. Не будете ли вы столь любезны, чтобы сообщить свое мнение по этому поводу¹.

Преданный вам Э. М. Хауз».

«15 мая 1919 г. Большая часть этого дня, как и все предыдущие дни, была заполнена адриатическим вопросом. Почти все утро у меня провел Трумбич². Вслед за ним пришел Томас Нелсон Пэйдж, а днем явился Орландо...

Нет нужды приводить доводы, которыми пользовались я и они, но нынешняя ситуация отличается от прежней. Теперь итальянцы рассуждают здраво...»

¹ Президент Вильсон вернул это письмо, подчеркнув слова «заключенное добровольно», и с карандашной припиской: «Отвечаю утвердительно на оба вопроса».

² Югославский министр иностранных дел.

ГЛАВА XXVII

«16 мая 1919г. Сегодня время ушло тоже на урегулирование адриатической проблемы¹. Трумбич пришел утром; лишь с большим трудом я добился его согласия на обмен мнений с итальянцами при моем участии в качестве посредника. В конце концов мы сговорились; я поместил Трумбича в большой приемной, Орlando и графа ди Челлере в гостиной, а мой кабинет находился посредине. Миллера и Бира я усадил с итальянцами, а Фрэйзира и Джонсона с Трумбичем...

Мы сумели настолько приблизить их к соглашению, что остается лишь глубоко сожалеть, что не удалось довести дело до конца.

¹ В своей книге «Through Thirty Years» (т. II, стр. 333) Стив пишет следующее:

«Полковник Хауз сказал мне, что Орlando готов в двадцать четыре часа заключить исчерпывающее соглашение с южными славянами и принять кандидатуру полковника Хауза в качестве посредника, если на это согласится также и Трумбич. Поэтому Хауз просил меня добыть у Трумбича письменную декларацию о том, что делегация южных славян согласна заключить договор с итальянцами и принять кандидатуру Хауза в качестве посредника.

Когда я выдвинул это предложение перед Трумбичем, то убедился, что он и прочие югославы упорствуют. Австрийская делегация была приглашена в Сен-Жермен для заключения мира, причем заметно было, что у «Большой тройки» наблюдается... очень мягкое отношение к Австрии. Южные славяне начали опасаться, что, пока итальянцы будут навязывать им тяжелую сделку в Адриатике, остальные союзники окажут австрийцам поддержку в заключении жесткого соглашения с южными славянами при демаркации словенской границы в Каринтии. Соответственно с этим Трумбич отказался немедленно выступить с декларацией, о которой просил Хауз, и заявил, что если бы завтра его даже заставили вступить в переговоры с итальянцами, то союзники должны заверить его о предоставлении благоприятных условий в отношении Каринтии. Полковник Хауз считает это требование в известной мере оправданным и просит меня за ближайшую ночь сколотить какой-то компромисс между австрийскими и югославскими притязаниями на Каринтию.

На следующий день Хауз взял дело в свои руки и вызвал Орlando и Трумбича в отель «Крийон», где в течение четырех часов шло совещание, участники которого были рассажены по «водонепроницаемым отсекам». Трумбич, связанный определенными инструкциями своей делегации, сидел в одной комнате; Орlando и один итальянский дипломат сидели в другой, а полковник Хауз, Фрэйзир и майор Дуглас Джонсон действовали в качестве посредников между ними. В результате дело полностью застопорилось, хотя Орlando и требовал настойчиво принять окончательное решение до полуночи, причем американцы не понимали причины такой спешки. Я узнал, впрочем, что Орlando боится, как бы его соперник синьор Нитти не повернул итальянское общественное мнение против него, и хотел спастись декларацией об урегулировании адриатической проблемы».

Итальянцы соглашались на превращение Фиуме в вольный город. Они соглашались отдать югославам всю Далмацию при условии оставления итальянцам некоторых островов и превращения городов Цара и Себенико в вольные города под итальянским суверенитетом.

Югославы практически согласились, чтобы Италия получила:

1. Секстенскую долину и 2. Тарвисский округ. Обе стороны согласились на следующее: 1. Фиуме, включая Сусак, становится независимым городом с вольным портом под протекторатом Лиги наций; 2. Далмация нейтрализуется под югославским суверенитетом и 3. *Остров Паго отходит к материковому государству.*

Югославы соглашались на передачу Луссина и Пелагосы Италии, но не соглашались на передачу Лиссы, оговорив, однако, что, если мы будем настаивать, они согласятся и на это.

Итальянцы хотели включить в свои границы восточную часть Истрии. Против этого югославы возражали. Мне кажется, однако, что по этому вопросу мы сумели бы достигнуть компромисса¹. Итальянцы хотели, чтобы Цара и Себенико были вольными городами под итальянским суверенитетом. На это югославы соглашаться не желали. Италия требовала остальных островов, обусловленных пограничной линией Лондонского договора. Против этого югославы тоже возражали...

Начали мы совещание в начале шестого и работали не переставая до девяти часов вечера. Итальянцы расценивали это как последнюю попытку достигнуть прямого соглашения; завтра в 9 часов 30 минут утра они придут снова, чтобы попытаться договориться со мною.

Днем я виделся с президентом и рассказал ему о моей работе по урегулированию адриатической проблемы. Он поблагодарил меня, но не проявил никакой склонности к примирению с итальянцами.

¹ Это оказалось непреодолимым барьером; по этому пункту югославы отказались уступить впредь до прямых переговоров, которые и завершились Рапалльским договором.

ГЛАВА XXVII

Утром пришел генерал Смэтс, он рассказал мне, что он и Бота почти окончательно решили не подписывать договор, если Антанта откажется внести в него изменения, предложенные немцами и одобренные либеральным общественным мнением всего мира¹. Он считает, что немцы одержат решительную дипломатическую победу, ссылаясь на многочисленные несправедливости, содержащиеся в договоре. Далее он считает, что если Антанта откажется удовлетворить эти справедливые требования, а затем предпримет блокаду и голодом заставит германский народ подчиниться, то это вызовет всемирную революцию. Оба мы согласны в том, что, хотя общественное мнение и поддерживало Антанту в ее блокаде Германии, когда союзники боролись за свое существование, оно не поддержит их, если они станут обрекать на голодную смерть женщин и детей для того, чтобы силою вырвать подпись под договором.

Я искренне верю, что нам не придется столкнуться с таким испытанием. Я буду против того, чтобы германский народ обрекли на голодную смерть. Одно время это казалось мне единственным выходом в случае, если Германия откажется подписать договор; но на той стадии я еще не знал подлинных условий в Германии и сколько страданий ей пришлось перенести. Я никогда не стоял за блокаду, и еще с самого начала, до нашего вступления в войну, я всячески стремился к какому-то соглашению, которое позволило бы доставлять продовольствие в Германию через нейтральные порты.

Потом приходил министр по делам Индии Э. С. Монтэгю. Он явился, чтобы рассказать об опасности, угрожающей в результате раздела Турецкой империи. Монтэгю сказал, что все мусульманское население Индии и Востока находится по этому поводу в очень нервном состоянии; лично он считает, что если этот раздел будет произведен, то в конечном счете это может привести к тому, что заставит Великобританию отказаться от ее азиатских владений...

¹ Смэтс письменно изложил эти соображения Ллойд Джорджу и Вильсону. В конечном счете он подписал договор, но при этом выступил с публичным заявлением, в котором потребовал регулярного — время от времени — пересмотра договора в либеральном духе под эгидой Лиги наций.

Сегодня утром первым пришел Пишон. Он спрашивал, согласимся ли мы на опубликование тех частей договора, которые уже опубликованы в Германии и стали известны народу через немецкие газеты, поступающие во Францию. Сперва президент дал согласие. Потом он решил, что лучше не делать этого в отсутствие Ллойд Джорджа... Сам президент не склонен к какому бы то ни было оглашению...

Я настаивал, чтобы опубликовали весь договор».

«17 мая 1919г. Первыми посетителями были Орландо и ди Челлере. С половины десятого до одиннадцати мы работали над адриатической проблемой, но, кроме того, чтобы «немного сточить» итальянские претензии, никаких определенных результатов не добились. Перед их приходом я обсуждал этот вопрос с президентом, но он был непоколебим в своей решимости не уступать ни в чем.

Итальянцам кажется, что их обижают. По их утверждению, принцип самоопределения выдвигается только в тех случаях, когда желают чего-то итальянцы. Между тем, когда что-нибудь отдается Франции, Англии, Польше или другим государствам, этот принцип не соблюдается. Они начинают с горечью относиться не только к нам, но и к Франции и Англии».

2

«22 мая 1919 г. Приходили Макино и Хинда, чтобы посоветоваться о возможности участвовать в заседаниях Совета четырех. Они говорят, что им становится неловко информировать свое правительство о событиях на конференции лишь на основании газетных отчетов. Они совершенно не знают о том, что делается, пока не прочтут в газетах, а между тем эти печатные отчеты отражают лишь малую часть работы. Я посоветовал, чтобы они обратились к Клемансо с письмом, в котором заявили бы, что так как от Японии ожидают гарантирования договора и его условий, то и они в свою очередь ждут, что отныне их пригласят заседать в Совете четырех; кроме того, я советовал им заявить о неудобствах, связанных для них с необ-

ГЛАВА XXVII

ходимостью информировать свое правительство о конференции на основании газет... Макино и Хинда почти всегда приходят вдвоем¹.

Веллингтон Ку тоже просил дать ему совет. Затруднение состоит в том, что его народ требует, чтобы китайские делегаты в Париже не подписывали мирного договора вследствие решения по шаньдунскому вопросу. Он понимает, что это создаст затруднения для других участников договора, а потому просит посоветовать, как ему поступить. Китайцы уже подумывают о том, чтобы при подписании внести оговорку, и он, Ку, раздумывает, как бы это сделать, чтобы это никого не обидело. Я посоветовал ему повидаться с президентом и заявить ему следующее. По сообщениям американской прессы, м-р Илайу Рут советовал американской делегации при подписании договора сделать оговорку о доктрине Монро; китайские делегаты решили поступить аналогичным образом, поскольку дело касается их страны, и они, следовательно, намерены при подписании договора сделать оговорку о шаньдунском решении»².

«24 мая 1919 г. Сегодня утром я первый раз позировал для портрета, который пишет по поручению британского правительства сэр Уильям Орпен. Вчера я позировал французу для картины, изображающей прием, оказанный парижским муниципалитетом президенту в Отель де Билль; мне это кажется странным, потому что я на этом приеме не присутствовал и вообще на таких торжественных собраниях ни разу не был. По-видимому, французы решили, что был я там или не был, а меня надо вставить в эту картину.

Днем, по договоренности, приходил Александр Керенский, чтобы снова рассказать о России. Приходил Феликс Франкфуртер, чтобы поговорить о палестинских евреях».

«25 мая 1919 г. Самым содержательным был визит Тардые. Он пришел от Клемансо сообщить, что в военное министерст-

¹ Вскоре японцев пригласили заседать вместе с представителями других главных держав.

² В конце концов, получив твердые инструкции, китайцы отказались подписать договор с Германией.

во только что заходил Орlando, заявивший ему, что на завтрашнем заседании итальянцы намерены потребовать у французов и англичан осуществления Лондонского договора. Тардье был очень возбужден и просил меня снестись с президентом, что я и сделал по прямому проводу. Только что перед этим я был у президента в его «Парижском белом доме», но в тот момент никто из нас еще не знал об этом новейшем *dénouement*¹ в адриатической ситуации.

Президент встревожен, но отнюдь не настроен «панически». Он считает, что удастся найти выход».

«28 мая 1919 г. Опять-таки наиболее важным посетителем был Тардье. Вчера до часу ночи он беседовал с итальянцами. В 9 часов 30 минут он пришел ко мне, чтобы рассказать о результатах этой дискуссии. Я связался по телефону с президентом, а потом пошел повидаться с ним. Там я уже застал Ллойда Джорджа. После краткого обмена мнениями мы с Джорджем отправились в его резиденцию на улице Нито, где имели беседу с Орlando. После этого мы вернулись к президенту. К тому времени у президента уже был Клемансо; таким образом вчетвером мы совещались по итальянскому вопросу и относительно договора с Австрией.

Клемансо недоволен тем, что австрийцы называют себя «Немецко-австрийской республикой». Ллойд Джордж утверждает, что это название правильное. Президент его поддержал. Я стал на сторону Клемансо и предложил рекомендовать австрийцам название «Ново-австрийская республика». Это предложение было условно принято. В то же время было решено, чтобы Жюль Камбон повидался с чехословаками и югославами и узнал, имеют ли они какие-нибудь возражения против этого.

Адриатический вопрос мы свели почти на нет. Президент желает предоставить это дело югославам. Джордж и я возражали против такого решения; по нашему мнению, югославам надо сообщить, что мы считаем это предложение справедливым и рекомендуем его принять. Мы объяснили президенту, что

¹Dénouement — исход, развязка дела (*франц.*). — Прим. перев.

ГЛАВА XXVII

в этом споре на стороне югославы имеют несколько заинтересованных государств и они не смогут принять какого-либо решения, которое не было бы одобрено союзниками. В конце концов президент уступил».

«30 мая 1919г. Архиепископ Каринтский явился с несколькими делегатами этой страны, чтобы изложить дело словенов. Они крайне обрадовались, узнав, что их желания приняты во внимание. Я сказал им, что у них больше требований, чем благоразумия. В результате же им предназначена большая территория, чем они получили бы по плебисциту. Они этого не отрицали¹.

Приходил Харрис из лондонской газеты «Дейли ньюс». Кроме того, пришел бразильский делегат Пессоа. Он пришел посоветоваться по поводу предложения, сделанного Францией относительно тридцати германских судов, сданных ей в аренду Бразилией. Я посоветовал принять это предложение, потому что считал, что в настоящее время торговые суда дороже, чем они будут через год, а кроме того, появятся корабли улучшенной конструкции.

Я не ходил на Сюренское кладбище слушать речь президента. Эта речь была своего рода шедевром. Я написал президенту свое мнение об этой речи. Я вполне искренне убежден, что президент займет место среди величайших ораторов всех времен».

«31 мая 1919 г. Я не пошел на пленум конференции. Я глубоко не согласен со способом ведения этих заседаний. Договоры фактически заключаются за закрытыми дверями, а малые страны, непосредственно в них заинтересованные, фактически ничего не знают об условиях, пока их не прочитают на пленарных заседаниях.

По-моему, следовало бы установить такой же порядок, какой был принят при разработке условий перемирия. Почти ежедневно по утрам мы собирались с Клемансо, Джорджем и Орландо и решали, какие вопросы поставить днем на об-

¹ Проведенный впоследствии в Клагенфуртском бассейне плебисцит отдал этот район Австрии.

ВЕРСАЛЬ

щем заседании в Версале. Если бы такой план проводился при подготовке договоров, то Совет четырех мог бы подобным же образом собираться, чтобы наметить проблемы и сделать выводы, а затем представлять все это в тот же день или на следующий день пленуму конференции. Если бы делали так, то все делегаты приложили бы руку к составлению договоров, и тогда не было бы вспышек ненависти и взаимных попреков, как это имеет место теперь. Такие пленарные заседания следовало бы проводить открыто, чтобы народы всех стран могли изо дня в день следить за их ходом. Я сознаю неудобства такого порядка, но все же хорошие результаты, которые могли бы быть достигнуты таким путем, превысили бы все неудобства.

Немцы показывают нам пример открытой дипломатии. Они печатают договор по мере его поступления по частям к ним, и вот в Париже мы читаем немецкий текст. Он продается в Германии, Голландии и других близлежащих странах по невероятно низкой цене, что-то вроде пятидесяти центов за экземпляр. При этом не надо забывать, что сенат Соединенных Штатов ни разу не видел текст договора в целом.

У нас было совещание с югославами. Они явились с отказом принять наши вчерашние предложения. Свой ответ они квалифицируют как «уступку», но, насколько все мы разбираемся в деле, их предложение означало бы, что в течение трех лет к Югославии отошло бы все Далматинское побережье, Истрия и острова. Они выработали детальный план, по которому спустя три года по плебисциту все эти территории наверняка отойдут к ним. Итальянцам они не оставили ни единой лазейки. Когда я рассказал об этом президенту, он заявил, что они правы...»

3

Провал итало-югославских переговоров был отодвинут на задний план вопросом о том, надо ли изменять договор с Германией ввиду возражений, выставленных германскими делегатами, и если да, то в какой мере. Германские возражения

ГЛАВА XXVII

выкристаллизовали взгляды ряда более либеральных делегатов, считавших договор несправедливым; некоторые эксперты даже подали в отставку. Им удалось также убедить Ллойд Джорджа, что существует серьезная опасность отказа немцев подписать договор, после чего союзники окажутся лицом к лицу с дезорганизованной Европой. Хауз убедился, что британский премьер охотно пересмотрел бы многие пункты, особенно касающиеся срока оккупации Рейна, восточной границы Германии и допущения Германии в Лигу Ллойд Джорджа поддерживали члены британской делегации, и в частности генерал Сметс, снова заявивший о своем нежелании подписать договор в существующем виде. В беседе с сэром Уильямом Уайзмэном м-р Ллойд Джордж четко заявил, что настало время решить, будем ли мы иметь «адский мир» или «райский мир».

Но Клемансо оставался непреклонен. Узнав о предложении сократить пятнадцатилетний срок оккупации, он заявил, что не допустит сокращения этого срока даже до размеров четырнадцати лет и трехсот шестидесяти четырех дней. Он также не желал обсуждать вопрос о немедленном допущении Германии в Лигу. Клемансо еще раз указал, что все уступки, предлагаемые Ллойд Джорджем, производятся за счет Франции.

Полковник Хауз, естественно, сочувствовал всякой попытке смягчить мирные условия и не раз выражал свое недовольство по поводу многих компромиссов, оказавшихся неизбежными. Особенно не нравились ему экономические разделы договора. Тем не менее Хауз опасался, что если предпримут пересмотр договора в целом, то уже никогда не удастся достигнуть полного согласия между державами, собравшимися в Париже.

3 июня на совместном заседании американской делегации и всего состава американских советников и экспертов президент Вильсон в основном высказал такие же взгляды. Американские эксперты выразили недовольство статьями, которые оставили нерешенными вопрос об окончательной сумме репараций, длительным сроком оккупации германской террито-

рии французскими войсками и передачей германских угольных районов в Силезии Польше. Решено было, чтобы эксперты настаивали на изменениях, если удастся убедить другие державы принять эти изменения. Но участники заседания понимали также, что было бы неразумно и опасно оказывать такое давление, которое могло бы угрожать единству союзных держав. Президент твердо заявил, что его не испугает и не принудит к уступкам угроза немцев отказаться подписать договор.

«В настоящий момент величайшей проблемой, — сказал Вильсон, — является проблема соглашения, потому что самым роковым, я бы сказал, для всего мира явилось бы резкое расхождение между союзными и присоединившимися державами. Надо, чтобы они оставались сплоченными, если только можно добиться этого в пределах разумного; а такая проблема, как проблема оккупации, может оказаться почти неразрешимой, потому что одну крайнюю позицию занимают англичане, французы же, отказываясь сколько-нибудь уступить, впадают в другую крайность...

Необходимо вырваться из этой атмосферы войны; избавиться от нынешних преувеличенных эмоций и излишне подчеркнутых видимостей. Я верю, что если нам удастся выбрать в более спокойную атмосферу, то легче будет достигнуть удовлетворительных решений...

Я не хочу показаться неблагоприятным, но ход моих мыслей таков: мы не должны производить изменения в договоре лишь для того, чтобы получить подпись, если считаем, что он включает то, за что мы боремся; время обсуждать все эти вопросы было тогда, когда мы составляли договор, и меня начинает утомлять, когда теперь приходят люди, выражающие опасения, что немцы не подпишут, а причиной их страха являются те самые требования, на которых эти же самые люди настаивали в период составления договора...

Именно это и случилось. Те самые люди, которые не почитались с нашим мнением и вписали в договор условия, образующие сейчас камень преткновения, из кожи вон лезут, чтобы устранить этот камень преткновения. Вот я и говорю,

ГЛАВА XXVII

уберите его, если он не должен там быть, но, говорю я, не убивайте его только ради того, чтобы получить подпись под договором...

Хотя мы и не сумели удержать этих людей от того, чтобы вставлять в договор всякие иррациональные вещи, мы все же добились весьма серьезных поправок. Если бы мы написали договор так, как эти люди хотели, то немцы повернули бы обратно, как только они бы это прочли.

Ну, да хранит нас Бог»¹.

Французы твердо сопротивлялись каким-либо существенным изменениям договора, указывая, что при составлении договора немецкие аргументы были хорошо известны и обсуждены до конца. Французы отказались сколько-нибудь сократить срок оккупации; когда же подошло к окончательному решению, англичане не согласились определить в договоре сумму репараций.

В результате изменения, внесенные в последнюю минуту в договор, оказались сравнительно несущественными, кроме решения о проведении плебисцита в Верхней Силезии; немцев особенно обозлило решение о прямой передаче этого района Польше. Ответ союзников был составлен в виде официального заявления, которое было вручено 16 июня. Это заявление принимало концепцию о том, что договор должен быть основан на предварительном соглашении о перемирии, но повторяло, что немцы ошибаются, говоря, будто договор и предварительное соглашение о перемирии между собою не согласуются. Таким образом, в основном договор остался неизменным, и Германии предоставлено было право принять его или отвергнуть.

Подпишут ли немцы договор, оставалось под сомнением вплоть до 23 июня. Тем временем маршал Фош принял все необходимые подготовительные меры для продвижения войск через Рейн. Германский кабинет вышел в отставку, и лишь с большим трудом удалось подыскать делегатов, которые поставили бы свои подписи под этим документом.

¹Стенографический отчет заседания от 3 июня.

ВЕРСАЛЬ

Полковник Хауз оставался в Париже до 11 июня, занимаясь преимущественно подготовкой к организации Лиги наций. Проведя одну неделю в Англии, он вернулся для заключительных совещаний с президентом и для участия в церемонии подписания в Версале.

«10 июня 1919 г. Сегодня ходил к сэру Уильяму Орпену посмотреть портрет президента, который не явился на третий сеанс. Орпен в отчаянии, потому что президент сказал ему, что больше позировать не сможет. Сообщил он ему об этом лишь после вчерашнего сеанса; и Орпен говорит, что не сделал кое-чего на втором сеансе, так как не знал, что это последний сеанс. Я советовал ему не огорчаться, так как был уверен, что нам удастся пригласить президента на третий сеанс. Портрет мне нравится, хотя в нем и подчеркнуты некоторые резкие черты президента... Это совсем другой человек, чем ученый эстет, изображенный Сарджентом; на этом полотне у него более «драчливый» вид. Один раз из двадцати я видел президента таким, как изображает его Сарджент, но девятнадцать раз из двадцати он выглядит таким, как изображает его Орпен. Мне кажется, я никогда не встречал человека, облик которого менялся бы так быстро... Меняется не только выражение лица президента. У него один из самых трудных и сложных характеров, какие мне когда-либо приходилось встречать. Он так полон противоречий, что трудно составить мнение о нем... Когда пользуешься его расположением, нет на свете более очаровательного человека, чем Вудро Вильсон. Я еще не встречал никого, кто из встречи с ним не вынес бы глубокого впечатления. Если бы Вильсон захотел, он мог бы использовать свое очарование к огромной личной и общественной выгоде...

В Париже мне почти нечего больше делать. Ответ немцам фактически готов, и не предполагалось, чтобы я остался в Париже с Лансингом, Уайтом и Блиссом для завершения тех дел, которые останутся после того, как Германия подпишет договор. Я не был дома в течение восьми напряженных месяцев, и хотя я и не чувствую усталости, но мне хотелось бы переменить обстановку. В известной мере я понимаю, что, кончая со

ГЛАВА XXVII

здешними делами, я заканчиваю целую эпоху моей жизни, так как после мирной конференции я займусь, как я чувствую, иными делами, чем те, которыми я занимался столько лет».

Письмо полковника Хауза президенту

Париж, 11 июня 1919 г.

«Дорогой начальник!

Прочтите, пожалуйста, прилагаемый проект письма, который Друммонд собирается послать ряду юристов, в том числе американскому; дайте мне знать, одобряете ли вы это письмо.

Я сказал Друммонду, что, посоветовавшись с вами, я предложил бы послать это приглашение выдающемуся американскому адвокату. Лично я остановился бы либо на кандидатуре Рута, председателя Верховного суда Уайта или же Тафта, в порядке этого перечисления. Я думаю, что этим летом Тафт понадобится нам в Соединенных Штатах.

Председатель Верховного суда, может быть, не захочет браться за эту работу, не связанную с работой Верховного суда. Назначение Рута будет удачным не только с точки зрения его познаний в международном праве, но и в политическом отношении¹.

Преданный вам Э. М. Хауз».

«11 июня 1919 г. У меня был волнующий день, — писал Хауз в своем дневнике, — заполненный подготовкой к завтрашнему отъезду в Англию. Самыми важными моими посетителями были бразильский делегат, делегация грузин и сам президент.

Грузины явились, чтобы лично заявить свои претензии, хотя они уже раньше представили их в письменном виде. Я с сочувствием выслушал их и обещал сделать все, что смогу.

Бразильский делегат хотел поговорить со мной первым де-

¹ Это письмо сэра Эрика Друммонда, приглашавшее американского юриста войти в состав комиссии для разработки плана организации Постоянной международной судебной палаты, копия которого была представлена на одобрение президента, было впоследствии послано м-ру Руту.

лом о Лиге наций и о бразильском представителе в секретариате, состав которого мы уже определили. Он спрашивал, когда и где состоится следующее заседание Лиги; но прежде всего он просил совета относительно германских судов, интернированных Бразилией во время войны. Французы предлагают купить их, но платить за них хотят товарами, в лучшем же случае они готовы предоставить Бразилии соответствующий кредит, который, однако, должен быть использован во Франции и исключает возможность получения денег наличными. Я посоветовал ему, чтобы бразильцы пока что твердо стояли на своем.

Наша беседа с президентом носила характер прощания.. Основной ее темой было назначение выдающегося знатока международного права для участия в летних совещаниях в Лондоне о создании международного суда, предусмотренного статьей 14 устава. В процессе беседы президент тоже пришел к выводу, что самым лучшим кандидатом был бы Рут, учитывая, какую видную роль он играл в пропаганде создания международного суда. Кроме того, эта кандидатура будет тем более сильной, что Рут является членом республиканской партии.

Обсудили мы также проблемы Адриатики, вступления Германии в Лигу наций, репараций и ряд других дел. Президент просил меня наметить кандидатов для участия в различных комиссиях, где в случае подписания договора должны быть представлены Соединенные Штаты.

Я с огорчением услышал о его согласии на проведение плебисцита в Силезии. Я опасаюсь, что честно провести этот плебисцит не удастся».

4

«20 июня 1919 г. Вчера после недельного отдыха в Гринвуд-Гейте, в графстве Сэссекс, я вернулся в Париж...

Сегодня утром президент возвратился из Бельгии и в 11 часов провел заседание с членами американской делегации... Сперва мы поговорили о том, какую позицию занять в отно-

ГЛАВА XXVII

шении Лиги наций. Я считаю, что, пока наш сенат не ратифицирует договор, мы должны принимать неофициальное участие в совещаниях Лиги, не вступая в нее официально. Это мнение было одобрено президентом и остальными. Я разъяснил всем газетным корреспондентам, что мы не будем производить никаких назначений в комиссии Лиги наций, пока договор не будет ратифицирован».

«21 июня 1919 г. Днем приходил Брантинг, бывший шведский премьер, социалист. Он пришел поговорить о споре с Финляндией об Аландских островах и просить моего посредничества в деле срочного и справедливого урегулирования этого вопроса¹.

После завтрака я в последний раз позировал сэру Уильяму Орпену. У него я застал президента. Я разговаривал с ним в течение заключительных пятнадцати минут его сеанса. Орпену удалось написать с него хороший портрет, хотя и не лестный. Его прическа редко бывает в таком беспорядке, как изобразил Орпен... Орпен поблагодарил меня за то, что я уговорил президента позировать».

Письмо полковника Хауза президенту

Париж, 23 июня 1919 г.

«Дорогой начальник!

Газета «Дейли мейл» хотела бы на следующее утро после подписания мирного договора с Германией напечатать комментарии к договору президента Пуанкарэ, м-сье Клемансо и ваши; редакция спрашивает меня, не будете ли вы столь любезны дать им краткое заявление.

Прилагаю свой набросок, который кажется мне пригодным. Я бы предложил, чтобы вы уполномочили меня вручить им этот текст. Вообще говоря, во время конференции эта газета вас поддерживала, и я думаю, что такое заявление будет знаком признательности за эту поддержку.

Преданный вам Э. М. Хауз».

¹В конечном счете этот спор был урегулирован Лигой.

«23 июня 1919 г. Этот день был праздничным. Немцы известили нас, что подпишут договор. Я отправился в военное министерство, чтобы обнять Клемансо, он в свою очередь обнял меня. Когда я поздравил его... он благословил всех американцев — мужчин, женщин и детей, всю семью Хауза в целом и каждого члена ее в отдельности. Выглядит он усталым и сказал мне, что испытывает большие неприятности не только с палатой, но и с собственным кабинетом, и собирается в ближайшие шесть недель подать в отставку. Я настойчиво советовал ему это сделать.

Мы говорили о подписании договора, о том, удастся ли проделать это до пятницы. Он полагает, что не удастся. Я довольно настойчиво советовал поспешить. Пушки палят, взрываются ракеты, по улицам шествуют толпы народа. Пожалуй, следовало подождать с этим до фактического подписания договора. Не исключено, что в последний момент немцы откажутся от подписания или же как-нибудь задержат с ним.

Потопление германского флота в Скапа-Флоу и подчеркнутое намерение немцев прислать лишь одного незначительного и неизвестного представителя для подписания мира свидетельствуют об их озлоблении и неблагонадежности...

Французы возмущены и винят за эту неосторожность англичан. Ллойд Джордж потребовал от всех союзных правительств заявления о том, проявили ли англичане достаточную осторожность.

Клемансо зол на немцев, во-первых, за потопление германских военных кораблей в Скапа-Флоу и, во-вторых, за сожжение французских знамен, которые по договору Германия была обязана возвратить Франции. Он хочет послать немцам ноту протеста против этих действий, а затем, после подписания договора, ввести союзные войска в Эссен в качестве карательной меры.

Генерал Блисс и я возражали против подобных действий. Я советовал не только не посылать протеста, но и подавно не соглашаться на оккупацию Эссена. Основное — это добиться подписания договора. А уж потом, если сочтут необходимым, можно отправить Германии протест по поводу этих двух инцидентов,

ГЛАВА XXVII

причем возложить вину на старое правительство и выразить надежду, что новое правительство будет добросовестно исполнять условия договора. По-моему, в течение нескольких месяцев незаконные действия подобного рода будут продолжаться, а потом Германия по-настоящему поймет ситуацию и постарается в меру своих сил выполнить свои обязательства...»

«25 июня 1919 г. Англичане пытаются возложить на нас вину за потопление германских судов. Они утверждают, что сами они требовали «сдачи» судов, а не «интернирования» и что на интернировании настояли мы. Действительно, британское адмиралтейство требовало сдачи кораблей. Бенсон выступал за интернирование, а Джордж, Клемансо, Орландо, Фош и я считали, что, если мы потребуем сдачи кораблей, это может погубить шансы на подписание перемирия, поэтому мы считали более разумным интернировать корабли.

В ходе совещаний по перемирию Фош бросил замечание, что он не пожертвует жизнью ни одного французского солдата за все германские корабли и что требование о сдаче может означать продолжение войны и потерю еще многих человеческих жизней.

Вопрос этот возник потому, что, по утверждению британского адмиралтейства, если бы корабли были сданы, англичане ввели бы на них свои команды; но так как они были интернированы, то по условиям перемирия пришлось оставить их в руках германских команд, а в результате этого корабли были потоплены¹.

Наша морская публика, с которой я говорил, не соглашается с этим мнением».

«28 июня 1919 г. Это великий день. Утром я работал очень мало. Бир замещал меня в комиссии по мандатам. Следующее заседание состоится через десять дней в Лондоне...

Мне удалось достать пропуски на церемонию в Версаль почти для всего состава моего секретариата, находящегося в Париже.

¹ См. выше, главу XIX.

ВЕРСАЛЬ

Из отеля «Крийон» я выехал только в 2 часа 15 Минут и занял свое место за десять минут до приезда немцев... Въезд в Версаль представлял импозантное зрелище, особенно торжественно был оформлен вход во дворец. Тысячи людей стояли шпалерами по дороге от Парижа до Версаля; по мере приближения к дворцу толпа становилась все более густой. Много кавалерии с развевающимися знаменами; по сторонам парадной лестницы, свидетельницы последней схватки с караулом телохранителей во время Французской революции, выстроились егеря в великолепных мундирах вплоть до Зеркального зала, где состоялась церемония подписания.

Я вошел вместе с Бальфуrom; вскоре к нам присоединились Ллойд Джордж и Соннино. Я держался поодаль, чтобы не быть стиснутым толпой, которая вливалась через единственный вход. Церемония длилась почти целый час...

После того как немцы подписали договор, а вслед за ними подписались великие союзные державы, начали палить пушки. Я испытывал симпатию к немцам, которые вели себя поистине стойчески. Все это весьма напоминало обычаи прежних времен, когда победитель волочил побежденного привязанным к своей колеснице. По-моему, это не в духе новой эры, которую мы клялись создать. Мне бы хотелось, чтобы это было сделано проще и чтобы в этом был элемент рыцарства, который в действительности полностью отсутствовал. Все дело было тщательно инсценировано и притом максимально унижительно для противника.

После подписания мы вышли на террасу, чтобы посмотреть на фонтаны, которые забили впервые со времени начала войны. В воздухе реяли самолеты, орудия гремели, и тысячные толпы, окружавшие Версаль, составляли блистательное и памятное зрелище.

Мы отправились на вокзал провожать президента с его свитой. Там собралась большая толпа знатных людей... Я сравнил эти проводы с предыдущими, и сравнение было целиком в пользу нынешних. Больше энтузиазма, больше людей, да и вся картина более блестяща и удачна».

ГЛАВА XXVII

«29 июня 1919 г. Последняя моя беседа с президентом, состоявшаяся вчера, была не особенно обнадеживающей. Я советовал ему встретиться с сенатом в более примирительном духе; если он будет вести себя с ними так же осмотрительно, как он вел себя здесь со своими иностранными коллегами, все пойдет на лад. В ответ он сказал: «Хауз, я убедился, что в этой жизни нельзя добиться ничего стоящего, если за это не бороться». Я возразил, напомнив ему, что англосаксонская цивилизация построена на компромиссе...»

5

«29 июня 1919 г. Я покидаю Париж после проведенных там восьми роковых месяцев исполненный противоречивых чувств. Оглядывая ретроспективно конференцию, можно многому радоваться и о многом сожалеть. Легко сказать, что надо было сделать, но гораздо труднее было найти для этого пути.

И горечь, порожденная войной, и возвышенные надежды, вызванные во многих странах победой, и характер людей, имевших решающий голос при составлении договора, — все это служило и к добру и к злу, и со всем этим приходилось считаться. Здесь, по-видимому, не вполне уяснили себе реальные обстоятельства, с которыми пришлось иметь дело. Пытались осуществить мир по обычным образцам. Этого ни в коем случае не следовало делать. Цивилизация в огромной мере была подорвана; история же могла лишь в очень слабой степени служить путеводной нитью при создании этого мира.

Как чудесно было бы, если бы мы проложили новый и лучший путь. Сомнительно, однако, удалось ли бы нам это, даже если бы это декретировали те, кто стоял у власти, ибо приходилось считаться с мнением народов, стоявших за их спиной. Возможно, что, если бы Вильсон оставался в Вашингтоне и не связывался с конференцией, он сохранил бы нужную силу и влияние. Когда же он сошел со своего высокого пьедестала и на равных основаниях вступил в борьбу с представителями других государств, он стал простым смертным.

Я задаю себе вопрос, какими мотивами руководился Клемансо, когда отступил от своей первоначальной позиции и решил приветствовать президента на арене, где день за днем должны были разворачиваться прения о мире. Я сомневаюсь, предвидел ли Клемансо, что в результате этого уменьшится руководящее влияние Вильсона и он будет низведен на один уровень с Ллойд Джорджем и с самим Клемансо. Вероятнее всего, последнего удовлетворили мои заверения о том, что президент охотно согласится, чтобы Клемансо председательствовал на конгрессе; возможно также, что Клемансо считал более выгодным для Франции, чтобы Вильсон участвовал в совещаниях и ближе ознакомился с претензиями Франции к центральным державам.

Я склонен согласиться с теми, кто говорит, что договор получился скверным и его не надо было заключать, ибо при проведении его в жизнь он вовлечет Европу в бесконечно трудное положение. Но при всем том я бы сказал в ответ, что нельзя без потрясений сокрушить империи и воздвигнуть на их обломках новые государства. Создавать новые границы всегда означает создавать новые хлопоты. Одно вытекает из другого. И хотя я предпочел бы другой мир, но сомневаюсь, удалось бы его заключить, потому что необходимые ингредиенты желательного для меня мира в Париже отсутствовали. Но если бы даже такие из нас, как Смэтс, Бота и Сесиль, сумели настоять на своем, то из мира, созданного нами, вероятно, возникло бы не меньше трудностей, чем из того, который мы в действительности заключили.

Те самые силы, которые действовали при заключении этого мира, оказали бы свое действие, чтобы помешать осуществлению иного мира. Никто не может сказать с уверенностью, что в данное время можно было бы добиться чего-то лучшего. Нам пришлось иметь дело с ситуацией, чреватой трудностями, с которыми можно было справиться только проникшись духом бескорыстия и идеализма, между тем этот дух почти совершенно отсутствовал; да и трудно было ожидать проявления такого духа у людей, собравшихся в такое время и для такой цели.

ГЛАВА XXVIII

И все же мне хотелось бы, чтобы мы пошли по другому пути, если бы даже он оказался менее гладким и в настоящем и в будущем, чем путь, который мы избрали. Тогда бы мы по крайней мере двинулись в должном направлении, а если бы те, кто последует за нами, сделали невозможным достижение всех намеченных нами целей, то ответственность пала бы не на нас, а на них».

ГЛАВА XXVIII ПОСЛЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Множество людей – демократов, прогрессистов и республиканцев – обращалось ко мне по поводу ратификации договора; почти все они единодушно считают необходимым утвердить его с оговорками или без них. Рядовому человеку различие между договором и оговорками кажется незначительным... Ныне миллионы беспомощных людей во всем мире обращают свои взоры к вам, и только к вам...

*Из письма полковника Хауза президенту Вильсону
от 24 ноября 1919 г.*

1

На следующий день после подписания Версальского договора президент Вильсон отбыл из Бреста на борту парохода «Джордж Вашингтон». Нервы его были потрепаны, здоровье пошатнулось, но настроение у него было приподнятое. Если он и задумывался о борьбе, предстоявшей ему в Соединенных Штатах, то скрывал свои опасения. Люди, сопровождавшие его в этом путешествии, были уверены, что сенат должен ратифицировать и ратифицирует договор и что страна горячо желает вступления в Лигу наций.

С целью ускорить практическое осуществление Лиги президент просил полковника Хауза отправиться в Лондон; там в течение следующих шести недель полковник Хауз заседал в комиссии, назначенной мирной конференцией для опреде-

ПОСЛЕ КОНФЕРЕНЦИИ

ления точных условий, на которых будут проведены в жизнь мандаты. Хауз давно был убежден, что мандаты представляют собою фундамент нового и в высшей степени полезного развития международной политики; еще в 1914 г. он выступал в защиту системы международного контроля над колониальными территориями. Поэтому, хотя и без особой радости, но с полным сознанием ответственности он погрузился в ворох технических деталей; обычно он не особенно любил такого рода работу. По счастью, советником при нем был Джордж Луи Бир, один из тех двух-трех людей, которые были признаны главными инициаторами проектируемой колониальной системы. «Прокладывался новый путь, — писал полковник Хауз, — одним из пионеров на этом пути являлся он (Бир)»¹.

Интересы Хауза были главным образом направлены к тому, чтобы сделать Лигу наций действенной организацией и устранить те политические факторы в Европе, которые могли бы помешать ее успеху. В период мирной конференции большинство рассматривало Лигу как детище президента Вильсона, но в течение лета 1919 г. появились признаки того, что европейские государственные деятели видят в Лиге средство осуществления договора и решения проблем, которые в Париже остались нерешенными. Очевидно, считалось само собою разумеющимся, что устав будет ратифицирован сенатом и Соединенные Штаты примут в открытии Лиги такую же руководящую роль, как и при составлении устава.

Телеграмма полковника Хауза президенту

Лондон, 12 сентября 1919 г.

«Я получил от Клемансо нижеследующее письмо (датированное 4 сентября). Оно свидетельствует о растущем сочувствии к Лиге. Можно сказать, что сейчас достигнуто общее со-

¹ См. *George Louis Beer* (изд. Макмиллан и К°, 1924 г.), р. 5—6. При создании секретариата Лиги наций м-р Бир был выбран председателем комиссии по мандатам. Его преждевременная смерть лишила Лигу одного из самых способных ее защитников.

ГЛАВА XXVIII

гласие о том, чтобы в кратчайший срок после ратификации договора сенатом в Вашингтоне было созвано заседание ассамблеи. Кроме того, я считаю, что здесь следует провести лишь ради чистой проформы заседание Совета для осуществления статьи устава, относящейся к Саарской области. Действительное же заседание Совета должно состояться в Вашингтоне...

Эдуард Хаузу.

Письмо Клемансо полковнику Хаузу

Париж, 4 сентября 1919 г.

«Дорогой друг!

Я надеюсь, что вскоре буду иметь удовольствие увидеть вас в Париже перед вашим отъездом в Америку. Но, по словам нашего друга Тардье, эта дата еще не уточнена, поэтому мне кажется необходимым уже теперь сообщить вам мысли, возникшие у меня по поводу возможных решений относительно Лиги наций.

Прежде всего мне кажется крайне желательным возможно скорее созвать первую ассамблею Лиги в Вашингтоне под председательством вашего президента. Учитывая, как много надежд возникло благодаря Лиге и с целью помочь решению международных проблем, с которыми столкнулись сейчас все государства, я бы предложил, чтобы это собрание имело место в ноябре. В то же время я предложил бы пригласить возможно большее число государственных деятелей, имена которых связаны с созданием Лиги наций.

Несомненно, к ноябрю накопится лишь немного текущих дел, зато этот план имеет по меньшей мере то существенное преимущество, что Лига начнет функционировать, между тем как сейчас она существует лишь на бумаге.

Все это мне кажется крайне важным как для осуществления мирного договора, так и для урегулирования тех проблем, которые договор не разрешил и которые, тем не менее, являются результатом войны. Тогда всякому станет ясно, что Лига существует во всеоружии своей моральной силы.

Правда, осуществление договора поручено определенным

ПОСЛЕ КОНФЕРЕНЦИИ

комиссиям или экспертам, которым неизбежно придется консультироваться со своими правительствами. Но есть также ряд статей договора, которые касаются самого Совета Лиги наций, и в этой связи необходимо, чтобы у всех государств создалось впечатление, что Совет готов начать функционировать, как только его к этому призовут.

С другой стороны, я уверен, вы согласитесь со мною, что в этих делах ни действия правительств, ни даже Лига наций не окажутся плодотворными, если этому не будет предшествовать должная моральная подготовка народа, которая обеспечит условия и санкцию нужных результатов.

Кроме того, в момент, когда перед всеми правительствами стоят многочисленные текущие и грядущие трудности, необходимо, по-моему, чтобы Лига, возглавленная общепризнанным авторитетом, способна была рекомендовать и проводить в жизнь правила «честной игры» в текущем жизненном распорядке. В случае кризиса необходимо, чтобы Лига заговорила твердым голосом.

Наконец, не кажется ли вам, что было бы крайне полезно, если бы полноправные члены Лиги имели возможность обмениваться мнениями о главных направлениях предстоящих мероприятий. Никто не смог бы лучше президента Вильсона напомнить государствам при открытии первой ассамблеи, что Лига наций будет в мирное время обладать престижем и влиянием только при том условии, если ей удастся сохранить и развить чувство международной солидарности, благодаря которому она, по призыву президента, родилась во время войны. Со своей стороны я буду только счастлив поддержать его в этой задаче.

Остаюсь, дорогой друг,
преданный вам *Клемансо*.

P. S. Аналогичное письмо я посылаю м-ру Ллойд Джорджу».

2

Частью потому, что Хауз верил в важное значение англо-американской дружбы для успеха Лиги наций, частью же вследствие того личного интереса, который он неизменно

ГЛАВА XVIII

проявлял к этой проблеме, он тщательно изучал все факторы, которые способны были бы повредить отношениям между Британской империей и Соединенными Штатами¹. После войны эти две державы остались явно сильнейшими во всем мире; сердечное согласие между ними позволило бы обеспечить прочность нового международного порядка, между тем как разногласия и недоразумения между ними угрожали бы этому порядку.

Кабинет Ллойд Джорджа вполне понимал желательность урегулирования с Соединенными Штатами всех основных вопросов; с необычайной прозорливостью правительство решило, что лорд Грэй был бы лучшим кандидатом для решения этой деликатной и жизненно важной задачи, ибо средний мыслящий американец считал его самым честным и прямым государственным деятелем в Англии. Под впечатлением опасностей, а также и благоприятных возможностей создавшейся ситуации Хауз написал Вильсону пространное письмо. Он уже открыл зародыш того чувства, которое спустя семь лет привело к замене клички «Дядя Сэм» прозвищем «Дядя Шейлок».

Письмо полковника Хауза президенту

Лондон, 30 июля 1919 г.

«Дорогой начальник!

Почти тотчас по приезде в Англию я обнаружил неприязнь к Соединенным Штатам. Англичане, как всегда, сердечны и гостеприимны к каждому американцу в отдельности, но в целом они нас не любят... Хотя Британская империя на-

¹ Статья Евгении Б. Фротингхэм бросает некоторый свет на отношение английских государственных деятелей к миротворческим трудам полковника Хауза. В бостонской газете «Транскрипт» от 25 февраля 1928 г. автор описывает свою беседу с Асквитом, графом Оксфордским, происходившую незадолго до его смерти: «...Я спросила его, не устали ли европейские государственные деятели, боровшиеся за существование во время мировой войны, от полковника Хауза и его многочисленных планов мира и не задавали ли они себе вопрос, почему эта незначительная и неофициальная личность продолжает вмешиваться в их дела? В ответ на это Асквит, ударив палкой по балюстраде, заявил, что все было бы гораздо легче, если бы планы полковника Хауза были бы осуществлены...»

ПОСЛЕ КОНФЕРЕНЦИИ

много превосходит Соединенные Штаты по площади и населению и общая сумма их богатств, вероятно, больше наших, все же мы находимся в гораздо более благоприятном положении. Вот почему отношения между этими двумя странами начинают приобретать такой же характер, как отношения между Англией и Германией перед войной.

Благодаря своей промышленности и организации Германия становилась первой державой в мире, но она утратила все из-за своей самонадеянности и недостаточного политического благоразумия. Кто же повторит эту колоссальную ошибку: Великобритания или Соединенные Штаты? Если будем достаточно дальновидны, мы поведем себя так, чтобы снискать дружбу всех государств, так как я могу себе представить, что может настать время, когда это нам понадобится...

В воскресенье мы с Холдэйном и Грэмом обедали втроем. Целью этого совещания было обсудить предложение, сделанное правительством Грэю о назначении его послом в Вашингтон. По инициативе Ллойд Джорджа Керзон, исполняющий обязанности министра иностранных дел, попросил Холдэйна посредничать между ним и Грэмом; в свою очередь Холдэйн попросил помощи у меня. Холдэйн рассказал Грэю и мне, что британское правительство имеет в виду урегулировать¹ с Соединенными Штатами следующие три дела: во-первых, военно-морскую строительную программу, во-вторых, ирландский вопрос и, в-третьих, о Лиге наций. Грэй заявил, что ни при каких обстоятельствах он не согласится стать послом, но согласен подумать о поездке по специальному поручению с целью обсудить все эти вопросы при условии, что правительство одобрит его позицию в этих вопросах. Он считает, что в отношении Лиги наций и морской программы затруднения не встретятся, но он требует, чтобы правительство сформулировало свою политику в ирландском вопросе и чтобы эта политика была приемлема для него. Я предложил заявить Ллойд Джорд-

¹ Впоследствии полковник Хауз, показавший копию этого письма лорду Грэю и лорду Холдэйну, писал, что вместо слова «урегулировать» ему следовало бы поставить слово «обсудить». (Из письма Э. М. Хауза Чарлзу Сеймуру от 4 июля 1928 г.)

ГЛАВА XXVIII

жу и Керзону, что обсуждать абстрактные вопросы невозможно и что он, Грэй, желает знать... какова их программа в ирландском вопросе, прежде чем он подумает о принятии этого предложения. Тогда ответственность ляжет на правительство, а не на Грэя.

Что же касается морской строительной программы, то Грэй заявил Холдэйну, что напишет ему меморандум, который он сможет передать правительству. В этом меморандуме будут изложены взгляды Грэя, которые сводятся к следующему.

Ни при каких обстоятельствах Великобритания не станет строить флот для противопоставления Соединенным Штатам, независимо от числа кораблей, заложенных последними. В то же время Англия сохраняет за собой полное право строить флот против любой европейской державы и в любом объеме, который она сочтет необходимым. С другой стороны, Соединенные Штаты могут сами решать вопрос о своем морском строительстве...

В этой беседе, как и в другой, происходившей между нами несколько недель тому назад, Грэй сообщил мне, что в период его участия в министерстве политика британского правительства заключалась в том, чтобы не обращать внимания на морскую программу Соединенных Штатов. Во-первых, англичане считают, что война между этими двумя государствами невероятна, а во-вторых, было признано, что в случае соперничества Соединенные Штаты могут построить больше кораблей, чем Великобритания. В ходе беседы Грэй признал, что это представляет собою точку зрения либеральной партии, а не взгляды консерваторов и морских кругов....

Вас, может быть, удивит, что я не принимаю в расчет Лигу наций в качестве профилактического средства не только в отношении затруднений с Великобританией, но и как помеху на пути морских вооружений. Я рассматриваю Лигу как величайшую надежду на мирное решение всех этих мучительных международных споров, но мы должны признать, что между настоящим временем и тем днем, когда Лига докажет, что она является тем средством, на которое мы рассчитываем, лежит дистанция огромного размера. Тот факт, что британское пра-

ПОСЛЕ КОНФЕРЕНЦИИ

вительство желает отправить послом в Америку человека, пользующегося такой известностью, как Грэй, для того чтобы обсудить проблему морских вооружений, свидетельствует о том, что оно не рассчитывает достигнуть необходимого результата с помощью Лиги наций.

Вы, наверно, заметили, что англичане весьма настойчиво требовали сокращения кадровых армий, но они ни разу не протестовали против морских вооружений. По-моему, одной из необходимых мер является создание международного кодекса законов, охватывающего сухопутные и морские вооружения. Вы уверены, что в будущей войне нейтральных стран не будет и что поэтому нет необходимости пересматривать морские законы. Я не согласен с этим положением. Вполне возможно себе представить, что война произойдет, скажем, между Англией и Францией; причем другие государства в эту войну не будут втянуты. Между тем отсутствие морских законов почти неизбежно втянет вас в этот конфликт. Если же, наоборот, мы располагали бы хартией, утвержденной всеми государствами, тогда обе воюющие стороны обязаны были бы придерживаться этой хартии, иначе весь мир встал бы против них. Этот вопрос о свободе морей является тем главным фактором, который втянул нас в войну, между тем сегодня мы так же далеки от его решения, как и до развала Германии.,.

В настоящее время я не стану советовать предпринимать что-либо иное, как только предупредить, что вы намерены поставить этот вопрос на обсуждение в недалеком будущем. Тем временем здесь может образоваться кабинет, склонный к достижению всеобщего международного соглашения по этому предмету.

На мой взгляд, нам следует максимально поторопиться с организацией Лиги наций и на первом же заседании ассамблеи поднять вопрос о сокращении вооружений, добиваясь соглашения по этому вопросу. Не кажется ли вам также целесообразным предупредить наш народ о том, чтобы он не ожидал полной уплаты долгов Антанты? Не следует ли подать мысль, что значительная часть этих займов должна рассматриваться

ГЛАВА XXVIII

как доля неизбежных наших военных расходов и не лучше ли было бы нам, а не нашим должникам, предложить урегулирование расчета? Если уже делать, то лучше, делать это с *beau geste*. Например, насколько мне известно, мы продали французскому правительству за триста миллионов долларов наше военное снаряжение во Франции, стоившее миллиард долларов. Не лучше ли было бы и по форме, как и по существу, называть это подарком...

На вашем месте я воспользовался бы первой же возможностью, чтобы обратить трезвое внимание нашего народа на эти опасности. Мир пребывает в воинственном состоянии, поэтому ближайшие девять лет будут наиболее опасны для сохранения мира. Если нам удастся спокойно миновать этот период и добиться того, чтобы Лига действовала удовлетворительно, вполне возможно, что война станет почти анахронизмом. Сможете ли вы лучше послужить человечеству в настоящий момент, чем если предупредите всех, что они должны сидеть спокойно в лодке и сделать все возможное, чтобы вернуться к нормальным временам? В настоящее время мир еще далек от безопасности; в такой момент повторный резкий перелом может полностью разрушить цивилизацию.

Преданный вам Э. М. Хауз».

Неделю спустя, 8 августа, полковник Хауз телеграфно общал президенту о дальнейших совещаниях с лордом Грэм и лордом Холдэйном относительно условий, на которых лорд Грэй согласен отправиться в Вашингтон. «В отношении Лиги наций затруднений не представится, — писал он, — так как британское правительство, как и президент Вильсон, решило активно ее поддерживать. Что же касается морской программы, то не надо допускать соперничества. Великобритания не должна состязаться с нами, сколько бы судов мы ни заложили... Великобритании должно быть предоставлено полное право строить столько, сколько она сочтет необходимым для защиты против любой европейской державы». Что же касается Ирландии, то, по-видимому, британское правительство решило пересмотреть гомруль таким образом, чтобы эта пробле-

ПОСЛЕ КОНФЕРЕНЦИИ

ма перестала являться причиной трений между Великобританией и Соединенными Штатами. Англичане едва ли согласятся признать, что на их политику в ирландском вопросе могут влиять какие-либо внешние соображения, помимо непосредственных внутренних особенностей этой проблемы. В то же время и в Великобритании, и в Соединенных Штатах всякий мыслящий человек понимает, какое благоприятное влияние окажет на отношения между обеими странами окончательное урегулирование ирландской проблемы. Президент Вильсон и полковник Хауз великолепно понимали всю значительность этого вопроса.

Программа, намеченная лордом Грэм и лордом Холдэйном, очевидно, встретила одобрение министерства Ллойд Джорджа. «В любой момент можно ожидать опубликования сообщения по этому вопросу, — телеграфировал Хауз. — Если Грэй поедет на этих условиях, то наиболее острые вопросы, стоящие между обеими странами, окажутся на пути к благоприятному разрешению. Премьер-министр требует, чтобы это было сохранено в полной тайне впредь до опубликования»¹.

Миссия Грэя обеспечивала максимально прочную основу для тесного англо-американского сотрудничества в международных делах. В письме Хаузу президент сообщал о своем величайшем интересе к возможному назначению Грэя: «Я счастлив узнать, что состояние его здоровья позволяет ему принять это назначение, и с великим удовольствием буду ждать возможности сотрудничать с ним».

В сентябре лорд Грэй отбыл, сопровождаемый сэром Уильямом Тиррелем. Однако надежды, возлагавшиеся на миссию, не оправдались вследствие болезни президента Вильсона. Прикованный к постели на все время пребывания лорда Грэя в Соединенных Штатах, президент Вильсон ни разу не смог принять посла, и некому было заменить президента в предполагавшемся обсуждении наилучшего способа развития сотрудничества между Великобританией и Америкой. Девять лет

¹ Из телеграммы Хауза Вильсону от 8 августа 1919 г.

ГЛАВА XXVIII

спустя лорд Грэй следующим образом характеризовал создавшуюся тогда ситуацию¹:

«Насколько я припоминаю, мои взгляды того времени правильно изложены полковником Хаузом.

Я был убежденным сторонником Лиги наций и поэтому всячески желал, чтобы Соединенные Штаты решили в нее вступить. Между тем это стало предметом внутреннего политического спора в Соединенных Штатах, от участия в котором посол обязан был воздержаться.

Я остаюсь при мнении, что Англия не должна строить планы состязания с флотом Соединенных Штатов. Этот взгляд был изложен мною в письме в редакцию газеты «Таймс» после провала морской конференции трех держав в Женеве; этого взгляда я придерживался еще до войны, поэтому естественно, что этот же взгляд я изложил полковнику Хаузу в 1919 г.

Я не принимал участия в соглашении, достигнутом с Ирландией, но взгляд, изложенный мною полковнику Хаузу, соответствует дальнейшим действиям британского правительства.

Еще до моего приезда в Америку президент Вильсон был поражен болезнью. Этой трагедии суждено было иметь серьезные последствия для Соединенных Штатов и для Европы. Неполноценность моего пребывания в Вашингтоне оказалась неизбежной, но только мелкой деталью по сравнению с общей политической катастрофой.

Мой визит в Соединенные Штаты позволил мне увидеть много интересного, много крайне приятного, и об этом я вспоминаю с искренней благодарностью; но обстоятельства лишили миссию практического политического значения, поэтому все, что можно сказать о ней сейчас, будет представлять лишь академический интерес».

Помимо урегулирования англо-американских отношений на прочной основе Хауз был уверен, что важнейшим вопросом, определяющим сотрудничество между Соединенными Штатами и Европой, является проблема межсоюзных долгов.

¹ Из письма лорда Грэя Чарлзу Сеймуру от 4 июля 1928 г.

ПОСЛЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Этот вопрос он снова поднял в письме к президенту Вильсону перед самым своим отъездом в Соединенные Штаты.

Письмо полковника Хауза президенту

Париж, 30 сентября 1919 г.

«Дорогой начальник!

Я хотел бы по возвращении поставить перед вами ряд вопросов, из которых самым насущным является вопрос об урегулировании финансовых отношений с союзными странами. До сих пор Англия, Франция и Соединенные Штаты обходили этот вопрос, но скоро настанет время, когда обходить его уже будет невозможно. У англичан и французов имеются лишь временные планы. Особенно поразило меня то, что английский канцлер казначейства не сумел предложить ничего, кроме паллиативных мер...

Я касался этой темы в беседах с Ллойд Джорджем и Бонар Лоу, а также с Клемансо и Тардые. Все они признают необходимым действовать; Англия и Франция попытаются как-нибудь облегчить непосильное бремя даже в том случае, если мы откажемся действовать с ними сообща.

План, который я имею в виду... заключается в следующем:

1. Перенести долговое бремя с одних стран на другие, причем, если кому-нибудь суждено обанкротиться, пусть это будут центральные державы.
2. Чтобы Соединенные Штаты и Великобритания консолидировали проценты по союзным долгам на срок от трех до пяти лет и согласились отсрочить основные платежи по меньшей мере на пять лет.
3. Чтобы Великобритания приняла от Франции имеющиеся у последней долговые обязательства правительств Сербии, Румынии, Греции и др.; чтобы Соединенные Штаты приняли у Великобритании и Франции обязательства задолжавших им стран и чтобы это было произведено в рамках тщательно разработанного плана, который позволит установить справедливый расчет.
4. Чтобы Соединенные Штаты, а по возможности и Великобритания, приняли некоторую часть репарационных бон,

ГЛАВА XXVIII

полученных от Германии, в покрытие определенного процента по союзным долгам, оставшихся после производства трансфертов, предложенных в пункте 3.

5. Когда репарационный долг центральных держав будет определен репарационной комиссией в виде реальной суммы, необходимо будет составить шкалу германских платежных обязательств перед союзными и присоединившимися странами.

6. В плане должно быть предусмотрено такое соглашение, которое позволит стабилизировать международные валютные расчеты.

Для Соединенных Штатов в таком плане заложены следующие преимущества:

а) Это уменьшит или вовсе предотвратит дублирование долгов.

б) Это создаст у Соединенных Штатов финансовую заинтересованность в репарационных платежах центральных держав.

в) Это поставит Соединенные Штаты в такое положение, когда они с полным правом будут выступать в деле репарационных платежей как один из кредиторов.

г) Это устранил из наших международных отношений наиболее опасные и трудные элементы.

д) Это стабилизирует мировые финансы, а мы тем самым почерпнем из этого максимальную выгоду.

е) Это обеспечит значительную часть наших иностранных кредитов, которые иначе утратили бы свою ценность...

Англия и Франция одинаково понимают, что они не смогут получить от государств-должников всю следуемую сумму. Если же они попытаются взыскать эти платежи, то не только нарушат существующие добрые отношения, но и приведут эти страны к банкротству, которое отразится на государствах-кредиторах лишь чуть менее пагубно, чем на государствах-должниках.

Я уверен, что наш народ согласится отнести часть наших иностранных кредитов к военным расходам, особенно если он увидит, что подобным же образом поступили Англия и Франция. Англия дала займы России около трех миллиардов долларов, Франции и Италии она дала займы около четырех

ПОСЛЕ КОНФЕРЕНЦИИ

миллиардов долларов. Она сделала это отнюдь не из любви к России, Франции или Италии. Она это сделала, как бы оплачивая часть собственных военных расходов. Цель состояла в том, чтобы нанести поражение Германии, достигнуть же этого Англии было легче всего, поддерживая своих союзников.

Нами руководили такие же побуждения, и поэтому нам тоже следует усвоить такое отношение. Если мы не добьемся урегулирования расчетов в изложенном мною духе, то несомненно, что нам не удастся полностью взыскать следуемые нам долги и также несомненно, что мы навсегда станем ненавистны тем, кому мы предоставили займы.

Преданный вам Э. М. Хауз.

Р. С. Если будет принят этот или подобный план, необходимо, чтобы в тех странах Европы, долги которых консолидируются Англией и Соединенными Штатами, была остановлена соответствующая налоговая система».

3

В то время как Хауз работал в Лондоне и Париже над укреплением позиций Лиги и ослаблением сил международного недоверия, Вильсон боролся за Лигу, совершая поездку по западным штатам. Он выехал из Вашингтона 3 сентября и произнес более тридцати речей. Каковы были бы результаты его поездки, если бы у него хватило физических сил на то, чтобы перенести такое напряжение после длительной борьбы в Париже, сказать трудно. Но 25 сентября он свалился и был поспешно отвезен в столицу. Силы, боровшиеся за устав, потеряли своего лидера.

По случайному и злосчастному совпадению полковник Хауз тоже заболел в момент, когда сел на пароход, отправлявшийся в Соединенные Штаты. Извещенный телеграммой о тяжелой болезни президента, он рассчитывал вернуться в Вашингтон, надеясь, что ему удастся выступить на заседаниях сенатской комиссии внешних сношений при обсуждении договора. Только теперь он по-настоящему понял, насколько реальна опасность отказа сената ратифицировать договор,

ГЛАВА XXVIII

включая и устав, без внесения обширных оговорок. Между тем в пути состояние здоровья Хауза ухудшилось, а к концу путешествия он совсем ослабел. В момент, когда дело, которому оба они отдавали свои главные силы, взвешивалось на весах судьбы, Вильсон и Хауз были больны, один в Вашингтоне, другой в Нью-Йорке. Почти беспомощный, Хауз не переставал внушать себе, что, если он в состоянии хоть чем-нибудь помочь успеху устава, он отправится в столицу, чтобы выступить в его защиту.

Тем временем в сенате приближалась борьба за ратификацию договора. Тяжелая болезнь президента Вильсона приковала его к Белому дому; ни одному из политических советников не был разрешен доступ к постели больного. Демократические силы, боровшиеся за ратификацию, лишены были должного руководства. Некому было направлять судьбы устава, некому было договариваться о компромиссах с республиканцами в сенате. Президент, естественно, в одиночестве своей спальни не способен был осознать необходимость компромисса для успеха договора и устава; он отказался принять резолюцию Лоджа о существенных оговорках. «По-моему, — писал президент, — в этом виде резолюция способствует не столько ратификации, сколько ликвидации договора. Я искренне надеюсь, что друзья и защитники договора будут голосовать против резолюции Лоджа». Вследствие этих указаний демократы голосовали 19 ноября вместе с «непримиримыми», провалив ратификацию 55 голосами против 39. Если бы демократы поступили вразрез с пожеланиями президента и голосовали за ратификацию договора с оговорками Лоджа, то договор был бы ратифицирован большинством — 81 голос против 13¹.

¹ Когда следующей весной договор был снова поставлен в сенате с оговорками Лоджа, ратификация снова провалилась, так как для необходимого большинства в две трети не хватило семи голосов. Окончательное голосование дало 49 голосов за ратификацию при 35 голосах против. В письме к сенатору Хитчкоку президент Вильсон решительно подтвердил свое нежелание принять оговорки, в особенности какие-либо изменения в статье X устава. Если бы демократы, голосовавшие против ратификации (23 человека), голосовали за ратификацию, договор был бы ратифицирован большинством в 72 голоса против 12.

ПОСЛЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Больной и находившийся вне Вашингтона полковник Хауз не принимал участия в борьбе. В глубине души он считал компромисс необходимым и неизбежным, но ввиду болезни президента он не хотел давать ему советы в этом направлении, несмотря на многочисленные призывы друзей Лиги, которые боялись за судьбу устава¹.

После провала резолюции Лоджа о ратификации с оговорками и такого же решительного провала резолюции Ондервуда о безоговорочной ратификации Хауз понял, что остается лишь один путь спасения устава. Попытка добиться безоговорочной ратификации провалилась. Вильсон считал, что он не может изменить своим парижским коллегам, соглашаясь на оговорки, которые изменят самый дух договора или же дадут Соединенным Штатам преимущественное положение в Лиге. Однако президент мог бы дать сенату свободу действий и согласиться на предъявление союзникам любой резолюции, принятой большинством, предоставив самим союзникам решать, хотят ли они принять эти оговорки или же предпочтут, чтобы Соединенные Штаты остались вне Лиги.

¹ В течение зимы и весны влиятельные защитники Лиги наций убеждали президента в необходимости компромисса. Характерно в этом смысле следующее обращение Союза лиги свободных наций:

«Нижеподписавшиеся, исполненные веры в провозглашенные вами принципы международных отношений, в поддержке которых вас справедливо рассматривают как руководителя мирового общественного мнения, выражают перед вами искреннюю надежду на то, что вы примете такие оговорки к Версальскому договору, какие окажутся необходимыми для того, чтобы добиться согласия сената на его ратификацию, и таким образом обеспечите немедленное присоединение Соединенных Штатов к Лиге наций...

В своем стремлении добиться ратификации договора в том виде, в каком вы подписали его в Париже, вы исполнили свой долг с честью. Ответственность за оговорки, со всеми их недостатками падает на их авторов, а не на автора устава.

Но даже и с оговорками устав, подкрепленный моральной мощью Соединенных Штатов под вашим руководством, представляет в настоящий момент для человечества такую ценность, что мы ждем от вас осуществления его на деле и руководства мировым общественным мнением в его действии».

Среди лиц, подписавших это обращение, были Рей Станнард Бэйкер, Исаяя Боумэн, Стефен Э. Догган, Эдуард А. Файлин, кардинал Гиббонс, Норман Хэпгуд, Гамильтон Холт, Дэвид Хонтер Миллер, Эллери Седжуик и Айда Тарбелл.

ГЛАВА XXVIII

Таким образом был бы устранен личный элемент в борьбе за оговорки, которая по временам казалась конфликтом между Вильсоном и Лоджем. После продолжительных бесед с лордом Грэем Хауз убедился в том, что союзники примут оговорки Лоджа, если Соединенные Штаты только таким образом смогут быть привлечены в состав Лиги. В конце концов успех Лиги наций зависел бы не от той или иной формулировки, не от принятия или отказа от оговорки, а от общественного мнения стран, образовавших Лигу. Для сохранения будущего мира было жизненно необходимо, чтобы Соединенные Штаты не остались в стороне. Если Америка вернется на традиционный путь изоляционизма, тогда всей вильсоновской политике в целом угрожал крах. Все это Хауз изложил президенту в двух пространных письмах.

Письма полковника Хауза президенту

Нью-Йорк, 24 ноября 1919 г.

«Дорогой начальник!

Я не решаюсь беспокоить вас в такое время моими суждениями, но я чувствую, что не исполню своего долга до конца, если не сделаю этого, поскольку так много зависит от вашего решения в отношении договора. Провал этого дела явится не меньшей катастрофой для всей цивилизации, чем и для вас лично.

Я предложил бы следующее: не упоминайте про договор в вашем послании к конгрессу, но верните его сенату, как только возобновится его сессия. Тем временем вызовите сенатора Хитчкока и заявите ему, что, по вашему мнению, вы исполнили свой долг и соблюли все ваши обязательства по отношению к вашим коллегам в Париже, отвергнув все предложения об изменении сформулированного там документа, и что теперь вы возвращаете договор сенату, предоставив ему поступить так, как он сочтет наиболее разумным.

Я рекомендовал бы Хитчкоку попросить сенаторов-демократов голосовать за договор с теми оговорками, какие будут сформулированы большинством, а затем предоставить реше-

ПОСЛЕ КОНФЕРЕНЦИИ

ние дела прочим участникам договора. Я сказал бы сенатору Хитчкоку, что, если союзные и присоединившиеся державы готовы принять оговорки, которые сенат считает необходимым внести, вы подчинитесь этому исходу, сознавая при этом, что вы до конца исполнили свой долг.

Возможно, что союзники не примут договора с нынешними оговорками Лоджа. В таком случае это послужит вам оправданием. Но даже если они и примут их с некоторыми изменениями, то ваша совесть будет чиста. После того как соглашение будет достигнуто, нетрудно будет показать, что в будущем, при практическом действии устава, это не сможет ему особенно помешать и что со временем мы создадим вполне действенный аппарат.

Множество людей — демократов, прогрессистов и республиканцев — обращалось ко мне по поводу ратификации договора; почти все они единодушно считают необходимым утвердить его с оговорками или без них. Рядовому человеку различие между договором и оговорками кажется незначительным.

Разумеется, логика целиком оправдывает вашу позицию и осуждает позицию сената, но, к сожалению, никакой логикой нельзя изменить создавшуюся ситуацию; поэтому я советовал бы больше не спорить, а вернуть договор сенату без комментариев и сообщить при этом сенатору Хитчкоку, что вы ждете ратификации в любой форме, чтобы потом другие участники договора сами решили, принимают ли они это постановление.

История отведет вам высокое место главным образом потому, что вы олицетворяете собою великий идеал Лиги наций. Если этот идеал не будет осуществлен, это окажется вашей неудачей. Ныне миллионы беспомощных людей во всем мире обращают свои взоры к вам, и только к вам, в надежде на осуществление этого идеала.

Преданный вам Э. М. Хауз».

Нью-Йорк, 27 ноября 1919 г.

«Дорогой начальник!

Не знаю, достаточно ли ясно я выразился в моем предыдущем письме к вам.

ГЛАВА XXVIII

Я хотел бы подчеркнуть то обстоятельство, что мой совет не означает капитуляции. По-моему, путь, который я рекомендую, сделает вашу позицию прочной и неуязвимой. Любой иной, мыслимый сейчас, успешный выход означал бы своего рода капитуляцию. Фактически всякий, кто отдает себе полный отчет в ситуации, понимает, что договор не может быть ратифицирован без существенных оговорок. Вы не должны становиться участником этих оговорок. Вы защищали договор в том виде, в каком он был составлен в Париже, но, если при существующих обстоятельствах сенат отказывается ратифицировать его без оговорок, я предоставил бы союзникам самим решить, принимают или отвергают они эти оговорки.

Из этого не следует, что те сенаторы и другие люди, которые стоят за договор, не сделают попытки возможно больше обезвредить оговорки. В равной мере из этого не следует, что союзники примут договор в том виде, в каком этого желает сенатское большинство.

Если вы займете такую позицию, то скорее поможете, нежели помешаете, тем, кто добивается умеренных оговорок. Это, безусловно, обеспечит принятие договора, и притом, вероятно, в такой форме, которая будет приемлема как для вас, так и для союзников.

Это предложение я выдвинул лишь после того, как обсудил его с некоторыми из ваших друзей, к которым, я знаю, вы питаете доверие, ибо дело это имеет столь неизмеримое значение, что я не осмелился полагаться лишь на собственное мое суждение.

В заключение разрешите мне посоветовать, чтобы сенатор Хитчкок был предупрежден не делать каких-либо публичных заявлений относительно ваших взглядов. Когда договор будет ратифицирован, тогда, я надеюсь, вы выступите с заявлением, разъясняющим вашу позицию.

Сейчас, как никогда, я уверен, что ваша позиция будет встречена одобрением во всем мире. С одной стороны, будет подтверждена ваша лояльность нашим союзникам, а с другой — ваше согласие принять оговорки ради того, чтобы не

ПОСЛЕ КОНФЕРЕНЦИИ

убивать договор, будет оценено как поступок великого человека.

Преданный вам Э. М. Хауз».

Ни на одно из этих писем ответа не последовало.

4

Историк, естественно, спросит, не последовал ли Вильсон совету Хауза, обеспечив при этом возможность вступления Соединенных Штатов в Лигу (с оговорками Лоджа), если бы не оказались прерванными личные отношения между ними? В период сенатских дискуссий о договоре оба они были прикованы к постели, когда же Хауз достаточно окреп, чтобы совершить путешествие в Вашингтон, президенту по предписанию его врача все еще нельзя было принимать посетителей.

Верно также, что в ходе мирной конференции в отношениях между Вильсоном и Хаузом наступила известная перемена; поэтому возможно, что помимо физической разобщенности, обусловленной болезнью, советы Хауза могли приниматься уже с меньшей готовностью, чем в прежние времена. Подлинная природа этой перемены и ее причины ни разу не получили исчерпывающего объяснения. Многое из напечатанного по этому поводу, несомненно, неверно. Говорят, что президенту сообщили, будто во время его отъезда из Парижа в феврале Хауз предал вильсоновскую политику и что после этого Вильсон лишил его своего доверия¹. Однако против этого можно указать на тот неопровержимый факт, что вскоре после того, как президент заболел [в апреле 1919 г.], он послал своим заместителем в Совет четырех Хауза и одобрил все шаги Хауза в направлении компромисса. На протяжении всех сложных апрельских переговоров с англичанами и французами м-р Вильсон пользовался полковником Хаузом в качестве посредника. Он просил его разъяснить Клемансо американскую позицию

¹ R. S. Baker, Woodrow Wilson and World Settlement, ch. XVI и XVII. См. выше гл. X, где обсуждается вопрос о недостаточной обоснованности нападок на Хауза и Бальфура.

ГЛАВА XXVIII

по спорным вопросам. Он поручил ему довести до сведения Тардые свои собственные комментарии к французским предложениям, предложив Хаузу предупредить французов, что он не может согласиться на уступки¹. Он посылал ему многочисленные документы, изобиловавшие просьбами: «Не будете ли вы столь любезны, чтобы сообщить свое мнение... Преданный вам...»² «Сообщите мне свои соображения... С чувством преданности»³. И опять-таки: «Я просил бы вас сообщить мне ваши соображения... Преданный вам»⁴. «Что вы предлагаете?.. С чувством признательности»⁵ «Пожалуйста, отблагодарите меня ... от моего имени. Преданный вам»⁶. Вильсон одобрил заключительное заявление полковника Хауза о работе мирной конференции и уполномочил его опубликовать этот документ за своей подписью⁷. Он выбрал Хауза в качестве своего представителя в переговорах с лордом Робертом Сесилем, завершившихся созданием Лиги наций, его излюбленного детища; президент Вильсон командировал его в Лондон для разработки системы мандатов. Все это едва ли было возможно, если бы он утратил доверие к Хаузу.

Говорят также, что однажды президент был раздражен, когда при посещении Хауза в отеле «Крийон» Вильсона непрерывно прерывали визиты других лиц: сперва Клемансо, а затем и другие видные посетители. Ни дневник полковника Хауза, ни его книга посетителей или «вахтенный журнал», который вел моряк, стороживший вход в его апартаменты, не подтверждают эту версию. Когда впоследствии об этом заговорили с Хаузом, он припомнил следующее: «Сперва пришел президент. Через несколько минут нас прервали сообщением о приходе Клемансо, после чего оба мы присоединились к Вильсону, ожидавшему в моем кабинете. Тем

¹ Из письма Вильсона Хаузу от 12 апреля 1919 г.

² Из письма Вильсона Хаузу от 18 марта 1919 г.

³ Из письма Вильсона Хаузу от 20 марта 1919 г.

⁴ Из письма Вильсона Хаузу от 19 апреля 1919 г.

⁵ Из письма Вильсона Хаузу от 13 мая 1919 г.

⁶ Из письма Вильсона Хаузу от 7 июня 1919 г.

⁷ См. выше, стр. 375.

ПОСЛЕ КОНФЕРЕНЦИИ

временем принесли визитные карточки Сесилия и еще двух посетителей. Этим я попросил подождать, пока не ушли Клемансо и Вильсон. Я не придавал никакого значения этому инциденту»¹.

Напомним, что на мирной конференции полковник Хауз впервые сотрудничал с Вильсоном на официальном положении. Там внимательные наблюдатели впервые заметили, во всяком случае им так показалось, наличие некоторого ослабления того абсолютного доверия, какое постоянно существовало между этими двумя людьми. В не меньшей мере справедливо, что во всем архиве Хауза нет ни малейшего доказательства какой-либо особой причины для нарушения их взаимоотношений в ходе мирной конференции. В тот период, как и всегда, они полностью были согласны между собою по всем принципиальным вопросам, между тем как в былые времена, если им случалось расходиться по вопросу о методах или деталях, при этом не наблюдалось и намека на трения. Так, например, при переговорах с Орландо относительно Фиуме президент писал Хаузу:

«Вы проводите такую замечательную и терпеливую работу, чтобы сгладить трудности, что очень трудно не поддерживать вас до конца в уступках... По совести, я не могу согласиться... Преданный вам». С самого начала и до конца, за все время пребывания в Париже, тон записок президента оставался таким же. Ни в одной из них нет и следа перемены. Он неизменно подписывался: «преданный вам» или же просто — «предан»².

То же самое можно сказать о летнем периоде после конференции, когда они расстались 28 июня в Париже, чтобы никогда больше не встретиться вновь. Телеграммы, которыми они обменивались в процессе донесений Хауза о его работе в Лондоне, составлены точно в таком же тоне, как и более ранняя их переписка. Президент пишет: «Я рад, что от вас начали поступать письма... Я полностью удовлетворен при-

¹ Из письма полковника Хауза Чарлзу Сеймуру от 17 июня 1928 г.

² Из писем Вильсона Хаузу от 13, 14, 19 и 24 мая, 7 и 27 июня 1919 г.

ГЛАВА XXVIII

сланными вами материалами по мандатному вопросу... Я действительно очень рад... Я восхищен... Благодарю вас за присылку мне... Я душевно обрадован тому, что речь вам понравилась...»¹ Подписывается он: «преданный вам» и добавляет к этому чисто личные строки: «Надеюсь, вы и ваша семья пребываете в добром здравии. Мы попали в ужасающий шторм со всевозможными неприятностями, но корабль устойчив, и офицеры сохраняют спокойствие. Все шлют вам самые теплые приветы»². Последнее письмо датировано 15 августа 1919 г. и, несомненно, не свидетельствует о каком-либо ухудшении в отношении президента к Хаузу.

В конце августа газеты напечатали рассказ о личном разрыве между Вильсоном и Хаузом. Отношения между ними были такого рода, что, как добрые друзья, они заговорили об этом откровенно. Хауз написал президенту нижеследующее письмо, а впоследствии упомянул о том же самом и в телеграмме.

Письмо полковника Хауза президенту Вильсону

Лондон, 26 августа 1919 г.

«Дорогой начальник!

...Похоже, что произошел наш традиционный ежегодный разрыв. Вчера министерство иностранных дел получило телеграмму, в которой говорится, что мы с вами перестали быть в хороших отношениях и чтобы об этом информировали премьер-министра и Бальфура. Представители прессы сообщили мне, что они тоже получили такие сведения. Не могу понять, откуда исходит эта история в данном случае и почему они хотят, чтобы об этом информировали премьер-министра и Бальфура. Тиррел сказал, что сообщение поступило от одного из их людей, находящихся в Нью-Йорке, а не из Вашингтона.

Преданный вам Э. М. Хауз».

¹ Из писем Вильсона Хаузу от 3, 9 и 18 июля, 23 и 29 августа 1919 г.

² Из письма Вильсона Хаузу от 15 августа 1919 г.

ПОСЛЕ КОНФЕРЕНЦИИ

29 августа президент прислал полковнику Хаузу через американское посольство телеграфное сообщение, содержание которого сводится к следующему:

«Глубоко огорчен злостной выдумкой о разрыве между нами и горячо благодарю вас за ваше письмо по этому поводу. К этой истории лучше всего отнестись с молчаливым презрением»¹.

Случилось так, что в то время сэр Уильям Уайзмэн имел неофициальную беседу с президентом. Его запись об этой беседе содержит интересное свидетельство об отношении м-ра Вильсона к Хаузу, а также о физическом и нервном состоянии президента в момент, когда он готовился к поездке по западным штатам².

«Я был на завтраке в Белом доме за несколько дней перед отъездом Вильсона в его злополучное турне. Президент, как всегда, был очень сердечен. Но меня поразил его вид. Это был явно больной человек. Его лицо осунулось и посерело; судорога часто сводила его черты, когда он с жалким видом пытался овладеть своими нервами, которые не выдержали бремени всемирных бедствий. Я пришел, чтобы рассказать об успехах Лиги в европейских делах и о том, с каким нетерпением Грэй и Тиррел ждут встречи с ним в Вашингтоне...

В моей записи об этой беседе я нашел следующее замечание Вильсона: «Я ни о чем другом не прошу, как только о том, чтобы иметь возможность выступить в собственную защиту перед американским народом». Мы, естественно, много говорили о полковнике Хаузе, причем президент отзывался о нем в высшей степени тепло; в своей записи я нахожу такие выражения: «Полковнику Хаузу, — заметил я, — доверяют все европейские государственные деятели». «И правильно делают, — сказал президент, — ибо он заслуживает доверия».

Президент встал сразу после завтрака, распрощавшись со мною весьма тепло. Больше я его уже никогда не видел. Врачи

¹ Из телеграммы Вильсона Хаузу от 29 августа 1919 г.

² Из письма сэра Уильяма Уайзмэна Чарлзу Сеймуру от 3 июля 1928 г.

ГЛАВА XXVIII

советовали ему отменить поездку и предупреждали его о почти неминуемой опасности полного упадка сил. Но он был убежден в том, что долг призывает его изложить свои взгляды перед американским народом, и удержать его от этого нельзя было никакими средствами».

Спустя четыре дня после отправки Хаузу последней телеграммы президент Вильсон выехал в западное турне, закончившееся тяжелым заболеванием. Все дни он проводил в пути, выступая каждый вечер; у него не было возможности писать полковнику.

На протяжении октября оба они были больны. Возникает, однако, вопрос, почему после того, как Хауз оправился, он не был приглашен в Вашингтон к постели больного человека. Архив полковника Хауза показывает, что он ждал вызова. Из бумаг видно также, что он понимал, насколько тяжело болен президент, и что ввиду такого состояния его здоровья он имеет право приехать туда без особого приглашения. Но в этих бумагах нет никакого объяснения, почему приглашение так и не последовало.

Одно несомненно, что между ними ни разу не намечалось ссоры. Трижды после провала договора полковник Хауз получал записки от президента, которыми тот отвечал на письма полковника, содержавшие добрые пожелания и надежды на его полное выздоровление; эти записки президента датированы 11 марта 1920 г., 10 июня 1920 г. и 1 ноября 1920 г. Тон всех записок президента дружественный: «Благодарю вас за ваше письмо... Надеюсь, что вы и г-жа Хауз и все ваши родные находятся в добром здравии...»¹ «Я рад, что вы развлечетесь морским путешествием... Надеюсь, вы получите полное удовольствие... С наилучшими пожеланиями...»² «Благодарю вас за то, что вы вспомнили обо мне...»³ Однако письма были подписаны: «признательный вам» или «искренне ваш», но не «преданный вам».

Итак, у них произошло охлаждение, но они не порывали

¹ Из письма Вильсона Хаузу от 11 марта 1920 г.

² Из письма Вильсона Хаузу от 10 июня 1920 г.

³ Из письма Вильсона Хаузу от 1 ноября 1920 г.

ПОСЛЕ КОНФЕРЕНЦИИ

друг с другом. Драматическое свойство этого исключительного содружества, с которым оба они прошли через столько исторических кризисов, становится скорее более рельефным, чем тусклым, именно потому, что конец этого содружества не может быть правильно объяснен. «Мир будет продолжать разгадывать эту загадку, — писал сэр Хорэс Планкетт¹, — но преобладать будет более возвышенное понимание. Сквозь туман «тайны», оставленной Хаузом в наследство грядущему поколению, всегда будет просвечивать луч несомненной истины. Неправдоподобно, чтобы дружба, устоявшая перед столь многочисленными, столь разнообразными и столь трудными испытаниями, не принесла своих плодов вследствие охлаждения с одной или другой стороны. Эта дружба родилась поздно, но жила полноценной жизнью. Пораженная болезнью, она не могла проявиться, но она не умерла».

5

«Много врат было в храмах, — писал Хауз 20 апреля 1928 г.², — где в старину люди зывали к своим богам, к солнцу, к луне, к мифическим божествам Изиде, Юпитеру, Марсу. Позади последних врат сокрыты были таинства.

А теперь вы, который получил доступ к самым интимным моим бумагам, просите меня отпереть последние врата, от которых у меня нет ключа. Охлаждение между мной и Вудро Вильсоном было и остается для меня трагической тайной, тайной, которую уже никогда не удастся раскрыть, потому что ключ к ней погребен вместе с ним. Я могу догадываться, но это должно оставаться догадками. Они вам известны.

Ни разу за все годы нашей совместной работы между нами не было ни написано, ни сказано нелюбезного или нетерпеливого слова, и для меня это останется постоянным утешением.

¹ Из письма сэра Хорэса Планкетта Чарлзу Сеймуру от 6 июля 1928 г.

² Из письма Чарлзу Сеймуру.

ГЛАВА XXVIII

И хотя наша дружба была недолгой, она была настолько близкой, насколько может быть дружба между людьми. Об этом молчаливо свидетельствуют его и мои письма. Пока между нами не легла тень, я не имел более внимательного друга, и моя преданность его памяти остается и останется неизменной».

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЕ
*ТИПИЧНАЯ СТРАНИЦА ИЗ КНИГИ ПОСЕТИТЕЛЕЙ,
ХРАНИВШЕЙСЯ У СЕКРЕТАРЯ ПРИЕМНОЙ ХАУЗА
В ОТЕЛЕ «КРИЙОН»,
ЗА 18 МАРТА 1919 г.*

Время прихода

9.15 М-р Рапард

9.35 М-р Фрэйзир

9.35 М-р Штраус

9.45 Сэр Уильям Уайзмэн

9.50 Адмирал Бенсон

9.50 М-р Шелдон

9.50 М-р Норман Дейвис

10.10 М-р Пибоди

10.15 М-р Р. Г. Лорд

10.20 М-р Галавриас

10.35 М-р Грегори

10.35 М-р Деспри

10.50 М-р Мелвил Стоун

10.55 Полковник Шэннон

10.55 М-р Штраус

ПРИЛОЖЕНИЕ

- 11.00 Капитан Уолтер Г. Дейвис
- 11.10. Генерал Черчилль
- 11.15 М-р Т. У. Ламонт
- 11.40 М-р Джэймс
- 11.55 Адмирал Бенсон
- 12.05 Командир Аллен
- 12.10 Лорд Роберт Сесиль
- 12.15 М-р Рапард
- М-р Лансинг
- М-р Д. Х. Миллер
- 12.25 М-р Г. Уикхэм Сид
- 12.55 Посол Уиллард
- 1.45 Полковник Уоллэс
- 2.20 М-р Э. Т. Уильямс
- 2.35 М-р Вэнс Ч. Мак-Кормик
- 2.50 М-р Уллахан
- 2.55 Президент Вильсон
- 3.00 М-р Ллойд Джордж
- 3.00 Сэр Морис Хэнки
- 3.00 М-сье Клемансо
- 3.00 М-сье Андре Тардьё
- 3.00 Сэр Филипп Керр
- 3.30 М-р Фергюссон
- 3.37 Судья М. Б. Паркер
- 4.10 М-р Норман Дейвис и м-р Дж. М. Кейнс
- 4.20 Лорд Сомнер
- 4.35 Генерал Ричардсон

ПРИЛОЖЕНИЕ

4.55 М-р Г. Уикхэм Стив

5.05 Испанский посол

5.20 М-сье Поль Гииманс

5.30 Барон Макино, граф Хинда

5.30 М-р Дэвисон

6.05 10 газетных репортеров

6.50 М-р Мак-Кормик

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ

- Глава I* Вступление в мировую войну
- Глава II* Миссия Бальфура
- Глава III* Тардье и Нортклиф
- Глава IV* Финансы и снабжение
- Глава V* Цели войны и пропаганда
- Глава VI* Мирные предложения папы
- Глава VII* Американская военная миссия
- Глава VIII* Совещания в Лондоне
- Глава IX* Верховный военный совет
- Глава X* Согласование усилий
- Глава XI* «Четырнадцать пунктов» президента Вильсона
- Глава XII* Слухи о мире
- Глава XIII* Русская загадка
- Глава XIV* Сила без ограничения, без предела!
- Глава XV* Провозвестники устава Лиги Наций
- Глава XVI* Первые американские проекты устава
- Глава XVII* Начало конца
- Глава XVIII* Совещания о перемирии
- Глава XIX* Германия сдается

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава XX Триумф «четырнадцати пунктов»

Глава XXI В ожидании мирной конференции

Глава XXII Созыв мирной конференции

Глава XXIII Составление устава

Глава XXIV Ускорение подготовки текста мирного договора

Глава XXV Кризис и компромисс

Глава XXVI Фиуме и шаньдун

Глава XXVII Версаль

Глава XXVIII После конференции

Научно-популярное издание

Историческая библиотека

АРХИВ ПОЛКОВНИКА ХАУЗА

Избранное в двух томах Т. 2

Зав. редакцией *Т. Минеджян*

Редактор *И. Александров*

Художественный редактор *Л. Сильянова*

Технический редактор *Т. Тимошина*

Корректор *А. Князева*

Компьютерная верстка *Е. Бондаревой*

ООО «Издательство АСТ»

667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, 28

ООО «Издательство Астрель»

143900, Московская обл., г. Балашиха, пр-т Ленина, 81

Наши электронные адреса:

www.ast.ru E-mail: astpub@aha.ru

Редакция приглашает к сотрудничеству авторов:

E-mail редакции: artshist@arstrel.ru;

tatyanam@astrel.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии

ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати»

443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Почти столетие назад полковник Хауз, второй по величине человек в американской правящей элите при президенте Вильсоне, выступал за расчленение России. Он был убежден, что мир будет жить спокойнее, если вместо огромной страны будут четыре: одна — Сибирь, а остальные — поделенная европейская часть бывшей империи. Но Хауз был против военной интервенции в России.

Одним из главных пиков воздействия Хауза на мировую историю было отстаивание им американских позиций на Парижской мирной конференции и его участие в составлении Версальского договора, который США так и не ратифицировали. Из-под пера полковника Хауза вышел первый проект устава Лиги Наций. Создание этой международной организации, призванной служить гарантом мира и безопасности, стало детищем президента США Вильсона. Но возглавляемая им звездно-полосатая республика не пожелала связать себя участием в ней.

Ты взял в руки, читатель, увлекательные записки полковника Хауза, одного из людей, про которых французы говорят «эминанс гри» — прячущаяся от глаз сила. Оставаясь в тени, зачастую не известными публике, они вершат судьбами миллионов.

Историческая библиотека

ISBN 5-17-025225-0

9 785170 252251